

Содержание

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

У Ч Р Е Д И Т Е Л И:

Союз писателей России
ООО "ИПО писателей"

Международный фонд
славянской письменности
и культуры

Издается с 1956 года

Главный редактор
Станислав КУНЬЯВ

Общественный совет:

В. И. БЕЛОВ,
Ю. В. БОНДАРЕВ,
А. В. ВОРОНЦОВ,
В. Н. ГАНИЧЕВ,
Г. Я. ГОРБОВСКИЙ,
Г. М. ГУСЕВ,
Т. В. ДОРОНИНА,
С. Н. ЕСИН,
Л. Г. ИВАШОВ,
С. Г. КАРА-МУРЗА,
В. Н. КРУПИН,
А. Н. КРУТОВ,
А. А. ЛИХАНОВ,
М. П. ЛОБАНОВ,
Ю. М. ЛОЩИЦ,
С. А. НЕБОЛЬСИН,
Ю. М. ПАВЛОВ,
И. И. ПЕРЕВЕРЗИН,
В. Д. ПОПОВ,
В. Г. РАСПУТИН,
Е. С. САВЧЕНКО,
А. Ю. СЕГЕНЬ,
В. В. СОРОКИН,
С. А. СЫРНЕВА,
А. Ю. УБОГИЙ,
Р. М. ХАРИС,
М. А. ЧВАНОВ

Проза

- Александр СЕМЁНОВ
Зной. Рассказы 6
- Александр ЛЕБЕДЕВ
Проверка на прочность
Рассказ 31
- Михаил ПОПОВ
Встречный марш. Рассказ 41
- Алексей ВУЛЬФОВ
Под музыку гаврилиных
перезвонов
Рассказ 54
- Валерий ПРОЦЕНКО
Подушка безопасности
Рассказ 58

Поэзия

- Николай КОНОВСКОЙ
Поёт безумная сирень 3
- Валерий ХАТЮШИН
Помни! 27
- Виталий КРЁКОВ
Кроткая душа 38
- Евгений АРТЮХОВ
Неужто слава отсыяла? 51

Очерк и публицистика

- Владимир ПОПОВ
На углу Краловских Виноградов
и Банного переулка 114
- Дмитрий ВОЛОДИХИН
Кризис как надежда
на очищение 125
- Ксения МЯЛО
Всего 20 лет — уже 20 лет
(окончание) 131
- Александр СЕВАСТЬЯНОВ
Расчленители 146
- Альберт УСТИНОВ
О простом
советском человеке... 173
- Иван ДРОНОВ
Утопия и Устав 182

Редакция

Приемная —
(495) 621-48-71

А. И. Казинцев —
зам. главного редактора —
(495) 625-01-81

Е. В. Шишкин —
зав. отделом прозы —
(495) 625-30-47

С. С. Куняев —
зав. отделом критики,
отдел поэзии —
(495) 625-02-81

Отдел публицистики —
(495) 625-30-47

Н. С. Соколова —
зав. редакцией —
(495) 621-48-71,
факс (495) 625-01-71

Г. В. Мараканов —
зав. техническим центром —
(495) 621-43-59

М. А. Чуприкова —
гл. бухгалтер —
(495) 625-89-95

Дневник современника

Александр КАЗИНЦЕВ
Поезд убирается в тупик 83

Память

Сергей КУНЯЕВ
“Ты, жгучий
отпрыск Аввакума...” 64

Владимир СМЫК
Дмитрий Дудко —
молитвенник за Россию 253

Критика

Станислав КУНЯЕВ
“В борьбе неравной
двух сердец” 203

Дмитрий УРНОВ
Как Сталин
“Гамлета” запретил 218

Среди русских художников

Анатолий РОГОВ
Волга и леший 237

Слово писателей

“Русское эхо разнесёт” 261

Редакция внимательно знакомится с письмами читателей и регулярно публикует лучшие, наиболее интересные из них в обширных подборках не реже двух раз в год. Каждая рукопись внимательно рассматривается и может, по желанию автора, быть возвращена ему редакцией при условии, что объем рукописи по прозе — не менее 10 а. л., поэзии — 5 а. л., публицистике — 3 а. л. Срок хранения рукописей прозы 2 года, поэзии и публицистики — 1,5 года. За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Компьютерная вёрстка: Г. В. Мараканов

Операторы: Е. Я. Закирова, Н. С. Полякова

Корректор: С. А. Артамонова

Зарегистрирован Мининформпечати Российской Федерации 20.06.03. ПИ № 77-15675.

Подписано в печать 01.02.12. Формат 70x108 1/16. Бумага газетная.

Офсетная печать. Усл. печ. л. 25,4. Уч.-изд. л. 23,7. Заказ № 529. Тираж 9200 экз.

Адрес редакции: Москва, 127994, Цветной бульвар, д. 32, стр. 2.

Адрес журнала в интернете: www.nash-sovremennik.ru
e-mail: n-sovrem@yandex.ru

(Рукописи по e-mail не принимаются)

Отпечатано в типографии ОАО “Издательский дом “Красная звезда”,
123007, г. Москва, Хорошевское шоссе, 38. www.redstarph.ru

НИКОЛАЙ КОНОВСКОЙ

ПОЁТ БЕЗУМНАЯ СИРЕНЬ

СЛОВО

Когда пробыёт над нами час возмездья,
И мы уйдём в глухую ночь забвенья,
Свой кров и свой очаг, своё пространство
Освобождая чужеземцам пришлым,
Что́ я скажу: не жаль нас, ибо мы
Превысили долготерпенье Божье,
Пролузгали, пропили, проплевали,
Распродали на улицах — и вот
Посеянное нами пожинаем...
А жаль чего единственно — язык,
Родную речь, божественное слово,
Что как алмаз, соделанный брильянтом
Руками мастеров и духовидцев,
В грязь упадёт и молча при дороге
Затопчется пятою иноверца...

КОНОВСКОЙ Николай Иванович родился в селе Варваровка Алексеевского района Белгородской области. Окончил Литературный институт имени Горького. Автор книг "Равнина", "Твердь", "Зрак", "Врата вечности", подборок в периодической печати. Член Союза писателей России. Живёт в Москве.

ВОЗРОЖДЕНИЕ (Рассказ попутчика)

“...Неплохо раньше жили. Наш район
При прежней власти, ну, при коммунистах,
Стройтрест имел и молокозавод,
Хлебозавод, химмаш, сельмаш и даже
Завод кроватный, чтобы было чем
Народу заниматься ночью и
Плодилось население, и тюрьма
Имелась на окраине, — ну, всё
Чтоб было, как у всех людей. Тогда
В колхозах, при “совке”, клочка земли
Вам было не найти непаханой, теперь
Как будто бы Мамай везде прошёл, народ
Изверился и выродился. Те,
Что не пропили ум ещё, с сумой
Батраческой пошли по белу свету,
А остальным и срам прикрыть-то нечем...
Одна тюрьма осталась здесь в районе
Да для начальства офисы — увидишь,
Как будешь проезжать; ещё забыл
Сказать — построили две церкви,
Стоят пустые”.

Плакать иль смеяться?

ПЕТЕРБУРГ

Как нищему подарок драгоценный,
Сон наяву, — каким-то Божьим чудом
Был даден на неделю этот город
С его имперским выпренним величием,
С его Невою и Адмиралтейством,
С его садами, парками, дворцами
И грозным Медным всадником, змею
Не раздавившим, ту, чьё злое семя
Смертельно через двести лет Россию
Ужалит...
И великий чудный город
Похож был на божественное тело,
Оставленное духом. И ни Зимний,
Ни столп Александрийский, ни Нева,
Ни в высоте пустынной Исаакий,
Ни самодержцев вещице гробницы,
И прочее, и прочее — ничто
Отрадного мечтания во мне
Не шевелило так, как вдалеке
На острове, средь вечности и тлена
На городском ветшающем кладбище
Смиренная часовенка — приют
И келья, где блаженная жилица
Скорбящих утешает, где покой,
Прозренье и раскаянье, где ты
Под неприятным леденящим небом
Среди простых, потерянных, убогих
Вдруг понимаешь, — кто, зачем ты сам
И всё вокруг на этом белом свете...

* * *

Семнадцать лет. Цветущий май...
Не вспоминай. Не вспоминай!

Река. Дремучая ветла.
Благоухание тепла.

Войти. Взойти. Вобратъ. Объять.
Колелется живая гладь.

Всё — свет, всё — мрак, всё — жизнь, всё — тлен, —
Поёт безумная сирень.

Как сон — душа твоя близка.
Руки пугается рука.

Души касается душа.
Боль первозданна и свежа.

В смерть — отворённое окно...
Давным-давно, давным-давно.

УШЕДШИМ

Не странно ли: кого любили,
В глухие пропасти земли
Ушедши, дверь не затворили,
А может, вовсе не ушли.

Не странно ли: в закрытой зоне,
В незаходящем свете дня
Душа моя, как на ладони,
У вас, а ваша — у меня...

ПЕПЕЛ

Тихий пепел сгоревшего дня.
Ни души, ни тебя, ни меня.

Не ищи, не свищи, не взыщи:
Ни меня, ни тебя, ни души.

Ах, когда-то, когда-то была
Ты как день восходящий бела,

И тиха, и проста, и чиста,
Как в ключах потаённых вода.

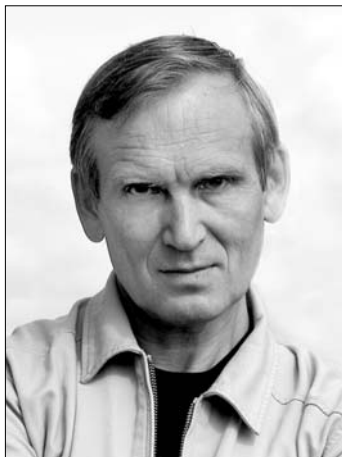
Уносился в бездонную даль
И звенел осиянный хрусталь,

И тобою одною дыша,
Трепетала от муки душа,

И твоя — в нестерпимом огне —
Нисходя, растворялась во мне...

Сколько мук, сколько рук, сколько лет!..
Только синь, только жизнь, только свет.

АЛЕКСАНДР СЕМЁНОВ

ЗНОЙ

РАССКАЗ

В последний раз дождь окропил степную землю на Троицу, и с тех пор высохло, выцвело небо, ни капли не уронило. Спозаранку из-за лысой пока-той горы взмоет ввысь огненным китайским драконом солнце, нависнет над деревней и раскалится добела. Серебристые ковыли и те никнут под палящи-ми лучами. Людям не в диковину такая сухмень, привычны к знойному лету, но к концу июля возроптали и самые терпеливые. За что наказание Господ-не? Чахнет картошка, выгорают сенокосы, на тощие хлеба глазам смотреть больно. Речушка за околицей едва перекачивается по камням — до запруды, устроенной ребятней в зарослях краснотала. А ниже и вовсе пересохла, не-живая вода едва проблескивает в глубоких ямах. Всею живому в опаленной жаром степи и она — отрада. Всяк к ней, спасительной, нынче стремится: и птица летучая, и зверь бегучий, и гад ползучий. Одна речка оживляет без-брежное волнистое полотно: каменистые, поблекшие маньчжурские сопки плавно перетекают в широкие распадки, усеянные соляными разводами вы-сохших озер. Стекло марево зыбко дрожит, колышется над очерствелой землей — что на недалекую чужбину, что на родную сторонку.

В деревне дом Шишмаревых из всех других выделяется — на косогоре стоит и собой улицу замыкает. Видное и ладное место подыскали ему хозя-ева. Весной хлынут талые воды по склонам, а дому как с гуся вода, только плетень и подмоют. А на великую сушь — колодец есть, большая в этих мес-

СЕМЁНОВ Александр Михайлович родился в 1954 году в Читинской области. Служил в рядах Советской Армии, после демобилизации в 1974 году поступил на факультет журналистики Иркутского государственного университета. Автор книг прозы “Вольные кони”, “Поминай как звали”, “Кара небесная” и других. Лауреат Всероссийской литературной премии имени И. А. Бунина. Член Союза писателей России. Живет в Иркутске.

тах редкость. Видать, в том месте изглуби пробивается на поверхность чистый ключик. Но напоить досыта может лишь одну семью. На еду его воды Шишмаревым хватает, а на огород, на баню и другие какие нужды пользуются привозной, взятой с водочаки: жесткой и безвкусной.

Хорош дом. Три окна, обряженные резными наличниками, смотрят сквозь черемуховый лист на улицу. Всю деревенскую жизнь видят, а свою скрывают. Василию Шишмареву, хозяину, он от отца достался, а тому — от родителя, посланного сюда утвердить казачье поселение. Век отстоял и еще на один хватит. Крепки серебряного цвета бревна, прокаленные солнцем и морозом. Каким его дед срубил, таким дом и остался. Всего и отличия, что года три назад поменял Василий покوروبившееся листовничное дранье на шифер. До сих пор не может привыкнуть к новой крыше, ненадежной кажется.

У крепких высоких ворот прилажена чуть сбоку скамейка с резной спинкой — причуда хозяина. Да вот только сидеть на ней стало некому. А бывало, приходилось табуретки выносить, как соберутся вечерком бабы — посудачить, мужики — покурить. Очень уж приятный вид открывается отсюда, с косогора, на родную деревню. Ничем неестественному глазу легко и просторно окидывать ее всю разом. Нынче лишь маленький лысый пятачок у скамьи сохранился, затянута все кругом гусяная трава, раньше вытаптываемая множеством ног. Теперь редко кто мимо палисада проходит, да и то с оглядкой. Беда подселилась к Шишмаревым.

В полдень катит по пыльной улице на черном велосипеде почтальонка Катерина, то к одному, то к другому подворью подвернет, не слезая с седелки, сунет в ящик газетку или конверт, оттолкнется рукой от забора и дальше катит. До косогора доехав, уронила велосипед на обочине, сбросила походившую сумку и торопко побежала вверх по тропинке. Крепко запертым воротам поклонилась, изловчилась было быстро сунуть почту в щель, продланную в толстой доске, а они возьми и распахнись. Из внезапно возникшей пустоты надвинулось на Катерину бескровное искаженное лицо: корежатся сохлые губы, плаваются в безумном огне зрачки, отливает могильной синевой переносица. Батюшки светь! Хозяйская дочь! Отпрянула от нее Катерина, да увернуться не успела. Коршуном метнулась к ней полоумная, вцепилась судорожными пальцами в плечо — затрещала по шву тонкая блузка. Полетела в пыль смятая газета.

— Отстань! — подрезанно вскрикнула Катерина и едва успела прикрыть ладонью глаза.

Полоумная вжала ее в палисадник, спиной на заостренные штакетины, хлещет свободной рукой наотмашь. Белугой ревет Катерина, вырывается, а поделать ничего не может — безумная сила навалилась на нее. Страх оковал тело, в глазах все смешалось. Уж и не уворачивается от ударов.

На ее спасение, бежит наискосок по косогору мать сумасшедшей — Валентина, издала вопит что есть мочи. Как знала, что в этот час на дочку затмение найдет. С утра еще приглядывалась, мыслимо, четвертую неделю несут светная жара стоит. Тут и здоровому голову напечет до умопомрачения. Подскочила она Катерину отбивать, а та, воспрянув, изловчилась, крутнулась на месте, оставила в руках дурочки рукав блузки.

Валентина дочь в спину толкает, за руки ловит, не может сразу сладить, но еле-еле утартала обратно в избу. Катерина на скамейке от пережитого страха и обиды плачет, да еще блузку жаль.

— И-испластала, и-изорвала всю, — причитает она под жарким солнцем, оглаживая свое голое плечо. — Да пропади все пропадом, откажусь вам почту носить, не нанималась...

— Ой-ойёшеньки, что ж она натворила, — присоединяется к ней плаксивый голос Валентины. Она страдальчески смотрит на пухлое, в багровых вмятинах плечо. — Ты уж, Катерина, прости меня, не доглядела. Ну, что взять с дурочки. А за почтой буду теперь сама заходить. И блузку материей тебе возвращу.

Валентина комкает в кулаке оторванный рукав, не зная, куда пристроить, и незаметно подсовывает его Катерине на колени. На ярком солнце слезы быстро сохнут. Всклигнула охрипшим горлом в последний раз, бросила

украдкой взгляд на горемычную Валентину. На дневном свету видно, как по-чернела, остарела лицом молодая еще баба, когда-то первая красавица на деревне. Пристарушилась, набросила себе годков прежде времени. Ну да горе и не таких красивых укачивало. И видючи это, обернула свои страдания на Валентину. Чем она судьбу прогневила, откуда напасть такая свалилась? И помимо воли текут другие успокаивающие мысли: хоть у нее дома все ладно, мужик пить бросил, дети здоровы и корова — молочница. А давно ли завидки брали, как Шишмариха счастливо живет.

— Да что теперь, — вздыхает она, чувствуя, что и дышится посвободнее, и полегче на душе, — иди, тебе надо, а то твоя весь дом перевернет, — и с опаской косится на окна. — Горе-горюшко, опять на нее накатило...

Прикрывая рукой нажатое солнцем плечо, медленно спускается с косогора, и Валентина провожает ее долгим беспокойным взглядом. В избу идти надо, а ноги не несут. Страшно признаться, что сама боится буйной дочери.

С весны третий год пошел, как вползла в Наталью страшная болезнь. И подсекла под корень их налаженную жизнь. С того самого мучительного дня, как привезли дочь из далекого города. Всего-то годок проучилась там, в институте — и тронулась рассудком. Люди в деревне разные догадки строят, кто ближе, кто дальше к истине. У Шишмаревых один ответ — от учебы, мол. Скрывают правду.

С усилием одолевая каждую ступеньку, поднялась Валентина на крыльцо, встала в сенях, прислушиваясь. Беснуется в горнице дочь, рвет и мечет, успокоить бы надо, а как? Не ровен час и на мать набросится. Но делать нечего, надо идти. Ни на чьи плечи беду эту не переложить, до самого гроба нести. Измучила сердце колючая боль, а разделить не с кем. Не у кого попросить помощи. Об убогой попросить у Бога? Да как рассказали, с той поры ни церкви, ни иконы в избе, ни креста на груди. Всех разбожили. Нет у Валентины Бога, есть ли она у него?

Вздыхнув тяжело, запирает дверь на все замочки, садится на стул у окна и следит, как мечется по избе дочка. Пока не выбегается, не успокоится. Надо ждать. Вернется с работы муж, станет легче. Вдвоем, ежели что, повязать дочку можно.

Василий приезжает рано, едва малиновое солнце трогает гребень сопки. Сенокосчики нынче скребут чахлую траву по низинам, у самой речки. Скрипнули распахнутые ворота. Валентина, не выходя встречать, проследила в окно, как он вкатывает во двор мотоцикл, охлопывает себя от пыли, сбрасывает на крыльце пыльные сапоги. И, слышав, как он босиком шлепает в сенях, спешит предупредить, открыть заложенную дверь. Мужик с работы вернулся, а не радостно, как бывало. Мглисто, холодно на сердце.

Наталья притихла в своей комнате, и звук отбрасываемых крючков слышен Василию с той стороны двери. Он ежится, точно за ворот рубахи сыплется сухая сенная труха, медленно переступает порог. На худых щеках вспухают желваки, взгляд тускнеет при виде жены.

— Опять Наталью забрало? — пряча глаза, глухо спрашивает он Валентину и старается не смотреть на светелку дочери. Оттуда доносится треск рвущейся ткани.

— Пикейное одеяло распускает, — испуганно шепчет Валентина, комкая ворот платья. — Откуда только силы берутся. Давеча почтальонку отмузуила...

Василий остановившимся взглядом смотрит на полуоткрытую дверь, наконец, решается и идет к дочери. Завидев его, Наталья спрыгивает с кровати, отбрасывает остатки одеяла, дико вскрикивает и, захлебываясь, лопочет, а о чем — понять не дано.

— Доча, — тянет он к ней руки, но она неуловимым, кошачьим движением отбрасывает их. Слепая безумная ярость плещется в огромных мрачных глазах. Отпрыгивает в угол. Василий пьтается, захлопывает обе створки двери и закрывает на прочный, им самим излаженный засов.

— Деточка, кровиночка, да что же нам делать, искалечится же, — всхлипывает Валентина. На что Василий устало говорит:

— Будто не знаешь что, беги, звони, пока контору на ночь не закрыли.

Валентина, будто только и ждала этих слов, спохватывается, выбегает на улицу. Жара спала, но земле и за ночь не остыть. Сухой нагретый солнцем воздух неподвижно стоит над ней. На бегу она заполошно думает, что по времени пастух вот-вот коров пригонит. А еще огород не полит, муж не кормлен. Но беда подгоняет ее, надо успеть дозвониться до района. Один телефон на всю деревню.

Полпути не пробежала, навстречу машина председателя катит. Обычно проедет, не заметит, а тут не поленился, тормознул, высунул в окошко мордастую голову:

— Ты, Валентина, укороти дочь, а то бабы по деревне страсти разносят! Задохнулась Валентина, никогда прежде не попрекал ее председатель — что вот и в их деревне своя дурочка появилась.

— Так ведь, Иван Митрофанович, не собака же, дочь, на цепь не посадишь, — ответила дерзко.

— Дождешься какой беды, не взъщи, но думай, а то я власть употреблю!

Валентина в ответ лишь рукой махнула и дальше бежать. Прошлой осенью не сумела дозвониться, пришлось двух мужиков нанимать, дочь в лечебницу везти. Дорога не близкая — сорок километров на попутном грузовике. Совсем плохо тогда была Наталья, пришлось даже руки вязать. Будто партизанку, выводили ее из избы, усаживали в кабину. С обоих боков мужики уселись, плечами прижали. Пришлось Валентине в кузове пыль глотать. А дочка возьми да сообрази, даром что помраченная, — конвоиры-то неопытные. Упросила их руки развязать. Они только посмеивались: и, правда, куда ты от нас убежишь? Но едва высвободили Наталью от пут, она как влепит левому правой и наоборот. Машина дернулась, остановилась. Валентина чувствует неладное, слышит — в кабине раздается сопение и кряхтение. Глянула в заднее оконце, а они ей уже руки крутят. Спрыгнула наземь, кинулась разнимать. Осатанели мужики, не было бы ее, отколотили б Наталью.

Торопится Валентина к конторе, сердце заходится. Об одном молит про себя: лишь бы Володька, чернявенький да бравенький милиционер, на месте оказался. Он свой, местный, поймет и поможет. Участковым служил здесь, пока в райцентр не перевели. Последней опоры лишили. Один он выручал, как беда присплет — впадет дочка в буйство, — сейчас же Валентина бежит к нему: помогай. А он безотказный — надо так надо.

В избу войдет, фуражку на гвоздик пристроит, сапоги тряпкой обмахнет, руки сполоснет и чуб казацкий расчешет. Постучит в запертую снаружи дверь светелки.

— Натаха, бравая деваха, на мне красная рубаха, отчего прячешься от меня!

За дверью — радостный визг, шуршанье, стукоток босых пяток. А секунду назад по комнате стулья летали и шторки рвались.

— Счас схвачу, защекочу! — кричит ей и делает вид, что рвет ручку двери.

В светелке еще пуще суматоха поднимается. Будто там не одна Наталья носится, а целый табунок подружек. Наконец, установится тишина — знак, что можно войти. Володька шасть за порог, а дочка уж ему навстречу павой выступает. В белом выпускном платье, в новых туфлях, с бантом на голове, теперь уже коротко стриженной. И вся светится, дуреха, как невеста на выданье. И куда только дурь девается. Валентина, когда ее впервые такой увидела, слезами облилась. Не было на деревне девки краше, не было смысленее, да все — и ум, и красу окаянная болезнь смысла.

У Натальи платье мято, туфли на босу ногу и пряжки не застегнуты, бант набекрень. Смех и грех. А Володьке хоть бы что, хохотнет, выслушав ее тарабарщину, и сам ввернет чепуховое словцо. В разговор свой родителей не допускают, лопочут будто два басурмана. И такое в эти минуты между ними согласие.

Валентине всегда непонятно было, откуда берется в человеке такое понимание, такое душевное равновесие. Родные мать и отец не знают, как с убогой обходиться, а ему никакого труда. Прямо лекарь. Ну да Володька — парень сердцем чистый. Недаром Наталья ни на кого другого и не взглянет. Слу-

чится, обознается, вопьется глазами в окно, забормочет, а разглядит и погаснет. Уйдет в свою комнату, устанется в пустой угол и сидит. О чем думает?

Столько Володька им добра сделал, столько помогал — вовек не расплатиться. Да и чем заплатить-то? Кто бы, кроме него, стал с Натальей возиться, да еще насмешки от деревенских терпеть. А ведь ни разу не отказался, не сослался на службу или какую другую причину. Не через свою ли безработность и потерпел: жена, спутавшись с другим, ушла.

Так вот, посидят они часок друг с дружкой, поговорят на вывихнутом языке, и подыщет Володька подходящую минутку, предложит:

— Эх, Натаха, небесна птаха, и прокачу я тебя на мотоцикле. Поедем? — Едем, едем! — эхом откликается она.

Рада-радехонька, что он ее из опостылевшей комнаты на волю вывезет. Сама и вещички соберет, какие скажут, сядет в мотоциклетную коляску и покатит в дурдом, подлечиться. Это и чудно: никто ведь ей о том ни полсловечка, неужто на все заранее согласна, даже на обман, лишь бы с Володькой подольше побыть? Поди тут, разберись. Да и что гадать. Сегодня нормальный человек — потемки, а ущербный тем более.

Запахавшись, Валентина вбегает в контору и, оставляя на свежесмытом полу пыльные следы, спешит прямиком в диспетчерскую. За пультом, на крутящемся стуле сидит Колька Лопатин. У него вся связь в руках, к нему все новости по проводам стекаются. И не только. Кто-кто, а он уж давно знает, что у Шишмаревых стряслось.

— Что, тетка Валя, опять наладилась в район звонить? — встречает он ее насмешкой. — Видать, Натаха-то приревновала почталонку к кому.

От Кольки вреда не увидеть, грех на него обижаться. Это он по молодости лет баламутит, да найдется какая-нибудь, охомукает и поведение его выправит. Валентина ко всему терпимой стала за последние годы, вроде лишили ее такого права — на кого-то обижаться.

— Так нечего и объяснять, раз сам все знаешь. Выручать девку надо, жалко, — держит она слезы близко у глаз, более по привычке — и без них не откажет.

Колька накручивает диск телефона, связывается с девчонками на районном коммутаторе, добивается, чтобы его соединили с милицией. Валентина с надеждой смотрит на него, пытается определить, что там ему отвечают. Но в трубке громко трещит, шелкает, будто кто балуется в степи с проводами.

— Дежурный! Пылев на месте?! — кричит Колька как оглашенный. — Позови, у меня дело срочное. Вышел? Куда? Я откуда? От верблюда. Лопатин я, из Макеевки. Ты там новенький, что ли?

Пожимает плечами, корчит рожу невидимому собеседнику и подмигивает Валентине. Та не знает, расстраиваться или погодить. И недовольно думает, что зря Колька так вольно разговаривает с милицией. Бросят трубку, потом дозвонись. Но тот обрадованно кричит в нее:

— Вовка, ты?! Генерала неужто присвоили, раз не узнаешь. Ну, привет! Жизнь как, не заскучал по нашей дыре? Ну, это ты зря. Давай, приезжай, тут твоя невеста по тебе с ума сходит, — и хохочет, заливаясь, оборот.

Валентина вида не показывает, что сердится на его идиотскую шутку. Не один он такой остроумный в деревне. Всякого уже наслышалась и научилась подковырки мимо ушей пропускать. Решительно рвет телефонную трубку из руки Кольки.

— Здравствуй, Владимир. Не знаю, что и делать, опять моя девка сдурила, — всякий раз одинаково говорит она. — На тебя одна надежда. Приедешь, нет ли? — облегченно вдыхает: — Ну, вот и ладно, вот и успокоил. Когда ждать-то? Одну ночь мы с отцом как-нибудь с ней сладим, — и кладет трубку.

— Едет жених-то? — лыбится конопатый Колька. Забыл уж, как вечерами напролет у их палисада топтался, заглядывался на Наталино окно.

— Да уж он не ты, насмешник, — поджимает Валентина губы, сухо прощается и выходит из диспетчерской. До следующего раза.

Одна тяжкая обуза свалена с плеч, но, спускаясь с крыльца, спохватывается: корова не доена, грядки сухи. И ощущает сладкую тягучую истому

по прежней жизни, когда могла себе позволить неспешно и достойно пройти по вечерним улицам, раскланиваясь с каждым встречным. До того ли теперь, надо еще к Катерине забежать. В сумке лежит отрез тонкого, в розовый цветочек, дорожного батиста. Для дочки берегла, вовремя не пошла, а теперь вроде и ни к чему.

С улицы свернула в проулок к Катеринину дому. Калитку отворила, прямо пахнуло мокрыми грядками с тугой, напоенной водой зеленью. И цветы у Катерины погуще и помидоры покрепче. Так ведь несчастье ее двор не сушит. Вздохнула и кликнула в настежь распахнутую дверь:

— Катерина!

— Иду, иду, — донеслось из глубины двора.

Валентина только присела на завалинку, дух перевести, а Катерина уже тут как тут — несет из стайки тяжелое ведро парного молока. Поставила на крыльцо, освобожденно потянулась и руки фартуком вытерла — увидела отрез.

— Нет, нет, еще чего удумала, — выставила она вперед ладони. — Что мне, надеть нечего? Да и нет у меня привычки на убогих обижаться. Где покупала-то?

Глаза ее, еще секунду назад ленивые, уже ощупывают, обминают шелковистую ткань. И от этого взгляда холодеет у Валентины в груди, но только на короткий миг. Она сердится на себя, сует сверток Катерине в руки и, не оглядываясь, задами, спешит домой. Нечего жалеть потерянное, вон почтальонка какую страсть потеряла сегодня от Натальи.

Вечер пахуч, тепел, как парное молоко. Розовая пыль плавает над дорогой. Пастух Кеша давным-давно пригнал коров, и где-то бродит, беспризорничает ее Зорька. Вся накопившаяся за день усталость отдается в ноги, Валентина невольно замедляет шаг. Подкосила ее болезнь дочки. Знала б загодя, легла бы на пороге, не пустила в треклятый город — казнит она себя. На погибель оторвала от сердца кровиночку, а думала — на счастье. За что такая кара? Неужто за радость и гордость, с какой они растили пригожую да смышленную девочку — надыхаться на нее не могли. Велика ли в том вина? — не хочет соглашаться материнское сердце. Ровно кто сглазил. Как она там — приходит ей на ум — не ушиблась, не поранилась, сидючи взаперти?

После лечения Наталья с полгода спокойна, молчалива. Сидит в доме, задумчиво водит вокруг себя руками. Или бродит из комнаты в комнату, улыбаясь не своей улыбкой. И тогда кажется, что она пошла на поправку и вот-вот выздоровеет. Нет, не иначе голову ей сегодня напекло, эвон, как палило солнце весь день. Уж к каким докторам не возили, в каких только городах не бывали. Три коровы проездили. Ученые светилы разведут турысы на колесах, наговорят мудреных слов, а толку нет. Пропадает девка. Увезет ее завтра Володька в психушку, какое-то время подержат там ее на уколах. Надолго ли роздых? Вернется, сызнова все начнется. Горько знать, что не убудет несчастье. Вцепилось в них лихо, не оторвать.

— Ну, застала, приедет ли? — встречает ее Василий. Он сидит за столом на кухне, подпирая кулаком тяжелую голову, и в потемках кажется, что взор его тяжел и мрачен. Одна Валентина знает, как измаялся и истрадался мужик. Она по-бабьи поплачет товаркам, чуточку да отмякнет сердце, поможет горячая слеза. Он же все в себе носит. Покой нужен изболевшемуся сердцу, горит оно в его груди, спалиться может. Сильный мужик Василий, а и он не выдерживает. Как-то причисывал дочь, задумался да вымолвил: “Лучше бы я с ума сошел”. Что там поняла — не поняла Наталья, расхохоталась, тыча в него пальцем: “Сошел, сошел!” Он виски руками сжал, ушел прочь из дому, допоздна бродил где-то, а вернулся — вином не пахнет. Видать, и оно уже не помогает. Ни на чем их дом теперь не держится, ровно на песке-пльвуне стоит. Беда одна да поминки по былому счастью.

— Дозвонилась сразу, утром обещал приехать. Он нынче свободный от дежурств, — спешит успокоить мужа Валентина. Хотя какое тут успокоение, увезут дочь — другая мука: как она там, среди чужих, без родительского присмотра, кто бы не обидел.

— Металась тут из угла в угол, думал, дверь снесет, — докладывает Ва-

силый. — Притихла, как стемнело. Пойду я, мать, огород полью, пока ночь не пала.

Валентина спешит вслед, на поиски коровы, но та уже сама прибрела, встала у поскотины, призывает хозяйку густым обиженным мычанием.

Вечерять они садятся поздно. Сиротливо ужинать вдвоем. В летней кухне вокруг керосиновой лампы роем вьется мошкара, назойливо звенит в тишине. Валентина отгоняет ее полотенцем, и молчание становится еще невыносимее. Кусок в горло не лезет, когда Наталья там голодом сидит. Мать сунулась было к ней с тарелкой, только и добилась, что потерпела убыток в посуде. Совсем осатанела дочь, родных не признает.

Так, слова не обронив, они и расходятся. Валентина спешит в дом, проведать дочку. Василий опускается на теплую ступеньку крыльца и закуривает. Ночь темна, плотна, непроглядна. Лишь небо мерцает сухим звездным огнем. Дождя бы — вздыхает Василий, перебивая тяжкие мысли другой заботой. Откуда-то издали, с ближней к речке улицы, доносятся голоса парней, всплескивает и гаснет звонкий девичий смех. На вершине сопки чей-то протяжный женский голос долго кличет заблудившегося телка. Душно, тяжело. Тоска давит грудь, и табак не помогает. Василий расстегивает на две пуговицы рубаху, глубоко затягивается папиросой.

Сзади слышны тупые удары в стену и слабый голос Валентины. Звуки эти вонзаются в спину, отдаются в сердце. Давно бы уж разорвалось оно от горя, да, видно, есть еще какой запас прочности. Держится на призрачной надежде. Верит Василий в чудо — очнется дочка, придет в себя и все наладится. Наконец в доме стихает. Невыносимая тишина давит на слух.

Осторожно поскрипывая половицами, из сеней выходит Валентина, присаживается рядом, обессиленная и молчаливая. Василию жаль ее, а как успокоить? Неясная вина томит его. Он тушит папиросу, прижимается к ее плечу своим плечом. В ночной, остывающей от пекла степи, подвывая, гудит машина. Молчать опостылело, а в горле сухо, не идут слова. Василий вновь лезет в нагрудный карман, вынимает папиросу, чиркает спичку. Бледное пламя на мгновение выхватывает его худое небритое лицо.

— Я тут, мать, вот что надумал, — выкашливает он горький дым, — может, послушаться нам того врача, из Кисловодска. Все лекарства на эту болезнь испробовали, одно остается средство...

— Стыд-то какой, Вася, — едва слышно отвечает Валентина и все комкает-комкает рукой у горла. От этой недавно приобретенной ею привычки еще горше, еще тоскливее Василию.

— Стыд не дым, глаза не выест, перетерпим, раз иначе нельзя. Вдруг в том спасение наше, — и решительнее досказывает, — я главный разговор на себя беру. Ты не влазь. Утром корову выгонишь, добеги до бригадира, предупреди, что я позже подъеду, дело у меня, мол.

Поднимается и идет спать. Ночь коротка. Сон тревожен. Валентина спит вполглаза, часто вскакивает, на цыпочках крадется к двери спальни дочери, припадает ухом — спит ли.

Утром оба поднимаются с тяжелым сердцем. С нетерпением ждут гостя. Он все не едет, а вот уже девять часов, и солнце всюю припекает землю. Наталья неприкаянно бродит по избе, криво усмехается, наливается буйной силой. Василий вышел на крыльцо, глянул на небо, и показалось — на горизонте сгустилась сизая дымка, и оттуда пахнуло прохладой. И в эту минуту на улице показался мотоцикл с коляской, домчался до дома и с треском влетел по косогору.

— Приехал! — кричит Василий в дом и спускается с крыльца.

Валентина видит, как смугло румянятся щеки Натальи, как отмякает она, и несмело улыбается дочери. Ну-ка, все обойдется? Наталья подстреленной птицей летит к окну, улыбаясь, бежит обратно. И радость у нее какая-то страшная. Горячечно тараторит: слов много, а смысла нет. Одно лишь понятно — Володька приехал.

— Ну-ну, успокойся, чего уж, — успокаивает ее Валентина.

Но дочь нетерпеливо пересаживается со стула на стул, подсакивает к зеркалу, приглаживает волосы. Вспомнив, бросается в свою комнату и цеп-

ляет на шею нитку бус. Наклонив голову, слушает, как гость гремит в сенях умывальником, как поскрипывают его сапоги. И радостно вскидывается ему навстречу. Володька входит — китель нараспашку, фуражка набекрень, и улыбка во весь рот, но глаза не смеются.

— Здравствуй, птица, дай сладкой воды напиться, — с порога балагурит он и черпает ковшом из ведра. — Ни у кого такой воды не пил. Заскучала тут без меня моя Натаха, — косит на нее карий глаз и молодецкато берет под локоток.

На ее выморочном лице гуще проступает темный румянец, она радостно кивает и не сводит с него взгляда. Валентина едва сдерживает слезы. Какая девушка не позавидует ее точеной фигурке, красивому личику. Но без ума и красота не спасает. Повернулась дочь, глянула на мать — как ножом по сердцу полоснуло.

Володька нашептывает что-то ей на ушко, будто не замечая, какое дикое веселье проплескивает у нее в глазах, какой безумной силой переполнено тело.

— Ехал, ехал, елки-палки, к моей Наталке, она воды даст, а чаю пожалеет, — подначивает ее и несет вовсе несуразное, одним им понятное: тыр да быр.

Наталя бормочет, а сама призывно машет рукой матери — угощай гостя, видишь, мне некогда. Ни на шаг не отходит от него. Валентина налаживает стол. Василий сидит в сторонке, поглядывает на парочку и думает: вот неразгаданная загадка, чем он ей поглянулся. Вот бы раньше их свести, когда дочка в полном уме была. Да город поманил и отнял. Теперь поздно мечтать.

Уселись они за стол чай пить, воркуют два голубка. Все замечает Валентина: как дочка украдкой поглядит Володю по рукаву, как пальчиком золотые пуговицы пересчитает, а уж как глядит — засуха материнскому сердцу.

— Кататься поедом? — торопится высказать главное Володька.

— Едем, едем, — зачарованно откликается та, не помня, на какие мытарства он ее опять везет. Соскакивает со стула и бежит в свою комнату собирать. Что за власть он над ней имеет?

Василий, улучив момент, подсаживается поближе к гостю. Володька, промявшись с дороги, не стесняясь, уплетает за обе щеки. Отощал на казенных харчах, да и то — бобылем живет.

— Может, того, по рюмочке? — покашливая, предлагает Василий.

— Да ты что, дядя Вася, — изумляется Володька, — я же за рулем!

— Ну это я так, для смазки разговора, — смущается тот и поворачивается к Валентине: — Ты бы, мать, шла, помогла собраться Наталье.

Отослав жену, с минуту молчит, сцепив тяжелые ладони, дожидается, пока Володька доест яичницу, и говорит:

— Такие вот дела... Куда мы ее ни возили, как ни лечили, все попусту. Теперь, парень, на тебя одна надежда. Ты уж не откажи...

— Угу, — с готовностью перебивает его Володька, — не впервой, не беспокойтесь, доставлю в целости и сохранности.

— Да погоди ты с целостью и сохранностью, — досадливо морщится Василий. — Не о том разговор. Я тебе обскажу. Мы когда на юге ее лечили, один врач посоветовал, ну, чтобы она родила, в общем. Так и сказал: мол, бывает, отходит дурь-то после родов. От нервного потрясения. Так ведь и верно — это же у нее не наследственное. В нашем роду чокнутых никогда не было, ты не сомневайся.

— А что мне сомневаться, я верю, — вставляет Володька и берет за стакан.

— Так это, мы тебя выбрали, — мнет Василий свой подбородок, трещит щетиной. — Она, дикошарая, окромя тебя, никого к себе не подпускает.

— Погодь, дядя Вася, что-то я не совсем тебя понимаю, — медленно произносит Володька и отставляет стакан. — Ты, надо понимать, к тому клоунишь, чтобы я ей ребенка сделал? — округляет он доверчивые глаза.

— Ну а кому же еще, едреня феня, — облегченно выдыхает Василий, довольный его понятливостью. — Ты уж постарайся, век тебя не забудем.

Мы с Валентиной еще в силе, поднимем мальчика. А там, глядишь, и Наталья оклемается.

Лицо Володьки багровеет. Он испуганно смотрит на Василия.

— Да это как же, дядя Вася, разве так можно, — растерянно бормочет он. — Что я, подлец какой, чтобы ее обидеть, она и так обиженная. Нет, не могу и не буду.

— Я же не жениться тебя заставляю, почему ты понять не можешь? Не родит она без тебя, разве не знаешь? — как ребенку втолковывает ему Василий. — Один ты и способен всех нас осчастливить.

— Нет, — неожиданно твердо отрезает Володька. — Я после этого не смогу людям в глаза смотреть, дураков нет, сразу поймут, скажут, что я на дурачку позарился. И так-то несут что попало.

Василий не ожидал такого напора. Себя сумел убедить, а уж Володьку, посчитал, сумеет уговорить. И сразу не отступился, протянул дрожащим от унижения голосом:

— По-человечески тебя прошу — помоги, не дай девке сгинуть. У нее нутро целое, родит и оживеет.

Горит огонь в груди, стыд полыхает, и ровно темная пелена застит белый свет — дожил, родную дочь предлагает. Через себя перешагнул, а ее не берут.

— А если нет, а если дурачок родится? От меня, — хриплым голосом выговаривает Володька. — Нет, я еще из ума не выжил.

Василий потерянно молчит, сказать больше нечего, после всего высказанного остается только в обморок упасть. Или сердце горлом выскочит. Володька это молчание понимает по-своему, вскакивает, натягивает фуражку и выбегает во двор. Мотоцикл его на холостом ходу скатывается по косоугру, стреляет выхлопной трубой и, набирая скорость, несется по улице.

— Упустил парня, старый черт! — прилипает к окну Валентина. — Что ж теперь делать будем?

— Ничего не будем, — угрюмо отвечает Василий. — Сам отвезу Наталью в больницу. Не получился у нас разговор.

Закуривает папироску, и вроде легче становится на сердце — что тем все и закончилось. Из светелки в горницу идет собранная в дорогу Наталья. Ищет глазами Володьку, не находит, но и тени тревоги не отражает ее безмятежное лицо.

— Володя вышел, сейчас будет, — монотонно повторяет она.

— Будет, будет, — вторят ей родители. Как объяснить, что, возможно, она его больше никогда не увидит? Обманывать сил нет.

День за окном наливается безумным зноем. Воздух сух и горяч. Василий возится во дворе с мотоциклом. Валентина беззвучно плачет, отвернувшись от дочери. Одной Наталье весело, беззаботно бродит по избе. Ждет.

СТАРИК И БЕЛКА

РАССКАЗ

Высоко, у самой макушки старой лиственницы, там, где тонкие ветки причудливо сплелись наподобие осинового гнезда, что-то едва слышно ворохнулось, и на ноздреватый истаявший снег просыпалась горсточка тонких желтых иголок. Старик, дотоле неподвижно сидевший на скамье, опершись подбородком о полированную рукоять трости, поднял голову и проследил беспорядочный полет запоздавшей жухлой хвоинки, плавно опустившейся у его ног.

В тот же миг бусая белка метнулась на соседнее дерево, оставив в воздухе тающий палево-дымчатый след. Распластавшись на нижнем суку, живо покрутила мордочкой, оглядывая все округ черными текучими бусинами глаз, и замерла, уставившись на человека в старомодной с большими отвисшими полями шляпе, в кожаном потертом плаще до пят и растоптанных ботинках. Но вскоре нетерпеливо и укоризненно поцокала ему оттуда.

— Явилась, не запылилась, разбойница, — ласково проворчал старик, разжимая кулак. На старческой ладони медленно распалась горстка кедровых орешек. Тотчас же белка сорвалась с сука, перепорхнула на лиственницу, на мгновение, всем тельцем прильнув к шершавой коре, скользнула вниз по стволу и прыгнула на спинку скамьи. Быстро перебирая лапками, ловко пробежала по крашеному дереву, перебралась на плечо и, цокнув напоследок, принялась за угощение.

— Белочка, — задумчиво сказал старик, держа ладонь на отлете. И пока зверек, уткнув мордочку, торопливо забирал орешки, затуманенными глазами вглядывался вдаль. В ту сторону, где зло и тревожно багровела полоска заката.

Куда-то в эту цвета перекаленного железа расселину, одному ему ведомую, утекала и его жизнь. Там, представлялось ему, в невиданных пространствах, обитали теперь все те, кого он пережил: старики, ровесники и те, чей срок не вышел, но оборвался. Памяти на все потери ему уже явно недоставало. Оттого, наверное, старик никак не мог вытравить в себе давно поселившееся сиротское чувство.

Ощущение одиночества и потерянности посещало его теперь с каким-то лютым постоянством: где бы он, с кем бы он ни был. А впервые настигло посреди шумной торговой улочки, по которой он неспешно брел к городскому рынку. Мимо, обтекая его по обе стороны, шагали люди, и в какой-то миг он стал растерянно провожать их взглядом, тщетно пытаясь отыскать в пестрой толпе знакомое лицо. Память на лица у него была редкостной. Но в тот час он напрасно напрягал глаза. Ни он не узнал никого, ни его, а ведь были времена — не успевал раскланиваться. С тех пор и начал караулить свое настроение, не поддаваясь ощущению, что очутился в чужом городе и уже не надеется из него выбраться.

Позже пришло горькое, вязжущее мысли понимание, что неуловимо переметнулась сама жизнь — враз из одного измерения в другое. Безжалостно растворив в себе тех, с кем он еще вчера существовал в одном сгустке времени и пространства. И теперь ему оставалось лишь согласиться с неотвратимостью произошедшего или уйти вослед. Не то чтобы это откровение поразило его в самое сердце, но одиночества добавило. Впасть в панику не дали притушенность чувств и отсутствие несбыточных желаний. А потом он принял благость быстротечности жизни, избавляющей человека от отчаяния и от горечи потерь, за данность. И вычерпал в себе без остатка глупые тревоги. Жил себе потихоньку, радуясь каждому наступившему дню.

Шебутной зверек щекотно забирал с ладони орешки, торопился, будто кто отнимет их у него, и эта его поспешность нарушала покой, навеянный вечерними сумерками.

— Белочка, — укоризненно произнес старик, глядя сквозь кованые прутья ограды, как медленно погружается в фиолетовую муть изменившийся в одночасье город.

Город, который он раньше так сильно и трепетно любил, жил теперь своей не очень понятной ему жизнью. Суть ее не изменилась, все шло своим чередом: люди рождались и умирали. И по большому счету было совсем неважно, чем они заполняли свое существование от прихода и до ухода из этого суетного мира. Если бы вновь не стало так голодно и холодно жить в нем.

— Плохонька, да моя эпохонька, — горько усмехнулся старик.

Он ведь было решил, что так и доживет остаток жизни в тепле и достатке. И подумать не мог, что все встанет с ног на голову и даже пенсию перестанут вовремя платить. Прежде, знал он, случались и не такие перевертыши, но одно дело прочесть о том в книжке и совсем другое — ощутить на своей шкуре.

Поначалу он с интересом воспринимал события, поддерживая тем самым угасающий интерес к жизни. Подбадривал себя и других — мол, ничего, и не такое переживали, да перемогались как-то. Ведь, по большому счету, хорошо-то никогда и не жили. А как это — хорошо, он и сам не знал. Смирно претерпел даже введенную, будто в войну, карточную систему: на спиртное, сигареты, продукты и даже на мыло. Пока однажды в центре города не наткнулся на затрапезного вида тетку, торгующую махоркой на развес. Незнамо как вернувшаяся из прошлого, она со стертым безучастным лицом отмеряла граненым стаканом табак таким же хмурым мужикам. И глядя на нее, окончательно уверился, что словно в отместку вернулись мрачные времена и надо чем-то спасаться.

Тогда-то и нашел себе заделье — подкармливать белок, неведомо как перебравшихся из тайги в это опустевшее и не самое безопасное место города. Белки быстро освоились в парке, но не боялись лишь одного старика.

Легковесная пошла у него жизнь, пустая, наполненная зрящими событиями и необременительными делами, которые будто бы и делались только для того, чтобы придать ей подобие прежней. Но себя не обманешь, и старик изо всех сил крепился, убеждая себя в необходимости продолжать существовать хотя бы ради вот этой боязливой белки, которую надо накормить и ободрить ласковым словом. А окружающим его людям, казалось, было все равно, что жить, что помирать.

Вот и сидел теперь в одиночестве на холодной лавочке в пустом городском парке, смотрел на чужой равнодушный город, который когда-то был теплым, уютным, своим, а теперь зиял опасными пустотами. Самые тугие времена прошли, но жители его все еще остерегались появляться в таких вот глухих местах. Старик понимал, что сам по себе город не может быть в том виновен, необратимые перемены прежде произошли в них самих. А затем начал изменяться окружающий мир. И уж потом им стало страшно по вечерам выходить на улицу.

— Хорошо хоть звезды на месте, — сказал себе старик, высмотрев на темнеющем небосклоне проклюнувшуюся звездочку.

Люди, того не ведая, меняли само бытие, напивывая его злом, болью, страхом, отчаянием. И чудилось будто, что эта исторгнутая ими жуткая материя существует теперь сама по себе, втягивая в свое алчное нутро все большее количество народа, и нет от нее спасения.

Старику вдруг показалось, что земля под ногами качнулась, на мгновение искривив окружающее его пространство. Но белка по-прежнему шебаршилась на занемевшей руке, и он устранился своих мыслей. “Ничему тебя, старый, жизнь не учит, — пережив короткое замешательство, подумал он, — нельзя до самых потемок сидеть на кладбище, тут и не такое может померещиться”.

Серым туманом стлались воспоминания, и он, глядя на лафтаки сырого снега, невольно ежился. Старость — зябкое время. Старику было жалко, что кончился этот теплый солнечный день, в щедром сиянии которого так удивительно наблюдать, как над белыми тумбами ограда поднимается ровное свечение. Испускаемый беленым кирпичом свет ранее он относил к оптическому обману зрения, а вот сегодня засомневался. Надгробный камень лежал в основании ограда.

Под ним, в земной глубине, покоились останки людей, живших давным-давно. А в этом поверх затопанных могил стояли аттракционы, карусели, ларьки. Он хорошо помнил, с каким рвением и молодым азартом крушили старое кладбище люди. И он вместе с ними выворачивал гранитные плиты и кресты, расчищая место под площадку для танцев и разных игрищ. Творимое святотатство тогда не пугало, оно даже поощрялось. Теперь на кладбище, превращенном в парк культуры и отдыха, он пытался схорониться от неотвратимого, да это все равно что прятаться в пустыне. От себя не скроешь — весь как на ладони.

Трепетное свечение угасало вместе с остывающим солнцем и вскоре растворилось в сиреновом сумраке вечера. Оставив в сердце неизъяснимое томление и грусть по чему-то несбывшемуся.

В детстве его часто водил сюда дед, подолгу задерживался у кованых чугунных оград, почерневших крестов, растолковывая внуку, каких фамилий и сословий люди лежат здесь. Немного родных имен запомнил он по тем рассказам, да и те стерлись в памяти вместе с кладбищем. Попытался однажды припомнить, но не получилось. Пребывая в горьком недоумении, отчего так все вышло, не нашел в себе ответа и согласился, что по-иному и быть не могло. Времена поруганных святых оскверняют человека.

Закат на мгновение окрасился алым и вновь на глазах загустел до цвета брусничного сока. Старику стало тревожно и щемяще, как если бы, в самом деле, там, на краю земли и неба, схлопывались небесные створки, оставляя узкую щель, и он знал, что протиснуться в нее ему никогда не поздно. Да вот хоть прямо сейчас. Но даже думать о том позволить себе не мог — не одинок был на этом свете. Дома дожидалась терпеливая жена, беспокоилась из-за его долгих отлучек, да и как не тревожиться, если жила она, пока был жив он.

— Посижу еще чуток и отправлюсь домой, — сказал он белочке, выбирая запутавшиеся в складках кармана остатные орешки, — если не объявится мой человек.

Белка внимательно наблюдала за сложенными в щепоть пальцами. И недовольно фыркнула, когда в очередной раз старик вытянул массивный трофейный портсигар, вынул из него папиросу, привычным движением смял картонную гильзу и, не подкуривая, сунул в рот.

Старик отвел глаза от узкой щели, через которую пробивался свет раскаленного горнила, и угрюмо посмотрел по сторонам: пустынно, одиноко, неприкаянно было округ. Лавку под старой лиственницей надежно скрывали густые заросли черемухи и бузины, и в этот укромный, скрытый от посторонних глаз уголок теперь редко кто заглядывал. Раньше люди шли смотреть белок, но в лихую годину их повывели одичавшие кошки и бродяги, коих развелось тогда в неисчислимом количестве. Теперь, как оттепело, снова стали набредать сюда разные праздношатающиеся, но их старик интересовал еще меньше, чем занятная зверушка.

Но сегодня один давний знакомец наведался. Он издали приметил его высокую сутулую фигуру, сразу узнал и обрадовался.

— Привет, Петрович, как жизнь? — улыбнулся тот только ему одному принадлежавшей застенчивой и немного виноватой улыбкой.

— Живой, и то хорошо, — немного подумав, ответил старик и протянул раскрытый портсигар.

Он по-отечески любил этого нескладного и не очень везучего человека. Как-то умудрялся он жить, никому не желая зла, притягивая к себе людей врожденной деликатностью, мягкостью, чувством меры. А таким в лихолетье особенно тяжело.

Парень осторожно вытянул из портсигара папиросу, подкурил, пряча огонек зажженной спички глубоко в ладонях.

— Ходил вот по делам, дай, думаю, путь срежу, напрямки через парк пройду, заодно Петровича повидать, — выдохнул он густой синий дым.

Старик глянул в его печальные глаза и вспомнил, как много лет назад сравнил его с конем благородных кровей, волею случая поставленным в конюшню, где в унылых стойлах ютились рабочие лошадки. Рысак понимал это и вел себя подобающе — грыз удила, бил копытом, всхрапывал, покачивая что, мол, тоже при деле. А дел-то было всего — жрать дармовой овес да коситься глазом на лошадок посправнее.

Потом узнал поближе и переменял мнение — с искрой был парень, да вот в жизни себя не нашел. Так зачастую бывает в семьях, где успешные родители как бы наперед вычерпывают талант, удачу и успех, а детям достается отблеск их славы. Бредет такое чадо хоженной-перехоженной дорогой, по пути растраниживая накопленное, а вместе с тем силы, надежды и желанья. Суждение-то свое о нем изменил, а ироничное отношение оставил. Отчасти оттого, что к баловням судьбы относился с предубеждением.

— Случилось что, кислый ты, Игорь, какой-то? — хлопывая портсигар, спросил он его.

— Страдаю.

— Не трать силы попусту, — посоветовал старик.

Игорь подозрительно покосился на старика и обиженно добавил:

— Хожу вот, думаю, как жизнь изменить к лучшему...

— И давно ходишь?

— С утра, как посмотрел на себя в зеркало: где я и где будущее. Работу потерял, перебиваюсь с хлеба на квас, курево и то купить не на что. Жена вот еще ушла... Да и кому я, такой неудачник, нужен. В общем, влачу самое жалкое существование. Хорошо, что хоть прошлое было.

— Где найти нам мумиё, чтоб лечить уныние? — скаламбурил старик.

— Тебе можно надсмехаться, а мне что делать? Все хорошее разом куда-то делось, крутом один развал, бардак и смертоубийство. Вернуть бы сейчас ту жизнь...

— Какую? — меланхолично спросил старик.

— Справедливую.

— А она разве была когда-нибудь на свете, эта справедливость?

— Как же не была, — растерялся парень, — ты же, Петрович, сам в ней жил еще вчера. От каждого по способности, каждому по труду... Мы же все равны были.

— Ты сам-то веришь в то, что говоришь? Или решил потрафить старика, мол, вы такую замечательную жизнь нам построили, а мы ее профукали? — спросил он, глядя в его растерянные глаза.

— Да мне эта жизнь по ночам снится, просыпаться не хочется, — уныло произнес парень и опустил голову.

— А ты проснись, протри глаза-то. Очередной крах переживаем. А всякое великое потрясение и есть отсутствие справедливости. Тебе больше думать надо или читать написанное умными людьми, которые давным-давно из таких вот кровавых уроков сделали вывод — что от этой самой справедливости подальше держаться надо. Она, змеюка, незаметно вползет в тебя, отравит, а топор в руку вроде как сам прыгнет. И тогда во имя справедливости кого только не порешишь, — старик смотрел на парня и не видел его и говорил не ему, а себе, тогдашнему, легко обманывавшемуся.

— Вот от кого не ожидал такое услышать, так это от тебя, Петрович, все, последней надежды лишился. Как же жить без справедливости?

— Нашим салом нам же по мусалам, — поддакнул старик.

— Я к тебе за поддержкой пришел, думал, таким, как ты, голову никакими перестройками не заморочишь. А ты ответил мне, так ответил. Оглушил, одним словом. Полное отчаяние.

— Ты при мне слов таких не говори, — сурово сказал старик, — что ты можешь знать об отчаянии. Любовью спасайся, если любишь кого...

— Я Родину люблю, — оживился Игорь, — и впервые это почувствовал в пионерском лагере, в Крыму. В нем ребята со всего света отдыхали. Я жалел их такой, знаешь, жалостью счастливого человека, что вот не всем повезло родиться в такой стране. И был по-настоящему счастлив.

— Ну, на юге родину чего не любить, там тепло и красиво, цветами пахнет. А ты вот полюби ее такую вот, — повел старик рукой. — Я вчера одного иностранца застал на помойке. Увлеченно фотографирует затхлые задворки, мимо которых и пройти противно. Спрашиваю — смысл в чем, господин хороший? Отвечает — экзотика. Что для них экзотика, для нас жизнь. Я вот одного не пойму, неужели они там у себя так заелись, что их на гнильцу потянуло?

“Отдельно взятого человека трудно любить, легче весь народ сразу, особенно на теплой кухне в ненастный день. А сам-то я чем лучше? — всполошился старик. — Дожил до того, что белок стал любить больше, чем людей”.

И будто кто со стороны быстро и четко сказал ему: “Нет, никуда не делась любовь твоя, теплится под спудом хлада, пепла, горечи и стыда за отчий край — за себя то есть”. Старик потряс головой.

— Через рынок шел, — голос Игоря выплыл в затуманенное мыслями сознание, — вижу, идет меж рядами тетка поперек себя шире с полными сумками, а за ней тощий нищий тащится, будто привязанный. Но близко не

подходит. Интересно мне стало, что ему от нее надо? Поближе подобрался, и аж взялось все во мне — он такими голодными глазами на торчащую из сумки колбасу смотрит. Так бы взял, отобрал, да ему отдал.

— Еще чего, надо бы сразу топором... Хрясь, и нищий сытый, и справедливость восстановлена. И неважно, что у нее там семеро по лавкам...

— Какой топор, я его сроду в руках не держал! — вскричал Игорь, — Я ж только подумал, как ему помочь, из самых лучших побуждений.

— Чего же чужим не поделиться, даже приятно.

— Ехидный ты человек, Петрович, жалею, что к тебе пришел...

— А ты перестань жалеть. Ведь и на базаре ты не нищего, а себя, прежде всего, пожалел и мысленно колбасу ту сжевал.

— Больше я не приду, но напоследок скажу: я тебя уважал, а ты оказался таким же, как все. И даже хуже, ты из-под человека опору вышибаешь, — тусклым голосом сказал Игорь, но с места не двинулся.

— С чего это ты взял, что я такой же, как все? У людей даже цвет волос разный, если не крашенный. Я из-под тебя не опору, гнилые подпорки пытаюсь убрать. Новорожденный еще и пискнуть не успеет, а уже заведомо не равен. Один в ласке да холе будет жить, другой слаще морковки ничего в жизни не попробует. Но это еще ничего, человек может выправить свою судьбу. Сровняться или даже превзойти иного счастливица. Если есть ум и воля к жизни. Нет этого — не обессудь.

Игорь недоуменно смотрел на старика.

— Чтобы ты от меня насовсем не ушел, скажу я тебе, что думаю: каждый рождается с уже заложенным пониманием справедливости, и складывается она из изначально заложенного добра, счастья, любви, из много чего другого хорошего. Но тут же у него по крупице начинают отнимать ему даденное. Причем и родные, и чужие люди. И чаще не по злому умыслу, а только из одного лишь собственного понимания правильности или неправильности жизни. Истошат человека, и бредет он по миру пустой, злой, голодный, как твой нищий на рынке.

— Чего же ты раньше молчал, — горестно вздохнул Игорь, — если все это знал. Делал вид, что живешь в справедливом обществе, позволял обманывать себя ожиданием обещанного счастья.

— А ожидание, оно всегда слаще сбывшегося, — лениво ответил старик, глядя снизу вверх на высокого худого нескладного и несчастного большого ребенка. Он уже потерял интерес к разговору. Больше всего в жизни не любил он поучать, справедливо полагая, что личный опыт чаще всего другим не пригождается, а иным даже вредит.

Расставался он с парнем с тяжелым сердцем. Уж лучше бы вовсе не приходил, не добавлял печали, свою девать некуда.

— Как ты тут сидеть можешь? — неловко сутулясь, сказал тот напоследок. — Жуть берет, каждый куст на тебя будто смотрит и сказать чего хочет. — И тут он был прав.

Весенний вечер истаявал, сумерки забирали город, который старик износил, как одежды.

Старик еще мог отличать ложь от правды и делал это, как он говорил, нутром — и ошибался редко, разве что когда предмет уж вовсе лежал вне его понимания — в запределье. А потому имел свое мнение обо всем, что происходило. Он всегда мог поверить все, о чем бы ни говорили, ведь, в отличие от других, события и люди, их совершившие, были еще с ним. Старик твердо знал, что если даже напрочь перепишут историю, в какой уже раз подгоняя ее под очередную политику, жизнь его переписать будет нельзя. Сделать это он не позволит, пока живой, а когда помрет — кому она станет интересна, его жизнь?

— Это как на фронте, — медленно подумал старик, — где знаешь, что могут запросто убить, а все же не веришь, что тебя. А потом от безмерной усталости, безнадежности или отчаянья, когда наступит край и все в тебе выжжено и пусто, нет-нет да возопит в тебе — да уж скорее бы отучиться.

Время, в котором он сейчас жил, непостижимо напоминало ему то окопное состояние. Холодком обдало спертую грудь — вот он, оскальзываясь на

холодной глине, вытягивает себя на свет Божий из траншеи, чтобы перевалиться за бруствер, и уже готовится в нем страшный смертный нечеловеческий крик, который полетит вместе со всеми такими же окопниками до самых вражеских позиций, до самого конца. Да срывается стоптанный кирзач с неглубокого приступочка, проваливается нога в пустоту, на дно окопа, и в ту же секунду огненный шквал выбривает все узкое, ему предназначенное пространство. И подбирает всех, кто уже бежал по обе стороны этой прозрачной дороги.

И потом, когда он, спасенный нечаянным падением, успел пробежать это мертвое выжженное пространство и свалился во вражескую траншею, и после, когда, оглушенный и помертвелый, лежал на дне воронки, наблюдая, как, словно в немом кино, наклонно падает на него стена опалово-черного огня и дыма, понимание несправедливости происходящего оказалось сильнее страха.

— Да ни о чем таком ты и не думал в этой вонючей воронке, — сердито возразил старик сам себе, — лежал себе, выкашливал из легких гарь, мучился от тошноты и желал одного — забиться в самую узкую щель, чтоб тебя оттуда никто не выковырял — ни свой, ни чужой. И радовался, поди, что больше никуда бежать не надо, лежи, лежи, контуженый, но не убитый.

Плотная сетка ветвей маскировала его от мирной жизни, которая вовсе не была мирной, а только казалась, и это надо было знать, но знание это приходит только с возрастом, зовущимся старостью. Когда уж смерть не то чтобы не пугает, но является привычным атрибутом бытия.

— Да нет же, — осерчал старик, — я из воронки этой на карачках выполз, на полусогнутых побежал ребят догонять, да тут осколком мне плечо разворотило и наземь бросило.

— Повезло, — согласился с ним невидимый собеседник, — а то бы остался там, у болотца, со всеми. Рота-то полегла...

— Не вся, — ответил ему старик, — наполовину... — и только потом всполошился — дожил, заговариваться начал.

Неподалеку раздался хриплый с привыванием лай. Старик глянул в ту сторону и увидел женщину, которая так бы и прошла мимо прогулочным шагом, да собака неизвестной породы покусилась на белку. Длинный поводок вытягивался в струну, дергал ее то влево, то вправо. Короткошерстый белого окраса пес то совался острой мордой в кусты, то влаивал на белку, взлетевшую на ближайшее дерево. Хозяйка пыталась удержать непослушную собаку, но та шаг за шагом упорно тащила ее к скамье. Старик вздрогнул, заведя вытянутую крысиную морду с красными глазами, приносившуюся к штанине.

— Уберите животное, — сказал он даме.

В последнее время люди как с ума посходили, начали заводить собак, на собак вовсе непохожих. Старик у иногда казалось, что псины, имеющие сходство с крысами или свиньями, — следствие неудачных опытов каких-то ученых мерзавцев.

— Это не животное, это собака, — поджала накрашенные губы женщина, — элитной и очень дорогой породы. И я не позволю всякому обзывать моего питомца.

Старик тяжело вздохнул и промолчал. Возражать ей было бесполезно. Люди часто заводили собак от дикого одиночества и любили их нечеловеческой любовью.

— Не любите животных? — сурово спросила дама.

— Я и собак люблю.

— А чем же мой пес вам не угодил?

— Ничем, — скромно ответил старик, поджимая ноги.

Женщине наконец-то удалось оттащить псину от скамьи, и та со злобным рычанием поволокла ее к выходу из парка.

В детстве в его дворе жила простая дворняга по кличке Верный, которую он бы не променял ни на какую другую. Завернув хвост калачиком, рыжий пес летел навстречу хозяину и — это надо было видеть — на его лукавой морде расплзалась самая настоящая улыбка. Больше старик не держал собак.

Холодало, надо было идти домой, но он не терял надежды дожидаться человека, появлявшегося всегда неожиданно и никогда не обещавшего прийти еще раз. Старик чиркнул спичкой, затянулся первой легкой затяжкой, выпустил клуб синего дыма и вдруг явственно увидел перед собой кончик новехонького бильярдного кия, тонкий, точеный, лакированный, с твердой кожи нашлапкой он медленно покачивался перед глазами.

Как тогда, в подвале Дома офицеров, где он впервые встретился за бильярдным столом с незнакомцем, поразившим его мастерски исполненным ударом — положил в среднюю лузу свояка от двух бортов и даже бровью не повел. С тех пор он стал искать встречи с ним, но не для того, чтобы отыграться, а еще раз погрузиться в странные разговоры, которыми испытывал его этот молодой человек со старчески усталыми глазами.

Старику иногда казалось, что собеседник нарочно подначивает его, чтобы вынуть из него последние скрепы, без которых рассыплется все им прожитое, а настоящее станет вовсе несносным. Но странность заключалась и в том, что сам он желал этой невыносимости. Понимая при этом, что, испив чашу до дна, не обнаружит там ничего, кроме мутного осадка.

“Как это он тогда сказал, — задумался старик, — выпьешь вина, просыпается вина...”

Всякому человеку отмерена своя доля страданий. И чем больше мук переживает, тем скорее теряется жалость к ближнему. На войне он на себе испытал, как ослабевает главный нерв жизни. А без сострадания какая любовь выдержит испытания жизнью. Старик споткнулся, запутавшись в своих рассуждениях. Если все держится на любви, как из нее выделить эту могучую составляющую. И тут же рассердился на себя, за свою старческую немощь, подточившую его ясный и острый ум.

Он вновь вернулся к прерванному разговору, в котором никак не мог одержать верх.

— Вы полагаете, быть счастливым — значит обладать всеми возможными благами, какие только есть. Но на всех благ не хватает, следовательно, априори, счастья нет.

— Если все не могут быть счастливы, пусть хотя бы будут равными.

— Равными по несчастью?

— Получается, что так. Вот где корень случившихся и грядущих катастроф.

— Странно, что вы это сразу ухватили. Вашему поколению трудно принять даже то, что человек никогда не будет счастливым...

— Разве что отдельно взятый и на короткое время. Быть постоянно счастливым — идиотизм какой-то.

Старик сожалел, что ввязался однажды в пустой и никчемный разговор, из которого если бы и вышел победителем, но как если бы победитель этот был похож на побитую собаку. Незнакомец взял его тем, что за словом в карман не лез и нанизывал их быстро, умело, будто вышивал бисером. В сутолоке бестолковых времен старик растерял подобных собеседников, а потому так неосторожно сблизился с этим человеком. А когда раскусил его, было поздно — увяз в сомнениях и стал злиться, что никак не может одолеть ловкого упряма. Оказалось, тот и понятия не имел, что в споре нельзя человека бить наотмашь только за то, что он не соглашается с твоими убеждениями, а тот делал это и едва ли не с наслаждением. Впрочем, убедив собеседника в своей правоте, также легко отказывался от своих слов.

Даже ему, закаленному в спорах бойцу, становилось не по себе от его циничных рассуждений, которые сам он иногда допускал в подобных разговорах, говоря, что они придают им перцу, но делал это как бы понарошку. За что боролся, на то и напоролся. Собеседник его не думал и не гадал, а говорил и делал так, как считал нужным. Неуютно становилось от мысли, что его тянет к нему по одной простой причине — схожести характера.

Воспоминания прервала вернувшаяся белка, порывисто сновавшая по скамье в поиске оброненных орешков.

— Человек и живет-то одним запасом счастья, полученным в детстве, сколько дали — столько и останется. Добавится после немного, — сказал

старик, подслеповато глядявываясь в отцветающие, недоступные пространства глазами, сохранившими зоркость лишь в своей глубине.

Скрытое проявлялось всякий раз, как он уходил в себя, отгораживаясь от обыденного. И тогда, казалось ему, на небесной ткани проступали непонятные, но твердо выписанные знаки. Ни смысл их, ни кому они начертаны, он разобрать не мог. Небеса были немилосердно загажены гадкими дымами города.

“Лучшие времена остались там, на войне. Ты был нужен ей, а она тебе. Потому это и была настоящая жизнь”, — выписалось ему мгновенным огненным росчерком.

У старика перехватило горло. Ему не хотелось признаваться себе, что, вернувшись с фронта, он так и не принял мирную жизнь, которая оказалась совсем не такой, какой он ее представлял в окопах. А ведь смирился и жил, как все те, кто побывал в том измерении, на грани жизни и смерти, безысходно и обреченно понимая, что выбирать не приходится. Но и жить одним прошлым не мог, к старости окончательно убедившись, что война есть нечеловеческое деяние. Только о том ни с кем и никогда не говорил.

— ...или все же говорил, — пожевал он сухие губы, — потому и один здесь сижу. Без товарищей.

Небесный огонь перехватился пеплом, и старик вновь устало опустил подбородок на отполированную рукоять посоха.

Человек, которого он так долго дождался, был гораздо моложе его и острее чувствовал значение нагрянувших перемен, но вряд ли понимал их бессмыслицу так, как понимал это старик. Прожитое помогало ему иногда предугадывать события, и он воспринимал это как данность, с которой надо жить, но нельзя ею пользоваться.

Снизу, с улицы Подгорной, донесся насадный трубный рев автомобиля и отвлек старика. Он взгляделся в конец аллеи и уверовал, что тот, кого он ожидал, теперь уж точно явится, для него пробил дорожку разломавший на куски тишину дурной звук. Он всегда появлялся вдруг, как черт из табакерки. Возникнет ниоткуда и канет в никуда.

На этот раз старик хорошо подготовился к встрече и знал, как ему продолжить оборванный недели две назад разговор. За это время он хорошенько все обдумал, подобрал необходимые возражения, которые ему казались безукоризненными. Да что казались — он был уверен — он был уверен в том, что камня на камне не оставит от убеждений противника. Тем более, жизнь показала, что далеко не все, о чем так убедительно вещал собеседник, оказалось правдой.

— Хотя какая же это — правда, если за неимением ее сходит всякая ложь, — вслух сказал старик, раздражаясь от мысли, что вот, так хорошо подготовился, а он возьмет и не придет.

Белка вскарабкалась по рукаву на плечо, цокнула для остротки в угрюмо чернеющие поодаль заросли непроходимой бузины и метнулась на дерево. Выбрав угощение, она, как обычно, оставила на ладони несколько орешков, неподвластным человеку нюхом отличая пустые и порченые от цельных и ядерных. Старик стряхнул с ладони негодные орешки и застыл, припоминая одного редкого человека, способного подобно белке отличать настоящее и отсеивать ненужное — он будто обладал своим особым внутренним взором, позволяющим ему сразу и безошибочно, пропуская через сердце, определять, достоин или нет человек.

— Пустое время, — сказал он негромко, но ему тут же откликнулся знакомый хриплый басок:

— Ну, не скажи, Петрович, во всем есть свой смысл, даже в пустоте.

Старик обернулся и увидел, что за спиной стоит тот, кого он давно поджидал.

— Подкрался, как тать, стоит, подслушивает, — в сердцах проворчал он, досадуя, что дал застать себя врасплох.

Гость одним движением обогнул скамью, расположился рядом и, как ни в чем ни бывало, сказал:

— Здравствуй, Петрович, давненько не виделись. На чем это мы с тобой прошлый раз остановились? На том, что война была для тебя лучшим време-

нем. Потому что ты был нужен ей, а она тебе, — сказал он надтреснутым голосом. — Это до какой же пропасти надо довести человека, чтобы вся оставшаяся жизнь была для него пресным, скучным, невыносимым занятием?

— Тебе этого понять не дано, — начал подбирать слова старик, но прерыви не хватило, и собеседник перехватил инициативу.

— Отчего ж не дано, вот только мое знание отличается от твоего. Но прежде давай договоримся, что твоя война не важнее всех других войн. Иначе мы так далеко не уедем. Любая война — прежде всего грязь, кровь, а уж потом подвиги, победы, ордена. И твоя война отличается, скажем, от моей лишь размерами.

— Моя — Великая Отечественная, — просипел старик, у которого от возмущения перехватило горло, — я Родину защищал, когда вас, сосунков, и в проекте не было...

— Войны бывают разные, а страдания одни. Все мы из одного теста слеплены, у тебя тогда, а у меня недавно, осколками посеченные нервы одинаково вошли. Но как-то наши малые войны помогли зарубцевать раны той большой.

Старик с подозрением посмотрел на сидящего рядом человека. В рассеянном сумеречном свете ему показалось, что разговаривает с призраком. Никогда его собеседник не выглядел таким бесстрастным, холодным, бледным до синевы.

— Вот только люди не стали добрее и справедливее. Однако, чем дальше от войны, тем сами себе милосерднее кажемся. И все-то правильно делал: и когда наступал, и когда отступал, убитых жалел, живым радовался, раненым водички подносил... Главное, вернулся — грудь в крестах, а если голова в кустах — да было ли это... Ты в моем возрасте что же, вот такой мудрый, добросердечный был? Тоже, поди, зажигал, мама не горюй! Ни врага, ни себя не жалко. А как иначе — ни самому не спастись, ни других спасти.

Старик не знал, что ответить наглецу, и только глядел на него в упор казавшимися из-за толстых стекол огромными глазами.

— Я уже и так, и этак сравнивал, вывод неутешительный — человека не изменить. Можно только лоск поверх него навести. Потереть замшевой тряпчочкой, дохнуть, чтобы отпотел, и еще раз пройтись. Но он вскоре опять тусклый да грязный.

— Как ты смеешь, — свистящим шепотом сказал старик, — мы за победу столько жизней положили, лучших сынов отдали, а ты саму память о них хочешь испоганить. Бессовестный ты человек...

— Не совести ты меня, я поименно родичей, побитых на той войне, помню. Но столько жизней, — выдохнул он, — уму непостижимо, сколько... Я тебе хочу рассказать историю одну из моего боевого прошлого. Занозой сидит во мне. Мы тогда под Кандагаром стояли. В аккурат под Новый год прислали нам с пополнением молоденького лейтенанта. Мы калачи тертые, видим — не обстрелян, не обмят, тонковат в кости, глаза шибко умные. Интеллигент, одним словом. Не то чтобы не приняли, но и не приближали. Да он и сам как-то особняком держался. Ждали, как он себя в бою покажет. А он раз сходил на боевые, другой, сам жив-здоров, бойцы в целости-сохранности. Возвратившись, докладывает, что “духи” не появлялись, боестолкновения не было. Мы в толк взять не можем, в чем дело, разведка точно показывала, что должен был пройти в том квадрате караван, нет там другого пути. Начали выяснять, оказалось, что лейтенант со своими бойцами еще на тропе, на подходе к позиции, возьмут да шумнут как бы ненароком. И выкажут себя. А в горах много шума не надо, звяк-бряк — и нет противника. Прознав о том, ошалели сначала, а после взяли лейтенанта в оборот. И трибуналом грозили, и срамили, и унижали, а он стиснет зубы, желваки катнет и стоит на своем — ни за понюх табаку солдат терять не стану. Офицеры здороваться перестали с трусом. До того парня довели, что он даже питался от всех отдельно. Я, грешным делом, думал — не выдержит, застрелится. Но по большому счету придаться было не к чему: службу несет исправно, уставы соблюдает, вот только с боевых возвращается без потерь и без трофеев. А у нас, что ни бой — убитые, раненые.

— Предатель и трус, — медленно сказал старик, — и говорить тут не о чем. За невыполнение приказа у нас на фронте таких к стенке, и весь разговор.

— Я ему слово в слово то же самое в неприличных выражениях высказал. А он лишь побледнел от унижения, повернулся и пошел. Потом нашего изгоя потихоньку отправили в Союз, от греха подальше, и забыл бы я его, вычеркнул из памяти, если б меня однажды как током не дернуло — а если был прав он, а не все мы.

Потрясенный старик невидящим взором смотрел на человека, с которым он познакомился за бильярдным столом и проиграл ему несколько партий кряду, что прежде с ним, классным игроком, никогда не случалось. Тогда он, потрясенный проигрышем и сетуя на свое плохое самочувствие, не оценил блеска, с которым играючи расправился с ним неизвестный ему штатский с военной выправкой. И много позже, когда сошелся с ним в словесном поединке, понял, чего ему тогда не хватило — страсти и отсутствия боязни потерпеть поражение.

— Ты сам-то веришь в то, что говоришь, — разомкнул упрямо сжатые губы старик, — не можешь ты, боевой офицер, так считать.

— Знаешь, совсем не важно, что я думаю, важно то, что за этого лейтенанта до сих пор матери по всей России молятся и свечи за здоровье ставят. Потому как он им сынов сохранил, а не скормил шакалам, геройствуя. И больше того, позволил продолжить род и тем самым большую укрепу стране дать, чем вся эта странная война за счастье афганского народа.

— Злой ты, — поежился под зябким ветерком старик, — и значит, не можешь такое понять и простить. Не верю я тебе.

— Да и не верь, один ты, что ли, друзья-однополчане меня тоже слышать не хотят, а добрая половина скоро и руки не подаст, если убедится, что это не мой очередной заскок от пьянства или перенесенной контузии. Только и я своих пацанов старался оттуда целыми вытянуть и до мамки доставить, да всех не получилось, — протянул он с какой-то волчьей ноткой в голосе. — Как же вытянешь, если у них там за каждым камнем Аллах, — выцветшие глаза его на мгновение приобрели растерянное выражение.

Старик покачал головой и подумал, что если бы он знал, к какой душевной сумятице приведут эти разговоры, ни за что бы ввязался в них. Но уж очень хотел показаться, насладиться умной беседой. Разве он мог подозревать, что его собеседник так далеко зайдет в вещах, о которых ему рано задумываться — не перекипел еще.

— Так и с нами там Бог был, — задумчиво протянул он, — только мы этого не знали. Я точно не знал. Мы как-то на караван пошли, ночью сбросили с “вертушек” на скалы, к утру позицию заняли. И был у меня во взводе паренек, обычный такой, неприметный... Помню только, что нос в конопушках, брови белесые, то ли на солнце выгорели, то ли от рождения. Воевал, будто работу делал, надежно и основательно. Так вот, караван уже в ущелье втягивался, я по сторонам глянул, вижу, сидит мой пулеметчик за камнем и крестится. И, знаешь, лицо у него такое отрешенное, спокойное и твердое, что я уверился — так и надо. Потом такой крутой замес вышел, что я и думать забыл обо всем на свете. “Духи” нас обошли и сбоку ударили, как раз там, где я своего пулеметчика посадил. Не он бы, всем нам каюк, а так отбились и караван накрыли.

— Живой, — пошевелил бесцветными губами старик.

— Кто, пулеметчик? А что с ним делается? Он и после из всех переделок без царапин выходил, молитвой спасался. Ранило его легко уже в конце службы, осколок пробил каску, рассек голову.

— Ну, тебя-то там точно не Бог уберет, — сухо процедил старик и получил в ответ:

— Кабы знать, за какую малость прощен будешь... Может, и не вспомнишь даже, а на небесах тебе зачтется и перевесит все грехи твои тяжкие.

Старик собрался было возразить ему в своей обычной манере, но передумал. Не то чтобы своими рассуждениями тот поколебал его твердыню неверия, скорее оттого, что исчерпал обычные аргументы.

Старик в Бога не верил. Для него это состояние было естественным. Внутренне он всегда напрягался, когда при нем говорили о вере, но не возражал, полагая, что каждый имеет право выбирать себе опору в жизни. Его всегда смущало то обстоятельство, что в прежней, старорежимной жизни столько блестящих умов и благородных сердец были религиозными людьми.

Может быть, и я поверил бы, — сказал он себе, — да война выжгла много доброго, а после нее, чтобы восстановиться, потратил слишком много сил. Или мало? — смеялся старик.

В церкви он впервые побывал в прифронтовом городке, где формировались армейские части. В памяти от тех дней только и остались что суматоха и нервная усталость. А вот то, как старшина по темноте привел роту новобранцев на помывку в баню, запомнилось навсегда. Тусклый свет лампочек едва освещал тесное помещение. Мокрый туман плавал под крутыми каменными сводами. Опрокидывая на себя шайку воды, он задрал голову и увидел, что со стен на него взирают лики святых, покрытые крупными светлыми каплями. И только сейчас понял, что моется в храме. Его товарищ, владимирский паренек, понял это раньше и, склонив голову, что-то беззвучно прошептал, кажется, молитву. А потом произнес вполголоса: вместе с ними и о себе поплакал. А вот жив он или убили — вспомнить не смог. Хрупка, коротка жизнь человека — вдох-выдох, и вот уже растворился в небесах.

Старик было уже решил, что ему не стоит обижаться на этого колючего, неудобного человека, так упорно разрушавшего его устоявшийся мир. То же ведь хлебнул мурцовки. Собеседник его молчал, хмуро и отрешенно смотрел прямо перед собой, будто решая, какие еще силы бросить в бой.

— Стихи вспоминал. “В красном сне, в красном сне, в красном сне бегут солдаты, те, с которыми когда-то был убит я на войне...” — неожиданно продекламировал он хриплым голосом. — Так мог только повоевавший написать.

— Таким голосом только команды отдавать, а не стихи читать, — сказал старик, понимая, что разговор близится к концу, но не удержался и добавил: — А всю правду о войне ни тебе, ни мне никогда не узнать.

— А правду и нельзя обнажать до исподнего, голая правда может до смерти перепугать.

— Эх тебя забрало. Тебе-то чего бояться, себя разве что...

— Всегда есть чего бояться. Один человек мне рассказывал, что, целясь себе в висок, зажмурился, чтобы пороховые газы не попали в глаза. Приблизительно то же испытал я, когда танки по Белому дому душили.

Старик несколько минут потрясенно молчал, затем перевел дыхание и дрожащим голосом спросил, будто попросил милости:

— Ты, что же, и там повоевал? Я, увидев по телевизору танки, бьющие прямой наводкой по своим, заплакал, а с меня слезу выжать....

— Не воевал, а вводил порядок, — сухо ответил тот.

— Ты соврешь, не дорого возьмешь, — сказал старик, глядя поверх очков слезящимися глазами, — Ты, поди, и про Афганистан все выдумал, и про Москву.

— Жизнь не выдумаешь, она тебя так выдумает, мало не покажется. Ведь ты сам только что говорил, что за невыполнение приказа — стенка. Только в моем случае — трибунал. Живу все это время с ощущением — будто это я на своем горбу войну через границу перетащил. Гнилое время, — выругался он, — а жить надо, детей надо учить, а чему и на что...

— А что, теперь без денег не выучить?

— Я не о том. На что учить — на жизнь или на погибель. Что спасать вперед — живот или душу, — жадно спросил он, и старику впервые за все знакомство показалось, что в его стальных глазах мелькнула тень растерянности.

— Бог не выдаст, свинья не съест, — только и нашел, что сказать старик. Да и что тут скажешь, никто еще никого жизни не научил.

— Попрощаться пришел. Все, шабаш, приказ пришел, уезжаю, — вымолвил он. — Недовоевал, недослужил, денег и тех не заработал, одни ордена страны, которой уже нет.

Старик знал, что они никогда больше не увидятся, и проводил его долгим тоскующим взглядом. Офицер уходил легким скользящим шагом и скоро скрылся в угрюмой полутьме старых деревьев.

Поверху широкой плавной волной прошел ветер, пригнул и распрямил вершины деревьев. Закатное небо напоследок окрасилось светом красного золота. Пахло ивовой свежестью, горьким дымком и еще каким-то давно забытым весенним запахом, от которого у старика защемило в груди. Как мелко были его огорчения, неуместны стенания и бесполезны переживания по сравнению с жизнью, плавный поток которой могуче и неудержимо тек во времени и пространстве.

Белка ткнулась холодной мордочкой в руку и замерла. Близко вскрикнул тонкий лед на подмерзшей лужице, и тут же послышались чьи-то легкие шаги. Старик поднял глаза и увидел, что перед ним стоит девочка в розовом пальто и черных лаковых ботиночках. Нарядная кроха, наклонив голову в аккуратной шляпке, с любопытством смотрела на него.

И он постарался улыбнуться ей своей прежней щедрой обворожительной улыбкой. Девочка наморщила носик, отвернулась и спросила:

— Мама, а кто этот страшный дедушка?

В ответ донесся сочный ленивый голос:

— Деточка, это посторонний человек. Отойди от него.

Элегантная молодая женщина вышла на тропинку и нетерпеливо сказала:

— Пойдем отсюда, я же говорила, что здесь нет ничего интересного.

— А посторонний — он какой?

— Чужой.

— Чужой — значит ничей? — упорствовала девочка.

— Да откуда же мне знать, — похолодел женский голос, — пойдем, папа в машине ждет...

Девочка шагнула назад, но тут же изумленно вскрикнула:

— А у него из-за плеча белочка выглядывает!

— В городе белки не водятся, — назидательно сказала женщина и замолкла.

Белка порскнула на лиственницу, плавно перелетела на соседнее дерево и скрылась в гуще ветвей. Девочка зачарованно смотрела вверх.

— На, дай дедушке денежку, — торопливо сказала мать.

— Он бедный, да, ему кушать нечего? — по-взрослому рассудила девочка.

— Он не бедный, он бедненький, ничего в жизни не видел и уже не увидит, — вздохнула женщина, взяла за руку дочь и повела на протяжный трубный звук автомобильного клаксона, несущийся из-под горы.

Старик с рассеянной улыбкой смотрел им вслед, сохраняя легкое прикосновение теплых детских пальчиков, и не сразу обнаружил в руке свернутую трубкой денежку.

Тяжело опираясь на трость, поднялся со скамьи и медленно, загребая ботинками оттаявший палый лист, двинулся к выходу. Огибая черемуховый куст, отвлекся на мелькнувшую стороной белку и оскользнулся на замшелом бугорке. Пласт перепревшей земли расплзся под ногой, обнажив обломок серого надгробного камня. Сумей старик рассмотреть в сумраке, на какое препятствие наткнулся, может быть, и вспомнил, как на этом самом месте он по складам повторял вслед за дедом высеченную на граните надпись: "Здесь покоится купец I гильдии..."

ВАЛЕРИЙ ХАТЮШИН

ПОМНИ!

* * *

Я видел всё: и Север, и Сибирь,
и южный край, и западное море,
я испытал стремительную ширь,
я погулял в Союзе на просторе.

Я строил для страны газопровод,
я мерз в траншее в непросохшей робе,
в степях татарских возводил завод,
который нынче больше всех в Европе.

Я научился Родину любить.
Я знал тоску солдатских серых будней...
Возможно ль мне всё это позабыть?
Как на руинах в наше время жить,
которое чем дальше, тем паскудней?

Одна лишь цель мне может силы дать,
не жалко жизни, чтоб ее достигнуть:
Империю былую воссоздать,
врагам России по делам воздать
и Храм Спасенья на Крови воздвигнуть.

ХАТЮШИН Валерий Васильевич родился в г. Ногинске (Богородске) Московской обл. Закончил Высшие литературные курсы при Литературном институте им. Горького. Член Союза писателей России. Стихи, рассказы и статьи публиковались в журналах "Москва", "Наш современник", "Молодая гвардия", "Слово". Автор многих книг. Лауреат Международных литературных премий им. А. П. Платонова и М.А. Шолохова. Главный редактор журнала "Молодая гвардия". Живет в Москве.

НА РУИНАХ ЦХИНВАЛА

Им долго жить в разрухе и печали,
золой и пеплом их не Бог занес...
Играл оркестр в разгромленном Цхинвале,
и невозможно было спрятать слез.

Больной стране еще одним уроком
предстала эта общая беда.
В зияющих, пустых глазницах окон
застыл предсмертный ужас навсегда.

Торжественно-молитвенные звуки
лились над черной копотью домов.
Росла надежда — этот свет Христов, —
в глазах, остывших от сердечной муки.

Услышав и запомнив каждый взрыв,
все обойдя руины и воронки
и скорбный лик ладонями закрыв,
стояла Богородица в сторонке.

Играл оркестр, во тьме горели свечи,
вокруг умолкли птичьи голоса,
и слушали недвижно небеса
его звучанье в этот горький вечер.

Поджали когти ястребы войны,
но жаждут жертв кавказские капканы.
Уж сколько лет разорванной страны
кровоочат бесчисленные раны!

Над нами Божьей Матери покров —
как изболевших душ анестезия.
Нас крепче свяжет пролитая кровь,
Осетия, Абхазия, Россия...

УШЕДШАЯ РОДИНА

Дочь моя,
родилась ты в Советском Союзе,
лишь три года ты в нем пожила.
Об огромной стране, как о тяжелой обузе,
нам безродная нечисть лгала.

Да, мы Родины нашей тогда не ценили,
к морю южному мчась без труда.
Мы, как блудные дети, семье изменили,
и пришли к нам нужда и вражда.

Ты услышишь не раз, как о сказочном чуде,
об ушедшей Отчизне своей.
Той великой страны больше нет и не будет.
Много раз мы поплачем о ней.

Мы свободными были, спокойно общались,
всех нас праздник за стол собирал...
Мы с червонцем в кармане
на поезде мчались
хоть на Запад и хоть за Урал.

Не смогли удержать мы бесценного груза
ясных лиц и открытых дорог...

...Я стоял на земле пограничной Союза,
и Балтийское море плескалось у ног...

ОТЧЕГО?

То ль Гусинский сослепу угодил в тюрьму,
то ли Новодворская в задницу ужалена...
Что хотите делайте, только не пойму,
отчего евреи ненавидят Сталина?

Вроде бы совсем не он их сжигал в печах
и не он устраивал ночи им хрустальные...
Сталинские армии на своих плечах
вырвали из польмя племя загребальное.

За круги Полярные он их не ссылал
и не разевреивал, и не раскулачивал,
к женщинам их чувственным нежностью пылал,
книги их лакейские хорошо оплачивал.

Страшная, голодная, зверская война
загнала их в южную ссылку виноградную.
Майская, победная, сладкая весна
им вернула Родину нашу неоглядную.

И теперь мы, глупые, видим, как опять
депутаты думские крылышки расправили.
Умники болтливые в толк не могут взять,
что без воли Сталина не было б Израйля.

То ли Новодворская села на лугу,
то ли Березовскому клизма в ухо вставлена...
Сколько ни кумекаю, вникнуть не могу,
отчего евреи так не любят Сталина?

ЗА РОДИНУ, ЗА СТАЛИНА

Нельзя спокойно жить,
когда страна развалена.
Позорно русским быть
без Родины, без Сталина.

Куда ни кинешь глаз —
Россия опечалена.
Но в сердце есть приказ:
“За Родину, за Сталина!”

Бесовский легион
глядит на нас оскаленно.
Зовет небесный звон —
за Родину, за Сталина!

Надежда всех веков

на наши плечи взвалена.
Не пощадим врагов
за Родину, за Сталина.

Стальная мощь страны
отцами нам оставлена.
Нам гимны не нужны
без Родины и Сталина.

Сожжем в своей горсти
победную окалину.
Мы скажем вслух “прости”
и Родине, и Сталину.

В чаду зловещей тьмы,
в тисках врага заклятого
не отстояли мы
окопы сорок пятого.

На битву вновь пойдем.
Судьба на кон поставлена.
И коль в бою падем, —
за Родину, за Сталина.

ПОМНИ!

Слово твое — точно резкая бритва...
Взгляд — словно пепел, вмороженный в лед...
Воин Руси, не окончена битва,
помни и верь, наше время грядет.

Памятью мщения сердце наполни.
Нас не сожгут, не затопчут дотла.
Впитывай, слушай, фиксируй и помни
лица, слова, имена и дела.

Копится ненависть в нас не напрасно.
Будет и твой впереди Сталинград.
Чтобы отвага в груди не угасла,
помни, что нелюди с нами творят.

Русского беженца помни обиду.
Помни его разорённый уют.
Помни звериную злость ваххабита.
Помни коварство российских иуд.

АЛЕКСАНДР ЛЕБЕДЕВ

ПРОВЕРКА НА ПРОЧНОСТЬ

РАССКАЗ

Неделю назад старшего лейтенанта Веньку Крутова, артиллериста со сторожевого корабля “Лунь”, прикомандировали на соседний корабль, который заступал в боевое дежурство. Сегодня он благополучно сменился, прибыл на свой сторожевик, представился командиру, заслушал старшин команд. Причин для беспокойства вроде бы нет. Правда, мичман Загубисало доложил:

— Арсенальщик, матрос Зародов, получил недавно письмо и ходит, словно в воду опущенный. Откровенного разговора с ним не получается.

Крутову не нужно было напрягать память, чтобы представить образ матроса: среднего роста, крепкий, круглолицый, белобрысый, молчаливый, по-деревенски наивный, стеснительный и уважительный. Он сразу располагал к себе и вызывал добрую улыбку.

— Вызовите ко мне, — приказал старший лейтенант.

— Не может быть, он после обеда отпущен в город, помочь киномеханику получить хвильмы, — пояснил Загубисало.

— Жаль, надо бы с ним побеседовать, — расстроился Крутов.

— Успеете, дело не срочное, отдохнете, ниче за сутки не случится, — успокоил его мичман.

“Действительно, зря беспокоюсь, Степан парень основательный, из многодетной семьи, отпуском на родину поощрен”, — подумал Крутов, дал за-

ЛЕБЕДЕВ Александр Владимирович родился в городе Коломна Московской области в 1945 году. Более тридцати лет прослужил на Военно-морском флоте. Капитан 1-го ранга в отставке, кандидат исторических наук, доцент Балтийского Военно-морского института. Стихи и рассказы печатались в сборниках: “Антология калининградского рассказа”, “Балтийский флот”, в журналах: “Балтика”, “Параллели”, во флотских газетах и журналах. Живёт в Калининграде.

дание подчиненным и сошел на берег, на заслуженный выходной. Дома проблем хватало. В городке несколько дней назад вышла из строя котельная, в квартирах батареи отопления холодные, нет горячей воды, из-за снежных заносов не завозили молочные продукты и хлеб. Хорошо, на новоселье сослуживцы подарили электрический обогреватель. Венька сильно переживал из-за того, что ничем не мог помочь семье, пока находился в дежурстве. Всего один раз ему удалось поговорить с женой по телефону. Она заверила, что все в порядке, однако голос был какой-то тусклый, усталый, без обычных шуток и подначек. Только на расстоянии как проверишь, так ли это, или просто успокаивает?

Снег весело скрипел под ногами, искрился до боли в глазах. Настроение приподнятое: по службе все в порядке, дома ждут. Вот и торопился Венька: жену обнять, дочурку Анечку помянуть, по хозяйству помочь. Для корабельного офицера сутки на берегу, что для сухопутного месяц отпуска. Инна открыла дверь, увидела мужа, вспыхнула от радости, засуетилась:

— Доченька, иди сюда, папа пришел!

Смотрит Крутов, ну и дела! Отсутствовал всего ничего, а Аня уже пошла, неуверенно переставляет ножки, переваливается медвежонком, с трудом удерживает равновесие, но идет, ручки тянет. Не забыла папку! Поднял Крутов дочку, подбросил над головой. Аня ротик раскрыла, воздуха глотнула, рассмеялась. И боязно ей под потолок взлетать, и нравится одновременно. Дорогого стоят эти минуты. Наверное, такие семейные радости и помогают забыть о неприятностях и, как в уставе написано, “стойко переносить все тяготы и лишения воинской службы”. Поужинали, искупали дочку. В делах и разговорах вечер пролетел незаметно. И усталость подступила, и на сон потянуло.

— Как хватает у тебя сил целый день крутиться? — удивился Крутов.

— Любовь помогает справляться, — смущенно ответила Инна.

— К кому? Ко мне или к дочке? — ревниво спросил муж.

— К обоим, дурачок, пора бы догадаться.

Утром Венька вышел с лопатой размяться, снег возле подъезда почистить и нос к носу столкнулся со своим оповестителем.

— Ты что это в такую рань по городку бегаешь? — удивился Крутов.

— За вами, товарищ старший лейтенант.

— У меня же выходной, кому я так срочно понадобился?

— Командир вызывает. У нас ЧП.

— Нельзя ли поподробнее?

— Зародов с киномехаником в городе напились, подрались с гражданами, попали в милицию, потом в комендатуру. Помощник командира ездил их забирать.

— Не слышно, из-за чего напились? — спросил Крутов.

— Говорят, накануне письмо Зародов какое-то получил. Сильно расстроился.

Крутов бросил лопату, метнулся в квартиру, переоделся, чмокнул жену, дочку, бросил на ходу: “Не волнуйся, все нормально, обычное оповещение”, — и припустил на корабль.

— Товарищ старший лейтенант, вы бы помедленнее, я за вами не успеваю, скользко, — попытался остановить его матрос.

— Отстань, не до того, — отмахнулся Крутов и прибавил шаг.

Не за себя волновался старший лейтенант. Хотя, конечно, понимал — начальство по головке не погладит, выплет по первое число, может, и на классы не отпустит. “Да наплевать на классы. Главное, помочь Зародову, парень, видно, в разнос пошел, может бед натворить”. Между тем воображение рисовало картины одну трагичнее другой. То Степан, привалившись спиной к шпилью, открывает широко рот, засовывает в него ствол автомата и нажимает курок. То, закрыв глаза, сжав плотно губы, “поливает” из автомата по корабельной надстройке. Автомат трясется в его руках, пули с визгом рикошетят от металла. То дает очередь вверх, чтобы народ попрятался, а сам бросает оружие, подбегает к борту и бросается в студеную воду. Крутова передергивает, будто все это он видит в действительности.

“Надо было вчера не торопиться домой, дожждаться возвращения Зародова, поговорить с ним. Совсем ты, Венька, нох потерял, захвалили тебя, вот и получил подарочек”, — корил себя Крутов. “Неплохо бы письмом разыскать и товарищей опросить, наверняка, с кем-нибудь из них поделился арсенальщик своими переживаниями”, — продолжал он размышлять на бегу. И доразмыслился, поскользнулся на припорошенной снегом раскатанной ледяной дорожке, потерял равновесие и беспомощно рухнул. Острая боль пронзила правый голеностопный сустав. Крутов вскрикнул. Дотронуться до лодыжки было невозможно. Он с трудом, морщась, встал, сделал несколько шагов. “Когда же я до корабля доковыляю с такой скоростью?” — с тоской подумал Венька и беспомощно оглянулся. Подоспел оповеститель:

— Давайте помогу, товарищ командир. Опирайтесь на мое плечо, вдвоем на трех ногах допрыгаем. А может, здесь посидите, я мигом на корабль за санитарями. Они на носилках доставят, глядишь, быстрее будет, — ободряюще улыбнулся он.

— Еще чего? Хочешь, чтобы надо мной вся бригада смеялась. Нет уж, действуем по первому варианту — на трех ногах.

Ступня ныла, но боль стала терпимой, не мешала искать ответ на вопрос: “Почему Зародов выкинул такой фортель? На корабле видимых причин нет. Значит, их нужно искать среди родных, знакомых. Если бы что-нибудь стряслось с родителями, наверняка получили бы телеграмму. Девушка сообщила, что замуж вышла или выходит? Вполне возможно. Тем более, письмо от кого-то получил. Ладно, Пинкертон, не спешу с выводами. Информации явно не хватает”.

— Вон и бригада, товарищ командир! — радостно закричал оповеститель.

— Спасибо за помощь, дальше я самостоятельно.

Крутов снял руку с плеча матроса, шагнул вперед, покачнулся, но выровнялся. Стиснул зубы и пошел, прихрамывая, вытирая выступивший на лбу пот рукавом канадки. Дежурный по КПП мичман с удивлением и сочувствием посмотрел на необычный вид старшего лейтенанта, однако промолчал и отдал честь. Корабли бригады стояли на своих привычных местах, кормой к причальной стенке. Крутов доковылял до каюты командира корабля, постучал в дверь и, получив “добро”, вошел.

— Старший лейтенант Крутов по вашему приказанию прибыл, — доложил он без особого энтузиазма.

Командир оторвался от документов и недовольно произнес:

— На кой ляд ты мне нужен! Не мешай заниматься. Иди, работай! Да, совсем забыл, плохо подчиненных воспитываешь, Вениамин Петрович. Пьянствуют, дебоширят. Разберись!

— Есть разобраться, — продублировал Венька, кое-как повернулся и похромал.

— Стоять! — прогремел в спину командир. — Докладить обстоятельства!

Он всегда говорил короткими, рублеными фразами, и без привычки трудно порой было понять их глубокий смысл.

Но Венька имел достаточный опыт общения с начальником, все уяснил и так же коротко изложил суть:

— Торопился на корабль, поскользнулся. Упал. Повредил голеностоп.

— Свободен, — заключил командир.

Охая и кряхтя, артиллерист спустился в каюту, немного отдышался и вызвал старшего матроса Зародова для беседы. Однако вместо арсенальщика в каюте появился старшина команды, мичман Загубисало.

— Вениамин Петрович, Зародова на корабле немає.

— Мне сейчас не до шуток, Николай Спиридонович!

— Яки шутки! Помощник повиз обоих на гауптвахту.

— Зачем же меня тогда высвистали?

— Про то мне не ведомо.

— Может быть, и к лучшему, пока нет виновника торжества, разберемся, что к чему. Подчиненных от дел отрывать не буду, пойду в народ, пообщаюсь с людьми на боевых постах в непринужденной обстановке.

— Решение правильное, — одобрил мичман, — нога не помеха?

— Спасибо доктору — костьюлем вооружил, чтобы перемещаться по кораблю было сподручнее.

— Дозвольте уточнить: яка моя задача? — спросил Загубисало.

— Искать письмо! Наверняка оно где-то спрятано.

Крутов обошел все помещения и боевые посты, побеседовал с товарищами Зародова. Банальный случай: девчонка провожает милого в армию и клянется ждать, но больше года не выдерживает и выскакивает замуж. Об этом нетрудно было догадаться и без общения с подчиненными. Вот главного — что произошло в последние дни, какие намерения были у арсенальщика — выяснить так и не удалось. Усталый, измученный болью, Крутов добрал до каюты. “Не стоит расстраиваться, рядовой случай, выпил матрос, теперь вместо отпуска отдохнет на гауптвахте, ума наберется. Не его, а мать жалеть надо, которая сына ждет”, — успокаивал себя старший лейтенант. И сам же с собой не соглашался: “Есть матросы, которые служат через пень-колоду. Степан не из таких. Выходит, я плохой начальник, если недоглядел”.

Телефонный звонок прервал его размышления. Дежурный по кораблю сообщил, что вернулся помощник с провинившимися матросами, посадить их на гауптвахту не удалось. Крутов вызвал рассыльного и приказал немедленно доставить к нему арсенальщика. Чтобы не терять времени даром, Вениамин решил посмотреть тетрадь, в которую записывал адреса и телефоны родителей подчиненных. Номер телефона действительно был, правда, не домашний, а рабочий. В дверь постучали.

— Заходи, Зародов, — пригласил Крутов.

Однако перед его глазами вновь предстал Загубисало.

— Це я, — сообщил мичман.

— Вижу, — отозвался Вениамин, — но мне нужен не старшина команды, а арсенальщик.

— Его нема.

— Как нема. Пять минут назад он прибыл на корабль.

— Так точно, прибыл. В кубрике вытряхнул из рундука одежду, достал письмо, порвал, бросил и счез. Счас уся команда его ищет, — закончив доклад, Загубисало протянул командиру боевой части обрывки письма.

Видимо, Зародов торопился, нервничал — письмо было разорвано на четыре части скорее не для того, чтобы уничтожить, а от обиды. Крутов аккуратно сложил обрывки, разгладил.

— Как вы считаете, Николай Спиридонович, имеем мы право заглядывать в личную жизнь подчиненного? — спросил он старшину команды.

— Командиру дозволено знать усе, — уверенно ответил мичман.

Письмо было написано по-детски неровным, неуверенным почерком, крупными буквами, то разбегающимися, то тесно прижимающимися друг к другу. Содержание его уместилось на четвертинке тетрадного листа в клеточку:

“Степан, я узнала от тети Даши, что во второй половине января ты приедешь в отпуск. Я выхожу замуж. Свадьба на следующую субботу после Рождества. Моя к тебе просьба: сделай так, чтобы тебя в деревне в это время не было, не то все испортишь. Я тебя знаю. Наверное, больше не увидимся. Да и незачем нам встречаться. Мы будем жить в городе. Это то, о чем я мечтала. Ты ведь хотел молочную ферму завести, детей иметь поддюжины. Вот и пришлось бы мне до старости буренкам хвосты заносить, по дому крутиться, да ребятам сопли утирать. А в любовь я не верю. Каждый поступает так, как ему удобно. На остальных наплевать. Мне повезло, я свой счастливый билет вытянула. Еще раз прошу, не мешай. Прощай. Вера”.

“Что же получается? — рассуждал старший лейтенант. — Зародов специально напился, чтобы ему “зарубили” отпуск? Вот дурак, выбрал самый неудачный вариант. Конечно, девица обошлась с ним жестоко. Неизвестно, как бы я поступил после получения подобного послания, не исключено, запил бы горькую. Если только в этом состояла его задача, то он ее выполнил, и командирам-начальникам можно вздохнуть свободно, однако не исключено, что Степан продолжит свой протест против несправедливости, и тогда нас ждут неприятности посерьезнее. Надо немедленно разыскать Зародова”.

Вениамин позвонил дежурному по кораблю:

— Это Крутов, дай по трансляции: “Личному составу боевой части два большой сбор. Место построения правый шкафут”. Николай Спиридонович, — обратился он к мичману, — прикажите проверить все помещения и примите в поиске личное участие. Я к вам присоединюсь позже.

Отправив старшину команды, Вениамин доковылял до корабельного связиста:

— Паша, выручай. Надо срочно переговорить с матерью моего матроса. Вот номер ее рабочего телефона.

— Через два часа тебя устроит?

— Паша, у тебя же музыкальный слух. Я сказал: срочно.

— Какая необходимость? Никто не стреляет, и, насколько мне известно, все живы-здоровы.

— Пока.

— Ты меня убедил, жди вызова у себя в каюте.

Паша не подвел — не успел Вениамин устроиться в кресле, как раздался длинный, непрерывный звонок. В телефонной трубке сквозь шумы и потрескивания прозвучал взволнованный женский голос:

— Да, это Дарья Анисимовна Зародова. С кем я говорю?

— Это командир вашего сына, старший лейтенант Крутов.

— Ой, товарищ Крутов! Что там со Степкой случилось? Я всю ночь не спала, промаялась.

— Да ничего серьезного.

— Как же ничего! Вчера получила телеграмму: “Мама, прости и прощай”, а сегодня вы звоните.

— Уверяю вас, нет причин для расстройства. Я всех родителей обзваниваю, проверяю связь. Сейчас лично его разыщу и заставлю вам позвонить.

— Вот спасибо, на обед не пойду, буду ждать.

“Так и есть! Что-то серьезное задумал Степан. Он слов на ветер не бросает. Неужели действительно до стрельбы дело дойдет?”

И, словно в подтверждение сделанного предположения, на верхней палубе, в районе бака раздался одиночный выстрел. Сопки отозвались эхом.

Вениамин, забыв о больной ноге, рванулся наверх. На трапе его догнал сигнал боевой тревоги.

В голове стучала, отзываясь болью в висках одна мысль: “Лишь бы был жив! Лишь бы был жив!”. Смолкли колокола громкого боя и топот ног. Но наступившая тишина не успокаивала, а вселяла еще большее беспокойство и безнадежность: “Неужели застрелился?”.

Крутов успел преодолеть всего несколько ступенек, когда на него сверху обрушилось что-то огромное и тяжелое. Вениамин свалился вниз, ударился затылком о палубу и на мгновение отключился. Когда открыл глаза, увидел склонившегося над ним мичмана Загубисало.

— Товарищ старший лейтенант, звяняйте за ради бога, дуже спешил, не заметил.

— Куда же вы мчались, скажите на милость?

— Так до вас, сообщить, что Зародов жив, здоров, с автоматом залег на баке за волнорез, никого не подпускает, один раз пальнул для испугу.

— Спасибо, утешил. Помогли встать, наконец-то я с подчиненным встречаюсь.

— Тем более спешить надо.

В то время, когда Крутов с помощью своего верного помощника — Загубисало преодолевал препятствия, за носовой орудийной башней, у надстройки совещались командир, замполит, помощник и особист. Видимо, был выработан какой-то план действий, потому что командир произнес: “Добро”, выглянул из-за орудия и громко скомандовал:

— Старший матрос Зародов! Отсоедините магазин, положите автомат на палубу и ко мне — бегом марш!

В ответ вновь прозвучал выстрел.

— Вот негодай, в командира стреляет! — возмутился особист. — Надо вызывать спецназ.

— Да в воздух он стреляет, себя успокаивает. Однако нам от этого не легче, — возразил помощник и обратился к арсенальщику:

— Зародов, кончай валять дурака, потом будешь жалеть. Сделай то, о чем тебя просил командир. Не заставляй нас идти на крайние меры.

Все замерли в ожидании. Молчание обнадеживало.

— Может быть, одумался? — шепотом сказал командир и решительно направился в сторону волнореза, но срывающийся от волнения голос Зародова остановил его:

— Предупреждаю! Если кто-нибудь попытается приблизиться, я застрелюсь, мне терять нечего!

— И правда, пулю себе в лоб пустит. Тушиковая ситуация, потому что нам неизвестны причины, из-за которых произошел нервный срыв, — подвел итог замполит.

Подошедший Крутов услышал эти слова и, не спросив разрешения, вступил в разговор:

— Причина известна — несчастная любовь. Зародов получил письмо, в котором его девушка сообщила, что выходит замуж за городского парня и просит Степана не приезжать в отпуск, чтобы не мешать свадьбе. Вот Зародов и выполняет ее просьбу, я бы даже сказал — перевыполняет.

— Как командир боевой части, дайте краткую характеристику подчиненному, — приказал командир.

— Добросовестный, старательный матрос, службу любит, начальников уважает, товарища в беде не бросит.

— С ваших слов его впору к ордену представлять, а тут тюрьмой пахнет. На такую ответственную должность безответственного человека назначили, — съязвил особист.

— Не место и не время виноватых искать, — командир укоризненно посмотрел на особиста. — Предлагайте, старший лейтенант.

— Силой ничего не добьются. Зародов в таком состоянии, что запросто руки на себя наложит, стоит только слегка подтолкнуть. Я попробую Степана уговорить. Остальных он слушать не будет. — Крутов понял, что окружающие могут истолковать его слова неправильно, и густо покраснел. — Не потому, что я такой умный, просто Зародов меня знает лучше и, кажется, доверяет.

— Не пойдет! У нас не детский сад и не пансионат для благородных девиц. Боевой корабль. Нечего сюсюкать! — возмутился командир. — Заслужил, получай. У меня рука не дрогнет.

— Я тоже сторонник решительных мер, однако мы не на охоте и не волка матерого обложили, а пацана, у которого эмоции разум задавили.

— Действуйте, Вениамин Петрович, попытка не пытка, — поддержал Крутова замполит.

Командир промолчал. Венька только сейчас осознал, какую ответственность на себя взвалил и какой опасности себя подвергает.

“Откуда уверенность, что Степан согласится с моими доводами и сдаться? Разве исключен другой вариант: первая пуля достанется старшему лейтенанту Крутову, вторая старшему матросу Зародову? Стоит ли рисковать своей жизнью, чтобы спасти жизнь чужого мне человека? Каждый должен отвечать за свои поступки сам. Подумал ли ты о том, что будет с женой и дочкой, если они останутся одни? Много вопросов, друг Венья, и ответов на них у тебя, к сожалению, нет”.

Так рассуждал Крутов, не замечая, что с помощью ног и костыля уже вышел из-за башни и сделал несколько шагов вперед.

— Стойте, товарищ старший лейтенант, я стрелять буду! — отчаянно и безнадежно закричал Зародов.

Крутов замер, словно наткнулся на препятствие.

“Эх ты, знаток человеческих душ. Неужели до сих пор не понял: если и выстрелит сейчас Степан, то только в себя и никогда — в другого человека. Не о себе беспокойся, парня спасай”.

Комок подкатил к горлу. Вениамин судорожно глотнул, нервно кашлянул и произнес первую фразу:

— Степа, я только что разговаривал по телефону с твоей мамой, она получила от тебя телеграмму, всю ночь не спала, плакала.

Не дождавшись ответа, Крутов продолжил:

— Дарья Анисимовна очень за тебя переживает. Я постарался успокоить. Сказал, что у тебя все в порядке. Она сомневается, попросила, чтобы ты сам ей позвонил.

Зародов высунулся по пояс. Лицо бледное, под глазами синяки, руки судорожно сжимают автомат. Человек не в себе...

— Товарищ старший лейтенант, уходите от греха подальше, не травите душу, и так тошно.

— Не могу я тебя в таком состоянии одного оставить. Ты себя в угол загнал и не знаешь, как выбраться. Дай руку, я тебе помогу.

— Поздно. Я по одну сторону, вы по другую. Я уже у родных прощения попросил и у вас прошу. Вы за меня не переживайте, одним оборотом на свете меньше станет, не велика потеря.

Зародов скрылся за волнорезом. Послышался стук приклада автомата о палубу.

“Давай, Венька! Не оплошай!” — скомандовал себе Крутов и, оттолкнувшись здоровой ногой, “рыбкой” перелетел через волнорез. Через секунду прогремел выстрел.

Командир выматерился, отбросил карабин в сторону и метнулся вперед.

— Опасно! Виктор Иванович! Назад! — запоздало предупредил замполит и бросился влед за командиром, за ними устремились остальные офицеры.

Старший лейтенант Крутов сидел в обнимку с арсенальщиком старшим матросом Зародовым и приговаривал: “Все будет хорошо”. По лицу Степа на текли слезы. Автомат валялся возле вьюшки, забытый и ненужный.

ВИТАЛИЙ КРЁКОВ

КРОТКАЯ ДУША

* * *

Наша бедность завещана Богом...
Память сердца всегда дорога.
За сухим ископыченным логом
На закате темнели стога.
Вот и сумерки встали стеною:
Резкий отблеск дрожащих огней,
И пастух одинокий в ночное
Гонит за день уставших коней.
Наша бедность... В бурьяне избушка,
Да ведро над печною трубой,
Много неба и хлеба горбушка
В летний день с родниковой водой.
Одуванчиков жёлтых обнова,
На прополке картофеля мать...
Неустанно, как доброе слово,
Хорошо это всё вспоминать.

КРЁКОВ Виталий Артемьевич родился в 1946 году в г. Бийске Алтайского края. Автор книг "Лицо твоё" (1980), "Цветы соломенных полей" (1992), "Деревьев люд смиренный" (2005) и др. Член Союза писателей России. Живет в Кемерово.

* * *

Весною постной мир природы светел,
В нём юность и виденье тонких грёз.
И день-деньской музычит свежий ветер
Сухими отшелушками берёз.

Ещё часы кукушка не кукует,
И как у птички — в сердце лёгкий нрав.
И далеко до страстных поцелуев,
До шума листьев и купальских трав.

Унынья нет, не чувствуется тленья,
И старость станет не совсем страшна,
Когда вот так — блаженные селенья
В молитвах видит кроткая душа.

ВЕСНА В БЕРЁЗОВСКОМ

Среди карьеров и других веков —
В дождинках ранний мёд цветущей ивы,
Лилово-розоватых кандыков
И трепетных подснежников разливы.

А там, где речку повернул откос,
Где жадность родила отвал ползучий,
Темнеют пихты в неводах берёз,
И голосит из-под сугроба ключик.

И сходит жизнь. Не та, где я живу,
Да и не та, что по ночам мне снится.
А та, что током полнит тишину,
Которая должна была случиться.

* * *

И оттого, что в этом хлебе
Кому-то, а не мне везло,
Я жаждал, чтоб в осеннем небе
Завязло лебеда крыло.
Кричал ему: “Постой, товарищ!
Пусть груды зёрен на току —
Ты дожидать мне оставляешь
С полей созревшую тоску”.

.....

Но здесь душа моя прославит
На небе облачную рябь,
Лес хвойный в золотой оправе,
Плугами вспаханную зябь.
Всё чаще, уходящим, в спину
Глядит отчаянье полей...
Я, замерзая, не покину
Предела родины своей.

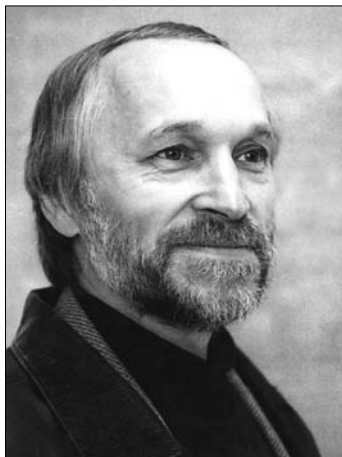
* * *

О, сколько розовых восходов
Среди неровных строк стоит!
Там, за плетнями огородов,
Рожок куренком голосит.

Там, встретив красотою звонкой,
Взглянув украдкой в лицо,
Моя знакомая девчонка
Начнёт скоблить и мыть крыльцо.

Там дни любви моей несмелой
Никак не могут отцвести.
Я всё хочу ей иней белый
С берёз в лукошке принести.

МИХАИЛ ПОПОВ

ВСТРЕЧНЫЙ МАРШ

РАССКАЗ

1

Как с этим бывало до недавних пор? То годами молчат, не тревожат, совсем не дают о себе знать; минует пять, восемь, десять лет, и в круговерти будней, в суете повседневности ты и сам уже забываешь, что есть у тебя одна, самая главная мужская обязанность... И вдруг звонок, повестка из военкомата, распишитесь в получении. Что? Куда? Военские сборы. Переподготовка. На всё про всё 24 часа. И в 9.00 ты, браток, как штык, обязан быть на сборном пункте, имея при себе военный билет, ложку-кружку и минимум необходимого на дорогу...

Примерно так произошло и тут. Походная труба взвилась по весне. Место назначения — Ярославщина. И — в путь...

По дороге выяснилось, что собрали их гуртом со всех родов войск, даже моряков, хотя ближайшее море, Рыбинское, и морем-то назвать нельзя. Волжский пузырь, вздувшийся по державно-индустриальной воле, — какое это море!

Дорога к месту назначения вызывала печаль и уныние. Зброшенные деревни, разорённые фермы и силосные башни, заметённые прошлогодним травяным мезозоем поля... И как причина исхода и одновременно укор — воздетый к небу перст колокольни посреди затопленного земного простора.

ПОПОВ Михаил Константинович родился в 1947 году на Русском Севере. Автор двух десятков книг, в том числе прозы, публицистики, литературоведения, книги для детей и юношества. Его работы переведены на ряд иностранных языков, в частности английский. Главный редактор журнала "Двина". Член Союза писателей России. Живёт в Архангельске

На службе, где не своя воля, сходятся когда как. Когда по ранжиру: “В колонну по четыре стройся!” Или по номерам: “На первый-второй считайся!” — и номер второй иногда становится первым у пулемёта. Или, как на фронте, — “на котелок”. Один, мелкий по калибру, меньше ест, зато тот, что кубатуристей, в случае надобы подсобит силой.

Так и тут. Их четверых сначала сбило-сплотило сборной теснотой, а потом они оказались в одном строевом гнездове — тогда и познакомились. Архип Малыгин с Белого моря, Ростислав Шелег из Ростова-на-Дону, Степан Бурцев с Нижегородчины, Игорь Смолин из Смоленска. Вроде и случайно сошлись, будто кибасы-поплавки в неводе. А ежели прикинуть — и закономерно. Один распускает, другой подначивает, третий дополняет, а четвёртый будто итог подводит. Или наоборот. В зависимости от обстоятельств или настроения. В русском мужике ведь всего понамешано: и швец, и жнец, и на дуде игрец; он то до невозможности мантулит, то баклуши бьёт; то лихачит, то горюет, то горе верёвочкой завьёт и тоску-кручину смехом разгонит...

После удручающих картин дороги, которая, казалось, не сулила ничего хорошего, им предстал не иначе оазис — до того аккуратным и чистеньким оказался военный городок. Светлый забор, обкошенная по периметру трава, листва на кустах подстрижена — причём как? — шарами, пирамидами да кубами, точно в английском парке. Чудно и чудно! Небось декоративные, ведь май же на дворе. Или настоящие, но покрашенные. Так заключили армейские бывальцы, поминая, как к приезду какой-нибудь папахи — например, инспектора из окружного штаба — красили весёленькой зеленью побуревшую траву. Шустрый Шелег сорвал листок — нет, живой и пахнет.

Армейская служба, в том числе и переподготовка, в обиходе — “партизанка”, начинается со стрижки и бани. Что может быть отраднее после долгой пыльной дороги, чем тазик воды да кусок духовитого мыла! А тут к тому же без ограничений — плещись сколько душе угодно! Да не торопись — старшины нет. Два дедка бородатые, видимо, вольноопределяющиеся — вот и всё обозримое покуда начальство. Дедки — в бане, они же — в столовой, да и в казарму до койки дедки препроводили. Спите, сынки, отдыхайте. Сил набирайтесь. Силы понадобятся...

Сон Ростислава Шелега

Донская степь. Устье Медведицы. Хата деда Фрола с краю хутора. За нею — колхозная бахча. Вот она и снится донскому казаку.

Они с дедом ночуют в соломенном шалашике. Спелое утро. Ростик-малоростик просыпается. В треугольном проёме видны алые лампы и ломти арбузов, крупно напластованные рукой старого рубаки. Выбираясь из тенёчка, Ростик жмурится и, справив по-скорому малую нужду, мостится к столику. Тут на блюде скибки арбуза, на полотенце ломти ржаного хлеба, в глиняном глечике парное молоко. Взгляд обхватывает всё разом. Но руки тянутся к арбузу. Фу! Фу! Округ пчёлы ворчат-гудят, тоже норовят к сладости. Деда они облетают, ни одна не коснётся телесного массива, а на него, мальчика, сердятся, угрожающе тычутся, не признавая хозяина. Эвон и сюда, и сюда, пучит возмущённые глаза Ростик, торкая себя в грудь растопыренными пятернями, словно прошивают его пулёмётной очередью. А дед смеётся: да ведь не кусают же! А и то правда. Дед ведаёт чудесные заговоры, и ни одна пчела не посмеет ужалить ни его, ни тем более внука. Потому и улыбается. Зубов у старого вояки осталось немного, а будто как во весь рот сверкают. Может, оттого, что больше глазами смеётся. Дед гладит его по голове, ерошит выгоревшие волосы, а потом берёт на руки и вздымает подвысь, дескать, расти, Ростик! А чтобы быстрее внучек подрастал, креп да закалялся, подтягивает небольшую, но обильную тучку и устраивает дождевой душ. Тот смеху да визгу, когда дед да внук пляшут в пузырящейся луже, обдавая друг друга брызгами.

Не эти ли брызги, создающие радужку, перекидывают мостик в другой сон? Это кузня. Здесь дед мастерит подковы и ухнали — гвозди для ковки. Мехи, раздуваемые ещё могучей казачьей рукой, вспучивают горнило. Поч-

ти выправленная подкова раскаляется добела. Дед выхватывает её щипцами, кладёт на наковальню, короткими ударами молотка довершает форму и тут же сунёт подкову в воду. Для закалу, поясняет он. Вода шипит, будто ошпаренная, клокочет, сердится. Немного страшно и одновременно весело.

Сон надевается на сон, ровно колечки на игрушечной пирамидке. Вот ещё один. Теперь снится, как дед среди зимы приезжает к ним в город. Он, Ростик, на ту пору первоклассник, гриппует. На ногах деда Фрола ичиги — длинные шерстяные носки, он мягко подходит к его, внука, кровати и подносит к уху спичечный коробок. Оттуда доносится ласковый стрекот. Что это? Дед загадочно подмигивает, тайничок открывается и... Сверчок! Куда девается хворь и хандра?! Прыг с кровати, словно болезни и не было. Вот это подарок! А дед для закрепления процесса выздоровления, оказывается, ещё один сюрприз приготовил. Откуда-то из потая, из присердечного кармашка он извлекает другую коробочку. Сим-сим, открой дверь. Это дед так приговаривает. Открывается створочка. На зелёном листике клевера — это в канун Нового года — покоится божья коровка. Живая? Божья коровка, обиженная недоверием, поводит крыльшками: а ты как думал?! “Божья коровка, полети на небо...” Дед с внуком начинают распевать известные детские заклички, а потом, когда запас подходит к концу, придумывают сами: небо рифмуют с хлебом, а приветы — с летом. Ещё бы! Ведь так хочется опять под бок Медведицы, на бахчу, где пахнет арбузами, мёдом, где поют гимн лету укрощённые дедом пчёлы и шмели.

Сон Архипа Малыгина

Для моряка дневной сон — адмиральский час. О чём сны? Когда как. Сейчас о насущном, свежем. Вот облачили во всё белое, чистое. Остальным-то невдомёк... А моряку-подводнику заметно: так экипируют в радиоактивную зону, к реактору. Белая рубаха, белые исподники, белые бахилы с подвязками, счётчик в нагрудный кармашек — этакая авторучечка, которая трещит, как запечный сверчок. Разница лишь в том, что сверчок мажорит, а тут — опаска, сплошной минор... Впрочем, стоп, чего раньше времени... Счётчиков не выдали. Ни кирзачей, ни ботинок, ни бахил — сандалики только лёгкие. Во сне, однако, недоверие: мягко стелют, да жёстко спать. Может, в зону всё-таки... Опыты на людях. Бывало же такое. На взрыв ядерный гнали людей...

И тут как облегчение — батя. Батя всегда является вовремя. На то он и батя. И слова верные, и тон. И даже просто молчание. Скупая улыбка, ласковые мудрые глаза. И этого довольно.

Батя — авторитет. Всем и во всём. А ведь тоже был мальцом. На судострой пришёл со школы. Щуплый был, невысокий. На “букашках”-дизельюшках начинал работать, подлодка чуть не военной поры. В первый же день трудовой биографии отправили на “заказ” — ту самую “букашку”. В самой корме надо отдать запорный клапан. Взрослым работягам невпротык — лаз, что лисья норка. Кивают ему. Сунулся — пролез. Ключ 20 на 24. Восемь шпилек. Гайки отдал, то есть открутил, клапан снял. А назад как? Лиса, когда выбирается наружу, ведь разворачивается в норе. Да он-то не лиса, даром что ещё невелик. Да и места для разворота нет. Вытаскивали мальчика за ноги, об острую кромку робу порвали, колено ободрали. Вытащили, а он на ногах не стоит: надышался там в щели угаром масляным да малёхо струхнул, вот и обнесло. Ничего-ничего, скалятся мужики, давая понять, что вроде крещение принял. А вечером к себе в общагу звали и ему, шестнадцатилетнему, они, мужики по тридцать и больше, спирта на равных плеснули...

Видится это Архипу и представляется, что всё это было и с ним. С батей, конечно, но и с ним будто. Ведь судострой, флот да судоремонт — составные части единого целого.

Североморск. У причала — стальная акула. Это теперь ваш дом и наша общая государственная крепость, внушает командир новичкам. Батя этот дом и эту крепость ремонтировал, а он, сын, попал служить сюда. Причём гид-

роакустиком — на ту самую систему, которую батя отлаживал. Батя — Ползунов, Кулибин и Попов в одном лице, первый спец по акустике, а ещё потомственный слухач. Дед его, старовер, певший в старообрядческой общине по крюкам, слышал на сажень крога, по шелесту крыл определял заречную птицу, безошибочно выводил лодку туда, где стоит-дремлет, пуская пузырьки, щука. Абсолютный слух у них с батей от пращура. А у него, Архипа — ещё и имя. Комиссия призывная удивилась имени. А оториноларинголог — слуху: небось, в музыкальном учился? Учиться-то учился, да пришлось оставить — нечем стало платить. Середина 90-х, сплошная нищета! Батя, классный специалист, получал копейки. Доходило порой до того, что одной капсунтой питались. В заводской столовой по карточкам хлеб давали, как в войну.

Хорошо, брат выручал. После учёбы в совхозе-техникуме его оставили там мастером. Вот он и подбрасывал кое-чего в город: то картошки, то муки, то лытку мясную...

При мысли о брате сон Архипа меняет курс.

Старший брат Антон потянулся к земле. Батя поначалу ворчал: шёл бы во вуз, на производство. А потом и смирился, заключив, что это гены, ведь он и сам в деревне родился, а стало быть, крестьянский корень дал свежий побег.

Антон осел близ родных батиних мест, на Онеге. Там женился, дети пошли. Но горбачёвско-ельцинская лихоманка порушила весь уклад, все его намерения и планы. Сначала ушлые людишки, неведомо откуда взявшиеся, разорили совхоз, умыкнув ценное оборудование, часть техники и комбикорма. Попробовал Антон с соседями пришедьцы, по сути бандиты, сговорившись с районными временщиками, налогами, проверками да подзаконными актами задушили их артель. Тогда Антон — делать нечего — основал фермерское хозяйство. На пай ему передали трактор, клин пахотной земли и часть пастбища. Завёл коров, отсеялся, всё как полагается, трудился не покладая рук, аж почернел. Да не задалось его фермерство. Что ни год — одни убытки. Молока не сбыть — рынок поделен теми же “братками”. Топливо, что ни месяц — дорожает. Ну, не дико ли — литр солярки по цене равен литру молока! Где тут выстоять?! То с хлеба на воду, то с воды на хлеб. А в семье уже трое огольцов. Кормить-поить надо, в школу справлять...

Такой вот сон снился Архипу Малыгину, подводному слухачу. Не сон — сплошные акустические помехи. И это означало только одно — не отлажена или вовсе не годна установленная система.

* * *

После сна состоялось построение. Двадцать с чем-то душ — почти взвод. А перед ними — те два деда с бородами, что обихаживали их в бане и в столовой. Ёшкарне! Как же они опростоволосились! Как же сразу-то не смекнули, что это не вольнопёры. Ведь видна же стать и выправка офицерская, даром что без привычной формы! Ну и ну! А они-то, ухари: вели себя за столом по-панибратски, без субординации! А ну как это — испытанье, проверочка на вшивость, и бородачи-командиры теперь отыграются?!

Деда тоже были во всём светлом. Ни погон, ни нашивок — поди догадайся, как обращаться. Но меж собой они различались.

Один высокий, неторопливый, скупой в жестах. Облачение на нём какое-то старинное, не иначе древнегреческое, так заключил Игорь Смолин, отучившийся два курса в пединституте. Но туника это или тога, определить не смог. Наверное, он старший, возмочно, даже генерал — у него и обутка красовитеес. Так заключил Архип Малыгин, обратив внимание на сандалиии. А на груди что? Может, орден, предположил Шелег. Фибула, пояснил Смолин, не исключено, эмблема подразделения, но добавил без уверенности. Сейчас ведь форма меняется, что тебе женская мода. То фуражка замахом до небес, облака цепляет, то карманы накладные (“Для сбора дани”), то кепи, как у “пиндосов” или эсэсовцев из зондеркоманды. Это вместо пилотки-то. Поди, разбери, чьей армии вояка!

Другой бородач был в длинном рубище, подпоясанном то ли тонким кушаком, то ли ремешком от нагайки, и в светлых портах. При этом босой, даром, что земля ещё не совсем прогрелась. Рукава до локтей закатаны, руки мускулистые, работные. Полковник — не полковник, но видать, боевой, не чета нынешним паркетным генералам.

Говорил больше именно он. Стёпка Бурцов, нижегородец, прозванный сходу Разиным по говору его — окающему да обстоятельному, — почуял волжанина: “земля”!

Ничего особенного на построении сказано не было. Обвыкайте, знакомьтесь друг с другом, думайте. Это пока главное. Режим свободный, всё основано на самосознании и товариществе. В учебной части есть всё необходимое: уставы, история войн, тактика и стратегия современной войны, экономика мировая и отечественная, аналитика, статистика, публикации ведущих экономистов и политологов... О дальнейшем узнаете. Но задача предстоит ответственной.

Доверительное отношение настраивало на деловой лад. Занимались добросовестно и основательно, благо в учебной части всё для этого было: персональные мониторы, аудиокабинки, книжные полки. Всё усвоенное, представленное в доступной, убедительной форме, возбуждало мысли и чувства. Хотелось поделиться, обсудить. Но в учебной части стояла тишина. Так было условлено. Лишь иногда, словно порыв ветра, пронеслась чья-нибудь безмолвная реплика. Ты посмотри! Я перед дедом-казакон благоговел. Перед его годками-фронтовиками по струночке ходил, хотя и вырос, а погонами уже и перерос... Они же герои, богатыри... А этот аника-воин, метр с кепкой, который и в армии-то не служил, перед фронтовиками сидит...

* * *

Дневная самоподготовка плавно перетекала в вечерние посиделки, вот тут-то и начинались разговоры-обсуждения, воспоминания да сравнения.

Обихаживали их, как и прежде, деды-бородачи. В разговоры они не вступали, держались просто и ненавязчиво. По вечерам подносили вина. Угощайтесь, сынки. Вино было лёгкое, ласковое. Оно не растравливало душу, а наоборот — успокаивало.

Шелег опять вспомнил своего деда. Однажды на фронтовом биваке казак Фрол раскинул самобранку для двух генералов: Доватора и Белова. Обедом те, хоть фрицы и “поперчили” минами, остались довольны. Доватор помянул сказку, как один мужик двух генералов прокормил. Фрол Шелег насупился: казак, Лев Михайлович, казак, товарищ генерал! Да, добавил Смолин, у классика мужик — двух генералов... А у нас два генерала — целый взвод потчуют...

Смолин с вином не спешил — душа меру знает, — хоть и по вкусу пришлось оно. Это не сырец вперемешку с тушёнкой возле колёс БМП да к тому же вприкуску с дымом... Посвист пуль, чад и копоть. Что там дотлевет в воронке? Резина какая-то — ошмётки шины или привода... А ты приглядиись. То не резина, то чья-то рука чадит, обдтая фосфором...

Сон Игоря Смолина

Вино уносит от войны далеко — никакой “стингер” не достанет. И из Герата уносит, где ранило, и из Ашхабада, где полгода валялся в госпитале. Куда же уносит ласковая хмельная волна бывалого солдата? Да домой, в Смоленск, на родину.

Казалось бы, какой дом у сироты? Приют, потом студенческое общежитие, потом казарма, откуда увезли на войну. А вот нет. Дом и семья — это тётя Капа, крёстная мать. Ещё в отрочестве она тайком крестила его. Хотела усыновить, да не позволили: зарплата детдомовской кастелянши крохотная, а жильё — одна комната в коммуналке, мало. Точно приютская спальня с двухъярусными койками — царские палаты. Формально семьёй

они с тётёй Капой не стали, но духом с мамой Капой соединились навечно и для подтверждения этого обменялись крестиками. Вот этот крестик, что мама Капа повесила ему на шею, провозжая в армию, и спас его в Афгане. Он знает — был знак.

Сон сержанта Смолина пульсирует, что пламягаситель пулемёта, а виденья отскакивают, точно отстрелянные гильзы.

Вот глаза Ленки, его первой и единственной любви. Когда-то ликующие, хохочущие, мерцающие в темноте и удивлённые на рассвете, они потускнели. Она прячет их за веками, не в силах поднять взгляд, и глядит на его грудь: слева медаль “За отвагу”, справа орден Красной Звезды. Губы её кривятся: ге-еро-ой. Но почему такой тон?! Точно это не она его предала, а он её. Да ведь неправда. Это она польстилась на богатого жениха, выскочила замуж, а потом оказалось, что деньги у того ворованные... Очнись, Лена! Ты сломала жизнь себе и мою — тоже... Я бросил институт, ушёл в армию, попал на войну, был ранен. Вот здесь, под орденом, след от пули... Разве всё это справедливо?!

Жажда справедливости — его корневое чувство. Именно оно побуждает к действию. Вот он, Игорь Смолин, депутат областного совета. Не всё понятно с новыми законами. По сути, кажется, правильно, но за ними, будто тень, возникают подзаконные акты, которые творятся в теневых кабинетах. Голосуешь за одно — правильное и справедливое, — а на деле оказывается совсем другое — лживое и двусмысленное. Да ведь и немудрено. Среди депутатов немало подозрительных лиц. Один из них — бывший муж Ленки; не успела просохнуть печать на судебном протоколе, а он уже на воле, да к тому же в народных избранниках и пользуется депутатской неприкосновенностью.

В Афгане было куда как проще. Вот — свои, вот — чужие. Цель на мушке и — пали. А тут вроде все свои, а как чужие.

А вот Москва. Поехал туда, узнав про комбата. Его комбат, которого он вытаскивал раненого из-под огня и закрывал собой, чтобы не добились “духи”, стал политической фигурой. Майор, Герой Советского Союза, депутат Верховного Совета или в обратном порядке, но прежде всего крепкий русский мужик, настоящий человек.

Ни в свой кабинет, ни в номер гостиницы, где он проживал, комбат своего спасителя не пригласил — всё прослушивается, увлѣк в загородный ресторанчик, подале от чужих ушей. Многое открыл ему комбат в том застолье. Чужих во власти больше, чем своих. А внешне свои — многие куплены, начиная сверху. И этот, с пятном, и этот, трёхпалый, и те, что в комиссиях по Вильнюсу и Тбилиси... Куплены с потрохами и исполняют чужую волю. А в заключение разговора комбат тихо обронил: остерегайся, Игорѣк, а лучше уходи, пока не опутали. Душа у тебя хрупкая, предательства не вынесешь и, не дай Бог, чего-нибудь натворишь, сломаешь себе жизнь.

Больше с комбатом они не виделись. Он погиб с оружием в руках в октябре 93-го года, защищая Белый дом и законную власть. Но где похоронен, где его прах — никто уже не ответит: говорят, закатали танками...

Увидев по “ящику” расстрел Верховного Совета, Игорь ушёл из областной власти и снова подался в армию. Там было проще, и, казалось, он, имеющий боевой опыт, там нужнее. Было это в 94-м году. А накануне Нового года их полк бросили на Грозный...

Унесло было вино в мирную жизнь, но война опять настигла солдата. Да и куда денешься от горькой памяти?! А кинула она на сей раз сержанта Смолина на площадь Минутки — в самое пекло. Прислонившись к остову разбитой БМП, он тупо глядит, как догорает рука то ли стрелка, то ли механика-водителя. А вокруг вороньё, которое не пугает ни чад, ни канонада. Грачи — на харчи! — хрипит раненый старлей, командир их разбитой роты. Материть министра обороны и трёхпалого верховода бессмысленно — ни совести, ни чести там нет, они, кинувшиеся в бойню необстрелянных мальчишек, не застреляются. Стреляется старший лейтенант, принимая на себя вину. Так заведено кодексом офицерской чести.

Деды-бородачи — оба генералы. Все сошлись на том по настойчивому убеждению Стёпки Бурцева. Не желал Разин, чтобы “земля” был ниже званием. Однако же уступку сделал: высокий — по боевой подготовке, а его, Стёпки, “зёма” — по хозяйственной части. Это же видно. Высокий — статный, осанистый и борода княжеская, так и видится впереди богатырской рати. А “земля” попроще: коротконогий, чуть косоплечный, приземистый, зато рукастый и туловом взял.

Сон Степана Бурцева

Стёпке во сне видится огромная кошара, где работает его дядька. Это в приволжских степях, куда мать отправила его на каникулы. Дядька отбирает в загонах ярок и баранов. Коренастый и рукастый, он стоит поперёк овечьего потока и делит его на две части, хватая животину за рога или холку: этого сюда, эту сюда, этого в отару, этого на забой. И руки его, что поперечины шлагбаума, ни на миг не замирают — туда, сюда, туда, сюда...

Это тогда Стёпку впервые коснулась мысль о судьбе, о жизни и смерти. Кто же решает это — быть тебе или не быть? С овцами понятно — дядька Митяй, а с людьми? И почему выходит так, а не иначе? И случайная смерть — это тоже судьба или её вывих? Вопросов было больше, чем ответов. Он так и не решил ничего, пока не попал в армию. Служить выпало в миротворческой части в Абхазии. Тут смерть приблизилась к нему на расстояние винтовочного выстрела. Вопросов не стало, а ответов было два: или — или...

Сон Ростислава Шелега

До чего же спится после этого вина! И сны всё ласковые. Вот предстаёт в полном составе семейство: жена Тая и сынки-близнята Тёма и Тима, то есть Артём и Тимофей. Где это? А-а, на кладбище, возле могилы деда Фрола. Весь крест увит плющом, к кресту ластятся тимофеевка, люцерна, вьюнок, колосья пшеницы и ржи... Всё, что дед любил и лелеял. И пчёлы округ вьются, и шмели — тоже на помин собрались — жужжат умиротворённо, благодарственно.

Большую жизнь прожил дед, говорит Тая, — почти девяносто... Да, кивает он, а ведь и ранен был, и контужен не раз. Три ордена, в том числе Славы... Боевой был. А в мирной жизни мухи не обидит. Так по сию пору вспоминают на хуторе. Всех приветит, обласкает — всякую былинку, букашку... С миром ладил, потому и прожил почти век... А мы? — встревает Тёма. А мы, — подхватывает Тима, — долго проживём? И мы долго, — уверяет он, отец. — Если будем миром жить. Землю свою беречь, реки, леса, воду, воздух... Родину.

Иногда отцы-командиры покидали пределы части, отлучаясь по неизвестным, только им ведомым делам. И тогда руководство подразделением поручалось Игорю Смолину. Старший по званию, он был замкомвзвода в Афгане, под Грозным, а когда погиб взводный, взял командование остатками взвода на себя — дело привычное. Так и тут: выводил бойцов на построение, объявлял распорядок дня, давал хозяйственные поручения, вёл занятия, когда завершалась самоподготовка. О чём говорил? О том, что положено знать солдату: обстановка в мире, в стране, кто с кем и за кого — тут всё важно. А ещё, конечно, собственным опытом делился и побуждал к этому сослуживцев. Он у всех разный, житейский багаж — у кого больше, у кого совсем крохотный. Но ведь из таких малостей и складывается вековой народный опыт.

...Самый младший, Стёпка Бурцев вспоминал свой миротворческий блокпост. Южная Осетия. Август. Звёзды, как гроздь винограда. Стрекот

цикад. Покой и тишина. Пользуясь случаем, принялся он при свете фонарика читать письма родителей. Подвернул ближе к огоньку и тут — пуля, как раз посередине матушкиного письма. Письмо вспыхнуло — пуля, видать, была зажигательная. Так и не узнал, как там дома, как здоровье матери, как ведут себя младшие братья — Санька да Гешка. А отцовское письмо сбереглось. Отец уехал на заработки в Германию. Работал на какой-то стройке вместе с греками и турками. Эхма! Как же всё перемешалось в этом сумасшедшем мире! Отец — внук боевого танкиста, который дошёл с боями до тех самых немецких земель, где теперь вкалывал на подёнщине его наследник. Но самое печальное даже не это. В экипаже деда, по его рассказам, был грузин, механик-водитель, верный друг и боевой товарищ, звали его Автандил. Кацо погиб под Берлином, на пороге Победы, общей Победы и русских, и грузин. А теперь грузинская пуля упорно выискивает правнука русского танкиста Бурцева, в экипаже которого воевал грузин Автандил.

...Архип Мальгин горевал о старшем брате. В очередной раз Антон взял кредит. Банк — кабала. Но что делать? Жить надо. Надеялся на осень — думал рассчитаться. А лето выдалось мокрое, кислое. С урожаем пролетел — ни зерновых, ни картошки, ни овоща... Даже сена путного не накосил. Пришлось коров пустить под нож. Не расплатился, мало оказалось. Банк отобрал и трактор, и навесные орудия, что кушил по весне. И всё равно долг остался. Потом и дом под опись пошёл. Жить в нём живут, но по сути дом-то уже не свой. Как приживалы ютятся...

Эх! — Шелег рубанул невидимой шашкой. — А страна-то своя? Ведь вся уже продана да заложена... — и снова рубанул, до того пылала душа.

2

Путь предстоял неблизкий, однако по раскладам дедов-командиров, которые вышли проводить питомцев, на исходный рубеж подразделение должно было выйти в срок. Ждать да догонять — хуже нет. Последняя команда, первые метры пути, и вот уже скрылись, растаяв в дымке, силуэты гостеприимного военного городка, и невеликую, что журавлиная вереница, колонну поглотило безбрежное российское пространство. Где просёлками, где большаком, то мимо сельских погостов, то близ монастырей, которым отдавались поклоны, подразделение двигалось к цели.

Яблочный Спас благоухал плодами и крестными ходами. То же — на Успенье Богородицы. Крестные ходы, как ручейки, сливались в реки и текли к монастырям, заветным православным местам. Туда же устремлялись и наши ратники.

Один попутный крестный ход оказался особенно велик. Шли дети и взрослые, женщины и старики. Глаза их лучились верой и убеждённостью. В поток крестного хода вливались новые живые ручейки, полня его русло. Тут шли старики-фронтовики, ветераны самой лютой войны. Хоть версту, хоть до того вон поворота, докуда хватит ещё сил. Стучали костылями мужики-“афганцы” и парни, которые горели на таджикской границе, в Чечне, в Дагестане. Шли, глухо скрипя протезами и стуча палками-подпорками, ветераны Даманского, чехословацкого противостояния, вьетнамские и ангольские добровольцы... Много их было на последнем русском веку — воинов, кто по приказу или голосу совести брал в руки оружие. Вот это и был воистину народный фронт — не чета лукавому спектаклю, который затеяли идеологи власти.

На каком-то рубеже этот ход был остановлен. Шествие, благословлённое епархией, показалось подозрительным стражам порядка. Дорогу перегородили полицейскими “узиками” и “КамАЗами”. А “КамАЗы”-то оказались не простые, а “воронки”. В такой стоймя можно затолкать человек шестьдесят, а то и поболее. Знать, забеспокоилась олигархическая верхушка, коли создала новый общественный транспорт. Так пронизировали остановленные богомольцы.

По-разному встречали крестный ход в городах и весях. Опасливо и отчуждённо отражали хоругви и лики Спаса тонированные окна банков и разных ростовщическо-меняльных контор. В окнах новорусских особняков

трепетали жалюзи, в тень бетонных заборов прятались угрюмые охранники, и даже цепные псы задавливали свою икотную злобу при явлении полноводного хода. Зато народ, простой деревенский и городской люд, встречал крестный ход поклонами и крестными знаменами.

* * *

Долго ли, коротко, но до цели осталось рукой подать. В сизой осенней дымке проступили силуэты Москвы. Здесь, на подступах к столице, подразделение, что вёл сержант Смолин, встретилось с другими ратниками. И тогда открылось, что таких подразделений, сведённых волей двух бородатых генералов, собирается великое множество. Это передалось по цепочке. Одни с Севера, как они, — следом за журавлями. Другие — с Юга, встречу перелётным стаям. Третьи — с восхода, от солнца. Четвёртые — с заката, встречу ему. Крестным путём и в великом множестве.

Где незримо, а где и явственно ратники обтекали столичные предместья, пересекали МКАД, Садовое кольцо. Одни встали округ Москвы на шести холмах, иные устремились к центру. Среди таких было и подразделение сержанта Смолина.

И вот они — на краю Красной площади. За спиной собор Василия Блаженного. Слева Кремлёвская стена и Спасская башня. Справа Лобное место, давно не используемое. Против — Исторический музей, куда российская власть не захаживает...

Почему российские правители не учатся на уроках истории? Почему заставляют народ то и дело наступать на те же самые грабли, сберегая при этом свои медные лбы? Почему едва ли не главная их черта — верхоглядство?

Тем, кто стоит на краю Красной площади, есть о чём спросить у новых верховодов и есть за что предъявить счёт их предшественникам.

Игорю Смолину требуется отчёт за бездарный марш на Грозный и кровавую бойню, в которую верхогляды-верховоды бросили русских парней. Память заходится в крике, кружа над тем местом. Вот падает, догорая, чья-то рука, подле — отсечённая голова. А вокруг враги. Скалятся, глумятся. Бородатый абрек пучит жёлтые глаза. Сними крест, не то хуже будет! Кинжал жалит ярёмную жилу. Струйка щекочет горло. Нет? Тогда разведи руки. И вот он — живой крест, распятие в стылом воздухе. Взмах тяжёлого тесака — и летит в огонь отрубленная рука. Его, Игоря, левая рука — это она без конца пылает в пламени памяти. А следом... Господи, помилуй! Спаси и сохрани! Дай сил снести муки! Троеперстие касается лба и живота... Не успеть... Душа взмывает безмолвной птицей. А крестик? Вот... Крестик, надевший крестной мамой, как завершение знамения. Руда из разъятой артерии срывает его, но он не пропадает, а падает в ладонь правой руки, и десница Игорева в последний миг сжимается в кулак, оберегая святыню...

Свой спрос и у Степана Бурцева, рядового миротворческого батальона в Южной Осетии. Почему не сработала дальняя разведка? Была ли таковая вообще? И если была, почему не известила, что танки тифлисского шизофреника выдвигаются на исходные позиции? И если известила, почему в верхах не приняли упреждающие меры? Почему тянули с решением? Почему так поздно пришла подмога? И за что грузинская снайперская пуля оборвала его, Стёпки Бурцева, девятнадцатилетнюю жизнь?..

Свой счёт к Москве и у Ростислава Шелега. Донской рыбинспектор, гроза браконьеров, он направлен в дельту Волги, чтобы укротить осетровую мафию. С жуликами никаких компромиссов: вор должен сидеть в тюрьме. Штрафы, посадки, а в ответ угрозы. Противостояние с бандитами, повязанными с Москвой, доходит до предела, пока не доносится команда "Пли!". Отсюда, из столицы, летит подлая команда, и шесть латунных пчёл разрывают навывлет казачью грудь. Заплакал на небесах старый казак Фрол. Его кудесные заговоры тут — увы! — бессильны. Не выдерживает удара сердце Таи. И вот уже кладбище, и два гроба. И возле них ополовиненное семейство: близнята Тёма и Тима. И вся жизнь...

Особый спрос к власти у подводника Малыгина. Архип Малыгин — гидроакустик АПЛ “Курск”. Лодка на дне, она недвижима и безмолвна. В живых, похоже, только он. По шее что-то ползёт. Божья коровка? На морском-то дне? Нет, это не коровка, это кровь. Она точится из ушей. Это неправильно. Уши должны не источать, а впитывать. Кто это сказал? Да батя! Кто же ещё?! Ещё в детстве, когда лечил от кори. Батя поэт, хотя и инженер. Уши должны впитывать звуки Мироздания — детский вздох, побудку сверчка, шелест крылец стрекозы... Стрекоза саморезом ввинчивается в пространство, а на том саморезе висит пейзаж Божьего мира. То, что батя изрекал, помнится, значит, мозг не угас. Жив и слух, даром что из ушей точится кровь. О чём шипит в отдалении радио? Аккумуляторы сели, а оно шипит. Это не радио. Это он своим уникальным слухом напрямую улавливает радиоволны. Доносятся слова — вопросы и ответы. Пресс-конференция. Где-то там наверху, не иначе в преисподней, обсуждают причины гибели подлодки. Новый вопрос и следом ответ: “Она утонула”. Какой бесстрастный голос! “Она утонула”... Да знаешь ли ты, как она утонула?! Душа не выдерживает. Он-то, гидроакустик, спец первого класса, знает, отчего... И разгневанная душа, замурованная в умирающем железе, вырывается наружу, дабы в урочный час — вот он и настал! — спросить о цене предательства...

И вот — Красная площадь. Рекогносцировка завершена. Слева Спасская башня. Справа Лобное место. Против — Исторический музей, куда власть не захаживает. А памятник кому? Обогнули постамент. Обернулись. Надо же! Минин и Пожарский. Козьма Минич и Дмитрий Михайлович. Их... бородачи — командиры! Де́ды!

Десница Минина вскинута в порыве. Туда, показывает он на Кремль. Пора брать дело Отечества в свои руки, стучит сердце Патриота и Гражданина. Здесь, в центре, образовалась чёрная дыра. Её надо заполнить сердечной энергией. Этот сердечник — магнит невиданной мощи — взвихрит земное пространство, распахнувшееся от океана до океана, и центростремительная сила втянет в русское житие всех скитальцев родной земли, и вольных, и невольных. Встряхнёт умных байбаков и иванов, не помнящих родства, напомнив притчу о блудном сыне и заветы отчины и дедины, дабы сердца их обратились к высшему предназначению русского человека — служению Отечеству, угодному Всевышнему, и тогда Россия — светлая, дарованная Господом Родина, вновь воспрянет, укрыв сенью своих простёртых на полмира крыл всех своих возлюбленных чад. Вперёд, сыны!

Звучит валторна. Над площадью взлетает встречный марш. А из тонкого мира в мир видимый доносится клич:

— А ты чего стоишь? Особого приглашения ждёшь?! Али не видишь, что Родина-Мать на краю гибели?!

ЕВГЕНИЙ АРТЮХОВ

НЕУЖТО СЛАВА ОТСИЯЛА?

МАТЬ

Порой мне кажется — она
рожала не меня,
а мир, в котором есть страна
из крови и огня.

Уж лучше б спрятаться в подол,
не видать и не знать
тот многоликий произвол,
что подарила мать.

ЭМИГРАНТ

Когда трещали, как орех, дворянские гербы,
орёл двуглавый по земле едва крыла влачил,
он думал: не великий грех укрыться от борьбы,
чтоб сохранить в чужом тепле достоинство и чин.

АРТЮХОВ Евгений Анатольевич родился в подмосковном городе Реутово. Окончил Саратовское высшее военное командное училище и Литературный институт им. А. М. Горького. Член Союза писателей России. В "Нашем современнике" печатается с 1994 года. Автор нескольких стихотворных книг.

Он верил: года не пройдёт, уляжется волна, —
не оттого, что близорук, скорей — нетерпелив.
Но начинала в свой черёд гражданская война
из крови, слёз, из крестных мук чудовищный полив.

И вмиг на древе родовом остался он один —
один-единственный побег зелёно-золотой.
Есть у него и стол, и дом, и он гордится им,
но ищет прошлогодний снег и просится домой.

Где небеса без божества, где на земле содом,
где в душах буйно страх расцвёл, а память — тяжела.
Но только там его листва, проклянувшись с трудом,
почуять может древний ствол, пошедший на дрова.

И коль в земле не отыскать отеческих корней,
согреться можно, помолчать вблизи того костра,
где ест глаза при слове “мать” сильнее и больней
и жизнь, похожую на ад, иной зовёт — “сестра”.

СОЛДАТ ПОБЕДЫ

...И памятники сходят с пьедестала.
Е. Винокуров

...И вот спустился с пьедестала
герой гвардейского полка:
неужто слава отсыяла,
которой прочили века?

Громоздким стукоча металлом,
прошёлся вымершим селом
и никого не увидал он
ни за столом, ни под столом.

Чем в землю вглядывался строже,
землистей делалось чело,
окалина ползла по коже,
глаза посверкивали зло.

Чугунно грохотало сердце
в просторе брошенных полей:
затем ли гнал отсюда немца
он, крови не щадя своей?

Ну как могли заглухнуть дали,
перетерпевшие бои?
Неужто землю добивали
свои?
А где теперь свои?..

1997 ГОД

Картой испещрённой на стене,
бесконечной взлётной полосой
этот городок живёт во мне
где-то между миром и войною.

Слякотно, пустынно и темно.
Острые, недружеские взгляды.
Ни одно на улицу окно
не выходит. Стены да ограды.

На кровавый пир сорвиголов
поставлял он пушечное мясо —
безработных русских мужиков,
набранных поспешно из запаса.

Никогда забыть я не смогу
запах крови, воздух тёмно-сизый;
как танкист дымился на снегу
бросовую стреляную гильзой;

и сидел у времени в плену
возле развороченного дота
“дух”, подшитый к делу своему
матерною строчкой пулемёта.

* * *

Никого на улице Гурьянова
мне не встретить, кроме ветра пьяного —
гасит он свечные огоньки.
Потому что до сих пор не верится,
что с Москвой-столицей силой меряться
взяли и пришли боевики.

Дескать, фээсбэшники прохлопали,
и они негаданно притопали
убивать и рушить всё подряд.
Будто мы не знали и не видели,
что за вдохновенные воители
Грозный превращали в Сталинград.

Их сердца пустые и холодные
греют недра углеводородные,
остальные — не идёт в расчёт.
Это у тебя подъезд минирован,
а у этих — “мерседес” бронирован
и ОМОН хоромы стережёт.

Потому на улице Гурьянова
свечи жгутся заново и заново,
крест, как на погосте, занял пост.
Но зияет чёрная прогалина
и доносит бормотанье Каина
пьяный ветер.
Видимо, Норд-ост.

АЛЕКСЕЙ ВУЛЬФОВ

ПОД МУЗЫКУ ГАВРИЛИНСКИХ ПЕРЕЗВОНОВ

РАССКАЗ

Сегодня вечером шел пешком с теплохода из Чернопеня в Асташево по старой костромской дороге. Пока не построили в 1985-м году асфальтовую на Сухоногово, эта дорога шла из наших деревень просторными полями в Кострому, тянулась вдоль Волги от Густомесово через Кузьминку, Лыщёво, Свотиново, Ильинское. Хорошо помню вдоль нее смоленные телеграфные столбы и ряд натянутых проводов, пока воздушную линию не разобрали. Удивлялся — почему такие капитальные столбы поставлены вдоль простой проселочной дороги, экая роскошь — а потом мне рассказали старики, что это, оказывается, раньше был старый тракт на Кострому.

Вечером шел немисливо, прямо-таки избыточно погожим днём, с небом и закатом бесконечным, с лебедиными стаями дебелих облаков и обильными дымами предгрозовых сумерек, по теплой пыли сквозь запах поля и пыли, сквозь липкий воздух травяной и ветренный, всклубливал пыль ботинками. Не шел я, а летел — душа летела в просторе этом, словно в райском царстве, всюду безо всякой меры чистотою полнился простор и прямо-таки поил, будто неизреченными потоками какими-то, полевым и небесным воздухом, который как незримая целящая сила касается дыхания и стремится к

ВУЛЬФОВ Алексей Борисович родился в Москве в 1963 году. В 1988 году окончил Музыкально-педагогический институт им. Гнесиных. В 1989—1992 годах работал в Союзе композиторов СССР с Г. В. Свиридовым и Б. А. Чайковским, один из организаторов первого Фестиваля отечественной хоровой музыки. Составитель сборника “Георгий Свиридов в воспоминаниях современников” (“Молодая гвардия”, 2006), автор книг “Теперь лишь вспоминать” и “Повседневная жизнь российских железных дорог”. Живёт в Москве.

жизни, к радостному свету, в жизнь грядущую, а если и в прошедшее — так в некое пережитое счастье. Кланялись, как дети, клевера, добрыми волнами океаническими вставали полевые кручи на холмах, и всюду, всюду вдали и впереди виднелись рощи березовые — нестареющие девушки природы! И дорога эта, теперь почти неезженная, нетоптаная, гладкая, хотя и по-прежнему горделиво-внятная, так нужна здесь, в этом отшельном от людей, от деревень просторном царстве, такая память от нее и восстающий голос жизни — былой, да, былой — но целы же куда колени!..

Шел я, глядел вперед, словно капитан корабля, в море этих полей да холмов, дальних роц и буераков, да тихих крыш попутной деревни Погорелки — и вдруг... вдруг... вижу... батюшки! Натянулись провода вдоль дороги, вскочили и в ряд выстроились столбы! Мне говорили старики, что линию тут телефонную проложили в 1958-м году, натянули в полях сверкающие медные струны, один их знакомый связист прокладывал эту линию. И травы такие — тугие, сверкающие вдруг крутом стали, небывалым лоском блестят, и цветики в них зацвели — да ясно, жгуче как, и воздух стал вдруг еще чище, — и вижу вдруг я — подводы идут в мою сторону от лыщевской рощи, от дальних берез! Бегут лошадки в ряд, головами кивают! И вот я вижу — едут, едут ожившие, из небытия нашего кузьминского кладбища восставшие, вот они все — живые предо мной! Едут прямо на меня — и столько деток на краях подвод, как на картинах Ефима Честнякова, и мужики в ватниках да кепках, и молодые парни с вихрами, в распахнутых рубахах, и белые девки, и бабы в платках — едут и о чем-то разгоряченно толкуют, и отирают пот со лбов тяжелыми кистями! Впереди председатель — строгий, словно из скалы вырубленный, в кепке, с кожаной командирской сумкой, что с войны он привез, в кулак намертво собравший вожжи, и мужику какому-то, внимающему сурово, и громко что-то так толкует, и пальцем тычет, и уж слышу — кричит: “А эту из колхоза уволить! У ней не телята, а одни свиданья на уме! И мамаша еённая точно такая же — прямая курва! Всё — уволить!” А тот ему кивает и кивает, карасиными глазами в глаза глядит, трепещет мелкой бородкой и хитрой кудрью. Едут, едут — всё ближе, ближе, и уже видать — до чего ж красив председатель, в самой силе мужик, — не из древних ли волжских разбойников он породой, что через окна изб одним махом рук выкрадывали невест и бросали поперек коня; до чего же ладен он и складен, хотя и прост, как злак этого самого поля, как вздернутый полевой куст, как мускул молодой сосны или ели, что в войну здесь все срубили и в город отправили на дрова. Тёмно-загорелый он, сердит и велик, эта кипящая личность, и глаза его созидающим кузнечным огнем горят. А дети глядят друг на друга, как святые на фресках в церкви нашей, и непорочны, и свято просты эти дети, они из Евангелия, а не школьники из окрестных, на всю округу тогда еще мычащих, кукарекающих, ржущих и гремящих ведрами деревень. И бабы молодые едут, разному личному лыбятся-жмуруются, смеются вешнему расцвету своему, как солнцу, и женихи вскидывают вихры, задирают девок щипком или взглядом, и тяжелые, уже мужицкие руки кладут другу на плечо, говоря с товарищем, а которые влюблены — опускают локти на колена и бритые подбородки на кулаки, и думают, и глядят долу, и клевер жуют, горюя и томясь сладко, и бабкину протяжную песню сквозь зубы мычат, что вспоминают из неё. Свежим сеном пахнет с телег, мужики вскрикивают, хохочут о чем-то своем, степенно и командирски рассматривают на парней, а на девок глядеть толку нет — чем их проймешь, визг один от них и синичий щебет, и всполохи голубизны из-под бровей, и польханье челок под солнцем. Едут, едут навстречу, из самой высоты трав восстают — и никак не приблизятся ко мне, хоть и вижу я уже домотканые их рубахи, сельповские пиджаки и кепки, и трепещущие косынки девичьи, и крепкие серьезные лица, и волосы русые, и сапоги, и слышу гром телег, долбящих по кочкам, и дыханья и всхрапы лошадей, и говор человеческий громкий, оживленный — только никак не разобрать мне, что говорят! И веселит ноздри пахучей смоляной столбов телеграфной линии — сверкают поверху свежей медью только что натянутые провода цивилизации, от которой столько ждут они, которая такой представляется им успешной, важной и всё даю-

щей, такой шикарной и городской, и так они хотят поскорее попасть в нее, уже зная про первый спутник, уже имея в каждой избе висящее радио на гвоздике, вбитом в дедовские обои в лазоревый цветок, и электролампу, под светом которой дети старательно сопят все за одним столом, делая уроки, осторожно тыкают перышком, выводят и притрагиваются промокательной, боясь завтра предстать перед Анной Николаевной с несделанным домашним заданием по математике...

При мне снесли эту линию, я видел обломки столбов, а теперь и их уже не разглядел в дикой высоте клеверов и травы.

Ах, как хорошо мне было идти здесь, в этом целительном, словно неземном вакууме всеместной чистоты и простора, под этим бескрайним покрывалом неба, под этими густыми клубами и дальними горами облаков, в липкости живительной воздуха этого, в добром и покойном золотом свете сумерек, в первых прохладных обветриваниях грядущей из простора ночи. Опять пустая передо мной тянется старая дорога, две земляные колеи. Нет, нет, не всё прошло ещё, не ушло виденье! Нет, конечно же — вот они, идут одни, во блаженстве тонут в счастливо дальнем и пустом, как бескрайнее одеяло сокрывающем и ласкающем просторе — он и она, Адам и Ева: в рубашке белой и штанах широких с мелким ремешком, в деревенских ботах Адам, и в ситцевом платочке с узором в одинаковый стройный цветочек, в летящих босоножках Ева — ну и молодцы! И так всё радо им — и цветы в глаза смеются счастливо, и иван-чай приветливо кивает, как положительный театральный персонаж, и небо звенит и во весь голос поет, и пчелы, и стрекозы такие пируэты выделывают, как циркачи, и свежи, так свежи вдали березы, и так сами они, Адам и Ева, похожи на их струящуюся листву, и пыль у них такая под ногами нежная и чистая, как детская совесть, и такими озорными клубинками пыхает под ее босоножками каждый шаг! А волосы ее потоком по недорогому мамкиному платьицу опадают, как струи фонтана, и ждущей томностью полно приоткрытое плечико под съехавшим ситцем. А он — широк в плечах, складен в руках, крепок в шагах, прическу его “фокстрот” (в город ездил!), как знамя, раздувает на ветру, и глаза такие ясно-брызжущие влюбленной страстью, как ограненные драгоценные камни. Идут этой дорогой и болтают какую-то тающую в любви чепуху, какую-то простодушную игру ведут, пустякам смеются, как дети, утопая всем существом в таком, что и небо, и даль, и траву, и само солнце застилает, поглощает собой, утопляет червонным сгустком молодой силы, душевном биении. А у нее руки так нежно смуглы, и такой на шее невесомый пушок, и такие плечи мягкие да покатые, и так ступает она, шаг выстилает, как царица, и так вздрагивает при этом ее стан... Одни парят в просторе Божьем! Нет-нет — рассмеются, а вот вроде бы и всерьез о чем-то заговорят — да куда ж, когда такие глаза, такие брови, такая молодость, да и день такой над ними чистый да струистый, да жаркий, да как трава-то ярка и цветы, да каким теплым песком дорога под ногами... “Хоть бы он что-нибудь... Хоть до плеча пусть дотронется, хоть ладонь немножко положит... Люблю ведь его, знаю, что люблю... я бы дальше-то... Пусть хоть на шею мне, что ли, подует...” Колосья так и звенят крутом, кажется — в самом небе качаются, ветер по молодым плечам широкой ладонью водит, мамкино платьице волнуется, и вдруг Волга внизу с горки показалась — и тоже улыбается им, как строгая, но добрая учительница, и разрешающим наставленьем горящим недвижное серебро свое кажет из-под косога. И вдруг дотронулся он — взялся ладошкой за ладошку, и такая ладошка у него родная, обнимающая, словно всю жизнь с ним были вместе. Она свою не взяла, оставила, как пулемет ударило сердце, — и немного еще какие-то слова говорили они, шли, брели этой самой дорогой, пока, наконец, изнемогая от любви, счастья, страха и невообразимо сладких томящих мук, не сошли неизвестно почему с пыльных изъезженных колеи, не побрели по клеверу, не бросилась она к нему всей силой, всем своим доверчивым счастьем, не обнялись осторожно, впервые постигая тело и запах друг друга, и, охваченные первобытной дрожью, не опустились, наконец, в траву, — а с Волги во всё горло гудит в их честь пароход “Крестьянка”! — новую завязь возвещает, и крылья белые в горней вышине помахали, и гря-

нуло на небесах: “Молодцы, молодцы! Правильно! Сказал Господь: плодитесь и размножайтесь! Да будет вам подмогою всё вокруг — и край этот ваш ангелом летящий, и небо без берегов, и парное молоко вашей молодости, и пусть каждый цветок глядит вам в глаза, как добрый человек!”

Свадьбу-то скоро сыграли; быстро понадобилось. Она косу с назиданием сплела в тугой колос, руки крепко скрестила, молодую грудь ими тесня, брови по-офицерски нахмурила, дерзко глядит через плечо — такая строптивая стать, так ладно домашним халатом чресла обтянуты, как статуя стоит в деревенских тапках — и всем теткам, бабкам да мамкам с молодой девичьей грозой, с ураганом, с древней разбойничьей песней в голосе, сверкая серыми глазами: “Иду за него! А коль вы поперек полезете с советами да запретами — до сведения довожу: много на Волге омутов да ям, хватит на рост мой девичий. А для диспутов ваших у меня досугу нет. И комсомол не поможет! Сказала — иду. Всё!” Отец повздыхал — да что в таком случае поделает отец... Сидит у печки на корточках, топориком мечет щепу, только матерится потихоньку и психует. Не пороть же ее — взрослая стала, стыдно. Задница-то вон какая тугая — как у бабы.

Они и теперь, когда приедут к ним из города внуки и спросят, как проехать на велосипедах в Чернопенье, укажут пальцем за рошу на эту дорогу и скажут беззубыми ртами: “Так колеями и ежайте, приведут. Вот этой самой дорожкой — на которой мы с Адамом когда-то любовь крутили”. И глаза вновь у них блеснут на секунду — как будто струйками всплеснут родники на здешнем солнышке в заветных ямках.

...Пока шёл колеями — поле-то кончилось, вошёл в Ардулину рошу, откуда спускаться нужно старой тропой, продолжением всё той же дороги, а там меня березки строем обняли, как сестрички, пошумели, прохладу над воротом погоняли, тень щедро набросили, щебечущий шум вечерний, сумрак погожий, вечно девичий, свежий — “да ладно, не плачь; было, пошумело — да ведь было же! Да многое и есть — вот хоть мы все!” И рассмеялись, и я вместе с ними! И так я рад был за Адама и Еву, с такой счастливой и слёзной ясностью узрел их в виденье, словно им родственник, или сам вдруг будто молод и счастлив чему-то.

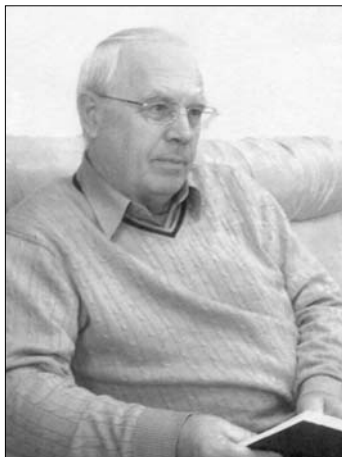
По этой дороге в то июньское утро мчался одержимый ужасным известием всадник из центральной усадьбы, не видя ни дороги, не неба, ни лесов, ни трав вокруг, возвещая деревням страшную весть, трубя ее встречным, как ангел из Откровения Иоанна Богослова... И многие с песнями на два голоса и рвущей душу гармонию скоро ушли по этим колеям вслед ему навсегда.

По этой дороге столько проехало людей из деревень в город, в Кострому... Торговать, молиться, трудиться и жениться. Подумать — древний вдоль Волги тракт! В телегах, и верхом, и пешком — кто как брели. По этим вот колеям самым, ныне гладким до нежности. Когда все еще были живы! Все еще были живы!!!

А так-то столбы при мне убрали. От них теперь одни обломки в траве едва разглядишь. По колеям проезжают “Жигули” и “Нивы” из Погорелки в магазин в Сухоногово, иногда велосипедист, или кто на мопеде. А так-то ездят все по асфальтовой из поселка и дальше по Волгореченской трассе до города. Там и автобус ходит. А в те-то времена не было шоссе на Волгореченск, потому что самого Волгореченска не было.

А я, счастливый человек, сегодня этой старой дорогой шел один сокровенно темнеющими полями, и вихры густых облаков, лебединые перья, распластавшиеся белоснежные гуси и аисты надо мной из ясного и серебристо-пенного в яркое малиновое и дымное уходили, и бронзово слепящий шарик, пока не утонул во млечно-розовых кучах со вздернутыми, как наставляющий палец, клубами, мне давним, наивысше пронзительным и забытым счастьем в пути досиял.

ВАЛЕРИЙ ПРОЦЕНКО

ПОДУШКА БЕЗОПАСНОСТИ

РАССКАЗ

1

Покойно Павлуша эту ночь спал. И дел было спланировано много на день грядущий, но лёг с вечера поживать, отошёл постепенно в сладкую дрему и тут же незаметно — в абсолютный покой. Ночь промелькнула как мгновение. Давненько не посещало умиротворение его душу. Многие минувшие ночи, ох, и в тягость были. Всякая чепуха снилась. А тут заснул и проснулся спокойно: то ли с женой не поругался по пустякам накануне, то ли звёзды благоприятно расположились на небосводе.

Вспомнил службу в армии: “Рота, отбой!”.

Это приятное известие для труженика солдата.

И противный голос старшины или дежурного по роте на рассвете, когда сон наиболее глубок и полезен: “Рота, подъём, выходи строиться!” А то и ночью истощный и, честно признаться, не в большую радость крик дневального: “Рота, тревога, атомное нападение! Командиры отделений, выводите солдат в отведённые места”. Такое впечатление, будто армейское начальство не читало русских народных сказок. Почему Илья Муромец богатырём был и громил врагов Отечества? Да потому, что спал вдоволь в молодости. Вот и нагулял силушку богатырскую. А теперь солдаты полусонные, уставшие и заморенные уже с утра.

ПРОЦЕНКО Валерий Петрович родился в 1945 году, профессор права, автор десяти книг по праву, в том числе четырех монографий. 25 лет проработал в Кубанском государственном университете, где прошел путь от преподавателя до заведующего кафедрой. Сейчас преподает на юридическом факультете Кубанского государственного аграрного университета. Живет в Краснодаре.

Вставать не хотелось. Можно было бы еще подремать с полчаса, но супруга спозаранку отодвинула занавеску на окне, осматривая двор и хозяйство, а окно спальни выходит на восток, и первый лучик солнца прямо в глаза ударил. Внезапно и бесцеремонно. Если встать и задернуть занавеску, то приятная утренняя полудрёма тут же исчезнет... Вспомнил, что сегодня воскресенье, кум утром явится кабана резать. Анекдот на ум пришёл по случаю, зевнул и непроизвольно улыбнулся: “Зарезать не зарезал, — сказал потный и уставший сосед, провозившись минут сорок с кабаном, — но таких ему ввалил — всю жизнь будет помнить”.

Кум говорил вечером за чаем: “В течение часа освежаем, разделаем, и подавайся, Пал Петрович, в Тимашевск на базар, к обеду и реализуешь. Парное мясо — загляденье, да и кабанчик кормлен правильно. Порода английская — ландрус называется. Сало мраморное, вперемежку с мясом, слоями. Вернёшься — нажарим свежанинки, выпьем по двести грамм любимого народом напитка, споём милую твоей душе песню: “Ой, Кубань, ты наша Родина, вековой наш богатырь”.

Кум двумя нотами, как и большинство современных певцов, фальцетом с гундосинкой постарался воспроизвести гамму чувств от душевной и праздничной песни, но лучше бы попроще высказался.

Павлуша потянулся на кровати, напрягаясь всеми членами, как будто толкал ногами вагон с углём, а руками поднимал двухпудовую гирию. Это его давняя привычка. Помогает быстро встряхнуться и отмобилизоваться.

2

Кабанчика точно Господь придумал в радость православному народу, да и прочим христианам. Сашок, старший сын, грамотный и начитанный (наверняка профессором будет), говорил Павлуше, что у немцев есть оборот речи на эту тему. На немецком так и прогутарил, практически без акцента, в школе научили: “Их хабе швайн”.

Разъяснил, что у немцев быть счастливым — значит иметь свинью. Ещё Саша добавил, что немцы обозначают это полезное животное и другим словом: “Шпиктрегер”, что в переводе на русский язык означает — носитель сала. Конечно, иметь свинью большая для семьи радость, залог достатка, а то и к избытку материальному. Кормили хорошо: и кукурузкой, и комбикормом, и бурячком, и отходами с обеденного стола. Дебелого кабанчика воспитали: килограммов на сто пятьдесят в живом весе потянет. Если себе оставить мясо и сало, то, пожалуй, на полгода хватит на борщи, котлеты, гуляши, поджарки и зажарки. Да, и холодец знатный получится из ножек, рулек, хвоста... с чесночком, чёрным перчиком и лавровым листом! С горчичкой его в морозец откусать — настроение праздничное на целый день. А сколько можно сделать колбаски? А желудок начинить гречневой крупой, салом и мясом со специями? А сколько сала засолить двумя способами: русским и немецким? Русский, он же и хохлацкий способ засолки сала прост и понятен, всем известен, а вот о немецком — надо подробнее упомянуть. В холодную кипяченую воду добавляем соль, тертый чеснок, черный перец, лавровый лист, иные пряности при желании, укладываем сало слоями и оставляем на две недели в прохладном месте. Раствор должен быть настолько соленым, чтобы сырое яйцо сверху плавало. Через две недели сало достаем, а когда вода стечет, укладываем в трехлитровые банки. Режем и кушаем — вкуснятина, а с отварным картофелем и свежим чёрным хлебом — объедение. В этом месте у Павлуши от аппетитного образа обильная слюна выделилась. Но он решил не поспешать к столу, а исчерпать тему своих размышлений до основания.

Кабанчика купить посоветовал опять же кум.

“Кабанчик — подушка безопасности, Пал Петрович, надежнее вклада в Сбербанке и транша международного валютного фонда”, — говорил он неоднократно Павлуше.

Не было хлопот — купила баба порося. Сущая правда — забот через край. И покормить, и напоить, и убрать, и помыть тёплой водичкой в лет-

ний день. Но была и радость общения с этим очень и очень неординарным животным, до конца не изученным и не понятым современной наукой. Прямо-таки дельфин... только сухопутный.

Кум Степан хороший хозяин и отзывчивый человек, но немножко скуповат. На первый взгляд может даже постороннему человеку показаться щедрым, предоставив суший пустячок или оказав мелкую услугу для распространения положительных о себе слухов, поскольку скупость его — тщательно законспирированная, как кадры большевиков в канун революции. Конечно, прижимист, но не настолько, чтобы перед праздничным застольем читать гостям лекцию о вреде переедания. Попросит Павлуша у кума три десятка яиц в обмен на что-нибудь, передаст Степану полезную вещь, а тот говорит, что куры плохо стали нестись в последнее время. Но через недельку я тебе, Пал Петрович, четыре десятка яиц занесу. Хорошо? Ни через недельку, ни попозже не занесёт, будьте уверены и запишите себе в убыток. А в остальном — весёлый человек Степан.

Бывало, встретит Павлушу возле магазина, обнимет и вопрошает: “Как там подушка безопасности?”

“Интеллектуал! Поправляется”, — не может сдержат улыбку Павлуша.

Или спросит: “Что-то ты, кум, сегодня не очень весел? Подозреваю, возникли трудности с поседанием деликатесов; зови, не стесняйся, придем и поможем”. И засмеется раскатисто и громко... и Павлуша заодно. Настроение сразу же улучшается.

А как Степан покупки делает? Театр одного актера! Улыбаются все жители города, кто с ним соприкасается в этот момент на рынке.

— Я вас сейчас сделаю самой счастливой, — обращается Степан к очередной торговке на рынке, с соответствующей вкрадчивой и интимной интонацией, совершив покупку.

— И как это? — смущенно и кокетливо вопрошает та, ожидая если не признания в любви, то хотя бы пару дежурных комплиментов. И окружающие при этом двусмысленно улыбаются.

— С меня тридцать пять рублей? Я вам дам под расчет, — улыбается Степан и протягивает тридцать шесть.

— Возьмите рубль сдачи.

— Нет, нет, это на развитие торговли.

Окружающие не могут сдержать улыбку, а кто-то и хихикнет.

...Но вернёмся к кабанчику, герою нашего рассказа.

Павлуша через месяц проникся симпатией к доверчивому животному, склонному к полноте, а оно, как дитё малое, привязалось к хозяину.

Если Павлуша возвращается с рынка, то уже метров за пятьдесят от дома слышит радостное похрюкивание. Издалека интеллектуальное животное распознаёт его по походке, запаху, колебанию воздуха. Когда Павлуша приближался к кабанчику и давал ему увесистый кусок свежего хлеба, тот, радостно повизгивая и похрюкивая от нежных чувств, валился без промедления и лишних церемоний на бок и подставлял хозяину потаённые свои места для почёсывания. Особенно любил, когда его гладили по брюшку, спинке и чесали за ушком. Поэтому Павлуша доверил куму и жене все заботы по убиению кабанчика и разделке туши на куски для продажи. Не пожелал присутствовать при этом. Причина такого уклонения всем была понятна.

3

На будущий доход от продажи кабанчика навесили слишком уж много всяких покупок. Планировали обстоятельно и продолжительное время, почти с самого начала откорма. Участвовала вся семья в этом отыскании пробелов в устройстве быта.

Случалось, супруга жарит судака да в простоте душевной говорит нараспев:

— Продадим кабанчика, надо будет сковородку новую купить, тарелок красивых, японских штук шесть, пару кастрюль. Павлуша, запиши это в свой блокнот.

А то убирает в доме, моет полы и тихо, ласково шепчет:

— Павлуша, не помешает нам новая швабра и хороший веник. Черкни, где следует об этом, а то забудем потом.

Или вяжет носки детям:

— Неплохо было бы новые пальцы, спицы и немного шерсти прикупить. Как ты думаешь?

А как Павлуша думает? Достанет блокнот и запишет.

Младший сын Серёжа однажды вечером свое предложение внёс:

— Батяня, нашей собачке современного корма бы пару пачек прикупить, когда продадим мясо. Как же он называется? — он наморщил лоб на пару минут и уточнил: — “Вискас”.

— Да не “Вискас”, а “Педигри”, — поправил Саша. — Пап а, пап, давай и то, и то купим, а то Мурка к весне совсем скучная стала. Лежит часами на диване и мышей не ловит.

— Зачем приучать животных к излишествам? Грызли годами кости, ели кашу, хлеб и объедки со стола, вот и хватит. А Серёже к следующему учебному году следует справиться обувь, школьную форму, шапку, пару рубашек, — возражала решительно Мария, хозяйка дома, — Павлуша, отметь в блокноте.

Через некоторое время средний сын Илья, скромный и застенчивый паренёк, подошел к отцу и попросил:

— Папа, купи мне резиновые сапоги, чтобы на рыбалку осенью ходить.

— Хорошо, сынку, куплю, — отвечал Павлуша, доставал блокнот и делал там соответствующую пометку.

Перед “судным” для кабанчика днём все собрались на семейный совет, ещё раз внимательно обсудили возможный доход от продажи мяса и сала, будущие покупки. Мария скомандовала:

— Саша, садись писать уточнённый список, что надо купить.

По её просьбе добавили набор кухонных досок, и от Павлуши внесли в список две пачки бумаги “для анонимок”. Получился внушительный перечень на пять страниц, где, помимо обозначенных выше вещей, были упомянуты уют, одеяло, пара полотенец, нитки, набор иглол и прочие мелочи.

Прикинул Павлуша, по минимуму и максимуму, дебет и кредит и, по его разумению, все сошлось очень даже неплохо. Оставалась небольшая сумма на обед в столовой или в чайной города Тимашевска.

4

“Марток — держи порток”, — говорят кубанские старожилы.

Прохладный выдался этот весенний денек. Минус три градуса, лёгкий ветерок. Скупое в это время года на тепло солнце освещало камыши, посадки, станции, припорошенные снежком поля и дорогу на Тимашевск. Кум на своём “Москвиче” подрадил переместить Павлушу, Марию и ценный груз из Днепровки на рынок районного центра.

Так и сказал: “Мне надо по делам смотаться и быстро — домой, а обратно вернётеcь автобусом. Кажется, после обеда он отправляется с вокзала”.

Поначалу торговля шла ни шатко, ни валко, но к одиннадцати часам ожилилась. Даже в отдельные периоды очередь возникала человек по пять, шесть. Уже были проданы ножи, хвост, рульки, печень, большая часть мяса и всё сало. Оставалось реализовать килограммов пять отборного мяса — шейки, из которого делают шашлыки. Павлуша почувствовал, что слегка замёрз:

— Слышь, мать, после сходим в чайную, там вкусно и недорого кормят, попьём чайку, согреемся? Да и музыку послушаем. Яшка на скрипке спиликает, шо попросишь.

— Зайдем на полчаса, только деньги не потеряй. Я и сама продрогла, зябко как-то.

— У меня, как в швейцарском банке, ни копейки не пропадёт.

— Надо было отдать мясо на реализацию в магазин и не мерзнуть.

— Там вывеска: “Мясо свежее крестьянское”; свинину, говядину и птицу, видимо, не принимают, — Павлуша улыбнулся.

Точка общественного питания находилась недалеко от рынка, и в полчаса двенадцатого Павлуша с Марией вошли в просторный зал, где было более десяти столиков и дефицит посетителей. Присели у окна, взяли меню. Увидев их, Яшка заиграл и запел душевную песню про любимую Одессу-маму и горькую судьбу вора-карманника, про девиц лёгкого поведения и прочих мошенников.

— Давай, мать, опрокинем за удачную торговлю по сто граммов водки, а я ещё бутылочку жигулевского выпью. Хорошо наторговали.

— По сто граммов можно выпить и немножко покушать, — дала добро на обед Мария.

Официант не заставил себя ждать и тут же выдал несколько вариантов сытного и вкусного обеда, десерта и скромный перечень согревающих напитков: водка, портвейн, пиво.

— Бутылку столичной, две бутылки пива, два салата оливье, солянку мясную сборную одну, два эскалопа со сложным гарниром, — быстро проговорил Павлуша, прослушав официанта и изучив меню.

— Ты чего? — оторопела Мария.

— Не волнуйся, мать, у меня точный расчет. Имеем же мы право раз в год пару часов с тобой вдвоём культурно пообедать.

После первой рюмки водки и стакана пива благодатное тепло понеслось шибко быстро по венам, артериям, капиллярам и ударило в голову. Павлуша порозовел и подобрел. Марии тоже стало тепло и уютно и отчасти благостно от восточных скрипичных мотивов, к которым приступил сообразительный музыкант, чтобы растревожить душу миловидной женщины.

В этот момент в кафе заглянул новый посетитель. Он осмотрел внимательным взглядом Павлушу и Марию, задумчиво постоял пару минут и решительно направился к их столику.

— Паша, ты ли это, дружище? Гарный хлопец, красавец, почти не изменился, а только повзрослел. А это твоя половина?

— Ванечка! Спасибо за комплимент. Это сколько лет мы не виделись? Пожалуй, лет семь. Ты пообедать?

— Я сейчас закажу, — ответил Иван.

— Не надо. Сидай рядом, я сегодня угощаю. Мария, это мой друг и одноклассник Ваня, мы с ним не виделись много лет. Знакомьтесь.

Вошедший пожал руку Марии, обнял и расцеловал Павлушу.

— Официант, еще бутылку столичной, салат и лангет, — проговорил громко Павлуша, вычеркнув мысленно бумагу, сковородку и набор кухонных досок из числа покупок.

5

Иван оказался словоохотливым мужчиной, знатоком прибауток, шуток и редких, смешных анекдотов. Марии он понравился, и она пустила застолье на самотёк, уповая на мудрость, расчетливость супруга и скромные запросы гостя.

Минут через сорок столы были сдвинуты, и за ними оказалось уже семь человек. Были принудительно доставлены к трапезе двое соседей из Днепровки, случайно забредшие в чайную погреться, друг детства из Тимашевска и давняя, приятная знакомка Марии из соседнего хутора — Калинина.

Павлуша заказывал и заказывал пиво, водку и закуски. Был он человеком открытой и щедрой души, балагуром и весельчаком. Спиртное употреблял крайне редко и по значительному случаю. По его мнению, такая ситуация сложилась и в тот памятный день.

Иван рассказывал анекдоты. Очень гостям понравился про Василия Ивановича и Петьку времён гражданской войны. Наши герои убегали от беляков и на хуторе спрятались в колодце. Белогвардеец, осмотрев колодец, их не обнаружив, задумчиво и вопрошающе проговорил: “Чи гранату бросить?” А из колодца жалобный и тихий голосок Петьки: “Дак нэмае ж никого”.

После этого Иван пропел песню, как он выразился, “собственного изготовления”:

*...Мы жили совсем небогато,
пшеницы кило про запас,
соломою крытая хата,
увьы, обокрали лишь нас.*

Когда слушатели уяснили главную мысль произведения, то смеялись минут тридцать, повторяя: “Мы жили небогато, но нас обокрали. Ха-ха-ха! Хи-хи-хи”.

Павлуша был тоже весел, щедр и заодно со всеми смеялся искренне и всем своим естеством, но про себя при очередном заказе провианта и спиртного искал философское обоснование непредвиденным расходам: “Зачем нам новые тарелки? И со старых добротный харч уплетаем за обе щеки с аппетитом. Обуржуазились, в доме негде повернуться. К чему Илье сапоги? Не следует пускать его на рыбалку осенью; грязь, да и утонуть может. Марии пора поберечь зрение, поэтому пальцы, спицы, шерсть ей ни к чему”.

Часа через полтора Мария вспомнила, что пора подаваться на автобус, а то опоздать можно. Все поднялись, пошатываясь, со своих мест и стали прощаться.

Рассчитавшись за обед, Павлуша подошёл к музыканту:

— Хорошо играешь и поешь, Яша, душевно, давай мою любимую про Кубань и проводи нас с женой до автовокзала, я хорошо заплачу.

Прохожие дивились на странную процессию: впереди шёл Павлуша, чуть поодаль Мария и замыкал шествие Яшка, извлекая возвышающие душу звуки из своей старенькой скрипки.

Все трое громко и весело пели:

*...Ой, Кубань, ты наша Родина,
вековой наш богатырь,
многоводная, раздольная,
разлилась ты вдаль и вишь...*

СЕРГЕЙ КУНЯЕВ

“ТЫ, ЖГУЧИЙ ОТПРЫСК АВВАКУМА...”

Глава 29. “Погорельщина” и “Каин”

В окружающей Клюева жизни всё явственней виделся ему апокалипсис, о котором пели давным-давно староверы в духовных стихах (книга Т. С. Рождественского “Памятники старообрядческой поэзии”, изданные в 1909 году, была одной из его настольных книг):

*Идут лета всего света,
Приближается конец века;
Пришли времена лютыя,
Пришли года тяжкие:
Не стало веры истинныя,
Не стало стены каменныя,
Не стало столпов крепких,
Погибла вера христианская...*

“Конечно, идея патриотизма — идея насквозь лживая... Задача патриотизма заключалась в том, чтобы внушить крестьянскому парнишке или молодому рабочему любовь к “родине”, заставить его любить своих хищников...” Луначарский, произнося сие в 1925 году, не сделал никакого открытия — до него ещё в годы гражданской войны подобное отчеканивали и Бухарин, и Зиновьев... И всё же именно с середины 1920-х годов антипатриотические, антирусские инвективы достигли наивысшего градуса как в политических речах, так и в поэтических виршах.

*Время пришло стволам воронёным
Правду свою показать затонам,
Время настало в клыкастый камень
Грянуть свинцовыми кругляками...*

Это — Эдуард Багрицкий.
А это, конечно, Александр Безыменский:

*Расеюшка-Русь, повторяю я снова,
Чтоб слова такого не вымолвить век.*

Продолжение. Начало в № 1–11 за 2009 год, № 1–3, 6, 7, 9, 10 за 2010 год, № 1, 3, 5, 6, 7, 9, 11 за 2011 год, № 1 за 2012 год.

*Расеюшка-Русь, распроклятое слово
Трёхполья, болот и мертвеющих рек.*

“Пристрастие к русскому лицу, к русской речи, к русской природе... это иррациональное пристрастие, с которым, может быть, не надо бороться, если в нём нет ограниченности, но которое отнюдь не нужно *воспитывать*...” Это – снова Луначарский. Понятно, что там, где есть или видится ограниченность – там начинается борьба. Борьба не на жизнь, а на смерть.

(Эти же мотивы снова обрели своё полнозвучие в конце 1980-х – начале 1990-х, с новым “революционным подъёмом”).

Для Клюева это время стало временем рождения новых песен – песен русского сопротивления.

*Кто за что, а я за двоеперстье,
За байку над липовой зыбкой...
Разгадано ль русское безвестье
Пушкинской золотой рыбкой?*

*Изловлены ль все павлины,
Фениксы, струфокамилы
В кедровых потёмках овина,
В цветике у маминой могилы?*

Апология русской тайны, русской сказки, не разгаданной до конца и отечественной классикой, воплощается в клюевских строках воедино с “иррациональным пристрастием” к русскому лицу и к русской природе – к тому, что вызывает зубовный скрежет новых идеологов “безнациональности”.

*Погляди на золотые сосны,
На холмы — праматерние груди!
Хорошо под говор сенокосный
Побродить по Припяти и Чуди,*

*Окутать усы в квасные жбаны
С голубой татарскою поливой,
Слушать ласточек и ранним-рано
Пересуды пчёл над старой сливой:*

*“Мол, кряжисты парни на Волыни,
Как берёзки девушки по Вятке...”
На певущем огненном павлине
К нам приедут сказки и загадки.*

Это стихотворение Клюев понёс в журнал “Звезда”, где ещё не до конца опомнились от разгрома напечатанной там же “Деревни”. Редакторы полагали, что поэт предоставит им что-нибудь в духе и стиле “Юности”, но прочтя стихи, тут же отказались от публикации.

А на столе у поэта лежало ещё одно, недописанное.

*Наша русская правда загибла,
Как Алёнушка в чарой сказке...
Забодало железное быдло
Коляду, душегрейку, салазки.*

*Уж не выйдет на перёные крыльца
В куньей шубоньке Мелентьевна Василиса,
Утопил лиходеи-убийца
Сердце князево в чаре кумыса.*

Новое татарское иго. С которым, мнилось, навсегда покончено было, когда слагался гимн Ленину, когда мнилось, что “Чёрной Неволи басму попраля стопа Иоанна...” Здесь уже нет места вопросу: “Изловлены ль все павлины?..”

Изловлены. И времена татарского набега сменяются лихими временами никоианства и мученичества непокорных – и всё едино в окаянной современности.

*И боярыни Морозовой терем
В тощей пазухе греет вьюгу,
На иконе в борьбе со зверем
Стратилат оборвал подпрыгу.*

И не сыщешь более щемящей картинки гибели неистовой боярыни. Сразу вспоминаются последние минуты Феодосьи Прокопьевны в Боровской земляной тюрьме и её последние слова – к стрельцу, к охраннику: “Принеси мне хлебушка...” – “Боюсь, госпожа...” – “Ну, яблочка дай...” – “Не смею...” – “Ну, так последнюю просьбу исполни. Выстирай мою сорочку и положи меня подле сестры неразлучно”.

Хлебушка... Так и Клюев милостыню просил, которую однажды сам на-пророчил: “Я был когда-то поэтом. Подайте на хлеб, Христа ради...” Просил возле Сенного рынка, когда “Деревню” складывал. О чём и напишет через несколько лет в объяснении правлению Всероссийского Союза советских писателей: “...с опухшими ногами, буквально обливаясь слезами, я в день создания злополучной поэмы впервые в жизни вышел на улицу с протянутой рукой за милостыней. Стараясь не попадаться на глаза своим бесчисленным знакомым писателям, знаменитым артистам, художникам и учёным на задворках Ситного рынка, смягчая свою боль образами потерянного избяного рая, сложил я свою “Деревню”...”

Впервые является в его стихах образ Святого Георгия, побеждаемого змием. Он воплотится и далее – в “Погорельщине”. И – пророчество на будущее. Словно провидел 1940-е и 1990-е, когда писал о горестной судьбе двух великих православных народов:

*Так загибла русская доля —
Над речкою белые вербы.
Вновь меж трупов на Косовом поле
Узнают царя Лазаря сербы.*

И всё же, как и в “Деревне”, не даёт себе Клюев поддаться смертному греху – впасть в отчаяние. Да, “отлетела лебедь-Россия в безбольные тихие воды”, но в грядущем – “сквозь слёзы, звериные муки прозревают родину очи...”, где “исцеленный мир смугло-розов, на кувшинках гнёзда гагар...” Через кровь и муки – к новому миру, новой Руси, очищенной от скверны. Этим пафосом будут пропитаны строки его новых поэм.

Замысел “Погорельщины” возник в 1927 году, сразу после кампании против “Деревни”, а писалась поэма с весны по осень 1928 года сначала в Ленинграде, а затем – на Украине, в Полтаве и в селе Старые Санжары.

Когда Клюев рассказывал Виктору Мануйлову о том, как он путешествовал в глухие леса за Печорой, как по зарубкам на вековых стволах находил отдалённые северные скиты, где “живут праведные люди, по дониконовским старопечатным книгам правят службы и строят часовенки и пятистенные избы так же прочно и красиво, как пятьсот лет тому назад”, – иной слушатель мог бы и усомниться в услышанном, а в Клюеве “распознать” сказочника или фантазёра... Но вот что докладывал Наркомпросу РСФСР о своей поездке в Онежский край летом 1925 года композитор Борис Асафьев. До самых глухих мест, подобно Клеуеву, он, конечно, не добрался, но и того, что увидел и услышал – было предостаточно для чуткого уха и внимательного взгляда.

“...Удивляет и привлекает своей музыкальностью, былинной напевностью, мерностью и полнозвучием даже обыденная бытовая речь, не говоря уже о речи с оттенком поучения и повествования. Мне приходилось беседовать со стариками-раскольниками. Я поразился всё ещё крепкой, истово моральной и даже философской основе северного раскола и не почувствовал гнёта обряда. Книги ещё пишутся от руки. Пишутся и иконы по старинным лицевым подлинникам... Не так сложно услышать пение по крюкам и достать крюковые записи. Поскольку XVII век в русской музыке не так уж детально изучен, постольку северная певческая культура почти совсем не изучена... По небольшому числу услышанных мною напевов и виденных крюковых нот я счи-

таю дело записи, перевода и купли памятников певческого старообрядческого искусства — спешным, важным делом. Не менее важна запись причитания, воплей, плачей и т. д. Известная книга Барсова преступна в том отношении, что лишает всё записанное музыкальной ценности. Между тем, как мне приходилось наблюдать, — это ряд градаций: от говорка до напева, от речевой интонации до интонации песенной... Народное творчество на Севере большей частью не знает ценности только напева самого по себе. Важно слышать, как живёт этот напев в процессе интонирования, а этого никакой записью не уловишь... Ещё живы и старые песни. Хоровых мне слышать не приходилось, но одноголосные встречались часто: очень строгого рисунка... Материала достаточно, но добыть его нелегко: надо ходить, наблюдать, выжидать, искать случая и уметь войти в доверие. Особенно это важно в отношении раскольников. Один из них, старик, которому я почему-то полюбился, сказал мне: “Что же кому, ежели он не в смех возьмёт, можно и пение послушать, и службу познать, есть такие места”. Есть ещё старицы с белицами — что-то вроде скитов. В Поморском крае за Повенцом встречаются очень строгие начётчики и блюстители былых заветов. Думаю, что беспоповскую службу ещё возможно наблюдать в её нетронутом обличье, думаю, что ещё удастся набрести не на один след братьев Денисовых. Ходить по Северу неопасно — воров и злых людей нет. Вот только медведи. Их боязно...

Самый удобный в смысле “даваемости в руки” материал — это, конечно, архитектурный изобразительный. Я был поражён прежде всего красотой ансамблей, то есть спайки между фоном (природа: лес, холмы, поля, вода, острова, дальние линии берегов) и церквями, колокольнями, избами, часовнями, крестами и т. д... Чутьё северянина не обманывает его, когда он удачно расположенной деревней, домом, часовой, церковью, а иногда и просто крестом отмечает как бы центральную точку и побочные центры, вокруг которых смыкается или собирает себя многообразие природы... В пути я перевидал много разного люда (и бывших солдат, и бывших рабочих, и раскольников, и селькоров, и комсомольцев, и сельских священников, и учителей школы, и крестьян-ремесленников, и торговцев, и бойких старух-хозяек, и работниц и т. д.). За редким исключением у всех живёт здоровый художественный инстинкт и чуткое отношение /к/ красивому виду, красивому убору. Мастерство сохранилось главным образом в области архитектурной стройки и резьбы. “Сказ” живёт, по-видимому, севернее... Вообще посещение восточного берега озера Онеги обещает много заманчивого. Мне не удалось там побывать, потому что север Онеги и особенно западная озёрно-островная часть при внимательном обследовании и при вхождении вглубь отнимает много времени и энергии. Край здоровый, манящий при всей своей суровости. Надо его не только изучить в художественно-творческом прошлом, но и найти возможность удовлетворить художественные потребности настоящего и попытаться сдвинуть с мёртвой точки оцепеневшее и омертвевшее искусство...”

Всё духовное и материальное сокровище северных скитов воплотилось в тончайшей инструментовке “Погорельщины”, где память о древнем Выге, о выговской общине — поморском оплоте раскола — органически совместилась с памятью о разгромленных и пожжённых скитах Керженца. Герои “Погорельщины” — мужики-богомазы под руководством первого мастера — Павла — пишут образы красками, ни одна из которых не названа своим именем. Как некогда свершалось в поэзии Клюева “Рождество избы”, рождение избяного космоса под рукой Красного Древодеда, так теперь свершается “Рождество Иконы”, оставляя при этом ощущение нерукотворности. Само явление иконы — “прилёт журавля”. И “доличное письмо”, обрамляющее “Видение Лица” — пишется не собственно кистью, а “смирному Павлу в персты и зрачки слетятся с павлинами радуг полки”, что выводят “голубых лебедей”... А далее —

*“Виденье Лица” богомазы берут
То с хвойных потёмок, где теплится трут,
То с глуби озёр, где ткачиха-луна
За кросом янтарным грустит у окна.
Егорию с селезня пишется конь,
Миколе — с крещатого клёна фелонь,
Успение — с пёрышек горлиц в дупле,*

*Когда молотба и покой на селе.
Распятие — с редьки — как гвозди креста,
Так редечный сок опалает уста.
Но краше и трепетней зографу зреть
На птичьих загонах гусиную сеть,
Лукавые мёрды и петли ремней
Для тысячи белых кувшинковых шей.
То Образ Суда, и метелица крыл —
Тень мира сего от сосцов до могил.
Студёная Кола, Поволжье и Дон
Тверды не железом, а воском икон.*

Сама природа помогает мастерам в их работе, отдавая свои лучшие краски образу, который перестаёт восприниматься как собственно искусство иконописца. Творение его рук вбирает в себя всё богатство и разнообразие мира внешнего, природного, зримого. “Соком земным” напоен образ Спаса и образ Богородицы в иконах дониконовского письма, отличавшихся прозрачностью света и строгой красочностью палитры... Во время своих скитаний по тайным тропам, ведшим в древние скиты, Ключев обретал всё новые и новые иконописные сокровища... В самые тяжёлые времена он не желал продавать хотя бы часть своей богатейшей коллекции, и только крайняя нужда могла заставить его расстаться с любимыми ценностями своего обихода.

“Извините за беспокойство, — писал Николай искусствоведу Э. Голлербаху, — но Вы в Камерной музыке говорили мне, что любите древние вещи. У меня есть кое-что весьма недорогое по цене и прекрасное по существу. Я крайне нуждаюсь и продаю свои заветные китежские вещи: книгу рукописную в две тысячи листов со множеством клейм и заставок изумительной тонкости — труд поморских древних писателей; книга глаголемая “Цветник”, рукописная, лета 1632-го с редкими переводами арабских и сирских сказаний в 750 листов, где каждая буква выведена от руки прекрасного и редкого мастера; ковёр персидский столетний, очень мелкого шитья, крашен растительной краской — 6-ть аршин на 4 ар/шина/; древние иконы 15-го, 16-го и 17-го веков дивной сохранности; медное литьё; убрис — шитый шелками, золотом и бурмитскими зёрнами — многолистный, редкий. Всё очень недорого и никогда своей цены не потеряет. И даже за большие деньги может быть приобретено только раз в жизни...”

С подобным письмом тогда же, в январе 1928-го, Ключев обратился к Алексею Чапыгину:

“Вещи музейные, в мирное время стоящие пять тысяч рублей (я предлагал их в музее Александра III, но там нет никаких ассигновок на какие-либо приобретения), для горницы в твоей избе на Моше более прекрасного и глубокого украшения не найти... Раз в жизни такая красота и редкость и встречается и даётся в руки. Мне обидно и горько пустить святое для меня на рынок. Быть может, ты сможешь дать мне за всё двести рублей — и я утешился бы сознанием, что мой Китеж в руках художника...”

В “Погорельщине” образы, писанные Чириным, Парамшиным, Андреем Рублёвым — оплот избяного космоса северной деревни Сиговый Лоб, которую грозит опустошить змей. Исчезновение с иконы образа Георгия Победоносца — предвестие неминуемой катастрофы. “На божнице змей да сине море...” Насельники Сиговца станут жертвами чудовища, волны поглотят последнее пристанище родного поэту древлеправославного мира, живущего по своим древним законам. Воды Светлояра поглотили древний Китеж, спасая его от нашествия татар. Сиговцу же — нет спасения.

И последняя молитва жителей этого сказочного мира — мольба о возвращении на икону Егория, обращённая к Святому Николе, к Богоматери-Приснодеве перед иконами великих русских мастеров, воплотивших лики Сладкого Лобзания, Споручницы Грешных и иных ликов Богородицы, — исполнена силы поистине трагической:

*Обрадованное Небо —
К Тебе озёра с потребой,
Сладкое Лобзание —
До Тебя их рыдание!*

*Неопалимая Купина —
В чём народная вина?
Утоли Моя Печали —
Стань берёзкой на протале!
Умягчение Злых Сердец —
Сядь за тёплый колобец!
Споручница Грешных —
Спаси от мук кромешных!*

.....
*По моленным нашим
Чири́н да Парамшин,
И персты Рублёва
Словно цвет вербовый!
По зелёным вёснам
Прилетает к соснам
На отцов могилы*

*Си́рин песнокрылый.
Он, что юный розан,
По Сиговцу прозван
Братцем виноградным,
В горестях усладным!*

А начинается поражение Великого Сига, где “отец “Ответов” Андрей Денисов и трость живая Иван Филиппов сузёмок пили, как пчёлы липы. Их чёрным мёдом пьяны доселе по холмогорским лугам свирели, по сизой Выге, по Енисею седые кедры их дымом веют...” (“чёрный мёд” отсылает к диалогу Платона “Ион”, где мёд собирается “слепыми лирниками” — поэтами, подобными Гомеру)... Начинаются потрясения со страшной песни Настеньки, Анастасии Романовны, которую слишком соблазнительно было соединить то с Настасьей — Воскресением из песнопений христов, то с якобы спасшейся младшей дочерью Николая II... Но свою Анастасию Клюев нервующейся нитью связывал с трагически гибнущей Настенькой — героиней П. Мельникова-Печерского, ибо под знаком его романов “В лесах” и “На горах” писались поэмы этого периода... Мы видели это в “Плаче о Сергее Есенине”. И в “Погорельщине” не менее явственны текстуальные совпадения.

“Лежит Настя не шелохнется; приустила резвы ноженки, притомились белы рученьки, сошёл белый свет с ясных очей. Лежит Настя, разметавшись на тесовой кроватушке, — скосила её болезнь трудная... Не дождёвая вода в мать сыру землю уходит, не белы-то снега от вешнего солнышка тают, не красное солнышко за облачком теряется — тает-потухает бездольная девица...”

Так у Мельникова-Печерского. Его Настенька жизнью заплатила за грех допущенный. А у клюевской Настеньки — грех того страшной.

*Не белы снега да сугробы
Замели пути до зазнобы,
Не проехать, не пройти по просёлку
Во Настасьину хрустальную светёлку!*

*Как у Настеньки женихов
Было сорок сороков,
У Романовны сарафанов —
Словно у моря туманов!..*

.....
*Уж как лебеди на Дунай-реке,
А свет-Настенька на белой доске,
Не оструганной, не отёсанной,
Наготу свою застит косами!*

Это — не “тесовая кроватушка” и не мирная кончина на ней. И “сорок сороков женихов” — не единственный суженый. Тут волей-неволей вспомнишь

(и без сомнения – Клюев помнил!) адские радения Пимена Карпова в начальных сценах романа “Пламень”. Неонилу, “сладкую, как яд”.

“...Увидев, как встрепенулась Неонила на кресте в диком выгибе, мужики, сбивая друг друга с ног, ярым кинулись на неё шквалом. Припали к розовым горячим её щекам, к алому вишнёвому рту, к глазам, мутно-синим, задёрнутым сумраком страсти. Лютее лютого был им поцелуй Неонилы – змеиный поцелуй ненависти... Неонила ли, весёлой яровухи-полонянки, не знать? Её ли ласк, любж и присух не помнить? Кто не припадал больно и страстно к знойной её ландышевой груди, к сладким вишнёвым устам?”

Весь грех Анастасии Клюев, в отличие от Карпова, оставляет за пределами поэмы – и лишь в песне Настеньки, перебившей только начатую песню, что завела зозуля, о “батыре-есауле” (тут же – отсыл к “сказочному богатырю”, которого так и не дождалась Настенька Мельникова-Печерского) – слышится щемящая нота позднего раскаяния.

*Ты, зозуля, не щеми печёнки
У гнусавой каторжной девчонки!
Я без чести, без креста, без мамы
В Звенигороде иль у Камы
Напилась с поганого копытца,
Мне во злат шатёр не воротиться!
Ни при батыре-есауле,
Ни по осени, ни в июле,
Ни на Мезени, ни в Коломне,
А и где с опитухи не помню,
Я звалась свет-Анастасией!..*

С этих “слов лихих” и начинаются все нестроения. Как сокровища собирают по камушку, как нотка к нотке обретает звучание симфония, как ниточка к ниточке ткётся полотно – так и человеческий микромир, община держится на каждом – блюдущим закон и нравственную чистоту. Змий бессилен перед крепостью духовной и душевной, но стоит впустить его в себя... .

Резчику Олёхе слышится в песне Настеньки голос деревьев, жаждущих стать срубом или дровнями, кружевница Проня слышит голос кукушки, нагадывающей свадьбу, гончарник Силивёрст угадывает стон гончарного котла – всё вместе предвещает недоброе. И лишь иконописец Павел знает, что это – конец. Конец гармоничной жизни, конец родного, вспоившего и вскормившего мира.

*Чадца, теля не от нашей рыси,
Стала ялова праматерь на удои,
Завывают избы волчьим воем,
И с иконы ускакал Егорий —
На божнице змий да сине море!*

“Иконник Павел – насельник давний из Мстёр Великих, отец Дубравне... .” Словно улавливаешь не сразу, а всмотревшись в клюевский образ “иконника” – Сергея Клычкова, чья “Дубравна” ещё недавно была у всех на слуху. И к клычковскому “Чертухинскому балакирю” отсылает “медведь”, несущий в зубах книгу “Златые уста” – что сродни легендарной “Голубиной”, медведь, которого Клюеву, в отличие от Асафьева, не было “боязно”...

*Когда Олёха тесал долотцем
Сосцы у птицы, прошёл Сиговцем
Медведь матёрый, на шею гривна,
В зубах же книга, злата и дивна.
Заполовели у древа щёки,
И голос хлябкий, как плеск осоки,
Резчик учуял: “Я — Алконост,
Из глаз гусиных напьюся слёз!”*

Вселенская, человеческая, Божеская и природная гармония царит в первой части поэмы, где “изба – криница без дна и выси – семью питает сосца-

ми рыси. Поёт ли бахарь, орда ли мчится, звериным пойлом полна криница. . .” И как страшно было услышать вещий голос Павла: “Чадца, теля, не от нашей рыси. . .”

“Русь” — царство греческое, откуда пришло на Русь христианство — по толкованию Апокалипсиса. . . И перед окончательным поглощением Сиговца змием — уходят святые и уходят в мир иной насельники дивного старого мира. Двуликий Сирина посреди снежного февраля поёт по-гречески молитву Иисусову — и умирает Павел. . . В мае месяце видятся Олёхе Зосима и Савватий, покидающие Соловки, — и Олёха уходит в мир иной. Проня зовёт с собой Алконост — птица печали, и Проня покидает землю. “Степенный свёкор с Силивёрстом”, поселившиеся в келье, получают весточку от Нила Столбенского, жившего за два века до основания Выга. . . Так смыкаются времена, так единая Святая Русь всех эпох, всех святых и героев уходит с этой земли. Два старца приготавливаются к смерти в огненной купели, собирая вокруг себя на прощание всю живую тварь. Как писал в “Истории Выговской пустыни” Иван Филиппов — “трость живая”, по слову Ключева, которого читал и перечитывал Николай, обливаясь слезами:

“Не к тому проповедашеся восточный закон благодатный, но западный ратный. Всюду бо мучительства меч обогранный кровию неповинною новых страстотерпцев видящися, всюду плач и вопль и стонание, вся темницы во градах и весях наполнишася христиан древняго держащихся благочестия. Везде чепи бряцаху, везде вериги звеняху, везде тряски и хомуты никонову учению служаху, везде бичи и жезлие в крови исповеднической повсядневно омочахуся. Проповедницы никоновых новин, яростию и гневом и мучительством вместо кроткого духа дыхаху: биением и ранами, а не благодатию Христову увещеваху, лукавством и коварством злымым, а не апостольским смирением к вере своей привождяху, и от такового насилья лютаго мучительства облияхуся все грады кровию. Утопаху в слезах села и веси, покрывахуся в плачи и в стонании пустыни и дебри. . . А елицы не могоша вышписанных мук терпети, мнози же и число превосходящии народи вооружающися верою собирахуся, кому где возможно бяше. При нашествии мучителей и от них сожигахуся, а овья от их наезду со оружием и пушками боющися из мучительства сами сожигахуся”.

То был подвиг духа несломленного, веры благодатной. Ныне же на месте бывшей некогда гармонии и красы — “в горенке по самогонке тальянка гиблая орёт” (и как тут не вспомнить есенинский “Сорокоуст”: “Не с того ли вплелась тужиль в переборы тальянки звонкой, и соломою пропахший мужик захлебнулся лихой самогонкой!”). . . А на месте Олёхи, Прони, Павла —

*Несло валежником от суши,
Глухою хмарой от болот,
Погоренкам и поалушам
Слонялся человекий сброд.
И на лугу перед моленной,
Сияя славою нетленной,
Икон горящая скирда...*

Тех, кто ушёл — не вернуть. И лишь “песнописец Николай” — последний из них — свидетельствует современникам “нерукотворную Россию”, Святую Русь, которая и ему открывается, лишь когда сердце песнопевца, покинув своё грудное обиталище, открывает медные врата. . . Видно, Николай знал, что и на нём грех велик. Принял лютых безбожников за восстановителей правой веры, шёл с ними бок о бок, песни им слагал от души — не из “страха иудейска”. . . И вот она — награда.

Картина пожирания Сиговца змием — сродни дореволюционному полотну Николая Рериха “Град обречённый”, где город окольцован гигантским змием — и нет в него ни входа, нет из него и выхода. Картины людоедства, взаимопожирания “человечьего сброда” (да ведь и дети там же были!) отнесены к 1919 году, что “горше каторжных вериг” — году клюевского евразийства и революционных гимнов.

Тонкая песенная инструментовка голосов Святой Руси, разнообразие ритмов начала поэмы сменяется кованым ямбом, когда вступают в своё право смертные голоса: в этом кованом ритме проходят перед нашими глазами сце-

ны смертей, самосожжения и людоедства... И к финалу поэмы – ритм снова меняется. Вступает мелодия старины – и начинается рассказ о “славном Индийском помории” – клюевской мечте, которое цветёт и хорошеет подобно Сиговцу в начале повествования. Но и Лидда, выстроенная сказочным князем Онорием, обречена – не устоять ей перед сарацинскими мечами.

Кручинилась Лидда, что краса её вся рукотворная, а цветов нет на её земле. И лишь после гибели на месте града стольного – “вырастали цветы белоснежные”. Ордой иссечен лик Одигитрии, но Богоматерь награждает землю, на которой стояла Лидда, вымоленными цветами.

Вспоминал, вспоминал Клюев в другой жизни виденную и слышанную оперу Н. М. Римского-Корсакова “Сказание о невидимом граде Китеже и де-ве Февронии”:

*А и будется небывалое:
Красотой всё изукрасится,
Словно райский крин процветёт Земля,
И распустятся крины райские...
...Время кончилось — вечный миг настал...*

Лидда – родина Георгия Победоносца, оставившего своё место на иконе в распадающемся Сиговце...

Поразительно и это прозрение Клюева. Двадцать лет спустя после создания “Погорельщины”, 11 июля 1948 года палестинская Лидда, город, где мирно уживались христиане и мусульмане, был расстрелян сионистскими боевиками под руководством Ицхака Рабина. Было убито 250 человек, остальные – изгнаны по дороге на Рамаллу. Завоеватели вывезли из города 1800 грузовиков награбленного добра на продажу...

* * *

Клюев хлопотал об издании “Погорельщины” на протяжении двух лет. Ни одна из попыток не кончилась, да и не могла, по сути, кончиться удачей. Кампания против “Деревни” и объявление Клюева “кулацким поэтом” даром не прошли: он был подвергнут самому настоящему литературному остракизму.

Поэт, чьи стихи входили в самые основные антологии и хрестоматии, включая хрестоматии для юношеского чтения на протяжении всех 1920-х годов – к 1929-му оказался выброшен из литературы. В периодике его стихи больше не появлялись – редакции категорически отказывались иметь с ним дело. В том же году прекратились и официальные публичные выступления – Николай больше ниоткуда не получал приглашений.

В 1928-м вышел в издательстве “Прибой” его последний прижизненный сборник стихов – “Изба и поле”, состоящий из трёх разделов (“Изба”, “Поле”, “Урожай”). Полторы тысячи строк из книги выбросила цензура, но даже того, что осталось – хватало для представления молодому поэтическому поколению уникального творческого мира. Книга открывалась “Рожеством из-бы”, а завершалась плачем 1-й мировой, который уже совсем по-иному звучал в 1928-м.

*Что ты, нивушка, чернёшенька,
Как в нужду кошель порожнёшенька,
Не взрастила ты ржи-гуменницы,
А спелегала— к солнцу выгнала
Неедняк-траву с горькой пестушкой?*

Преимущественно в книгу вошли стихи из “Сосен перезвона”, “Лесных былей” и “Мирских дум”. И лишь в последнем разделе Клюеву удалось сохранить несколько стихотворений послереволюционной поры, вошедшие некогда в “Львиный хлеб”.

А кампания против него всё нарастала, а смертоносная волна всё набирала силу.

“Что опасно?”. “За живых – против мёртвых”. “Кнутом направо”. “Деревенский отряд новобуржуазной литературы”. “Избяной обоз”. “Против пей-

занства”. “Вынужденные вопросы”. Статьи Лелевича, Авербаха, Замойского, Бескина сыпались на страницы журналов и газет, как из мешка бабы-Яги.

Дошло дело до того, что от своих старых друзей отрёкся в “Красной ниве” Пётр Орешин. Отрёкся в стихах. В небольшой поэме “Моя библиотека”.

Когда-то, мечущийся, пишущий без роздыху “революционные” поэмы (“плохие коммунистические стихи”, как охарактеризовал их Есенин), декларирующий: “Будет врать о любви и о боге, и о многом, о многом другом. Не вернут нас ни кони, ни дроги в старорусский родительский дом”, – он, не могущий подавить в себе пронзительной лирической ноты, одновременно жаловался и тосковал – и создавал совершенно удивительные стихотворения, в каждой строчке которых слышались и радость, и отчаяние, и гнев, и удивление.

*Соломенная Русь, куда ты?
Какую песню затянуть?
Как журавли, курлычут хаты,
Поднявшись в неизвестный путь.*

.....

*И что ж? Крестом, как прежде было,
Никто себя не осенил.
Сама земля себя забыла
Под песню журавлиных крыл.*

*Ой, Русь соломенная, где ты?
Не видно старых наших сёл.
Не подивлюсь, коль дед столетний
Себя запишет в комсомол.*

Приблизительно в то же время Орешин обратился с гневной поэтической инвективой в адрес имажинистов (и Есенина вкуче), в котором была симптоматичная строфа: “Вам Клюев противен до боли, по мне – он превыше вас и песни его о русском поле запоются ещё не раз!” Не слишком лирично и слишком декларативно – но гнев при виде стаи литературных дикарей в цилиндрах превалировал над всем остальным... Пройдёт ещё несколько лет – и Орешин создаст лиричнейший цикл, посвящённый памяти Сергея Есенина, иные строфы которого и ныне вспоминаются, как образцы высокой поэзии.

*Жёлтый лист несут метели
Через перевал...
Не Серёжа ли с похмелья
Кудри растерял?
В поле холодно немножко,
Белый ветер лих.
Хорошо звенит гармошка
В пальцах ледяных.
Растрепать бы не пора ли
Нам земную сонь?
Три берёзки заплясали
Под его гармонию...*

Прогремят на всю страну бухаринские “Злые заметки”, и Орешин ответит на них стихами, исполненными недоумения и решительного несогласия с филиппиками партийного идеолога: “Не верно, сельские баяны, певцы крестьянской стороны, как будто родине багряной мы стали больше не нужны... Пускай кому-то не по нраву пришлись удары наших струн. Шумит же лес, поют же травы, гудит же ветер- рокотун...” А потом...

“Перестраивались” тогда многие. Башмаков не успев износить, жгли всё, чему поклонялись, поклонялись всему, что сжигали (это же мы наблюдали сами уже в наше время – и это “с нами войдёт в поговорку”, перефразируя па-

стернаковскую строчку 1925 года). Подобные “переодевания” были как бы в порядке вещей... Но “переодевание” Орешина было воистину скоропалательным.

Года не прошло со времени “есенинского цикла”, а уже складывались строки, подводящие черту под прежней любовью.

*На полке спит Сергей Есенин.
Четыре тома — тоже кладь.
Но мир ему в стране весенней,
Где хорошо ему лежать.*

.....
*Я ухожу, и не за славой,
Чем дорожил ты, что берёг...
Прости, родной, прости, кудрявый, —
Кричу тебе с других дорог.*

.....
*Что ж делать, ежели я вырос,
И брюки стали коротки,
И тесен в поле сельский клирос,
Твои снега и ящички?*

*Мы знали взлёт железной стаи,
Но не воспели, кинув грусть,
Как в поле, например, Чапаев
Распулемётил нашу Русь!*

Этого не перескажешь — это нужно приводить в максимально пространственных извлечениях. Что перед этим всевозможные безыменные, бескины и авербахи — которых изначально воротило от слова “Россия”, которые всегда лютой ненавистью ненавидели русскую деревню и русского мужика! Это даже не “эстет” Городецкий, поменявший уже в своей “гардеробной” массу “костюмов” и решивший, что сейчас лучше всего по плечу — кожаная куртка... Нет, здесь совершается нечто грандиозное — перестройка самого русского поэта, которого влечёт во “всемирность”!

Влечёт? Который — сам себя за волосы в неё тащит! Который — буквально заставляет себя отречься от своих друзей, готовясь к воспеванию “распулемёчиванья” Руси!

Кем был ещё недавно для Орешина Сергей Клычков?

*Чёрный волос — две покрывки,
Образом — сосна.
Бор шумит. Луна — коврижкой
А в бору — Дубна.*

.....
*Буйным городом изранен,
Синим лесом пьян,
Ты по паспорту — крестьянин,
А душой — цыган!*

Теперь же — картина совершенно иная.

*Ты жив ещё, здоров?.. Ну что же,
Давай простимся подбру,
Пришла пора, и ты, Серёжа,
Быть другом перестал Петру.*

.....
*Благодарю! Пора настала.
Разлука к горлу подошла.
За нашу дружбу мы немало
Понаписали барахла.*

.....

*Послушай шум огня лесного,
О том ли шепчет наша рожь?..
Недалеко уйдёшь с Лесковым,
Да и с Печерским не уйдёшь.*

*Но есть конец всему, не так ли?
Коварна жизнь, коварен свет.
Я уйду из русской сакли,
Я больше не мужик-поэт!*

“Лесков с Печерским” уже не пример и не ориентир потому якобы, что “ведь были ж, были Уитмены, Верхарны и Эмиль Золя!” Да верил ли сам Орешин самому себе? Вопрос не зряшный – больно уж поверхностно это “отречение”, слишком уж не выбираются слова, неуклюжи самооправдания, а “страх иудейский” ощутим за каждой строкой! Совершенно Орешин теряет себя, когда набредает в своём “книжном шкапу” на подаренные томики Клюева:

*А это кто, почти безбровый,
Почти беззубый, как бабай?
Ахти, два тома Песнослава,
Смиренный Клюев Николай.*

.....
*Сочувствую, кто об эпоху
В беспутьи голову расшиб.
Кто старостью и нудным вздохом
Сочится, как в носу полип.*

Это – чуть ли не калька со стихотворения неугомонного Безыменского, который годом ранее в “Красной газете” прямо отправлял Клюева в белую эмиграцию:

*Скорей разбей свои скрижали
И потуши лампадный лик,
О, ты, — олонецкий рижанин
И мялюковский рюсс-мужик!*

Но, похоже, разлад внутренний настолько вышиб Орешина из колеи, что даже Безыменский в своём клеветническом опусе кажется более грамотным и складным. . .

В конце декабря 1928 года Клюев пишет Сергею Клычкову. Делится новостями, благодарит за помощь – и жалуется, мечтает, недоумевает. . .

“Кланяюсь тебе низко и благодарю крепко за твою любовь ко мне и тёплую заботу! Чем только я заслужил всё это пред тобою. Поздравляю тебя с наступающим праздником Рождества Христова и Новым Годом! Желаю тебе груды лунного золота – из какого создан Чертухинский Балакирь. И жемчугов-хризопрасов народных.

Я живу по-старому, то есть в бедности и одиночестве. Зима эта очень тяжёлая – нет самого необходимого; что можно было продать – продано, и если я сообразно твоего письма заслуживаю персональную пенсию, то возьми на себя труд и милосердие собрать подписи писателей и учёных в Москве, а на подписном листе выработай соответствующий заголовок. . . У меня написано за это время четыре поэмы. Но навряд ли их можно издать, хотя бы и в “Круге”.

Если бы можно было переиздать Львиный Хлеб – книга эта на три четверти не вышла из типографии, и в продаже её – по крайней мере, в Питере – нигде нет. Книгу эту можно было бы и дополнить. Если собрать мои поэмы: Четвёртый Рим, Мать Суббота, Деревня, Заозерье, Плач о Сергее Есенине и большую поэму “Погорельщина”, то тоже бы получилась хорошая книжка. Но, повторяю, навряд ли это возможно.

Что за выступление Орешина? И что ему надо от нас – его подлинных братьев?..”

Вот так – называет себя и Клычкова “подлинными братьями” Орешина, и его, стало быть, считает “подлинным братом” – и словно невдомёк ему, как

эти “братья” предавать могут, хотя жизнь уже всему, чему могла, казалось бы, научила.

Тоскующий, изнемогающий от одиночества, он зовёт Клычкова к себе в гости, в Ленинград, и сообщает ему, что келью держит в чистоте и опрятности, что ни он к писателям не ходит, ни они к нему... “Приходит только узбек-юноша, споёт песню про бедного верблюда, поплачет о своей Персии верблюжьими слезами. Я часто плачу... Ты знаешь – о чём. Ах, если бы мне дали ежемесячное вспомоществование! Ведь во всех школах и вузах учатся по моим стихам. Много моих песен переложено на музыку, существуют переводы и на европейские языки...”

Ведь так оно всё и было. В то время, когда не прекращался огонь по Ключеву из всех журнальных и газетных орудий, школьники и студенты изучали его поэзию по “непрочищенным” хрестоматиям и антологиям. А что касается переводов – то к тому времени его стихи уже были известны и в Европе, и в Азии, и в Америке, переведённые на английский, немецкий, итальянский, французский, японский, чешский и латышский языки. Чапыгин в одном из писем к Горькому, сообщая, в частности, о том, как извёлся непечатаемый и нищий Ключев, упоминал также о человеке, который осуществлял переводы Ключева на немецкий.

А что касается музыки... “...Недавно в Питере в бывшей Императорской Капелле шла моя поэма Песнь Солнценосца – очень красивый был вечер. Хор двести человек, оркестр – струнный, человек сто... Но мне не причиталось ни копейки. Расходы капеллы далеко превысили доходы. Одних нот нужно было переписать рукой до тысячи листов. Музыка подлинно русского человека Андрея Пашенко...” Премьера героической поэмы “Песнь Солнценосца” для хора, соло и оркестра состоялась в Ленинграде 18 ноября 1928 года – и это было первое и единственное музыкальное исполнение ключевской поэмы. На экземпляре концертной программы Николай начертал своей рукой: “Музыка Пашенко на мою песню очень мне понравилась – она, как ветер в деревьях, так необходима для моих стихов. Прекрасны и свежительно поцелуи ветра с деревьями. Н. Ключев”.

... Он не уставал пробовать в печать “Погорельщину” – все попытки были безрезультатны. Он раз за разом устраивал публичные чтения поэмы – здесь была двоякая цель: ознакомить поэму с как можно большим количеством слушателей – *избранных* слушателей, и заработать хоть что-нибудь на жизнь.

Слушания были платными. Публично это не объявлялось, но каждый из приходивших на чтения знал: поэт нищенствует и плата необходима. Деньги собирал заранее назначенный человек и потом в укромном уголке вручал “гонорар” Ключеву. А тот мог лишь вспомнить стародавние времена – когда был гостем литературных салонов, где подобное было в порядке вещей, но где смотрели на него преимущественно как на экзотическое существо. Теперь же – его созерцали и слушали, как представителя **последней Руси**.

Я могу лишь представить себе подобную картину, основываясь на личном опыте. В начале 1980-х годов примерно так же устраивались домашние концерты гениального русского певца Николая Тюриня. Доступ на большую сцену ему был закрыт, а на телевидение он пробился лишь однажды – благодаря усилиям, которые предпринял его неистовый поклонник – Вадим Валерианович Кожин... Собирались избранные поклонники тюринского певческого дара, после двухчасового концерта разливали скромный чай и раздавали домашнее угощение, а перед выступлением тихо проходил обязательный сбор денег.

... Ключев читал “Погорельщину” во многих домах. В Доме писателя, в Доме деревенского театра, на званых вечерах в квартирах людей, жаждущих послушать великое поэтическое произведение... В Доме писателей его выступление предвещал молодой и самоуверенный критик Ефим Добин.

– Настоящий поэт лишь тот, кто умеет воспеть, как строится блюминг и добывается нефть. Все остальные – несозвучны эпохе. Сейчас перед вами один такой “чужак” выступит. Это, товарищи, поэт Николай Ключев. Творческий труп! Стихи его – устаревшая рухлядь. Я уверен, что вы встретите его пролетарским равнодушием.

О дальнейшем вспоминал через много лет Вячеслав Завалишин:

“Слушатели с любопытством ожидали, когда появится поэт, которого им предлагали “почтить” пролетарским равнодушием. Наконец показался мужи-

чок с зоркими, с хитринкой глазами. Он был в длинной, украшенной узорами рубаше, сшитой из яркого шёлка и доходившей ему до колен. Так обычно одеваются гусляры, выступающие в ресторанах, где бывают знатные иностранцы, — чтобы поразить посетителей экзотикой “кондовой” Руси.

Николай Клюев начал читать свою поэму... Все сразу поняли, что так может читать только настоящий крестьянин и настоящий народный поэт. Клюев держал в напряжении весь зрительный зал. Нам казалось, что мы чудом перенесли в сказочный, легендарный край, имя которому — Русь. Клюев умел захватывающе читать стихи. Он, пожалуй, даже не читал, а распевал их, как это делают сказители былин. Выступление поэта имело исключительный успех, буквально ошеломивший мелкотравчатых урбанистов, выпустивших его...”

“Читал предельно просто, — вспоминала Валентина Дынник, — но все были словно заколдованы. Я считаю, что совершенно свободна от всяческих суеверий, но на этот раз во мне возникло ощущение, что передо мною настоящий колдун... Колдовство исходило от самого облика поэта, от его простого, казалось бы, чтения. Повевало чем-то от “Хозяйки” Достоевского”.

“...Клюев читал до второго часа замечательную “Погорельщину” и читал мастерски. Очень хорошо”, — записывал в дневнике Михаил Кузмин.

А в Москве слушателями “Погорельщины” кроме Сергея Клычкова и Петра Орешина (пришёл — и слушал безотрывно!) были и Александр Воронский, и Иван Катаев, и все критики и прозаики “Перевала”, и Михаил Нестеров, и о. Павел Флоренский.

Иванов-Разумник, пришедший в дикий восторг от поэмы, отправил переписанные отрывки из неё Андрею Белому — и получил от того следующее послание:

“Дорогой друг, ещё не ответил Вам ничего на Вашу любезность: спасибо за отрывки из Клюева; вероятно, “Погорельщина” вещь замечательная; читал отрывки, от некоторых приходил в раж восторга; такие строки, как “Цветик мой дитячий” и “Может, им под тыном и пахнёт жасмином от Саронских гор”, напишет только очень большой поэт; вообще он махнул в силе: сильнее Есенина! Поэт, сочетавший народную старину с утончениями версификационной/технической ХХ века, — не может быть небольшим; стихи технически — изумительны, зрительно — прекрасны; морально — “гадостны”; красота имажинации при уродстве инспирации... Изумительные по образам, содержанию, ритму и технике стихотворения, “Виноградье моё со калиною” воняет морально: от этих досок неотёсанных, на которых “нагота прикрыта косами”, идёт путь неприемлемого, больного, извращённого эротизма; и если я услышал в “Антропософском/Обществе/в 22/м/году запах смеси “парфюмерии с трупом” и чуть ли не упал в обморок от него, то от стихотворений/Клюева, прекрасных имажинативно и крупных художественно, разит смесью “трупа с цветущим жасмином”; я не падаю в обморок, потому что соблюдаю пафос дистанции между собой и миром поэзии Клюева...”

Невыразимо чуждо мне в этих стихах не то, что они о “гниловатом”, а то, что поэт тончайше подсаковывает им показываемое; в этом смысле и склоненья “сосцов” (!) “Иродиады” (!). Клюев не верит ни в то, что Иродиада — Иродиада, в правду “песни”, долженствующей склонить “сосцы” (неприменно “сосцы”!), ни в “Спаса рублёвских писем”, которому “молился Онисим”. “Спаса писем” — “Онисим” — рифма-то одна чего стоит! Фу — мерзость!

Так Спаса не исповедуют!

...Гюисмансу много лет назад было простительно “гутировать” святости; но и он трепетал! А этот — не трепещет; и чего доброго, ради изыска, пойдёт в кафе-кабаре прочесть строчку: “Граждане Херувимы, прикажете авто!”

Наденет поддёвочку, да и споёт под мандолину своё прекрасное “кисло-квасие”, проглотив предварительно не один “ананас” от культуры, кишасшей червями. И оттого: “двуногие пальто”, презируемые Клюевым, мне ближе: где им до эдакого изыска; у “двуногих пальто” нет и представления о том, что возможны такие кошунства: “Мы на четвереньках, нам мычать да тренькать в мутное окно”, — участь клюевской линии; её дальнейший этап — “четвереньки”: Навуходоносорова участь!

А поэзия его изумительна; только подальше от неё; и говоря “по-мужички, по-дурачки”, я скорей с Маяковским; люблю его отмеренною, простой любовью: “от сих до сих пор”...”

Прочтя это письмо Андрея Белого, без труда угадаешь — какие, в частности, отрывки “Погорельщины” послал ему Иванов-Разумник. Послал с определённым расчётом.

После гибели Сиговца “сосновые херувимы” слетаются на стогны современного Ленинграда, города, которому по старинному пророчеству — Санкт-Петербургу тогда — пусто быти... Слетаются в жилище Иродиады — старшей дочери Ирода-царя, что потребовала главу Иоанна Крестителя, — дабы умиловить её своей песней, умолить принять принесённые дары...

*Для неё мы в кошеле рысьем
Мирской гостинец несём:
Спаса рублёвских писем, —
Ему молился Онисим
Сорок лет в затворе лесном!*

Андрей Белый, которого передёрнуло от этих строк, не знал и знать не мог — что раскрывает здесь Клюев: тайное тайных, вынесенное им из давнего общения с “христами”. Они ведь поклонялись иконам, соединяя в своём воображении лики святых с образами собственных “святых”. Икона Иоанна Предтечи с крыльями за спиной соединялась в их восприятии с образом почитаемого ими “христа” Онисима... Так в “Погорельщине” соединилось всё самое одухотворённое, что воспринял поэт на своих русских путях: языческую радость воссоединения с миром природным, староверческие заветы, “духовные полёты” сектантства...

Нежному гласу херувимов отвечает грубая советская улица, которую готов был предпочесть Белый:

*Выла улица каменным воем,
Глотая двуногие пальто.
“Оставьте нас, пожалста, в покое!..”
“Такого треста здесь не знает никто...”
“Граждане херувимы,— прикажете авто?”*

Это утрированное воспроизведение “диалога” Клюева с новыми редакторами газет и журналов. Но это — лишь поверхностный слой. А на глубине — кардинальный разрыв в языке, в понятийных категориях между поэтом и теми, кто взял на себя роль арбитров идейной и художественной шкалы ценностей. Между ещё живой Старой Русью — и новым временем, беспощадным к старине, безжалостным к традиционным ценностям, ещё не ведающим, что предстоит к ним вернуться.

Иванов-Разумник знал, что делал, когда посылал Белому, некогда триумфально величавшему Клюева, именно этот отрывок “Погорельщины”. Он не единожды уже высказывал своему старому литературному другу недовольство его “перестройкой”, как написал Разумник в своих позднейших воспоминаниях: “Давняя дружба соединяла нас, но за последнее время стали омрачать её непримиримые политические разногласия; не то, чтобы чёрная кошка пробежала между нами, но чёрный котёнок не один раз уже пробовал просунуться — с тех пор, как... Андрей Белый сделал попытку провозгласить “осанну” строительству новой жизни, умалчивая о методах её...” Послание одного бывшего “скифа” другому должно было символизировать “литературный документ сопротивления” третьего, а ответ второго “скифа” (перестраивавшегося гораздо более тонко, чем тот же Пётр Орешин) — говорил о неприятии именно идейного содержания присланного, хотя неприятие это всеми возможными средствами маскировалось под неприятие эстетическое. И Белый, и Разумник поняли друг друга прекрасно, но ни один из них не понял в целом (а скорее, и не захотел понять) одно из гениальнейших творений русской и мировой поэзии.

Исключительно как “документ сопротивления” расценивали “Погорельщину” и в ленинградских кружках молодёжи, хорошо знакомой Иванову-Разумнику, где частыми гостями были старые социалисты-революционеры. Когда руки ГПУ дошли до этих кружков, то на допросах стали выясняться весьма интересные подробности.

“Кружок принимает, и в этом сказалось влияние Иванова-Разумника — определённое эсеровское направление, это сказалось и на характере литера-

турных читок, которые принимают народнический характер. На собрании кружка, происходившем на квартире В. А. Гаммер, был приглашен кулацкий поэт Клюев, который прочитал свою контрреволюционную поэму “Погорельщина”, увлекшую слушателей. На одно из собраний по специальной договоренности должен был приехать Иванов-Разумник для чтения одной из своих эсеровских статей, но в день приезда предупредил по телефону, что приехать не может, так как опасается это делать в связи с происходящими арестами. . .

Для эсеровских настроений кружка характерен факт распространения в 1932 году среди его членов размноженных мною на машинке экземпляров нелегальной поэмы Клюева, оплакивающей уходящую кулацкую Русь. Поэма получила известность, для совместных чтков её собирались группами, в частности, совместно читали её, восторженно комментируя, Громов, Куклин, Бианки и Павлович. Поэму привёз от Клюева из Москвы Павлович. Поэма цитировалась и заучивалась членами кружка и распространялась дальше. На отпечатку этой поэмы, на бумагу и пр. мною были собраны от членов кружка необходимые средства. Максимов мне заявил, что, распространяя и размножая эту поэму, я делаю “истинно культурное дело” (из показаний библиотекаря Е. Н. Дубова по “делу” “Идейно-организационного центра народничества”).

Но думается, что наблюдение за Клюевым и первые документы его так называемого “агентурного дела” (которое, безусловно, существует, но к которому нет доступа) начали складываться до привоза поэмы из Москвы, — тогда, когда первые экземпляры “Погорельщины” стали ходить по рукам. Поэма с самого начала стала восприниматься как оружие, направленное против становящегося строя.

А к этому времени у Клюева сложилась ещё одна поэма, содержание которой в этом отношении было, выражаясь современным жаргоном, “круче”, чем содержание “Погорельщины”.

Поэма, название которой Клюев подбирал долго и мучительно. Сначала она называлась “Каин”. Потом имя первоубийцы сменилось местоимением “Я”. — так Клюев отождествил себя с проклятым сыном Адама. И, наконец, остановился всё же на “Каине”.

Горечь и боль за уничтоженную родину смешивается здесь с пронзительной нотой самобичевания. Вкусившие отраву политической демагогии простые люди так же наравне с идеологами разрушения принимали участие в истерических сборищах, называемых “митингами”, так же с упоением отрекались от старого мира, разрушая свои же духовные святыни. Да и сам поэт, быстро, по счастью, опомнившийся, послужил своим пером этой адской революционной вакханалии.

Вспомним, ещё раз, однако. . .

*Ура, Осанна — два ветра-брата
В плащах багряных трубят, поют...
Завод железный, степная хата
Из ураганов знамена ткнут.*

*Убийца красный — святей потира,
Убить — воскреснуть, и пасть — ожить...
Браду морскую, волосья мира
Коммуна-пряха спрядает в нить.*

“Пулемет. . . Окончание — мед. Видно, сладостен он для охочих — Пробуровать свинцом народ — Непомерные, звездные очи. . .” Эти строки, которые сейчас поистине страшно читать, тогда сменялись другими, в которых восторг от происходящего смешивался с душераздирающим ощущением духовной катастрофы: “Кривохарканьем Бог заболел, — оттого и Россия пурпурна. . .” Негодую и язвя, восторгаясь и иронизируя с горькой усмешкой, Клюев временами доходил до откровенного кощунства, своим примером как бы подтверждая мысль одного из героев Достоевского: “Широк русский человек. Я бы его сузил. . .”

Осознав со временем, к чему эта широта привела Россию, Клюев в 1929 году пишет поэму о каиния. Братоубийцу Святополка в народе называли о каинным — “окаинившимся”. Раскаяние — освобождение из-под власти Каина. Клюев понимал, что ему самому это покаяние за содеянное с Россией нужнее,

чем кому бы то ни было. Сотни стихотворцев талантливых и бездарных были в этом отношении безнадежны. Охмелев от крови бессудных расправ, они продолжали петь в том же духе, независимо от того, что одни герои их виршей, вставшие к стенке, сменялись другими, ещё не вставшими.

*Задонск — Богоневесты роза,
Саров с Дивеева канвой.
Где лик России — львы и козы
Расшиты ангельской рукой —
Все перегой, жилище сора.
Братоубийце не нужны
Горящий плат и слёз озёра
Неопалимой купины!*

*Узнай меня, ткач дум и слова,
Я — враг креста, он язва нам,
Взалкавшим скипетра срамного
Державным тартара сынам!*

В этих словах Каина слышны то громогласные, то приглушённые речи миллионов наших соотечественников — от современников поэта с их проклятиями “опиуму для народа” и “лапотной Расеюшке” до нынешних одурманенных остолопов, ещё совсем недавно радостно вопивших о “конце империи”.

Уже в “Погорельщине” отчетливо выявилась у Клюева музыкальная нота пушкинского “золотого века”. Эта нота ещё отчетливей звучит в “Каине”, в самой поэтической материи произведения. В то же время прямые отсылки поэта к Пушкину и Лермонтову создают потрясающий душу контраст — словно бесследно исчез чистый горный Кастальский источник, и страждущий путник оказался перед зловонной лужей.

*Ах, Зимний сад — приют Эроту,
Куда в разгар любви и сил
Забить мирскую позолоту
И злоязычную заботу
Великий Пушкин заходил.
Зачем врага и коммуниста
Ты манишь дымкой серебристой,
Загадкой грота и скамьёй
С разбитой урной над водой.*

Прекрасное манит всякую нечисть. Вторжение в обитель грез и муз нового хозяина жизни “с товарищем наганом” на боку (слишком явственна отсылка к Маяковскому с “товарищем маузером”) заканчивается печально. Сад наполняется гнусавым хором варваров, оргия которых заканчивается полным разгромом и кровопролитием, ибо ни одно поругание святыни не проходит задаром. “Отыскали тебя в гроте на последнем повороте. Френч разодран, грудь в крови от невинной, знать, любви!”

В записных книжках Клюева 30-х годов встречаются пространные выписки из “Преступления и наказания”, в частности, “Сон Раскольникова” и его исповедь перед Сонечкой. Видно, мысль о покаянии настолько сильно овладела душой поэта, что он до конца жизни пронёс её в себе, что, естественно, отразилось и на круге его чтения.

Как во многих вещах у Клюева, в “Каине” явлен сплав мистического и реального, образы дьявольщины и образ чистой и непорочной Великой России перемежаются жуткими реалиями современности. “Все чаще говорят газеты: самоубийцы тот да эти...” Набор хулиганских реплик (этот же приём использован в “Погорельщине”) сменяется лермонтовской классической нотой: “Не прячется в саду малиновая слива, не снится пир в родимой стороне...” Вся же поэма целиком воспринимается в ключе сновидения, в котором перемежаются картины прошлого, настоящего и будущего. Отдельные строфы напрямую воспроизводят сны, которые записывал со слов Клюева Н. И. Архипов.

“Будто где-то я в чужом месте и нету мне пути обратно. Псиный воздух и бурая грязь под ногами, а по эту сторону и по другую лавчонки просекой вы-

тянулись, и торгуют в этих ларьках люди с собачьими глазами... Стали попадаться ларьки с мясом. На прилавках колбаса из человеческих кишок, а на крючьях по стенам руки, ноги и туловища человеческие. Торгуют в этих рядах человечиною. Мне же один путь вдоль рядов, по бурой грязи, в песьем воздухе...”

Через семь лет это сновидение воплотилось в 3-й части поэмы, в которой отчетливо явлено предчувствие будущей гибельной ссылки в Колпашево. “Мне снилось: заброшен я в чумазый гиблый городишко, где кособокие домишки гноились, сплетни затая...” И здесь же вопреки угрожающему монологу Каина в начале поэмы, в воображении Клюева встает вечная Россия, которая подобно Китеж-граду становится незримой в лихие годы, но объявится снова человеческому взору, когда чаша Божьего гнева переполнится.

Чёрная свинцовая туча накрывает Россию, кажется, ни единый проблеск света не разорвёт её, голос Каина, “верховного мастера и супруга”, явившегося к поэту “в завечеревший понеделник” (и здесь в памяти Клюева, без сомнения, всплыла поэма А. Ганина “Сарай”), пронзает насквозь каждой нотой, словно вбивает несчастного всё глубже и глубже в землю.

*“Да, я! Приход мой неслучаен
В страну октябрьской мглы и вьюг.
Но, чтоб испытать последних Таин,
Мой вождевленный смертный друг,
Вот камень от запястья З/мия/
Тебе дарован за труды.
Сестра дракона — И/ндустрия/
Грозит кимвалами беды.
/.../ поклонится /Россия/
Рогам полуночной звезды...”*

И на совершенно иной ноте пишется финал — где на наших глазах свершается “Руси крещение второе”, неизбежно грядущее во её спасение. Древнее язычество не уничтожается огнём и мечом, не покорствуется поневоле, но с радостью принимает слово Христово ранним чудесным утром:

*Проснись, Буй-Тур, иди к брегам!
Тебя сам милостник Никола
В крещатой ризе ждёт у мола.
Уж златокося Моряня
Наречена святой Татьяной,
Она росистою звездою
Глядит в оконце слюдяное!
Встань, о княже Гаврииле,
Пришёл конец Сварожьей силе.
От мёртвой Сити воев сонмы,
Сиянием креста ведомы,
Идут к родимой черемисе...*

Чаша еще не испита, и кровь ещё прольется, и явятся новые мученики и мученицы.

По воспоминаниям В. А. Баталина, “в 1932–1933 гг. Клюев “складал” (его слова) поэму “Песнь о Великой Матери России” во многих планах. Одна из глав — о Пушкине — называлась “Зимний сад”, отрывки из нее неоднократно им читались в студенческих квартирах у его знакомых”.

Так у современников поэта совмещались в восприятии “Песнь о Великой Матери” и “Каин”, текстов которых до последнего времени никто не знал.

...Клюев продолжал дописывать поэму и после разрыва по частям первоначальной рукописи. Отдельные строки были выписаны, как памятка, дабы можно было восстановить по памяти уничтоженные во избежание возможного обыска куски — но ни восстановлены, ни записаны они не были. Лишь отдельные строки сохранились в памяти художника Николая Минха:

*Твердыня чувствовалась в тыне
От костромского топора,*

*А на заморской половине
Велась затейная игра.*

*Там Нестеров — река из лилий,
С волшебной домброй Бородин,
Шаляпин пел во “Вражьей силе”,
Славянской песни исполн.*

*Толстой в базальтовой пещере,
Отшельник Лев,— чей грозен рык,
Ведун из Городища — Рерих,
Есенин — сад из повилик.*

... А впервые я услышал об этой поэме в мастерской художника Анатолия Яр-Кравченко, который показал мне небольшую свою акварель: угол деревенской избы, окно, край стола, на котором горшок, покрытый полотенцем.

Анатолий Никифорович повернул акварель и дал прочесть на обратной стороне подпись, сделанную рукой Клюева:

“Изба в Вятской губ., где мною написана поэма “Каин”, 1929 г. Августа. — Н. Клюев”.

— Что это за поэма? — спросил я.

— Не знаю, — ответил художник. — У меня её нет.

И лишь летом 1991 года я обнаружил её текст в архиве Комитета государственной безопасности, в “деле” Клюева, без четырёх рукописных страниц и с разорванными пополам остальными (по 26-ю страницу включительно), и лишь 4-я часть, с описанием “Руси крещения второго” осталась почти неповреждённой.

Поэма эта писалась в селе Потрепухино Саратовской области. К этому времени Анатолий Кравченко стал одним из самых близких людей для Николая.

А познакомились они годом ранее, в апреле 1928-го, на выставке картин Общества имени А. И. Куинджи.

(Продолжение следует)

АЛЕКСАНДР КАЗИНЦЕВ

ПОЕЗД УБИРАЕТСЯ В ТУПИК

Последняя возможность

Не только неслыханность стала причиной мощной волны протестов. Социологи “Левада-центра” провели опрос на проспекте Сахарова во время митинга 24 декабря. В списке причин, выведших людей на улицы, “недовольство тем, что власть не считается с ними”, заняло только третье место – 51,7%. “Возмущение фальсификацией выборов” (72,5%) – второе (newsru.com/russia/27dec2011/whosmeeting.html).

Между тем либеральные СМИ (а это едва ли не вся столичная печать) пытаются свести всё к неприятию подтасовок. Не собираюсь уменьшать значение этого фактора. Однако у “декабристов”, как их окрестили газеты, были и другие побудительные мотивы.

Прежде чем их назвать – это солидный перечень, – отвечу либеральным писакам, проталкивающим в герои протеста московских мажоров, у которых всё в жизни ОК.

Надо же, на площадях мёрзлы ребята Сергея Удальцова (социологи “Левада-центра” насчитали 24% сторонников левых идей), русские националисты, а газетчики заметили только с о и х. Средний или, как его льстиво именуют, “креативный” класс (не пойму, почему офисный клерк – фигура заведомо более креативная, чем учитель или сотрудник музея), “эстетов в чёрных водолазках, объединённых своей нелюбовью к Кремлю и любовью к хорошим винам” (newsru.com/02jan2012/putin_risk.html).

Вполне себе гламурное совмещение приятного с полезным: “бунтарского” духа с модным кулинарным контентом глянцевого журналов.

Тон задал Л. Парфёнов. Акции, – утверждал он, – стали “протестом сытых людей, которым живётся хорошо, но они вдруг обнаружили, что живут несвободно” (newsru.com/russia/5dec2011/akunin_print.html). **Кто-то из пишущей братии назвал митинги “революцией довольных”** (newsru.com/russia/02jan2012/putin_risk.html). **Ксюша Собчак заговорила о “норковой революции”** (“МК”, 26.12.2011).

Можно было бы пренебречь этими словесными изысками. Тем более что они не в ладу с логикой. Если люди “довольны”, то чего же они митингуют? Намеренно избегаю слова “революция” – до неё (к счастью ли, нет ли) неблизко! И хотя булыжник давно уже перестал быть главным оружием взбуряемых масс, очевидно: ни светским львицам, ни любителям хороших вин её не сдюжить.

Продолжение. Начало в № 7–11 за 2010 г.; № 2, 3, 6, 7, 10 за 2011 г.; № 1 за 2012 г.

Но если одну и ту же мысль тиражируют повсеместно, значит, это кому-то нужно. Конечно, в массовые пропагандистские кампании вовлекаются самые разные персонажи. Кто-то бескорыстно формирует протестный тренд. Кто-то увлёкся “героическим” парадоксом: у людей есть всё, а они требуют честных выборов. Кто-то, расписывая “революционные” заслуги “эстетов”, попросту пиарит знакомых.

Но просматривается и фундаментальный умысел. Живописуя активность “креативного” класса, а заодно и “долларовых миллионеров” (не только ничем себя не проявивших на митингах, но и не обозначившихся там, за исключением М. Прохорова), либеральная пресса продвигает образ политического субъекта декабрьского движения, а следовательно, и грядущего выгодополучателя.

Позднее, говоря о борьбе за кулисами митингов, я скажу об этом подробно – с фамилиями бенефициаров. Теперь же зафиксирую: обществу, а скорее и прямо – Кремлю спешат предложить классово близкого “революционера”. Не собирающегося ничего менять в самой системе, но желающего перестроить её на либеральный манер.

Это и понятно. Издания, освещающие манифестации, связаны с системой. Их хозяева и ведущие журналисты не по разу отметились на совещаниях у вчера ещё все сильного В. Суркова, а то и запросто общались с ним на вил-вечеринках. Однако несколько отгеснённые от власти в путинское десятилетие, они хотят вернуть утраченные позиции. Стихийно возникшее движение протеста предоставляет для этого идеальную возможность. Надо лишь “оседлать” его. Направить против “антилиберального” Путина и оконфузившегося Чурова. Постаравшись при этом не задеть устоев.

Вот почему день и ночь нам талдычат о людях, которым ничего не нужно. Только бы голоса пересчитать да Путина в Кремль не пустить.

И всё-таки без социальной привязки в таком разговоре не обойтись. Опытнейший Игорь Бунин, гендиректор Центра политической конъюнктуры, берётся за дело: “Пробуждается средний класс со своей идентичностью и системой потребностей. Класс, который не хочет быть быдлом” (“МК”, 29.12.2011).

Характеристика абсолютно бессодержательная. Что означает “своя идентичность”? каковы конкретно “потребности”? И почему речь о них, а не о ценностях, которые обычно упоминают в подобных случаях? Разве что полемическое противопоставление нового класса “быдлу” – по методу “от противоположного” – нечто говорит о нём.

Что сразу же – ай да Бунин! – переводит революционное противостояние: массы – власть в привычное для либералов русло: элиты – “быдло”.

Социальную конструкцию, намеченную Буниным, его коллеги спешат наполнить конкретным содержанием. Директор Международного института политической экспертизы Е. Минченко с неожиданной злобой заявляет: “Власть настолько увлеклась вытиранием слёз бабушкам и обездоленным, что забыла про тех, кто реально делает эту страну” (“МК”, 12.12.2011).

Послушать друга “долларовых миллионеров” (Минченко пафосно распространяется о них), так всё зло от “бабушек и обездоленных”! Не олигархи, а бабушки с сотенной прибавкой к пенсии выкачивают деньги из страны. Не коррупционеры-чиновники, а обездоленные грабят Россию. Сытые и довольные, те, “кто реально делают эту страну” (не правда ли, чрезвычайно двусмысленная формулировка?), наконец-то прозрели и уличили власть в чрезмерных социальных тратах. Хотя кому как не опытным политологам знать, что эти траты и раньше были далеко недостаточны, а в бюджете 2012–2014 годов намечено их радикальное сокращение.

Такова либеральная версия.

Не буду в данном случае говорить о морали (что она этим господам!). Отмечу другое. В политическом плане версия провальна. Понятно, революцию, пусть даже “норковую”, либералы делать не собираются. Но привлечь внимание к себе, заставить Кремль договариваться, они, безусловно, желают. Используют митинги как таран, которым бьют в Боровицкие ворота.

Ответа они не получили. Переговоры, насколько мне известно, не начинались. Умно ли в этих условиях отталкивать тех, кто выхо-

дит на площадь вместе со средним классом, придавая выступлениям впечатляющую массовость? Сторонников “Левого фронта”, участников националистических движений. Людей – в отличие от столичных мажоров – недовольных. И социальными факторами, и национальным. Да и студентов (12% от числа присутствовавших) к богатым бурати-нам не отнесёшь. Сегодня они стоят рядом с либералами, а завтра, оскорбившись, не придут. Думаете, власть не воспользуется этим, чтобы начать игру на понижение?

Ах вы, руки загребушие! Классовая спесь, да что там – ненависть так и прёт. А мозгов не хватает.

Не придут попутчики – полбеда. А если власть от переговоров откажется? Что вообще-то в духе Путина. Если вместо заманчивых предложений господа либералы получат ужесточение режима?

Вам не приходит в голову, что небогатая провинциальная Россия, которую вы именуете “быдлом”, поддержит разгром “норковой революции”? Не потому, что провинциалы шибко любят правительство – тут ни у кого не должно быть иллюзий, а потому, что они не любят, когда над ними глумятся. Достаточно будет довести до сведения широких масс, что говорят о них эстетствующие “революционеры”.

Так вот, специально для глубинной России, незнакомой с живой конкретикой столичных протестов, заявляю: либеральная версия ничего общего с реальностью не имеет! Она не только неумна. Она лжива.

При этом “вёмную” пытаются использовать и средний класс, объявляя его “новым гегемоном”. Почему бы не проявить к “гегемону” должное уважение, не дать высказаться от первого лица? Нет, политические шулеры предпочитают говорить за него, уверяя, что никаких проблем и нужд он не имеет.

Так не пора ли отодвинуть в сторону лукавых толмачей и послушать, что скажут сами протестующие. Отвечая на вопросы социологов “Левада-центра”, они отметили: главной причиной, побудившей их выйти на площадь является “недовольство положением дел в стране” (72,8%). Люди хотят сменить систему. Таковы “потребности” среднего класса, о которых невнятно упомянул И. Бунин.

Перейдём к социальной конкретике. По данным “Левада-центра”, среди участников митинга на проспекте Сахарова преобладали так называемые “специалисты” и офисные служащие – 54% (“Независимая газета”, 27.12.2011). К числу “специалистов” принято относить “инженеров, экономистов, бухгалтеров, социологов, юристов-консультантов, нормировщиков, техников и др.” (Фролова Т. Экономика предприятия: конспект лекций. Таганрог, 2005). В сущности, это те же офисные работники.

Задавались ли либералы вопросом: сколько зарабатывает офисный менеджер? Сайт job50.ru даёт цифру – 29 тыс. руб. (http://job50.ru/obzor_zarplat.php?new_position). А это разбивка по специальностям, обещающая несколько большее вознаграждение: “Бренд-менеджер может претендовать на зарплату 70 тыс. руб., и только на 50 тыс. – менеджер по маркетингу. Средняя зарплата начальника отдела кадров составляет 50 тыс. руб., менеджера по обучению персонала – чуть меньше 45 тыс. руб. Специалист по кредитам в среднем получает 57 тыс. руб.”.

Не слышком много! Во всяком случае недостаточно, чтобы не иметь никаких проблем. “Сытыми” этих людей назвать можно. А вот “довольными” вряд ли. Между прочим, учёные Института социологии РАН при содействии немецкого Фонда им. Ф. Эберта провели всестороннее исследование самочувствия среднего класса и пришли к выводу: “Уровень жизни таких граждан несколько выше, чем в среднем по стране, но серьёзно от общей массы они не отличаются” (“Российская газета”, 01.12.2010).

Как и всем нам, среднему классу многого не хватает. Одна из самых острых проблем – невозможность приобрести жильё. Знакомо, не так ли? Но те, кто получает до 30 тысяч, об этом и думать не смеют. А бренд-менеджер с его 70-ю задумывается. Но и только. Близок локоток...

“По оценкам аналитического центра “Индикаторы рынка недвижимости”, двухкомнатная малогабаритная квартира (42 кв. м) с 6-метровой кухней в старом жилом фонде (не в центре) стоит 5–6 млн рублей. Столько же стоит и ти-

повая “однушка” (38–40 кв. м) в домах “помоложе” (“МК”, 23.12.2011). Чтобы купить однокомнатную квартиру, менеджер должен работать – в зависимости от зарплаты – от 10 до 20 лет, при этом не пить, не есть и даже не платить налоги.

Да что говорить об “офисном планктоне”. Отсматривая передачи РБК, я не раз наблюдал, как телеведущие (люди куда более обеспеченные, чем менеджеры) заходятся от негодования, когда говорят о ценах на жильё. Похоже, даже им квартира не по карману.

А что такое человек, не имеющий своего собственного жилья? Бобыль, лишённый возможности создать полноценную семью. “...Недоступность жилья стала одним из ограничителей рождаемости, – утверждают эксперты. – Во многих успешных регионах с относительно высокими средними доходами детей буквально “некуда рожать”, поскольку цена на жильё зашкаливает” (“Независимая газета”, 15.12.2011).

Мы только притронулись к конкретике и тут же обнаружили ряд острейших проблем. Несомненно, они влияют на самочувствие среднего класса. Насколько они были артикулированы на митингах – другой вопрос. И задавать его нужно не тем, кто стоял внизу, а ораторам на трибуне. Известный социопсихолог профессор Е. Шестопал, говоря о настрое собравшихся, отметила: “...Все хотят социальной справедливости. И для тех, кто пришёл на Болотную, эта ценность оказалась главной, из-за неё они вышли на улицу” (“Независимая газета”, 20.12.2011).

После всех либеральных писаний такое заявление может показаться спорным. Но необходимо помнить: средний класс стал едва ли не самой главной жертвой кризиса-2008. Об этом тогда же убедительно говорил руководитель Центра социальной политики Е. Гонтмахер (“МК”, 29.12.2008).

В 2008-м кончилась феличита, когда зарплаты росли вслед за обезумевшими нефтяными ценами. Оклады заморозили, а то и урезали. И уже не повышали, разве только индексировали. Покупательная способность ещё больше упала из-за ползучей девальвации рубля. А многих попросту сократили или перевели на нижеоплачиваемую должность.

Уже в декабре 2008-го средний класс выходит на улицы. Во Владивостоке, в Хабаровске, Барнауле, Кемерово, Иркутске, Красноярске, Новосибирске. Поводом стало введение запретительных пошлин на ввоз подержанных иномарок. Но проблема шире. Обозначился предел финансовых возможностей этих людей. 300–400 тысяч за хорошую, хотя и с пробегом, машину они отдать могли. А вот миллион за новёхонькую “японку” – уже в напряг. У них просто нет миллиона.

“Сегодня бунтует средний класс, – подчёркивала “НГ” и поясняла: – Новый гегемон должен содержать семью, учить детей, лечить родителей” (“Независимая газета”, 22.12.2008). Понятно, за такими откровениями угадывался неприкрытый социальный расизм: выходит, что только у менеджеров эти общечеловеческие потребности законны. А простые работяги как-нибудь обойдутся. С другой стороны, в отличие от работяг, офисные сотрудники не собирались мириться со сбросом жизненного уровня. Слишком много им обещали идеологи светлого капиталистического завтра. Слишком льстили. “Новым гегемоном” величал их не кто-нибудь, а всесильный тогда В. Сурков.

“Гегемоны” ответили неожиданно резко. Политика вернулась на улицы. И лозунги отнюдь не ограничивались требованием отмены импортных пошлин на автомобили. Именно на исходе 2008-го впервые прозвучало “Путина в отставку!” (“Коммерсантъ”, 22.12.2008).

Тут сошлось одно к одному. Прощание со старыми добрыми “японками” стало последней каплей. Глубинной причиной, на мой взгляд, явился удар по надеждам на лучшую жизнь. Русский народ – мечтатель. Самые светлые упования он связывает с грядущим. Об этом плодотворно размышлял Николай Бердяев в “Русской идее” (см. “О России и русской философской культуре”. М., 1990).

Кризис 2008-го не только сбросил уровень жизни, он отнял надежду на лучшее будущее. То был уже второй кризис в постсоветской России. Первый пришёлся на 1998-й. А до этого – кошмар переходного периода. Но тогда многие верили: ещё немного, тут-то и начнётся рыночное изобилие. Заметьте, когда коварные либералы сманивали нас в капитали-

стический “рай”, они не говорили, что каждые десять лет, а то и чаще “невидимая рука рынка” будет отнимать достигнутое. Выстояли в 92-м. Выжили в 98-м. И на тебе – обвал 2008-го!

Сегодня грозят новым кризисом. Известный американский финансовый аналитик Чарльз Неннер, предсказавший крах рынков в 2008-м, предрекает новое крушение в 2012–13 годах. Эксперт связывает его с “крупной войной” (“Финансист”, 15.03.2011). Другой финансовый стратег Нуриэль Рубини считает, что проблема глубже – в обречённости капитализма. В прошлом году он опубликовал статью “Is Capitalism Doomed?” (www.project-syndicate.org)*.

Ситуацию усугубляют и российские причины. Коррупция и монополизация. Они связаны неразрывно. Наиболее перспективные направления, целые отрасли промышленности, региональные потребительские рынки отданы в руки монополистов. Получают их, пользуясь близостью к власти. И благодаря отсутствию конкуренции устанавливают цены, которые иначе как грабительскими не назовёшь. В том числе и потому, что в них заложены колоссальные откаты.

Средний класс склонен к анализу. Он пытается разглядеть перспективы – и не видит их. “Российским реформам исполняется двадцать лет, – размышляет орган интеллигенции “НГ”. – За это время российская экономика практически не выросла. При этом она стала более примитивной и фактически лишилась перспектив встать на путь технологического развития” (“Независимая газета”, 11.08.2011).

Средний класс ищет аналогии и находит их в третьем мире. Не самое почётное соседство, тем более что развивающиеся страны успели отказаться от сомнительного наследия. Примечательна работа Т. Ворожейкиной “Авторитарные режимы в XX веке и современная Россия: сходства и различия” (www.memo.ru/2009/12/12/vorozheykina.htm). Автор прослеживает общие черты путинского режима и режимов Варгаса в Бразилии (1930–1945), Перона в Аргентине (1943–1955) и Институционно-революционной партии в Мексике (1934–2000). Как минимум, это скатывание в архаику. Притом, что латиноамериканские страны с тех пор дружно рванули вперёд.

А может, аналоги уместнее искать в Тёмных веках. Как делает это Джонатан Сампшн, представляющий в Высоком суде Лондона интересы Р. Абрамовича. По степени беззакония английский юрист уподобляет современную Россию “Англии XVI века” (newsru.com/world/07nov2011/abraber_print.html).

Процесс Б. Березовского против Р. Абрамовича выявил, как я и предсказывал (“Наш современник”, № 6, 2011), массу позорных явлений российской экономической и политической жизни. Подделка документов, закусильный стовор, уход от налогов – обо всём этом, нимало не смущаясь, олигархи говорят перед миром. Так, дескать, заведено в этой стране.

Российская печать пробует перевести проблему в прошлое: теперь-де, и у нас по-другому. Отчего же? Р. Абрамович по-прежнему входит в десятку крупнейших российских олигархов. Миллиарды долларов принесли ему активы, приобретённые именно в “дикие” 90-е. Никакого наказания он не понёс и даже раскаяния не выказал.

Стоит отметить, что скандальный процесс здорово повредил имиджу России и за рубежом, и внутри страны. Характерен отрывок из письма блогера, размещённого на сайте ИноСМИ: “Россияне раздражены процессом в Лондонском суде. Два еврея откровенно и не стесняясь рассказывают всему миру, как делались и делаются богатства в России, сговором и междусобойчиками в лондонских отелях, даже официально не подписывая никаких бумаг, целые заводы и крупнейшие в мире шахты переходят от одного еврея к другому вместе с тысячами русских батраков, в это же время Путин старательно играет роль мудрого и справедливого царя России” (inoСМИ.ru/politic/2011_11_23/178230713.html).

Читатели ИноСМИ, как правило, представители среднего класса. Скорее всего, один из них и оставил этот впечатляющий отзыв.

Недовольство коррупцией, засильем “друзей и знакомых” приобретает политический характер. И больно бьёт по престижу “партии жуликов и воров”. Любопытно, что эти слова недавно произнёс сам Путин на встрече

* И в нынешнем году Давос открылся заявлением руководителя форума Клауса Шваба: “Капитализм в его нынешней форме уже не соответствует миру вокруг нас” (цит. по: “МК”, 26.01.2012).

с главами общественных приёмных председателя “Единой России” (“Коммерсантъ”, 07.12.2011). Можно не сомневаться, что негативный общественный настрой резко снизил число голосов, поданных за “медведей”. Что в свою очередь заставило прибегнуть к махинациям.

Итак, мы вернулись к исходному пункту – фальсификации результатов голосования. Но вернулись не с пустыми руками. Ознакомление с социальной конкретикой, прежде всего с проблемами среднего класса, позволяет лучше понять (я бы сказал – прочувствовать) причины декабрьских выступлений. Там, где либеральные авторы видят лишь прихотливый экшен “эстетов”, открывается глубокое недовольство “офисного планктона” условиями своей жизни и перспективами развития страны.

Это недовольство объединяет значительную часть среднего класса с левыми силами, отстаивающими интересы обездоленных, а также с русскими националистами, всё более вовлекающимися в цивилизованную политическую борьбу.

Присутствие националистов на митингах было весомым и политически значимым. 24 декабря на проспекте Сахарова выступали К. Крылов, В. Тор, В. Ермолаев. “Полмитинга скандирует: “Русские, вперёд!” – отмечали наблюдатели (lenta.ru/chronicles/protest1).

Русская активность поставила либералов в затруднительное положение. С одной стороны, они заинтересованы в том, чтобы собрать как можно больше народа. С другой – всё естество этих господ восстаёт против соседства с людьми, стоящими под стягами с надписью “Я русский”.

Накануне митинга “НГ” без обиняков писала: “Наиболее представительной может оказаться делегация русских националистов. И для оргкомитета акции, состоящего в значительной мере из политиков либеральных взглядов, их демарш на мероприятии станет очередным неприятным событием” (“Независимая газета”, 23.12.2011).

К огорчению русофобов, совсем уж обойтись без русских в стране под названием “Россия” вряд ли возможно. Об этом своевременно напомнил В. Кралин: “Никакие коллегиальные “оргкомитеты” в России не могут обладать сколько-нибудь длительным влиянием и представительностью, если в них не представлены в достойном виде русские националисты” (там же).

Либералам пришлось смириться. Но они не преминули принизить русское влияние после манифестации. Сотрудники “Левада-центра” объявили, что всего 6% участников митинга относят себя к “национал-патриотам” (“Независимая газета”, 27.12.2011). Ужась “полмитинга” до 6% – это нужно постараться! Не зря говорят: “Есть ложь, есть большая ложь и есть статистика”.

Кто-то обвинит меня в непоследовательности: ведь я только что ссылался на данные “Левада-центра”. Не вижу противоречия: исказить информацию о социальном составе участников митинга смысла не имело. А вот признать весомую роль русских националистов в его проведении – “жаба душит”.

Впрочем, эти манипуляции с цифирью иначе как глупостью не назовёшь. Можно рисовать какие угодно проценты, но нельзя отменить того факта, что русский вопрос, а вместе с ним и русское национальное движение, оказались в центре внимания общества*.

Это вынужден был признать даже В. Чуров: “По данным социологов, национальный вопрос волнует до трети избирателей” (“Литературная газета”, № 45, 2011).

С ним согласен вице-президент Института национальной стратегии В. Милитарев: “На первом месте – социальный вопрос. А на втором – национальный: люди чувствуют себя ограбленными и униженными” (“Голос Америки”, 11.11.2011. Цит. по: inoСМИ.ru).

В числе причин Милитарев называет “непропорциональное представительство – этническое – в сфере малого и среднего бизнеса”, “этнические драки” и в первую очередь “миграцию из-за границы” (там же).

* Строго говоря, русский вопрос является частью национального, входя в него наряду с проблемами межнациональных отношений, миграции, Северного Кавказа и других. Однако в реальной жизни и в бытовом сознании они столь тесно переплетены, что понятия русский и национальный вопрос используют как синонимы.

К слову, сотрудники ФМС, которым по долгу службы положено знать число иностранцев, въехавших в страну, затрудняются назвать точные цифры. За них это делают специалисты Всемирного банка, отслеживающие трансграничные денежные переводы. Всемирный банк оценивает ежегодную трудовую миграцию в Россию в 12,5 млн человек. На Москву и область приходится 35% всего миграционного потока (newsru.com/finance/10nov2011/migrants_print.html).

По количеству приезжих мы занимаем второе место в мире – вслед за Америкой. При этом население Соединённых Штатов в два раза больше нашего, а экономика – в десять раз. Колоссальная нагрузка на рынок труда, инфраструктуру, местную культуру и коренных жителей.

Даже представители РПЦ, остерегающиеся резких заявлений, высказались недвусмысленно. Член Высшего церковного совета протоиерей Димитрий Смирнов заявил: “Речь идёт о вытеснении из страны основных этноса... Под это принимаются и соответствующие законы, высказываются определённые идеи. Но преследуется фактически одна цель – сокращение коренного населения, потому что коренное население – тормоз для развития крупного капитала. Бесправные рабы обходятся гораздо дешевле” (newsru.com/religy/24nov2011/islam_money_print.html).

Помню, в начале 90-х я встречался с отцом Димитрием. Тогда он даже говорить не хотел на эту тему. Теперь, видимо, допекло...

Национальному вопросу и проблеме миграции – как внешней, так и внутренней – посвящена значительная часть моей работы. Не стану повторяться. Хотя, как может догадаться читатель, мне есть что сказать: буквально каждую неделю пополняется список межнациональных столкновений, этнических притеснений в центре страны и терактов на Кавказе. Я фиксирую каждый. Литератор Марина Ганичева как-то назвала меня “дежурным по России” – в противовес пересмешнику В. Жванецкому.

С удовлетворением отмечу: то, что ещё вчера было делом одиночек, сегодня волнует всех. Особенно в период выборов. В погоне за голосами избирателей лидеры партий не могут себе позволить игнорировать национальный вопрос.

Известный политолог Р. Туровский грубовато заметил, что “русский национализм становится идейной платформой, на которую забираются практически все политические структуры” (“Независимая газета”, 18.07.2011).

Конечно, в первую голову вспоминается ЛДПР. Партия шла на выборы под лозунгом “Мы за русских”.

Неожиданно в ту же сторону начало склоняться “Правое дело” под руководством М. Прохорова. Эксперты считают, что именно это стало причиной конфликта олигарха с Кремлём. Сергей Доренко утверждал: “...Когда он (Прохоров. – А. К.) нарушил правила, прибегнув к националистической терминологии, остановить его стало задачей Суркова” (“Нью-Йорк таймс”, 04.11.2011. Цит по: inoSMI.ru).

Примечательно, даже потеряв партию, Прохоров не отступил. После декабрьских митингов, отвечая критикам, он заявил: “Я был бы горд быть проектом Болотной, проектом Сахарова, проектом всех русских людей” (newsru.com/russia/28dec2011/prosel.html). Заметьте: “русских людей”, а не россиян. Звучит и впрямь куда как задушевнее. Другое дело, можно ли миллиардеру верить?

Может быть, в лице олигарха мы имеем дело с какой-то мутацией партии? Но и Борис Надеждин, пожалуй, самый известный из отцов-основателей “Правого дела” не раз поднимал национальную проблему и проводил “круглые столы” с националистами.

Русский вопрос занял центральное место в избирательной кампании КПРФ. Мог заверить: это не конъюнктурное обращение. Ещё в 1996 году, будучи доверенным лицом Г. Зюганова на президентских выборах, я на основе беседы с ним подготовил брошюру, которую предложил озаглавить “Я русский по крови и духу”. В те годы говорить о “крови” считалось чуть ли не преступлением. Честно сказать, я думал, что Геннадий Андреевич откажется. Но он согласился, и брошюра выдержала несколько изданий – настолько оказалась популярной.

Накануне выборов-2011 Геннадий Зюганов опубликовал “Обращение к русскому (так!) народу”, озаглавив его “Вставайте, люди русские!”. Цити-

рую: “Наш народ отстранён от управления своим государством и его экономикой. Русские лица редко встретишь на мероприятиях официальной культуры, их почти нет в руководстве СМИ. В угоду ненасытному капиталу миллионные потоки иностранных мигрантов, превращённых в дармовую рабочую силу, заполняют наши города. Речь уже идёт об их прямом расселении на коренных русских землях, чего не практиковали самые лютые захватчики. Русские постепенно становятся ущемлённым меньшинством на своей родной земле” (“Правда Москвы”. Ноябрь 2011).

Согласитесь, такие слова приобретают особый вес в устах лидера партии, занявшей второе место на выборах. А если они совпадают со словами представителя Русской православной церкви, крупнейшей духовной силы, то это свидетельствует о консенсусе, сложившемся в обществе по русскому вопросу.

На этом фоне позиция правящей партии и её лидеров выглядит бледно. Д. Медведев вынужден был оправдываться. На предвыборной встрече в Хабаровске он уверял: “Я тоже русский. И я тоже за русских. Но я и за других” (“МК”, 12.11.2011).

Любой политехнолог скажет, что ударная формулировка с противительным союзом “но” посередине загублена. Дело, однако, не в риторике.

К сожалению, наши руководители не хотят идти на искренний разговор о проблеме, волнующей миллионы. На встрече со студентами 20 октября Медведеву задали вопрос о дотировании Кавказа. Президент ответил, что почти все регионы РФ дотационные (newsru.com/russia/20dec2011/caucasus_print.html). Формально он прав. Но дело в объёме дотаций. Когда на программу развития Северного Кавказа планируют потратить 3,9 триллиона рублей (там же), размер, как говорится, имеет значение.

Во время “Прямой линии” к В. Путину обратился преподаватель Пятигорского лингвистического университета: “Местное население очень раздражает вызывающее поведение приезжих, их нежелание выполнять законы местные, бравадование оружием личным, а также демонстрация своего финансового превосходства, что, кстати, позволяет жителям Ставропольского края говорить о несправедливом распределении средств среди субъектов Северо-Кавказского федерального округа. Даже появилось такое расхожее мнение, что приезжие хотят жить не вместе с нами, а вместо нас” (разр. моя. – А. К.).

Что же ответил “национальный лидер”? Он согласился, что “вопрос... чрезвычайно острый, и от того, как мы будем его решать, многое зависит в нашем будущем”. И тут же перевёл разговор на проблемы приезжих: “...Люди, которые приезжают из одних регионов жить, учиться и работать в другие регионы, часто сами попадают в достаточно сложную ситуацию”. Но ведь Путину говорили совсем о другом!

Понимаю трудности Владимира Владимировича. О них не без злорадства пишет английская “Гардиан”: “Путин в опасном положении. Он увёртывается. Перед выборами он не может позволить себе антагонизировать российских граждан, даже если они – национальные меньшинства. Также он не может сказать, что возмущён этническими преступлениями” (“Гардиан”, 09.11.2011. Цит по: inoСМИ.ru).

Но на то он и политик, чтобы найти подходящее место и время и заверить своих соотечественников, прежде всего, русское большинство: он понимает их, сознаёт проблемы и не бросит в беде.

Вместо этого Владимир Владимирович не находит ничего лучше, как призывать и дальше вкладывать гигантские суммы в развитие СКФО. Иначе “молодые люди с Северного Кавказа будут в ещё большем количестве приезжать в другие, прежде всего, крупные города”. Премьер задаёт риторический вопрос: “Что делать тогда? Гнать их? Но куда им деваться? Они будут пополнять бандформирования. Будет продолжаться братоубийственная война” (newsru.com/russia/20dec2011/caucasus_print.html).

Стоп! Это логика этнократов с Кавказа, которые не один год шапталажируют Кремль, заявляя: “Не будет денег – будет война”. Руководителю России не следует повторять сомнительный тезис. Он не имеет права принимать подобную “логику”. Иначе требования станут раз от

раза расти: 3 триллиона, затем 5 триллионов. Страна просто не вынесет таких трат! Надо в конце подумать не только о Кавказе, но и о России*.

Заслуга националистов в том, что они первыми выдвинули русский вопрос в центр дискуссий. Вышли на площадь, чтобы привлечь к нему должное внимание. Ежегодно проводимые “Русские марши” наряду с манифестациями коммунистов стали признаком пробуждения общества. Выступая на митинге 24 декабря, Владимир Тор справедливо напомнил: без этих акций “не было бы никакой Болотной и Сахарова” (lenta.ru/chronicles/protest1).

До декабрьских выступлений “Русские марши” считались самыми крупными протестными мероприятиями. 4 ноября 2011-го в Люблино собралось от 7 тысяч (данные ГУВД) до 25 тысяч (данные организаторов). Информированная “НГ” писала о “не менее 10 тысячах человек” (“Независимая газета”, 07.11.2011).

Я участвовал в “Русском марше” в 2006 году, когда он ещё был в новинку. Вместе с Сергеем Бабуриным, тогда вице-спикером Думы, пробивался к скверу Девичьего Поля. Переулки в районе Хамовников были перекрыты плотными рядами омоновцев. Какой-то сержант, небрежно взглянув на депутатское удостоверение Бабурина, отослал его к капитану, тот – к полковнику. Сразу стало ясно, как власть относится к парламенту и к своему народу. Первый ни во что не ставит, второго – боится.

На площадь мы всё-таки пробились и обнаружили там несколько тысяч подростков со столичных окраин. Они были, как на подбор, шуплые, низкорослые, дичились и, может быть оттого, матерились отчаянно. Конечно, мы, старшее поколение русских патриотов, их жалели: ведь это наши дети! Но, признаюсь, зрелище было не из приятных.

Как же я порадовался, увидев “Русский марш”-2011! Ребята выросли в прямом и переносном значении слова. Отстояли своё право на демонстрации. Что далось нелегко. Во время “Русского марша”-2008 ОМОН задержал 500 человек (“Коммерсантъ”, 05.11.2008). Приобрели опыт – политический и организационный.

Широкий проспект на протяжении двух километров заполнен людьми с разноцветными флагами. Шествие открывают броско одетые барабанщицы. Статные ребята и белокурые девушки в ярких народных костюмах вовлекают в хороводы. Ни матерщины, ни обидных для других народов речёвок.

Интересны лозунги. Я разделил их на три группы. Демократические: “Пока мы едины, мы непобедимы”; лозунг парижской весны 68-го “Запрещаем запрещать”; более злободневные: “Долой партию жуликов и воров”; “Россия без Путина”; “Свободу узникам совести”. Призывы к здоровому образу жизни: “Русские, хватит бухать”; “Русский – значит трезвый”. Собственно националистические: “Русский порядок на русской земле”; “России русскую власть”; “Москва – русский город”; “Наши деньги – нашим регионом” и, разумеется, “Хватит кормить Кавказ”. Но и в этом случае обошлись без шовинизма. Митингующие скандируют: “Мы все равны”.

Разве что откровенный русофоб может не согласиться с такой постановкой вопроса. Ни одного дурного слова о Кавказе, но каждый призван кормить сам себя. Гордым горцам это, кажется, должно быть понятнее, чем кому бы то ни было!

Если вдуматься, оправдан и слоган “Москва – русский город”. А какой же ещё: “Москва! Как много в этом слове для сердца русского слилось”. Никто не посмеет заявить: “Грозный – не чеченский город”, “Махачкала – не дагестанский”. Почему же они – для своих, а Москва – для всех? Хотя опять же, никто не говорит о запрете на проживание. Живите – уважая хозяев.

На следующий день я рассказал о марше в прямом эфире “Сити-ФМ”. Подозреваю, что для слушателей это была единственная возможность услышать правду. Ведущий, молодой парень из либеральной тусовки, держался недоверчиво. Выспрашивал о фашистских приветствиях и об антисемитских призывах. Я честно сказал: не видел и не слышал ничего подобного. Отме-

* К сожалению, не слишком содержательной оказалась и предвыборная статья В. Путина, посвящённая национальной проблеме (“Независимая газета”, 23.01.2012). В интернете её назвали “студенческим рефератом” и даже указали на источники, с которых он списан (“Новости”, РБК, 24.01.2012).

тил, что националистическое движение серьёзно изменилось, из сугубо этнического эволюционировало в политическое. И в этом качестве превратилось в союзника всех оппозиционных сил*. В конечном счёте ведущий вынужден был согласиться, когда я сказал: “Сравните количество участников либеральных митингов на Пушкинской с тысячами собравшихся в Люблино, и вы поймёте, что без русских вам не удастся оппонировать власти”.

Все последние годы происходила политизация националистически настроенной молодёжи. Об этом корреспонденту “НГ” говорил футбольный фанат, представленный как Владимир: “...Молодыми движет общее недовольство политической системой, которая погрязла в коррупции... Осталось только два способа выразить своё недовольство – выходить на площади или на балкон, чтобы прыгнуть вниз...” (“Независимая газета”, 12.10.2011).

Мелодраматизм последней фразы выдаёт во Владимире совсем молодого человека. Тем большего внимания заслуживает его не по возрасту чёткая политическая позиция. Похоже, новое поколение входит в жизнь с достаточно рано сформировавшимися общественными воззрениями.

На трансформацию молодёжного национализма обратили внимание социологи. Леонид Бызов отмечает: “Можно утверждать, что постепенно происходит один из самых радикальных переломов этнополитических доминант русского национального самосознания. В стране формируется новый идеологический феномен, ещё совершенно недостаточно изученный и исследованный. Его можно условно назвать “младонационализмом” (“Литературная газета”, № 43, 2011).

Бызов пытается противопоставить “младонационализм” – традиционному. “Новую” нацию – “старым” русским. С этим я решительно не согласен. Сколько раз за тысячелетнюю историю менялись и границы страны, и кругозор народа, его бытовая культура и образ жизни. Но русские всё равно оставались русскими!

В то же время конкретные наблюдения Бызова, безусловно, ценны. “Для младонационализма, – свидетельствует он, – характерна высокая степень неприятия современного Российского государства и его органов власти, негативное отношение к идее интернационализма, в том числе и в имперском обличии, ориентация на неформальные самоорганизующиеся структуры, преимущественно молодёжные” (там же).

В качестве иллюстрации к тезису о неприятии интернационализма: на “Русском марше” ко мне, узнав, подошли две старушки и стали трогательно рассказывать о дружбе народов в Советском Союзе. “А молодёжь, – они неодобрительно кивнули на лозунги, – этого не ценит”. Кто бы спорил, жить в дружбе со всеми народами – счастье. Но нынешние молодые родились в годы, когда страну разделили и в “незалежных” заходились в крике: “Чемодан-вокзал-Россия”. После такого “напутствия в жизнь” мудрёно сохранить приверженность к интернационализму.

В конце статьи Л. Бызов делает спорный, но заслуживающий внимания вывод: “По своим социально-экономическим воззрениям младонационалисты ближе к либералам, чем к социалистам” (там же).

Ох уж это стремление противопоставлять! Между прочим, лидер “младонационалистов” Александр Белов с похвальной взвешенностью высказался о различных социальных идеях: “...Общаясь с людьми, ясно видно, что в разных... системах наши граждане видят свои плюсы и минусы. Людям хочется национальной и социальной справедливости, но чтобы были те или иные свободы. Есть нужда в порядке, но в лагерь никто не хочет”. Белов делает вывод: “Нужно такое государственное устройство и такая экономическая политика, которая будет в равной мере искренне принята большинством нашего народа, и это будет скорее синтез (разрядка моя. – А. К.) всех социально-экономических систем, которые мы знаем... Нужно брать то, что работает в интересах большинства, и на этом строить будущее нашей страны!” (www.rodina.ru).

Бызов не прав, противопоставляя “младонационалистов” левым, но момент их общности с либералами он подметил верно. Я бы уточнил – с либеральным протестным движением. Непреодолимых противоречий между теми, кто выходит на площадь, с той и с другой стороны нет. Возможны

* Процесс становления русского национального движения прослежен мною в книге “Возвращение масс” (М., 2010).

и встречные шаги. Не случайно “повелитель площадей” Алексей Навальный пришёл к националистам из либерального “Яблока”. Мешает горю старых либеральных вождей, а также их патологическая русофобия. Однако логика противостояния власти заставляет этих малосимпатичных людей встать рядом с русскими ребятами.

Объединяющим моментом стала избирательная кампания, проведённая в стиле Туркменбаши и завершившаяся масштабными фальсификациями.

До сих пор я говорил об этом вскользь, желая привлечь внимание к социальному контексту выборов. Стремился обозначить тот негативный фон, на котором разворачивалась парламентская гонка. Во многом именно он обусловил резкую реакцию общества на выявленные подтасовки: без учёта этого фактора она трудно объяснима.

Теперь пора сказать о непосредственном раздражителе.

Махинации начались задолго до дня голосования. В ходе подготовки к выборам было выявлено более 1,5 тысячи административных нарушений – сведения МВД (“Независимая газета”, 30.11.2011).

Типичный случай: незаконная агитация. Так, в Ижевске сити-менеджер Денис Агашин на встрече с пенсионерами увязал финансирование программы “Поддержка ветеранского движения в Ижевске” с результатами голосования за правящую партию. “Если партия набирает в том или ином районе от 51 до 54%, – заявил Агашин, – я выхожу с предложением осуществить финансирование на районное отделение 500 тысяч рублей. Если партия набирает в соответствующем районе с 55 до 59% – 700 тысяч рублей. Если партия набирает свыше 60% – миллион рублей на районную ветеранскую организацию” (“МК”, 31.10.2011).

Выступление незадачливого городского головы засняли на видео. Оппозиционные партии предложили привлечь Агашина к уголовной ответственности. Районный избирком счёл возможным изменить статью на административную и передал дело в суд. Чиновника оштрафовали на... 2 тысячи рублей (newsru.com/russia/18nov2011/agashin_print.html).

Местное отделение “ЕР” охарактеризовало действия Агашина как личную инициативу. Однако уже 6 ноября в Удмуртии разразился новый скандал. Глава администрации президента и правительства республики Александр Горяинов на встрече с таксистами города Глазова заявил, что качество дорог в регионе будет зависеть от результатов выборов (там же). Он напомнил, что на выборах в городской парламент в 2010 году “ЕР” получила только 33,5% голосов. “По его словам, по этой причине городу не предоставили 20 млн рублей” (“Независимая газета”, 07.11.2011).

И это выступление засняли на видео. Отпираться не имело смысла.

Челябинские чиновники оказались предусмотрительнее. В ходе совещания, которое сити-менеджер Сергей Давыдов провёл с руководителями местных предприятий, “специально обученный человек в штатском пресекал попытки аудио- и видеозаписи” (“МК”, 24.10.2011). Но замдиректора научно-производственной компании “Резонанс” Константин Коровин запротоколировал выступление главы города. Давыдов предложил: “Объясните людям, что от результатов голосования зависит объём финансирования. “Единой России”, которая находится в Москве, без разницы, кому выделять деньги. У них есть определённая сумма, и они выделяют тому региону, в котором больше голосов набрано за “Единую Россию” (там же).

Схожий разговор имел место в Новосибирске. 26 октября мэр города Владимир Городецкий (состоит в “Единой России”) провёл закрытую встречу с директорами и завучами школ. “В ДК Ефремова собрали сотрудников 22 районных школ, которым Городецкий напомнил, что финансирование начальных и средних учебных заведений осуществляется из муниципального бюджета. В связи с этим он рекомендовал организовать голосование сотрудников за “ЕР” (lenta.ru/articles/2011/11/01/izhevsk_printed.htm).

Идентичность требований и методов, к которым прибегали чиновники, не оставляет сомнений: перед нами стандарт проведения избирательной компании. Нечего и говорить, что он находится в вопиющем противоречии с законом!

Чиновники рангом выше – главы регионов – не снисходили до предложения своего рода “социального контракта” обществу. Губернаторы попросту

требовали проголосовать за партию власти. В Тульской области от лица губернатора Владимира Груздева рассылали письмо с призывом прийти на выборы и поддержать “ЕР”. Для наглядности было показано, как “правильно” заполнять бюллетени: “Галочка поставлена за партию “Единая Россия”, а внизу подпись – бюллетень, заполненный иначе, считается недействительным” (“Независимая газета”, 30.11.2011).

Центризбирком факт нарушения признал. Но, как пояснил “НГ” член ЦИКа Евгений Колюшин, “никаких последствий для “ЕР” не будет – время для отмены регистрации прошло” (там же).

По утверждению депутата от “Справедливой России” Геннадия Гудкова, в его руках “оказался текст доклада”, подготовленного для выступления губернатора Московской области Бориса Громова на совещании с руководителями администрации, муниципалитетов и избиркомов, проходившем 6 октября. В тексте даны указания чиновникам по “обеспечению безошибочной победы “Единой России” на выборах” (“Коммерсантъ”, 31.10.2011). В администрации факт проведения совещания подтвердили, но уверяли, что “о выборной тематике говорилось лишь то, что перед властью стоит задача консолидировать все здоровые силы общества, включая парламентские партии” (там же).

Конкретно “конвейер голосов” призваны были обеспечить руководители бюджетных организаций, директора предприятий, бизнесмены и даже священники. В Волгограде настоятель храма Святых апостолов Петра и Павла отец Алексей (Прутников) заявил, что 16 ноября его и других священнослужителей пригласили на встречу с главой района, где призвали “намякнуть” горожанам: надо голосовать за “Единую Россию” (“МК”, 18.11.2011).

Главный редактор журнала “Религия и право” А. Пчелинцев прокомментировал: “... Это полное безобразие. Мы видим грубейшее нарушение как светских законов (Закон о политических партиях, 14-я статья Конституции), так и канонических норм. Понятно, что такие идеи спускаются сверху, от органов власти. Чиновники пытаются урвать малейший кусочек электората” (там же).

Местные руководители действовали по правилу: “...И сам не плошай”. В наш рыночный век чьи-либо рекомендации – довод не слишком убедительный. “Правильное” голосование предлагалось “простимулировать”. На встрече с предпринимателями сити-менеджер Челябинска советовал: “Проголосовавшим за “Единую Россию” выплачивайте от 500 до 1000 рублей”. И ставил в пример администрацию: “Мы вот, не под запись будет сказано, своим бюджетникам выдаём максимальную премию в 2000 рублей” (“МК”, 24.10.2011).

В Мурманской области придумали ноу-хау: в здании загса открыли... вербовочный пункт. “... У мурманских единокороссов всё официально, – информировал “МК”. – С клиентом (обязательно не старше 30 лет) заключают договор на “самоагитацию”. Первая часть – 300 рублей – выплачивается авансом при заключении договора, остальная сумма – после выборов, по предъявлению фото: “правильно” заполненный бюллетень и паспорт избирателя” (“МК”, 09.11.2011). Приветствуют и привлечение друзей: “Есть и зыватели, которые получают за каждого приведённого по 250 руб.” (там же).

Не стану описывать другие способы привлечения электората. В России даже у чиновников с выдумкой всё в порядке. Напрашивается вопрос: а куда же смотрели избиркомы? Да всё туда же, наверх...

Иной раз они сами участвовали в незаконной агитации. В том же Мурманске коммунисты обвинили зампреда областного избиркома Марину Жданову в том, что она якобы “пообещала премию своим подчинённым в том случае, если не менее 50% голосов уйдут в копилку “ЕР” при явке в 70% избирателей”. О щедром обещании рассказала общественности председатель избирательной комиссии № 260 Ковдорского района В. Шамшетдинова (“Независимая газета”, 21.11.2011).

Слово против слова? Разговор к делу не пришъёшь? А вот улика в чувашском селе Яльчики вполне материальна. Журналисты, побывавшие в здании местной избирательной комиссии, обнаружили: его “снаружи и внутри обклеили плакатами, агитирующими за “Единую Россию”. Неудивительно: комиссия делит здание с приёмной “Единой России” (newsru.com/russia/21nov2011/chu_print.html).

Местные жители обратились в ЦИК и прокуратуру. В ответ: “Нарушений не выявлено” (там же).

Кто бы сомневался! Тогда как к трём главным конкурентам “ЕР” – по сообщению газет – “претензии у ЦИКа возникают регулярно” (“Независимая газета”, 15.11.2011). **В материале упоминают об аресте тиражей партийных изданий, попытке снять с выборов региональный список “Свободной России” и других акциях.**

Дошло до того, что, выступая на международном семинаре в Петербурге, председатель Центризбиркома В. Чуров позволил себе публично пародировать уважаемых партийных лидеров: “Многие говорили: “Ох, ох, наши списки не зарегистрируют!” – зарегистрировали всех. “Ох, ох, нам не дадут бесплатного эфирного времени!” – всем дали” (newsru.com/russia/10nov2011/oldevo_print.html).

Что означают скоморошья “оханья”? Это передразнивание представитель оппозиционных партий, демонстрировать беспристрастность к которым Чурова обязывает закон. Перформанс, устроенный председателем ЦИКа, завершил анекдот, рассказанный Чуровым, приходится полагать, в наидание оппозиционерам: “Одна старая дева причитала: “Ох, ох, я никогда не пойду гулять на Лиговку, потому что меня изнасилюют!” В итоге сходила на Лиговку, вернулась и повесилась, оставив записку: “Я никому не нужна, меня даже на Лиговке не изнасиловали” (там же).

Оставим в стороне моральные качества г-на Чурова. Хотя, если человек занимает высокий и чрезвычайно ответственный пост, мораль перестаёт быть его личным делом. Но что означает эта скабрёзная история? Что хотел ей сказать председатель Центризбирком? То, что оппозиционеры “никому не нужны”? И лучшее из того, что они могли бы сделать, – “повеситься”?

О какой беспристрастности руководства ЦИКа можно говорить после этого возмутительного случая! И других, позволивших главе фракции КПРФ в Мосгордуме А. Клычкову заявить о “единой агитационной кампании “Единой России” и избиркомов” (“Коммерсантъ”, 30.11.2011).

Стоит ли удивляться нервной реакции Чурова на деятельность наблюдателей – российских и зарубежных? Одно за другим уходили подписанные им письма в Генпрокуратуру с требованием разобраться с деятельностью отечественной ассоциации “Голос”, проводивший мониторинг избирательной компании, с действиями делегации Парламентской ассамблеи Совета Европы (“Коммерсантъ”, 16.11.2011).

Теперь, после грандиозного скандала, вызванного событиями 4 декабря, эти юридические наскоки на лиц, осуществлявших общественный контроль за подготовкой к голосованию, вызывают разве что грустную улыбку: Чуров одним махом всю Европу побивахом! Но когда решался вопрос, как и в каком порядке будут подготовлены и проведены выборы, все эти демарши имели большое значение.

К счастью, агрессивная кампания не дала результата, на который рассчитывали устроители. И не могла дать! Такое впечатление, что наши руководители утратили чувство времени. Пафосно рассуждая о Твиттере, не заметили, как новые информационные технологии изменили сознание людей и значительно расширили их возможности.

Так бы втихую и давили на избирателей, если бы не современные средства видеозаписи и не интернет, куда тут же уходил добытый компромат. “...Нынешняя информационная среда и та пристальность, которая есть у сетевого сообщества к действиям сверху, сводит на нет силовые и жульнические решения по борьбе с оппозицией”, – прозорливо заметила писательница Лидия Сычева (“МК”, 10.12.2011).

Но дело не только в интернете. Он облегчил борьбу несогласных. Однако на неё надо было решиться! Вы понимаете, что это такое: добыть и выложить в сеть компромат на начальство? Особенно в провинции. Всё! На тебе ставят клеймо до скончания дней. Если ты служащий, тебя уволят, как под Новый год уволили директора саратовского лицея № 37 Николая Кузькина, никого, к слову, не разоблачавшего, а просто не обеспечившего “Единой России” высокий результат (newsru.com/russia/26dec2011/kuzkin.html). Если предприниматель – расторгнут договоры, замучат проверками. Не случайно замдиректора “Резонанса” К. Коровин, обнародовавший запись выступления

челябинского сити-менеджера, признаётся, что готовится к репрессиям (“МК”, 31.10.2011).

И всё-таки ни он, ни красноярский школьник Матвей Цивинюк, выложивший в интернет запись своего спора с директором школы по поводу развешенных в ней плакатов “Единой России” (“Независимая газета”, 16.11.2011), не споровали. **Пример десятков и сотен смельчаков великолепно иллюстрирует знаменитый тезис о “низах”, которые не хотят жить по-старому.**

“Верхи” этих изменений не уловили. Между тем, тревожные для власти сигналы поступали в течение всей осени. Создавалось впечатление, будто гигантский механизм “управляемой демократии”, работавший медленно, со скрипом, но без серьёзных сбоев, внезапно вышел из строя и шестерёнки, вместе с валками, градом посыпались на сцену.

Кстати, о сцене. Именно на ней происходили немислимые ранее события. Первое случилось в начале ноября, когда в Кемерове какой-то областной чин вылез на эстраду, дабы наградить известную рок-группу “Машина времени”, а заодно поагитировать за “Единую Россию”. Публика встретила его “возмущённым свистом” (“МК”, 07.11.2011).

Та же история произошла с певицей Валерией (newsru.com/russia/15nov2011/valeria_print.html).

В последние годы власть охотно примазывалась к известным исполнителям, надо признать, не без их согласия. Популярность кумиров попробовали поэксплуатировать и на этот раз. Не получилось! Публика не приняла партийную пропаганду в довесок к концертам. Да и сами кумиры поспешили дистанцироваться от навязчивых “медведей”.

Ещё одним штатным агитатором за партию власти считались спортсмены. Уцепились за хоккеистов и в этом году. В Челябинске после матча местного “Трактора” с ЦСКА капитан команды хозяев В. Антипов взял микрофон и по бумажке зачитал здравицу власти. “Публика ответила громким неодобрительным свистом” (newsru.com/sport/22nov2011/traktor_print.html).

В Питере согнали с трибуны кандидата в депутаты единоросса М. Долгополова. В завязавшейся потасовке его охранники скинули со сцены и сломали руку 72-летнему пенсионеру. Успокаивать разбушевавшуюся толпу пришлось нарядам полиции (“МК”, 15.11.2011).

А дальше “случилось страшное”. Цитирую: “Премьер-министр Владимир Путин впервые за свою политическую карьеру был освистан на трибуне” (gazeta.ru/politics/elections2011/2011/11/21_a_3841382.html). Произошло это 20 ноября в столичном спорткомплексе “Олимпийский”, когда после боксёрского поединка “национальный лидер” вышел на ринг поприветствовать победителя.

И хотя проправительственные активисты лезли из кожи вон, чтобы доказать: свистели не Путину или, напротив, свистели ему, но “приветственным свистом” (услужливая находка пресс-секретаря движения “Наши” и “Росмолодёжи” Кристины Потупчик), публичный афронт надолго выбил Владимира Владимировича из седла, лишив куража, необходимого политику.

Он не появился на концерте в питерском спортивном комплексе, хотя его участие было анонсировано (rusplatforma.org/novosti/news/1710). **Свистуны, поджидавшие премьера, сорвали гнев на зампреде правительства Д. Козаке. Путин отсутствовал и на митинге “ЕР” 12 декабря на Манежке, где, между прочим, был дан старт его президентской кампании** (“Коммерсантъ”, 13.12.2011).

ВЛАСТЬ ПРОИГРАЛА ПУБЛИЧНОЕ ПРОСТРАНСТВО.

Никаких новых идей – и, что не менее важно, людей – “верхи” предложить обществу не смогли. С опрометчивой настойчивостью они продолжали продавливать интересы “Единой России”. Не вышло!

Будто специально для того, чтобы показать: неудача не случайна, избирательная кампания в России была продублирована в Южной Осетии и Приднестровье. Оба региона находятся в критической зависимости от Москвы, в обоих она выставила своих кандидатов – Анатолия Бибилова в Осетии и Анатолия Каминского в Приднестровье. В раскрутку того и другого вбухали не только большие деньги, но и вложили немалый административный ресурс. Достаточно сказать, что прямо перед выборами с Бибиловым встретился Д. Медведев (“Независимая газета”, 29.11.2011).

Тот и другой с треском провалили выборы, уступив нечиновным кандидатам. “Это очередной позор кремлёвских политтехнологов, которые не смогли привести к власти своего кандидата, даже в такой полностью пророссийской и зависимой от Москвы республике как Приднестровье”, – охарактеризовали наблюдатели фиаско А. Каминского (“МК”, 27.12.2011). Неудача Бибилова вызвала схожий комментарий: “В Цхинвале проиграл не просто кандидат Кремля, а вся создаваемая в РФ в последние годы система” (“Коммерсантъ”, 07.12.2011).

Что это за система? Пресловутая “вертикаль”. Неограниченная власть бюрократии, по своему произволу выбирающей фаворитов и выдвигающей их на значимые посты. “На любые вопросы кремлёвские чиновники отвечают, что, мол, “как мы скажем – так они и проголосуют” (там же). Так говорили о выборах в Осетии. То же самое думали и о выборах в России.

Столкнувшись с первыми признаками сопротивления – в интернете и на улице – власти следовало притормозить, проанализировать ситуацию, прислушаться к протестам. И попытаться предложить обществу новых людей и новую стратегию, формирующуюся, в том числе, путём диалога с широкой общественностью.

В какой-то мере в качестве такой попытки можно рассматривать создание “Общероссийского народного фронта”. Впрочем, то была невнятная и м р о - в и з а ц и я, плохо продуманная и ещё хуже оформленная. Созданный на живую нитку, лишённый идеи и значимой цели (кроме поддержки Путина) фронт в ходе избирательной кампании был задвинут даже не на второй, а куда-то на третий план.

По-видимому, в верхах возобладало убеждение, что если людей не удастся заставить проголосовать “как надо”, то можно “правильно” подсчитать их голоса.

Полная картина фальсификаций сейчас только выявляется. Но уже сегодня можно говорить о колоссальном масштабе нарушений. МВД сообщило о 2091 случае, наблюдатели от правозащитной организации “Голос” упоминали о 7 тысячах (“Коммерсантъ”, 22.12.2011). По прикидкам экспертов, в подтасовках и прочих неблагоприятных деяниях участвовали от 200 до 300 тысяч (!) человек (“МК”, 06.12.2011). При этом 14 миллионов голосов из 65,7 миллиона аналитики относят к “сомнительным”.

Типичным нарушением стали хорошо знакомые по прежним кампаниям “карусели”. Людей подвозили на автобусах, они голосовали по открытому, а то и без – по предъявлению паспорта. Затем их везли дальше. Питерские студенты, участники “карусели”, признались, что голосовали по 12–13 раз (“Новая газета”, № 138, 2011).

Колпинский казус со студентами–ударниками” попал в печать случайно, благодаря обстоятельству трагикомическому. “Новая газета” сообщила, что “кандидат в депутаты питерского Заксобрания от “Единой России” (выборы проводились одновременно с думскими. – А. К.) Александр Салаев... отказался выплатить им деньги” (там же). Возмущённые “карусельщики” забросали его письмами с требованием гонорара.

“Карусели” были отмечены в Москве на участке № 1515, в Искитимском районе Новосибирской области на участке № 273, в Светлогорске Калининградской области (“Коммерсантъ”, 05.12.2011).

Схожие случаи имели место и в других регионах. “В Саратовской области наблюдатели от КПРФ и “Справедливой России” на въезде в город Балашов остановили 14 больших пассажирских автобусов и 5 легковых автомобилей, которые с подачи известной партии привезли студентов одного из вузов Саратова, чтобы “провели голосование и сделали большую “карусель”. Кроме того, наблюдатели от КПРФ зафиксировали факт подвоза двух автобусов со студентами на участок № 147 в Кировском районе Саратова. Об этих фактах коммунисты сообщили в прокуратуру и Следственный комитет” (“МК”, 05.12.2011).

К тому же типу нарушений можно отнести “коллективное голосование” на участках в военных частях, больницах, психдиспансерах, тюрьмах. Эксперты отмечали, что такие участки стали “лидерами неестественно высокой поддержки “Единой России” (newsru.com/russia/28dec2011/wsifraud.html).

В прессу попало письмо, якобы отправленное министром обороны А. Сердюковым, на имя Председателя Правительства Российской Федерации В. В. Путина. Газеты опубликовали фотокопию документа на бланке министра и с его подписью (“Коммерсантъ”, 07.12.2011). В нём сообщалось: “По предварительным итогам, в голосовании приняли участие 96,8% военнослужащих (в 2007 г. – 95,3%), 93,4% членов семей военнослужащих (в 2007 г. – 90,2%) и 94,6% гражданского персонала (в 2007 г. – 93,2%)”. Отправитель особо подчеркнул, что “Единая Россия” набрала 80% (в 2007 г. – 66,9%)”.

По печальной традиции, “классикой” стали “в б р о с ы” бюллетеней – до, во время и после голосования. В Москве на участках № 1353 и 1350 члены комиссий, которых утром не пускали в помещение, обнаружили уже опечатанные урны, но “смогли разглядеть через щели... пачки бюллетеней”. На участке № 1351 “обнаружили стопку бюллетеней за “ЕР” на столе председателя УИК” (newsru.com/russia/26dec2011/vyborny_print.html).

В Новокузнецке на территории участка № 639 кандидат в депутаты городского парламента Ю. Сидоров утверждал, что перед голосованием наблюдателей, “кроме тех, что представляют правящую партию, вывели в соседнюю комнату под предлогом совещания. Вернувшись, наблюдатели обнаружили, что обе урны на треть заполнены бюллетенями” (“МК”, 05.12.2011).

Вбрасывали пачки и во время голосования. Журналисты рассказали об омерзительных случаях. Ю. Калинина сообщила об инциденте на столетнем участке № 1063. Наблюдатель от “Яблока” Ирина Белая “оказалась возле урны ровно в тот момент, когда член избиркома попытался запихнуть в неё пачку бюллетеней. Ирина Андреевна схватила его за руку и закричала: “Люди! Сюда! Преступление!” Наблюдатель от КПРФ одним прыжком оказалась рядом и стала снимать всё на телефон. Член избиркома сопротивлялся, не отдавал листки, старался их всё-таки вбросить. Ирина Андреевна хватала его за руки, оцарапала до крови и вырвала смятые, надорванные бюллетени. 23 штуки – все с галочками за “Единую Россию”. Секретарь избиркома понял, что надо переводить стрелки, и заорала: “Воровка! Мерзавка! Милиция, она украла бюллетени” (“МК”, 23.12.2011).

В таких “кровавых” боях местного значения члены избиркомов добывали голоса для партии власти и на других участках. Наблюдатель от “Яблока” Константин Ростовцев поведал корреспонденту “НГ” об истории, случившейся на московском участке № 419: “Когда начался процесс подсчёта, меня оттолкнули от стола, раздался крик члена комиссии от КПРФ Кирилла Пельве – он двумя руками крепко прижимал к столу толстую ровную пачку бюллетеней с голосами за “ЕР”, выпавшую из урны”. Ростовцев сообщил, что снял эпизод на видео, но ему пытались помешать: “Будешь снимать вскрытие, снимем потом твоё вскрытие”. “Видеосъёмка длилась недолго, – продолжил Ростовцев, – член УИКа Игорь Свиридов, брат зампреда, сильно толкнул прижимавшего пачку бюллетеней за “ЕР” наблюдателя от коммунистов, смещал эту пачку с остальными бюллетенями и громко сказал: “Где вброс?! Кто-нибудь что-нибудь видел? Ничего не было!” (“Независимая газета”, 09.12.2011).

Вбросы были столь распространены, что даже иностранные наблюдатели, несмотря на скромное представительство, зарегистрировали их на 17 – из 115 проинспектированных – участках (“Независимая газета”, 07.12.2011).

Представители Центризбиркома напирают на то, что всё это “отдельные случаи”. Понятно, схватить за руку (приходится употреблять это выражение в прямом значении) всех фальсификаторов невозможно. Но и отмеченные случаи показывают: нарушения имели систематический характер.

Особо обращу внимание на коммунальную атмосферу (нередко на грани с прямой уголовщиной), царившую на участках. Забегая вперёд, скажу: после того как либералы попытались использовать декабрьские протесты в своих целях, некоторые патриоты заявили, что готовы сотрудничать с властью, лишь бы не допустить реванша людей типа Касьянова и Немцова. Я тоже меньше всего желал бы их успеха. Но с кем вы намереваетесь сотрудничать, друзья? С теми, кто беззастенчиво нарушает закон? С рыночной бабищей из избиркома, вопившей: “Воровка! Мерзавка!”? с членом УИКа, демонстрировавшего

ухватки бандита? Это ведь власть поставила их. И через таких, как они, разговаривает с нами. С обществом.

Пожалуй, самой распространенной формой нарушений стало переписывание протоколов на стадии передачи из участковых комиссий в территориальные, где данные вводят в ГАС “Выборы”.

“Новая газета” информирует: “В итоговом протоколе с участка № 639 значится, что ЛДПР получила 132 голоса, “Яблоко” – 83, “Справедливая Россия” – 302, КПРФ – 137, “Единая Россия – 218. При вводе в систему “коммунистические” голоса уцелели, “яблочники” потеряли 28 голосов, справедливороссы – аж 274, зато позиции ЛДПР и “ЕР” существенно укрепились” (“Новая газета”, № 137, 2011).

“Новая” рассказывает о голосовании в Москве. В Питере депутат Госдумы от “Справедливой России” Оксана Дмитриева сообщила, “что у её партии украли от 20% до 50%, сославшись на разницу по числу голосов в копиях протоколов участковых комиссий и в данных, введенных в систему ГАС “Выборы” (“Коммерсантъ”, 09.12.2011). Те же претензии у других оппозиционеров: “По словам лидера местных коммунистов Святослава Сокола, в районах у КПРФ отнимали “сотни голосов” и добавляли “Единой России” в 2–2,5 раза больше полученного. Член петербургского бюро “Яблока” Ольга Штанникова сообщила, что, по данным ГАС “Выборы”, партия набрала 12,3%, тогда как по бумажным протоколам “яблочники” получили 17–25% голосов” (там же).

Порой, увлекшись прибавлением голосов партии власти, члены избиркомов забывали вычитать у её конкурентов. Видимо, такова природа анекдотического случая в Ростове-на-Дону: итоговая сумма голосов составила... 146,47% (“Завтра”, № 49, 2011). Автоматическая система механически подсчитывала все введенные в неё голоса.

Противоправной активности членов избиркомов мешали наблюдатели от оппозиционных партий. Ещё до выборов с ними начали изнурительную борьбу.

В газеты попала методичка по борьбе с нелегальными наблюдателями, которую, по заявлению нижегородского обкома КПРФ, распространяли в участковых комиссиях. Составители рекомендовали членам избиркомов “проявлять обоснованные сомнения в подлинности направлений”, представленных оппозиционерами. Советовали размещать их “на максимальном удалении от ящиков для голосования, столов с документами”. Предусматривалось и “отвлечение” наблюдателей, а в случае необходимости и “провоцирование” с последующим удалением (“Коммерсантъ”, 30.11.2011).

В ЦИКе поспешили заявить, что документ похож на “дешёвую утку” (там же).

Но вот фрагмент заснятого на видео выступления председателя ТИКа города Коломна А. Кулигина: “Наблюдатель – от слова “наблюдать”. Только наблюдать. Рот открыл – всё. Собираетесь, составляете акт и просите полицейского, чтобы он его удалил”. Председателям участковых комиссий Кулигин рекомендовал поставить наблюдателя там, где бы он “не мешал вашей работе” (“Независимая газета”, 02.12.2011).

В день голосования эти инструкции применялись повсеместно. Да и собственную смекалку на местах широко использовали. “...Коммунисты зафиксировали такое явление, как заклеивание дверей (разрядка моя. – А. К.) в квартирах наблюдателей. Рано утром в воскресенье собирается человек выехать на свой участок, а замочная скважина в двери его квартиры залита уже застывшим клеем. Некоторые двери были промазаны по всему периметру” (“Независимая газета”, 05.12.2011).

Случались подмены наблюдателей. По утверждению представителей КПРФ, “на 20 из 65 участков в московском районе Марьино подменили наблюдателей: вместо тех, кого направляла партия, посадили своих людей” (newsru.com/russia/26dec2011/vybory_print.html). Об использовании фальшивых наблюдателей говорили и представители “Справедливой России” (“Независимая газета”, 05.12.2011). Таким образом пытались не пустить на участки наблюдателей настоящих.

В других местах перед пришедшими попросту закрывали двери. У “Яблока” в Москве наблюдатели не могли попасть на 11 участков (“Коммерсантъ”,

05.12.2011). В Ставропольском крае наблюдателей от КПРФ не пустили на 18 участков (там же). Настырным пробиться удалось, но урны к тому времени опечатали, так что невозможно было определить, пустые они или нет.

Тех, кто добрался до участков, прессовали по полной. По утверждению правозащитников, в Москве в районе Очаково-Матвеевское происходило «массовое удаление наблюдателей с участков». Одному «разбили камеру» («Независимая газета», 05.12.2011).

По данным Мосгоризбиркома, в день голосования со столичных участков удалили около 60 наблюдателей (newsru.com/russia/26dec2011/vybory_print).

Если такое творилось в Москве, можно представить, что происходило в провинции. В Челябинске на избирательном участке № 637 «яблочницу» Ольгу Волкову «схватили за руки и за ноги и вынесли из здания» («Шпигель», 05.12.2011. Цит по: inoСМИ.ru). В Уфе на участке № 94 члена «Справедливой России» Азамата Галина «заперли в комнате» (там же). 4600 наблюдателей были удалены. Цифры из доклада В. Чурова («МК», 28.01.2012).

Война с наблюдателями захватила даже виртуальное пространство. В день выборов подверглись хакерским атакам сайты правозащитной организации «Голос», собиравшейся вести параллельный подсчёт голосов, а также оппозиционных радиостанций и информагентств («МК», 05.12.2011).

Могли бы, однако, и не усердствовать. О самом «убойном» виде нарушений рассказал корреспондент «МК» Михаил Зубов. Сотрудники избиркомов с лёгкостью давали наблюдателям копии протоколов, а затем в итоговом документе рисовали нужные цифры. Уголовное преступление? Как бы не так! «Оказывается, – пишет М. Зубов, – в начале года ЦИК принял постановление, согласно которому действительной является только та копия протокола, сверху которой проставлен её реестровый номер... Я работал членом комиссии с правом решающего голоса и об этом не знал. Об этом не знал никто, кроме узкого круга специально обученных людей. Поэтому наблюдатели брали копии, которые не примет ни один суд. Нам выдавали филькины грамоты с честными данными, а потом писали законные протоколы с реестровым номером и липовыми цифрами» («МК», 12.12.2011).

Кстати, о судах. Они действительно отказываются удовлетворять иски оппозиции, принимая объяснения избиркомов: дескать, выданные протоколы являлись всего лишь «черновиками». Именно так поступил судья Перовского суда Москвы Сергей Ефремов, рассматривая жалобу наблюдателя-«яблочника» А. Лобанова. Согласно протоколу, выданному Лобанову на столичном участке № 1131, «ЕР» набрала 259 голосов, тогда как в итоговом протоколе у партии власти на полтысячи голосов больше – 755. «То, что выдано наблюдателю, – это нельзя назвать протоколом», – заявила представитель ТИКа, и судья с ней согласился («Независимая газета», 28.12.2011). На Ефремова не произвело впечатление даже то, что в «правильном» протоколе подпись Лобанова была подделана (там же).

Та же история повторилась в Нагатинском и Черёмушкинском судах Москвы, где истцами выступали представители «Яблока». Председатель Межрегионального объединения избирателей А. Бузин с горечью подытожил: «Суды принимают неправосудные решения... Переписывание протоколов – это уголовное преступление. Но суды входят в ту же самую корпорацию, что и избиркомы» («Независимая газета», 28.12.2011).

Те, кто с апломбом заявляет: «Если вас не устраивают результаты выборов, идите в суды, а не на улицы», – либо не владеют ситуацией, либо (что более вероятно) не желают выяснения истины.

Чтобы окончательно завершить тему, отмечу: какие бы решения ни принимали суды, отменить результаты голосования невозможно. Для этого требуется признать недействительными выборы более чем на 25% избирательных участков – а это тысячи и тысячи по стране. Глава юридической службы КПРФ депутат Госдумы В. Соловьёв констатирует: «... Владимир Путин привёл нынешнее законодательство в такое состояние, что правовым путём (разрядка моя. – А. К.) добиться отмены итогов выборов в принципе невозможно» («Независимая газета», 29.12.2011).

Зная об этом, председатель Центризбиркома В. Чуров с вызовом высказался о первых протестах: «Извращённые фантазии мелких людей к

(разрядка моя. – А. К.), которые сомневаются в нашей честности, меня не интересуют” (цит. по: “МК”, 23.12.2011).

Но тут начались массовые выступления, отмахнуться от которых невозможно. Они передали вопрос о фальсификациях в инстанцию, куда более высокую, чем “высокий суд” – на площадь! В этих условиях и сам “волшебник” Чуров, и проведённые под его руководством выборы стали серьёзнейшей проблемой для власти.

Очевидно, голосование 4 декабря должно было стать мажорной прелюдией к мартовскому триумфу В. Путина. Вместо мажора вышел грандиозный скандал. Более того, как справедливо отметили эксперты, любой результат грядущих выборов, подсчитанный Чуровым, вызовет серьёзные сомнения и протесты.

Подводить итоги протестной активности рано. Это история с открытым финалом. То есть подлинная, живая история, которая никогда не заканчивается. Развивая, сохраняя в потенци, даже изживая идею, она не прекращает движения. И, разумеется, никогда не вывешивает табличку “Закрито” – как бы того ни хотелось охранителям-практикам и теоретикам “конца истории”.

Однако каждое действительно значимое событие обладает внутренней значимостью. Для-себя-смыслом, как сказали бы философы.

Об этом размышлял выдающийся политический писатель Франсуа Рене де Шатобриан, автор грандиозной хроники полувека французской жизни эпохи революций. “. . . Во взятии Бастилии, – писал он, – подобало увидеть (хотя в ту пору этого никто не увидел) не порыв народа к освобождению, но само освобождение (разрядка моя. – А. К.), результат этого порыва” (Шатобриан Франсуа Рене де. Замогильные записки. Пер. с фр. М., 1995).

В этом плане можно говорить о результатах декабрьских протестов.

Во-первых, мы доказали себе, что мы люди – в общественном значении слова. Представьте, что, прогуливаясь по вечерней улице, вы стали очевидцем насилия над женщиной. Конечно, безопаснее, а возможно, и разумнее пройти мимо, сделать вид, что ничего не заметил. Но это воспоминание будет преследовать всю жизнь, заставляя сжимать кулаки и бессильно качать головой от сознания собственной низости.

В данном случае насилие осуществлялось над страной. Над русской волей, нашими надеждами и устремлениями. Здесь орудовали и насильники, и воры, и стоящие “на атаке” шестёрки. Так неужели пройти мимо, досадливо отмахнувшись: “А, всё равно ничего не добьёмся!” Как бы мы жили после этого? Вопрос не только высокой морали, но и самой что ни на есть земной практики: вы не находите, что жить в стране, отданной насильникам, не слишком приятно?

Во-вторых, мы кое-что доказали учёным мужам, которые, как по команде, принялись уверять общество, что государственное устройство несправедливо по определению. Все шесть тысяч лет, после воцарения первых правителей Шумера и Египта, его структуры давили и обманывали простую люд. “Предполагается, что государство, его система управления и права – это вечная категория (разрядка моя. – А. К.) со своими неизменными функциями и структурами. . . Меняются люди, но принципы управления государством остаются неизменными” (“Независимая газета”, 20.01.2012).

Извольте ознакомиться – сочинение двух докторов наук, название, несмотря на исторический контекст, на редкость актуально – “Избирательный тупик”. Шагнув из шумерского далёка прямо в кипучую современность, авторы обрушивают на читателя ряд сомнительных максим: “Формула “народ идёт голосовать” лишена смысла. На самом деле вкусы и пристрастия граждан формируют денежные потоки”; “обман с корыстной целью (так по-латыни обозначается фальсификация, от falsifico – “подделываю”) – это органическое (неотъемлемое) свойство выборов во власть в любом государстве”; “попытки организовать контроль народа над властью всегда оказывались недостижимыми”. И т. д.

Правда, в конце статьи обозначена некая альтернатива, но она сформулирована с нарочитой невнятиостью. Так что в сухом остатке, несмотря на научные прибаамбасы, оказывается не слишком благозвучный вывод: “Не рыпайтесь!”

Спорить с псевдонаучным опусом не имеет смысла. Понятно, шесть тысяч лет назад ни о какой свободе выбора речи не шло, как и о самих выборах. Но сегодня, при сменяемости правительства, говорить о фальсификациях как о норме нелепо: иначе повсюду правили бы пожизненные “любимые руководители”. Тезис о “денежных потоках”, формирующих “пристрастия граждан”, более реалистичен. Но и здесь, к счастью, далеко до фатализма. Достаточно взглянуть на Латинскую Америку, где почти во всех странах к власти – через свободные выборы – пришли правительства социалистической ориентации. Какие “денежные мешки” заставили избирателей отдать голоса Чавесу или бывшей партизанке Дилме Русев, возглавившей двухсотмиллионную Бразилию?

“Сказка” докторов наук, конечно же, ложь, но в ней важна не доказательная часть, а “намёк”. Показавшейся весьма ценным не только самим авторам, но и редакции, отдавшей под опус целую полосу.

Именитые авторы, такие как профессор и правозащитник Александр Аузан и Андроник Мигранян, представляющий наши гуманитарные интересы в Нью-Йорке, до подобных поделок не опускаются. Но и они высказались, что характерно – синхронно – и ко времени! Аузан опубликовал статью в отечественном “Esquire”, Мигранян в американском издании “Нэйшнл интерес” (09.01.2012). Оба, ссылаясь на “новейшие” теории, уверяют: общественный договор – не более чем “сговор элит” (esquire.ru/auzan). Куда как изящно и даже научно. Но “намёк” тот же: “Граждане, вас здесь не стояло! Всё решено заранее”.

Учитывая легендарную лень российского обывателя, вкупе с его склонностью к теории заговора (явления, как нетрудно догадаться, взаимосвязанные), тезис представлялся прямо-таки убойным. Действительно, чего “рыпаться”, когда евреи и масоны всё промежду собой решили.

Поспорить можно было бы и здесь и даже привести контраргументы. Теория на поверку не столь нова: Аузан ссылается на книгу американских экономистов Джеймса Бьюкенена и Гордона Таллока “Расчёт согласия: логические основания конституционной демократии”, изданную в 1962 году (русский перевод: 1997). И не столь общепринята. Почему-то ни Аузан, ни Мигранян не вспоминают об альтернативах: работах убеждённого демократа-нонконформиста Ноама Хомски, почитаемого на Западе, или, к примеру, о концепции группы AdBusters, которая легла в основу широко известного движения “Оккупируй Уолл-стрит” (о группе AdBusters, совершенно не известной в России, см. статью Т. Шишкиной “Потеря революционного контроля”. – “Коммерсантъ-Weekend”, № 40, 2011).

Но разве обывателя этими аргументами переубедишь? Действие впечатляет несравненно сильнее: десятки тысяч людей вышли на улицы, делом доказав как своё право на выбор, так и неприятие сговора элит.

В-третьих, мы кое-что доказали собственным властителям. Это ведь внутри страны они грозно отчитывают Запад, имеющий наглость совать нос в наши дела. За границей начальники, как правило, поступают иначе: соглашались с непреходящей ценностью демократии, но объясняют, что за один мах обучить ей “неготовый” электорат невозможно. Дескать, дикий народ, подождите, когда-нибудь и он “образуется”.

Потребовав фальсификаторов к ответу, мы доказали свою гражданскую зрелость.

Наконец, митингующие, пафосно говоря, подали сигнал миру, прежде всего тем, кто симпатизирует русским и, по привычке, оставшейся с советских времён, ждёт от нас решительных слов и действий в критических ситуациях внешней и внутренней политики. Молчание, воцарившееся в последние годы на одной восьмой мировой суши, озадачивает наших друзей.

Дошло до того, что замечательный украинский поэт Борис Олейник напрямую обратился к России:

*Так отзовись из потрясённой дали,
Поддай хоть голос: ты ещё жива ли?
А то, не слыша твоего глагола,
Уже и Спас тревожится с высот:*

*“Коли молчанье, как в пустыне голой,
То есть ли вправду там ещё... народ?”**

И вот “пустыня”, в которую превратилась вчерашняя сцена мировой истории, наполнилась людьми – решительными, шумными, вдохновенными.

Важны и собственно политические моменты. Протестующие обозначили пределы допустимого. Что чрезвычайно важно как в отношениях между людьми, так и в отношениях общества и правительства. Обе стороны должны видеть черту, заступать за которую нельзя. Иначе не избежать не только недопонимания, но и трагедий.

Власть всегда будет давить на общество. Это и впрямь вечный закон. Тем более необходимо сразу же договориться о “запретных зонах” – как для одной, так и для другой стороны. Между прочим, простые люди их ясно видят. Когда на митинге 24 декабря А. Навальный “пробросил” идею: “Я вижу здесь достаточное количество людей, чтобы взять Кремль и Белый дом прямо сейчас” (“МК”, 26.12.2011), его, несмотря на популярность, не поддержали. Люди понимают: лезть с дреколем на зубчатую стену нельзя.

Но и власть должна сознавать, чего нельзя делать. Даже с таким многотерпеливым народом, как русские. В 2004-м выступления пенсионеров по всей стране обозначили предел давления экономического. Правительству пришлось существенно скорректировать злосчастный Закон о монетизации льгот. В конце 2011-го общество столь же чётко обозначило предел давления политического.

Не менее важно и то, что стихийно возникший протест стал организационно оформляться. Возникло сразу несколько объединений. Наиболее авторитетные – “Лига избирателей” (инициаторы – тележурналисты Л. Парфенов, О. Романова, Т. Лазарева, литераторы Д. Быков, Б. Акунин, музыкант Ю. Шевчук, известные блогеры) и “Гражданское действие” (среди организаторов лидер движения “В защиту Химкинского леса” Е. Чирикова, лидер “Левого фронта” С. Удальцов, депутат-коммунист А. Клычков, депутат-справоросс И. Пономарёв, националист А. Белов, отставной вице-премьер Б. Немцов). “Лига” призвана следить за избирательным процессом. “Действие” – организовывать митинги.

Горячо поддерживаю создание этих общественных организаций. В России дефицит инструментов гражданского общества, да и само оно только складывается. С другой стороны, я столь же горячо предупреждаю от превращения “Лиги избирателей” и “Гражданского действия” в политические партии. А такая перспектива не исключена. О ней говорил Д. Быков (“МК”, 18.01.2012). К тому же подталкивает “Лигу” лукавый А. Кудрин (newsru.com/russia/19jan2012/kunion_print.html).

Казалось бы, какая разница? Она колоссальна!

В стране нехватка организаций, готовых взяться за выполнение конкретных дел. Недостаёт и политических партий, способных выразить интересы всех групп избирателей. Прежде всего националистов, хотя, как признавал В. Чуров, национальный вопрос волнует треть электората. Впрочем, опыт “Родины”, а ещё раньше “Конгресса русских общин” показывает, как уязвимы подобные партии.

Столкнувшись с успехом оппозиционных сил на думских выборах, власть предприняла коварный манёвр: вроде бы идя навстречу пожеланиям общества, объявила о предельной либерализации правил партстроительства. Скоро каждый активный общественник сможет зарегистрировать свою партию. И как только он это сделает, так сразу переключается с конкретных дел на борьбу за голоса избирателей. То есть борьбу с другими партиями. По справедливому замечанию лидера “Яблока” С. Митрохина, “делается всё, чтобы количество их было максимальным, а процент, подаваемый на выборах, – минимальным” (“Независимая газета”, 20.01.2012).

Мало того, что эти карлики станут мешать друг другу – не представляя никакой угрозы для “Единой России”. Они неизбежно оттянут голоса у парламентских партий.

* Олейник Борис. Трубач совести. “Наш современник”, № 7, 2007.

Возразят: эти гиганты закоснели, их лидеры не сменяются десятилетиями, партийные штабы утратили связь с рядовыми членами.

Отчасти упрёки справедливы. Но, во-первых, опрометчиво думать, будто новым партиям не будут свойственны те же недостатки. Я помню организационное “роение” начала 90-х: карлики воспроизводили все пороки гигантов, но из-за малого размера партий эти пороки смотрелись ещё более уродливо.

Во-вторых, и это, на мой взгляд, главное, начинать всё с нуля будет ошибкой. Поистине преступной потерей темпа: за два десятилетия развития парламентских партий достигнуто немало! Взять хотя бы успех на выборах в Думу. Что же теперь, отказываться от него, от того влияния (согласусь – не слишком существенного, но и не исчезающе малого), которое даёт работа в думских комитетах?

Важно закрепиться на достигнутых рубежах, а не разбежаться в разные стороны, радуясь объявленной вольнице.

Сохранение общественного статуса возникших организаций нужно и для закрепления единства оппозиционеров. Именно оно придаёт протестам всенародный характер. Когда в одном движении объединяются коммунисты, националисты, экологи, автомобилисты, каждый приводит своих сторонников, и это умножает число протестующих.

Соответственно, единство оппозиционных сил является главной мишенью всех, кто страшится народного протеста. А заодно (вот уж действительно – заодно!) и тех, кто пытается воспользоваться протестом в корыстных целях.

Нетрудно заметить: на периферии протестного движения оформилась группа, пытающаяся на гребне народного недовольства вернуться во власть. Для начала вступив с ней в переговоры – якобы от имени всех недовольных.

“Договорщики”, как я их называю, хорошо известны. Это “бывшие”: экс-премьер М. Касьянов, бывший вице-премьер Б. Немцов, бывший депутат В. Рыжков и примкнувшая К. Собчак. Она-то и сформулировала общую цель: “Самое главное – это влиять на власть, а не бороться за власть” (“МК”, 26.12.2011).

Действительно: зачем бороться, когда есть надежда, что власть, точнее, родственная по духу либеральная группа во власти, откроет “потайную калитку” и выпустит “бывших” в Кремль?

Особой популярностью в протестной среде эти господа не пользуются. В ходе подготовки к митингу 24 декабря организаторы устроили интернет-голосование, чтобы выбрать выступающих. Самый успешный среди “договорщиков” Б. Немцов занял 13-е место. В. Рыжков – 45-е (“МК”, 26.12.2011). Лидеры голосования – Л. Парфенов, Б. Акунин не раз, не называя имён, но вполне определённо отмежевались от них. Говоря о составе оргкомитета митинга, Акунин подчеркнул: “. . . Я бы хотел, чтобы в его составе было меньше политических лиц” (“Коммерсантъ”, 15.12.2011).

В сущности, в качестве “переговорщиков” Немцов и Ко – самозванцы. Они не могли бы претендовать на ключевую роль, если бы их не раскручивала либеральная пресса. И – внимание! – не поддерживала власть.

Напомню ситуацию накануне первого разрешённого митинга 10 декабря. Большинство активных лидеров протеста к этому времени оказались в заключении. По 15 суток получили А. Навальный, И. Яшин, очередной срок отбывал С. Удальцов. Возникла ли такая ситуация спонтанно? Часть экспертов полагает, что нет. “Многие высказывают мнение, что его арест на 15 суток был неслучаен”, – писал “Коммерсантъ” о Навальном (17.12.2011).

На свободе из первых лиц остались Э. Лимонов, Е. Чирикова, Б. Немцов. Двое первых не раз демонстрировали неуступчивость. Власти обратились к Немцову, и он увёл митинг с площади Революции на Болотную. Коллеги обвинили его в “предательстве” (lenta.ru/articles/2011/12/20/life_Print.htm). Зато он сразу превратился в медийное “лицо” протестов!

Чтобы читатель прочувствовал контекст, процитирую краткую заметку из “МК”: “Оппозиционер Сергей Удальцов, отбывающий административный арест, попал в реанимацию. “Он был госпитализирован в реанимацию 64-й горбольницы в критическом состоянии”, – сообщила Интерфаксу супруга Удальцова Анастасия” (“МК”, 19.12.2011). Немцов в это время эффектно озвучивал требования митингующих.

Почему Немцов? Либералы в Кремле держат его за своего, несмотря на отлучение от власти. При случае с ним можно договориться – и не только по поводу проведения митинга. Не исключено, что такой случай скоро представится. Но здесь мы уже вторгаемся в тайны высокой политики.

Отставной советник президента А. Илларионов, хорошо знакомый с кремлёвской закулисой, недавно едко заметил: “Настоящий российский правящий тандем – тандем либералов и выходцев из спецслужб – распался” (“Ньюсвик”, 16.01.2012. Цит. по: inoСМИ.ru).

Это заметно и со стороны. Но инсайдерское свидетельство всегда особенно ценно.

Илларионов не называет имён, за исключением А. Кудрина – ярого либерала. Предпочитает не переходить на личности и другой информированный источник – Г. Павловский. И всё-таки он куда словоохотливее. По его словам, **“то, что происходило на Болотной, теперь будет происходить внутри аппарата. Там тоже будут формироваться различные непубличные партии, которые вступят между собой сначала в игру, а потом в борьбу”** (newsru.com/russia/28dec2011/pavlovsky.html).

В целом соглашаясь с политтехнологом, я бы уточнил: формирование группировок началось не после, а до Болотной. Само разрешение на проведение митинга наверняка было результатом борьбы в верхах.

Нет, я не разделяю убеждения сторонников теории заговора, что всё решается в Кремле или в “вашингтонском обкоме”. Во-первых, для массового выступления были причины (конспирологи, углубляясь в тайную подоплёку событий, как правило, игнорируют то, что лежит на поверхности – реальные, очень серьёзные мотивы). Во-вторых, с 5 по 10 декабря полиция устроила на площадях такое “мочилово”, что никакие либеральные “наёмники” туда бы не сунулись. Выходили убеждённые люди высшей пробы.

Кремлёвские либералы не могли инспирировать митинг. Но этого и не требовалось! Достаточно того, что они разрешили его в центре столицы. Ситуация была патовой: в социальных сетях о своём участии заявили десятки тысяч человек. Как бы они повели себя, если бы власти вообще запретили мероприятие, не мог спрогнозировать никто. Этой неопределённостью либералы, скорее всего, и запугали силовиков. Митинг разрешили. И тут же либеральные группы – в Кремле и на площади – начали действовать по принципу сообщающихся сосудов.

В отличие от сидящих в Москве Илларионова и Павловского, Андроник Мигранян из нью-йоркского далека называет и действующих лиц, и того, кто стоит за ними: “Многие известные личности участвовали в развенчании существующей социально-экономической системы и её “главного архитектора” Путина. Эта обширная кампания включала в себя множество докладов Института современного развития, который возглавляет Медведев, речи членов правления, таких как Игорь Юргенс и Евгений Гонтмахер, аналитиков и политиков Кремля, советника Медведева по экономике Аркадия Дворковича, бывшего политического советника Глеба Павловского и других, кто хочет переизбрания Медведева на второй срок” (“Нэйшнл интерес”, 09.01.2012. Цит. по: inoСМИ.ru).

Поразительно откровенное заявление!

Итак, главный бенефициар назван. Но зачем ему? Казалось бы, после сентябрьского “отречения” Медведева (буквально – “со слезами на глазах”) и выдвижения Путина на президентский пост, интрига внутри тандема угасла окончательно. Если только чувство обиды? Но что значит обида в большой политике?

Признаюсь, какое-то время я пребывал в растерянности и лихорадочно рылся в ворохе сообщений. Нашёл!

Американская газета “Крисчен сайнс монитор”, со ссылкой на директора московского Института глобализации и социальных движений Бориса Кагар-

лицо, информирует: “В элите уже кое-кто обсуждает возможность отложить (здесь и далее разрядка моя. – А. К.) президентские выборы и сделать [президента Дмитрия] Медведева исполняющим обязанности президента на то время, пока не найдётся новая сильная фигура, способная сплотить систему” (“Крисчен сайнс монитор”, 12.01.2012. Цит по: inoСМИ.ru).

Ого! За второй (пусть и неполный, а там – кто знает?) срок стоит побороться...

В этом контексте приобретает иной вес догадка газеты “Завтра”, обычно чересчур увлекающейся конспирологией: “Намёки на то, что “всё скоро может измениться” и “всё у нас получится”, звучавшие и на памятной “встрече со сторонниками”, и в тексте Федерального послания-2011, скорее всего, не являются пустой болтовнёй. Гипотетические сценарии быстрого возвращения Медведева на президентский пост и даже “неухода” с него не только существуют, но и могут быть реализованы с достаточно высокой степенью вероятности” (“Завтра”, № 52, 2011).

Не успели отгреть речи на Болотной, как несколько десятков влиятельных деятелей объявили о создании “Круглого стола 12 декабря”. Своего рода пула посредников: “Предполагается, что “12 декабря” станет площадкой, на которую эксперты будут приглашать представителей власти и оппозиции, чтобы те могли встречаться и искать компромисс” (разрядка моя. – А. К.). **В числе учредителей Игорь Юргенс, Анатолий Чубайс, Евгений Ясин, Михаил Касьянов** (“МК”, 13.12.2011).

Что называется, “чуший да разумеет...”

Однако впоследствии об активности этого клуба не сообщалось. Может быть, консультации и проводились, “но в тишине, но в тайне”.

Зато фантастическую для этого флегматичного, долго чуравшегося публичной политики человека активность развил Алексей Кудрин. Тоже отставной министр и действующий либерал. Но, в отличие от Касьянова, не потерявший доверия Путина.

Кудрин появился на проспекте Сахарова и даже произнёс речь – под непрерывный свист толпы. Он поддержал идею отставки Чурова и проведения новых парламентских выборов. Позднее, выступая на гайдаровском форуме “Россия и мир: 2012–2020”, экс-министр высоко оценил участников митинга: “...90% – это средний класс, это не ниспровергатели. Это те, кто хотят реформ. Они, скорее, союзники (разрядка моя. – А. К.) для работы” (newsru.com/russia/19jan2012/kunion_print.html).

Трудно сказать больше и “слаще”! Но что стоит слово отставника? Вот тут-то нас поджидает сюрприз. Перед вылазкой на митинг 24 декабря Кудрин встречался с Путиным. И ещё раз – перед переговорами 16 января с “рядом членов оргкомитета “За честные выборы”” (“МК”, 18.01.2012). Если учесть, что добиться аудиенции у премьера непростая задача даже для действующих министров, частота этих встреч изумляет.

Через Кудрина Путин пытается установить связи с протестующими. “Перевербовать” их. Но не всех. Во всяком случае Кудрин, рачитывая похвалы участникам митинга, оговорился, что не имеет в виду “профессиональных политиков” (newsru.com/russia/19jan/kunion_print.html).

Со своей стороны “политики” не стесняясь клянут Кудрина и отказывают ему в статусе посредника. В. Рыжков раздражённо отозвался об активности экс-министра: “Он обратился к нам с предложением быть посредником в переговорах. Он четыре раза пытался их организовать, но у него ничего не вышло... Заявление Кудрина о нежелании оппозиции сделать шаг навстречу для проведения переговоров никакого отношения к действительности не имеет. Просто в качестве переговорщика он оказался несостоятелен” (“МК”, 18.01.2012).

Ещё бы! Рыжков, Немцов и вся либеральная рать хотели бы говорить с Медведевым. Немцов прямо заявил об этом (“Независимая газета”, 26.01.2012). От Путина они не ждут никаких “встречных предложений”. А Кудрин пытается устроить встречу с Путиным – и, скорее всего, не либеральной команды, а менее политизированных лидеров протеста*.

* В какой мере сам Кудрин верен Путину – отдельный вопрос. Но не будем усложнять...

Добьются ли своего либералы? Сомневаюсь. Подобные интриги – дело рискованное. А среди них, а главное – среди их возможных собеседников в Кремле, мало рискованных людей*.

Не думаю, что что-либо светит и Кудрину. Несмотря на очевидную “двойную игру” Немцова сотоварищи, вожаки митингующих держатся сплочённо, не ведутся на попытки власти вбить между ними клин. Да и кого мог бы пригласить к себе Путин? Парфёнова, Быкова? Пожалуй. Но они, даром что любимцы публики, организационных ресурсов не имеют. Ресурс в руках Навального, Яшина, Удальцова. А их трудно представить в качестве конфиденентов премьера.

Да ему, возможно, “не особенно-то и хотелось”. Сейчас Путину важно выиграть время до 4 марта. А потом – победителей не судят!

Пока же – параллельно с попытками договориться с кем-либо из оппозиционеров – он, похоже, осуществляет ещё одну интригу. Прямо противоположную.

Я имею в виду историю с “уральскими мужиками”, готовыми “отстоять стабильность” (newsru.com/russia/20dec2011/tagilvagon_print.html). **А заодно проучить “офисный планктон”, осмелившийся бросить вызов Путину. Несмотря на “классовую” подоснову, заставляющую вспомнить советские идеологические проработки, эта история была раскручена на новый лад – в лучших традициях американской шоу-индустрии.**

Компромат на себя господа либералы предоставили сами. Причём в не-малом количестве. Вспомним словечко “быдло”, замелькавшее в газетных интервью и телевиступлениях. Такая вот “политкорректная” характеристика большинства населения страны.

Энтузиасты гражданского раздора реанимировали и полузабытую кличку “совки”. Постарался небезызвестный Эдуард Тополь, опубликовавший в “МК” статью, где “совки” упоминаются аж 12 раз! Закишему в эмиграции старому детективщику хочется поразмяться, разогнать застывшую кровь, и он не нашёл ничего лучшего, как многократно оскорбить народ оставленной им страны.

Рассуждая о “креативном” классе, прославившемся после Болотной, Тополь провозглашает: “...Это они, 20–25-летние, в грудном возрасте вышедшие из тьмы совково-египетской и выросшие более-менее свободными людьми в дикой пустыне новороссийского Клондайка, – именно они потащат Россию в эру информатики... Но Боже ж мой, как тяжело им придётся!.. Будут висеть, как кандалы, балласт и “испанские сапоги”, все остальные сто миллионов совков (разрядка моя. – А. К.), которые не хотят и не могут перестроиться под новую эру” (“МК”, 10.01.2012).

Нельзя исключить, что после прочтения этих слов кое-кто из “ста миллионов”, соблюдая стилистику скандала, предложенную Тополем, захочет ответить ему звонкую затрепку.

Высказывания Тополя, несмотря на их очевидную экзотичность, не единичны. Можно припомнить “друга миллионеров” Е. Минченко, противопоставлявшего Болотную “бабушкам и обездоленным”. А можно и Шендеровича, ещё год назад вопившего: “Этим людям надо затыкать глотки” (“МК”, 27.12.2010). Профессиональный смехач имел в виду отнюдь не классово близких болтунов, а “тёмный”, как он изволил выразиться, люд.

Не стану повторяться, напоминая о патологической русофобии “наших” либералов. Отмечу другое. Пока они изгалялись над “совками”, власть не обращала на это никакого внимания. Но когда они подняли руку на “святое”, выступили против путинского проекта, предусматривающего двойную победу на выборах, наверху решили действовать. Быстро. И хитроумно!

Уклонившись от полемики, Путин (или его аппарат) выставил против “декабристов” рабочих. Но кто бы услышал реальных работяг, если бы те и решили высказаться? Поэтому и “рабочие” были отобраны с п е ц и -

* Так и не встретившись (на момент сдачи главы в печать) с “договорщиками”, Медведев всё же не преминул обернуть протесты в свою пользу. На встрече со студентами МГУ 25 января он – цитирую – “высказал мнение, что на протесты в Москве... выходили те, кто хотел бы, чтобы он выдвинул свою кандидатуру на второй президентский срок” (newsru.com/russia/25jan2012/jour_print.html). Предположение ни на чём не основанное, но показательное.

альяные, и трибуну им предоставили – выше некуда. “Прямую линию” с Владимиром Путиным, которую 15 декабря телеканалы транслировали на всю страну.

Именно там некий Игорь Холманских впервые обозначил “рабочую” позицию: “Я хочу сказать про эти митинги. Если наша милиция, или, как сейчас она называется, полиция, не умеет работать, не может справиться, то мы с мужиками готовы сами выйти и отстоять свою стабильность, но, разумеется, в рамках закона” (news.com/russia/20dec2011/tagilvagon_print.html).

Гениально! По сути то был крик “Дави!” Небезвыгодный для власти. Но – заметьте и оцените! – прозвучавший не как полицейская команда (напротив, полиции ещё и досталось за недостаток рвения), а как “рабочий” призыв. После чего оставалось только зачитать с экрана: “По многочисленным требованиям трудящихся...”

Возможностью не воспользовались. Но её обозначили. В виртуальную эпоху символические действия сплошь и рядом оказываются эффективнее реальных.

Для усиления эффекта Холманских ещё раз предоставили трибуну. Агентство “Интерфакс” пространно цитировало его новое выступление, как если бы то была речь министра, а то и самого премьера. Поняв, что призывами поддержать Путина всеобщей мобилизации не добиться, устроители акции представили Холманских в роли защитника рабочих. И тот отработал по полной: “Нас называют быдлом. Нам отказывают в праве иметь своё мнение. Вслух говорят, что власть в стране не должна обращать на нас внимание. Что значение имеет только мнение “продвинутых” и “креативных” жителей больших городов. Я не могу с этим согласиться”.

На пике возмущения оратор вновь напомнил о главном – поддержке “национального лидера”. “Мы его поддерживаем. И будем поддерживать, чтобы ни писал в своих блогах “офисный планктон”. Просто потому, что мы – не планктон, а люди с собственным опытом и собственным мнением” (newsru.com/russia/19jan2012/holmanotvet_print.html).

Мера за меру! Оскорбление на оскорбление. Раз мы “быдло”, то вы “планктон”! Таков “рабочий” ответ смутьянам.

Почему слово “рабочий” я беру в кавычки? Да потому что Холманских забирает куда более высокое положение! Он начальник цеха “Уралвагонзавода”. Это производственная аристократия.

Активную поддержку в полемике ему оказывает заместитель директора предприятия – Алексей Жарич. Он вообще не производственник, а бывший сотрудник столичного аппарата МВД, ныне пиарщик. В 2005 году создал интернет-портал “За Путина.” Два года спустя выпустил одноимённую книгу. Был гендиректором телеканала “Russia.ru”. С 2009 года возглавляет журнал “ВВП” (newsru.com/russia/19jan2012/holmanotvet_print.html).

Председатель совета директоров “Уралвагонзавода” – Евгений Школов – прелюбопытнейшая личность. Ранее работал заместителем министра внутренних дел, а в далёкие 80-е якобы трудился вместе с Путиным в “дрезденской резидентуре КГБ” (<http://www.anticompromat.org/nurgaliev/shkolovbio.html>).

Да они такие же “рабочие”, как Ксюша Собчак – представитель протестных масс! Уральский оппозиционер Леонид Волков отметил: “Никаких “тагильских рабочих” не существует в природе. Нет такого массового движения рабочих в поддержку Путина, его придумал политолог Жарич” (newsru.com/russia/16jan2012/tank_print.html). **К слову, в Нижнем Тагиле партия власти набрала скромные 32% (там же).**

Самозванцы. С той и с другой стороны. И тем отчаяннее они играют!

В начале января сонный каникулярный покой взорвало сообщение: “Рабочие (так!) ОАО “Научно-производственная корпорация “Уралвагонзавод”, расположенной в городе Нижний Тагил Свердловской области, намерены ввести в Екатеринбург танки. Таким способом работники завода намерены поддерживать Владимира Путина” (svpressa.ru/society//news/51585).

Далее со ссылкой на “завод” излагали: “В настоящее время на заводе идёт сборка танка Т-90С. 23 января она завершится, и машина прямо с конвейера, в солидоле, отправится своим ходом в Екатеринбург. На танке поедут рабочие из комитета в поддержку Путина. На пути в населённых пунктах будут устраиваться митинги” (там же).

Сразу видна работа опытных пиарщиков. “В солидоле” – деталь как будто совершенно лишняя. Но все информагентства сохранили её, потому что она придаёт сообщению зримую наглядность, подлинность.

Да и в целом информация – типичный пиар. Разъезжать на танках по магистралям запрещено. И неудобно. Сколько “рабочих” могут поместиться в кабине? Спустя несколько дней руководство завода заявление дезавуировало (“Коммерсантъ”, 12.01.2012). Но сколько шума оно наделало!

Наиболее впечатлительные либералы клялись в блогах встать на пути “танков”. Вы заметили, уже в первом сообщении одна машина превратилась в некое пугающее множество. Именно “танки” нужны были для провокации. Пожалуйста, вот они.

Тем, кто пренебрежительно сплюнет: “Играют!”, напомню, чем иной раз заканчиваются подобные игры. 21 августа 1991 года, пытаясь остановить бронетехнику, которую, кстати, уже вывели из Москвы, погибли трое подростков. Их тут же объявили жертвами “кровавого режима”, кощунственно присвоив звание “Героя Советского Союза”. Новая мифология, утверждавшаяся вместе с новой властью, требовала ритуальной крови. И она пролилась!

В 2012-м до этого не дошло. Опасливо постучу по дереву. Но мы оказались очень близко к краю. Ролевые игры с участием самозванцев с той и другой стороны становятся чрезвычайно опасными.

Обыватели заверещат: “Ну вот, добегались! Надо было дома сидеть, а не на площади шастать!”

На такую реакцию и расчёт. Запугать. Заставить людей вернуться в свои бетонные норы.

Мы должны поступить иначе: вернуть в процесс подлинных “актеров”, творцов политики, которых на январских каникулах подменили “актёры”.

Как можно отдавать уличный протест – главное оружие обездоленных – в руки либералов, их злейших врагов? Точно высказался на митинге КПРФ выпущенный наконец из застенка С. Удальцов: “Пытаются некоторые силы приватизировать (разрядка моя. – А. К.) этот протест. Но если мы, коммунисты, мы, прогрессивные люди, будем там, то это будет уже не оранжевый протест, а красный протест” (newsru.com/russia/21jan2012/meetingmos_print.html).

А кто и с какого перепугу отдал Путину роль главного защитника рабочих? Друг олигархов (за время его правления их число увеличилось почти в два раза – с 62 до 102) и сам олигарх, как уверяет пресса, плохо смотрится в этой роли.

Логичнее предположить, что Путин может стать контрагентом той части либералов, которая стремится решить задачи не личные, а стратегические: воспользовавшись всеобщим смятением, протолкнуть ультрарыночные преобразования. “Болезненные в социальном отношении реформы”, – как настаивает А. Чубайс (newsru.com/russia/27jan2012/chubays_print.html).

“Уральский мужик” Холманских рисует благостную картину работающих заводов, поднимающейся индустрии. Между тем власть провалила свой собственный, не слишком амбициозный план удвоения ВВП, что позволило бы России догнать нищую Португалию. И это в благополучные времена! Когда некуда было девать халявные нефтегазовые доллары.

Наступает иная эпоха. В ближайшие годы придётся затянуть пояса. Бюджет на 2012–2014 годы, который подготовил не кто иной как Владимир Владимирович, предусматривает сокращение расходов на национальную экономику. С 16,2% от суммарных расходов в 2011 году до 11,3% в 2014-м (“Независимая газета”, 16.11.2011). Это значит, что заводы получат меньше средств, упадёт производство, рабочих уволят.

Кстати, у нас, что, работники живут на предприятиях? Нет? Тогда вчитайтесь в графу “Расходы на жилищно-коммунальное хозяйство”. Их тоже сократят: с куда как недостаточных 2,1% в 2011-м до совсем уж ничтожных 0,5% в 2014-м (там же). Значит, теплотрассы будут лопаться, оставляя людей без обогрева в лютые северные морозы (специальный привет уральцу Холманских!). Жилой фонд окончательно обветшает. Здания начнут разваливаться.

Путин кажется “другом” рабочих только на фоне совсем уж отвязанных либералов. Затем их и приглашают к микрофону, чтобы народ, воз-

мутившись, снова стал выбирать меньшее из двух зол. Иной раз приходит на ум: уж не работают ли они в связке? Значит, надо гнать немцовых с трибуны и утверждать на ней тех, кто готов действительно бороться за права трудящихся.

Снова выделю Удальцова. Сразу после того как либералы затеяли свару с “быдлом”, якобы от имени оппозиции, он провёл в Москве рабочий митинг. Не раскрученный, а потому, к сожалению, недостаточно массовый. Но сделал то, что мог. Показал: подлинные лидеры протеста вместе с людьми труда.

Многое зависит от позиции крупнейшей политической силы оппозиции – КПРФ. Партия всегда была сильна связью с массами и не раз выводила тысячи людей на улицы.

С досадой должен признать, что первая реакция лидера коммунистов на выступления несогласных была не слишком продумана. В середине декабря Геннадий Зюганов сказал об “оранжевой проказе, пышный цвет которой проявился на Болотной площади” (“МК”, 19.12.2011).

Он тут же удостоился похвалы буржуазных экспертов. Директор Фонда исследования проблем демократии М. Григорьев отметил: “КПРФ представляет собой респектабельную, крупную парламентскую партию”. Для неё “достигать с представителями несистемной оппозиции какой-то договорённости, это не просто потеря лица, это просто абсолютно несерьёзное поведение” (“Независимая газета”, 20.12.2011).

В то же время Зюганову припомнили, что он отправил на Болотную депутата А. Клычкова. Функционер “ЕР” пригрозил: “...Парламентские партии, которые заявляют, что готовы дискутировать и работать с “Единой Россией”, не имеют морального права стоять плечом к плечу с несистемной оппозицией” (newsru.com/russia/17dec2011/medvedev1_print.html).

Вот так-то протягивать руку “медведям”! Оттяпают целиком, да ещё под себя подмять попытаются. Партия власти фактически предъявила КПРФ ультиматум: или с нами – или с улицей.

В те дни коммунисты вели сложные переговоры о разделе думских портфелей. Корреспондент “Нью-Йорк таймс” уподобил Зюганова “канатоходцу, балансирующему на высоко натянутом политическом тропе”. С одной стороны, он обличает фальсификаторов, с другой, договаривается с думским руководством, представляющим “ЕР” (“Нью-Йорк таймс”, 20.12.2011. Цит. по: inoСМИ.ru).

К чести лидера компартии, он и в Думе добился выгодного расклада, и от протестующих на улице не отказался. Пресс-служба КПРФ поспешила пояснить: говоря об “оранжевой проказе”, Зюганов имел в виду исключительно Немцова и Касьянова (“МК”, 19.12.2011).

Перед Новым годом Геннадий Андреевич встретился с творческой интеллигенцией. Я выступил и призвал КПРФ ни в коем случае не оттачивать митингующих. За улицу надо бороться! Я привлёк внимание к исследованию социологов “Левада-центра”. Партийные симпатии на проспекте Сахарова разделились между “Яблоком” и КПРФ. Не удивительно, что офисные работники симпатизируют “яблочникам”. Но и коммунисты, как оказалось, им близки. Более того, на президентских выборах – в случае второго тура – участники митинга выразили готовность голосовать за Зюганова (newsru.com/russia/27dec2011/whoos-meeting.html). Разве можно отказываться от столь перспективных союзников? – заключил я.

Мои ли доводы оказались убедительными или они совпали с советами более близких к Геннадию Андреевичу людей, а может, просто соответствовали его собственному мнению, но в начале 2012-го КПРФ изменила своё отношение к несистемной оппозиции. Партия подписала соглашение о сотрудничестве с “Левым фронтом”, который мог бы стать задиристым молодёжным авангардом коммунистов. Проводились консультации и с Алексеем Навальным (“Независимая газета”, 19.01.2012).

Искренне рад за моих друзей в КПРФ. А вот позиция газеты “Завтра”, так же не чужой для меня, разочаровала. Два десятилетия Александр Проханов призывал людей выйти на улицы. А когда они вышли, неодобительно отмахнулся: “Не те!”

В напряжённейшей ситуации выбора между протестом и лояльностью “Завтра” выбрала лояльность. Само собой, искушённые литераторы со- проводили это решение приличествующими случаю оговорками и даже бое- вито звучащими лозунгами. Но суть не изменилась. Вот она, в декларации заместителя главного редактора А. Нагорного: **“... Следует сформулировать своего рода “ультиматум о сотрудничестве”, обращённый к Путину”** (“Завтра”, № 52, 2011).

Не надо обманывать себя и смешить других: ультиматума Путин не примет. Похоже, и сам Нагорный не очень верит в успех (“не надо питать иллюзий, что Путин сразу пойдёт навстречу”). А вот “сотрудничество”, которое предлагает влиятельная левопатриотическая газета, для премьера весьма кстати.

Редакция возлагает туманные надежды на “будущее”. Вряд ли им сужде- но сбыться. В будущем Путин почти наверняка выиграет президентские выбо- ры, что сразу упрочит его положение и избавит от необходимости заключать тактические союзы*.

К достоинствам “Завтра” относится практикуемый редакцией плюрализм мнений. Газета опубликовала и ряд материалов, не согласующихся с офици- альной линией. Среди них выделяется содержательная статья А. Дугина “Рос- сия-3”. Впрочем, сам образ “третьей” России, о которой мечтает автор, пре- дельно неконкретен. Зато зримы великолепные характеристики “первой” пу- тинской и “второй” – “оранжистской” России. Точное наблюдение: “Россия-2 пока так же неопределённа и так же эфемерна, как Россия-1: между ними нет оформленных противоречий, по всей линии конфликта они перетекают одна в другую – идёт обмен кадрами, тезисами, стратегиями, лозунгами. В России-1 есть явно различимый либеральный сегмент, восходящий к Медведеву, Воло- шину, Чубайсу, вождям масс-медиа, экспертам. Он незаметно для глаз пере- ходит в “оранжизм”. Андрей Илларионов, например, побыв советником Путина, оказывается рядом с Каспаровым и Касьяновым (который и сам был путин- ским премьером). Это общее поле, объединённое сходством взглядов (разрядка моя. – А. К.) на судьбу России” (“Завтра”, № 50, 2011).

Можно ли принять такой гибрид “вертикали” и “оранжизма”? Можно ли предлагать сотрудничество человеку, выстроившему эту сомнительную, по- лую изнутри конструкцию? Дугин отвечает: “Защищать Россию-1 не просто омерзительно – невозможно” (там же).

В отличие от Александра Гелиевича, я убеждён: Россию надо защи- щать всегда. Любую. Белую. Красную. Даже путинскую. Но вы би- рать путинский проект России я бы не стал. Тут я с Дугиным согласен. К сожалению, редакция со своим автором несогласна.

Под занавес буквально пунктиром о действиях власти. Наблюдатели при- знают: “Во властных кабинетах сейчас не знают, что делать. Мгновенная по- литизация населения стала неожиданной для высоких чиновников. Им нечего ей противопоставить, и они готовы слушать любых советов” (“МК”, 14.12.2011).

Может быть, поэтому политические решения последних недель на- поминают качели: туда–сюда. С одной стороны, из Администрации пре- зидента убирают В. Суркова. Ещё в начале декабря тот уверял: “Систе- ма работает... Всё под контролем” (“Уолл-стрит джорнел”, 06.12.2011. Цит. по: ipocMI.ru). **А теперь он утратил контроль над системой, глав- ным архитектором которой его, не без оснований, считали.**

Саму систему Медведев пообещал радикально либерализовать: “... Ста- рая модель, которая верой и правдой служила нашему государству в послед- ние годы... себя исчерпала” (“Независимая газета”, 19.12.2011).

Среди анонсированных новаций облегчение регистрации партий и воз- вращение губернаторских выборов. Помните, правящая партия господствова- ла не везде. Был и “красный пояс” и яркие беспартийные лидеры. Словом, была ж и з н ь. Её обещают вернуть.

Саму “Единую Россию” убрали на задний план. Путин дистанцировался от неё и поручил ведение своей избирательной кампании “Общероссийскому на- родному фронту”.

* До марта – всего месяц. Инерции государственной машины должно хватить на то, чтобы проскочить этот отрезок даже при выключенном двигателе.

Ещё одна новинка: власти планируют “провести ротацию примерно 30% УИКов, к которым возникли претензии после думских выборов” (“Коммерсантъ”, 18.01.2012).

Путин изъявляет готовность встретиться с несогласными.

Московская весна посреди январской стужи!

С другой стороны, вместо изобретательного Суркова ставят прямолинейного Володина. По остроумному замечанию одного из руководителей КПРФ: “Конечно, и Сурков – это дубинка для оппозиции. Но дубинка, обёрнутая тканью. А Володин – это дубина с шипами, которой бьют по голове” (“Независимая газета”, 29.12.2011).

Медведев объявил о либерализации, покидая президентский пост. Путин, как известно, гораздо более консервативен. Будет ли он реализовывать обещанное?

Регистрация партий лишь раздробит, а значит, ослабит оппозицию. Что до губернаторских выборов, то после того как все бюрократы на местах вступили в “ЕР”, на них просто некому побеждать, кроме “медведей”.

Оттеснённая на периферию, “ЕР”, тем не менее, выдвинула Путина кандидатом в президенты. На местах она, как ни в чём не бывало, захватывает ключевые посты в областных парламентах, блокируясь с ЛДПР и “Справедливой Россией” против усиливших свои позиции коммунистов.

Ротация избирательных комиссий началась, но пока увольняют не тех, кто запятнал себя вбросами и перепиской протоколов, а тех, кто не сумел обеспечить высокий процент “Единой России”. Показательна история со сменой главы ТИКа города Тольятти (“Коммерсантъ”, 20.01.2012).

Путин хочет встретиться с оппозицией, но не называет ни даты, ни имён приглашённых. Известный способ уклониться от неприятного визита: “Как-нибудь заглядывайте”.

Думаю, эти качели будут ходить туда-сюда до марта. Повторю: премьеру важно выиграть время. А вернувшись в Кремль и взяв в руки все рычаги управления, он надеется уж как-нибудь справиться с ситуацией.

Аналитики, как в России, так и за рубежом, указывают на два возможных сценария: либерализация или закручивание гаек. Афористичнее всех высказался уже знакомый нам Игорь Бунин: “Либо ты идёшь по пути авторитаризма, всех начинаешь мочить, превращаешься в государство-изгоя (так в тексте!) и с тобой больше никто не разговаривает, ценя только твою нефть. Вариант второй – ты начинаешь идти на уступки, либерализуя режим” (“Независимая газета”, 12.12.2011).

Не думаю, что с Путиным стоит разговаривать в подобном тоне.

Но и “жуткого” сценария, которым пугает А. Илларионов (newsru.com/russia/26dec2011/illarionov_print.html), я не ожидаю. Не потому, что верю в человеколюбие Владимира Владимировича. Просто, как ко времени напомнил А. Бородай: “Сейчас в России возникла ситуация, когда власть боится рыпнуться... Она не понимает, какие приказы можно отдавать, потому что даже силовые структуры ненадёжны” (“Завтра”, № 51, 2011).

Эксперт поясняет: “Ведь и менты, и вояки, и чекисты за постсоветские годы твёрдо запомнили, что бывают такие приказы, которые потом могут быть названы “неконституционными” или “преступными”. И даже если возьмутся их выполнять, то потребуют, чтобы эти приказы были “отчётливыми, внятными и... письменными”. Автор ехидно заключает: “А с такой письменностью у самих начальников – затык. Вдруг станет такой письменный приказ документом для судебного рассмотрения в какой-нибудь Гааге” (там же).

Обострить ситуацию может разве что неконтролируемое дробление властной группы. Нельзя исключить появления некой “третьей силы”, которая попытается извлечь выгоду из дестабилизации. И массовые митинги 4 и 26 февраля – прекрасная возможность для этого! Вероятность подобного развития событий, на мой взгляд, мала. Но и ручаться, что ничего экстраординарного не произойдёт, я бы поостерегся.

И всё же до марта и даже до майской смены команды в Кремле нынешняя политическая конфигурация, скорее всего, сохранится. А там...

Вот мы и возвращаемся к проблеме, сформулированной в начале главы: чтобы утвердиться всерьёз и надолго, Путину необходимо честно выиграть выборы. Легитимизировать власть. Воочию показать

народу: подтасовки на этот раз исключены. Не зря он завозит в избиркомы веб-камеры.

Поверят ли люди технике, которую будет контролировать “волшебник”? Многим памятно, как установленные на столичных улицах камеры месяцами транслировали картинку, ничего общего с реальностью не имевшую. К тому же никто не мешает фальсификаторам решать вопросы вне зоны видимости электронного ока.

Думские выборы поставили под сомнение не только честность избирательных комиссий. Они заставили сомневаться в объективности судов, в которые обращались с жалобами на подтасовки. В честности следователей и прокуроров, не спешивших расследовать электоральные преступления. Легитимность всех ветвей власти вызывает сомнения.

Стоит прислушаться к предостережению вице-спикера Думы от ЛДПР Игоря Лебедева: “Если эти (президентские. – А. К.) выборы пройдут плохо... получится, что вся власть нелегитимна” (“Коммерсантъ”, 20.01.2012).

(Продолжение следует)

Исполнилось 65 лет известному белорусскому прозаику и сценаристу Георгию Васильевичу Марчуку. Автор восьми романов и пятидесяти пьес, Георгий Васильевич завоевал любовь широкого читателя и признание знатоков литературы. Его произведения переведены на русский, английский, украинский, польский и другие языки. Марчук лауреат Государственной премии Республики Беларусь и российской премии “Имперская традиция”. Работая на ответственном посту секретаря правления Союза писателей Беларуси, Георгий Васильевич активно способствует сближению белорусской и русской культур. Не раз произведения Г. В. Марчука публиковались в журнале “Наш современник”.

*От всего сердца поздравляем нашего друга
и желаем ему здоровья и творческих свершений!*

Редакция

ВЛАДИМИР ПОПОВ

НА УГЛУ КРАЛОВСКИХ ВИНОГРАДОВ И БАННОГО ПЕРЕУЛКА

*ГАШЕКОВСКАЯ ПАРТИЯ “УМЕРЕННОГО ПРОГРЕССА В РАМКАХ
ЗАКОННОСТИ” ВОСКРЕСЛА И ПРОЦВЕТАЕТ В ОХОТНОМ РЯДУ*

“Какова же будущность дерзновенной затеи кремлевских политехнологов создать массовую “охранительную” партию крайне правого толка в нищей России?..” “Много чего еще переменится на политической конюшне. Кое-кто предрекает, что “Единая Россия” едва ли удержится в фаворе не только у избирателей, но и у своих политических патронов”. Это выдержки из памфлета “На углу Краловских Виноградов и Банного переулкa”, напечатанного в “Советской России” в 2003 году.

Не стану морочить читателя, автор памфлета – ваш покорный слуга. Казалось бы, что за тщеславный искус – самого себя цитировать? Ни разу такого себе не позволял, да попросту и ни к чему, но тут особый, если на то пошло, выдался случай. Вот и настал денек, когда несуразный этот политехнологический гомункул, созданный по волеизъявлению Кремля, **сдулся** при всем честном народе. Восемь с лишком годков путинского “медового термидора” “медведи” верховодили в Охотном ряду и лакомились властью, словно пчелиные соты ломали. И пока они горделиво несли себя перед камерами государственных телеканалов, демонстрируя крайнюю озабоченность делами страны, мы потеряли безвозвратно, спрашивается только, **во имя чего или кого**, целое десятилетие. Вот уж воистину “нулевые” годы, будь они неладны, в мороке которых торжествующая **заурядность** от души куражилась над здравым смыслом. И разве не диво, что в Банном переулке, где обретается идеологический штаб “Единой России”, идей, смыслов и самостоятельных “концептов”, как сызмальства у “медведей” повелось – шаром покати. Припоминаете тягучее, как оплывший огарок, метафизическое время на циферблатах в фантазмагорических видениях Сальвадора Дали? Эта метафора сродни тому, как самое бытийное время утрачивалось, обращалось вспять в законодательной вотчине “партии власти”.

Ни дать ни взять мои сатирические эскапады в “Краловских Виноградах...” словно вышли из-под пера только вчера, наутро, после предсказуемого провала этой бесподобной партии на думских выборах 2011 года.

У Генерального Совета единороссов есть одно несомненное достижение – они все-таки изгнали из стен заведения в Охотном “крамолу” вольного парламентаризма, которую с рождения на дух не выносили. “Медведи” наскоро пекли, словно блины, несправедливые, сырые, с хитрыми коррупционными “закладками” законы. И все это время размахивали над головами ропщущих заднекамеечников-думцев, будто оглоблей, “конституционным большинством”. “Партия власти” так заматерела и вознеслась в горние выси за эти тучные нефтедолларовые годы, что просто спасу нет. Они ведь не на шутку вознамерились править до морковкиных заговен. Да не тут-то было! Споткнулись, как им казалось, на ровном месте, не заметив, по выражению политолога Александра Казинцева, “**возвращения масс**”.

“Медведи” превратили нижнюю палату Федерального Собрания в подобие канцелярии. А в Сенате правом вето на законы завладели и вовсе неизвестные личности – назначенцы самого верха. Вот и сладилась законодательная идиллия. Но мандат на власть, как ни крути, выписали думцам не за зубчатой стеной, а чин по чину, на всеобщих выборах. Поэтому позволю себе неполиткорректную “колкость” в отношении “молчаливого большинства”, за которым якобы всегда на Руси сермяжная правда. Речь пойдет про добровольческий электорат “Единой России”. Разве не за ним заглавная роль потатчика безответственной, крайне правой политики “партии начальников”? На этот благонамеренный слой голосующих и рассчитана демагогия, за гранью цинизма, сидельцев на Охотном ряду. “Молчание ягнят” и есть порука “медведей”, которые расстарались в угоду алчности верхних десяти тысяч, у которых жизнь удалась. Без соглашательства “путинского большинства” единороссы не совершили бы свою узурпацию. После сокрушительных итогов последних выборов они – тише воды, ниже травы. Но разве конфуз только на их физиономиях?

Дважды за последние пять лет принимая участие в выборах в Государственную и Московскую Думу, я предметно разобрался в плутовских технологиях избиркомов. Самый страдательный, подневольный слой вовлеченных в манипуляции с избирательными бюллетенями – социальные работники, учителя, медперсонал, мелкая сошка из местных управ. Их грех – невольный. А вот избиратель, голосующий за “медведей”, сам себе околоточный. Так, с бору по сосенке, и набирается по стране внушительный пул голосов за “партию власти”. Но на этот раз “медведей” хорошенько прокатили избиратели мегаполисов. А в глубинке местные власти спроворили “победу” накатанным путем.

До последнего времени мы имели дело со своеволием типичного российского обывателя, равнодушного ко всему, что выходит за пределы его маленького мирка и житейских запросов к власти. Назовите поведение потатчиков из простого люда наваждением, сглазом, “конформизмом” – суть едина. Занятная все-таки публика – российские мещане, бывшие при царе-батюшке многочисленным городским сословием. Они благополучно пережили все революции, сталинское суровое время, войну, расцвет и закат советской цивилизации. А сегодня озабочены лишь тем, с какого бы бока приспособиться к новому режиму, чтобы не остаться вдруг внакладе. Путинский “медовый термидор” лег им на душу. От добра ведь добра не ищут! Вроде бы по-житейски безобидно звучит, но сколько же здесь скрыто тайных смыслов и мотивов поведения в зависимости от обстоятельств!

О природе синдрома “молчаливого большинства” у Ортеги-и-Гассета в “Восстании масс” есть проницательная и нелицеприятная мысль: “Господствующее положение, которое **духовный плебс** занял в общественной жизни – совершенно **новый фактор современной жизни**, не имеющий подобия в прошлом...”. Философ еще много десятилетий тому назад распознал зарождение ущербного состояния массового сознания – **торжество заурядности, которое с неизбежностью востребует того же пошиба личности во власти**. Конечно, те, кто в охотку голосует за партию “медведей”, не хуже нашего ведают, что они, как есть, “ручные”. Но только не лыком шиты! У них, уж поверьте, свой толк и потаенное во взгляде на сущее. “...Сейчас у заурядного человека есть самые определенные идеи обо всем, что в мире происходит и должно произойти, – чутко подмечал Гассет. – Поэтому он перестал слушать других. К чему слушать, если он и так уже все знает. Теперь нужно самому судить, становляться и решать”.

Вот и “медведи”, в большинстве расстриги из аппаратчиков поздней КПСС – выходцы из советских мещан и мелких хозяйчиков, с поразительной

легкостью и невозмутимостью фабрикуют законы. Как капусту шинкуют! И каждый раз с размаху бьют по карману малоимущих, не переставая при этом приговаривать, что пекутся о них денно и нощно. Эта “душевность”, которую я прозвал “сердоболизмом”, начинает почему-то одолевать “медведей” ровно в год выборов. Впрочем, какой с них спрос? Судьбоносные решения – исключительная прерогатива недосыгаемого в своем величии ВВП! Он стал живым олицетворением нового типа партикулярного вождизма. Его норов политика отличен, я бы сказал, простецкостью подхода к самым сложным, драматическим подчас, политическим решениям, касающимся экономики, безопасности и финансов. И при том некому ему возразить, а все мнения и предостережения “со стороны” отменяются напрочь. Это о нем меткое замечание Гассета: “Нет такого вопроса общественной жизни, в который он, слепой и глухой, не вмешался бы, навязывая свои мнения”. Самым обескураживающим подтверждением подобной скоропалительности стал его последний четырехчасовой диалог с нацией на всех телеканалах. Он выдержал на диво легко это испытание. Не потому ли, что откровения “лидера нации” вполне созвучны с образом мышления “человека толпы”.

Вернемся, однако, к вездесущей партии власти и моим многолетним наблюдениям за опрочением всего государственного строительства. Говорят, лицу лица не увидать, большое видится на расстоянии. Но с “медведями” – не тот случай. Попробуемся, читатель, сопоставить физиономию и натуру “Единой России” такой, каковой она представлялась автору памфлета восемь лет назад, и теперь, когда “молодка” преждевременно поизносилась от дел не всегда праведных и бесповоротно выходит в тираж.

Предлагаю простой прием повествования: фрагмент из давнишнего памфлета 2003-го года, обозначенный курсивом, – и контрапунктом – сегодняшний авторский комментарий, а читатель уж рассудит, насколько я справедлив или пристрастен.

“... У правительства есть власть, а у депутатов только голосовые связи” – автор “Швейка” про разделение властей в Австро-Венгрии. Громкие словесные эскапады в Охотном ряду, осанна и хула правительству лишь тешат публику. Зато законотворческий процесс идет как по маслу. Например, 304 голоса за благочинное упразднение общенародных референдумов. Правда, лишь к четвертому туру голосования колеблющиеся, после мытья и катанья, солидаризовались с конституционным большинством. Такие проволочки случались в Думе прошлого созыва, где у “Единой России” не было этого преимущества. Приходилось прикупать голоса “со стороны”. Жириновский шел на расхват. Когда же новые думские выборы чудесным образом даровали “единороссам” пул в триста с лишним голосов, все остальные партийные фракции могли бы, без всякого ущерба для законотворчества, удалиться в кафетерий в подвале Думы, где как раз, по случаю, открылось чайное заведение с самоваром. Что без толка сиднем заседать, что голосовать – для оппозиции разницы никакой. Оба законодательных учреждения – в Охотном и на Дмитровке, живут теперь душа в душу.

По сходству с игрой на фондовом рынке “медведи” в Думе одолели “быков”. Котировки представительной власти в России пали.

После 4 декабря 2011-го года **пали котировки всей корпорации власти**. Впервые после долгого “медового” разговения на шальные нефtedоллары и, как снег на голову, мирового финансового кризиса. Выход из него смутен... Но правящий дуумвират поставил себе в заслугу, что экономика не обрушилась, а резервы не издержаны до последнего цента. Не имея никакой реалистической стратегии выхода из ловушки “петростейта”, когда шаткая котировка всего одного экспортного товара – нефти, грозит разорить в одночасье страну, власти предрержащие делают по-прежнему ставку на пресловутую минфиннову “кубышку” и создаваемый искусственно ежегодный профицит бюджета.

... “Вертикаль власти” мужает. “Централизм” в Думе зашкаливает. С вольницей 90-х годов, когда, попеременно, бузили в Охотном ряду и на Малой Дмитровке, покончено тихим аппаратным усердием. После “бури и натиска” сумасбродного Ельцина власть в России окончательно остепенилась. Под десницей твердого реформатора в Кремле присмирели олигархи и удельные “князья”. В таком духе “Единая Россия” и вещает круглосуточно в своих прокламациях к согражданам. Теперь оставалось одно: решительно выстроенную вертикаль государственной власти подкрепить партийно-аппаратной,

которая повяжет одной веревочкой и бояр, и смердов. Партия власти в каждом околотке уже укоренилась — от Пошехонья до Белокаменной! После ноябрьского съезда 2004 года “медведи” задали невиданный размах партийному строительству. Их монументальная постройка не чета “временке” черномырдинского НДР, неведомо куда канувшего. Воцарение “Единой России” мыслится как венец и апофеоз нового государственного устройства. Завет Столыпина о пагубности “великих потрясений” для “единороссов”, как крестное знамение.

Призрак “великих потрясений” тотчас вызвал нервическую реакцию в верхах. Едва прошло первое замешательство после скверных итогов выборов, первый вице-премьер Шувалов начал буквально заклинать оппозиционные партии поклясться, что народное волеизъявление прошло без сучка и задоринки. А глава Центризбиркома Чуров пригрозил ропщущим оппозиционным партиям: или признайте, что ГАС “Выборы” чисто сработала, комар носа не подточит, или сдайте мандаты! В уголовном мире подобные эскапады известны, как называются — “за базар нужно отвечать!”

... Все складывалось миром и ладом у “единороссов” на перепутье от сумасбродств ельцинизма к благочинию и твердому порядку. Вдруг, откуда ни возьмись, “друг парадоксов” Глеб Павловский огорошил сограждан, что все это — одна видимость. “Путин не имеет власти”. И подавно-де нет ее у тех, кто “держит” Думу. Кремлевский кудесник обнародовал свои откровения еще на дальних подступах к думским и президентским выборам 2003 года. Чтобы, так сказать, поперчить контекст. У кого же тогда, помилуйте, власть? Павловский не преминул дать понять, где собака зарыта. Дескать, олигархические кланы, снедаемые алчностью, заедают гражданское общество. “Львы пожирают людей”. А коли “покой нам только снится”, то и выборы в Госдуму из рутинного аппаратного мероприятия превращались в битву титанов и увлекательные состязания партийных касс. Раз уж такая оказия — не до роскошеств “плюрализма”, потому безальтернативность выбора предоставляла “партия будущего”, для которой это последний шанс “взять” бесхозную российскую власть, а “львов” одомашнить. В горниле борьбы “единороссов” с прожорливыми “львами” и возникнет, по Павловскому, настоящая, всамделишная партия власти. Рядом с ней и “Яблоку” негде будет упасть. Так оно и вышло. “Яблочники” перешли в разряд “уличных” политиков, а их спонсоры срочно сменили номера мобильных телефонов.

“Яблоку”, похоже, и на этот раз крупно обобрали. Им еще разок дали понять, что их удел — роль уличных смутьянов, которым самое место в полицейском околотке. Не якшаться же, в самом деле, осанистым “медведям”, повадки которых живо напоминают партийную номенклатуру последнего десятилетия СССР, с какими-то “яйцеголовыми”? До недавнего времени главный кукловод российского политического театра Владислав Сурков все платонически вздыхал по “массовой либеральной партии” — выразительнице чаяний “рассерженных” капиталистических городских слоев, митингующих на Болотной площади и на проспекте Сахарова. Но ведь “Яблоку” — старая партия обрарованцев — разве не ложка к обеду?..

... Всероссийское собрание “единороссов” в гостинице “Космос” являло эпическую картину “съезда победителей”. По всему было видно, что “ЕдРо” обустроивает свое партийное хозяйство на далекую перспективу. Степенность и осанистость “медведей”, чувствуется по всему, по нраву благонамеренным избирателям, пресытившимся политическим цирком прежних лет. По некоторым опросам, за “медведей” и впредь готовы были проголосовать 48 процентов избирателей! Все это смахивает уже на монополию одной партии. Ну и что зазорного? Вон, в дружественной Японии либерально-демократическая партия полвека уже безраздельно правит, а страна благоденствует. В Америке, правда, двухпартийная система, но она нам пока не с руки.

Глеб Павловский показал себя и на этот раз утонченным диалектиком, который, что тот портной, шьет из “давальческого” материала и даже, если придется, по кривым лекалам заказчика.

Павловский, нос по ветру, загодя примкнул к рублевской фронде и намечает теперь густо-оранжевые концепты. И он, похоже, не последний перебежчик из околоставной obsługi.

В отчетном докладе председателя партии Бориса Грызлова оспаривался тезис завистников, что Дума превратилась в “медвежий” заповедник. Ну и что

из того, что все, до единого, думские комитеты возглавляют “единороссы”? Законотворчество отнюдь не стало “внутрипартийным” делом. Напротив, “Единая Россия” как трудолюбивая пчела запасает в свой улей все лучшее из партийного “разнотравья” слева и справа от себя. У КПРФ берет взятку социальной политики, у ЛДПР – наработки по региональному устройству и попечительству “бедным”... А вот “пещерный” национализм рогозинской “Родины” для “единороссов” – что деготь.

Зато переимчивых “медведей” с лихвой превзошел их идейный предводитель Владимир Путин. На предвыборном съезде-шоу, организованном на американский манер, был явлен граду и миру фейерверк в поддержку питерских дуумвиров, с продолжительными аплодисментами, переходящими в овацию, вставанием и скандированием утвержденных “патриотичных” лозунгов. И надо же, именно здесь, в атмосфере любви и чинопочитания, окруженный восхищенными соратниками, премьер взял и, вдруг, обрушился с такими гневными обличениями грабительской приватизации 90-х, смертных грехов эпохи ельцинизма, что у меня дух захватывало от всего этого фарисейства. Впору было заподозрить: а не списали ли его ушлые спичрайтеры все эти анафемы из передовицы “Советской России” и публицистических статей авторов “Нашего современника”? Авось простодыра-избиратель клонует. Пойдет еще разок на возгласы “отца нации” о поправной справедливости. Эти сценические эффекты живо мне напомнили, как персонаж “Одесских рассказов” Бабеля молвил, явно разочарованный: “Это товар для Кременчуга...”, то бишь неважнецкий. Неужели Владимир Путин и впрямь уверовал, что на его век простаков не будет? Как если бы никто из паствы ни сном, ни духом не ведает, что кормчий, левым галсом, забирает все круче вправо!

... Обставленные КПРФ и “Яблоко” дошли со своей челобитной до Верховного суда, оспаривая итоги выборов. Предъявлены улики масштабных фальсификаций. Но все это, чего уж там без толку гоношиться на перроне, пустая суета пассажиров, опоздавших на поезд, который уже мчит в ночи в “сиреневую даль”. Судебные иски оппозиционных партий лишь понапрасну конфузят людей в мантиях, вердикт которых известен публике наперед.

В самом деле, судебские тяжбы вокруг бесчисленных и наглых фальсификаций на минувших выборах продлятся долго, но принесут оппозиции лишь моральное удовлетворение. А с “медведей” как с гуся вода! Но что-то мне подсказывает, что на этот раз Центризбирком и его нарочито невозмутимый глава могут угодить в козлы отпущения, но только после президентских выборов.

“Медведи” – самый, казалось бы, успешный политический проект последнего десятилетия. По сходству с экономикой произошел поворот от олигополии “правых партий”, т.е. складчины нескольких, к думской монополии единственной. А что, под венец, случается со всякой монополией, известно нам не понаслышке...

Ни убавить, ни прибавить – ничто не изменилось в наших политических нравах за минувшее десятилетие. Вердикт судебных и по предстоящему иску КПРФ о фальсификации выборов 2011 года всем известен наперед. Его предвосхитил, выступая в Праге, “законник” Дмитрий Медведев. Выборы в целом прошли, как и следовало, считает он, а если кто и сомневается, пусть стучится в судебские инстанции с иском. Имеет право. Умыл, что называется руки... А скажите на милость, не его ли тезка, случаем, возглавлял список “медведей” на выборах?

“Наилучшего мнения как о политической партии мы были сами о себе”. Так Ярослав Гашек живописал оптимизм придуманной им **“партии умеренного прогресса в рамках законности”**. Штаб-квартира этой бесподобной партии обреталась в Краловских Виноградах, в пивной “Коровник”. Горделивый дух виртуальной, как бы сейчас сказали, партии воистину воскрес и прочно материализовался в Охотном ряду. Благонамеренность или, по Гашеку, “стремление к полнейшему благосостоянию... под охранительной сенью закона” – в самую точку про “единороссов”. Если набраться терпения и прочитать насквозь первоначальные Программу, Манифест и другие концептуальные бумаги “Единой России”, то ничего, кроме благонамеренности, там невозможно обнаружить. Нрав у “ЕдРо” смиренный и, можно сказать, премудрый. Все гладко, округло и двусмысленно. С такой партии взятки гладки. Не в пример “Яблоку” или КПРФ, которые предъявляют настырный и конкретный денежный реестр требований к власти, бюджету, предпринимательству.

В политехнологических ноу-хау “Единой России” много чего диковинного. К примеру, в самый разгар предвыборной страды, когда предводители “медведей” чуть не передрались, выясняя, кто из них самый “главный”, нашелся необычный способ унять начавшуюся свару. Партию возглавил... беспартийный! Министру МВД как госчиновнику закон не позволял состоять в партиях. Возникшую завакву “медведи” разрешили игнорировать. Дескать, это иное, моральное “лидерство”, прочитав нужную им “тонкость” в законе между строк.

Между строк много еще что читается. Старое поверье гласит: встретил трубочиста – жди удачи. Напротив, “Едро” еще тот “трубочист”! Иметь к нему прямую причастность гнушаются теперь путинские присные. И кто же это манкирует? Министры и даже иные “строптивые” губернаторы. В последние месяцы перед выборами многие из них старались особенно не светиться в рядах “медведей”, даром, что “партия власти”, и без нее карьеры не сделаешь.

Не скрою, меня нисколько не удивило, что Путин с Медведевым стали публично с холодком отзываться о “Единой России”, будто это какая-то бесприданница... Чудно и представить, но вожди ее по-прежнему не имеют за душой партбилетов. Хватит, дескать, и того, что они своими дутыми рейтингами с “медведями” делятся. Это политическое “подавание” невольно наводит на размышление. А тут еще с началом новой выборной компании **дуумвиры** принялись вслух вышучивать, чуть ли не насмехаться над беспотковостью и “слоновостью” этой, с позволения сказать, партии. Слово соломою для себя заранее стелили... Правда, вперемежку с вознесением ее заслуг перед страной.

“Медведи” долго и сами не могли взять в толк – слева или справа от политического центра расположился их стан. В конце концов, порешили, что они природные “консерваторы”, но с розовым филантропическим уклоном.

Юрий Лужков, почетный сопредседатель партии, но не входящий в круг ее идеологов, на собрании московских “медведей” не сдержался: “Мы говорим о выбранных направлениях развития. А есть они? Я их не вижу”. И это, дескать, делает перспективу партии смутной. То, что по неведению московский градоначальник посчитал слабиной, на самом деле осознанно унаследовано от гашековской “партии умеренного прогресса в рамках законности”. В пражском “Манифесте” о принципах этой бесподобной партии у Гашека дословно сказано: “...**поскольку все законы у нас со временем претерпевают изменения, иными словами, идут рука об руку с умеренным прогрессом, мы вписали сей умеренный прогресс в свою программу**”. Вот и “медведи” стараются “рука об руку” с ультралиберальным правительством принимать законы, которые раз за разом бьют по карману избирателей. В уставе “медведей” этот принцип, вполне в духе “умеренного прогресса”, изложен весьма округло: “обеспечить в соответствии с государственной политикой никак не меньшее соответствие решений принимаемых органами государственной власти Российской Федерации и субъектов РФ интересам большинства населения...” Угадываете суконный слог матерых аппаратчиков? Даже я, бывший аппаратчик, ничего не понял из того, что прочитал. Но, “обеспечивая соответствие”, наши “медведи”, оказывается, слегка **недоглядели** за правительством Фрадкова.

На своем последнем съезде “медведи”, словно проснувшись от спячки, обрушились на правительство, которое сподобилось установить возмутительный, нищенский размер минимальной зарплаты (МРОТ) в 600 с лишним целковых. Стыд-то какой! В Америке вон минимальная часовая оплата, по закону, 5,5 доллара. А кто протасил бесподобный закон о МРОТе через думское горнило? “Медведи” и протасили, глазом не моргнув. А теперь они, устами вице-спикерши Слиски, грозятся чинам правительства “оргвыводами” и даже, боже праведный, отлучением от “Единой России”. Эта лисья повадка “медведей” уже явно проявилась. На ура принимают антисоциальные законы, наперекор интересам большинства избирателей, а когда в обществе раздаются протесты, “медведи” вдруг пылко вскипают и начинают обличать в жестокосердии власть исполнительную.

В последнее время лукавцы заигрывают с идеей прогрессивного подоходного налога. Путин своим чередом, как всегда, в туманных выражениях, будто незначай, обмолвился о налоге на роскошь. Заступники олигархических состояний в Охотном тотчас вскинулись, словно им в подштанники ежа запустили... Так и сыпали колкостями, исходили сарказмом: дескать, на чужой

каравай рот не разевай! А вот если, подначивали, океанская яхта Абрамовича приписана не к Сочи, а к местечку Блэкпул, что на туманном Альбионе, то, дескать, российские фискалы будут брать судно на бордаж? То-то же, “экспроприаторы”! “Эксперты” на думском подворье тоже не преминули вставить шпильки. Один так и вовсе всех огорошил, что Америка, мол, двести лет шла к высокой, накладной для богачей ставке подоходного налога. Так и видишь отцов-пилигримов, с котомкой, библией и парой гиней за пазухой, которые, высадившись на дикий берег будущей Новой Англии, дали себе зарок двести лет **годить**, не вводить прогрессивный подоходный налог. Зато, нам в утешение, праправнука Абрамовича непременно уж обдерут, как липку.

“Единая Россия” – сущий Ноев ковчег. У “медведей” в ходу ловкий и смелый тезис, что партия объединит граждан всех политических взглядов. В том числе, стало быть, и противоположных? Непостижимо и невозможно? Для “медведей” политология не указ. Оказывается, “либерализм” и “социал-демократия” – “непонятные и труднообъяснимые заимствования”. Ими лучше пренебречь. Между тем, вроде бы в ВПШ многих “единороссов” когда-то учили, что в России социал-демократическую идеологию “заимствовала” РСДРП еще сто лет назад. А Плеханов тогда же неплохо разъяснял суть марксизма любознательным пролетариям Путиловского завода. С тех пор, верно, много воды утекло. Если уж Фукуяма провозгласил “конец истории”, что же нашему наемному труду по старинке рядиться с таким же нашенским капиталом? Ведь в России акции, вершки и корешки, давно поделены.

“Народный капитализм” “единороссовского” толка проповедовал при Романовых умный шеф жандармов Зубатов. Не его ли пример, грешным делом, надоумил идеологов “Единой России”? Никого “единороссы” не обделили своей душевной заботой и вниманием. И наемные работники, и крупный капитал, и даже “мелкий лавочник” должны, дескать, видеть в “медведях” своих единственных заступников. Правда, кое-кто из закоренелых поборников классового подхода никак не может взять в толк хамелеонство партийной платформы.

Когда московский градоначальник, вольнодумец и стихийный кейнсианец, дерзнул выступить в “Российской газете” с возмутительной статьей “Российские особенности мирового кризиса”, в Охотном ряду только диву давались: “Чудит Лужков!” Мало того, что в пух разнес антикризисную программу правительства, составленную по ветхим святам туземного “монетаризма”, да еще и призвал отступить от самого фон Хайека к “Капиталу” Маркса. Хоть святых выноси!

“Быть счастливым – значит вечно находиться в состоянии человека, ловко околпаченного”, – подметил как-то пронизательный Джонатан Свифт. Вот и “медведи” внушили себе, что, обобрав до нитки приданный им административными вожжами, оболщенный мнимыми посулами электорат, они будут как угодно долго удерживать его в счастливом неведении. Благо, что к новым выборам припасли ему знатные гостинцы – платное образование, здравоохранение, даже о поборах за рыбалку с удочкой не забыли. Зато каждая мелкая подачка, смиренно выпрошенная у правительства при очередном голосовании за бюджет, подается как неслыханное благодеяние. Требование же коммунистов национализировать природную ренту вызывает нервные судороги старожилов Охотного ряда.

“Скажите без утайки, в чем состоит наша идеология?” – допытываются они у партайгеноссе из Банного переулка. Ответ для непонятливых: **“на границе искренней общественной поддержки”**. Видимо, за прочие политические партии избиратель голосует из лицемерия и низкого расчета.

Вот, оказывается, у кого спичрайтеры Кремля умыкнули горделивую метафору – “отливать в граните” предназначения президента Медведева. Только сдается мне, что метафора хромает.

На партийном съезде “медведей” царила пафосная атмосфера, но без сарказма все же не обошлось. Прорыв “единороссов” на политическое поле России оказался настолько стремительным, что идеологический эшелон партии поневоле оказался в обозе.

“Медведи” свято верят, что правда всегда за ними, но все же, по признанию председателя Грызлова, видят прореху в идеологии: “...пока нужных слов не найдено”. И это неспроста. Ведь то, что именуется идеологией “Единой России”, идеологией вовсе не является. Это эманация особого аппарат-

ного мышления, не замутненного никакими максимами веберами. Задушевное представление аппаратчика о социальном устройстве общества и повадках электората просты и незамысловаты. Наконец-то они избавились от засилья ученой цензуры “яйцеголовых” при выборных штабах. И обрушился на душу российского избирателя идеологический “самопал”! Вот откуда косноязычие, двусмысленность и наивный “макиавеллизм” “единороссовских” деклараций. Читаем: “Социальная база партии – российский средний слой... Это – 70–75 процентов населения”. Такой ранжир социальной стратификации науке об обществе неизвестен. Зато это, тютелька в тютельку, совпадает с аппетитом “медведей” “охмурить” три четверти избирателей. К совершенному изумлению социологов, “охватить” удалось лишь треть, но и это дало “единороссам” с мандатами “примкнувших” вкуче вожаемые 300 голосов конституционного большинства.

Теперь эту “оглоблю”, которой они орудовали в Охотном, пресекая прения и протесты оппозиции, избиратель у них все-таки отнял!

“Единороссы” вовсе не витают в облаках. С недомолвками, но признают, что подопечный средний слой избирателей–“кредиторов” продолжает сидеть на бобах. Но это вина не их, а правительства, которое, сидя на кубышке с нефтедолларами, скупится на социальные затраты. “Медведи” и прежде проявляли неслыханную, мелочную щедрость по части денежных выплат населению, а теперь и вовсе обещают, под угрозой увольнения, заставить распорядителей казны раскошелиться. Эта медвежья хватка уже не раз их выручала. Стоит, дескать, хорошенько взять под локоток этот алкающий земных благ средний слой, и ему ничего не останется, как еще раз дружно проголосовать за “Единую Россию”. А “медведи” уж поспособствуют обещанному превращению “среднего слоя” в средний класс.

Сугубая незамысловатость хваток и перлов “медведей” и есть свойство “идеологического самопала” аппаратчиков, которые в Банном переулке ведают агитпропом. А наработки их “либерального интеллектуального клуба” по большей части оказывались в корзине. У Джонатана Свифта есть подходящее объяснение этой самонадеянности: **“Мудрость, возвращаясь на поверхность, предпочтительней философии, которая проникает в глубину вещей и возвращается с важным открытием, что ничего путного там нет”**.

Сто миллионов погорельцев либеральных реформ на наших глазах превратятся в зажиточных бургеров. Точь-в-точь как на благословенном Западе.

Наш немногословный министр финансов вдруг выпалил, что через 20 лет средний россиянин станет благоденствовать, как сегодня француз или немец. Правда, своего Эрхарда, который твердой рукой направит российскую экономику в лоно процветания, у “партии власти” пока под рукой нет... Но, с другой стороны, кто такой этот Эрхард, чтобы на него молиться? Столыпину – не чета!

Отдадим должное государственному уму Петра Аркадьевича Столыпина. Но никакой содержательной связи между политической и экономической философией Столыпина и идеологией “Единой России” нет. И все равно с его именем “медведи”, да и не только они, носятся как с писаной торбой!

“Единороссы” “застенчиво” относятся к своему врожденному либерализму. Он у них, плоть от плоти, от отца-основателя Бориса Абрамовича, который, правда, теперь далече. Если взять послужной список “Единства” в Думе, то это типично партия крайне правого толка. Хоть по партийной линии они держат контакты и с республиканцами Буша, и с китайской Компартией. Последнее, наверное, для пущего “центризма”. Ни одна партия в Думе всех созывов не совершила столько благодеяний, но вовсе не для “среднего слоя”, а как раз для крупного олигархического капитала, как “Единая Россия”. Превдвину, что госпожу Слиску это утверждение обидит. Хорошо, а реформы подоходного налога с 13-процентной плоской шкалой, одинаковой для “дворцов и хижин”? Царский подарок! Реформа ЖКХ ударила по карманам 2/3 россиян. Еще одна “медвежья” услуга наемным работникам – Кодекс законов о труде, по которому рабочая сила имеет бросовую цену. Дорогостоящее и акционирование, очертя голову, железных дорог. И согласие “единороссов”, после долгих ломаний и уверток, под “честное слово” премьера Касьянова, законодательно дозволить дешевую распродажу электроэнергетики. Все, чего ни коснись, красноречиво говорит о государственном уме “медведей”. Только вот незадача! А где сейчас Касьянов с его честным словом?

Как — где?! Михаил Касьянов — либерал чистых кровей, в одной компании с Немцовым на баррикадах! Пытается смастерить из подручных средств “оранжевую” революцию в землях темных москвитов.

Если все законодательные “свершения” “медведей” сложить, то итогом станет крупнейшее в российской истории после ваучерной грабительской приватизации перераспределение госсобственности и национального дохода в пользу “верхних десяти тысяч”. “Единороссы”, как ни крути, — заправская олигархическая партия, но выдает себя за “разночинную”, “державную” заступницу сирых и убогих.

Если бы “медведи” даже наизнанку вывернулись, записались в социалисты, все равно поздно! Изменщик “святому” питерскому делу Миронов дорожку им перебежал, налаживая мостки “справедливцев” к Социнтерну. А партии власти их кумовство с республиканской партией США еще припомнят.

Напрасно телевидение не дает прямых репортажей дебатов в Думе. Слушания по реформе РАО ЕЭС, поддержка законопроекта о замене льгот денежной милостыней, “упразднение”, вопреки мнению избирателей, советских праздников (даже на слух дико: “упразднение праздников”) — унылое и гротескное зрелище. Без всяких угрызений, даже здравого понимания отдаленных последствий, “единороссы”, ликуя и предвкушая похвалу Кремля, протащили законы, непредсказуемые для судеб большой экономики, безопасности и даже целостности страны.

... Когда “Единство” было еще на выданье, никто на эту дурнушку не заглядывался. Зато в приданом у нее — роскошь “админресурса” и незатейливая идеология — что белоснежная простынь, без помарок, да еще президентский рейтинг им сильно пособил. Избиратель по-девичьи доверился “харизматикам” во главе списка “медведей” — Атлет, Прораб и Обличитель мафии. Гражданские доблести вскоре были сданы в архив как реквизит героической пьесы. После аппаратной тихой интриги и “дружественного” поглощения “Отечества” и “Регионов России”, в Охотном ряду образовался громоздкий кремлевский департамент. Осанистых и длинноруких глав губерний и республик во главе “медвежьего” воинства одно время заменила эстрадная попса и свадебные генералы. Публика — дура? Но когда рейтинг “медведей” сверзился, спохватились.

Если и есть у “медведей” заветный источник их дискурса, то все, похоже, сходится на том, что это трактат Эммануэля Гольдштейна “Теория и практика олигархического коллективизма” (Дж. Оруэлл. “1984”). В самом деле, есть заветное убеждение, которым “медведи” никогда открыто не поделятся. Однако крепко втемяшилось им в башку: “В мире всегда были три группы людей — Высшие, Средние и Низшие. В разные века они делились на разные подгруппы, их по-разному называли... Но принципиальная структура общества оставалась при этом неизменной. Даже после колоссальных потрясений, казалось бы, неотвратимых перемен эта структура вновь утверждала себя, как гороскоп всегда возвращается в равновесие...” Только надолго ли? Реставрация угрюмого и безжалостного “манчестерского” капитализма в России — предприятие безнадежное. Потому что наспех сшитый туземными “монетаристами” первобытный капитализм — не жилец на продуваемых всеми ветрами евразийских просторах.

... На чем сегодня держатся гонор и утопия “единороссов”? На убеждении, точь-в-точь по Щедрину, хорошо знавшему нравы столоначальников, в “святости своей миссии и бюрократической ее безупречности”.

У меня есть кое-какие догадки на этот счет, но предпочел бы, чтобы читатель по-своему оценил афронт “медведей” на выборах 4 декабря. А в Банном переулке, знай только друг друга подбадривают.

“... Заднескамеечники” в Думе завидуют “цыганскому счастью” “медведей”. Социологический центр Левады не соврал, думаю, насчитав им аж 48 процентов рейтинга, которые они беспечно просадили, когда затейники из правительства подбили их одобрить “монетизацию” льгот малоимущим. Как бы то ни было, “Единая Россия” — самый бездарный и успешный политтехнологический проект на моей памяти. Все схвачено у “медведей” в Охотном ряду. Массмедиа вьются вокруг них и повизгивают, как болонки. Но какая-то незадачливость и простота, что хуже воровства, во нравах этой партии, заставляет даже Кремль призадуматься: надолго ли ее хватит?

“Единая Россия” — как волжский утес, что “диким мохом порос”, и волны бытия, мнилось “медведям”, его лишь обтекают. Они очень удивились, что новая Дума резко полевела и, чего доброго, превратится в “место для дискуссий”. А это им категорически не нравится. “Мы не пашем, не сеем, не строим, мы гордимся общественным строем”, — вспомнились слова незатейливой песенки советского бюрократа из грустной кинокомедии Эльдара Рязанова начала 80-х годов. Времена другие, а образчики те же, до чертиков знакомые. Они знают себе цену и потому до глубины души уязвлены, что обожаемый лидер сделал им ручкой, вознамерившись добиваться нового президентского мандата под флагом Народного фронта, который невесть откуда взялся. Путин даже пригрозил “медведям” выволочкой, если они и дальше будут **вымогать** депутатские мандаты у выдвиненцев Народного фронта. И тем вверх руководство партии в полное смятение.

В пункте 3-м Устава “медведи” оставляют за собой право выдвинуть своего кандидата в президенты. Чего бы не выдвинуть, если избиратели души не чают в “единороссах”? И, по мере дальнейшего возмужания партии, быть может, надобность во всех остальных попросту отпадет. Похожего толка заблуждение Ярослав Гашек описал так: “...социал-демократы росли, пока национальная социальная партия воображала, что растет только она”.

Путин вернул “медведей” с небес на грешную землю. Они до сих пор поверить не могут, что “лидер нации” задумал на переправе поменять лошадей.

Большой переполох в Охотном! “Серые кардиналы” за зубчатой стеной спешно занялись привычной политической алхимией, переформатируя весь думский расклад. Эффектно обставили уход из Госдумы Бориса Грызлова. Впрочем, спикер никогда звезд с неба не хватал. В руководстве “Единой России” избавились от всех самостоятельных, способных на поступок личностей. **Разве оставленные снимут с мели путинский ковчег, у которого нет лоции?**

... Когда “единороссы” тихо себе сидели в Охотном ряду, а не верховодили, как сейчас, избиратель был уж не так на них зол, но титаническая их акция по контролю за выплатой зарплат бюджетникам пошла насмарку, когда из домоуправления принесли квитки со счетами за коммунальные услуги и электричество. Суммы, которые были там напечатаны, таковы, что у облаканных “медведями” пенсионеров в глазах потемнело. Это что же: прежде Чубайс бедокурил, а теперь вы — заступнички взяли за то же самое?

“Медведи” с их мелкими подачками и, под шумок, крупными вычетами из семейных бюджетов, того и гляди, попадут в опалу у избирателя. Что-то не складывается, да жаль — нет близости от Охотного ряда прародителя “медведей” — мастера политических комбинаций. Борис Абрамович обязательно что-нибудь спроворил бы.

... Миф о “Единой России”, которая вся устремлена в светлые дали российского капитализма, когда русский мужик, по Державину, “ел бы хорошие щи и пиво пил”, недолго протянет. Увы, он лишен напрочь “энергии заблуждения”, которая держит уже десятилетие, с грехом пополам, на плаву другие, не столь близкие к началу правые партии в России. “Медведи” — партия разнарядки, бюрократической утопии, для которой случившаяся в 91–93-х годах полная смена социального строя в России — лишь вопрос покроя пиджаков. Ее потуги “дойти до каждого”, подменить социальную политику сердобольностью — непутевое “любительство” в таком заковыристом деле, как политика. “Медведи” унаследовали дух поздней склеротической номенклатуры КПСС да еще незабвенного, но, увы, незадачливого черномырдинского НДР — партии расстриг и политических барышников. Сменилась вывеска, а девиз все тот же знакомый — “хотели как лучше, а...”... “Политтехнолог” из Поднебесной Хань Фэй-Цзы (III век до н. э.) из школы служивых предостерегал: “...те, что хотят управлять живущим в данное время народом методами правителей прошлого, похожи на ожидающих у пня зайцев”.

Вспоминается озорная присказка из моего деревенского детства: “Вот пень, вот колода, вот криничка — холодная водичка!” Настоящим ушатом ледяная вода обрушилась 4 декабря на “зайцев у пня” незадачливой партии власти. Избиратели не то что прокатили, но дали ясно понять — дальше терпеть не будут, и лидер “нации”, почувствовав недоброе, отдалился, сделал ставку на Народный фронт. Но разве “фронтовики” и единороссы — не единокровные братья, чтобы немилосердно отлучать от пирога власти тех, кто все эти годы верой и правдой... Обидно, господа!

И последнее. Лыстецы и пройдохи от политологии прожужжали все уши, возвещая **явление миру в 2012 году** “нового Путина”. Это ожидаемое, **“плановое”** обновление состоявшегося политика лично у меня вызывает удивление. Конечно, я допускаю, что с годами человек, постоянно находящийся в мощном информационном потоке, под воздействием новых знаний может изменить субъективные представления о чем-либо. Не исключаю, что он способен уточнить свои мировоззренческие взгляды, но не более того. Нам, бесспорно, интересно наблюдать за интеллектуальным развитием Владимира Владимировича, здесь есть на самом деле, без дураков, о чем поговорить, сидя у камина с бутылкой хорошего виски. Но как можно ожидать качественных мировоззренческих изменений от зрелого государственного деятеля, который в течение двадцати лет формировался в идейном и правовом хаосе олигархического правления?!

Для людей сведущих не является тайной, что его многие решения на посту главы государства и правительства объективно зависели от воли различных противоборствующих финансовых групп, не имеющих ничего общего с национальными интересами страны и народа. Такова особенность формирования внутренней политики в современной России. **Поэтому скорректировать что-то в ней, не выходя за красные флажки созданной системы, частью которой он является, В. Путин способен, но не более того.**

А посягнуть на всевластие олигархического капитала, разбившего “табор” во всех западных столицах и заручившегося там поддержкой, — **кто же позволит**. Да и себе дороже. Поэтому смешно и наивно ожидать серьезной корректировки курса, а этой надеждой грешат по-прежнему многие. Да он и не считает нужным что-либо менять. От себя отказаться невозможно. Посудите сами, ведь последние семь лет мы только и слышим из его уст, как было плохо при советских вождях и как изменилась жизнь к лучшему под его мудрым руководством. Потому и спешит вновь занять высший пост в государстве. Не скромно, конечно, даже Михаил Сергеевич Горбачев советует брать пример с него, но ведь Владимир Владимирович свято верит в свое мессианское предназначение. Если не он, то кто же еще? Если учесть, что питерцы основательно пропололи политическое поле России, то эта вера не столь уж безосновательна.

Я вновь обращаюсь к тем, кто обманываться рад. Неужели вам до сих пор не ясно, что если мы не сделаем “обрезание” олигархической собственности и не “пристегнем” крупный отечественный капитал к **реальным потребностям развития национальной экономики, не откажемся решительно от усыпляющей волю идеологии “Углеродородного Третьего Рима”, все надежды и уж тем более предвыборные обещания лидера “Единой России” — ровным счетом ничего не стоят.**

ДМИТРИЙ ВОЛОДИХИН

КРИЗИС КАК НАДЕЖДА НА ОЧИЩЕНИЕ

На носу новый раунд кризиса.

Не то, что было в 1998-м. И не то, что началось десять лет спустя, да и длится по сию пору.

Нет, гораздо, гораздо хуже.

И чем быстрее он наступит, чем страшнее он обрушится на мировую экономику, чем больше сложных финансовых и политических механизмов он обрушит, тем лучше.

Автор этих строк очень хорошо осознает, что корень кризиса – не у нас, здесь, а на Западе. Что огромное количество людей ничего не производят, а занимаются, скажем так, оформлением и переоформлением бумажек, быстро переводимых в электронный вид. За это они получают ненормально много бонусов и привилегий – при том, что работают ненормально мало. Они не учат, не печат, не делают мебель, лекарства, машины, приборы, корабли и самолеты, они не растят хлеб, не пишут книги, не сочиняют музыку и не охраняют границы с оружием в руках. Они ничем не торгуют, ничего не перевозят и ничего не исследуют. Они кроют и перекраивают воздушные материи. И хотят по-прежнему сохранять всё, что имели, ничему новому не выучиваясь, ничего сверх прежнего не делая.

Они находятся на службе у нескольких сотен (или уже десятков, Бог весть) финансовых домов, обладающих 50% власти над огромным и могучим Западом.

Остальными 50% владеют семейства профессиональных управленцев, из поколения в поколение передающих по наследству право на получение высоких постов в правительственных структурах. Это своего рода политическая аристократия.

Устойчивые комбинации крупнейших финансовых центров и крупнейших консорциев политаристократии формируют правящие партии, вырабатывают долгосрочные стратегии, делят и переделывают власть, а заодно бюджетные деньги. Хотя в США, Великобритании, Франции и т. п. вроде бы борются за власть разные партии, но в действительности каждая страна располагает только одной реальной партией власти. Ее лидеры могут легко переходить из одной формальной партии в другую, не покидая, в действительности, одной-единственной неформальной партии. Она может устраивать перформансы

ВОЛОДИХИН Дмитрий Михайлович родился в 1969 году в Москве. Окончил исторический факультет МГУ. Доктор исторических наук. Член-корреспондент РАЕН. Автор нескольких монографий по истории и более 400 статей. Лауреат Президентской премии. Живёт в Москве.

в духе “правительственный кризис”, “недоверие избирателей”, “неожиданный независимый кандидат”, однако всё это либо часть игры, либо ошибки низовых менеджеров, чутко улавливаемые и скорейшим образом исправляемые. Как “исправили”, например, клан Кеннеди.

Подавляющее большинство представителей этой финансово-политической элиты в той или иной форме поклоняется сатане, кому-либо помельче (но из его же команды) или пустоте, что, в сущности, то же самое. Разумеется, по мере сил они стараются распространить свои конфессиональные приоритеты на весь мир.

Для безопасного осуществления власти им необходимо держать общество в атомизированном состоянии. Более того, поддерживать постоянный уровень взаимного озлобления, напряженности, социальной расколотости, переходящей время от времени в беспорядки... но никогда не превращающейся в неуправляемую революцию. Когда все воюют против всех – меньшинства против большинства, женщины против мужчин, приезжие против местных, романтики одной идеи против романтиков другой идеи – контроль за муравейником осуществляется без проблем. Создание любого сколько-нибудь сильного и активного большинства, не подверженного внутренним склокам, несет в себе большую угрозу: оно может породить новый центр силы, неподконтрольный финансово-политической элите.

Нет никакого “золотого миллиарда”, есть “платиновый миллион” богатейших людей и наиболее влиятельных управленцев.

Но уже вошедшие в состав “платинового миллиона” группы располагают колоссальными “свитами”. “Домен” каждой такой “силовой группы” простирается не только на политику и финансы. Он захватывает множество различных сфер: землю, дома, производство, администрации разного уровня, полицейские силы, спецслужбы, армию, транспорт, исследовательские центры... Так вот, для того чтобы управлять колоссальным “доменом”, нужны орды менеджеров и директоров. А для того чтобы поддерживать существующий порядок, нужны не меньшие орды менеджеров и директоров – рулить масс-медиа, политехнологическими центрами, партиями и общественными движениями, контролировать действия административного корпуса.

“Свиты” и состоят из “воздушных существ”. То есть тех, кто занимается кройкой воздушных материй.

На протяжении многих десятилетий Запад постепенно практиковал политику “накапливания долга”. “Силовые группы” брали многое, расплачивались не полностью, а “воздушные люди” из их свит строили финансовые замки на песке, не особенно заботясь о том, что объем обязательств, которые в принципе невозможно оплатить ни через год, ни через десять лет, ни через сто, стремительно растет. Он вырос, наконец, до таких размеров, что начался настоящий кризис, коим управлять невозможно.

В кризисных условиях политаристократия, всегда выступавшая в роли “страховочного элемента” для глобальной системы власти, играет роль живого стабилизатора, рассеянного по многим правительствам, администрациям, редакциям, аналитическим центрам и т. п. Для погашения кризиса она предпринимает действия, простая, тупая и подлая суть которых замаскирована целым каскадом замысловатых финансовых терминов.

Итак, суть: бюджетные средства массивно перекачиваются на счета различных кампаний, предприятий, центров, фондов, находящихся под контролем финансовых домов. Создаются все условия для того, чтобы эти деньги отдавать не пришлось никогда. Поскольку бюджет не резиновый, приходится урезать расходы на социальные нужды, сокращать госаппарат и расширять поборы с тех секторов населения, которые не относятся к “свитам”. Таков внутренний источник погашения кризиса.

Внешним источником погашения кризиса являются экономики стран и народов, где не сформировалось собственных, по-настоящему мощных финансовых домов и нет собственной политической аристократии.

Например, России.

Большинство подобного рода стран находится в той или иной зависимости от “платинового миллиона”. Зависимость установлена посредством внешнего управления. Оно может быть более или менее жестким, более или менее эффективным. Оно может основываться на обязательствах по кредитам (чаще всего растраченным ранее и с крайней неэффективностью). Оно может осно-

ываться на прямом вооруженном присутствии (Ирак). Оно может основываться также на зависимости местной военно-политической элиты от внешних сил.

Первое и третье прямо относится к России.

Наша политическая элита в очень значительной степени набрана из людей с сомнительным прошлым, без выраженных административных способностей, не обладающих доверием со стороны собственного народа, не разделяющих его культурных и ценностных приоритетов. Не приходится сомневаться в том, что ядро ее находится под тяжелым компроматом, хранящимся на территории и за пределами России. В виде бонусов важнейшие представители местной элиты получили крупные финансовые и иные активы за рубежом. Кроме того, им гарантирован более или менее высокий статус внутри одной из “свит” — после утраты ключевого положения в России.

Разумеется, весь “демократический процесс” является постановочным действием — как в России, так и на Западе.

У нас жесткая критика злоупотреблений во время выборов, имитация “митингов оппозиции” и революционные угрозы в адрес местной элиты могут быть истолкованы двояко. Во-первых, как один из инструментов внешнего управления. Во-вторых, как неполная управляемость местной элитой из-за рубежа. Первое, разумеется, скверно. Второе внушает определенные надежды: если “силовым группам” приходится концентрировать значительные силы для подобного рода смугогонных информационных мероприятий, значит, они стоят перед необходимостью держать местную элиту под угрозой социального взрыва. А это, в свою очередь, может означать одно из двух: либо в ней все еще присутствует “дух полусамостоятельности” (идея автономии от миропорядка, опирающаяся на память о добротном имперском прошлом); либо Россия находится в полосе передела мира между различными “силовыми группами”, и ее территория стала полигоном “соревновательной модели” при разделе сфер влияния. А соревнование между мировыми “тяжеловесами” открывает путь к использованию их мощи для накопления собственной силы.

В общем, и то, и другое оставляет “щель” для прорыва.

Российская элита поставлена “на хозяйство” с двумя целями. Прежде всего, она обеспечивает интересы тех “силовых групп”, которые возвысили ее. Кроме того, она следит за постоянным воспроизводством механизмов внешнего управления.

Это автоматически обеспечивает ей весьма высокий уровень поддержки извне и, напротив, весьма низкий уровень доверия изнутри, от собственного населения. Следовательно, ей приходится “делиться средствами” с местными силовыми органами, жестко контролировать масс-медиа, а также натравливать одни социальные, этнические, вероисповедные страты населения на другие. Иными словами, удерживать социум в состоянии постоянного напряжения.

Итак, здесь стоит вернуться к тому, о чем говорилось в самом начале: мировой кризис внушает добрую надежду.

Почему?

В нашей стране существует мощный независимый интеллигент. Он способен самостоятельно формулировать для народа высокие идеалы, никак не связанные с тем набором ценностей, которые на Западе объявлены “общечеловеческими”, “мировыми”. И очень хорошо, что Россия сохранила хоть какую-то политическую и весьма значительную интеллектуальную автономию. Очень хорошо, что страна не поглощена полностью каким-либо из глобальных проектов — евроатлантическим или китайским. Иначе говоря, очень хорошо, что у нас еще можно установить *режим разумного изоляционизма*. “Партия ценностей” в рамках Русской цивилизации еще не пришла к полному обесцениванию, она жива. Притом она, по старой памяти, занимает у нас особое место. Русский интеллигент все еще считает своим долгом не только выполнять заказную работу, используя свой ум как инструмент для получения жалования, но и создавать *независимые* концепты для развития общества, культуры. Мировая тенденция для интеллигентства неблагоприятна: “умник” безоговорочно превращается в простого “профи”, “служилого человека”, и его мнения, его принципы становятся делом частным, — они ни на что не влияют и с ними не на что претендовать, кроме удачного совпадения с “заказом”. В России пока еще возможно принципиально иное: сохраняется возможность для консолидированного выступления интеллигентов, которые могут на что-то влиять, не

имея внешнего “ангажемента”. А влиять означает утверждать “ценности” в пик господствующей “данности”. Российская элита как-то нарочито сторонится русского ума... Но подобное положение вещей может измениться.

К тому же Россия сохранила остатки приличной образовательной системы, кое-что от старого промышленно-технического потенциала, а также довольно большое число людей, способных плодотворно заниматься развитием науки и техники.

В нашей стране существует влиятельная конфессиональная сила – Русская Православная Церковь. Это единственный в России по-настоящему самостоятельный “игрок” на поле мирового развития. Поскольку автор этих строк – православный, прихожанин московского Свято-Пименовского храма в новых Воротниках, для него величие Русской Церкви – предмет любви и надежды. Наша Церковь проповедует истину, с нами Бог, а больше этой силы в мире ничего нет.

Наконец, подавляющее большинство населения в России составляют русские. А они помнят, что именно их трудами создавалось государство Российское. Они сохранили общую культуру, общую блистательную литературу, общее высокое искусство и не утратили общих представлений о своей истории. Большинство русских исповедует православие. Русский народ, притесняемый, третируемый собственным правительством, все-таки сохранил весьма значительную численность. За два десятилетия после развала СССР он выдвинул из своих недр довольно многочисленный предпринимательский класс.

Итак, русские по-прежнему остаются силой. Притом силой, разозленной на мировой порядок, усилиями которого их обобрали и поставили в условия демографического упадка. Такой миропорядок русским не нужен. Тем более, им не нужен статус доильного ресурса для чужих финансовых домов.

Русский народ в союзе с иными дружественными народами, во главе со своим предпринимательским классом, своей Церковью и своим интеллигентом способен обеспечить новый расцвет самостоятельной цивилизации.

У него одна слабость: правительство, управляемое извне, да и в целом элита, не родная собственному народу. Все те, кто не входит в “свиту” российской элиты, а также силовые органы и обслуживающий персонал предприятий, которые дают прибыль далеким финансовым домам, рассматриваются наверху как “демографический излишек”. Иными словами, как нечто ненужное. Более того, еще и опасное – способное устроить неудобные беспорядки, как, например, пенсионеры в эпоху “монетизации льгот”. Или что-нибудь похлеще...

Так вот, кризис дает шанс избавиться от этой слабости.

Хотя бы отчасти.

Скорость его и мощь могут в какой-то момент дестабилизировать механизмы внешнего управления. Условно говоря, у “силовых групп” Запада появится столько проблем, что им будет просто не до России. Когда барину в дальних краях предстоит дуэль, а вслед за нею отправка в тюрьму за крамолу и мятеж, он в последнюю очередь думает, как бы ему управлять дела с крепостными в отдаленных деревеньках.

Конечно, барина будут интересовать денежки крепостных, но у него появятся проблемы с управляющим, посаженным над крестьянами, – на присмотр. Управляющий (российская политическая элита) смекнет, если не полный дурак: обещал ему барин место в столице и деньжонок за верную службу, но теперь ничего не даст – сил на то у него больше нет. А что посылает по оборочные деньги, так то еще подумать надо: давать или не давать. Именьице заложено-перезаложено, закладные отдадут по малой цене, авось-либо надо их приобрести, пока барин от своих неприязненных дел не очнулся. А тогда он, быть может, отправит в именье лихих людей, костоломов и душегубов – понаказать за самоуправство, но их, однако, можно и на вилы посадить, коли договориться с мужиками... Заживем и без Санкт-Вашингтона. У кого зелья – тот и царь!

Ну, а если управляющий как есть полный дурак и в душе прирожденный холоп, то он, конечно, будет до конца драть с мужиков три шкуры, куда его самого не посадят на вилы за жесточь и воровство. Тут уж игра-то свирепая: как знать, успеет ли его выручить барин с тамошней полицией и лихими людьми-наймитами при кистеньках, когда тут, в тыще верст от столицы, полыхнет красный петух...

Что ж, теперь стоит обсудить, как и о чем предстоит договариваться с управляющим.

Прежде всего, попытка убрать его силой “снизу” приводит к гражданской войне и интервенции. И то, и другое обескровливает и обессиливает страну. Та русская православная мощь, что еще способна оживить новую цивилизацию, просто сгинет в новой топке, подобно сухоньким дровишкам – без пользы и толку. Уйдет в дым. Попытка отколоть свой “свободный русский кусочек” от России приведет к новому закабалению. Посадят маленькому слабому “кусочку” на выю еще горшую администрацию, а у него и сил нет сопротивляться: он же не Россия, он всего лишь шматок России, “русская Эстония” или “русская Словакия” – областишка, две, три. Куда ему в хорошую-то драку. Сгубят моментом.

Значит, с управляющим надо вести переговоры, выставляя адекватные условия.

А чтобы это стало возможным, насущно необходимы три компонента.

Во-первых, *наличие крупной общественной организации, объединяющей многие тысячи русских православных людей, но не религиозной и не культурной по целям деятельности, а сугубо политической.* Иначе говоря, требуется влиятельный политический субъект, не ангажированный извне и способный договариваться с политической элитой России на адекватных условиях. Никто из радикалов на эту роль не подойдет, поскольку у радикальных организаций всегда будет соблазн вместо переговоров затеять смуту, совершить очередную “революцию” и т. д. Годятся “политические почвенники”, нечто наподобие “Народного собора”. В перспективе активистами этой организации – посредника между народом и властью – должно пополниться правительство.

Во-вторых... как это ни странно, управляющий у России не целый, а “составной”. Это, скорее, группа управляющих, поставленных разными финансовыми домами. Надо найти в ней сектор, состоящий из персон, наименее связанных с аппаратом внешнего управления и наиболее склонных к сотрудничеству с русским народом и Русской Церковью.

Не существует никакого “мирового правительства”. “Силловые группы”, то есть финансовые дома и кланы политической аристократии, расколоты и пребывают в борьбе друг с другом за власть, доходы и влияние на дела. Там есть свои “эльфы”, “тролли”, “гномы”, “гоблины” и даже “люди”. В лучшем случае у них там имеется подобие координационного совета, где сильнейшие люди Запада могут как-то договариваться друг с другом по спорным вопросам. В остальном положение “силовых групп” напоминает жестокое соперничество “боярских партий” за ключевые посты в Боярской думе, войсках и городах при малолетстве Ивана Грозного. Люди не жалели друг друга, убивали, отправляли в ссылку, сажали в тюрьму... одним словом, не могли договориться между собой о мирном “разделе пирога”. Ныне Россия – коллективная вотчина сразу нескольких “силовых групп”. И они контролируют правящий слой через своих людей, принадлежащих разным “свитам” или купленным разными “свитами”.

А значит, *можно отыскать “слабое звено” – группу (или группы) управленцев, относящихся к слабейшим “свитам”.* Иными словами, тех, кто работает фигурами влияния на самых “бедных” условиях ангажемента. Слуг “людей” среди слуг “гоблинов”, “эльфов”, “троллей” и т. п.

В-третьих, переговоры имеют смысл только в одном случае: если для нас, для России кризис не перейдет в стадию гражданской войны, раскола или установления контроля извне путем введения в наши города “миротворческого контингента”.

Этому в любом случае должна предшествовать большая смута. А значит, смуту любой ценой следует тормозить.

Проще говоря, *всё то, что гордо устремляется к революции, вызывает вполне понятные сомнения.* Наша страна столь многое потеряла в “очистительном” пламени предыдущей гражданской, столь многие не пережили ее, что мечтать о новой смуте – величайшая глупость. Лягут в землю новые миллионы, если только не десятки миллионов русских, держава распадется на мелкие фрагменты, страна утратит контроль за собственными недрами, потеряет последние остатки научно-технической базы, вернется в средневековье по уровню жилищно-коммунальной инфраструктуры, а народ рухнет в бездну по жизненному уровню. Этого нельзя допустить ни при каких обстоятельствах. Хуже новой революции и новой гражданской войны для России нет ничего. И лучше способа утратить последний шанс на возрождение тоже не существует.

От управляющего требуется соблюдение очень простой и очень умеренной политической программы.

В сущности, ее можно изложить в двух пунктах.

Во-первых, *защита православия* от любого наступления извне и любых попыток раскола изнутри, постоянная христианская проповедь на территории всей России и за ее пределами, распространение во всех слоях общества христианских идеалов и ценностей. В настоящее время русское православие является основной силой, способной преодолеть движение мира к варваризации, размывание христианской самоидентификации целых регионов, наступление бесчеловечной массовой культуры. Это означает необходимость постоянной масштабной миссионерской деятельности Церкви, получающей поддержку от государства и общественных организаций.

Во-вторых, *защита интересов русского народа*, который определяется по общей культуре, вере, языку, а не по чистоте крови. Все русские православные люди вне зависимости от гражданства, пола, возраста, состоятельности и социальной принадлежности являются членами одной огромной общины. Они обязаны действовать в пользу этой общины, а их правительство (в перспективе – *правительства*, если не забывать о наших ближайших соседях на западном направлении) должны относиться ко всем “общинникам” как к членам своей семьи. Это означает необходимость широкой социальной программы, в частности, увеличения пенсий, зарплат в бюджетной сфере, расширение сектора бесплатных медицинских, образовательных услуг, реального появления дешевого жилья, стимулирования рождаемости и полного отказа от замены местной рабочей силы импортной.

В-третьих, *стремление к автаркизму*. Русская цивилизация – самостоятельный субъект мировой политики. Она ставит задачи, отличные от целей глобализации по американскому, китайскому или европейскому варианту. Поэтому для нее необходим политический, экономический и культурный автаркизм.

А это значит: государственный протекционизм в отношении отечественного предпринимательства, снижение административного прессинга на него и модернизация экономики – прежде всего производящего ее сектора и научно-технологических центров.

Попытки использовать какие бы то ни было ресурсы России для смягчения мирового кризиса – худший способ ведения политики. Нам нужна максимально возможная экономическая автономия от Запада, чтобы тамошний кризис минимально влиял на состояние нашей экономики. Нам невыгодно тесное включение в мировую экономику, которой мы не управляем, на состояние которой даже повлиять сколько-нибудь значительно не можем. Кроме того, Россия должна располагать экономическим резервом, припрятанным от “барина”, – тогда будет на чем продержаться в момент усиления кризиса, когда тому сдается совсем худо.

Если внутри российской политической элиты найдется влиятельная группа, способная поддержать такую программу и побороться за ее реальное осуществление, что ж, она и должна править нашей страной.

В сущности, то, о чем говорилось выше, означает мирный, растянутый на годы, а то и на десятилетия *политический переворот*. Он-то и будет лучшим результатом мирового кризиса для России. Суть его проста: полный отказ от “внешнего управления” страной, а также приход к власти элиты, полностью солидарной со своим народом и Церковью.

Итогом к середине XXI века станет набухание нового “полюса силы”, самостоятельного цивилизационного центра. Человечество не должно стать единой, серой, унифицированной массой. Ему следует остаться разделенным, разнообразным. А в нынешних условиях только собственная суверенная сила позволяет уйти от безжалостной унификации.

За право обладать суверенной силой придется заплатить изрядную цену. Потому что смена элит всегда сопровождается *очищением*. От тех, кто представляет чужие финансовые дома, чужую политаристократию, наконец, просто коррумпирован до мозга костей. Лучше очищение, чем революция.

Что ж, пусть придет очищение.

Пусть кризис бросит нас в очищение.

Здоровое – выживет.

КСЕНИЯ МЯЛО

ВСЕГО 20 ЛЕТ — УЖЕ 20 ЛЕТ

На западном рубеже

Новый и на сей раз прямо противоположный тому, о котором говорит Б. Льюис применительно к эпохе русско-турецких войн конца XVIII столетия, “решительный перелом” на западе исторической России фактически, с разницей всего лишь в пару лет, совпал с утратой всех позиций, созданных нашей страной в Восточной Европе после Второй мировой войны. Что, видимо, в немалой мере и объясняет повышенную склонность ряда российских историков и политологов, не говоря уже о публицистах, объяснять и то, и другое одними и теми же причинами — точнее же, одной, словно бы вовсе и не требующей комментариев, причиной: давлением Запада. Причины другого, не внешнего, а внутреннего порядка до сих пор остаются за пределами внимания большинства пишущих на эту тему, так что тезис о невыносимом давлении Запада, будто бы и вынудившем Россию в мгновение ока и на всей протяжённости “дуги” отступить на западном рубеже, стал уже своего рода аксиомой. Между тем при более внимательном и непредвзятом рассмотрении всей картины событий того времени нетрудно заметить грубые, не выдерживающие никакой проверки фактами изъяны подобного суждения по аналогии. Да и о самой аналогии в данном случае можно говорить лишь достаточно условно.

В том, что Запад будет “давить” по вопросу о Восточной Европе, и давить тем сильнее, чем податливее будет вести себя СССР, не было ничего неожиданного: ведь буквально с 1945 года вопрос о “преодолении Ялты и Потсдама”, открыто ставился нашими недавними союзниками по антигитлеровской коалиции. Исключением не был, вопреки довольно широко распространённому у нас заблуждению, и Рузвельт. Так, например, автор фундаментального труда “Циклы американской истории” Артур Шлезингер-младший ещё в середине 80-х годов минувшего века, то есть тогда, когда крушение СССР, во всяком случае, в обозримом будущем, представлялось чем-то фантастическим и немыслимым, писал: “Рузвельт считал, что ни одна администрация не смогла бы удержаться у власти, если бы она не попыталась сделать всё, исключая военные действия, чтобы спасти Восточную Европу. А это был величайший американский политик нашего столетия” (М., Прогресс, 1992, с. 261).

Стоит добавить: и, вероятно, наименее враждебный СССР. Однако и он не мог, да вряд ли и хотел выйти за пределы общих для всех администраций

Окончание. Начало в № 1 за 2012 год.

США целей глобальной американской стратегии, в русле которой находилась сама задача «преодоления Ялты». А потому неудивительно, что, как вспоминает сенатор Вандерберг, по поручению Рузвельта, затем Трумэна занимавшийся разработкой концепции ООН, именно Рузвельт, примерно за месяц до своей кончины, настоятельно подчёркивал: «Наша главная задача в будущем – аннулировать ялтинские соглашения» («Политический журнал», 3 мая 2005 г.). Направляющая ось поведения Запада в вопросе о Восточной Европе, его стратегическая цель, таким образом, были выработаны тотчас же по окончании Второй мировой войны; тогда же начались тщательные и многосторонние разработки тактики и технологий её реализации, т. е. соответствующего интересам Запада разрешения вопроса о *наследии Ялты и Потсдама*.

Разумеется, сами эти технологии, в особенности в том, что касалось информационно–психологической войны, могли также использоваться – и использовались – для раскачивания ситуации в республиках СССР. Однако вплоть до прихода к власти Горбачёва цель разрушения Советского Союза не ставилась в плане практической политики – по крайней мере, в обозримой перспективе. И даже с его приходом в 1985 году вовсе не была сразу и открыто обозначена как таковая. Все прекрасно понимали, что одно дело отдавать дань привычной риторике обличений «русского империализма» и даже решаться на такие шаги, как принятие в 1959 году Конгрессом США Закона о порабождённых народах (№ 86–90), к числу которых были отнесены все (за исключением русского) народы Восточной Европы и СССР. Но совсем другое – реально поставить под вопрос суверенитет и территориальную целостность ядерной сверхдержавы. И даже такой «ястреб», как З. Бжезинский, отнюдь не самый неосведомленный человек в закулисных тайнах холодной войны, в своём увидевшем свет как раз в 1985 году «Плане игры» (М., «Маргинес», 1989) предостерегал Запад от попыток в новых, стремительно меняющихся условиях фундаментально изменить сложившееся положение, подчёркивая: «... В непосредственной связи с отказом от наследия Ялты Запад должен подтвердить свою приверженность Заключительному Акту Хельсинкской Конференции. Это принципиальная необходимость... Отказ от исторического наследия Ялты должен содержать подтверждение обязательства Запада сохранить мирные отношения с Востоком, поддерживая существующий территориальный баланс и единую в международном масштабе интерпретацию обязательных понятий свободы и прав человека» (цит. соч., с. 48).

Конечно, из истории хорошо помнилось и то, что «Москва добровольно ничего не отдаёт» (Бжезинский), и потому естественнее всего было предположить, из чего и исходил в ту пору, т. е. в начале перестройки, автор «Плана игры», наступление в Европе, после «преодоления Ялты», длительного периода нового баланса отношений между Западом и СССР. Несомненным представлялось также, что это новое сосуществование с СССР будет по-прежнему строиться вокруг проблемы предотвращения ядерной катастрофы и «ещё долго (курсив мой. – К. М.) балансировать на грани войны. Это Запад, – писал тогда один из главных идеологов холодной войны, – за счёт своих действий или их отсутствия, окончательно решит вопрос о том, превратится ли сосуществование со временем в более гармоничные отношения, чем сейчас, или закончится всемирной анархией» (там же, с. 22).

Произошло, однако, нечто третье – стремительная и никак не могущая быть объяснённой исключительно лишь давлением Запада самоликвидация страны. Факты истории этого времени неопровержимо свидетельствуют: в том, что касается территории собственно Советского Союза, Запад если и давил, то лишь по вопросу о республиках Прибалтики. Действительно, в ходе холодной войны вопрос об этих республиках ставился очень жёстко, притом в общей связи с проблемой Восточной Европы (свидетельством чему является, в частности, директива Совета национальной безопасности от 14 сентября 1949 года). Однако довольно скоро стало ясно, что осуществить амбициозные планы невозможно без превращения холодной войны в горячую. Решиться на это США не могли, даже ещё обладая ядерной монополией, за что их осыпали упрёками лидеры литовского подполья в своём обращении к папе Пию XII в середине того же 1949 года. А появление ядерного оружия у СССР вообще сняло такую возможность, хотя информационная и пропагандистская война на этом направлении продолжалась. Как, в той или иной форме, велась и деятельность по подготовке «пятой колонны» в прибалтийских республиках. (См.,

в частности: Емельянов Ю. Большая игра. Ставки сепаратистов и судьбы народов. М., “Молодая гвардия”. 1990. С. 227–228.)

Однако, подписав Заключительный Акт совещания в Хельсинки, Запад, по сути дела, закрыл и этот вопрос, признав прибалтийские республики интегральной, не подлежащей отторжению частью СССР. И проявил Горбачёв на Мальте минимум необходимой твёрдости и укажи он именно на “Хельсинки”, даже и в этом, самом сложном советском регионе события могли бы развиваться существенно иначе. Но на Мальте первый и последний президент СССР, не сумев или не захотев пресечь грубое вмешательство другой сверхдержавы во внутренние дела руководимой им страны, пообещал всего лишь неприменение силы – большего от него на том этапе ещё не потребовали. Что же до остальных союзных республик, то по отношению к ним вопрос в плоскости реальной политики вообще никогда не ставился так, как по отношению к Прибалтике. Что и подтвердила речь Дж. Буша-старшего, произнесённая им в августе 1991 года при посещении Киева. “Свобода и независимость, – заявил он тогда с явным намерением остудить горячие головы и внутри самого СССР, и за его пределами, – не одно и то же. Американцы не поддержат тех, кто стремится к независимости, чтобы заменить уходящую тиранию местным деспотизмом. Они не будут помогать тем, кто распространяет самоубийственный национализм, основанный на этнической ненависти”. (Цит по: З. Бжезинский. Ещё один шанс. Москва, МО, 2010, стр. 53.)

Внутрисоветский адресат этих слов был очевиден: быстро множащиеся в республиках грубые и отнюдь не чужающиеся насилия этнократические движения, кое-где уже взявшие в свои руки бразды правления. Скорее всего, был и собственный, внутриамериканский адресат: крайние силы в самих США, не преминувшие с ожесточением наброситься на речь президента как на “позорную уступку русским”. Советское руководство могло делать из этой речи Буша свои выводы – могло, но, на первый взгляд, не сделало, хотя само по себе то, что речь эта прозвучала в августе 1991 года, говорит о колебаниях Запада перед лицом теперь уже вполне вероятного распада СССР. Впрочем, сказать, что не сделало, можно, лишь подразумевая шаги, которых естественно было бы ожидать от государства, готового защищать неприкосновенность своего суверенитета и своих границ. Однако сегодня уже хорошо известно, в том числе и из собственных признаний тех, от кого в первую очередь зависело принятие соответствующих решений, что это отнюдь не было их первостепенной заботой. И потому определённые шаги советское руководство именно сделало, притом такие, которые спустя всего лишь несколько месяцев после августовской речи Буша побудили его самого круто изменить свою позицию.

Буквально в преддверии сыгравшего столь большую роль в окончательной судьбе Союза референдума 1 декабря 1991 года по вопросу о независимости Украины он выступил с беспрецедентным заявлением о том, что США могут рассмотреть вопрос о признании этой независимости, коль скоро таким окажется волеизъявление народа. Вряд ли можно сомневаться в том, что радикально новая позиция Вашингтона оказала своё влияние на итоги референдума. При этом нельзя было не заметить, что, в отличие от того, как ставился вопрос о Прибалтике на Мальте ещё год назад, резкое изменение позиции Буша в отношении Украины произошло без всяких предварительных обсуждений и согласований с советской стороной. А это заставляет думать, что противоположная сторона, оценив обстановку, сделала вывод: путь открыт, и теперь можно решиться ступить на недавно ещё казавшуюся абсолютно запретной территорию. Это значит, что в краткий промежуток времени между двумя выступлениями Буша произошло некое, исключительное по своему прецедентному значению, событие, которое и позволило сделать подобный вывод.

Таким событием, на мой взгляд, стало признание Москвой в *сентябре 1991 года*, т. е. ещё при живом, хотя и тяжёлобольном СССР, независимости трёх прибалтийских республик, административные границы которых тотчас же приобрели статус межгосударственных. Признанию этому не предшествовала никакая предварительная работа по обсуждению и согласованию спорных проблем, которых, однако, существовало множество – от территориальных до вопросов о правах человека. Все они оказались мгновенно если не полностью закрытыми, то, во всяком случае, не создающими препятствий к признанию. Что, естественно, не могло не вдохновить сепаратистские движения в других республиках. Ведь если всё могло произойти так легко и просто, с нарушени-

ем не только Конституции СССР, но и Устава ООН, и Хельсинкского Акта, то странно было бы всем остальным не воспользоваться этим для достижения желанной цели. Конечно, не мог такой шаг советского руководства не повлиять и на позицию Запада, вдруг обнаружившего, что Москва конца того самого столетия, в котором она и стала столицей сверхдержавы, теперь действительно готова многое отдать “добровольно”. А потому реакция последовала с той же неизбежностью, с какой жидкость из полного сосуда заполняет смежный с ней пустой. Москва обнаружила дефицит воли (если ограничиться только этой констатацией) — что ж, оставляемый ею вакуум, не мешкая, стала заполнять другая сверхдержава, изначально не страдавшая отсутствием имперской воли к экспансии. Именно это подчёркивает Дж. Шлезингер, когда пишет: “Соединённые Штаты — экспансионистская страна. За два столетия после принятия Конституции национальная территория США увеличилась более чем в четыре раза” (цит. соч., с. 187). И это — *врождённое* стремление, легшее в основание всей внешнеполитической доктрины Соединённых Штатов. Шлезингер напоминает: “К 1783 году Вашингтон уже назвал новорождённую республику “поднимающейся империей”, а Мэдисон говорил о “расширяющейся в своих пределах республике” как о “единой, великой, уважаемой и процветающей империи” (там же, с. 188). Периоды изоляционизма, обусловленные скорее недостатком технических средств для осуществления глобальных замыслов, нежели отсутствием последних, никого не должны вводить в заблуждение. И уже в конце XIX века госсекретарь США Джон Хэй прямо указал на лежащую в основе американской внешней политики “догматическую веру в то, что от настойчивой и постоянно усиливающейся экспансии за рубеж зависит *внутреннее* благополучие Америки” (там же).

Как видим, доктрина *Rex Americana*, “звёздный час” для которой наступил в конце истекшего столетия, не была искусственно создана методом гидропоники, но выросла на давно и усердно возделываемой почве заокеанской сверхдержавы. Иное дело — полнота её претворения в жизнь, зависящая от конкретных исторических условий, а также, не в последнюю очередь, силы встречаемого сопротивления. А эту силу историческая Россия продемонстрировала столько раз, что невозможно отрицать: именно те, кто руководил СССР после 1985 года, открыли путь вначале осторожному, а затем всё более уверенному вхождению интегрированного Запада во главе с Соединёнными Штатами в недавно ещё недоступное для него пространство. Вся хроника событий, при панорамном её обзоре, подтверждает это. Как подтверждает и то, что именно руководство Российской Федерации, провозгласившей себя правопреемницей СССР, в главном продолжило и даже усугубило стратегию “отступления до боя”. С учётом этого линия поведения Запада в отношении России была скорректирована очень быстро, и уже осенью 1991 года “Форин афферс” опубликовал статью З. Бжезинского, ещё шесть лет назад призывавшего Запад к сдержанности и осторожности в отношении СССР даже и после “преодоления Ялты”. Теперь акценты расставлялись им иначе.

Отметив “функциональную эквивалентность” капитуляции Германии в Компьене в 1918 году, Японии на борту линкора “Миссури” в 1945 году и СССР в холодной войне в истекающем 1991-м, он указал на необходимость “активной западной поддержки балтийско-черноморской зоны”, в целях утверждения западного же влияния на неё. Инструменты утверждения такого влияния, не конкретизируя продолжил Бжезинский, будут выбираться в зависимости от реальной ситуации. Однако было совершенно ясно, о чём идёт речь, и о том, каков именно окажется этот выбор, тогда без обиняков заявил бывший генсек НАТО Манфред Вёрнер, указавший на особое значение Альянса. А также — на необходимость его трансформации для того, чтобы он мог распространить своё влияние не только на страны бывшей Восточной Европы, но и на бывшие советские республики. Ничего неожиданного во всех этих заявлениях не было, что и позволило мне ещё в самом начале “нулевых” сделать вскоре оправдавшийся прогноз: “Неотвратимо приближается час вступления в Альянс бывших прибалтийских республик, что радикально ухудшит геостратегическую ситуацию на северо-западном рубеже нынешней РФ” (“Россия и последние войны XX века”. М. “Вече”, 2002, с. 154).

Я позволила себе это самоцитирование лишь для того, чтобы подчеркнуть: сделать такой прогноз было вовсе нетрудно, и логику развития событий не могли не видеть в руководстве РФ. А если оно не только не предпринима-

ло ничего, чтобы предотвратить их, но, именно для такого их хода создавало максимально благоприятствующую ситуацию, то это лишь подтверждает гипотезу если не о преднамеренной, то о пассивной и безвольной сдаче им исторических позиций России на Балто-Черноморской дуге. Как и то, что именно правопреемница СССР, Российская Федерация, зажгла зелёный свет продвижению НАТО на восток – всего лишь полтора года спустя после крушения Советского Союза, когда в августе 1993 года, в ходе официального визита президента Б. Ельцина в Варшаву, польский президент Лех Валенса заявил о желании Польши стать членом Альянса. Конечно, Валенса осторожно зондировал почву: ведь, будучи суверенным государством, Польша, казалось бы, имела полное право самостоятельно решать вопрос, не прибегая к предварительным согласованиям с Москвой. Однако советские войска ещё находились на её территории, равно как и в Восточной Германии, а потому разумным представлялось заранее проверить реакцию России. А она превзошла все, даже самые смелые ожидания: президент Ельцин публично заявил, что не считает такую перспективу противоречащей интересам России.

Месяц спустя советские войска покинули Польшу, однако и после этого американская администрация не торопила события, сосредоточившись на “широкой подготовке” к продвижению НАТО на Восток. “Не без лукавства, – отмечает Бжезинский, – именовавшейся “Партнёрством ради мира”, достоинство которого состояло в том, что оно делало расширение более вероятным, откладывая в то же время решение о его начале” (там же, с. 92). От России, стало быть, зависело – отвергнуть подобное “лукавое партнёрство” либо, прикинувшись, будто она на замечает не слишком-то и замаскированной дальнейшей цели, принять его. Что она и сделала в мае 1997 года, подписав Основопологающий акт о взаимодействии между Россией и НАТО. И это – несмотря на то, что в конце 1996 года Билл Клинтон открыто заявил о намерении Соединённых Штатов расширять НАТО – разумеется, на Восток. Против чего, как следует из подписания Основопологающего акта, Россия, стало быть, не возражала. Однако из хроники событий хорошо видно, что американская сторона возражений и не ожидала и что, делая своё программное заявление, Клинтон, конечно же, “сверял часы” с позицией России. А последняя уже к концу 1995 года, формально осудив действия НАТО в Боснии, тем не менее, именно здесь, на территории подвергшейся прямой агрессии Югославии, сделала чрезвычайно важный шаг к “двусмысленному”, по выражению Бжезинского, установлению партнёрских связей с Альянсом. Так что Клинтон мог с полным основанием полагать, что резкой реакции со стороны РФ на его заявление не последует; её и не последовало, а подписание, в таком контексте, Основопологающего акта о сотрудничестве с НАТО, несомненно, воспринималось как знак согласия с заявленной американским президентом стратегией.

Выводы были сделаны оперативно, и в июле того же 1997 года, то есть *только после подписания Основопологающего акта*, Польша, Чехия и Венгрия получили официальные приглашения вступить в НАТО. Вслед за чем аналогичные приглашения вскоре были направлены Румынии, Болгарии и бывшим прибалтийским республикам СССР – такова объективная последовательность событий. Что до ставшего притчей во языцех Киева, особо излюбленной мишени официозных, и не только, обличений *пронатовских* склонностей партнёров России по СНГ, то стоит и здесь напомнить реальный ход определяющих событий. А он таков: *только 4 ноября 1998 года* президент Украины Л. Кучма подписал, в развитие Хартии об особом партнёрстве Украины и НАТО (Мадрид 1997), Указ “О государственной программе сотрудничества Украины с Организацией Североатлантического договора (НАТО) на период до 2001 года”. То есть – почти *полтора года спустя* после того, как решающий шаг, во многом определивший развитие событий, по крайней мере, на ближайшее десятилетие, был сделан именно Москвой. Киев же лишь последовал за ней. Позже тезис о необходимости расширения НАТО и ЕС как “ключевых международных структур безопасности в Европе” получит развёрнутое выражение в официальных посланиях президента Украины к Верховной Раде. При этом движение Украины к НАТО экспертами Национального института стратегических исследований тщательно сопоставляется с наращиванием сотрудничества самой России с Альянсом, которому даются весьма комплиментарные оценки (“Україна на шляху до НАТО. Через радикальні реформи до набуття членства”. Київ, Стіло, 2004).

Не забыто ни предоставление Москвой, после сентября 2001 года, воздушного коридора для американских самолётов, направляющихся в Афганистан, ни её заслуги в обеспечении поддержки американцам со стороны бывших советских республик Средней Азии, ни обошедшаяся в десятки миллионов долларов российская военно-техническая помощь “Северному альянсу”. Не забыто и создание действующего на постоянной основе Совета “Россия-НАТО”, ни открытие в Москве в том же 2001 году информационного центра НАТО. Особой же похвалы удостоилась сдержанность, проявленная РФ по вопросу о вступлении в НАТО бывших прибалтийских республик СССР, рубежное и, как надеялись, прецедентное значение которого в Киеве вполне понимали. В самом деле, как и в случае выхода их из Союза, вопрос решился на удивление легко и просто. И даже не без поощряющих жестов со стороны Москвы, где набирающий ход процесс подготовки стран Балтии к вступлению в Альянс отнюдь не был тайной. Так, в июле 1999 года литовский министр охраны края Чеславас Станкявичюс в интервью “Независимой газете” сообщил, что “Литва присоединится к НАТО в 2002 году”. Год спустя, выступая в Государственной Думе, первый заместитель министра иностранных дел РФ А. Авдеев признал, что Литва дальше всех из трёх бывших прибалтийских республик продвинулась на этом пути. А потому только как стремление создать атмосферу наибольшего благоприятствования можно расценить сделанные как раз в то же время шаги России к снятию существующих территориальных вопросов между нею и странами Балтии. Формальных препятствий к их вступлению в Альянс не оставалось, что и произошло в 2004 году на Стамбульском саммите НАТО. Тем самым вопрос о позициях России на северо-западной оконечности Балто-Черноморской дуги можно было считать закрытым.

Оставалось сходным образом закрыть его и на юго-западной её оконечности, предпосылки для чего тоже были созданы самой же Москвой, ещё в 1997 году сделавшей Украине поистине царский подарок. “Что дало Украине достижение компромисса между Россией и НАТО?” – задаются вопросом авторы “На шляху до НАТО...”. И сами же отвечают: “Самое важное – это то, что *при поддержке НАТО* Украине удалось заключить Договор о дружбе, сотрудничестве и партнёрстве между Украиной и Российской Федерацией, в котором Россия на международно-правовом уровне признала территориальную целостность, независимость и нерушимость границ Украины” (“На шляху...”, с. 67. Курсив мой. – К. М.).

Действительно, именно это событие стало важнейшей вехой в судьбе юго-западной оконечности Балто-Черноморской дуги. И то, как именно распорядилась Россия этой судьбой, даёт решающий, окончательный ответ на вопрос, совершилось ли её отступление на западном рубеже под давлением превосходящих сил либо же по слабости её собственной воли – если только не по заведомо добровольному согласию с таким решением. Впрочем, будь то слабоволие или добровольность, это не меняет главного: того, что именно 1997 год можно считать рубежом, за которым в облике Российской Федерации становится всё труднее различить памятные черты той, исторической России, которая некогда так сильно запечатлела своё присутствие на юго-западе ушедшей в небытие империи.

* * *

Конец XVIII столетия, как уже говорилось, ознаменовался для России заключением двух мирных договоров, по итогам которых она “ногою твёрдой” стала теперь уже и при Чёрном море. По первому из них, Кючук-Кайнарджийскому (1774), прекращалась вассальная зависимость Крымского ханства от Турции и отменялись положения Белградского (1739 г.) договора, запрещавшие России держать флот на Чёрном и Азовском морях. Поэтому значение его переоценить невозможно. И сама Декларация от 28 декабря 1783 года, согласно которой Порты признавала вхождение Крыма в состав Российской империи, была его закономерным и неизбежным следствием. Однако береговая линия, полученная Россией по Кючук-Кайнарджийскому договору, даже и после присоединения Крыма всё ещё оставалась ограниченной и прерывистой, и только Ясский мирный договор (20 декабря 1791 / 9 января 1792), заключённый по итогам русско-турецкой войны 1787–1791 гг., коренным образом изме-

нил ситуацию в Северном Причерноморье. Он не только подтвердил действенность Кючук-Кайнарджийского договора 1774 г. и Георгиевского трактата 1783 г. (в чём, стоит заметить, уже тогда нашла выражение тесная связь событий на юго-западной оконечности Балто-Черноморской дуги с тем, что происходило на Кавказе), не только обязал “Блистательную Порту Оттоманскую”, как значится в тексте договора, впредь не допускать нападений на Грузию и Кубанские земли, что уже само по себе было немало. Но главное – по нему к России отходила территория, расположенная между Южным Бугом и Днестром, и, таким образом, вплоть до устья Днестра протягивалась русско-турецкая граница между устьями Днепра и Кубани. Тем самым завершалось строительство нового обширного края, для которого Екатерина II ещё в 1764 году выбрала имя: Новороссия.

Первоначально Новороссийская губерния вместе с Азовской была частью Екатеринославского наместничества; но со второй половины 1790-х гг. она являла собою уже самостоятельное и гораздо более крупное целое, включавшее в себя также Таврическую область и только что обретенные земли между Южным Бугом и Днестром. Выражая, таким образом, на языке административно-территориального деления, общую для всех её частей глубокую историческую, стратегическую и экономическую связь этого региона с Чёрным морем. Как видим, хотя слово *геополитика* ещё не было в таком ходу, как сейчас, Россия уже в ту пору умела мыслить и действовать системно.

Вплоть до своего упразднения Новороссия и впрямь являла собою не механическое и произвольное сложение территорий, но обладала подлинной целостностью, имела свой особый облик, не позволявший вполне отождествить её ни с Малороссией (Украиной), ни с Великороссией (Московской Русью, на которую позже было распространено общее имя Россия). Нет, это была именно Новороссия, где безусловное преобладание восточнославянского населения, православия и общерусской культурной ориентации, в сочетании с пёстрым составом этнических меньшинств и особым, не тождественным “московитскому”, прошлым позволяло ей быть не только стратегическим, но и культурным *предпольем* собственно России, сетью живых, органических связей соединяя её с соседними странами и народами, и прежде всего – с Балканами. Этот свой характер она, несмотря на грубую её ликвидацию и расчленение после 1917 г., в основных чертах сохраняла и на протяжении всего советского периода. А потому распад Союза не мог не ударить по ней гораздо сильнее, нежели по народам Прибалтики или Средней Азии.

И то, как именно происходило выталкивание, а честнее сказать – выбрасывание именно этой части населения исторической России за пределы страны, которую оно продолжало считать своей Родиной, не так уж трудно, в отличие от версии “русско-националистического заговора” против кавказских и среднеазиатских народов, проследить и по хронике событий, и по документам. Являющим яркую картину недюжинного усердия, проявленного Российской Федерацией новой в том, чтобы любой ценой, не считаясь ни с нормами права, ни с огромными геополитическими потерями, отбросить от себя то, что ещё оставалось от Новороссии как носительницы особого духа и особой исторической памяти. Особенно болезненным оказался этот удар на землях, с переходом которых под российскую корону Новороссия как раз и обрела свои законченные очертания.

Здесь, на юго-западе Балто-Черноморской дуги, в отличие от того, что имело место на её северо-западе, в Прибалтике, где немалая, если не большая часть автохтонного населения действительно стремилась к *выходу* из СССР, очень быстро и прямо заявила о себе – по крайней мере, в Крыму и Приднестровье – воля большинства населения именно к *сохранению* своего единства с Россией. Какие бы новые формы оно ни приняло. Москва, стало быть, была избавлена на этих территориях от того тягостного выбора, перед которым она стояла в Прибалтике, и ей лишь оставалось, в полном соответствии с нормами демократии, поддержать и легитимировать эту волю. Однако и в Крыму, и на Днестре она вновь предпочла отступить, в очередной раз пренебрегши и действовавшей до декабря 1991 г. Конституцией СССР, и двухсотлетней цепью международных договоров и соглашений – от Кючук-Кайнарджийского мирного договора до Заключительного Акта совещания в Хельсинки. И с высокой степенью наглядности природа *новой* России как последовательно отступающей страны обнаружила себя в позиции, занятой ею по вопросу о

Крыме и, особенно, Севастополе. Что если и требует комментария, то самого краткого: ведь геополитическое значение полуострова таково, что ещё с древности переход его от одного суверена к другому всегда знаменовал резкое изменение баланса сил между претендующими на первые роли державами. Всегда свидетельствовал о закате одних и восхождении других. В самом же Крыму сжатый до столь же краткой, сколь и ёмкой формулы выражением этой его роли в Черноморском, а опосредованно, конечно, и в Средиземноморском регионе стал Севастополь.

“Природа, — писал адмирал Калинин тогда, когда многим ещё представлялась совершенно абсурдной сама мысль о возможности *добровольного* отказа России от Севастополя, — распорядилась так, что Севастополь занимает доминирующее положение в Чёрном море, нависая над угрожаемым направлением вторжения — проливом Босфор. Более того, все основные направления равноудалены от Севастополя, и силы, базируясь здесь, могут дерзать под контролем весь регион” (“Советская Россия”, 25 апреля 1995 г.). Русское правительство очень быстро оценило это совершенно особое положение Севастополя, и спустя всего лишь неполных 20 лет после его основания, 23 февраля 1804 г, ему был придан особый же статус. “Назначив в Севастополе быть главным военному порту, — гласил подписанный Александром I Указ Правительствующему Сенату, — повелеваем там торговую Таможню снять, которой действие имеет кончиться в течение шести месяцев считая от сего дня. По прошествии же того срока, само по себе разумеется, купеческим кораблям вход туда не будет дозволен, разве когда от шторма или ради других внезапных случаев такой корабль зайдёт в порт для починки или для спасения, а не для торга, и, коль скоро минет опасность или починка, оный не должен оставаться” (цит. по: С. Горбачёв, Севастополь в третьей обороне. 1991–199...” Приложение к газете “Российская община Севастополя”. № 13 (56). Август 1997 года).

Именно в этом своём качестве главного военного порта Севастополь менее чем за столетие приобрёл совершенно исключительное значение не только *военной крепости*, но и *скрепы* общенационального сознания. Города-символа, олицетворяющего самую чистую и жертвенную героику, высоты духа, которые побуждали каждого, кто ощущал свою причастность к судьбам России, словно бы приподниматься над самим собой. Никто не сказал об этом лучше Льва Толстого: “Не может быть, чтобы при мысли, что и вы в Севастополе, не проникло в душу ваше чувство какого-то мужества, гордости и чтоб кровь не стала быстрее обращаться в ваших жилах”.

Утрата Севастополя, и даже не просто утрата, но именно добровольная сдача его (“Мы не раз Севастополь теряли, / Но впервые вот так, не в бою”, по точному и горькому выражению поэта Виктора Верстакова) означала, стало быть, утрату не только важных стратегических позиций в регионе, которому, судя уже по началу XXI века, предстоит играть роль ничуть не меньшую, нежели в минувшем столетии. Она наносила также сильнейший удар по самим основаниям русской исторической памяти, а потому следовало с несомненностью ожидать, что вопрос Крыме и Севастополе сразу же после распада СССР выдвинется на первый план. Так и произошло. И хотя общественная реакция на вполне реальную перспективу утраты Россией каких-либо прав на них оказалась несоразмерно малой их значению и гораздо более вялой, нежели можно было ожидать, она всё-таки была и не осталась не замеченной на властном уровне. К чести прекратившего своё существование в октябре 1993 г. Верховного Совета РФ, всего лишь полгода спустя после Беловежских соглашений им было принято Постановление “О правовой оценке решений высших органов государственной власти РСФСР по изменению статуса Крыма, принятых в 1954 г.”. Оно фиксировало нарушения действовавшего на тот момент законодательства и, соответственно, предлагало инициировать российско-украинские переговоры по новому урегулированию вопроса. А Постановление, принятое 9 июля 1993 г., подтверждало российский федеральный статус города-героя, исходя из того, что при передаче Крыма УССР он остался в союзном подчинении.

После кровавых событий октября 1993 г. действенность обоих этих Постановлений была подтверждена президентом РФ Б. Ельциным, однако в дальнейшей судьбе самой южной оконечности Балто-Черноморской дуги факт этот не возымел никакого значения. Равно как никакого отклика не последовало из

России на решение Севастопольского Городского совета, который, опираясь на волю избирателей, выраженную в ходе опроса 23 августа 1994 года, подтвердил российский статус Севастополя. Верховный Совет Крыма согласился с волеизъявлением севастопольцев, но Москву всё это несколько не заинтересовало: у неё на первом месте теперь были другие планы, в которых российскому Севастополю места вообще не было по определению.

Ведь в ту пору, притом синхронно, уже разворачивалась работа по подготовке российского партнёрства с НАТО и столь высоко оценённого украинскими экспертами подарка Киеву – широкомасштабного Договора о дружбе и сотрудничестве с Украиной, теперь навсегда закреплявшего статус Крыма и Севастополя таким, каким он сложился после 1954 г. 31 мая 1997 г. при подписании его, т. е. буквально через несколько дней после подписания основополагающего Акта “Россия-НАТО”, вопрос о них был окончательно закрыт. Значение того, что совершилось, прекрасно поняли и оценили не только на Украине, но и на Западе. Где, хотя там и не было недостатка в рутинной риторике по поводу неумных притязаний “русского империализма”, прекрасно понимали зыбкость украинских прав на Крым и тем более Севастополь, целиком основанных на крепостническом акте дарения 1954 г. Стоит напомнить, что даже и согласно Универсалу Центральной Рады от 8 ноября 1917 г., подписанному С. Петлюрой, в перечне земель провозгласившей свою независимость Украины особым шрифтом была выделена *Таврия без Крыма*. Иными словами, на Крым не претендовали даже и украинские националисты той поры, хоть сколько-нибудь соотносившие историческое будущее Украины с её прошлым.

Теперь же, после 31 мая 1997 г. в истории Крыма, Чёрного моря и самой России открывалась совершенно новая страница.

Что и было отмечено в начале июля того же года (напоминаю, в июле же Киев подпишет Хартию об особых отношениях с НАТО) на встрече главы Севастопольской администрации с послом США в Украине Уильямом Миллером. Стороны особо подчеркнули, что встреча происходит в новых условиях, сложившихся после подписания российско-украинского договора. И что в этих новых условиях у Севастополя появилось больше возможностей для реализации его экономического и культурного потенциала. Г-н Миллер даже предложил развивать в Севастополе водный туризм (словно бы одна из лучших в мире природных гаваней была создана именно для этого) и озаботился восстановлением исторических памятников, к которым быстро утрачивала интерес сама Россия. О каких памятниках пойдёт речь теперь, можно было строить догадки. Ведь уже в октябре 1995 г., когда в Севастополе проходило выездное заседание Международного трейд-клуба (Указ Александра I о “купеческих кораблях” тоже становился реликтом уходящей эпохи), английский посол в Киеве, Саймон Хемонс, при посещении памятника воинам антироссийской коалиции времён Крымской войны назвал Севастополь “страницей британской истории”.

Но, конечно, всё это – и водный туризм, и культурно-историческая программа – было лишь закуской, роль же основного блюда предназначалась намеченным на конец августа манёврам “Си Бриз-97”, с участием стран НАТО и Украины. Манёвры эти, в которых первую скрипку играл, разумеется, Альянс, стали первой акцией такого рода, невозможной ещё даже в последние годы жизни уже сильно ослабленного горбачёвской политикой односторонних уступок СССР. Что придало им характер нескрываемого триумфа.

Уже в июне-июле 1997 года у берегов Болгарии прошли крупные учения НАТО “Кооператив – партнёр 97”, с участием 30 кораблей и авиации из 9 стран. Значение их кратко и выразительно определил тогда один из немецких флотских офицеров: “Пятьдесят лет Чёрное море было закрыто для нас”. В самих этих словах отчётливо ощущается привкус “пост-Ялты”, но тем полнее заявляло о себе торжество нового миропорядка, когда недавно ещё “закрытое” море открывалось теперь и у берегов Крыма. И под этим углом зрения значение “Си Бриз-97” переоценить невозможно. Об исключительном символическом значении события говорил даже сам выбор места предполагаемой высадки натовского десанта: под Евпаторией – там же, где в 1854 году высадился десант европейско-турецкой коалиции.

Между тем, в Москве о предполагаемых манёврах было известно ещё до подписания Большого Договора, и, например, газета “Правда” писала об этом 29 мая 1997 года, т. е. практически накануне порубежной даты*. А пото-

му вновь и вновь приходится задаваться вопросом: впрямь ли Россию, как нередко до сих пор утверждают многие политологи и публицисты, вытесняли из её исторического пространства, либо же она сама покидала его? Не только не предпринимая на государственном уровне хотя бы слабых попыток противодействия, но и гася поднимающийся снизу импульс гражданского сопротивления. Которое, будучи поддержано на уровне государственных возможностей, т. е. получив статус выражения воистину общенациональной воли России, открыло бы путь к решению столь важного вопроса, вовсе не прибегая к военным действиям, но апеллируя лишь к истории и праву.

Именно это и показала в 1997 году масштабная акция протеста “Крым-антиНАТО”, собравшая сотни тысяч людей. Только она не позволила осуществиться сценарию буквального повторения 1854 года, потому что под её давлением сухопутная часть манёвров была перенесена под Николаев. Здесь “Широкий лан” (кодовое название операции) плавно перетёк в “Казакскую степь”, что означало выход НАТО в Северное Причерноморье, то есть – на “Континент”, который и географически, и геополитически связывало с Мировым океаном именно Чёрное море, этот его рукав, далеко вдающийся вглубь Евразии.

Это на уровне лихой публицистики можно было с пренебрежением отзывать о “черноморской луже” (так!), в которой-де только и барахтаться “незалежным украинцам”, а России, мол, требуются океанские просторы (“Завтра”. Январь 2006 года). Тем же, кто всерьёз, преследует свои крупные и дальние цели, занимаясь реформативизмом постялтинского мира, было ясно, что без закрепления на Чёрном море невозможно будет говорить и о восхождении “земноводной мощи” (Х. Маккиндер) Америки на новую ступень. Стоит напомнить, что на уровень долгосрочной стратегии США задачи их закрепления не только на Океане, но и на Континенте была сформулирована ещё во второй половине XIX века адмиралом А. Мэхеном. Применительно же к новым условиям та же задача в середине 90-годов XX века была актуализована и конкретизирована Струбом Тэлботтом, помощником Билла Клинтона, пришедшего на смену Бушу-старшему. Именно Тэлботт первым открыто заявил о намерении США “дотянуть” НАТО до Великого Шёлкового пути, и в свете такого проекта само название вот уже полвека существовавшего Альянса (Североатлантический) явно переставало соответствовать масштабам новых стратегических замыслов. Руководство РФ, делая один за другим решительные шаги к тесному сотрудничеству с НАТО, конечно же, не могло не понимать, в какой мере такие замыслы неизбежно затронут собственные российские интересы на постсоветском пространстве. И в какой мере их реализации будет способствовать сдача Россией её исторических позиций на Чёрном море и в Причерноморье.

После 31 мая 1997 года открылись новые перспективы, и железо ковалось быстро: тогда же, в столь богатом событиями 1997 году, черноморские манёвры НАТО получили симметричное продолжение в предгорьях Тянь-Шаня, где прошли совместные с Узбекистаном и Казахстаном учения “Центразбат-97”. К ним, на весьма двусмысленных основаниях, присоединилась и РФ, для которой стоимость израсходованного на перелёты керосина, продпайков и амортизации боевой техники оплатил Пентагон. Было ли это платой (впрочем, не слишком обременительной) за полученную возможность расширения американской “земноводной мощи” и вхождение натовских легионов (именно это слово, упиваясь римскими аналогиями, употребляет З. Бжезинский в “Великой шахматной доске”) в безграничные континентальные просторы?

В любом случае, участие России в манёврах “Центразбат-97” было сотрудничеством с НАТО, и нельзя не признать, что командующий ВМС Украины Михаил Ежель, в декабре 2002 года отвечая на вопросы корреспондента “Независимой газеты” и его попытки укорить Украину её сотрудничеством с НАТО, в особенности же её участием в приобретших уже рутинный характер манёврах “Си Бриз”, имел все основания возразить: “...Но и Россия очень тесно сотрудничает с НАТО. Причём даже более плотно – в той же программе “Партнёрство во имя мира”...” Частью которой, напомнил Ежель, являются и ре-

* Что, к сожалению, никак не сказалось на позиции КПРО, выступившей тогда одной из самых ярых его сторонниц и даже не попытавшейся, при обсуждении Договора в Госдуме, внести некоторые, хотя бы смягчающие его последствия поправки. А они предлагались – например, прекращение действия Договора в случае вступления Украины в НАТО и, как следствие, возвращение вопроса о Крыме и Севастополе на стол переговоров.

гулярные манёвры “Си Бриз”, а в них, подчеркнул он, участвует и Черноморский флот Российской Федерации. Отрицать это было невозможно, а “Центразбат-97”, с не слишком почётным участием в этих манёврах России, несомненно, можно считать одной из важнейших вех на пройденном Россией пути к такому сотрудничеству.

Это был подлинный триумф НАТО, и генерал Шихан, первым приземлившийся неподалёку от Чимкента, имел все основания заявить: “мы” (т. е. американцы, совершившие перелёт из Северной Каролины с тремя дозаправками в воздухе) доказали, что способны в кратчайшие сроки достичь любой точки земного шара. Спорить с этим, особенно в свете событий, уже ознаменовавших начало нового века, не приходится, однако, возвращаясь в конец века минувшего, можно добавить, что цепь манёвров, летом 1997 года протянувшаяся от Балтики (где, собственно, они и начались) через Чёрное море и Северное Причерноморье до Тянь-Шаня, показала, что северо-западная и юго-западная оконечности Балто-Черноморской дуги теперь ещё меньше, чем когда-либо, изолированы друг от друга. И что теперь, с учётом преимуществ, даваемых новой техникой, а также “новых условий”, созданных исчезновением державы-соперницы, для Запада открываются новые же возможности связать, в режиме предельно сжатого времени, процессы, разворачивающиеся по её бывшему западному рубежу, с потоком событий на южном рубеже — на Кавказе и в Центральной (бывшей Средней) Азии. Более того: через Чёрное море связать Средиземноморье, отнюдь не теряющее своего значения одного из главных узлов мировой истории, с Центральной Азией в единое стратегическое целое, подходящее к границам Китая.

Именно он, так мало замеченный российской общественностью 1997 год, отчётливо обозначил те перспективы, которым более полно развернуться предстояло уже в первом десятилетии нового века и нового тысячелетия. Это же десятилетие показало, что ситуация, сложившаяся на западном направлении к началу нового века и тысячелетия, была отнюдь не случайным результатом множества пусть и досадных или даже роковых ошибок и плохо продуманных действий, но более всего — сознательных решений. В целом оно подтвердило линию поведения, в главных чертах выработанную в пресловутые 90-е. И это поведение всё меньше поддаётся пониманию с точки зрения долгосрочных национально-государственных интересов, хотя бы подобие внутренней логики обретая лишь в контексте сиюминутных, конъюнктурных соображений, притом всё чаще клановых и групповых. Иными словами, стратегия Москвы (если, конечно, в данном случае уместно говорить о стратегии) мало изменилась со времён “Мальты”; что же до спорадических колебаний тактики, то они по-прежнему диктуются обстоятельствами политического торга с Западом, не предполагающего даже попыток пересмотра базовых позиций.

Что и подтвердило заявление В. Путина, сделанное им в апреле 2004 года во время его пребывания в Крыму. Так, когда был затронут болезненный вопрос о статусе русского языка, то российский президент расправился с ним одним махом, как Александр Македонский — с гордиевым узлом: “Не хочу больше распинаться на эту тему. Это внутреннее дело Украины. Рассчитываем на здравый смысл...” Что же до ещё более болезненного и острого вопроса о статусе Крыма и Севастополя, то и он был закрыт с той же оперативностью, притом с ловкой подменой одной проблемы совершенно другой: “Никаких препятствий со стороны России для того, чтобы поддержать исторический выбор украинского народа на (так в тексте. — **К. М.**) независимость, нет” (“Независимая газета”, 26 апреля 2004 года).

Но разве кто-нибудь из мало-мальски ответственных политологов или даже политиков посягал на права украинского народа или на его выбор? По крайней мере, я таких не знаю. Однако повернув тему подобным образом, Путин в действительности поставил под сомнение аналогичные права той части населения полуострова, с которой не сочли нужным посчитаться при распаде СССР и, к сожалению, как было ясно из самого факта этого политического жонглёрства президента РФ, не намерены считаться и впредь. Столь же очевиден был и адресат этой речи — не украинский и уж тем более не русский народ, а западные партнёры, которым таким образом посылался соответствующий сигнал. И в таком свете дежурную официальную риторику на тему расширения НАТО трудно воспринимать иначе, как всего лишь дымовую завесу,

прикрывающую неуклонное отступление на западном рубеже. Что, с учётом его исключительного значения во всей истории России, особого места некогда отгремевших здесь событий в ряду “святых воспоминаний”, воспетых ещё 15-летним Пушкиным, невозможно расценить иначе, как отказ и от “Воспоминаний в Царском Селе”. Как забвение блистательных имён, благоговейно поминавшихся “смуглым отроком”:

*О громкий век военных споров,
Свидетель славы россиян!
Ты видел, как Орлов, Румянцеv и Суворов,
Потомки грозные славян,
Перуном Зевсовым победу похищали...*

На протяжении всей своей творческой жизни Пушкин не раз возвращался к этому юношескому стихотворению, что говорит об осевом, принципиальном значении для него заявленной на заре жизни темы. Последняя редакция относится к 1829 году, и в ней ещё отчетливее проступил образ хранительного для России сонма её национальных героев, вне связи с которым нет исторической жизни народа. А великая тень Суворова вновь возникает под его пером в стихотворении, до сих пор возбуждающем бурю страстей. Там, где сегодня каждая строка бьёт мощным разрядом острейшей политической актуальности – и где вопрос о твёрдости выстаивания России на западном рубеже оборачивается вопросом о её конечной исторической судьбе. Так не подобает ли и нам теперь, когда “строй твердынь” откатился далеко на восток, вспомнить о Суворове? Тем более, что только что (будь то по старому или по новому стилю) миновавшее 220-летие заключения Ясского мира, столь много давшего России и так неразрывно связанного именно с его именем, вообще никак не было отмечено в стране – ни на государственном уровне, ни либеральной, ни даже патриотической печатью.

* * *

Какая судьба! Ведь 200-летие пришлось как раз на первые недели после гибели СССР, что придало этой дате особый, траурный оттенок. Но тогда, в суете нового обустройства обрубков исчезнувшей великой страны было совсем не до юбилейных дат, особенно же несущих на себе отпечаток предсудительного “великодержавного шовинизма”. Но вот и через 20 лет забвение, окутавшее тогда эту дату, не только не рассеялось, но даже ещё больше сгустилось, что особенно контрастно проступило на фоне шума и театральной пестроты, с которыми в истекшем году вспоминали об Итальянском походе, как особую заслугу русского полководца отметив, между прочим, спасение им “папского престола” от посягательств впавших в революционное безбожие французов (“Независимая газета”, 1 июня 2011 года). О том же, что по Ясскому миру Россия вернула себе земли, входившие ещё в состав Древнерусского государства, не вспомнил никто. Как и о том, что по его разрушении они продолжали жить русской жизнью, на протяжении почти шести веков сохраняя многие черты этой исчезнувшей славянской государственности (уже почти утраченные Москвой), не говоря уже о русском языке и православной вере.

Именно поэтому в 1791 году обитавшее здесь многоэтничное, но сложившееся на восточнославянской основе население вошло в состав Российской империи так, как входят в давно и не по своей воле покинутый, но не покинутый родной дом. В течение всех последующих, вплоть до распада ССР в декабре 1991 года, двухсот лет наполненных многим нелёгкими событиями, ни разу не обнаружив даже тени каких-либо намерений отделиться от “материнской земли” – России. Обо всём этом напоминает памятник великому полководцу на центральной площади столицы так до сих пор и не признанного, в том числе и Москвой, Приднестровья. Но ни один из руководителей постсоветской России не почтил его своим вниманием, как не сделал этого и патриарх Кирилл, в ходе своего недавнего пастырского визита на эту окраину бывшей империи миновавший Тирасполь, хотя посещение его предполагалось по предварительному плану поездки. Политически-конъюнктурный характер причин такого решения слишком очевиден для всякого, кто хоть сколько-нибудь

следил за развитием событий вокруг непризнанной республики в преддверии недавно состоявшихся в ней президентских выборов. Но не только приднестровская паства, с трепетом и надеждой ожидавшая председателя РПЦ, оказалась обойдена его вниманием – не удостоился ведь почтительного поклона и Суворов. Цветы патриархом были возложены не к конной статуе в центре Тирасполя, а к памятнику молдавскому господарю Стефану Великому в Кишинёве, при обстоятельствах опять-таки довольно курьёзных, на которых впрочем, не вижу необходимости останавливаться здесь.

Зато тем важнее напомнить, хотя бы вкратце, о значении выхода русской армии на Днестр, так прочно позабытый Россией сегодня. Значение это почти сразу же нашло выражение в цепочке крепостей, заложенных А. В. Суворовым – как, стоит напомнить, им же в 1787 году было начато строительство первых укреплений будущего Севастополя. В 1792 году на Днестре, прямо напротив тогда ещё турецкой Бендер, была заложена крепость Средняя, вокруг которой и начал быстро складываться город, по тогдашней греческой моде нареченный Тирасполем (то есть Городом-на-Днестре). В следующем, 1793 году, на месте турецкой крепости Ени-Дунья (Новый Свет) была заложена другая русская крепость; под её прикрытием началось строительство порта и города, которому суждено было войти в историю под именем Одесса. А в 1796 году в Днестровском лимане, юго-западнее Одессы, появилась третья крепость, Хаджидерская, под защитой которой возникло поселение Овидиополь. Эта последняя из крепостей, заложенных Суворовым на новой границе России с Османской империей, прикрывала Одессу и протянувшуюся за ней береговую полосу с юго-запада, обеспечивая безопасность новорождённого торгового порта. А он, прикрываемый военным портом Севастополем с Чёрного моря и “суворовскими” крепостями на Днестре, мог теперь обеспечивать хозяйственно-экономическое развитие получившего завершение Новороссийского края.

Ныне от всего этого столь умело и мощно выстроенного целого помимо Севастополя остался только ещё один кусочек земли, так же всё ещё преданный России и точно так же имеющий все права ставить вопрос о новом определении своего статуса. И это, конечно, Приднестровье, несмотря на полное и окончательное разрушение Новороссии, сохраняющее немалое геополитическое значение. Оно и было отмечено в ходе дискуссии, состоявшейся в парламенте Румынии 15 ноября 2011 года, то есть тогда, когда РФ удесятерила своё давление на Тирасполь, с целью принудить его к реинтеграции в Молдову – в свой черёд, нескрываясь стремящуюся “реинтегрироваться” в Румынию. Один из выступавших напомнил: “Приднестровье было и остаётся территорией особого значения для Юго-Востока Европы и геополитического вектора в регионе” (ИА Регнум. www.rpmonitor.ru/news/russia). Но ведь территорией не меньшего значения оно исторически являлось и, казалось бы, должно было оставаться, особенно с учётом перспективы размещения в Румынии элементов системы ПРО, для Юго-Запада России. Однако сомнительно, чтобы руководство РФ осознавало это; в противном случае недюжинное упорство, проявляемое им в том, чтобы сломить Приднестровье, придётся считать уже не следствием недопонимания ситуации, но чем-то другим, для чего в русском языке давно существует вполне определённое имя.

Как бы то ни было, румынский парламент удостоил особой похвалы президента РФ Д. Медведева именно за его усердие в деле устранения с политической сцены “сурового промосковского лидера Игоря Смирнова”, подчеркнув: “Президент России по сути подтвердил, что нынешняя ситуация в Приднестровье и позиция Игоря Смирнова препятствуют реинтеграции”. “Промосковский лидер”, к слову сказать, предложивший Москве разместить на территории республики всё то, что она сочтёт нужным разместить в ответ на появление ПРО на правом (пока ещё только на правом!) берегу Прута, оказался ей неугоден – это ли не вершина политического абсурда! Тем не менее, как выразилась молдавская газета “Тимпул”, “Смирнов был “казнён” при помощи прессы”, – российской, разумеется. Соответственно, давление Запада на столь уступчивую Россию с целью принудить её к главному, то есть к изменению всего формата миротворческой операции на Днестре, усилилось; в награду же ей, как повелось ещё с горбачёвских времён, обещаются яркие фантики благосклонности “цивилизованного мира”. А как иначе можно истолковать оскорбительные, я думаю, для любой по-настоящему суверенной,

пусть и не претендующей на звание великой, страны намёки известного германского политика и политолога А. Рара, прозвучавшие ещё в конце 2010 года и, судя по дальнейшему развитию событий, и впрямь принятые во внимание российским руководством?

Коль скоро Москва, заявил тогда Рар в интервью “Независимой газете”, согласится скорректировать свою позицию на Днестре в указанном канцлером А. Меркель ещё летом того же года направлении, то есть согласится на изменение формата операции и на вывод своего очень немногочисленного воинского контингента из Приднестровья, то ей “будет продемонстрировано, что к ней прислушиваются, что с ней считаются”. Словом, за отступление на Днестре и за нарушение обязательств, некогда подтверждённых подписью главы государства, будет получена достойная награда. Вот только как далеко придётся отступать?

Вступление Болгарии и Румынии в НАТО (2004 год) уже резко изменило баланс сил во всём Черноморском регионе, приобретающем всё большую важность по мере того, как набирает силу и размах процесс устроения “пост-ялтинского” миропорядка и углубляется связанная с этим глобальная нестабильность. Украинский политолог С. Гриневицкий верно отметил эту связь, указав, что “Черноморский регион – часть большой дуги нестабильности, которая начинается на Балканах, идёт через Приднестровье, Крым, Кавказ, Турцию и заканчивается в Палестине” (“Дипломатический вестник Приднестровья” № 2, декабрь 2010, с. 75).

Нетрудно представить, какие последствия может возыметь в таком контексте полномасштабный выход Румынии (или Румынии в союзе с условно независимой, но прорумынски ориентированной Молдовой) на Днестр в случае, если Россия и впрямь решит окончательно распрощаться с наследием Суворова. А ведь нет никаких оснований считать такой вариант развития событий маловероятным – скорее наоборот. Но в этом случае не стоит надеяться, что все её попытки, пусть даже и предпринимаемые всерьёз, удержаться на южно-азиатском рубеже бывшего СССР будут иметь хотя бы ничтожные шансы на успех – глобальный характер стратега, выстраиваемых ныне сильными мира сего, слишком очевиден. Как вряд ли вызывает сомнения такой же характер возможного будущего ТВД. И в любом случае не вызывает сомнений то, что России в ближайшем будущем понадобятся надёжные союзники, которых она за минувшую четверть века растеряла без счёта. Понадобится опора прежде всего на те народы, которые действиями своими уже доказали, сколь дорога им память о совместно прожитой истории. Понадобится опора на те политические силы в странах СНГ, на тех лидеров, которые в качестве предварительного условия своего, так и быть, согласия на союзничество не выдвигают сразу же требований отказа от “имперских замашек” и “великодержавного шовинизма”, тем более же – не бросают в лицо России чудовищного слова “монстр” и не играют краплёной картой русофобии.

К сожалению, пока мы видим обратное, и разве не странно, что из всех руководителей бывших союзных республик самыми грубыми оскорблениями со стороны Москвы был осыпан один лишь, как раз самый безупречный в этом отношении, А. Лукашенко? Между тем нельзя вполне исключать того, что в перспективе это может бумерангом ударить – и очень больно – по самой России. Ведь и Лукашенко, которому я от всей души желаю долгих лет жизни, подобно всем людям, не вечен. А политическая жизнь лидеров не так уж и редко оказывается короче их биологической жизни. Между тем, сама Белоруссия ныне далеко не так однородна, как всё ещё кажется многим в России, Москва же, не остановившаяся даже перед тем, чтобы предложить Лукашенко, в тоне почти ультимативном, ликвидировать свою собственную страну, расчленив её на губернии, в немалой мере сумела здесь пошатнуть преобладавшие ещё не столь давно пророссийские настроения. И, заметим, такое интересное предложение из всех лидеров СНГ было сделано только ему одному – поневоле задумаешься о подлинных мотивах подобной избирательности. Видимо, задумываются и в Белоруссии, а какие последствия это может возыметь на западном рубеже, комментировать, полагаю, излишне.

Что до Крыма и Приднестровья, то и здесь ситуация не будет оставаться вечно неизменной. Растёт – да уже и выросло – новое поколение, которому требуются жизненные перспективы; и если Россия не способна предложить их, если она всем своим поведением показывает, сколь не нужен ей этот по-

куда ещё устремлённый в её сторону поток молодой энергии, то он тоже может изменить своё направление. А ведь ни в Средней Азии, ни в Закавказье, на мой взгляд, нет территорий, способных быть для России столь же надёжными опорными точками, как те, которыми она ещё располагает на западном направлении и которые третирует так небрежно. И, разумеется, совсем уж нет смысла говорить в этой связи о бывших прибалтийских республиках.

Так не пора ли нам взглянуть суровой правде в глаза и перестать тешить себя беспочвенными надеждами на скорое и чудодейственное возвращение СССР — потому что этого, мол, хотят все “вытолкнутые” из него народы. Эта ложь, может быть, и утешительная, но губительная, потому что в жертву ей безжалостно приносятся те, на кого ещё может опереться Россия — а стало быть, и возможности подлинного, а не фиктивного собирания народов. Что и говорить, такое собирание — жертвой на алтарь которого, и это главное, конечно, больше не могут быть историческая жизнь и достоинство русского народа, — потребует тяжёлой и скрупулёзной работы, поиска решений на каждой территории и диалогов, не исключено, что очень острых, с теми, кто уже не будет сливаться в безликую массу под названием “все”. Да, это будет трудно, но, думается, это всё же лучше и спасительнее не желающего знать о жестокой реальности благодушия, откуда путь ведёт лишь в тупик изнуряющих и бесплодных галлюцинаций.

АЛЕКСАНДР СЕВАСТЬЯНОВ

РАСЧЛЕНИТЕЛИ

Федеративное беснование под маской национал-демократии

1. СЦЕНАРИСТЫ РАЗВАЛА РОССИИ

Вопреки обыкновению, хочу начать этот текст с цитирования. В заметке “Об одном лживом аргументе против русского национализма” Егор Холмогоров написал в 2011 году очень правильные слова:

“... Если же кто-то планирует под шумок внутренних смут развалить РФ, раздробив ее на множество частей, то русским тем более необходимо своевременное получение инструментов, которые сделают нас субъектом политического процесса. Ибо в противном случае, в случае развала РФ, именно русские окажутся самым бесправным, самым угнетаемым, терроризируемым и порабощаемым народом на территориях новых бабайств, ханств, джамаатов и прочих притонов inferнальной неруси.

... Слабость и безгласность русских, игнорирование национальных интересов приведут к тому, что: а) Российская Федерация развалится, поскольку в целесообразности ее существования не будут заинтересованы её собственные граждане и, прежде всего, самый многочисленный из населяющих её народов; б) на осколках РФ состоится масштабный геноцид русских, – геноцид таких масштабов, которых история никогда не знала”.

Еще недавно я назвал бы такие настроения алармистскими, а сценарий развала населенной русскими России – вместо создания на всей ее территории Русского национального государства – злобной русофобской утопией.

Сегодня опасения Холмогорова кажутся мне более чем обоснованными. Тому причиной серьезные усилия, действующие в губительном для нас направлении из двух, казалось бы, непримиримо противоположных лагерей.

С одной стороны, это откровенно русофобствующие силы, примазавшиеся к Дмитрию Медведеву. Они поставили в повестку дня децентрализацию России с ее последующим неизбежным разделом между сильными мира сего. Так, в недавнем докладе ИНСОРа (формальный руководитель Игорь Юргенс, фактический – Евгений Гонтмахер) сделан упор именно на федерализм и необходимость возрастания самостоятельности регионов – проще говоря, раздробление РФ на отдельные уделы, которые один из современных политических журналистов уже остроумно окрестил “руспубликами”. В своих недавних речах Медведев послушно подтвердил эти тезисы, вновь дав понять, чью программу он призван реализовать.

С другой стороны, это группа примкнувших к Русскому движению людей, беззастенчиво присвоивших себе бренд русской национал-демократии. Они также пропагандируют идеи дальнейшего развития федерализма в России вплоть до “конфедерации русских земель”. Уже не “джамаатам” и “бабайствам”, а русским регионам, возжаждавшим бесконтрольности, отрыва от Москвы, а в перспективе полной от нее независимости, отводят они главную роль в развале России.

У истоков этого направления стоят известный ныне как политический провокатор Петр Хомяков и литератор Алексей Широпаев, обросшие в последнее время молодым и борзым пополнением, мечтающим выделиться и запомниться публике каким-нибудь идейно-политическим кульбитом, необычным вывертом мысли. Но все, на что хватает мозгов у юных дарований – это взять хомяковские идеи и “наверчивать” их, “как чистый бриллиант”.

Вот, к примеру, профессор Хомяков дружески делится с чеченским агентством “Ичкерия-инфо” своими открытиями:

“Мне кажется, что пора вводить в обиход термин “построссийское пространство”. Так вот, если говорить о русских территориях построссийского пространства, то они должны быть организованы на основе регионализма. В какой форме этот регионализм реализуется, зависит от конкретных условий. Это может быть асимметричная федерация, конфедерация, совокупность полностью независимых государств, типа Дальневосточной республики, Сибирской республики, Уральской республики, Балтийской Руси и т. д., и т. п. Но не хотелось бы забегать вперед. Все решит сам народ. При этом учтем, не нынешний народ, а народ, получивший опыт борьбы с империей, опыт борьбы за свободу, опыт взаимодействия с другими народами в этой борьбе”.

Речь, как понимает читатель, идет именно о русском народе, который, по мысли профессора, должен уничтожить, развалить Российское государство в борьбе за свою свободу – в союзе с другими свободолюбивыми народами России, разумеется. Типа чеченцев, которым он не забывает пообещать давно желанное: “Полная независимость Кавказа. Причем с возвращением всех захваченных империей территорий”.

Чеченский корреспондент спросил его прямо: “Как Вы относитесь к процессу развала России?.. Что он принесет русскому народу, благо или потери?”.

“В перспективе этот развал, несомненно, неизбежен, – с готовностью провещал профессор. – Я считаю, что к 2015 году Россия развалится со стопроцентной вероятностью. Но она может развалиться и раньше... Как я к этому отношусь? Как к благу для русского народа, который этим государством уничтожается со скоростью более миллиона человек в год. Думаю, что и другие народы России не будут возражать против развала России. При этом, чем раньше это произойдет, тем лучше для всех нас”².

Мне приходилось более-менее подробно анализировать взгляды Хомякова, выраженные в т. н. “Программе НОРНА”³. Я окрестил их национал-анархизмом и анархической русофобией.

Кульбит и выверт мысли юных последователей старого провокатора как раз и состоит в том, что они, мимикрируя, перекрестили эту систему убеждений – в национал-демократию.

Мне бы хотелось, как рекомендовал Конфуций, “исправить имена”, то есть вернуть понятия и концепции в предназначенную им классификационную ячейку. И показать, во-первых, что к национал-демократии (и вообще к демократии) анархизм относится так, как абсурд, ловко слепленный из здоровой идеи умственными спекуляциями, – к самой этой идее. А во-вторых, что национал-анархизм потому так и называется, что ничего, кроме анархии, не обещает тем безумцам, которые поддадутся его соблазнам. Как понимает читатель, при некотором навыке до абсурда можно довести любую мысль. О том, как это делают юные выползки из хомяковско-широпаевского гнезда, речь и пойдет.

Я говорю о юных хомяковцах, ибо сложилась даже небольшая организация молодых политических честолюбцев, не стесняющихся эти идеи исповедовать публично: Русский гражданский союз (РГС). Хотя продуцирует их, раз от раза все агрессивнее, лишь один из них, самый способный, – Александр Храмов. Так что разбирать мне предстоит только программные документы РГС да писания имярек.

“В пятнадцать лет учителей научат”

Учредительная конференция РГС состоялась 21 ноября 2010 года в туркомплексе “Измайлово” (Москва). В ее оргкомитет вошли Антон Сусов, Дмитрий Феоктистов, Александр Храмов. Все трое до этого состояли в других организациях, где им, по-видимому, перестала видаться перспектива: Сусов – в руководстве ДПНИ Александра Белова-Поткина, Феоктистов – в президиуме молодежной организации у Михаила Касьянова⁴, Храмов – в Национал-демократическом альянсе у Алексея Широпаева.

Последнее обстоятельство особенно важно, ибо поначалу главным проводником в массы идей сбежавшего из России профессора был назначен именно Широпаев, организовавший с этой целью т. н. Национал-демократический альянс (НДА) и соответствующий сайт. Но Широпаев – фигура одиозная; его книга “Тюрьма народа” отличалась такой бешеной русофобией и таким антироссийским пафосом, что стяжала ему славу человека неадекватного. (Я, например, просто перестал с ним здороваться.)

Понадобился молодой, современно мыслящий и говорящий человек, способный транслировать те же идеи, не компрометируя их подобной репутацией. Тот факт, что Храмов вырос именно из НДА, таким образом, не случаен, он имеет знаковый характер.

В Манифесте РГС сразу прозвучали знакомые хомяковско-широпаевские нотки. Начиная с постулата о “нехорошем”, антирусском на всем протяжении своей истории Государстве Российском: “Роль колонизируемого народа в нем отведена в первую очередь русским, которые в ходе территориальной экспансии превратились из собирателя земель в народ-донор для национальных окраин и коррумпированной бюрократии. Сверхэксплуатация русского народа, опора на изношенную советскую инфраструктуру и неэффективную сырьевую экономику, засилье полуфеодалных кланов чиновников, силовиков и этнических элит – таков закономерный итог имперского пути”.

Казалось бы, речь должна пойти о том, чтобы в Русском национальном государстве развернуть противоестественную ситуацию в России в обратную сторону: покончить со сверхэксплуатацией русского народа и его ролью донора, но при этом вернуть и закрепить его роль собирателя земель.

Не тут-то было!

Идея России как “колонии наоборот” – не нова и, к сожалению, в значительной мере верна. Ее, в частности, успешно развил и обосновал в своих трудах Валерий Соловей, которого можно иногда видеть на мероприятиях РГС.

Но неверны, однако, выводы, которые делает НДА и его наследник РГС, готовые в борьбе с клопами и тараканами сжечь всю родимую избушку. Предлагаемое РГС лекарство куда хуже самой болезни, ибо в Манифесте (раздел “Федерализм и регионализм”) провозглашается:

“Для того чтобы сохранить единое русское пространство и обеспечить свободное развитие русских земель, необходимо полноценное функционирование федеративных институтов, что позволит учитывать региональные интересы. Во внутренней политике необходимо ориентироваться на принцип субсидиарности: регионам должны быть предоставлены широкие права в области местного самоуправления и законотворческой деятельности, гарантирована бюджетная автономия. Региональные чиновники всех уровней должны выбираться местным населением, а не назначаться “центром”. Необходимо прекратить колониальную практику истощения федеральным “центром” русских регионов, следует отказаться от неконтролируемого перераспределения Москвой средств, поступающих из регионов. Равноправная федерация русских земель – основа будущего русского национального государства”.

О том, что ждет нас в результате подобной “равноправной федерации” (на деле автономизации с последующей суверенизацией) русских регионов, мы поговорим позже.

В анонсе учредительной конференции утверждалось: “движение открывает новую страницу в российской политике и кладет начало широкому сотрудничеству русских националистов и демократической оппозиции”. О том, кто имеет в виду под именем последней, говорилось там же в перечне приглашенных на учредительную конференцию РГС. Ожидалось участие: Национал-Демократического Альянса, партии “Правое Дело”, Российского Народно-Демократи-

ческого Союза. Список настораживал. Уж до чего-чего, но до участия в мероприятиях с СПС и его последышами раньше русские националисты не доходили.

Интересно для меня лично было и другое. Обещалось, что “к участникам конференции с приветственным словом обратятся... также известные эксперты, историки и публицисты”. Меня, однако, на конференцию пригласить весьма предусмотрительно забыли. В последний момент это сделал лично Антон Сусов, когда ему добрые люди намекнули, что как-то неудобно делать заявку на русскую национально-демократическую организацию в отсутствие живого отца-основателя течения⁵. По простоте душевной Сусов исправил “ошибку” коллег, которая, уверен, вовсе не была случайной. Ведь кошка всегда знает, чье мясо она съела.

“Не ждали”, – как сказано гением. Я все-таки появился в зале и, когда пришлось дать мне слово, процитировал любимого Конфуция: “Если имена не исправлены, то и речь не стройна, а если речь не стройна, то и в делах нет успеха”. После чего расшифровал:

“Что значит “исправить имена”? Это значит, в нашем случае, определиться с точной политической терминологией. Сегодня в русских головах, в русском движении в целом царит ужасающая теоретическая разногласица, путаница и неразбериха. Одни и те же термины понимаются порой противоположным образом. С этим пора покончить. И в первую очередь надо разобраться с фундаментальными понятиями: что такое “нация”, что такое “демократия”, что такое “национал-демократия”, адептами которой вы себя объявили. Предлагаю вам организовать на эти важнейшие темы научно-практические конференции, а я со своей стороны обещаю вам в этом свою посильную помощь”.

Но организовывать научно-практическую конференцию по теме “национал-демократия”, чтобы попытаться сообща выяснить, что же это такое, РГС не стал, а вместо этого решил сам всем все объяснить. С каковой целью Храмов подготовил целую брошюру в виде катехизиса на данную тему с многообещающим и ответственным подзаголовком: “Русская национал-демократия в вопросах и ответах”. Третьи лица переслали мне ее на отзыв, я прочел⁶. Как можно было предположить, к национал-демократии брошюра имеет отношение самое поверхностное, в основном за счет названия. Но такую претензию нельзя оставить без ответа.

Молодой троянский конь

Брошюра Александра Храмова – не первое его широковещательное заявление на тему русского национализма и российского федерализма. Он уже громко выступал со страниц журнала “Вопросы национализма” (ВН), недальновидно поощряемый редакторами, которым лестным показалось вывести в свет молодое многообещающее дарование. Не посмотревши предварительно этому дарованию – даровому троянскому коню – в зубы. А следовало бы.

Несколько слов об Александре Храмове вообще, каким он мне представляется как мыслитель. Первая бросающаяся в глаза особенность: исключительная молодость (1989 г. р.) и свежее испеченный диплом биолога. Казалось бы, профессиональные занятия биологией именно для националиста открывают наиболее заманчивые перспективы (свежий и наглядный пример – Дмитрий Крылов, тоже автор ВН). Храмов, однако, предпочел им дилетантские политологические штудии. Знакомясь с ними, я подумал в первую очередь о том, что перед нами – второе издание Александра Дугина: внушительная эрудиция, базирующаяся на знании языка (языков) и кое-какой западной литературы, выросший на этой базе столь же огромный апломб – но слабенький мозг, который не в состоянии переварить весь массив собственных знаний.

Не способный к самостоятельной умственной работе, не располагающий ни богатым политическим опытом, ни знанием русской истории, он выживает лишь за счет интерпретации прочитанного и паразитирования на нем.

Окрыленный сознанием собственных достоинств и признанием добреньких старших товарищей, Храмов с легкостью необыкновенной – как некий гибрид Хлестакова и Шарикова – дает “советы космического масштаба и космической же глупости”. К примеру, разъясняет нам, несмышляем, что такое национализм: “Ни экстремизм молодежных субкультур, ни бытовая ксенофобия, ни квасной патриотизм – это не национализм. Национализм – это идеология и практика, провозглашающая основной целью политического процесса

построение и в дальнейшем успешное функционирование национального государства”, — поучает он нас (ВН № 5, с. 212).

Самоуверенность парвеню вообще свойственна молодому поколению русских националистов, но Храмову — сугубо. Недаром он солидаризуется с мнением, что “русский национализм в подлинном смысле этого слова начал формироваться в середине 2000-х”. Перед нами пример классического библейского хамства, стандартное мышление выскочки, убежденного, что история “по-настоящему” началась с него — в пору хоть новое летоисчисление вводить по примеру французских революционеров XVIII века.

Как будто не было еще в начале XX века Михаила Меньшикова с присными, а в конце — целой плеяды русских националистов (Илья Глазунов, Александр Солженицын, Вадим Кожин, Игорь Шафаревич, Сергей Семанов — да всех разве перечислишь!). Про себя и некоторых моих коллег уж и не говорю. Очевидно, мы все, начиная с Меньшикова и заканчивая Валерием Соловьевым, — неподлинны. Нравится вам, читатель, такая претензия на непогрешимость? Но уж чем-чем, а непогрешимостью это племя младое не страдает, что я и надеюсь продемонстрировать.

Не зная и не желая знать, по причине гипертрофированного эгоцентризма, отечественных предшественников, Храмов ищет себе иную опору и иных предтеч на попроще национализма, чтобы, встав на их плечи, возвыситься самому. Таковую опору он находит в западных теоретиках, которых внимательно изучает, цитирует и популяризирует, максимально эксплуатируя их мнимое преимущество. Один из последних примеров — его комментированный перевод работы Дэвида Г. Роули “Имперский versus национальный дискурс: случай России” (ВН № 5).

Понятно, чем Роули привлек Храмова: “Применение термина “национализм” к России вплоть до настоящего времени некорректно и вводит в заблуждение... Отсутствие русского национализма является ключевым для русской истории и позволяет объяснить неудачу, постигшую как царскую Россию, так и Советский Союз” (ВН № 5, с. 213).

Неважно, что устами Роули вещает лишь чудовищное невежество⁷, основанное на расхожих европейских мифах о России и русских, способное только запутать проблему⁸. Зато вещает в “нужном” ключе, позволяя Храмову и К⁰ предстать в ореоле первопроходцев.

Импонирует ему и предельно упрощенное, восходящее к популярному на Западе, но крайне примитивно мыслящему Геллнеру, определение национализма как политического принципа (умственный продукт — и только), согласно которому “национальное и политическое единство должны совпадать”. “Другими словами, национализм — это политическое требование создания национального государства”. И всего-то. Эта декларация ничем не объяснена, ничего не объясняет и способна закрыть лишь небольшой сектор понятия, но весь западный политологический мир носится именно с ней⁹.

Забавно, что люди Запада, почти сплошь приверженцы “науки мнений”, а не знаний и фактов, не имея выверенных понятий “нация” и “национализм”, не понимая их смысла, не только всю ими оперируют, но и нас берутся учить. Хотя вести с продвинутым русским читателем разговор, оперируя западными категориями, совсем даже не умно. Однако у этих учителей таки находят адепты в наших палестинах, что куда менее забавно. Храмов — один из них; он предпочитает судить о русской истории и проблематике по их отращению в кривом зеркале западных обществоведов.

Между тем, в том же номере ВН верную оценку Роули дал научный редактор журнала Сергей Сергеев: “Роули просто экстраполирует современные нормативы в прошлое, и получается вопиющий анахронизм — лучшее доказательство того, что никакие самые интересные схемы не будут убедительными без кропотливой работы с конкретным историческим материалом”. Сергеев — профессиональный историк, для него это очевидно, он не обольщается иностранным именем и не подпадает под обаяние дилетанта. Храмов — недоучившийся (на тот момент) биолог — увы, всем этим грешит весьма.

Но главное — у Роули Храмов ищет и находит обоснование своей политической стратегии, которая должна вынести РФ на вершину российского Олимпа. Поскольку Роули приводит весьма убедительные примеры того, как разрушителям исторической России дважды в недавнем прошлом удалось заполучить всю полноту власти:

– “Обращение Ленина к национальному самоопределению оказалось выигрышнее, чем требование белых восстановить империю” (ВН № 5, с. 218);

– “Именно Ельцин впервые в российской истории актуализировал антиимперскую риторику и “разыграл русскую карту”, потребовав провозглашения суверенитета России, угнетаемой бременем советской империи” (ВН № 5, с. 213).

Храмов, разумеется, в открытую не призывает копировать этот опыт. Понимает, наверное, что на таком призыве потеряет возделанные политические очки. Он просто сделал выводы для себя. И пытается применить их на практике, действуя по аналогии: развивая и проталкивая в массы разрушительную “антиимперскую” теорию федерализма для русских регионов будущей России.

Прежде чем перейти к анализу этой теории, должен сказать несколько слов о коллизии “империализм – национализм”, возникшей в русском националистическом дискурсе вовсе не сегодня, а в середине 1990-х годов. Должен, постичь сам – живой и деятельный участник идейных баталий на сей счет.

2. ПРОТИВ ИМПЕРИИ И ФЕДЕРАЦИИ – ЗА РУССКОЕ УНИТАРНОЕ ГОСУДАРСТВО

Диалектика национализма и империализма

Лобовое противопоставление русского национализма и российского империализма (что характерно не только для Роули и ему подобных верхоглядов, но и для их российских аналогов) не только неисторично, но и недиалектично в философском плане. Оно упрощает, уплощает ситуацию, которая на деле гораздо менее однозначна. Недаром наиболее заметные в нашей истории массовые проявления русского национализма – будь то декабристы или меньшековский Всероссийский национальный союз – никогда не ставили под сомнение сам принцип российской имперской государственности, но всегда только ее характер “колонии наоборот”. “Нецарственный империализм”, по выражению самого Меньшикова.

Однако для малообразованных, но амбициозных “авторитетов”, как тот же Роули, преподанный нам Храмовым, истории русского национализма просто нет. Поэтому Роули в обоснование своей позиции ссылается не на Пестеля и Меньшикова, как оно следовало бы, а на такой же, как он сам, мутный вторичный источник – Джеффри Хоскинга, с некоторых пор популярного в российском националистическом дискурсе: “Российская империя в 1917 г. распалась по тем разломам, которые в ее ситуации были присущи империи с протяженными уязвимыми границами, растянувшимися между Европой и Азией. На протяжении трех столетий ее структуры были структурами мультиэтнической государственности, а не развивающейся нации” (ВН № 5, с. 219). Но это точка зрения крайняя и неверная, с грехом пополам выражающая лишь одну сторону диалектического противоречия.

Огульное отрицание империи очень легко ведет наиболее порывистых и легкомысленных русских к отрицанию государства вообще, к национал-анархизму. Между тем, государство соотносится с нацией как форма с содержанием, они существуют в неразрывном единстве: сущность должна быть оформлена, а форма – существенна. Нельзя отбросить одно, не отбрасывая другого. Отрицание государства не просто глупо, оно, бесспорно, философски противопоставлено всякому настоящему националисту.

Нет никаких реальных исторических оснований столь радикально разводить русский народ, “развивающуюся нацию”, – и российское государство, развивавшееся именно ею и с нею. Ибо только Российская Империя и ничто иное было с Петра Первого государственно-политической ипостасью русского народа, как до Петра ею было Московское царство, которое мы переросли. Это простой и неотменимый исторический факт: вот такая форма была у вот такого содержания. Гегелевская разумная действительность в чистом виде. Было бы содержание другим – может, и форма была бы другой; но – не случилось.

Имперское строительство вовсе не всегда и не по всем историческим и политическим векторам было оторвано от русских национальных интересов,

как нам сегодня пытаются втолковать. Векторы совпадения легко отследить, к примеру, хотя бы по направлениям русской народной колонизации, которая таки имела место быть – было бы желание ее видеть¹⁰.

Нет оснований и для утверждений, что имперское строительство ничего не давало русским, а только возлагало на них новые тяготы. Вопрос, как всегда, лишь в соотношении цели и цены. Ибо для русских, на протяжении всей нашей истории, проблема внешней экспансии на родную землю была главной, истинно роковой. И возникновение буферной зоны вокруг исконных земель уже самим фактом своего существования сопутствовало их главному интересу, отодвигая опасность от непосредственных этнических русских границ. О том, что означает для нас сегодня утрата этой буферной зоны, красноречивее всего свидетельствует русско-грузинская войнушка 2008 года, спровоцированная, смешно сказать, грузинами по указанию США, – совершенно фантазмагорическое обстоятельство, невозможное на протяжении всей истории русского народа! Рассказать бы кому в течение прошлых пяти столетий, что русский и грузинский солдаты будут стрелять друг в друга, что русские будут топить грузинский флот, угрожать маршем на Тбилиси! Вряд ли кто поверил бы. Но факт налицо. Между тем, как ясно каждому, “грузинская угроза” – не самое страшное последствие обрушения буферной зоны вокруг русского ареала.

Но разве только в создании буфера был положительный смысл империи? Можно вспомнить и про выходы к морям, Белому и Баренцеву, Балтийскому и Черному, Охотскому и т. д. Что, они не нужны были русскому народу?

Или вот яркий пример. Сибирь никаким буфером не была (оттуда нам никто не угрожал) и мореходностью не привлекала, но разве это лишнее приобретение? Мы знаем, за сколько было продана Аляска, но не помним об этом ежедневно, да и вообще склонны скорее забыть об этом неприятном факте. Продали и продали. А вот пусть-ка ответит мне оголтелый антиимпериалист, национал-анархист, обобщенный храмов-широпаев-хомяков, за сколько следовало бы продать Сибирь, без которой мы не победили бы Гитлера? Есть ли в мире такая цена? И чем такая продажа немедленно обернулась бы для русских?

Так нужно ли было имперское строительство русскому народу? Иногда, на мой взгляд, – нет (Польша, Закавказье, Средняя Азия, Аляска, Западная Украина), а иногда – очень даже! Стоило за него платить высокую цену, увеличивая бремя русских народных тягот? Иногда нет, а иногда – стоило!

Надо ли мечтать о повторении русского имперского опыта в будущем? Но это вообще не вопрос теории, а исключительно практический вопрос, зависящий от этнодемографического баланса – и только. Станет русским тесно на своих землях – русский империализм воскреснет сам собою, никого не спросив. А будем вымирать, вырождаться, – так даже и мечтать нельзя сметь ни о какой имперской экспансии, для нас смерти подобной! Свое бы удержать...

Есть и еще один момент, не учитываемый юными широпаевцами. Дело в том, что, даже отделив весь пограничный Кавказ, о чем они мечтают, Россия по факту все равно останется империей, поскольку выбрасывать из нее ни Татарстан, ни Башкирию, ни Якутию и т. д. ни одно разумное русское правительство никогда не станет. Хотя бы ради тех русских, что проживают на указанных территориях, но не только.

* * *

Коль скоро наше общество дозрело до обсуждения Русского национального государства, на первый план в повестку дня, естественно, выдвинулся вопрос о его оптимальных границах¹¹. Смею уверить верхоглядов всего мира, что победа русских националистов немедленно обернется:

во-первых, русской ирридентой (объединением всех земель, компактно населенных русскими, включая Белоруссию);

во-вторых, укреплением русской идентичности во всех российских регионах, включая присоединенные, и подавлением национал-сепаратистских движений, в т. ч. в русских регионах;

в-третьих, переходом от федеративного государства к унитарному;

в-четвертых, оптимизацией границ национально-территориальных образований внутри России в соответствии с картой этнического расселения и геополитическими интересами русского народа;

в-пятых, незамедлительным “абортированием” любых территорий, этно-политические угрозы от которых существенно превышают геополитические и экономические выгоды для русских.

Замечу попутно, что хотя не всякий патриот – националист, но всякий националист – патриот. Это аксиома из разряда азбучных.

По всей вероятности, кто-то назовет все это империализмом, но на деле ничего империалистического в этом нет: только русский национализм. Регенерация Русского национального государства, которое мы имели и которое потеряли в ходе неумного имперского строительства. Собираение русских земель заново.

Русским – всероссийскую субъектность

Вернемся к теме федерализма, как понимает ее РГС – симулякр русской национал-демократии. Первые подступы к этой теме Храмов сделал публично в статье “Российская Федерация как наследие Ленина – Сталина”, опубликованной в ВН № 4. Там, ссылаясь как на высший авторитет все на того же глуповатого Геллнера, он неожиданно объявил, ничтоже сумняшеся, такую резолюцию:

“Главная цель русского национализма как системы убеждений состоит в том, чтобы русские обрели свое политическое существование в виде своих национальных республик (или “штатов”) в составе федеративного образования, построенного на принципах равноправия и демократии, не сверху, а снизу, не из Москвы, а из регионов. На смену нынешнему российскому федерализму, чья основа, заложенная большевиками, осталась не затронутой постсоветскими реформами, должен прийти подлинный федерализм, учитывающий интересы русской нации”.

Я чуть со стула не упал, прочитав этот императив-оксюморон. Ибо учет интересов русской нации с федерализмом не совместим категорически. Ни с каким, будь он хоть трижды подлинный. Об этом кричит исторический опыт, причем не только отечественный¹². Недаром все русские националисты всегда считали федерализм губительным для России – вспомним хотя бы сочинения Ивана Ильина на эту тему¹³.

Было желание отреагировать на такой текст в журнале, членом редсовета которого я состою, быстро и резко: то ли написать немедленно отповедь, то ли выйти из состава редсовета, дабы не нести моральную ответственность за подобную ересь. Однако идущая следом, встык, прямо противоположная по содержанию статья уважаемого мною профессора МГУ Александра Вдовина “Унитаризм против федерализма”, по обыкновению глубокая и наполненная фактическим материалом¹⁴, меня успокоила, остудила. И я оставил храмовский опус без последствий, если не считать принципиального выступления на редсовете, правда, в отсутствие автора. А зря, как видно, потому что в результате на свет появилась упомянутая брошюра РГС про национал-демократию.

В цитированной статье Храмов не потрудился хоть как-нибудь обосновать свой дикий, неожиданный и ни с чем не сообразный пассаж. Он попытался это сделать в своей новой статье “Советские, россияне, русские... 150 лет назад русские перестали быть холопами, но так и не стали нацией” на сайте “Свободное слово”. Там он выдвинул такое требование:

“Дайте русским – как их дали всем остальным народам России – собственные национально-территориальные образования, за которыми будет закреплен их русский национальный статус. Только тогда и состоится признание русской политической нации. Зачем это нужно? А зачем вообще нужны национальные республики? Чтобы защищать “своих”...”

А кто сейчас в России защищает русских? Руководство какого субъекта федерации может в случае чего действовать от имени русских и выступить гарантом их прав?..

Ведь никто не знает, сколько просуществуют “россияне”. От “советского народа” ничего не осталось за несколько месяцев. И тогда, в 1991, русских, в отличие от армян или эстонцев, некому было защищать, потому что руководство СССР заранее отказало русским в праве на русские республики в составе Союза. Сейчас важно не допустить повторения той ситуации”.

Мы видим, как в этих храмовских построениях ловко мешается правда и ложь, верная посылка и неверные выводы. Но если информация на выходе не

адекватна информации на входе, значит, в самом черном ящике – дефект, встроенный туда либо по ошибке, либо с умыслом.

* * *

На самом деле Храмов задел едва ли не главную проблему, стоящую сегодня перед русскими: отсутствие у них субъектности. В мире нет такой инстанции, которая была бы правомочна в отстаивании этнических прав и интересов русского народа. И все попытки разных самостоятельных организаций этим заниматься наталкиваются на отсутствие у них мандата, легитимности. Пусть даже неформальной, как неформальны курултай и меджлис у крымских татар, что не мешает председателю меджлиса Мустафе Джемилеву быть принятым и услышанным не только в Симферополе и Киеве, но и в Москве и Вашингтоне, а также состоять в Организации непредставленных народов и наций (“аэродром подскока” к ООН).

Да, нам, русским, чрезвычайно необходимо создать такую инстанцию. Я бы сказал, не обинуясь, что такова наша задача номер один. Проблемой правосубъектности русского народа мы озаботились далеко не вчера. Еще в середине 1990-х в Госдуме при комитете по геополитике работал семинар “Нация и государство” (вел его Андрей Вячеславович Архипов), на котором мы обсуждали, как русским обрести свое полномочное представительство в России и во всем мире, вплоть до ООН. И с тех пор нами делалось немало подходов к теме, о чем Храмов не знает и знать не желает. История вопроса ему не интересна, поскольку вообще история начинается с него, это уж мы поняли.

Вопрос этот – сложнейший, с великим множеством подводных камней как естественного, так и рукотворного происхождения. Достаточно сказать, что кремлевский запрет на создание партий по национальному признаку, а затем и последовавший в 2003 году запрет на создание национально-культурных автономий для народов, не находящихся “в положении национального меньшинства” были направлены именно против русской правосубъектности, против попытки русских самоорганизоваться. Ведь не объединившихся в свои национальные партии хантов, манси или алеутов боится Кремль, да и у татар, меньшинством не являющихся и даже имеющих свою республику, никто татарскую НКА не отбирает. Сурков с присными совершенно правильно чувствует, откуда исходит главная угроза антирусской власти России, и планомерно отсекает русским все пути легитимации.

Итак, проблема обозначена Храмовым верно. Но, как понимает читатель, предлагаемое Храмовым решение в корне противоречит русским интересам.

Чьи права будет защищать глава какой-нибудь отдельной (удельной!) русской республики, хоть бы Калининградской или Новгородской? Всего русского народа? Как бы не так! В лучшем случае – своего местного электората, который только этого от него ждет и требует. Много ли сегодня тверитяне думают о жителях Приморья или Поморья?!

Как будто в этом наша цель – чтобы с помощью такой политики у нас выкристаллизовались калининградские русские, новгородские русские, тверские, московские и т. д. русские, с сугубо местническим сознанием населения и сугубо сепаратистским сознанием избираемых этим населением элит! Через десять-двадцать лет они уже и называть-то себя русскими не будут, а – как во времена “Слова о полку Игореве”: куряне, владимирцы, новгородцы. Уже сейчас идут поползновения отделить от единого русского целого – поморов, казаков, сибиряков; федерализация а-ля РФ их усугубит стократ. . . И единого русского самосознания на всем пространстве России не останется и в помине. И тогда уж точно никто не сможет защитить русских в Татарстане, Якутии, Башкирии, не говоря уж о Кавказе: просто некому будет это делать. Да и не захочет никто напрягаться ради каких-то “соседей”.

Нет, наша цель – прямо противоположна этому: она в том, чтобы была единая инстанция, защищающая права и интересы каждого русского на каждом квадратном метре всей России, а также в ближнем и дальнем зарубежье. Делегировать эту обязанность в многие десятки рук – раздать по субъектам “русской федерации” – значит обречь ее на бесплодие. В этом нет и малейших сомнений. Не говоря уж о том, что считается с претензиями, допустим,

Твери по защите русских в Приморье или Поморье никто, конечно же, не станет: что такое и где такое эта Тверь? Кто услышит ее голос?

Русским нужно свое представительство, бесспорно, но оно может и должно быть исключительно всероссийским, не менее! А еще лучше – трансграничным, с учетом того, что как минимум 10 млн русских живет в дальнем, а еще 20 млн – в ближнем зарубежье. Так и только так правильно ставится вопрос.

Кстати, еще пустячок: не знаю, как у Храмова, а у меня предки холопачи не были: ни поморы Усть-Ваги, ни казаки Дона, ни потомственные москвичи. Такое отношение к русскому народу у юного человека, претендующего на национальное представительство, мне – не нравится. А вам, читатель?

3. ЧЕРНЫЙ ЯЩИК АЛЕКСАНДРА ХРАМОВА – АФФЕКТЫ И ДЕФЕКТЫ

Вот теперь, наконец, мы и подошли к пресловутой брошюре. Что же пишет в ней юное дарование Александр Храмов? Мало хорошего. Для удобства читателей разобью по пунктам свой анализ.

1. Ничего странного не вижу в том, что к брошюре взят убийственный эпиграф из сочинений Владимира Сорокина, стяжавшего себе славу литературного копрофага и лилипута, взбунтовавшегося от сознания собственного ничтожества против Гулливера – русской культуры, а потому старательно подгрызающего поджилки у нее на пятках. Этот эпиграф – квинтэссенция того мертвящего нигилизма, который составляет самую суть “творчества” сего эпигона навыворот:

“Что с Россией будет? – Будет ничего”.

Не знаю, о чем думал Храмов, давая такой настрой читателям, но вообще-то после такого основной текст и читать-то не хочется. Зачем? Если Россию и впрямь ждет какая-то черная дыра, тотальная энтропия, то лучше, как говорят в народе, просто “усраться и не жить”. Но, повторюсь, ничего странного в этом выборе я не вижу, ведь подобное тянется к подобному: рецептура храмовской брошюры – это и есть путь в черную дыру.

Взять себе эпиграф из Сорокина – все равно что помазать собственные ворота дегтем или еще чем похуже: заходите, гости дорогие!

2. Неудачный литературный ориентир вскоре дополняется неудачным ориентиром политическим. На вопрос “Кто такие русские национал-демократы? Кто вас поддерживает?” – Храмов дает ответ: “Мы – молодое поколение неравнодушных людей, которое задалось простым вопросом: почему у русской нации нет того, что есть у остальных европейских народов?”. И разъясняет: “Большинство из нас – студенты, аспиранты, офисные работники. Они же – наша целевая аудитория... всем им хочется западной свободы и европейского комфорта”.

Ориентация на Европу как на общественный идеал: что может быть неудачнее и ошибочнее для рождающейся русской нации – сегодня, когда омерзительная суть европейской экзистенции стала, наконец, доступна русскому обозревателю не со страниц коммунистической “Правды”, а непосредственно, на улицах и стогах? За последние десять лет я уже около 40 раз побывал в основных европейских столицах. Мне этого хватило, чтобы полностью солидаризоваться с позицией Патрика Бьюкенена, Гийома Фая, Дэвида Дюка и многих других современных пророков западного общества¹⁵, ушибленных очевидным фактом его безнадежной гибели. То, о чем сто лет назад предупреждал Освальд Шпенглер, сбылось с трагическим перехлестом, о чем свидетельствуют не только книги названных авторов, но, прежде всего, наши собственные глаза.

Вот только один факт. По расчетам ООН, европеиды, составлявшие в середине XX века 30% населения земного шара, к середине XXI будут составлять всего 15%. Это стремительно вырождающаяся, дегенерирующая по всем направлениям общность (один из ярких симптомов – полное творческое бесплодие в культуре, начиная с 1960-х). И виновата в этом исключительно внутренняя порочность, дефективность современного европейского менталитета, испорченного той самой жадной “свободы и комфорта”, которую Храмов хвалится как доблестью. В то самое время как европейские народы в целом валятся в тартарары, весьма многие люди Запада персонально вполне благопо-

лучны в полном соответствии с храмовским идеалом и равнодушно наблюдают собственную гибель.

Не знаю, частый ли гость в Европе наш автор, но его восхищение Западом я не могу трактовать иначе, как атавизм советского диссидента. Конкретно — Хомякова и/или Широпаева, от которых, как видно, Храмов этим и заразился: с кем поведешься, от того и наберешься. А то, может, он проехался по туристической визе, полюбовался красотами Парижа и Рима (красоты Лондона под большим вопросом, кроме Трафальгарской площади и района Вестминстера, а Берлин и вовсе архитектурная помойка и казарма). Что ж, свобода и комфорт со стороны выглядят привлекательно: быть гостем в Европе, бесспорно, очень хорошо, ведь она сегодня вся — для гостей, званых и незваных. Но... не для хозяев!

Лучше бы Храмов потеснее общался с французскими, английскими, немецкими, американскими интеллектуалами, как это делаю я и мои соратники Анатолий Иванов, Павел Тулаев, Владимир Авдеев и другие, — поменьше бы оставалось иллюзий. Глядишь, и понял бы, насколько глубоко и бесповоротно отравлено ядом разложения все внешнее европейское благополучие. Понял бы, что европейцы самоуничтожаются, продав свое первородство за чечевичную похлебку — сиречь свой расовый приоритет за пошлый комфорт и свободу... деструктивного, асоциального индивидуализма. И не стал бы нам, и без того несчастливым нынче, прочить такое будущее.

Само собой, я отношу лишь к младенческому состоянию ума автора брошюры его убеждение, что “русские — это такой же европейский народ, как и все остальные. Мы не больше отличаемся от поляков и французов, чем они отличаются друг от друга”. Но достаточно просто поставить рядом Нотр Дам де Пари и киевский (новгородский) собор Святой Софии или храм Василия Блаженного, чтобы идиотизм данной максимы стал очевиден даже слепому. Не развиваю данный сюжет, надеясь вернуться к нему в отдельном тексте¹⁶.

3. Философская и методологическая основа брошюры Храмова также гнилая. Она стоит на ненадежном фундаменте ложных терминов и понятий, позаимствованных у западных обществоведов.

К примеру, на вопрос: “Что такое национальное государство?” — он отвечает прямо по Геллнеру и его единомышленникам: “Совпадение нации и государства — базовый принцип цивилизованного мира. Национальное государство — это государство, которому соответствует только одна нация, поэтому быть гражданином национального государства — это значит быть членом нации”.

Иными словами, он определяет нацию через гражданство, как совокупность граждан; и это — биолог! Кроме всего прочего, он впадает в порочный круг, определяя гражданство через нацию, а нацию тут же, с места не сходя, — через гражданство. Что творится в голове у юного дарования! Впрочем, он этого даже не замечает.

Мною было потрачено много сил и времени на выяснение вопроса о природе этноса, нации и национального государства. Чтобы не повторяться, просто отсылаю читателя к своим текстам¹⁷. Здесь только скажу, что мы с Храмовым находимся в параллельных мирах, и шанса пересечься и заговорить на одном языке у нас нет. Я глубоко убежден при этом, что его мир — фантомен, фиктивен и потому дефективен.

Но полемизировать с Храмовым по данному поводу бессмысленно, хотя бы потому, что это не его личная точка зрения. Просто он, как уже было отмечено вначале, начитался дутых авторитетов западной псевдонауки и перенял у них терминологию и аксиоматику, пропитался ими. Спорить надо не с ним, а с этими “хозяевами дискурса”, что я и обещаю читателю в ближайшее время.

Храмов не раз попадает впросак, встав на зыбкую почву невразумительной западной социологии. К примеру, он с наивной доверчивостью транслирует:

“Национальное государство не делает различий между своими гражданами (хотя само гражданство получить бывает непросто), в том числе по этническому признаку. Напротив, всем гражданам оно предлагает только одну, общеобязательную модель поведения — принадлежность к единой нации, к ее ценностям и культуре. Например, быть гражданином Франции — значит быть французом, даже если твои предки жили в Венгрии (как у нынешнего президента Николя Саркози) или в Армении (как у бывшего французского премьер-

министра Эдуарда Балладюра). Если же ты хочешь оставаться венгром — переезжай в Венгрию и говори там по-венгерски, хочешь носить хиджаб — уезжай в Алжир. В национальном государстве все граждане равны...”.

Но уродливость французской концепции нации настолько очевидно проявляется в жизни, что только совсем не дружащий с головой человек станет рекомендовать ее в качестве образца для других. И тот плачевный и постыдный факт, что на французский престол сел ныне — впервые в истории! — еврей, да еще венгерский, кричит об этом, может быть, громче всего. Национальным французское государство (как и США) является разве только в умах горе-теоретиков. А вот попробовал бы Храмов публично проповедовать данный абзац в подлинно национальном государстве Израиль! (Можете себе представить, чтобы президентом Израиля стал бы нееврей или хотя бы полукровка?!) Его в лучшем случае бы высмеяли, в худшем — закидали камнями.

Храмов продолжает: “Национальное государство, именно в силу того, что оно национальное, вправе потребовать входной билет, исходя из соображений национальной солидарности и ценностей национальной культуры. Если ты этнический немец или еврей — ты получишь гражданство Германии или Израиля”.

Но надо же ясно понимать: быть этническим евреем или немцем — это одно, а исповедовать национальную солидарность или ценности культуры — это совсем другое: объективное vs субъективное. Храмов этого показательно не понимает.

И так далее.

4. Противоречивость и алогичность — вообще характерная черта Храмова. Так, он вроде бы критикует известного вельможного русофоба Валерия Тишкова, по недоразумению возглавляющего Институт этнологии и антропологии РАН, за неумную пропаганду концепции “российской нации”, каковая, по словам Храмова, “придумана исключительно для того, чтобы не допустить разговора о правах подлинной, русской нации”.

Но чем он обосновывает свою критику? Да только “наличием в составе РФ национальных республик — Татарстана, Бурятии, Ингушетии и других (всего 21)”. Словно бы стоит только упразднить национально-территориальные образования в составе России — и не станет никаких препятствий для возникновения пресловутой единой “российской нации”. Или сделать еще проще: переименовать татар, башкир, ингушей в русских и получить в итоге “русскую нацию” — для аналогии Храмов приводит румын и итальянцев, чье самоназвание игнорирует инкорпорированные этнические меньшинства¹⁸. А Тишков и с ним президент Медведев, стало быть, всего лишь забегают вперед, будучи правы по сути, поскольку на самом деле никакой “подлинной русской нации” нет и быть не может. Вот уж дайте только упразднить национальные республики да назвать наше общее гражданство не “российским”, а “русским” — и все граждане сразу станут русскими, и будет у нас отличная русская нация, не хуже румынской или итальянской... .

Бред? О, да! Еще какой!

Или вот еще противоречие. Храмов утверждает, не утруждая себя доказательствами: “Современная нация строится вокруг литературного языка, индивидуального самосознания, капиталистических отношений и народного представительства, а не вокруг пещеры, в которой спаривались наши гипотетические предки из числа древних и давно исчезнувших племен”.

Таким образом, важнейший для любого этноса (и нации как особой фазы этнического развития в том числе) признак биологической общности происхождения Храмовым отмечается с порога. Но тут же он примечает: “Любая нация строится вокруг этнокультурного ядра, поэтому границы любого национального государства четко обозначены и не могут расширяться бесконечно. Германия не может перенести границу на Восток, потому что там живут поляки, и не может перенести границу на Запад, потому что там живут французы”.

Где же логика? Ведь по Храмову выходит, что достаточно включить поляков или французов в состав Германии (т. е. именно “перенести границу”), дать им германское гражданство да научить немецкому языку — так они сразу же и станут немцами! Чего проще!

Вот на таких примерах как раз и видна вся фальшивость концепции нации как согражданства. Ты хоть какое полякам и французам гражданство дай, а немцами они не станут: происхождение не то, биология не та, генетика¹⁹. Как не стали немцами чехи, много веков проводившие под немецким владычеством,

имевшие немецкое (австрийское) гражданство и еще сто лет назад говорившие по-немецки больше и лучше, чем по-чешски.

Недаром даже название одной и той же территории варьирует в зависимости от того, кто его произносит, немец или француз: Эльзас или Лотарингия. И, хотя гражданство населяющих эту область людей менялось не один раз, немцы оставались немцами, а французы – французами.

Для того чтобы поляка или француза превратить в немца, как это было сделано со многими славянскими племенами, начиная с пруссов, их надо ассимилировать биологически, растворить в немецкой генетике, а вовсе не поменять им гражданство.

Этническое единство первично по отношению к языковому и культурному и не зависит от территориальности, экономических связей или подданства.

Азбука... Но Храмов ее не проходил.

Федерализм? Нет, национал-анархизм!

Вот мы и дошли до темы федерализма. Каким должно быть Русское национальное государство: унитарным, как думаю я и мои единомышленники, или федеративным, как полагает юный Александр Храмов (его учителя, Хомяков с Широпаевым, предпочли бы, конечно, сразу конфедерации, но она и так будет неизбежным последствием федеративности, только чуть позже)?

Храмов пытается опорочить унитарное устройство и возвеличить федеративное, но делает это бесконечно неубедительно. Пройдемся по его аргументам.

* * *

1. Свою атаку против централизованного государства Храмов начинает с уверения: “Управлять территориями от Калининграда до Владивостока из единого центра – это утопия”. Он никак не объясняет свой тезис, просто ссылается на опыт Австралии и Канады, которые якобы “сопоставимы с Россией по расстояниям” (о том, что они не сопоставимы ни по количеству и качеству населения, ни по принципам экономики и политики, ни по истории, менталитету и традициям, он умалчивает).

Надо ли напоминать, что в течение семидесяти советских, особенно сталинских, лет управляемость всего огромного СССР (куда больше нынешней кургузой России) была на порядки выше, чем в любой другой стране мира, мобилизационные возможности нашей страны были вне всяких сравнений по любым критериям? Мы были самой управляемой страной всех времен и народов. Для Сталина, Хрущева, Брежнева и даже Горбачева управление “территориями от Калининграда до Владивостока из единого центра” – это была вовсе не утопия, а самая что ни на есть повседневная реальность. И страна при этом росла богатырским ростом. И росла бы и дальше, если бы Брежнев не проспал этот рост, а Горбачев вначале не злоупотребил, глупо и нагло, этой управляемостью, а потом собственными руками не разрушил ее механизм – партократию. После чего все как раз и рухнуло и вообще перестало управляться. Как из центра, так и на местах.

“Унитарное государство годится для Эстонии или Чехии (но даже Франция для него уже великовата), но не для таких крупных пространств”, – пишет юное дарование. Пусть бы он рассказал это нынешним весьма централизованным китайцам²⁰, сравнение с которыми для нас куда актуальнее, нежели с Австралией и Канадой.

Но еще и еще раз подчеркну: для того, чтобы эффективно управлять такой огромной территорией, нужна особая система управления. Нужен особый – гибкий, всепроникающий, безотказный – механизм, который один только в состоянии поставить под контроль бюрократию, олигархию и региональных бонз, наполнить бюджет и фонды, наладить более-менее справедливое распределение общественных богатств, спланировать развитие нации и страны. А именно: партократия, гениально изобретенная именно в нашей стране. Что мы и видим в том же Китае.

В наших условиях, попросту говоря, нужна власть всероссийской Русской Партии, как бы она ни называлась.

Но это Храмову в голову не приходит, да и придти, видимо, не может.

2. Храмов продолжает атаку:

“Сейчас в составе Российской Федерации насчитывается 83 субъекта, за вычетом национальных республик — 62. Это умышленно избыточное число: маленькими регионами легче командовать из Москвы.

В русском государстве — путем объединения ряда существующих российских регионов будет создан ряд более крупных русских федеральных земель/штатов/республик (назвать можно как угодно). Едва ли их число превысит два десятка. Границы, порядок и цели объединения должно определить само население путем референдумов (необходимо учитывать мнение не только населения областей и краев в целом, но и населения отдельных районов)”.

Здесь мы имеем, по уже ставшей привычной храмовской схеме, верную посылку и неверный вывод.

Безусловно, маленькими регионами управлять из центра легче: проще управиться со ста баронами, чем с двумя десятками герцогов. Но ведь это и хорошо! В этом — благо для страны в целом (последний яркий пример, демонстрирующий сказанное, — расправа кардиналов Ришелье и Мазарини с фрондой, истерзавшей, обескровившей и разорившей Францию за полвека феодального своеволия, игры алчности и честолюбий баронов, герцогов и даже принцев крови; величие этой страны, наставшее в результате укрощения фрондеров — сравним их с региональными элитами России, — хороший аргумент против храмовских идей²¹).

Храмов же предлагает все строго наоборот, как, кстати, и Юргенс с Медведевым, чтобы максимально затруднить единое управление. Враги народа, включая названных, должны быть ему весьма благодарны за такие рекомендации. Уже сейчас наши мобилизационные возможности вполне ничтожны по сравнению с тем, что было хотя бы четверть века назад. Но им этого мало, они требуют от послушного российского правительства — добить всякую управляемость нашей страной. Ну, и Храмов им подпекает дискантом — куда конь с копытом, туда и рак с клешней.

3. Храмов дает конкретные рекомендации по обеспечению своеволия регионов.

В частности, пишет умилительную чепуху: “Русские регионы смогут соревноваться между собой и в защите русских за границами русского государства: кто создаст более благоприятные условия для репатриации этнических русских, кто больше вложится в русские национально-культурные объединения”.

Пройдя губернаторские выборы от звонка до звонка, я прекрасно представляю себе, что выскажет местный электорат тому кандидату, который обещает из местного бюджета выделять средства куда-то вовне, вместо того чтобы тратить на тот самый электорат! До финиша такой кандидат не дотянет — это сто процентов. А если на это пойдет действующий губернатор — не видать ему второго срока. В ходе избирательной кампании, когда боролся за пост губернатора Новгорода Великого, я русскую тему вообще не акцентировал (это за меня делали мои конкуренты и враги), понимая, что электорат озабочен насущным, а на русский вопрос ему в массе наплевать²². Степень общерусской солидарности в провинции наш юноша явно преувеличивает. Лавры Манилова, как видно, спать Храмову не дают...

Не знаю, почему Храмову пригрезилось, будто руководители русских регионов будут больше озабочены русским вопросом, да еще в масштабах всей России (не говоря о своем регионе), чем это сегодня демонстрируют Путин с Медведевым. Разве, скажем, династия Рахимовых так уж выражала интересы башкир? И разве вот это не маниловщина чистой воды: “Если некоторые национальные образования (например, Татарстан, Башкортостан и пр.) по итогам голосования будут сохранены и станут пользоваться большой автономией в рамках федерации, то за судьбу русского населения там не стоит беспокоиться. Руководство соседних крупных русских федеральных земель в случае необходимости найдет экономические и политические рычаги давления, чтобы защитить права и интересы русских”. С какой стати? Зачем им лишние неприятности и хлопоты? И какие же это рычаги? Весьма глупое предположение! Что, небогатая Саратовская русская республика начнет войну с богатым Татарстаном? Промышленная Свердловская — с нефтеносной Башкирией? Или блокаду им объявят? Нет слов!

Храмов, однако, продолжает мечтать, да еще как изысканно: “Возможно, в русском государстве будут более консервативные и более либеральные земли: где-то будут запрещены аборты, а где-то разрешены однополые браки. Желающие смогут перебраться в тот регион, законы которого им по душе”. Интересно, где же обнаружится наш мечтатель сам в этом случае? И какая из русских областей в итоге окажется в роли заказчика гомосексуалистов того или иного пола? Что-то я не припомню, чтобы еще кто-либо из русских националистов когда-либо выражал подобные чаяния²³. Вот оказия! С чего бы? Только тогда уж, надо полагать, такой союз земель быстренько заслужит в народе прозвание “Педерации”. Или, с учетом неумемного стремления в Европу, — “Педерляндии”.

Российским региональным ослам Храмов предлагает — и это мудро с его стороны — морковку: бюджетную автономию. Чтобы регионы сами распоряжались своими доходами: “Там, где деньги зарабатываются, они должны и тратиться (исключение составляют расходы на общенациональные нужды, такие, как оборона)”. Лакомо! Особенно для местных баронов и герцогов, которые получают вожделенную возможность дербанить то, что сегодня отнимает центр на общие нужды.

Надо ли объяснять, что из этого выйдет? Люди моего поколения отлично помнят, что распад Советского Союза начался именно с этого: когда республики стали требовать и добиваться в первую очередь перевода на хозрасчет. А раньше всех до этого додумались прибалты, понимавшие, что путь к независимости начинается с финансов. Литовец Снечкус первым сумел добиться, что часть выплат центру стала оставаться в Литовской ССР, за ним в очередь стали строиться другие... Чем кончилось — известно.

Но в данном случае встанет вопрос о разрыве уже не с нацменами, а внутри русского пространства. Вместо укрепления единства русского народа за счет совместного потребления всеми русскими во всей России доходов от российских недр (рассредоточенных по всей территории крайне неравномерно) или предприятий, строившихся в отдельных регионах за общенациональный счет при Советской власти (как тот же КамАЗ), произойдет стремительная имущественная поляризация регионов, которая повлечет за собой буквально переселение народов и, как следствие, перенаселение одних и запустение других областей. Это в первом приближении, не говоря о многом прочем негативе.

Храмов даже наглядно показывает, как это будет:

“Татарстану была предоставлена значительная автономия и право распоряжаться доходами от добываемой на территории республики нефти. Сибиряки надеются, что, став отдельной “национальностью”, они смогут добиться чего-то подобного. Выход тут только один — предоставить жителям Сибири автономию в статусе русских федеральных земель, что и предлагают национал-демократы. Русское национальное государство — это то государство, в котором русские смогут реализовывать свои права на самоуправление и достойную жизнь, не записываясь при этом в татар, сибиряков или чеченцев”.

В переводе на русский язык это означает, что без сибирских богатств сразу останутся все остальные, несибирские русские. Спасибо! И за это погиб Ермак? И о таком “приращении России Сибирью” мечтал Ломоносов?

Храмов грозит: “Русская национально-демократическая революция сокрушит грабительскую российскую вертикаль власти. Русское национальное государство будет строиться как федерация русских земель, связанных отношениями партнерства, равноправия и справедливости”. Примерный идеализм, хоть на выставку!

Но мы будем надеяться, что вертикаль власти устоит, иначе никакого партнерства, равноправия и справедливости (в наших условиях они могут быть только вынужденными, как показано выше) не будет и в помине, а будет просто хаос и крах всей экономики.

4. Иногда рецепты Храмова скрыто комичны по своей сути, чего автор не замечает. Он, например, пишет:

“Нужен не перенос столицы, а децентрализация и передача полномочий в регионы. Центром притяжения для всей страны не должен быть один-единственный город со столчными функциями, который высасывает из страны финансовые и человеческие ресурсы. Если такая столица-пылесос будет расположена не Москве, а, например, в Новосибирске, ситуация не улучшится.

Нужен не один, а 15–20 (по числу русских федеральных земель) центров притяжения и развития”.

Вместо одного пылесоса будет двадцать! Класс! Вот-то пылесосное сословие возликует!

Но ликовать придется недолго, поскольку единое государство в этих условиях быстро развалится, не имея возможности содержать общероссийские институты, армию и флот в том числе. А уж тут к нам явятся такие новые хозяева, что пылесосы быстренько перейдут из русских рук – в совсем другие. Собственно, Медведев этим уже озаботился, когда провозгласил уход государства из крупных предприятий и добывающих отраслей (нет сомнений, что акции, принадлежащие сегодня России, перейдут в руки заморских покупателей). Но, конечно, с отдельными “самостоятельными” регионами проделать эту операцию будет еще проще.

Комедия Храмова сильно отдает трагедией, не правда ли?

5. Вновь, в который раз, отмечаю странное устройство черного ящика (сиречь, мозга) Храмова: из верной посылки делается неверный вывод.

Вот он пишет, совершенно справедливо: “Российская Федерация, правопреемница СССР, унаследовала от него систему ассиметричного (по отношению к русским) федерализма. Разумеется, русская демократическая революция покончит с этой ситуацией”.

Все так, готов подписаться!

Но как Храмов предлагает покончить с противоестественным положением? Да только так, что эта противоестественность возводится в энную степень. Вы думаете, он предлагает отменить вообще ненужный русским принцип федерализма вкупе с национально-территориальными образованиями? Как бы не так! Пожалте:

“Каждая федеральная земля, образованная из существующих ныне краев и областей (их в составе РФ 63), будет наделена русским национальным статусом и войдет в состав русского государства как его неотъемлемая часть. Фактически это и будут те русские республики, которых советская и российская власть так и не дали русским”.

Шестьдесят три (!) русских государства вместо одного! Да о таком и Гитлер не смел мечтать, хотя нечто подобное и пропагандировали его лучшие министры!

* * *

Удивительно, как, начав с сетования на трудности управления такой большой страной Россией, Храмов пришел к последовательному изложению мер, непременно сделавших это управление уже совершенно невозможным в принципе!

Иными словами, перед нами никакой не федерализм и никакая не демократия, а чистойшей воды анархизм.

В полном соответствии с внутренней логикой дискурса.

Что и требовалось доказать.

О русском сепаратизме

У того учения, которое РГС распространяет под видом национал-демократии, есть (помимо национал-анархизма) вполне устоявшееся наименование: *русский сепаратизм*. Храмов – не один в поле воин и даже не зачинатель, и не корифей (пока) движения русских сепаратистов, украшенного именами Петра Хомякова, Алексея Широпаева, Ильи Лазаренко, Вадима Штепы и др.

Интересующихся отсылаю к замечательной и неизменно актуальной статье Андрея Борцова “Русский сепаратизм”, детально раскрывающей всю суть и подноготную этого движения. А чтобы проиллюстрировать сказанное, даю подборку фактов из названной статьи, ярко рисующих в целом то направление, к которому примкнули РГС и Александр Храмов лично. И куда они своими силенками пытаются контрабандно подтянуть национал-демократию.

“В Петербурге существует движение “Ингерманландия”, выступающее за независимость города. Отырвок из декларации: “Мы объявляем о начале строительства нового общества, основанного на принципах Декларации прав

человека и свободной экономики. Мы призываем всех, кто неравнодушен к судьбе Санкт-Петербурга и области, к судьбе своих детей и внуков, всех, кто разделяет наши взгляды, присоединяться к нашей созидательной деятельности. Работа предстоит большая и тяжелая, но время выбрало нас. Вместе – победим! Да здравствует вольный Санкт-Петербург! Да здравствует независимая Ингерманландия! За вашу и нашу свободу!”

Выглядит, конечно, смешно. Однако в свое время так же смешно, дико и нелепо выглядела возможность отделения от России Украины и Белоруссии.

Вот еще лозунги сепаратистов, так сказать, с других мест: “К enigsberg – вместо Калининграда! Tilsit – вместо Советска! Rauschen – вместо Светлогорска! Демократия – вместо сатрапии! Буржуазные Ценности – вместо ордынского “Третьего Пути”! ЕС – вместо СНГ!”...

Еще объединение сепаратистов: “Сообщество создано с целью популяризации сепаратистских устремлений среди граждан Кенигсбергской Губернии. Начинать демонтаж Эрефии – удобнее всего именно отсюда. Freies Ostpreussen – Свободная Восточная Пруссия”.

В Калининграде существует даже некая “Балтийская республиканская партия”, выступающая за отделение от РФ.

Существует идея создания некоей “Казачьей республики”:

“27 августа 2005 года в городе Челябинске сформирован Организационный комитет по созданию и государственной регистрации Федеральной Казачьей Национально-Культурной Автономии (ФКНКА). Оргкомитет возглавил атаман Исетского казачьего войска М. Н. Лонцаков. Статус этнической общности и организационная структура национально-культурных автономий в сочетании с законодательством о реабилитации репрессированных народов позволит казакам получить доступ к бюджетам всех уровней и независимость от местных и московских чиновников.

И если в обозримом будущем Россия останется Федерацией, то казачий народ обязан добиться признания своего законного права на национальное самоопределение сначала – в рамках реального казачьего местного самоуправления в местах их (казачков) традиционного компактного проживания, а в перспективе – восставив, как минимум, казачью национально-территориальную автономию, либо образовав в установленном законом порядке самостоятельный субъект Федерации – казачью республику”.

Я, между прочим, сам казак по происхождению (Хоперский округ) и прекрасно знаю, что казаки всегда отделяли себя от “мужиков” (обычных крестьян) на бытовом уровне, но при этом никогда не отделяли себя от русского народа в целом. А тут, оказывается, “этническая общность” появилась.

А вот лидер хит-парада – “Свободная Тверь”:

“Древняя история нашего города неразрывно связана с доблестным сопротивлением, которое он долгое время оказывал москальским захватчикам.

...Огнем и железом была создана русская народность, предназначенная удерживать людей в подчинении москальского престола...

И вот уже Тверь (точнее – Тверской одномандатный округ № 173) представляет в Государственной думе москаль из Академии МВД Владимир Васильев, причастный к жестокому уничтожению чеченских юношей и девушек вместе с заложниками в “Норд-осте”...

Довольно! Мы – не русские! Мы – тверичи – русского и украинского, татарского и башкирского, карельского, конголезского и сирийского происхождения. Мы не против жить в союзе с соседями, но хотим свободно договариваться об условиях этого союза, а не принимать диктат державного центра.

Программа-минимум: восстановление права Тверской области на избрание губернатора – из числа тверичей, а не заезжих варягов; повышение федерального статуса области до того, каким располагают республики в составе РФ.

Программа-максимум: выход Тверского края из сформированной насильственным образом Российской Федерации и создание нового, равноправного и свободного союза с теми регионами, которые этого пожелают.

Нет – империи! Даешь соединенные штаты России!”

Кстати, о Соединенных Штатах. Сепаратисты договариваются до призывов НАТО в Россию:

“...родственников среди номенклатуры у нас нет, т. е. в корпористему мы не входим, а поскольку держателем жизненного пространства является

именно она (достаточно сравнить уровень жизни любого из моих читателей – и уровень жизни обитателя “Рублевки”) – то мы, получаемся, самые натуральные голодранцы. Оффшорные нищерброды без кавычек.

Но тогда, следуя элементарной бытовой логике и здоровым принципам этноэгоцентризма (коллективного этнического эгоизма), мы должны кооперироваться не с режимом, а с его врагами. Любыми врагами. Американцам нужны ресурсы России? Отлично, они все равно не наши. Авось чего и нам перепадет. Да и в конце концов, надо же кремлинов проучить! Мечь – это святое.

Официально заявляю – в случае любого конфликта путинского жиртреста и стран НАТО считайте меня патриотом НАТО. Воевать не пойду, но чем могу, помогу белому брату.

Слава Бушу! Слава США! Слава НАТО!”

Обратите внимание на ход мысли. Для удобства распишу по пунктам.

1. Сепаратисты не входят в число богатого населения РФ.
2. Соответственно – не получают доли от распродажи России, а очень хочется.
3. И виновата в этом нынешняя власть. *Nota bene*: обвинение идет не в продаже Родины, а именно в том, что “с нами не делятся”.

4. Декларирована готовность к предательству (ресурсы-то все же страны, а не правительства) с мотивациями “авось поделятся из милости” и “главное – чтобы правительству хуже было, а что будет с народом – без разницы”.

“Говнорашка это наш прямой и явный враг, а вот НАТО – потенциальный освободитель... Будем надеяться, что НАТО поможет нам уничтожить антирусскую Говнорашку”.

Без комментариев. За одним исключением: заметил ли читатель какую-либо принципиальную разницу между тем, что изложено в этом обзоре, и тем, что пропагандирует Храмов? Я – нет.

4. ЗАКОНЫ, КОТОРЫЕ ПОЛЕЗНО ЗНАТЬ

В завершение расскажу о трех законах, которые мне удалось извлечь из изучения истории разных стран и народов по данному поводу. Это Первый и Второй законы элит и Закон о благе и зле федерализма.

Первый из них наиболее выпукло можно продемонстрировать на примере Латинской Америки (хотя он одинаково хорошо просматривается и на других многочисленных примерах, вплоть до распада СССР). Второй – на примере обеих Америк. А третий – на примере Древней Руси, поскольку это ближе нам и очень ярко и убедительно по сути (хотя, опять-таки, примеров очень много, включая вышеупомянутую фронду XVII века – попытку установить “французскую федерацию регионов”).

То и другое позволит показать абсолютную оторванность храмовских построений от реальной земной почвы.

Первый закон элит

Некогда Центральная и Южная Америка в целом подразделялись на две большие части: одна представляла собой колонию Испании, другая – Португалии.

Триста лет Испания и Португалия полновластно владели этими землями. Испанцы и португальцы – близкородственные этносы, понимающие друг друга почти без переводчика. В расовом отношении они практически неотличимы. Сходно у них, католиков, и отношение к миру, и модель поведения. В отличие от англо-саксов, они, сами будучи микстом, активно смешивались как с рабами африканского происхождения, завозимыми для обработки плантаций, так и с местными индейскими племенами, также в большинстве своем поработченными. Метисы и мулаты, в свою очередь, активно мешались между собой и т. д.

В итоге такого трехсотлетнего всесмешения во всем указанном регионе сложился более-менее цельный микст, создалась вторичная раса с единым национальным самосознанием (“мы – нация метисов”, – говорят латиносы), единой религией (все ревностные католики), более-менее единым романским языком (главным образом, испанским) и единой культурой, единым национальным характером, единым типом хозяйства, установленным метрополией.

В 1810 году в этих колониях вспыхнула война за независимость. Когда власть метрополий, Испании и Португалии, на всем огромном пространстве полутора континентов рухнула, ничто, на первый взгляд, не мешало созданию двух мощных супердержав в границах, соответствующих двум бывшим имперским владениям. Ведь ничто, кроме условных административных границ провинций, не разделяло этих людей, одинаково мыслящих, говорящих и поступающих, живущих в одинаковых условиях и по одним стандартам, исповедующих одну религию, ведущих единый тип хозяйства и даже использующих для себя один общий этноним²⁴. Они, казалось, просто обречены были на полное государственно-политическое единство, а как же иначе!

Однако никаких сверхдержав, вопреки всем самым благоприятнейшим условиям, не получилось. Границы провинций, еще вчера ровным счетом ничего не значащие и никого никак в действительности не разделяющие, границы условные и фантомные, выдуманные колонизаторами лишь для удобства управления, внезапно оказались непреодолимыми, несокрушимыми.

Сегодня на этой территории расположены не две великие страны, как можно было ожидать, а более тридцати. Большая часть из них невелики по размерам (кроме Аргентины и Бразилии) и являются суверенными только по документам, находясь в полной зависимости от более развитых стран мира.

Самое интересное, что все эти страны по-прежнему, как двести лет назад, населены более-менее единым этническим составом, говорящим на более-менее едином языке и обладающим более-менее единым менталитетом. Но они имеют самые разные режимы и, соответственно, гражданство. И никакого движения к объединению, слиянию на базе этнического, культурно-языкового, религиозного, хозяйственного, территориального и исторического единства они не проявляют даже в зародыше. Не сливаются, несмотря на очевидную однородность, — и все тут!

Это кажется противоестественным и противоречащим интересам населения этих стран, но факт налицо.

Спрашивается, как и почему, в то время как в Северной Америке разные штаты сложились в единую великую страну, в Южной — огромные и еще вчера единые колонии вдруг разделились на самостоятельные государства?

Движение за независимость берет свое начало в 1810 году, и состояние границ между провинциями именно на этот год стало статусом кво по умолчанию²⁵. Вот так и получило в один момент признание своих суверенитетов множество новых стран, еще вчера бывшее единой колонией Испании или Португалии и населенное более-менее однородной во всех отношениях этнической смесью.

На короткое время Симону Боливару удалось создать Великую Колумбию. А на юге континента сложились Объединенные провинции Рио-де-ла-Платы. Казалось бы, как хорошо! Но они просуществовали совсем недолго и развалились — в первом случае на Венесуэлу, Колумбию, Эквадор, а во втором на Аргентину, Уругвай, Парагвай, Боливию. Особо должен подчеркнуть, что Венесуэла и Эквадор оторвались от Великой Колумбии, а Уругвай и Парагвай — от Объединенных провинций не просто так, за спасибо, а через кровопролитные, подлинно братоубийственные войны.

Почему?!

Потому что ни расово-этническая, ни географическая, ни историческая, ни экономическая и вообще никакая иная общность не способна противодействовать Первому закону элит. О котором, увы, ни Храмов, ни его учителя и единомышленники не имеют, как видно, ни малейшего представления.

Этот закон прост и гениален, ибо безотказно работает всегда и везде, никогда не давая сбой и не зная исключений. Его сформулировал Гай Юлий Цезарь, и звучит он так: “Лучше быть первым в провинции, чем вторым в Риме”. Каждый, кто занимается управленческой работой, знает этот закон, но не умом, а спинным мозгом, поскольку он — в крови администратора любого уровня. Инстинкт, одним словом.

Латиноамериканские провинции еще вчера были всего лишь административными единицами единой империи (Испанской или Португальской). Но, добившись свободы, они не стали объединяться в единое государство именно потому, что сработал Первый закон элит. Вчерашние губернаторы при первой же возможности захотели стать президентами, королями, диктаторами и т. п. Потому что лучше быть полновластным владыкой в маленькой, нищей и зависимой стране, чем зависимым лицом в большой, сильной и великой держа-

ве. Их, по законам стайного существования²⁶, поддержало все ближайшее окружение, как военное, так и полицейское и административное, чтобы сохранить собственный высокий ранг.

Перед нами – зримая модель того, что немедленно будет с Россией, если дать веру и волю Храмову и его старшим и прочим товарищам. Первый закон элит тут же автоматически сработает с привычной неотвратимостью.

Нетрудно понять, что если рухнет или хотя бы существенно ослабнет власть центра, метрополии, власть Москвы, то границы русских областей, как это произошло в Латинской Америке двести лет назад, мгновенно станут непреодолимы и несокрушима, как бы ни были нелепы и несправедливы (например, в Татарстане, Башкирии, Якутии, Адыгее²⁷). Именно так, как это произошло при развале СССР. Счастье, если они останутся хотя бы прозрачны, в чем никакой уверенности нет.

Ничто не удержит единство нации и страны, как мы видим на примере Латинской Америки: ни этническое единство русских, ни общий язык, культура и религия, ни общая история, ни даже экономические выгоды и интересы, уповать на которые приучали нас марксисты. Большинство населения когда-то недаром проголосовало за сохранение СССР, понимая все пользы от этого, но голосование помогло, как мертвому припарки: республиканские элиты (российская в их числе) растоптали волю большинства и разорвали страну, не дрогнув.

Точно так же, не дрогнув, разорвут Россию элиты региональные. Федерация незамедлительно превратится в конфедерацию, а та – в какой-нибудь “Союз независимых русских государств”, в точности по модели распада СССР с последующим созданием СНГ. В каком-то Союзе, однако, примут участие далеко не все “русские республики”, часть из которых начнет территориальные, или ресурсные, или еще какие-то междоусобные войны, а часть из республик преобразуется в микромонархии или микродиктатуры (а кто помешает? кто проконтролирует? центра-то ведь нет или он слаб!) с правом вести международную политику, объявлять войну, печатать свои деньги, с монополией на внешнюю торговлю, со своей пограничной и таможенной службой и т. д.

Напомню, что в 1990-е годы Якутия, например, уже пыталась ввести свою таможню, а другие республики обзавелись своими конституциями и законами, без оглядки на центр, стремясь к полному суверенитету. К примеру, по татарским законам можно было стать гражданином Татарстана, не будучи гражданином России! И т. д. Только Путину удалось отчасти поставить зарвавшихся этнократов на место и привести к единому знаменателю все республиканские законы. Удалось во многом потому, что все республики инфильтрованы русскими, выполняющими де-факто роль главной скрепы страны.

Но если с короткого кремлевского поводка сорвутся русские области, никакие путины их удержать уже не смогут. Вы хотели бы, читатель, чтобы ваши дети гибли, к примеру, при отделении Ханты-Мансийского округа от Тюменской республики? Или за свободу Московской области от Москвы? Нет? Но ведь вас и не спросят!

Если бывший центр или какие-либо союзные структуры попытаются удержать “русские” силой в новом, чисто русском СНГ, опять же начнется война за право выйти из Союза. Как воевали Венесуэла и Эквадор (точнее, их властные элиты) за то, чтобы не остаться в Великой Колумбии. Можно уверенно предсказать, что процесс раздела не остановится на распаде России по нынешним границам регионов, а пойдет дальше и приведет к разделу Якутии, Красноярского края и еще нескольких, слишком больших административных территорий. Как это было в той же Латинской Америке, где число государств сегодня почти вдвое превышает число провинций, воевавших за свой суверенитет двести лет назад. Не факт, что этот раздел будет бескровным.

Нетрудно предсказать и роль в таком развитии событий заинтересованных держав: США, Западной Европы (в целом и по отдельности), Китая, Японии... Напомню, кстати, что на крохотных Японских островах расселено 120 млн этнических японцев: ровно в четыре раза больше, чем российского населения на всем пространстве от Урала до острова Беринга (менее 30 млн). О населении Китая в этой связи лучше и не вспоминать. Ни Дальневосточная, ни Сибирская, ни Уральская республики, буде они возникнут, не смогут защитить свое достоинство и своих людей, это более чем очевидно. И воевать,

если что, за свои интересы мировые державы будут, конечно же, на территории уже разделенной, но еще не поделенной между ними России.

Но, конечно, первоочередная задача для всех сильных мира сего – это разделение, расчленение России: “разделяй и властвуй” есть вековечная формула на все времена. Храмов и ему подобные, посильно работая на эту идею, могут не задумываться и не догадываться, чьи интересы они в действительности обслуживают. Но это никак не меняет их реальной роли мелких агентов глобальных сил.

Надеяться, что “русские республики” сохраняют хотя бы тень независимости от внешнего мира, – наивно, глупо и нелепо. Мне страшно даже мысленно заглядывать в ту пропасть, в которой мы обнаружим себя при таком развитии событий. Широпаевцы (и Храмов со своим РГС в том числе) хотят не переделать в единое Русское государство антирусскую Эрэфию, а уничтожить ее, разорвать на много маленьких стран, антирусская сущность которых от этого нисколько не изменится. Кто, кроме хищников и бандитов, захвативших сегодня власть в регионах, скажет им за это спасибо? Только еще большие хищники и бандиты – но уже международного класса.

В тотальном проигрыше окажется в своей массе тот самый русский народ, о благе которого заботливо печется юный Храмов, желающий освободить русских от “грабительской российской вертикали власти”.

Очередная утопия, как обычно, будет стоить нашим детям крови, и немало. И тогда слова Егора Холмогорова о том, что “на осколках РФ состоится масштабный геноцид русских, – геноцид таких масштабов, которых история никогда не знала”, могут обернуться зловещим пророчеством.

Закон о благе и зле федерализма

Что такое “федерализация” нашей страны, мог и должен бы понимать каждый русский человек на убедительном примере Древней Руси. Но мы об этом не задумываемся. А зря. Бросим быстрый взор на нашу историю, которая, похоже, никого ничему так и не научила.

Древняя Русь была вполне унитарным государством. Об этом позаботились Рюрик, Олег, Игорь, Ольга, собравшие и державшие под своей властью летописные племена. Хотя сам момент призвания Рюрика пятью племенами – двумя славянскими и тремя финскими – есть как раз момент типичного федеративного объединения в соответствии с главным принципом федерации “*e pluribus unum*” – “из многого единое”. Но раз сложившись, это единство сомнению и разложению уже не подвергалось; Русь вплоть до Святослава, Владимира и Ярослава оставалась унитарной.

Даже попытка древлян поднять бунт против Игоря не имела в виду отложения древлянского княжества от Киева: убив верховного властителя, древляне тут же попытались не выйти из-под центральной княжеской власти, а женить своего местного князька Мала на овдовевшей Ольге, чтобы ему править всей Киевской Русью, как правил убитый князь. Но Ольга с этой ролью отлично справилась сама. Жестоко и напоказ раздавив остатки древлянской “самостийности”, она тем дала суровый урок всем прочим подвластным племенам. После чего немедленно отправилась в самый отдаленный и проблемный регион, на Новгородчину, где твердой рукой провела перераспределение и инвентаризацию земель и их налогообложение. Показала, кто в русском доме хозяин: никто и не пикнул. Ни о какой федерации в то время не могло быть и речи.

Именно унитарный, по большому счету, характер Киевской Руси (наличие вассалов-посадников в крупных городах этому не противоречит) обеспечивал военную мощь и огромные мобилизационные возможности киевских князей. Они не раз сотрясали даже стены Цареграда-Константинополя, в лоск разгромили Хазарский каганат, овладели Херсонесом и владели Тмутараканью. О том, как резвились славяне и русы на византийских и болгарских землях, есть леденящие кровь рассказы в писаниях Прокопия Кесарийского, Льва Диякона и других авторов. В 1076 г. Владимир Мономах совершил успешный поход против немецкого императора Генриха IV: русские войска с боями прошли Богемию и остановились только в Силезии. Не раз воевали Польшу. И т. п. Монархи ведущих европейских стран считали за честь породниться с Киевом.

Но скоро этому могуществу пришел конец – и именно потому, что киевские князья стали делить собственное государство на части, “федерализо-

вать” его. Они делали это (как и Храмов собирается) из самых лучших побуждений: чтобы не обидеть никого из родных сыновей. Но последствия этих “благих” дел были ужасны для всей страны.

Смерть Святослава, оставившего трех сыновей на трех престолах, не привела к сепаратизму и распаду страны только потому, что сыновья быстро провели смертельную схватку за центральный престол, за Киев. Никто не хотел быть правителем второго сорта, питая надежду владеть всей Русью целиком. Братоубийственная война закончилась смертью двух старших братьев и вокняжением Владимира, который правил железной рукой и никакого сепаратизма не допустил, удержав унитарный характер правления.

Взятие Полоцка, в ходе которого самостоятельная, не от Рюрика, династия полоцких князей была зверски уничтожена (Владимир на глазах княжеской четы вначале изнасиловал их дочь Рогнеду, а потом убил родителей на глазах только что поруганной девушки), была показательной расправой над самой идеей сепаратизма.

Однако именно в это княжение первым в нашей истории знамя русского сепаратизма поднял сын Рогнеды Ярослав, ненавидевший своего отца и попытавшийся впервые отколоть Новгород от Киевской Руси, перестав платить отцу урок (дань). Владимир немедленно стал готовить карательный поход против сына, чтобы вновь раздавить сепаратизм в зародыше, но внезапно скончался.

Смерть Владимира, имевшего двенадцать сыновей от семи “водимых” (законных) жен, поначалу поставила под угрозу единство страны. Снова забрезжил призрак федерализации, а то и распада. Однако Ярослав унаследовал-таки киевский престол, как когда-то отец, перебив, изгнав и пережив многочисленных братьев, и правил затем единолично, ни с кем не деля своего полновластия.

О государственном единстве (унитарности) Древней Руси в те века красноречиво говорит тот факт, что судьбой далекого Киевского престола дважды распорядились новгородцы, посадившие на него вначале Владимира Святославича, а потом и Ярослава Владимировича, даже вопреки воле последнего, собравшегося уж было бежать за море от брата Святополка. В то время новгородцы явно чувствовали себя частью единого государства и единого народа, имеющими свою долю в общей судьбе, а значит, и право в нее вмешиваться. Отдельные аномалии (Полоцк, Псков) как возникали, так и исчезали.

Но в конце жизни Ярославу Мудрому явно не хватило мудрости: презрев жестокие уроки, полученные отцом и им самим, он вновь раздал сыновьям уделы.

Так возникла-таки первая русская федерация. Что из этого вышло?

Со смертью Ярослава Киевская Русь почти сразу же распадается на княжества: Киевское, Черниговское, Переяславское, Полоцкое... В Новгороде, Пскове и Вятке власть берет вече (это уже шаг к конфедерации).

И тут же начинаются феодальные войны, кровавые усобицы, как и следовало ожидать.

Лиха беда начало: дробление русских земель, естественно, продолжалось, уделы множились: Черниговское княжество распадается на Черниговское, Новгород-Северское, Путивльское, Курское, Рьльское, Трубчевское; Полоцкое – на Витебское, Минское, Слуцкое; и т. д.

Киев стремительно теряет контроль над Русью в целом. А в 1169 году случилось и вовсе беспрецедентное событие: коалиция русских князей (“федератов”, в терминах нашего времени, а то и “конфедератов”), возглавленная Андреем Боголюбским, захватила и дотла разграбила “мать городов русских”. Для них это уже была не древняя высокочтимая русская столица, а чуть ли не вражеский город, с которым надлежало поступить по закону военного времени. Андрей даже не пожелал сесть на “золотом столе”, как его предки, и остался в Боголюбово.

На короткое время некоторая централизация Северо-Восточной Руси произошла при Всеволоде Большое Гнездо (1154–1212). “Слово о полку Игореве” отразило общерусский авторитет Всеволода; в летописях его именуют “великим”; даже киевский митрополит проводил политику по его указаниям. Но после смерти Всеволода вокруг его наследия развернулась борьба, в которой приняли участие многие русские князья, включая киевского Мстислава Удалого. Владимиро-Суздальское княжество поделили три сына покойного князя, вскоре сошедшиеся в смертельной схватке – т. н. Липецкой битве. Та же ис-

тория! И это могучее княжество в итоге развалилось на уделы: Ярославский, Переславль-Залесский, Тверской, Угличский, Ростовский, Белозерский, Суздальский, Нижегородский, Галицкий (Мерский), Стародубский, Московский, Юрьев-Польский и др.

Настали неизбежно времена, когда владимирцы, киевляне, новгородцы, тверитяне, москвичи и т. д. обзавелись сугубо местническим, “региональным” самосознанием, забыв о своем общерусском существовании. Расплата не заставила долго себя ждать.

Вскоре, когда пришли татаро-монголы (жестко централизованная и четко отобилизованная система), удельная Русь противостоять им уже не могла. Те наши земли, что не подмяли под себя татары, – тут же прихватили Польша и Литва, образовавшая т.н. Литовскую Русь, ориентированную на Запад. В том, что феодальная раздробленность (читай: федерализация) Руси была главной причиной ее гибели, никогда не сомневались ни современники, ни потомки²⁸.

Всего за какие-то 200 лет, прошедшие от смерти Ярослава, расплывшегося первого удела, до татарского завоевания, огромная и могущественная страна, чей голос имел вес в концерте европейских стран от Константинополя до Упсалы, превратилась в колонию (поначалу – и вовсе в систему колоний, в соответствии с удельной структурой), не имевшую независимой внешней политики. Все бесчисленные протори и убытки, чудовищные жертвы русского народа, отбросившие нас от магистрального пути европеоидной расы на обочину, обрекшие на догоняющий путь развития со всеми издержками, – это плод той древней федерализации унитарного государства Киевской Руси.

Разделить единую страну было легко, на это хватило лишь духовного завещания киевского князя. Сложить потом вновь унитарную Русь было куда трудней и обошлось очень дорого. Все безобразия удельной системы, разнузданное Ярославом “Мудрым”, было в целом ограничено только спустя четыреста с лишним лет Иваном Третьим, а вконец сломано лишь его внуком.

Но почему после смерти Василия Третьего не состоялся реванш федерализма? Ни при регентше Елене Глинской, ни в отроческие годы Ивана Четвертого? Почему Москва устояла и сохранила власть над всей Русью? Почему за целых пятнадцать лет никто из удельных князей не покусился ни на правящую династию²⁹, ни на централизованное государство, не отложился от центра?

Потому что все русские люди еще очень хорошо представляли себе пагубные последствия этого, боялись нового распада, как огня, и ни за что не пошли бы на такой самоубийственный шаг, не поддержали бы сепаратистов. Исторический век феодальной раздробленности объективно закончился, и возврата к старому быть не могло. Надо быть экстремально глупым, чтобы не учиться на собственных ошибках (это относится как нашим поумневшим предкам, так и к их поглупевшим потомкам – Хомякову, Широпаеву, Храмову и К^о).

Урок прост и ясен. Он состоит из двух тезисов:

1) федерация, собранная в единое целое из прежде разных частей, как собрали Рюрик и Олег все летописные племена в единую Русь под своей эгидой, как собрали Соединенные Штаты Америки или Германскую Империю, – это хорошо;

2) федерация, полученная дроблением единого целого на разные части – плохо.

Вместе эти тезисы – и есть Закон о благе и зле федерализма.

Второй закон элит и Россия

В данной связи вновь вернемся к вопросу: как и почему в то время, как в Южной Америке огромные и еще вчера единые колонии вдруг разделились на самостоятельные государства, в Северной – разные штаты сложились в единую великую страну? Причем утверждалось это единство также через войну – долгую и кровопролитную войну Севера против Юга, федералистов против конфедератов³⁰? Почему в одном случае люди воевали за государственное единство, а в другом – за выход из него?

Дело в том, что Север представлял собой в целом регион промышленного и банковского капитала, а Юг – землевладельческого. Развитый национальный капитализм Севера, дозревший до стадии империализма, требовал единого пространства для перемещения товаров и капиталов. И принудил к этому единству Юг. Подлинная элита американского Севера времен Линколь-

на – это уже не региональная управленческая элита Вашингтона или какого-либо штата, а представители крупного капитала, чьи империалистические амбиции простирались далеко за пределы административных границ. Понимание ими экономических выгод единства страны нашло свое выражение в финансировании соответствующих политических и военных проектов. Капитал северных штатов уже мог диктовать свою волю политикам и генералам – и ломать волю местных элит, вечно жаждущих полного всевластия в своем гнезде³¹.

Дело в том, что Второй закон элит гласит: “Лучше быть первым во всей стране, чем в отдельной провинции” (формулировка моя). Объединители США хотели и могли первенствовать в масштабах не только Севера, но и всей будущей державы. Соответственно, у политиков, за спиной которых стоял этот капитал, появились свои супершансы.

С тех пор североамериканская финансово-промышленная элита как субъект истории неуклонно расширяла и существенно расширила-таки зону своего влияния.

Однако ни на Юге будущих США, ни в Центральной и Южной Америке такого капитала и таких амбициозных финансово-политических элит не было. А у тех, что были, амбиции не простирались далее границ своих провинций. Результат налицо.

Нет их сегодня и в современной России. Удержать нашу страну от распада, если он начнется, будет просто некому: слабенький русский национал-капитализм до этого (до стадии империализма) еще не созрел. О чем убедительно свидетельствует уродливый и, на первый взгляд, противоестественный феномен русского сепаратизма.

РЕЗЮМЕ

Как успел заметить читатель, исторический опыт федерализации единых некогда государств – зловещий симптом, предвещающий их скорый распад и кончину.

Конечно, возврат сегодня, после развала СССР на национальные государства, к мечтам о единой и неделимой России времен Деникина и Колчака – чистой воды анахронизм. Я противник идеи восстановления СССР или Российской империи. Нам чужого не надо.

Но и свое мы отдавать не хотим и не будем: русские люди должны жить в своем едином (унитарном) и централизованном государстве. У русского народа должна быть одна страна, одна голова, одна судьба – только тогда он, возможно, уцелеет в грядущих испытаниях. Русское Движение именно этот лозунг должно сделать своей ясной целью.

Сегодня Россия есть русская страна с антирусской властью. Нам, русским националистам, надлежит взять в ней всю власть, чтобы преобразовать ее в Русское национальное государство – “для русских и по-русски”, как завещал великий русский патриот. Это возможно, понятно, только при наличии единого сильного русского центра.

Что же касается федерации, то нам и эта-то, действующая, федерация обрыдла, достала нас своей противоестественностью. От нее надо отказаться в пользу единой централизованной державы по образцу республиканского Рима.

* * *

Есть еще одна причина, по которой я взялся за перо.

Почему Храмов так легко жертвует единством централизованного русского государства, созданного с таким трудом и с такими жертвами перед лицом могущественной необходимости?

Он просто не понимает, зачем оно нужно. Он ставит именно этот вопрос: “Зачем нужно русское национальное государство?”. Но дает на него вот такой примитивный, на уровне пятиклассника, ответ:

“1) Только руководство русского национального государства сможет защитить русских в условиях масштабных внутренних миграций... .

2) Не менее важно русское государство и в условиях внешней миграции... .

3) Национальное государство отстаивает интересы нации и за пределами своих границ... .

4) Только русское государство способно целенаправленно вкладываться в русские территории и русское население, не расходуя деньги на бессмысленные имперские амбиции”.

Это все, что есть у него за душой. Я не охотник исследовать примитивные ответы на сложные вопросы. На тему государства, его необходимости (или, напротив, – ненужности, в системе анархистов) и т. д. написаны горы трудов. Я не хочу и даже права не имею погружать читателя в эту бездну цивилистики. Да этого и не требуется, чтобы с первого взгляда и так понять: перед нами – детское, девственное сознание, претендующее на решение глобальных проблем. Хлестаков и Шариков в одном лице, как и было сказано.

Наивность, скажет читатель? Простота, что хуже воровства, отвечу я.

Как говаривал Гегель, истина одна, и она конкретна.

И она – не у Храмова, добавлю.

Раздражает не столько глупость и однобокая образованность Храмова, крепко подкованного... на одно копыто. Сколько именно эта убойная наглость, апломб нечеловеческий, претензии, пресловутое библейское хамство, неосторожно возвращенное редакторами “Вопросов национализма”.

Пугает, что о национал-демократах уже начинают всю судить и рядить, исходя именно из подобных безапелляционных писаний, замазывая при этом грязной ни в чем не повинных деятелей Русского движения, которому медвежьих услуги юного дарования могут дорого обойтись.

Ибо хомяковы, широпаевы, храмовы под видом борьбы с имперской идеей и прикрываясь чуждой им на деле маской “национал-демократии”, ведут борьбу именно с Русским национальным государством, которого пока еще нет. В превентивном, так сказать, порядке, зарабатывая политические гранты и бонусы у исконных врагов России, мечтающих о ее расчленении. Тот факт, что все последнее время внутренняя политика нашей страны целиком диктовалась внешними обстоятельствами, учтен этими горе-политиками хорошо, даже слишком.

Если их идеи возобладают или будут приняты к руководству правителями России, то Русского национального государства не будет никогда, разве что в карликовом и марионеточном – курам на смех – варианте. А счет невинным русским жертвам пойдет опять на миллионы.

В этой ситуации со стороны подлинных национал-демократов, да и всех иных участников Русского движения, прекраснотушие и политическая близорукость – слишком большая, непростительная роскошь.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ <http://holmogor.livejournal.com/4075463.html>.

² http://www.kavkaz-news.info/portal/cnid_82534/alias__Caucasus-Info/lang_en/tabid_2434/default.aspx.

³ См. в кн.: Севастьянов А. Н. Уклоны, загибы и задвиги в русском движении (М., 2011).

⁴ *НВ*: с 2006 г. (с 18 лет). На сайте русских сепаратистов “Дебрянский политический клуб “Пересвет”” Феоктистов недавно признался насчет будущего России: “Я допускаю любой вариант развития событий – от создания конфедерации до введения оккупационного режима правления. Сам я сторонник федеративного государства”.

⁵ На эту тему см.: Александр Севастьянов. Национал-демократия – не национал-социализм. К истории вопроса. – *Вопросы национализма*, № 2, 2010.

⁶ Читал в электронном виде, вышла ли она на бумаге, я не знаю, поэтому не даю ссылок на страницы.

⁷ В этом всякий может убедиться, ознакомившись хотя бы с такими исследованиями последних лет: Д. А. Коцюбинский. Русский национализм начала XX века. – М., РОССПЭН, 1998; Кирьянов Ю. И. Русское собрание. 1900–1917. – М., РОССПЭН, 2003; Н. А. Митрохин. Русская партия. Движение русских националистов в СССР. 1953–1985 годы. – М., Новое литературное обозрение, 2003; А. И. Байгушев. Русская партия внутри КПСС. – М., “Алгоритм – Книга”, 2005. И др.

⁸ Вслед за Роули (а Роули вслед за легионом клеветников) Храмов тиражирует такую, например, давно разоблаченную и донельзя примитивную ложь: “Советская империя действительно, как пишет Роули, распалась из центра: русские более не захотели нести на себе имперскую ношу... Отсутствием русского национализма

можно наиболее убедительно объяснить коллапс самодержавия, в то время как наличие русского национализма сыграло ключевую роль в коллапсе Советского Союза” (ВН № 5, с. 213–214). Зачем Храмов это делает? Чтобы успешнее экстраполировать эту ситуацию в наши дни.

⁹ Подробный анализ этого обстоятельства надеюсь дать в специальной статье.

¹⁰ Разве имперский вектор всегда и во всем был антинароден? В отношении Севера, Урала, Сибири, Дальнего Востока, Поволжья, Прибалтики, Крыма и Новороссии, предгорий и равнин Кавказа, Кубани – это, безусловно, не так. Антинародным, династическим можно считать лишь империалистическое движение в Польшу, Финляндию, Туркестан, горный Кавказ, Закавказье. Рекомендую источник: Любавский М. К. Обзор истории русской колонизации. – М., МГУ, 1996.

¹¹ Этот вопрос давно рассмотрен в националистических дискуссиях. Итоговые выводы отражены в карте “Русская Россия. Карта компактного расселения русского этноса” и моих комментариях к ней.

¹² Из 44 федераций, что были образованы на Земле за последние 200 лет, удержали свою форму лишь 17 (пока); а большинство – 27 – либо распались, либо стали унитарными (см.: Фарухшин М. Х. Современный федерализм: российский и зарубежный опыт. – Казань, 1998, с. 99).

¹³ Например: Ильин И. А. Федерация в истории России // Ильин И. А. Наши задачи. Историческая судьба и будущее России. – М., 1992, в 2-х тт. – Т. 1. Обзор мнений русских мыслителей на тему государственного обустройства России (федерализм – унитаризм) см. в ст. А. Н. Вдовина.

¹⁴ Лейтмотивом статьи Вдовина можно считать приведенную им цитату из работ видного русского дореволюционного профессора-государствоведа А. А. Жилина (1912): “Превращение России в союзное государство, по нашему глубоко убеждению, было бы гибелью этого государства”. Мысль, правоту которой блестяще подтвердила конечная судьба федеративного СССР.

¹⁵ Я бы не стал игнорировать также труды крупных отечественных мыслителей А. А. Зиновьева, О. А. Платонова, И. Р. Шафаревича и др. на сей счет. Храмов берет под сомнение знаменитый прогноз Шпенглера на том основании, что “промышленный рост в развивающихся странах несколько снизил удельный вклад Европы в мировой ВВП (с 37% в 1950 до 25% к концу второго тысячелетия), но европейские страны до сих пор остаются мощнейшей экономической силой”. На мой взгляд, это глубоко ошибочное, безрассудное суждение, основанное на не имеющем отношения к делу экономическом факторе. Ибо дело-то все в том, что на Западе становится просто противно жить. Жизнь там устроена неправильно, плохо. Этого никаким промышленным ростом не прикрыть и не исправить. Случись мне покинуть Россию, от чего боится Бог, я поеду доживать свой век в Индию, Непал или Китай, где жить приятно, но никак не в Европу. Ибо созерцание агонии близкого родственника, пораженного лепрой и гниющего заживо, весьма не здорово для психики, даже если есть при этом вкусных устриц, ходить по музеям и любоваться с Монмартра красивыми видами. Шпенглер был, конечно же, прав, а точку поставили Дюк и Бьюкенен.

¹⁶ В недавно вышедшей книге, предназначенной для иностранных студентов с целью адаптировать их к “загадочной русской душе” и помочь избежать недоразумений в России, насчитывается сто (!) позиций ментального несовпадения между русскими и европейцами. Позиций, требующих объяснения, разъяснения, согласования. См.: Сергеева А. В. Какие мы, русские? (100 вопросов – 100 ответов). Книга для чтения о русском национальном характере. – М., Изд-во ЗАО “Русский язык”, 2010.

¹⁷ Рекомендую для начала хотя бы такие: 1) Этнос и нация. – М., Книжный мир, 2008; 2) Национальное государство. – Национальная газета, № 6–10 (96–100), 2006; Русское национальное государство: “рай для своих” или “лавка смешных ужасов”? Критика критики национализма. – Политический класс, № 4, 2008. Но в первую очередь, конечно, – проект конституции Русского национального государства (“Русский проект”, 1998).

¹⁸ Логическая ловушка, в которую попал Храмов, понятна: с точки зрения внешнего мира все россияне тоже – “русские”, без вычленения татар, чеченцев или евреев, как и нам со стороны все жители Румынии кажутся румынами, а Италия – итальянцами. Но это мнимое, условное единство: попробуйте-ка внушить чеченцу или шапсугу, что он на самом деле – русский, а румынскому венгру – что он румын!

¹⁹ Только что закончив обстоятельное рецензирование фундаментального исследования Е. В. и О. П. Балановских “Русский генофонд на Русской равнине”, я осмеливаюсь это утверждать на твердом основании.

²⁰ Слепота Храмова видна хотя бы из того, что он по старой памяти зачисляет Китай – в некий “третий мир” (каким он был в 1960-е), не видя в упор, что эта ве-

лика страна давно уже рассталась с временно отсталым прошлым и уверенно пошла на обгон лидера “первого мира”. В сегодняшних реалиях к бывшему “третьему миру” куда ближе Россия.

²¹ Очень рекомендовал бы всем сторонникам идей Хомякова-Широпаева-Храмова почитать мемуары кардинала Ришелье или хотя бы парижского коадьютора де Реца, благо они изданы по-русски. Они бы все поняли раз навсегда про фронду и неуклонно порождающие её мотивы баронов и герцогов.

²² И был совершенно прав! В результате я уступил только действующему губернатору, на которого работали все ресурсы области, и директору Союза промышленников и предпринимателей Санкт-Петербурга, вложившему в выборы 1 млн долларов (я вложил 7 тыс.) и обогнавшему меня на 0,25% голосов.

²³ Возможно, Храмову следовало бы не в национал-демократы, а в либертарианцы записаться. А я-то еще гадал, что значили его таинственные слова: “Мы либеральнее патентованных “либералов”... Путь Храмова оправдать и реабилитировать либерализм в России, чем он усиленно занимался не только в брошюре, но и в статье “Национализм и модернизация. Теория и перспективы либерального национализма” (ВН № 2, 2010), напоминают старания Баркашева по отмыванию свастики: демагогия чистой воды. Везет же нам!

²⁴ Вторичная раса “метисов” к этому времени уже сложилась. Симон Боливар в 1819 г. высказался с острым пониманием этого собственного единства и своеобразия: “Следует вспомнить, что наш народ не является ни европейским, ни североамериканским, он скорее являет собой смешение африканцев и американцев, нежели потомство европейцев... Невозможно с точностью указать, к какой семье человеческой мы принадлежим. Большая часть индейского населения уничтожена, европейцы смешались с американцами, а последние – с индейцами и европейцами. Рожденные в лоне одной матери, но разные по крови и происхождению, наши отцы – иностранцы, люди с разным цветом кожи”.

²⁵ Испании, занятой войсками Наполеона, было в тот момент совсем не до колоний, и она не вмешивалась в их раздел.

²⁶ Эти законы хорошо описаны экологами. См., например, в кн.: Дольник В. Р. Непослушное дитя биосферы (любое издание).

²⁷ Из чтения своего кумира Бенедикта Андерсона Храмов мог бы почерпнуть и такой поучительный пример, как попытка переформатировать Австро-Венгерскую империю (чтобы спасти ее, продлить ей существование хотя бы в превращенном виде) в федерацию: Соединенные штаты Великоавстрии (СШВА). Но из этой затеи вышел пшик: национальные элиты, вызрев и дозрев до той стадии, когда могли взять управление на себя, разорвали страну без сомнений и жалости, действуя все по тому же Первому закону элит. Хороший урок для нас, если уж мы так глупы, что не способны учиться на собственном горьком опыте. Вообще, наличие нескольких государств, где большинство состоит из говорящих на немецком языке этнических немцев (Германия, Австрия, Швейцария), предупреждает нас о том, что может постигнуть единую нацию. Для нас, русских, сегодня аналогом является отпадение Белоруссии (отчасти и Украины, и Казахстана). А что будет завтра?

²⁸ Точно так же раздробленная на феодалы и провинции Франция не смогла противостоять поначалу экспансии более централизованной Англии, а раздробленная на княжества Германия на тридцать лет превратилась в “территорию охоты” для итальянцев, испанцев, французов, шведов и пр., грабивших, убивавших, насиловавших, терзавших...

²⁹ Отравлена была чересчур самовластная Елена Глинская, но не ее сын, будущий царь Иван Грозный.

³⁰ Кстати, единство Германии было обеспечено также не без военных успехов Пруссии, добившейся своей гегемонии среди немецких княжеств как дипломатией, так и вооруженной рукой. Я должен здесь напомнить, что обе главные европейские континентальные державы – Германия и Франция – сполна познали прелести “федерализма” (читай: феодальной раздробленности бывшей Империи Карла Великого, первоначально поделенной его тремя внуками, но продолжавшей делиться и впредь), за которые заплатили: Франция – Столетней войной, а Германия – Тридцатилетней. Тридцатилетняя война – прямое и очень убедительное следствие федерализации Священной Римской Империи, неуклонно набиравшей силу с конца XV века. Немецкие князья возжаждали полной самостоятельности и самовластия – вот и добились этого по Вестфальскому миру: *Quius regio eius religio*. Но добились через море крови и фактический автогеноцид немецкой нации. Последствия этих войн приходилось преодолевать еще столетия, Франции вплоть до возмужания Людовика XIV, а Германии вплоть до Бисмарка и Вильгельма I.

³¹ Конечно, приходилось в чем-то идти на компромисс, давая, например, штатам определенную свободу рук, в том числе в законодательной сфере, но такова была разумная плата за соединение, так выражался баланс сил того времени. Впрочем, идея единства и общей управляемости из центра все равно превалировала. За что и с какой стати должны идти на такие уступки и жертвы мы, русские?

АЛЬБЕРТ УСТИНОВ

О ПРОСТОМ СОВЕТСКОМ ЧЕЛОВЕКЕ...

Исповедь в преддверии восьмидесятилетия

Да, о нём, о том “агитпроповском” образе с плакатов советских времён – человек с ружьём, с отбойным молотком, с мастерком, с серпом, или девушка с веслом, со снопом, иногда с циркулем и логарифмической линейкой. Это их, поставленных как королей или полководцев на высокий пьедестал, в постсоветское время назовут пренебрежительно “совком”, как бы в отместку за “наглость” занимать столь “благородные” места.

Но не так уж и прост тот “простой” человек, если о нём столько разноречивых мнений высказывалось: советская пропаганда поднимала его на котурны, а постсоветская “демократическая элита” желчно мстит “простаку”.

Не вдаваясь в запутанную семантику дилеммы “простой – непростой (сложный)”, я предлагаю найти какую-то отправную точку, откуда расходятся понятия, тот сказочный камень, на котором начертано: “Направо пойдёшь – найдёшь... Налево – всё потеряешь...”

Вот “простой человек”, что жил в поэтическом сердце Н. А. Некрасова:

*...Чьи работают грубые руки,
Предоставив почтительно нам
Погружаться в искусства, в науки,
Предаваться мечтам и страстям.*

В некрасовское время более 80% русского простого люда жило по тёмным избам с лучинами, прялками, с “телятами в подклети”, с деревянными сохами на полях, хотя уже кое-где появлялся однолемешный плуг.

Никакой “америки” я не открываю, называя простым человеком – русского мужика, то есть крестьянина, потому как мы, по слову другого русского поэта, Александра Твардовского, “...все, почти что поголовно, оттуда люди, от земли”. И у советского простого человека, хоть в пропагандистской ипостаси, хоть в “совковой” карикатуре, одни и те же генетические корни – от русского мужика, в том числе и эта пресловутая “простота”, которая, по его же присказке, “хуже воровства”. Вообще-то русский мужик себя не щадит в самохарактеристиках. Его национальный сказочный герой – Ванька-дурак или Емеля-лежебока, хотя в своей глубинной сути (“себе на уме”) он твёрдо уверен, что “терпенье и труд всё перетрут”, да и смётки у дурака хватает жарптицу схватить...

Вот и выходит, что советский простой человек — прямой потомок древних оратаев, корчующих пни, смолокуров и бортников, ратников княжеских дружин, волхов, гуслиаров, скоморохов и разбойников, беглецов в казаки от помещиков, артельных людей, бурлаков, мастеров и подмастерьев на промыслах, рабочего люда.

Кстати, о барах — баринах, барышнях, барчуках, словом — господах. В разговоре о “советском человеке”, у которого даже само слово “господин” было изъято из обращения, легко и просто заменено удобным и доверительным “товарищем”, казалось бы, и упоминать не стоит отброшенный историей “класс эксплуататоров”. Но не всё так просто! При всей моей классовой неприязни к барам я всё же признаю их русскими, частью своего народа.

Когда я, крестьянский сын, внук, правнук и праправнук крестьянина, перебираю “витки” родословной своего народа, то нахожу родные черты и в былинном Микуле, и в летописном Несторе, и в толстовском мужике из “Власти тьмы”, который кроме “Таё-таё” ничего и сказать-то не может, и в чеховском “злоумышленнике”, открутившем на рельсе гайку, потому что “шелешпёр без грузила не ловится”. Моя костромская паутинка сплетена в том “жгуте” с сибирской казачьей “ниточкой”, на всех витках мелькают родные “кровиночки” от Украины до Сахалина. И прочно, и уютно мне ощущать корешки в своей земле и чувствовать общую радость и боль единого большого организма народа.

Вот понятие “народ”, пожалуй, и является камнем преткновения при сшибках мнений обо всём советском, вплоть до пресловутого “совка”. Пока Империя делила своих подданных на православных и инородцев, разбивая их ещё на сословия, реестры и ранги, каждый чётко “знал свой шесток”. Но даже в имперской идеологической триаде (“православие, самодержавие, народность”) это понятие (народ) загадочно вплетено в “жгут” наравне с другими скрепами. Какой “народности” присягали служилые имперские чины? Не могло чванливое высшее сословие открыто признать свою родственную связь с простым народом, например, с крестьянским сословием, но “по умолчанию” обязательно было признавать сакральность этого понятия. Народность! — а неплохой синоним патриотизма!

И вот Революция. Крах Империи. Советы. Рассыпались скрепы-сословия. Даже крестьянский сын, ставший великим национальным поэтом, приехав в свою (уже советскую) деревню, изумлённо узнаёт, что не его стихи, а “агитки Бедного Демьяна” распевает молодёжь:

*Что с попом, что с кулаком —
Одна беседа:
В пузо толстое штыком
Мироеда!*

Но раздавались и разгневанные поэтические крики: “В хлев ты будешь загнан, народ, не уважающий святынь”.

В этом последнем стихе-проклятии, принадлежащем одной из известных представительниц русской эмиграции, наиболее жёстко и откровенно прозвучал тайный смысл державной триады, понимавший народность как “народ в хлеву”. Пока он покорен “белой кости” и пока уважает святыни православия и самодержавия, мы будем терпеть тебя рядом с собой в триаде. Иначе — снова палкой загоним в хлев. По сути, в этих строках вся идеология внешней и внутренней русской эмиграции, у которой вместе с “трень-бренью” званий, сословий и регалий потускнела позолота святости.

“Белая кость” покинула страну, а по сю сторону границы остался советский простой человек. Давайте-ка, господа-товарищи, “совки” и их ненавистники, теперь, век спустя, спокойно, без жгучей ненависти классов взглянемся в срез этого революционного момента истории и попытаемся найти нечто отличающее бывшего гражданина Российской империи от советского человека.

...Как было у нас в казачьей станице на краю казацкой степи? — “Наша взяла!” — вот и вся “идеология”. Наша, рабоче-крестьянская власть. Атаман и управа отменяются. Вся власть Советам! Управу назвали Советом, а атамана её председателем. Так свершилась “революция” в станице. Но комиссар из уезда сказал: надо создать комбед. Из батраков и одношадных мужиков. В комбедке оказался только один грамотный — расписываться умел. Так

чья власть? — комбеда (“наша взяла”) или того “совета” (бывшей управы)? Из уезда (110 км) пришёл пешком “партеец” и провёл разъяснительную работу: создали партийную и комсомольскую ячейки, объявили атамана и членов управы (“справных мужиков”) вместе с попом “классовыми врагами” и решили на общем сходе выбрать новый совет. Но не успели. Из Омска нагрянул “разъезд” из пяти вооружённых конных и двенадцати казаков с конями и ружьями и увели комбед к Колчаку. . .

Все эти дела на памяти родственников и родителей, тех “комсомольцев двадцатого года”, которые собирались вечерами в “избе-читальне” и под диктовку отца (единственного грамотного) выводили из учебника ликбеза: “Мы не рабы, рабы не мы”.

Потом вернулись дезертиры, не захотевшие уходить на восток с войском Колчака. Потом мужики верёвками срывали крест с церкви под испуганными взглядами оцепеневших баб. Потом была организация колхоза со многими “картинками”. Одна из них: бабушка падает на пороге стайки, не давая деду уводить корову в колхоз, а дед бьёт её налыгачём. Всяко было. . .

Потом была песенная весенняя посевная всем нарядным колхозом с первым трактором. Был первый “красный обоз” с урожаем. Второй обоз. Третий. . . А план хлебопоставок всё увеличивался. На трудодень ничего не осталось. Даже на семена. На следующий год — голод. А тут ещё один “рот” родился — я.

К тому, что было, могу добавить и свои “памятные фотографии”. Отец, как фокусник, зажигает и гасит висящую над столом лампу под крики, смех, звон бутылок и стаканов — пришло электричество! На площади у клуба “заговорила” на столбе чёрная тарелка — радио!

Конечно, мои телячьи радости раннего возраста — слабые аргументы. Я также визжал от восторга, когда папу провожали на фронт, и он, вскочив на стол, как с трибуны, кричал: “Наше дело правое — мы победим! За Родину! За Сталина!”

А чего же я утаиваю про раскулачивание и репрессии 1937 года? Но никаких отзвуків ни во мне, ни в семье, ни во всём обширном родственном клане 1937 год не оставил. Правда, я, уже взрослый комсомолец хрущёвского времени, “требовал” за это ответа у “сталиниста”, инвалида войны, на что отец зло ответил: “А не было никакого раскулачивания, никаких “воронков”. — “Но это же. . .” — я ему хрущёвскими словами про “культ личности”. “У нас не было, — твёрдо отрезал отец. — Слава богу, стукачей не оказалось”.

Так вот, что за народ такой был — советский? Был ли? А может, и есть?

Пожалуй, как первое характерное отличие надо назвать товарищество. Помимо официально введённого обращения друг к другу в связи с отменой сословий, очень быстро вошла в быт, культуру, в обиход “простого” народа некая общественная ипостась. Ленинские слова “жить в обществе и быть свободным от общества — нельзя” были ответом на провозглашение либеральных свобод.

Не будем оценивать практику складывавшегося социалистического общественного устройства и формирования социалистического сознания, но отметим бесспорную роль в жизни каждого члена советского общества коллективистских начал: производственные, профсоюзные, комсомольские, партийные собрания, заседания многочисленных комитетов, кружки самодеятельности, соревнования, спортивные состязания, культ- и турпоходы и т. д. Разумеется, “притирание” двух диаметрально противоположных начал, заложенных в человеке (личного и общественного), происходило и будет вечно продолжаться. Но то советское общество проводило “притирание” с целью достижения гармонии во имя поставленной высокой идеологической цели — формирования нового гармонически развитого человека, и это — исторический факт.

Итак, товарищество, гармонизация общественных и личных интересов — первый характерный признак советского человека. (“Нет уз святее товарищества!” — идёт из глубин русского народного сознания, подчёркнуто ещё великим Гоголем.)

Вторым характерным признаком советского человека надо назвать стремление к знаниям. Здесь не сразу высветиваются заложенные в государственным масштабе различные “всеобучи”, “ликбезы” и “рабфаки”, курсы и институты повышения квалификации, вечерние и заочные школы и другие формы “охвата” (термин вполне официальный) учёбой каждого члена общества. Ле-

нинские слова “Учиться, учиться и учиться!” первенствовали в наглядной и устной агитации и пропаганде.

Жажда знаний манила, вела, заставляла учиться. Не просто мотивы личной карьеры, престижа, материальной выгоды вели русского, советского человека к знаниям. Это сторона разумелась сама собой (“не вечно тебе крутить быкам хвосты в колхозе”), но главенствовали соображения более высокой значимости, наполненности “золотым содержанием” научного знания, народного признания.

Из деревни стали уходить не только в солдаты и на промыслы, но и в университеты. Опять же по себе сужу: я один из первых студентов за двухсотлетнюю историю деревни. Да и к нам стали приезжать учителя, агрономы, врачи, инженеры.

Этим “образованцам” надо бы гимн пропеть, по-хорошему, за их исключительную историческую роль в рывке советского народа к знаниям с 20-х по 90-е годы XX столетия. Это они, надевшие габардиновые плащи, шляпы и шляпки, повязавшие галстуки и шарфики, становились образцом для подражания многочисленным родственникам и соседям не только в “городской” моде, но и в оборотах речи, в любви к книгам, в нравственной и личной гигиене. Это на их долю пришлось основная тяжесть подъёма всеобща и роста знаний в бесчисленных бесплатных кружках юннатов, техников-конструкторов, рукодельниц, в самодеятельных художественных и спортивных секциях, в организации множества смотров, конкурсов, олимпиад, в нравственном и эстетическом воспитании детей и юношества.

“СССР – самая читающая страна” – не просто красное словцо. Даже сделав поправку на давление пропаганды, на обязательную подписку на партийные издания, без всякого преувеличения можно сказать, что миллионные тиражи не покрывали спроса на такие познавательные журналы, как “Знание – сила”, “Техника – молодёжи”, “Вокруг света”, толстые литературные журналы. За ними и за собраниями сочинений классиков выстраивались очереди.

Нынешние издатели с ностальгией вздыхают по разваленной теперь советской системе книгоиздания и книготорговли.

Всё советское общество было пронизано педагогикой сверху донизу. И дело не только в главенствовавшей и властвовавшей коммунистической идеологии, – в основу государственной педагогики ложились вошедшие в быт и культуру русского народа фундаментальные принципы и традиции, заложенные в тысячелетней истории России. Недаром, когда сформулировали “Моральный кодекс” советского человека (строителя коммунизма), то он чуть ли не полностью повторил христианские заповеди.

Попутно следует отметить, что охотников поэкспериментировать на “новом человеке” было немало. Достаточно вспомнить Пролеткульт, пытавшийся “сжечь Рафаэля”, создать своё новое, пролетарское искусство, перевоспитать в “революционном духе” зрителя, слушателя, читателя.

К разгрому Пролеткульта приложил руку В. И. Ленин и дал наркому просвещения важные инструкции: “Всё ценное в старом искусстве сохранять, к новому относиться сдержанно, давать ему возможность развития, но ни в коем случае **не давать заниматься захватничеством**” (цитата в пересказе Луначарского). Был не только сохранён, но и развит великий русский театр, создано великое советское кино, расцвела на народной основе советская музыка, особенно русская советская песня.

А что хотели сделать шкрабы (школьные работники) со школой? В результате многочисленных и не всегда безобидных шараханий советская школа всё же продолжила структурно и методически русскую классическую (дворянскую) гимназию, которая обогатилась опытом подготовки человека к гражданской зрелости не только для выходцев из среды высших сословий, но для каждого.

Известные достижения Советской страны в науке могли быть ещё более внушительными, если бы не обстановка холодной войны, ситуация “окружённого лагеря”, система охраны государственных и научных тайн. Такая обстановка приводила к администрированию в науке, которую приходилось болезненно преодолевать.

Назовём и третью характерную особенность советского человека – интернационализм. Рождённый рабочим движением вместе с лозунгом “Пролетарии всех стран, соединяйтесь!”, этот термин был и остаётся самым политизиро-

ванным, горячим, обоюдоострым. Коммунисты склонны были употреблять его с прилагательным “пролетарский”, в отличие от “буржуазного”, который нынче превратился в “глобализм”.

Но не будем увлекаться “измами”. Речь идёт об обыденном “человечьем общежитии”. Как жить рядом и вместе людям разных национальностей? Ничего лучшего, кроме дружбы народов, не придумаешь. Это и “придумали” советские люди.

Противники советской власти и социализма по поводу “дутой” дружбы народов СССР нагородили горы чепухи и злобной лжи: не было-де никакой дружбы, одно принуждение и пропаганда: образование национальных республик, областей и округов только заложило бомбу под СССР. Даже эти два тезиса, которые противоречат друг другу, обнаруживают ложь злопыхателей: если было принуждение, зачем же народам, никогда не имевшим своей государственности, предоставлялись автономии, самостоятельность для развития?

А про развитие злопыхатели вообще не упоминают. Как будто не было создания письменности для народов, которые до этого не имели её. Как будто не было роста национальных школ, театров, институтов, даже академий наук. Надо ли перечислять имена национальных артистов, писателей, художников, учёных, которые появились на всесоюзной арене и вместе с русскими именами составляли гордость советского народа? А Дни, Недели и Декады национальных культур в Москве и в республиках!

При неизбежном налёте официальной пропаганды при проведении подобных мероприятий, в них бился пульс той самой дружбы, когда завязывались узы личной приязни, деловых и творческих договорённостей.

Такие же процессы происходили не только в эмоциональной творческой среде. Единое экономическое пространство СССР было и единым производственным комплексом, когда освоение северов или целины, новых месторождений или прокладка дорог втягивали в себя рабочую силу всех регионов – всех советских людей разных национальностей.

Интернационализм советских людей заметен был по интернациональному составу производственных и иных коллективов, экипажей судов, экспедиций, армейских подразделений, учебных групп, что резко контрастировало с положением в дореволюционной России.

Говорить о росте смешанных браков, как показателе интернационализма, было не принято: тут любовь замешана, а она – вне статистики. И всё-таки как мне, целиннику, не вспомнить, что в Кокчетавской области в годы освоения целины регистрировалось 64% смешанных браков. Факт вещь упрямая.

К теме интернационализма тесно примыкает тема русского народа. Сколько ни “обнажай” этот вопрос или ни упаковывай его в разные обёртки, всё равно “русский вопрос” высовывается шилом из мешка.

Весь мир советских людей называл русскими. Советские люди нерусских национальностей не только не возмущались этим, но с гордостью признавали своё родство со “старшим братом”.

Только после ельцинского “парада суверенитетов” со стороны антисоветских и антикоммунистических сил этой идеологеме был придан ядовитый окрас шовинистической имперскости, чего никогда не было ни у реального русского народа, ни у эфирно-газетного “старшего брата”. Наоборот, родственно-бытовая, семейно-сердечная интонация такой идеологической формулы накладывала на реальный русский народ дополнительные этические обязанности помогать “младшим”. Это хорошо знали тысячи и сотни тысяч, если не миллионы, направленных в “национальную глубинку” учителей, медиков, агрономов, ветеринаров, инженеров и других дипломированных специалистов. Почитайте биографии появившихся в советское время родоначальников национальных литератур, театра, кино, музыки, изобразительных искусств – у всех вы найдёте благодарственные отзывы о своих русских учителях.

Есть и у меня капелька личного опыта в этой связи. Так случилось, что в мою биографию вплелось пребывание депутатом разного уровня советов одной из национальных республик. Из многочисленной череды обращений граждан вспоминаются, не скажу частые, но бьющие по нервам и вгоняющие в неловкость обращения именно как к представителю русского народа, к “старшему брату”, способному, по мнению просителя, объективно разобраться в вопросе, в отличие от охваченных межклановыми амбициями соплеменников.

А что случилось, когда к власти пришли сторонники западных ценностей? Реклама и пиар! Выпячивание себя, своего товара. Учат теперь деток не быть скромными. . .

Мир внутри меня (эго) и высокое Небо над головой – удивительные, несоизмеримые, несопоставимые и даже как будто противопоставленные друг другу величины. Но довольно метафор! Советский простой человек в идеале должен был соединить земную эгоистическую и звёздную альтруистическую стихии в единой ипостаси. В идеале. . . Реально, конечно же, были и обожжённые крылышки, и взлёты подвига, и “чего изволите?”, и “ты – мне, я – тебе”, и стахановцы, и ударники коммунистического труда, и несуну, и бегуны от алиментов, и матери-героини, и пьяницы, и трезвенники, и трудоголики, и тунеядцы. . . “Ничто человеческое” не было чуждо нам. Но куда был направлен мощный общественно-педагогический вектор, не допускавший ни малейшего колебания стрелки морального барометра? Кто были советские “святые”? Чьи лица с Досок почёта торжественно и уверенно утверждали “символ веры” советской “религии” – “Слава труду!” В каждом городе, районе, совхозе, колхозе, на каждом предприятии, в каждом учреждении “канонизировались” имена рабочего и директора, вахтёра и инженера, учителя и врача, учёного и артиста.

Давайте без лукавства, без ехидных намёков на кабинеты, в которых принимались решения, признаем перед своей совестью, что все эти имена были достойны уважения и почёта по своему социально-нравственному облику и заслугам перед обществом. За очень редкими частными исключениями они не подвергались резкому отторжению. Потому что решения в кабинетах не противоречили “народной молве”; наоборот, на ней и на “объективных показателях” результатов труда строились.

С орденами и званиями, как и с учёными степенями и должностями, была “катавасия”: несоразмерно уступая современным изошрённым пиаровским технологиям, советский “блат” находил все же обходные пути для дутых званий, степеней. Народная молва не проходила мимо них, критиковала, высмеивала, “прорабатывала” на собраниях и заседаниях, в СМИ. И, пожалуй, следует признать, что при общем нравственно-педагогическом векторе “издержки” в виде “дутых авторитетов” не превышали критического уровня: социально-карьерный лифт в целом справлялся с поставкой наверх кадров, способных руководить производством и обществом на должном уровне.

Особая грань темы советского народа: депутаты всех уровней. Вот уж благодатная площадка для обвинения “совка” в антидемократизме, тоталитаризме! Ведь выборы в действительности проходили ещё до всенародного голосования в тех же кабинетах, в которых формировались и списки для Досок почёта. Право слово, не наобум. Мучительно и задолго до выборов шла работа по отбору кандидатов. Для чего? Давайте задумаемся. Для единодушного одобрения так же тщательно обработанных в недрах плановых органов специалистами директивных цифр? Для скандирования лозунгов и здравниц? Для заседания в президиумах? Не без этого! Но вот в чём был мучительный для “ответственных товарищей” момент выбора – кого рекомендовать? В ответственности за моральную, политическую, человеческую чистоту рекомендуемого лица, которому предстоит стать лицом советской власти!

Ведь депутат сталкивается лицом к лицу с народом, разбирая многие заявления, просьбы, жалобы, и его моральный авторитет был безупречен. Кажется, и не было случаев падения в коррупционную грязь.

В этом смысле он не только по названию был “народным”.

Чтобы не возникло у читателя подозрения, что автор ратует за безальтернативные выборы, должен пояснить свою позицию. Советский простой человек, каковым я являюсь и от имени кого выступаю, “не лыком шит”. Все видели и понимали, что, голосуя за одного, они не выбирают, а **уже утверждают выбранного**, что выборы уже состоялись, и день выборов – просто праздник торжества “советской демократии” в отличие от буржуазной, где лезут во власть кто попало, кто понаглее и побогаче, кто больше наобещает всяких (часто невыполнимых) благ своим избирателям. А мы ставим во власть того, кто понадёжнее, от нашей рабоче-крестьянской косточки, с учётом того, что там, во власти, были и академики и слесари, и русские и звенки, и стар и млад. Лично сам я в этом “выборе” участвовал на собрании коллектива по

выдвижению. Понимал, что дальше эта кандидатура будет “вентилироваться” и “рассматриваться” в разных “инстанциях”, не доверяя которым у меня нет оснований. И я потом опускаю бюллетень как знак согласия с “проветилированной” в кабинетах кандидатурой. Вот так я избирал и был избранным, и не чувствовал себя ущемлённым в правах.

Рождённый в СССР, воспитанный по-советски, проживший всю трудовую жизнь при советской власти, которая меня учила и лечила, предоставляла бесплатные или дешёвые книги и учебники, библиотеки, спортзалы, детские спектакли и киносеансы, студенческие общежития, жильё и работу после училища или института, я вслед за Маяковским так и ощущал: “Очень правильная, эта наша Советская власть”.

“Что имеем – не храним, потерявши плачем”. В какой “прикид” ни облакайся, каким макияжем ни разукрашивайся, какую толстую шею ни наедай, каким фитнесом ни занимайся, а тот моральный облик скромницы “в платице белом” или надёжного парня “у проходной”, который воспитывала советская народная педагогика, не затмить, не заглушить, не забыть, не убить. Потому что в прилагательном “советский” к существительному “человек” за неброской одеждой, неприятзательным жильём, зачастую примитивной бытовой техникой таились идеальные качества нового человека, который должен впитать лучшее, накопленное человечеством, и развивать его дальше в своих детях. В этом суть коммунистического учения о будущем свободном бесклассовом обществе, без эксплуатации человека человеком.

Ещё Аристотель размышлял над феноменом под названием “человек” и называл его “общественным животным”, то есть всё истинно человеческое в нём – “сверхживотное”. Я пришёл к мысли, что всё истинно человеческое в человеке проявится в коммунизме, будущем справедливом обществе, строить которое надо, совершенствуя истинно-человеческие качества и преодолевая, обуздывая животные. С обретением такой простой и ясной “религии” мир для меня перестал быть хаосом случайностей; как в силовом магнитном поле, лица, поступки, предметы и события в отношении вектора моей коммунистической идеи выстроились в определённом порядке: хорошо всё, что ведёт к коммунизму, плохо всё, что ему мешает.

Я уже дед, и даже прадед. Дети, внуки, правнуки рядом, вокруг меня. Я ещё вписан в жизнь, а жизнь-то уже другая. Внуки поют другие песни, на мой взгляд, очень громкие, дёрганные, несуразные. И не поют мои, мелодичные. Вроде бы и обидно за песни, которые пел, которыми жил. Но и они ведь живут своими песнями. Им жить, им петь. Одеваются чудно? Так ещё Тарас Бульба встречал сына из семинарии “по одежке”: “А повернись-ка, сын, экой ты смешной какой!” Им нравится – ну и пусть! Да я и сам уже появляюсь на людях в шортах и бейсболке. Ничего, удобно и практично.

Стариковское брюзжание и закономерно и безобидно. Так было, так будет. Но в отношении “советского простого человека” неприменим геронтологический подход. Ведь он, советский человек, в историческом плане – ребёнок. Хотя, подобно Гераклу, ещё в колыбели стал совершать подвиги. Но старый хищный мир алчности и эгоизма, как бессмертный Кощей, над золотом чахнувший, в этом “ребёнке” учуял своего “могильщика”.

Кощей не пожалел злата на создание мозговых антисоветских центров, чтобы учёные, тщательно изучив этого “чудо-ребёнка”, нашли его “ахиллесову пята”. Перепробовав все старые методы кнута и пряника, плаща и кинжала (прямая интервенция, шпионаж и диверсии, поощрение агрессора Гитлера, “план Маршалла”, политика отбрасывания коммунизма, блокада Кубы, война во Вьетнаме и создание военных баз вокруг СССР, “холодная война” с “горячими точками” в Венгрии, Чехословакии, Польше), центры советологов отыскали-таки “ахиллесову пята” советского человека.

Она оказалась в том, чему не обучался “ребёнок”. Вернее, в том, от чего отучивала в своих ликбезах коммунистическая партия, ставя целью воспитание нового гармоничного человека, где достоинства личности определяются духовным и интеллектуальным уровнем и её вкладом в развитие социалистического общества. Этот казавшийся незыблемым категорический императив коммунизма в сознании значительного числа советских людей подвергся эрозии, когда произошла подмена ценностных ориентиров с духовно-нравственных на материально-потребительские.

Что произошло с советским простым человеком? “Из-за угла мешком пришибленный”, он до сих пор не вполне понимает, что произошло. И я не принимаю. Попав в такой умственный хаос, я не столько ностальгически, сколько инстинктивно-бессознательно, лихорадочно нащупываю остатки твёрдого советского материка.

Пробивается кодовая наследственность советского человека даже сквозь чудовищные извращения насаждаемого американского суперменства и подчёркивания расхристанной звёздности. В многочисленных мыльных сериалах мелодрам, в штампованных, многократно повторяющихся сюжетных коллизиях любовных треугольников и многоугольников, с родителями и неродными детьми, с поиском богатого “принца” и т. д., создателям проголливудских творений волей-неволей приходится искать “берег надежды”, куда надо приводить своих злосчастных героев, “гибнущих за металл”. До того тошнотворно-примитивными выглядят эти “ударники капиталистического труда” с их “стрелками”, “разборками”, “крышами” и “счётчиками”, что, вопреки всем либеральным наставлениям и заклинаниям, у авторов и исполнителей непроизвольно прорываются положительные акценты то на любовной верности, то на сохранении чести в данном слове, то на бескомпромиссности в вопросах нравственности и прочих чертах того, над чем ещё продолжают измываться по инерции. А всё почему? Да потому, что “не стоит село без праведника”, как говаривали в старину наши предки, имея в виду главенствующую воспитательную силу положительного примера.

Попыталась было либеральная пропаганда вначале противопоставить “совку” героя своего времени – крутого успешного бизнесмена. Сами слова “бизнесмен” или “бизнесвумен” стали практически единственной иконой на “божнице” постсоветской власти. Они, эти слова, не только претендовали на “праведность”, – мыслилось, что они дают импульс стремления к счастью для юношества, типа того, как звали ввысь советскую детвору слова “лётчик”, “авиация” или “космонавт”.

Приходит наконец, как после похмелья, смутное понимание, что “бизнесмен” – это неточный перевод на русский приличного и уважительного слова “предприниматель”. Среди советских людей слово “бизнесмен” бытовало как “делец”, “деляга”, “барыга”, “фарцовщик”, “фирмач” и т. д. Поощряемый своей родной властью, названный “общецивилизованным” термином, “бизнесмен” теперь, наш делега, набыл шею, растопырил пальцы и сузил разнообразный красочный мир до одного слова “скоко?”. В таком же узком диапазоне вся постсоветская идеология (при циничном отрицании всякой идеи в государстве) скукожилась до примитивного императива: хочешь счастья – будь бизнесменом. Нынешние наши бизнесмены вовсе не “предприниматели” (таковых мало), а посредники, “работники наvara и маржи, романтики с большой дороги”.

Звонит от напряжения глобальная информационная сеть, вынужденная, пусть иногда и искажённо, но всё же информировать о реальных событиях и фактах жизни человечества. У нас, в России, долгое время, пока существовал Советский Союз, было своё “информационное пространство”, пытавшееся оградить советского человека от разрушающего влияния на только формирующееся его социалистическое сознание тех самых капиталистических стереотипов.

Проницательный читатель, слушатель, зритель уже давно заметил, что с крушением информационного “железного занавеса” не осталось и российско-информационного пространства, создавшего среду воспитания человека-творца, созидателя, устремлённого в будущее, дерзновенного в мечтах, но скромного в личных притязаниях, нравственно чистого, открытого, любящего, дружественного, для которого самая высокая человеческая ценность в том, что не измеряется никакими “условными единицами” – ум, талант, личное обаяние, скромное поведение, общительность, знания, трудовые достижения.

Простой советский человек осваивал тайгу, пустыни, полюса земли, целину и сопромат. Строил заводы, плотины, города и сильное государство. Клепал самолёты, поднимал ввысь ракеты. Брал рекорды и олимпийские медали. А как он пел! От души, вдохновенно, талантливо.

Ни одно время, ни один народ на земле не оставил в своём профессиональном и самодеятельном творчестве такого жизнеутверждающего оптимис-

тического заряда, как это сделал наш простой человек ради своего светлого “коммунистического далёка”.

И не только пафосные мухинские “Рабочий и колхозница”, но и скромная шадринская “Девушка с веслом”; не только могучие плотины Днепрогэса и Братска, но и взобравшаяся на пьедестал у ворот завода труженица-“полуторка”; не только величественный “Воин-освободитель” в Трептов-парке, но и бесконечный ряд обелисков под красной звездой от Берлина до Владивостока; не только “пригламуренные” портреты передовиков с Досок почёта, но и миллионы открытых светлых лиц в документальных кадрах кинохроники; не только подслащённый медийный официоз, но и фотоотпечатки советской эпохи в семейных альбомах — да их тысячи и миллионы, памятников и памяток советской эпохи! Всё это не просто свидетельствует, что не будет забыт, не растворится в некоем потребительском “среднем классе” советский простой человек, но и доказывает, что он уже вошёл в генотип будущего человечества.

Нашему автору и другу А. А. Устинову исполняется 80 лет. Сердечно поздравляем Альберта Александровича со славным юбилеем!

Редакция

ИВАН ДРОНОВ

УТОПИЯ И УСТАВ

Томас Мор и Иосиф Волоцкий

На заре Нового времени одновременно были созданы два великих замысла общечеловеческого устройства, два устремленных в будущее социальных проекта. Англичанин Томас Мор в 1515 году написал, а в 1516 году опубликовал свою “Утопию”. В 1515 же году на другом конце Европы почил в Бозе Преподобный Иосиф Волоцкий, оставив в качестве своего духовного завещания рукопись Устава основанного им Успенского Иосифо-Волоколамского монастыря.

Самое поверхностное сопоставление этих двух героев всемирной истории выявляет очень интересную закономерность в преобладающих оценках их деятельности. Так, Томас Мор — крупная и очень цельная личность, смело и резко выражавшая свои убеждения не только на бумаге, но и на деле, — оценивается единодушно положительно самыми разными, подчас враждебными друг другу, идеологическими субъектами на Западе. Левые почитают в нем основоположника социалистических и коммунистических идей. Католическая церковь канонизировала его как мученика за веру. Сторонники либерализма воздают должное Мору как защитнику принципа толерантности и религиозного индифферентизма, как провозвестнику новой философской религии “в пределах только разума”. Буржуазная историография похваливает Мора за то, что после написания коммунистической “Утопии”, которая расценивается ею как “игра ума”, он неоднократно с одобрением отзывался о частной собственности¹. В 1966 г. на экраны вышел британский фильм с многоговорящим названием “Человек на все времена” о Томасе Море, увенчанный шестью премиями “Оскар”, что, несомненно, свидетельствует о согласном принятии личности Мора современной западной цивилизацией в качестве своего собственного непреходящего символа.

А с другой стороны, точно такое же единодушие проявляют представители названных идеологий в своей крайней неприязни к Иосифу Волоцкому. Для левых он — воинствующий мракобес. Это вполне естественно: религиозные деятели вообще у них не в чести. Но вот и матерый антикоммунист, немало потрудившийся в администрации Рейгана для уничтожения СССР,

ДРОНОВ Иван Евгеньевич родился в 1971 г. в Подмосковье. В 1996 г. окончил исторический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова, кандидат исторических наук. Доцент РГАУ-МСХА имени К. А. Тимирязева. Член Союза писателей России. Автор книг: “СИЛЬНЫЙ, ДЕРЖАВНЫЙ: Жизнь и царствование Александра III” (2006), “Консервативный проект для России: общественно-политические идеи князя В. П. Мещерского” (2009) и др.

Ричард Пайпс, который не один десяток лет разоблачал русскую историю как историю болезни, как дурную наследственность, мешающую русским освоить либеральные ценности Запада, в своей последней книге рисует Иосифа Волоцкого самыми мрачными красками. Он, в изображении Пайпса, и “религиозный фанатик”, и вождь тупиц и невежд, которые “отвергали логику и аргументацию”, и самое ужасное — “не знали и не хотели ничего знать об иностранных нравах”². Вторит Пайпсу католический ученый-богослов, испанец Хорхе Вильярдо, вообще-то с большой симпатией относящийся к восточному православию, с восхищением пишущий о Ниле Сорском, Серафиме Саровском, Амвросии Оптинском и многих других русских подвижниках благочестия. И только Иосиф Волоцкий у него “ненастоящий” святой, канонизацию его он называет “странной”, бросающей тень на репутацию Православной церкви³.

Итак, коллективное самосознание западной цивилизации очень чутко и очень четко отражает полюса на своем духовном компасе. И потому, несмотря на любые бури и штормы и вне зависимости от того, кто у кормила — левые или правые, иезуиты или атеисты, — Запад всегда знает, где его обетованная земля, и, никуда не сворачивая, движется в одном и том же направлении. Не пора ли и нам определиться, куда указывают стрелки нашего компаса, и кто наш ориентир — Томас Мор или Иосиф Волоцкий?

“Остров блаженных” Томаса Мора и католическое учение о спасении

Автор знаменитой “Утопии” Томас Мор (1478–1535) вышел из состоятельной буржуазной семьи, его отец был королевским судьей, дед — крупным хлеботорговцем. Томас рано проявил склонность к умственным занятиям. Он выучил латинский и греческий языки и положил немало труда, изучая сочинения отцов церкви. Еще юношей он читал публичные лекции по поводу книги Августина “О граде Божиим”, приводя в восторг собиравшихся его слушать духовных лиц. Одно время Мор мечтал о священническом сане и, готовясь к нему, упражнялся в бдении, посте и молитве. Однако от этого намерения ему пришлось отказаться. Виною тому, по сообщению Эразма Роттердамского (1469–1536), близкого друга Мора, была неспособность преодолеть сексуальное желание. Поскольку католическое духовенство придерживалось celibата, Мор предпочел лучше стать “целомудренным супругом”, нежели развратным священником⁴.

К тому же, отец Мора настаивал на том, чтобы сын избрал карьеру юриста, обеспечивающую хорошие доходы и положение в обществе. И Мор несколько лет обучался правоведению в Оксфорде и в лучших лондонских юридических колледжах. Блестяще проявив себя в качестве адвоката и завоевав популярность в буржуазных слоях Лондона, Мор пробует свои силы и на политическом поприще, будучи избран в палату общин английского парламента в 1504 г. В 1510 г. он снова избирается в парламента и занимает почетный пост помощника лондонского шерифа — юридического советника и судьи по гражданским делам. В качестве широко образованного человека и опытного правоведа Мор привлекается к участию в нескольких важнейших дипломатических миссиях на континент. Вскоре Мор сделался одним из любимцев английского короля Генриха VIII. В 1521 г. он уже заседает в “Звездной палате” — высшем судебном учреждении Англии — и в том же году получает рыцарский титул и назначается помощником казначея королевства. В то время, по воспоминаниям зятя Томаса Мора, Уильяма Ропера, “король даже по праздничным дням после богослужения обыкновенно посылал за Мором и во время прогулки беседовал с ним об астрономии, геометрии, религии и других предметах, а иногда и о светских делах. А случалось, и ночью король желал видеть его у своего изголовья, говорить с ним об изменениях и коловращениях планет и звезд. А так как он был веселого нрава, то королю и королеве нравилось приглашать его к своему ужину после заседания совета”.

В 1523 г. по инициативе первого министра кардинала Томаса Уолси и при поддержке самого Генриха VIII Мор был избран спикером палаты общин, а в 1529 г. ему была вручена большая печать лорда-канцлера Англии — главы правительства. Однако достигнув вершины власти, Мор недолго удержался на ней. Уже в мае 1532 г. он подал в отставку, будучи несогласным с объявлен-

ной Генрихом VIII реформацией англиканской церкви и выходом ее из-под папской супрематии. Обласканный до того “барской любовью”, Мор сполна ощутил теперь на себе и “барский гнев”. Против Мора был возбужден процесс по обвинению в государственной измене. В 1534 г. от Мора потребовали принятия присяги, в которой, в частности, провозглашалось упразднение верховенства римского первосвященника над англиканской церковью и назначение ее главою короля Генриха. Мор отказался. “Я семь лет изучал историю церкви и утверждаю, что светский государь не может быть главой какой бы то ни было церкви”, — повторял он. Присяжные признали его виновным в измене, и 6 июля 1535 г. Томас Мор был обезглавлен в Тауэре⁵.

Ватикан не забыл заслуг Мора: 29 декабря 1886 г. римский папа Лев XIII канонизировал его в чине блаженных, а в ознаменование 400-летней годовщины казни Томаса Мора 4 апреля 1935 г. он был причислен к сонму святых католической церкви. Однако наибольшую славу имени Томаса Мора доставила не канонизация, а изданная им в 1516 г. “Весьма полезная, а также и занимательная, поистине золотая книжечка о наилучшем устройстве государства и о новом острове Утопия”. “Утопия” Мора дала название целому жанру политической литературы, став первым и, пожалуй, самым замечательным произведением такого рода. Самым замечательным потому, что, в отличие от большинства позднейших утопических сочинений, которые воспринимаются сегодня как наивные фантазии, оказавшиеся не окном в будущее, а лишь памятником филантропии своих авторов, “золотая книжечка” Мора до сих пор звучит как поразительное пророчество.

В этой книжечке Мор высказал очень много горьких и метких истин о царившей в окружающей его жизни несправедливости, которая являлась источником неизмеримых страданий для огромного количества людей. Однако Мор не ограничился иеремиадами, но сумел в начале XVI века вскрыть и обнажить в едва оформившемся зародыше капиталистического общества такие глубокие противоречия и закономерности, которые вполне обнаружили себя только в XIX столетии.

Мору удалось с редкой пронизательностью разглядеть в современном ему государстве орудие классового господства: “Когда я, — писал он, — внимательно наблюдал и размышлял обо всех государствах, которые процветают и донныне, честное слово, не встретил я ничего, кроме некоего заговора богатых, под предлогом и под именем государства думающих о своих выгодах. Они припоминают и измышляют все пути и способы, чтобы, во-первых, не боясь потери, суметь удержать то, что они сами накопили пагубными ухищрениями, а потом — для того, чтобы откупить для себя труд всех бедных людей и воспользоваться им, заплатив за него как можно дешевле. Эти затеи стали уже законом, как только богатые от имени государства, а значит и от имени бедных, постановили однажды, что их нужно соблюдать. И эти очень плохие люди со своей ненасытной жадностью поделили между собой все то, чего хватило бы на всех!”.

Мор едва ли не первый поставил под сомнение благотворность монетарной системы обращения, и поныне прославляемой legionами экономистов как величайшее изобретение человеческого гения. Автор “Утопии” распознал под личиной удобного инструмента обмена хитрый механизм перераспределения общественного богатства в пользу имущих, а также коренной источник социальных болезней, угнетения и преступности: “Кому не известно, — вопрошал Мор, — что с уничтожением денег отомрут обманы, кражи, грабежи, раздоры, возмущения, тяжбы, распри, убийства, предательство, отравления, каждодневно наказывая которые, люди скорее мстят за них, чем их обуздывают; к тому же одновременно с деньгами погибнут страх, тревога, заботы, тяготы, бессонные ночи. Даже сама бедность, которой одной только, казалось, и нужны деньги, после полного уничтожения денег тут же сама исчезнет. . . Так легко было бы добыть себе пищу, если бы не блаженные эти деньги, которые, по общему мнению, были славно придуманы, чтобы открыть доступ к пропитанию, а они-то теперь и преграждают нам путь к пропитанию” (здесь и далее цитаты приводятся по изданию: Томас Мор. Утопия. М.: Наука, 1978. Перевод с латинского Ю. М. Каган).

Однако главным препятствием к нормальной и благополучной жизни являются даже не деньги, а институт частной собственности. Именно он, по убеждению Мора, позволяет скапливаться в руках немногих чрезмерным бо-

гатствам, что и порождает отвратительную несправедливость, когда одни получают в удел бесчеловечную эксплуатацию и нужду, а другие – праздность и расточительство: “Повсюду, где есть частная собственность, где все измеряют деньгами, там едва ли когда-нибудь будет возможно, чтобы государство управлялось справедливо или счастливо”. Нельзя говорить о справедливости, “когда все самое лучшее достается самым плохим людям”, или “когда все распределяется между совсем немногими”. Для Мора не подлежит никакому сомнению, что “распределить все поровну и по справедливости, а также счастливо управлять делами человеческими невозможно иначе, как вовсе уничтожив собственность”.

По утверждению Мора, “для того, чтобы запастись всеми вещами, необходимыми для жизни и для удобств”, вполне достаточно шестичасового рабочего дня. И если трудящимся в современной Мору Европе не хватает, чтобы заработать не то что на изобильное, но хотя бы на сносное существование 18-часового рабочего дня, то виною тому никуда не годная социальная организация, когда “большая часть жителей пребывает в праздности”. “Во-первых, – перечисляет Мор, – почти все женщины – половина всего населения или, если где-либо женщины трудятся, там чаще всего вместо них храпят мужчины. К тому же, сколь велика также праздная толпа священников и монахов! Добавь сюда всех богатых, особенно владельцев поместий, которых все называют высокородными и знатными. Причисли к ним их приближенных, весь этот сброд ничего не делающих оруженосцев, наконец, прибавь здоровых и крепких нищих – бездельников, прикрывающихся какой-нибудь болезнью, и ты увидишь, что тех, чьим трудом держится все то, чем пользуются смертные, гораздо меньше, чем ты полагал. Взвесь-ка теперь сам, сколь немногие из всех них озабочены необходимыми ремеслами”, а масса прочих удовлетворяет своим искусством бессмысленные и развратные прихоти пресыщенных тунеядцев.

Чтобы покончить с этим невозможным порядком вещей, Мор предлагает следующее: “Всех тех, которые прозябают ныне в бесполезных ремеслах, да еще толпу, хирующую от безделья и праздности, в которой каждый потребляет столько товаров, доставляемых усилиями других людей, сколько надобно двум, создающим эти товары, – если определить их всех в дело, к тому же и полезное, то легко ты заметишь, сколь мало времени надобно для изготовления вполне достаточного количества и с избытком всего, что требуется в рассуждении необходимости и удобства (добавь сюда также: в рассуждении удовольствия, и как раз подлинного и естественного)”.

Именно такой социальный переворот, покончивший с частной собственностью и товарно-денежными отношениями, и произошел на острове Утопия (в переводе с древнегреческого “Нигдея”, – идеальное местоположение райского острова блаженных), описанию которого посвящена книжка Мора. Разумеется, столь радикальное изменение в базисе общества потребовало глубоких реформ в политическом строе и духовной жизни. В результате новая социальная система приобрела под пером Томаса Мора вид небывалый в истории человечества.

Конституция островного государства демократическая. Все без исключения должностные лица в Утопии (включая служителей культа) – выборные. Каждые тридцать хозяйств ежегодно выбирают себе ближайшую власть – сифогранта. Сифогранты, в свою очередь, тоже каждый год избирают областных начальников – траниборов. Ежегодные выборы, однако, не означают обязательное изменение персонального состава начальников, ибо, как замечает Мор, “беспричинно их не меняют”. Собрание сифогрантов выбирает из выдвинутых гласом народа четырех кандидатов принцепса – верховного правителя. Должность последнего пожизненная, если только он не нарушит конституцию Утопии и не будет отстранен от власти. Полномочия принцепса довольно обширны, и, чтобы обезвредить возможные тиранические поползновения с его стороны, вся законодательная и отчасти распорядительная власть передана сенату – собранию траниборов (аналог палаты лордов). Однако все наиболее важные дела, затрагивающие интересы широких масс, не могут быть решены без обсуждения в собрании сифогрантов (аналог палаты общин), которые, получив одобрение избравших их хозяйств, сообщают решение нации сенату.

Вместе с тем, “собираться для обсуждения общественных дел, помимо сената и народного собрания, считается преступлением, караемым смертью.

Этими постановлениями князья и трибуноры стараются предотвратить заговоры против свободы, против притеснения народа деспотическими законами и против изменения формы правления⁶. Следовательно, в Утопии нет свободы слова, собраний, запрещены любые формы политической самоорганизации людей, в частности, политические партии. Выборы здесь непрямые и, судя по внутренней структуре хозяйства – первичной ячейки утопийского общества, – не равные и не всеобщие. Это не означает, что Мор отвергал принцип равенства в своей Утопии, но, в согласии с аристотелевой “Этикой”, мыслил социальную справедливость как равенство не арифметическое, а пропорциональное. А равенство пропорциональное, по Аристотелю, заключалось в воздаянии каждому члену общества в точном соответствии с его достоинством и заслугами⁷. Как показал в своем исследовании О. Ф. Кудрявцев, для Томаса Мора, как и для большинства других западноевропейских мыслителей эпохи Ренессанса, характерно именно такое понимание социального равенства, напрямую заимствованное у античных философов (Платона и Аристотеля). Эта же идея равенства как распределения благ и почестей прямо пропорционально заслугам и добродетелям индивида оплодотворила и теологическую мысль европейского Средневековья (Фома Аквинский), сделавшись ядром католической сотериологии, которая увязывает шансы на загробное спасение с количеством специфических “добрых дел” верующего (молитв, постов, милостыни, даров и приношений, паломничеств и т. п.). Советские интерпретаторы и переводчики Мора делали ошибку (а может быть, и сознательный подлог), говоря о “равенстве” в Утопии, тогда как адекватный перевод соответствующего выражения у Мора должен звучать как “соразмерное [справедливое] равенство”, уравнивающее не людей, а деяние и воздаяние⁸.

Но вернемся к описанию утопийского строя. Хозяйство – мельчайшая административно-производственная единица в Утопии. Во главе хозяйства стоит старейшина, он же является главой семейного клана, вокруг которого организуется хозяйство. Помимо родственников в него входят ученики-подмастерья, в сельской местности – сезонные рабочие, присылаемые из города в качестве обязательной повинности. Всего хозяйство состоит из 40 человек, из них двое рабов, на которых возложены все наиболее тяжелые и грязные работы. Внутри хозяйства установлен жесткий авторитарный порядок: “Жены служат мужьям, дети – родителям, и вообще младшие по возрасту – старшим”. Положение младших по возрасту и социальному положению в утопийском обществе вообще довольно ущемленное. Так, на общих трапезах во дворце сифогранта, где собираются все принадлежащие к данной административной единице члены семейных хозяйств, “невзрослые – в их число входит каждый из обоих полов, кто не достиг брачного возраста, – либо прислуживают сотрапезникам, либо, если они этого еще не могут сделать по летам своим, стоят рядом, причем в полном молчании. Те и другие питаются тем, что достается им от сидящих, и нет у них иного времени, назначенного для обеда”. Причем “сперва приносят лучшую еду всем старейшим (их места отмечены)”, и лишь “затем равную долю дают остальным”. Несовершеннолетние, как уже было сказано, питаются объедками. Мор никак не мотивирует это вопиющее неравенство в пище, но, исходя из всего духа утопийского общества, можно предположить, что поскольку несовершеннолетние по причине своей малой квалификации и неполного развития физических сил не вносят еще в общую экономику острова равную взрослым долю, то и не могут притязать на равную с остальными долю в потреблении. Так же как и в семейных хозяйствах, во дворце сифогранта “всю сколько-нибудь грязную работу выполняют рабы”.

В религиозные праздники “перед тем, как отправиться в храм, жены бросаются в ноги мужьям, дети – родителям. Они признают, что согрешили, сделав что-нибудь или небрежно исполнив свой долг, и молят о прощении за проступок”. Соответственно и в храме “они располагаются так, что из каждого дома люди мужского пола садятся впереди отца семейства, а мать семейства заключает ряд женщин. Так они заботятся о том, чтобы вне дома за всеми движениями у всех следили те, чья воля и власть правят ими дома”.

В свою очередь, взрослые утопийцы тоже не обделены вниманием, ибо “главное и почти что единственное дело сифогрантов – заботиться и следить, чтобы никто не сидел в праздности, но чтобы каждый усидчиво занимался своим ремеслом”. Двери в утопийских домах никогда не запираются, что еще бо-

лее затрудняет уклонение от наблюдения. Эту систему довершает один примечательный элемент в религии утопийцев: “они верят, что мертвые пребывают среди живущих, наблюдая за их словами и поступками... и вера в присутствие предков удерживает их от тайной бесчестности”. Таким образом, гражданин Утопии никогда не остается без присмотра и наедине с самим собой.

Невольно приходится вспомнить знаменитую книгу Мишеля Фуко “Надзирать и наказывать”, в которой вскрыта технология “мягкого” господства и контроля за индивидом в современном западном государстве, которая призвана не карать и запугивать, а делать объект всегда видимым и держать его под постоянным наблюдением. Авторство одной из самых замечательных идей в этой области принадлежит Иеремии Бентаму (1748–1832), известному проповеднику этики утилитаризма. Бентам изобрел принципиально новую конструкцию тюрьмы. В противоположность глухим застенкам и каменным мешкам прошлого он предложил построить так называемый “Паноптикон” – кольцеобразное здание, по периметру которого располагаются, словно клетки в зверинце, камеры, отделенные друг от друга непроницаемыми стенами, зато полностью открытые для наблюдения из центра здания, где находится башня для надсмотрщиков. От взгляда последних не может укрыться ничто, происходящее в камерах, зато сами они всегда остаются невидимыми для заключенных. Обитатели камер не могут знать, наблюдают ли за ними в каждый данный момент, и поэтому, постоянно пребывая в опасности быть застигнутым врасплох, вынуждены сами строго контролировать свое поведение. Таким образом, заключенные “вовлечены в ситуацию власти, носителями которой они сами же являются”. Необходимость в засовах, кандалах, многочисленной страже и жестоких телесных наказаниях для нарушителей режима отпадает. Бентам считал, что принцип паноптикума можно применить не только к тюрьмам, но и к другим общественным заведениям. И тогда уже не будет “нужды прибегать к насильственным средствам принуждения преступника к хорошему поведению, сумасшедшего – к спокойствию, рабочего – к труду, школьника – к прилежанию, больного – к соблюдению предписаний и рецептов”⁹.

В литературных антиутопиях XX века практической реализации этой неосвязаемой и неуловимой власти также уделено большое внимание: в “Мы” Замiatина она осуществлялась при помощи прозрачных стен жилищ, у Оруэлла в “1984” – посредством всевидящих телемониторов, с экранов которых смотрит “Большой Брат”. Сегодня уровень технического развития, наконец, позволил воплотить эту многовековую мечту лучших умов Запада в повседневную реальность – “улыбнитесь, господа, вас снимают”...

Распорядок дня утопийца распisan заботливым начальством и одинаков для всех: “При двадцати четырех равных часах – считая вместе день и ночь – для работы отводят всего шесть: три – до полудня, после которого идут обедать, и, отдохнув от обеда два послеполуденных часа, снова уделив труду три часа, завершают день ужином... Сон требует восемь часов. Что остается лишним от часов на работу, сон и еду, дозволяется каждому проводить по своей воле”. Однако “своя воля” утопийцев оказывается стеснена довольно узкими рамками, так как им запрещено “проводить это время в разгуле и беспечности, а часы, свободные от ремесла, надобно тратить на другие занятия по своему вкусу. Эти перерывы большая часть людей посвящает наукам. Обыкновенно они каждый день в предрассветные часы устраивают публичные чтения и участвуют в них, по крайней мере, приводят туда именно тех, которые отобраны для науки (курсив наш. – И. Д.). Впрочем, великое множество разных людей – мужчины, равно как и женщины, – стекаются послушать эти чтения – кто куда: каждый по своей природной склонности”. Но занятия наукой, в отличие от физического труда, вовсе не обязательны, и “если кто-нибудь предпочтет уделить это же самое время своему ремеслу – это приходит в голову многим, у кого дух не возвышается до размышления над каким-либо предметом, – никто ему не препятствует. Его даже хвалят, как человека полезного для государства”.

Между тем, приобретение серьезного образования и основательной научной подготовки является необходимым условием занятия руководящих должностей в Утопии. Только из “сословия ученых людей выбирают послов, священников, траниборов и, наконец, самого правителя”. Кроме того, те, кто посвящает себя овладению науками, освобождаются, наряду с лицами, отп-

равляющими административные должности, от физического труда. Формально этот путь открыт для всех: “Такой же свободой [от труда] наслаждаются те, которым народ, движимый советами священников и тайным голосованием сифогрантов, навсегда дарует волю, дабы изучали они науки. Если же кто-нибудь из них обманывает возложенную на него надежду, его гонят назад к ремесленникам; и, напротив, нередко происходит так, что какой-нибудь мастер эти оставшиеся у него часы с таким великим усердием посвящает наукам, выказывает столько прилежания, что его избавляют от ремесла и выдвигают в разряд людей ученых”.

Таким образом, решающее влияние на выбор тех, кому дадут рекомендацию на прием в ученую корпорацию, оказывают “советы священников” и “тайное голосование сифогрантов”. И те, и другие принадлежат к правящей элите, в которую они попали благодаря полученному образованию, то есть в силу принадлежности к этой самой ученой корпорации. Круг замыкается – бюрократия и “сайентократия” (сословие ученых) имеют взаимообуславливающий принцип рекрутирования, а это значит, что правящая элита Утопии имеет институционально заложенную тенденцию к превращению в замкнутую касту. Бремя власти и бремя знания она взваливает на свои плечи, а другим великодушно предоставляет (после рабочей смены) заполнять свой досуг играми и развлечениями: “После ужина один час они проводят в играх: летом – в садах, зимой – в тех общих дворцах, в которых едят. Там утопийцы занимаются музыкой или развлекают себя беседами”.

Товарно-денежные отношения в Утопии ликвидированы; налажен прямой продуктообмен посредством общественных складов, куда поступает вся продукция отдельных хозяйств. Частная собственность упразднена, деньги не имеют хождения. Утопийцам прививается презрительное отношение к золоту, драгоценным камням и металлам, дабы истребить алчность и страсть к накопительству. В частности, устраиваются символические акции, когда из золота изготавливаются горшки для испражнений, цепи для рабов. Однако основная часть поступающих в страну, преимущественно от экспортных операций, золотовалютных средств откладывается в государственный резерв на случай непредвиденных обстоятельств (войны, неурожая и т. п.) или ссужается в долг иностранным правительствам, ставя их в ощутимую зависимость и подчиняя их внешнюю и внутреннюю политику интересам Утопии.

В утопийском государстве мы встречаемся с далеко зашедшей женской эмансипацией. Женщины не только наравне с мужчинами обязаны участвовать в общественных работах, но и несут воинскую повинность, а также могут быть избраны в священнический сан. И здесь Мор заглянул далеко в будущее европейской цивилизации.

Обращает на себя внимание официально разрешенная и даже поощряемая в утопийском государстве эвтаназия: “Если недуг не только не излечим, но, напротив, постоянно мучает и терзает больного, тогда священники и должностные лица убеждают человека, что, поскольку он не может справиться ни с какими жизненными обязанностями, в тягость другим, тяжел самому себе и уже находится по ту сторону от своей собственной смерти, надобно ему решиться не кормить долее свою беду и погибель и умереть, если только он уверен, что жизнь для него – мучение. Более того, утешившись доброй надеждой, да освободит он себя сам от этой горестной жизни, как от тюрьмы и жестокости, или дозволит своей волей другим исторгнуть себя из нее. Этот поступок будет разумным, оттого что он собирается прервать своей смертью не удобства, а пытку. Оттого что, делая так, он последует в этом деле советам священников, то есть толкователей воли Божией, и поступит благочестиво и свято. Те, кого они убедят в этом, кончают жизнь по своей воле в голоде или же, усыпленные, отходят, не чувствуя смерти... Они уверены, что уйти из жизни подобным образом почетно”.

Можно предположить, что в таком позитивном отношении утопийцев к добровольному умерщвлению неизлечимо больных и пораженных старческой немощью подспудно сказывается та же идея, что и в бессердечном лишении детей персонального пайка: никто не должен потреблять больше, нежели он внес в общий котел. Знамя оправдания самоубийства, решительно осуждавшего христианской церковью, подхватили вслед за Мором философы Просвещения¹⁰, а ныне эвтаназия является вполне узаконенным правом в некоторых европейских государствах.

Заметное место в социально-экономической системе Утопии занимают рабы. Им посвящена даже специальная глава в книге Мора. Рабством наказываются в Утопии все преступления, считаемые здесь тяжкими. Мор упоминает среди таковых прелюбодеяние и пропаганду взглядов, противоречащих официальной религии, а также некоторые “позорные поступки” (что это такое, Мор не разъясняет). Наказываются рабством и те, кто “уйдет за границу по собственной воле, без разрешения правителя”, то есть попытается сбежать из утопийского рая. Еще одним из важнейших источников пополнения рабов являются военнопленные и выкупленные в иностранных государствах преступники, приговоренные там к смертной казни. На рабов возлагаются самые тяжелые и или вызывающие отвращение работы: уборка нечистот, забой скота. При этом “рабы не только постоянно пребывают в работе, но и находятся в цепях”.

То, что Мор прибегает к установлению рабства в своем утопийском государстве, служило поводом к немалому смущению для социалистических поклонников Мора в XIX–XX вв. В качестве объяснения и оправдания этого досадного момента они обычно ссылались на технически отсталые и неразвитые средства производства в современной Мору Европе начала XVI века, вынуждавшие его возлагать на рабов наиболее изнурительные и негигиеничные виды трудовой деятельности. Но, как полагали они, крупная машинная индустрия, прогресс в механизации труда сделают несущественными различия между профессиями и, следовательно, излишним сам институт принудительного труда, а рост капиталистической конкуренции и рыночного обмена окончательно добьет разделение общества на касты и сословия¹¹.

Что ж, может быть, в марксистской формационной теории и предусматривается “отмирание” рабства по мере развития промышленности и капитализма, а вот историческая реальность Западной Европы убеждает нас совсем в ином. Специальные исследования показывают, что именно становление новоевропейской цивилизации, развитие промышленного производства и складывание мирового рынка открыло дорогу бурному росту работорговли, которая, в свою очередь, стала важнейшим структурным элементом капиталистической экономики Запада, локомотивом ее самых передовых отраслей. Без широчайшего применения рабского труда в британских колониях на хлопковых и сахарных плантациях был бы немыслим стремительный взлет английской мануфактурной промышленности, превративший Англию в конце XVIII столетия в “мастерскую мира”. Железодельные предприятия Ливерпуля и Бирмингема поднялись не в последнюю очередь на заказах для работорговли. Цепи, наручники, ошейники для рабов; снаряжение для сотен невольничьих кораблей, перевозивших рабов в Новый Свет; десятки тысяч ружей для обмена или насильственного захвата рабов; станки и оборудование для хлопчатобумажных и сахарных предприятий, работавших на производимом рабами сырье, – без рабства эти и многие другие металлические изделия не нашли бы сбыта, а металлургические заводы, их изготавливавшие, никогда бы не были построены. . . Знаменитый Джеймс Уатт создавал свою паровую машину на деньги плантаторов-рабовладельцев из Вест-Индии.

Достоин внимания и то, что, вопреки распространенным представлениям, рабами на плантациях в Новом Свете были не только чернокожие выходцы из Африки, но и белые европейцы. В XVII–XVIII вв. на улицах Лондона и Бристоля шла охота на людей не хуже, чем в джунглях Гвинеи: взрослых спаивали, детей заманивали сладостями и отправляли на кораблях за океан. Контингент белых рабов пополнялся осужденными на каторжные работы за ничтожные преступления и добровольно законтрактрованными “слугами”, предпочитавшими рабство в Вест-Индии голодной смерти на родине. В 1683 г., например, белые рабы составляли одну шестую часть всего населения Виргинии. На протяжении XVIII в. две трети иммигрантов в Пенсильвании составляли подобные белые рабы. По некоторым оценкам, на них приходится половина всех английских иммигрантов в Новый Свет за весь колониальный период¹².

Поистине удивительно, что Томас Мор, вводя в начале XVI века в своей “Утопии”, казалось бы, давно забытое в христианском мире рабство, как будто предугадал будущее Европы на ближайшие несколько столетий! Рабовладение в заморских колониях Великобритании было отменено законодательно в 1833 г. (в США в 1863 г.). Но это отнюдь не означает, что западный мир распрощался с рабством.

И здесь Томас Мор глядел далеко вперед. Помимо классического рабства с цепями и ошейниками, он предусмотрел в Утопии и “иной род рабов, когда какой-нибудь трудолюбивый и бедный работник из другой страны своей волей решается идти к ним в услужение. С такими они обходятся хорошо и не менее мягко, чем с гражданами, разве что работы дают немного больше, оттого что те к ней привыкли. Когда такой раб пожелает уехать (это случается нечасто), его не удерживают против воли”.

Как видим, так называемые трудовые иммигранты, или гастарбайтеры, ставшие с некоторых пор обычным явлением в странах Западной Европы и США, а теперь и в России, запланированы еще на страницах моровской Утопии. Однако для возникновения феномена добровольного рабства необходимы определенные условия: глубокое неравенство в уровне жизни между различными странами, разделение мира на сильный благоденствующий центр и слабую, отсталую периферию. Причем эти неравенство и отсталость стран мировой периферии возникли отнюдь не сами собой и не по вине их “неправильного” (недемократического) политического режима, а как следствие их колониального прошлого и закрепляются в настоящем разнообразными формами неоколониальной зависимости, изощренными механизмами скрытого политического и экономического угнетения.

До начала эпохи Великих географических открытий (то есть как раз до времени Мора) Западная Европа была одним из беднейших захолустьев Евразии. Индия, Китай, мусульманский Восток свысока смотрели на европейских варваров, нищих, невежественных, жадных и лживых. И дело не только в сказочных богатствах и умопомрачительной роскоши правивших Индией Великих Моголов, китайских богдыханов и всевозможных шахов и падишахов. До самого конца XVIII века валовой национальный продукт (ВНП) на душу населения Китая и Индии и многих других стран Востока намного превосходил западноевропейские показатели. В начале XIX века они быди сопоставимы: в 1800 г. ВНП на душу населения Китая, пересчитанный в долларах и ценах США 1960 г., составлял 228 долларов, в Индии – около 210, а в Западной Европе – 213. Степень урбанизации на Востоке в эпоху Средневековья была значительно выше, чем на Западе: в Индии доля городских жителей достигала 1/5, в Персии – 1/4, тогда как в Европе даже в XVIII в. количество горожан составляло едва 1/10. А в эпоху Возрождения Западная Европа по сравнению с Востоком и вовсе представлялась глухой деревней¹³.

Все резко изменилось после того, как европейцам с помощью насилия, коварства и военно-технического превосходства в течение XIX века удалось подчинить страны Востока, превратив их в свои колонии. И за прошедшие полтора столетия политики колониальной эксплуатации неевропейской периферии картина распределения мирового богатства приобрела совершенно иные, но ставшие столь привычными сегодня очертания. В 1976 г. ВНП Западной Европы на душу населения достиг 2325 долларов, тогда как в Китае – только 369, а в остальном “третьем мире” – 355¹⁴. Даже крушение во второй половине XX века мировой колониальной системы, то есть системы прямого политического господства и открытого экономического грабежа, не внесло никаких принципиальных перемен в сложившийся миропорядок. Наоборот, разрыв в благосостоянии стремительно увеличивался¹⁵, благодаря освоенным Западом более тонким методам эксплуатации аборигенов, обрекающим их на безысходное отставание. Если в 1870 г., в эпоху расцвета классического западного колониализма, доход на душу населения в промышленно развитых странах Европы был в 11 раз выше, чем в беднейших странах мира, то к 1995 г. этот разрыв достиг 50 раз. Вполне естественно, что добровольные рабы из “третьего мира” рвутся в Европу и США, готовые выполнять любую работу, как это и предусматривалось в Утопии.

При этом практически все используемые европейцами последние 500 лет стратегии, механизмы и методы (как “мягкие”, так и “жесткие”) колониального ограбления разработаны Томасом Мором в его “поистине золотой книжечке”. Его Утопия – держава откровенно империалистическая, а захват колоний – важный пункт внешнеполитической программы утопийского государства. Колониальная экспансия вызывает преимущественно потребность демографического регулирования и, следовательно, сохранения достигнутого уровня потребления: “Если случится, что по всему острову население разбухнет сверх положенного, то, переписав граждан из каждого города, они переселяют их на

ближний материк, туда, где у местных жителей осталось много незанятой и невозделанной земли; там они основывают колонию по своим собственным законам, присоединяя к себе местных жителей, если те того желают. Сплотившись с желающими в общем укладе жизни, а также в обычаях, они легко с ними сливаются, и это идет на благо обоим народам... Отказавшихся жить по их законам утопийцы прогоняют из тех владений, которые предназначают себе самим. На сопротивляющихся они идут войной. Ибо утопийцы считают наисправедлившей причиной войны, когда какой-нибудь народ сам своей землей не пользуется, но владеет ею как бы попусту и напрасно, запрещая пользоваться и владеть ею другим, которые по предписанию природы должны здесь кормиться". Не так ли поступают и ныне с теми, кто противится экспорту "демократии" и "общечеловеческих ценностей", не желая отдавать природные ресурсы своей страны в эксплуатацию транснациональным корпорациям?

Каков же, помимо захвата колоний, *casus belli* для Утопии? Во-первых, разумеется, нападение извне, но такое происходит нечасто, ведь Утопия находится на острове. Во-вторых, повод к войне возникает, когда кто-то обидит союзников и партнеров Утопии, особенно в сфере их торговых и финансовых интересов. Но не только это. Утопийцы также вступают в войну, например, "когда они жалеют какой-нибудь народ, угнетенный тиранией, — тогда своими силами они освобождают их от ига тирана и от рабства (это они делают из-за человечности)".

В наши дни подобная политика получила характерное название "гуманитарной интервенции". Она начинается, когда правитель какого-либо государства (Югославии, Ирака, Афганистана, Ирана, Венесуэлы, Ливии и т. д.), не понравившийся Западу во главе с США, объявляется "тираном", попирающим "права человека" в своей стране, и для того, чтобы освободить население данной страны от "тирана", она подвергается бесчеловечным бомбардировкам и жесточайшей оккупации, на фоне которых блекнут все "зверства" поверженного "тирана" (зачастую, к тому же, измышленные пропагандой).

Страны, побежденные утопийцами в войне, а также "освобожденные" ими от "тирании", обращаются фактически в колонии Утопии. В этих государствах устанавливается оккупационная администрация из утопийских чиновников (в "освобожденных" от "тирании" государствах это обставляется как "добровольное" волеизъявление народа), а лучшие земли передаются утопийцам или их местным приспешникам.

Возможно, что все отмеченные до сих пор совпадения элементов утопийского проекта Томаса Мора с политической и социальной практикой современного Запада могут показаться случайными, не связанными генетически друг с другом. Но подтвердить или опровергнуть нашу догадку можно, заглянув глубже в утопийский эмбрион новоевропейской цивилизации, в его духовную сердцевину, из которой возникает специфическая картина мира и человека, обуславливающая собой все конкретные проявления и практики данной цивилизации: способ производства и распределения, стратегии ведения войн, отношение к детям и старикам и т. д.

А такой духовной сердцевинной любой человеческой общности является ее "религия", то есть согласованная система постулатов, принимаемых на веру всеми участниками данного сообщества. Мор не мог не понимать этого, потому-то в своей книге очень большое внимание он уделяет описанию религии и вытекающих из нее этико-философских взглядов утопийцев. Глава об утопийской религии, к примеру, во много раз превосходит по объему главу о политическом строе Утопии, что несомненно свидетельствует об исключительном значении, которое придавал Мор выяснению этого вопроса.

Многие исследователи давали высокую оценку утопийской религии в основном за приписанные ей Мором терпимость и неприятие религиозного фанатизма¹⁶. И действительно, может показаться, что в государстве утопийцев царит полная веротерпимость и конфессиональный плюрализм: "Религии отличаются друг от друга не только на всем острове, но и в каждом городе. Одни почитают как Бога Солнце, другие — Луну, третьи — какое-нибудь из блуждающих светил. Есть такие, которые предполагают, что не просто бог, но даже величайший бог — это какой-то человек, некогда отличившийся своею доблестью или славою". Такой порядок установил некогда на острове сам легендарный отец-основатель Утоп: "Он прежде всего объявил нерушимым, что каждому дозволяется следовать какой угодно религии".

Толерантность, возведенная в основной принцип утопийской религии, приводит к тотальному синкретизму, дающему в результате полнейшую догматическую расплывчатость, которая органично дополняется обрядовой пустотой и бессодержательностью: “В храмах, — пишет Мор, — не видно и не слышно ничего, что, казалось бы, не подходит всем вообще. Если у какой-либо религии есть свой, присущий ей обряд, то каждый исполняет его в стенах собственного дома; общественные богослужения свершаются таким образом, чтобы они вообще не противоречили ни одному из частных. Поэтому в храме нельзя заметить никаких изображений богов, и каждый в высочайшем благочестии волен представлять себе Бога в каком угодно виде. Они не обращаются к Богу, называя Его каким-нибудь особенным именем, кроме Митры. Под этим именем они единодушно признают единую природу божественного величия, какой бы она ни была”.

В литературе, посвященной Морю и его “Утопии”, многократно поднимался вопрос о соотношении религиозной системы утопийцев и христианского вероучения. Наиболее точным представляется мнение о том, что утопийская религия является “осуществлением эйкуменистических мечтаний гуманистов”¹⁷, в которой стерлись какие-либо конкретные черты любой из известных доселе мировых религий. В этом отношении гениальные прозрения Мора далеко опередили свое время, предвосхитив современное экуменическое движение, в котором так явственно отражается религиозное помрачение нынешнего западного христианства¹⁸. Тем не менее некоторые из зарубежных авторов (преимущественно англоязычных протестантов) находили возможным утверждать, что утопийская религия вполне соответствует сущности христианства, очищенного от различных суеверий, заблуждений и предрассудков, от чуждых истинному духу Христова учения исторических напластований¹⁹. Так, похоже, думал и сам Мор. В его “Золотой книжице” подобные утверждения звучат довольно настойчиво. Так, он пишет, что когда утопийцы познакомились с христианской религией, то очень многие из них охотно приняли ее, поскольку нашли в ней немало соответствующего их собственным идеалам. Особенно близким им показалось то, что “Христу нравилась общая жизнь его учеников и что она до сих пор сохраняется в наиболее верных христианских общинах”. Как видим, из всего Евангельского послания Утопия поняла и восприняла только сугубо внешний, социальный аспект — коллективную собственность апостольских общин, которая, по понятиям утопийцев, обеспечивает общественный порядок и наибольшее материальное довольство каждого индивида. “Природа приглашает смертных помогать друг другу, чтобы жить веселее”, — вот в чем единственный смысл соединения людей в общность, вот чем оправдана солидарность и взаимопомощь утопийцев.

Природа, которая у Мора подменяет Бога, “даже велит тебе следить, чтобы не пренебрегал ты своими выгодами”. Содержание этой максимы, подробно комментируемой Мором, несомненно, полемически заострено против известных евангельских положений о любви к врагам и жертвовании ради ближних своими интересами. “Тебе следует быть не менее милостивым к себе, чем к другим, — наставляет Мор. — Ведь когда природа внушает тебе быть добрым к другим, не велит она тебе, напротив, быть суровым и беспощадным к себе самому”. Мор не против помощи ближнему: “Человеку надлежит заботиться о благе и утешении человека”, — говорит он. Какова же должна быть эта забота о ближнем? Оказывается, “человечнее всего смягчать горести других и, одолев печаль, возвращать их к приятностям жизни, то есть к удовольствиям”, ибо “нет никакой добродетели, свойственной человеку более этой”. Таким образом, получение удовольствий представляет собой смысл и назначение человеческой жизни, а высшая добродетель заключается в том, чтобы возратить удовольствиям прелесть новизны и снова приобрести к “приятностям жизни” того, кто ими пресытился или не имел возможности вкушать.

А “если так, — задается вопросом Мор, — то почему природа не побуждает, чтобы каждый делал то же самое и для себя самого? Ибо или же приятная жизнь дурна, то есть та, которая доставляет удовольствие; если так, то ты не только не должен никому помогать в ней, но изо всех сил должен отнимать ее у всех как вредную и смертоносную; или же тебе не только можно, но и должно склонять других к этой жизни как к хорошей; тогда почему бы не склонить тебе к этому прежде самого себя?”. Утопийцы считали подобные рассуждения безупречно логичными и неотразимо убедительными, то есть видели в них

высшее проявление разумности. Потому-то и признали они, что именно в удовольствии “заключено для людей все счастье или же его важнейшая доля”. И как им было не признать этого, если жизнь для удовольствия квалифицировалась не только как счастливая, но и как добродетельная. “Ведь они (утопийцы. — И. Д.), — разъясняет Мор, — определяют добродетель как жизнь в соответствии с природой, и к этому нас предназначил Бог. В том, к чему надлежит стремиться и чего избегать, надобно следовать тому влечению природы, которое повинуется разуму”.

Итак, по учению утопийцев, Бог дал завет человеку жить в согласии с природой, требования которой раскрывает разум (не Откровение), и требования эти сводятся к извлечению удовольствий, составляющих одновременно и счастье, и добродетель. Следовательно, получая удовольствие, человек не просто банально “ловит кайф”, а живет, во-первых, по-Божьи, во-вторых, естественно (по природе), в-третьих, высоко нравственно и, в-четвертых, счастливо. Какое сердце человеческое способно устоять против подобных коннотаций?.. Сердце западноевропейского человека и не устояло. В тот самый момент закончилось Средневековье и началась история Новой Европы...

Но что же представляют собою рекомендуемые разумом (от имени Бога и Природы) удовольствия? Утопийцы разделяют удовольствия на телесные и духовные. Что касается последних, то Мор замечает, что утопийцы “считают их первыми и самыми главными”. Однако описание сути и содержания этих духовных удовольствий у Мора предельно лаконично: “Духу они приписывают понимание и ту сладость, которую порождает созерцание истины (а главная истина утопийского разума, как мы видели, заключается в том, что Бог и природа благословляют нас на жизнь в свое удовольствие. — И. Д.). Сюда же отнесится приятная память о хорошо прожитой жизни (то есть проведенной в удовольствиях. — И. Д.) и несомненная надежда на будущее благо (то есть на то, что и загробная жизнь не лишена будет удовольствий. — И. Д.)”. Вот, собственно, и все, что можно узнать о духовных наслаждениях утопийцев.

Зато о телесных удовольствиях Мор пишет очень пространно и с несомненным знанием дела: “Телесные удовольствия они делят на два рода, из которых первый тот, который наполняет чувство заметной приятностью, что бывает при восстановлении тех частей тела, которые исчерпали пребывающий внутри нас жар. И это возмещается едой и питьем; другой род удовольствия — в удалении того, чем тело переполнено в избытке. Это случается, когда мы очищаем утробу испражнениями, когда прилагаются усилия для рождения детей или когда, потирая и почесывая, мы успокаиваем зуд какой-нибудь части тела”. Особой ценностью в этой связи утопийцы признают сохранение своего здоровья, ведь “когда нет здоровья, то не останется совсем никакого места для какого бы то ни было удовольствия”.

Мор отнюдь не являлся первооткрывателем этих истин, в стремлении к оправданию плоти у него было немало предшественников и единомышленников среди гуманистов. Например, один из них, итальянец Лоренцо Валла (1407–1457), сочинения которого пользовались большим успехом у интеллектуалов Ренессанса и с которыми Мор, несомненно, был знаком, считал, что “наслаждение является единственным благом в делах человеческих”. “Будем, — призывал он, — насколько можно (а можем мы многое), услаждать глаза, уши, нёбо, ноздри, руки, ноги и остальные члены нашего тела. Будем как можно дольше держать за телесные блага, которые несомненны и которые никогда не могут быть вновь обретены в другой жизни”²⁰.

Естественно, что и Валла огромное значение придавал сбережению здоровья как главному условию получения удовольствия. “Теперь скажу о благах тела, из которых самое главное — здоровье, — утверждал он, — Никогда не было человека до такой степени лишённого здравого смысла, который бы враждебно относился бы к здоровью. Доказательством этому служит то, что все мы прежде всего думаем о сохранении и возвращении здоровья”²¹. Гуманистический культ здоровья на современном Западе превратился в своего рода “невроз здоровья” — согласно известной поговорке: “заставь дурака Богу молиться, он и лоб расшибет”. Но ошеломляющее зрелище расшибания лбов не должно заслонять от нас идейных корней новоевропейской культуры в самых различных ее аспектах и даже извращениях. В невротической заботе о здоровье своего тела, в разросшейся до циклопических размеров фармацевтической и медицинской индустрии, в “крестовом походе” против холесте-

на и массовых жертвоприношениях всемогущему божку Фитнессу нельзя не увидеть широко и самоуверенно шагнувшую со страниц старинных философских трактатов Утопию. Это в учениях Валлы и Мора спасение душ было подменено спасением туш, что и превратилось ныне в главную заботу человека постхристианской цивилизации Запада.

Культовый физический здоровый, мышечный радости и животных наслаждений, господствующий в утопийской этике, находит особенно яркое выражение в своеобразном ритуале сматрин, предшествующих у них заключению брака. Происходит это так: “Женщину, будь то девица или вдова, почтенная и уважаемая матрона, показывают жениху голой, и какой-либо добропорядочный мужчина ставит в свой черед перед девушкой голого жениха”. Оправдывая правомерность своего в высшей степени оригинального обычая, утопийцы “выразили удивление редкостной глупостью всех прочих народов, которые при покупке жеребенка, когда дело идет о небольшой трате денег, бывают столь осторожны, что, хотя он и так почти голый, они отказываются его приобрести, пока не снимут с него седло и не стащат всю сбрую, чтобы не затаилась под этими покрывками какая-нибудь язва. При выборе супруги, от чего на всю жизнь человек получит удовольствие или же отвращение, поступают они столь небрежно, что, обволакивая все остальное тело одеждой, всю женщину оценивают по пространству едва лишь одной ладони (ибо, кроме лица, ничего не видно) и женятся не без великой для себя опасности сделать свою жизнь несчастной”. Крепость брачных уз утопийцы ценят весьма высоко (для совершивших супружескую измену предусмотрены исключительно суровые наказания), и развод допускается только в единственном случае – “после того, как обе стороны найдут себе тех, с кем надеются прожить слаще”.

Итак, брак как таинство для утопийцев не существует, выбор супругов уподобляется покупке животного, и главным критерием при этом выступает для них получение максимального телесного удовольствия. “С помощью человеческого разума”, заключают они, “нельзя выискать ничего более верного”. Вполне понятной и оправданной в свете этого становится и практикуемая утопийцами эвтаназия: если единственным смыслом жизни признается испытываемое телом наслаждение, то нет никаких причин продлевать существование тела, когда оно утратило способность доставлять удовольствие своему обладателю.

Прекрасным введением в утопийскую сотериологию (учение о спасении) могут служить рассуждения относительно загробного бытия человека и его взаимоотношений с Всевышним того же Лоренцо Валлы. Валла задается вопросом: что мы имеем в виду, говоря о любви к Богу? Ведь “блаженство наше не есть сам Бог, а от Бога исходит, как, например, радость, которую я получаю, видя свет или слыша приятный голос, не то же самое, что свет или голос, но они, воспринятые моими чувствами, доставляют мне радость”. Иными словами, любим мы именно свои приятные ощущения, а не их причину саму по себе, без отношения к доставляемому ею удовольствию. “Поэтому, – говорит Валла, – я не согласен, когда говорят, что Бога надо любить ради него самого: словно любовь и наслаждение существуют ради цели, а не являются скорее самой целью. Лучше было бы сказать, что Бога любят не как конечную причину, но как причину действующую”, то есть доставляющую удовольствие.

В том же ключе, что и Валла, рассматривают эту проблему и утопийцы в книге Мора. С их точки зрения, “в высшей степени безумно стремиться к суровой, нелегкой добродетели и не только гнать от себя сладость жизни, но и по своей воле терпеть страдание, от которого не дождешься никакой пользы (ведь какая может быть польза, если после смерти ты ничего не получишь, а всю эту жизнь проведешь бессладостно, то есть несчастно)”. В конечном итоге, утопийцы “склоняются к тому мнению, что не должно быть запретных удовольствий (лишь бы не воследовали за ними неприятности)”²².

А теперь посмотрим, как вписывается в религиозно-философскую концепцию Томаса Мора, столь созвучную культуре современного Запада, утопийское общество равных. Это самый таинственный и трудный момент, ведь, как кажется, нет ничего более несовместимого, нежели господствующая сегодня в мире капиталистическая рыночная система и коммунистические мечтания Мора. Не прав ли К. Каутский, утверждавший, что “философия и религия “Утопии” не состоят ни в каком отношении к коммунизму его идеальной общины и органически с ним не связаны”²³?

Попробуем разобраться. Мора действительно живо волновали социальные проблемы английского общества начала XVI века, порожденные “первоначальным накоплением”. Его до глубины души возмущало положение, когда одни работают много, а получают мало, часто — почти ничего, голодают и бедствуют. Зато другие, бездельничая, непропорционально много потребляют. Причем осуждение Мора вызывало не только то, что богатые собственники и спекулянты получали от общества явно несоразмерно тому, что давали ему, но и то, что многочисленные нищие, по разным причинам не участвовавшие в общественном труде, тем не менее, путем воровства и попрошайничества получили пропитание. Последним Мор, гуманный и просвещенный человек, разумеется, не ставил это в вину, справедливо считая их жертвами социального строя. Однако такое положение, когда кто-то, даже невольно, пожинал там, где не сеял, он расценивал как недопустимое. Каждый должен получать ровно столько, сколько отдал, награда должна быть равноценна заслуге. В современной ему европейской действительности этот принцип был резко нарушен благодаря общественной системе, основанной на частной собственности, которая позволяла и даже вынуждала людей потреблять несоразмерно (либо больше, либо меньше) произведенному каждым из них. Восстановить принцип эквивалентности — вот главная задача созданной Мором Утопии. Подчеркнем, что не установление равенства всех потомков Адама волновало его (ибо и в самой Утопии, а тем более в политике, проводимой утопийцами за ее пределами, мы находим примеры весьма глубокого неравенства между людьми), а соблюдение принципа равенства воздаяния. Именно это Томас Мор считал основной проблемой человеческого существования.

Мор по-своему решал эту проблему применительно к социальному организму, и в этом отношении он, несомненно, был первопроходцем и родоначальником всех последующих утопий. Но это не значит, что он является изобретателем самого принципа. Здесь он следует вполне в русле давно сложившейся традиции, и в основе его социально-философских воззрений, породивших Утопию, лежит вполне определенная религиозная доктрина спасения²⁴. Применительно к Мору, который, конечно, не случайно стал святым католической церкви, речь может идти только о доктрине спасения западного христианства.

Весьма выразительную характеристику того, как извратила евангельскую весть о воскресении, искуплении и спасении языческая правовая доктрина, завладевшая мышлением народов католического Запада, дал в своих сочинениях один из основоположников славянофильства, философ и богослов Алексей Степанович Хомяков (1804–1860). “Вечная тяжба, вечное разбирательство противоположных прав перед духовными юрисконсультами папского Рима, — писал он, — вот какого рода отношения введены были вместо установленного пришествием Христовым внутреннего единения между Творцом и тварью. Вооружаясь счетною книгою, составленною по правилам двойной бухгалтерии с дебетом в виде греха и кредитом в виде добрых дел (подкрепленных, правда, жертвою Спасителя), человек вступает в тяжбу с Богом и в римском казуисте находит себе благоприятного судью. Перед ним он не проиграет своей тяжбы. Лишь бы оставался он гражданином церковного государства и послушным слугою своих командиров, он за довольно умеренный взнос добрых дел и добрых помыслов попадает в акционеры рая; затем излишек, если таковой у него окажется, он получит возможность обратить для себя в движимый капитал, который останется в полном его распоряжении; а если окажется недочет, можно будет покрыть его займом у более богатых капиталистов. Был бы только верен баланс — Бог не придерется”²⁵.

Таким образом, христианин, согласно католической доктрине спасения, путем накопления добрых дел, подобно накоплению денег на банковском счете, получает возможность на Страшном суде Господнем предъявить пачку облигаций и векселей и в соответствии с положительным балансом жертв и заслуг требовать их возмещения райскими наслаждениями. Реформаторы XVI–XVII вв., особенно кальвинисты, поначалу поднявшие протест против столь бесстыдного поругания смысла Христова учения, так и не смогли избавиться от этой бухгалтерско-правовой доктрины спасения. В их концепциях она окончательно вульгаризировалась и с трогательной наивностью выразилась в признании прямой зависимости спасения индивида от успешности его бизнеса и от размера накопленного им материального богатства²⁶.

На первый взгляд может показаться, что утопийский проект Томаса Мора, который традиционно принято считать коммунистическим, глубоко чужд буржуазному духу многочисленных протестантских сект XVI–XVII вв., ставших, по мнению Макса Вебера, зачинателями современной капиталистической Европы. С другой стороны, не кажется вполне своим гуманист и вольнодумец Мор, знаток и почитатель античной языческой образованности, и для католического Средневековья. Религия его утопийцев внешне мало похожа на римское католичество. Однако что-то важное, существенное и решающее объединяет в одно неразрывное целое возрожденца Мора и с современной капиталистической Европой, и с Европой средневековой и католической, и с античной Европой римлян и греков.

Генетическая связь воззрений Мора с античной философией Платона, Пифагора, Эпикура бесспорна и им самим неоднократно подчеркнута. Нетрудно заметить в утопийских порядках и контуры новоевропейского проекта, приобретенного завершенные формы в XIX–XX вв. Но можно ли обнаружить в творчестве Мора следы влияния средневекового католичества, даже принимая во внимание его позднейшую канонизацию Римом? На этот счет значительная часть исследователей светской ориентации высказывала основательные сомнения, указывая на явно деистический характер религии утопийцев и многочисленные его насмешки и издевательства над католическими священнослужителями, монахами и иерархами. Однако все подобные произведения Мора, включая “Утопию”, были написаны им до начала Реформации, публиковались на латыни, а следовательно, были доступны лишь образованным элитариям. Но как только вольнодумные идеи гуманистов стали достоянием народной массы, как только из кабинетов и гостиных интеллектуалов они вырвались на улицы и площади и почва заколебалась под престолом римского папы, сэр Томас Мор предстал совсем в другом облики.

Одним из первых этот просвещенный английский гуманист вступил в ожесточенный богословский диспут с Мартином Лютером (1483–1546) в защиту католического учения о спасении. Будучи искушенным юристом и истинным сыном века Возрождения, духовно возросшим на античной философии и классическом римском праве, Томас Мор, выступая как богослов, естественно обосновывал так называемую “правовую доктрину” и решающее значение “добрых дел” и “взносов”, которыми выкупается Царствие Небесное. По мнению же Лютера, спасение всецело зависит от произвола Божия, мотивы которого сверхразумны; ни объяснить, ни изменить predeterminedное свыше человеку невозможно. Позиция Мора в его полемике с Лютером не представляет чего-либо оригинального, он всего лишь защитил от нападок неистового реформатора официальную доктрину католической церкви, выработанную в течение нескольких столетий схоластической теологией²⁷.

Один из ярких мыслителей европейского Средневековья и основатель схоластического метода в богословии Пьер Абеляр (1079–1142) отчетливо высказал “правовую”, или “рыночную”, точку зрения на спасение. “Ясно, что ни добрые, ни злые не равны между собой, и нельзя уравнивать их заслуги, то есть нельзя считать, что их воздаяние должно быть равным”, – писал он в “Диалоге между Философом, Иудеем и Христианином”. Однако это различие проводится Абеляром (устами Христианина) не только между грешными и праведными, но и между самими праведниками, “ибо в этом мире случается: один будет праведнее или святее другого, так что очевидно, что по разности заслуг и воздаяние разное”. В подтверждение этой мысли Абеляр ссылается на высказывание апостола Павла: “Различая воздаяния в будущей жизни по качеству добродетелей, то есть заслуг, он заявляет: И звезда от звезды разнится в славе. Так будет и при воскресении мертвых (1 Кор. 15, 41–42)”²⁸. Знаменательно, что Иосиф Волоцкий в своих произведениях приводит этот же отрывок из послания Павла для доказательства совершенно противоположной идеи – идеи о равенстве награды всем ищущим спасения, несмотря на неодинаковые подвиги и заслуги²⁹. И то, и другое толкование текста Павла несколько произвольно. Но данный пример наглядно показывает то, как представители двух христианских традиций – западной и восточной – диаметрально противоположно воспринимали одни и те же слова Священного Писания.

В диалоге Абеляра, когда достаточно подробно выясняются позиции собеседников, оказывается, что Философ (выражающий мировоззрение античных мыслителей) и Христианин (католик) являются фактически единомыш-

ленниками. “Мне нужно признать, — говорит Философ Христианину, — что ты, как я убедился, — истинно замечательный философ”. Ведь спасение мыслится Христианином не иначе, как разновидность взаимовыгодного обмена услугами (добрые дела на загробную мзду), то есть вполне солидарно с теми прославленными мудрецами-язычниками, по мнению которых, “блаженство полагалось как воздаяние за праведную жизнь, и нам нужно жить праведно по интенции, чтобы добиться такого воздаяния”. “Это-то блаженство, — заключает Философ, — Эпикур и называет удовольствием, а ваш Христос Царствием Небесным. Важно ли, каким именем это называется?”. Отметим как характерный штрих, что понятие “праведной жизни” у Абельяра обязывает человека творить добро не всем подряд, а избирательно — в соответствии с достоинством и заслугами каждого, ибо “не являются праведными деяния, когда мы помогаем другим, если только не воздаем тем самым каждому свое”³⁰.

Абельяра иногда считают вольнодумцем Средневековья, каковым он в известных отношениях и был, однако в вопросе о спасении ход его мысли типичен для католического сознания³¹. Ведь и современник Абельяра, святой Ансельм Кентерберийский (1033–1109), весьма почитаемый отец католической церкви, которого трудно заподозрить в неортодоксальности, рассуждает о спасении в тех же “правовых” категориях: “Тот, кто не воздает Богу должную честь, похищает у Бога Ему принадлежащее и бесчестит Бога. Пока же похититель не возместил ущерб похищения, он пребывает виновным. И недостаю точно только лишь вернуть украденное: за нанесенное оскорбление вернуть должно больше, чем было похищено”. Что же похитил человек у Всевышнего? По мысли Ансельма, Бог “выкупил нас от греха” на кресте, и с тех пор человек оказался в неоплатном долгу перед Ним. Не возвращая этот долг, человек похищает. Выходит, что Бог принес крестную жертву, не изыскав тем самым бесконечное милосердие к людям, а как бы выкупая некий вексель, и теперь требует оплаты. При этом Бог Ансельма исключительно свирепый и беспощадный кредитор, готовый выбивать долг насильем и с лихвой. “Не пристало Богу так вот отпускать грех без наказания, — говорит Ансельм, — раз человек сотворен таким образом, что мог бы достичь блаженства, если бы не грешил, то, лишаясь вследствие греха блаженства и всего доброго, он против воли платит тем, чем обладает, за то, что похитил; и хоть Бог и не употребляет отнятое Себе на потребу, как человек использует отнятые у другого деньги для своих нужд, однако отнятое служит Его чести уже потому, что отнято: ведь отнимая у грешника жизнь и блаженство, Он доказывает Свое господство над ним”. Потому-то “даровано это блаженство должно быть лишь тому, чьи грехи прощены совершенно, а это прощение должно иметь место лишь тогда, когда возвращен долг за грех, соразмерный величине греха”³².

Приведенные мнения западных богословских авторитетов дают нам основания утверждать, что Томас Мор, как и многие его единомышленники-гуманисты (например, уже упоминавшийся Лоренцо Валла), нисколько не впадали в противоречие, сохраняя верность католическому вероучению и одновременно разделяя многие философские и религиозно-этические взгляды языческих мудрецов. Во всяком случае “правовой”, или “рыночный”, подход к проблеме спасения, предполагавший эквивалентное деянию возмездие, общ и для католика Мора, и для тех философов-язычников, которые признавали загробное существование.

В основе этого подхода легко угадываются принципы римского права, неподобие формул *suum cuique* (“каждому свое”), *do ut des* (“даю, чтоб ты дал”, “ты — мне, я — тебе”), и т. п. Философское обоснование подобных принципов в этике мы находим в сочинениях выдающихся античных философов Платона и Аристотеля. Аристотель, выясняя содержание справедливости как категории этики, проводит прямую аналогию с правосудием и товарным обменом. Все эти три сферы социального бытия подчиняются, с его точки зрения, одному и тому же закону пропорционального равенства: торговая сделка справедлива, когда товар обменивается на равный по стоимости товар; судебный приговор справедлив, когда наказание равно причиненному ущербу, и т. п. Каждый конкретный случай обмена, судебной тяжбы или нравственной коллизии может быть формализован и подведен под математическую формулу³³. Платон, вполне разделявший подобные взгляды на справедливость как воздаяние должного, распространяет этот принцип и на посмертную участь человека. Философ даже устанавливает кажущуюся ему законной пропорцию между по-

ведением в посюсторонней жизни и загробным воздаянием: “кто оказывал благодеяния, был справедлив и благочестив”, говорит Платон, “тот вознаграждался десятикратно согласно заслугам”, и наоборот, тот, кто творил злодеяния, “за каждое преступление должен терпеть десятикратно большие муки”³⁴.

Подобный “калькуляционный” подход к спасению в Средневековье проник не только в теологические трактаты католических отцов, освоивших античное философское наследие, но и не в меньшей степени был присущ массе западноевропейского простонародья. Богословие интеллектуалов в этом вопросе принципиально не отличалось от богословия простецов. В замечательном исследовании Льва Карсавина “Основы средневековой религиозности в XII–XIII веках” приводятся весьма красноречивые факты, показывающие, что ментальность рядовых прихожан католической церкви определялась той же правовой доктриной. Особенно наглядно это проявилось в обычае так называемых “обетов”, рассматривавшихся католиками как некоторая сделка, как двусторонний и взаимообязывающий контракт с Всевышним или с кем-либо из святых: “Обет, – пишет Карсавин, – это обещание убогатворить святого или Бога, если они исполнят просьбу верующего. “Я, сказала некая Альберта, даю обет Богу и брату Джанбуоно за сына моего Оттобелло, лишённого света очей своих, в том, что я, если Бог по заслугам сказанного брата Джанбуоно, дарует ему зрение, принесу брату два восковых глаза”. И действительно видели, как Альберта со своим сыном шла к могиле святого и несла ему два восковых глаза, по ее словам – по обету. Мать одной девочки, настолько отошавшей, что походила она не на творение Божье, а на какое-то чудище, обещала тому же святому за исцеление дочери столько хлеба, сколько она весила (надо полагать, до исцеления). – У могилы святого висело много “ex voto” (“по обету”): восковых глаз, рук, ног, свечей в длину человеческого тела или, в случаях водянки, величиной с окружность живота; висели даже бороды обокравших храм и обличенных воров. Разумеется, среди приношений много было просто знаков благодарности, но еще больше настоящих “ex voto”. А смысл “ex voto” как раз заключается в том, чтобы принудить, побудить святого сделать желаемое, договориться с ним, заключить с ним “pactus” (“пакт”). Иногда сами слова обета приобретают характер обязывающей, принуждающей формулы. И чем щедрее верующий, тем охотнее поможет святой”. Причем, как прибавляет Карсавин, латинские богословы вполне разделяли эти настроения католического простонародья, замечая лишь, что не стоит рассчитывать на сделку с Богом или святыми, если речь идет о грешных и дурных делах³⁵.

Не удивительно, что отношения “ex voto”, основанные на принципе “ты – мне, я – тебе”, очень легко подвергались переворачиванию, превращаясь в шантаж и вымогательство. Как рассказывается в одной средневековой нравоучительной истории (“Диалоги о чудесах” Цезария Гейстербахского, Германия, XIII век), однажды волк утащил у благочестивой матери трехлетнюю дочь. Мать пошла в часовню и отняла у статуи Богоматери Сына со словами: “Госпожа, Вы не получите назад Вашего ребенка, если не возвратите в сохранности моего”. Святая Дева, утраченная этой угрозой, велела волку отпустить девочку, и ее нашли живой, хотя и со следами зубов зверя. Тогда мать вернула статуе Младенца³⁶. При этом Цезарий Гейстербахский никоим образом не усомнился ни в благочестии мамы, ни в правомерности ее поступка.

На основании подобных меновых сделок “ex voto”, имевших первоначально характер “натурального” обмена, по мере развития денежного хозяйства вполне естественно возникла практика индульгенций, без всяких эвфемизмов установившая куплю-продажу спасения. Это произошло тем естественней, что в католической Европе коммерческие категории определяли сам метод мышления, независимо от сферы его приложения – будь то богословие, торговая сделка или техническое изобретение. Нетрудно заметить, что из тех же принципов, в основе которых лежит “правовая” доктрина спасения, выросла и вся новоевропейская наука, прежде всего ньютоновская классическая физика (сила действия равна силе противодействия), законы сохранения вещества и энергии и т. п. Аналогом этих основополагающих законов в политэкономической науке могут служить, например, закон стоимости или закон усреднения нормы прибыли. Понятно, что в этих законах и постулатах отражаются не столько действительные природные и общественные процессы, сколько специфические приемы мышления новоевропейского человека.

“Характерно, — отмечает историк науки К. А. Свасьян, — что само слово *ratio*, означающее собственно расчет, в средневековой [западноевропейской] семантике прямо скрещивало “разумность” с “калькуляцией”; итальянское *ragionare* уже с XIII века совпадало с *calcolare*, и за звучным *Libro della Ragione* скрывался не трактат по логике, а обычный бухгалтерский “гроссбух”; “думать” и “считать” едва ли не предполагали друг друга; фра Джордано Пизанский в 1303 году употребляет их уже синонимично, характеризую флорентийских купцов, которые “денно и ночью думают и считают”³⁷.

Нельзя сказать, что удушающее влияние рационализма не встречало в Западной Европе никакого сопротивления. “Потаскухой дьявола” заклеимил Мартин Лютер именно тот разум, который, наряду с индульгенциями, породил и “правовую” доктрину спасения, и оксфордскую схоластику, и флорентийскую бухгалтерию, и моровскую Утопию. Бунт Лютера, посредством доктрины предопределения ко спасению пытавшегося вернуть в геометрические расчерченный пейзаж европейского духовного мира зримое присутствие Промысла Божьего, оживил этот пейзаж только реками крови и слез в последовавшей за Реформацией полутора столетней резне между католиками и протестантами. Но, будучи сам фаталистической крайностью, бунт этот не мог привести к “снятию” возникшего противоречия. Лютеровская доктрина спасения как непостижимого произвола Господа представлялась в глазах человека скорее дьявольской игрой случая, шизофреническим царством абсурда и была так же далека от истинного понимания Бого-человеческого соработничества (синергии) во имя спасения, как и аристотелевско-ансельмовская меняльная лавка.

Если бы эти антиномии европейского религиозного сознания между Промыслом и “правовой” доктриной спасения, между Законом и Благодатью, между предопределением и свободой воли не были разрешены; если бы не удалось сшить кровотокающий разлом Реформации, западноевропейская цивилизация, возможно, погибла бы в судорогах самоистребления. Чтобы умирить распри и уврачевать раны, необходим был великий духовный синтез. И такой синтез осуществил в середине XVIII века человек, на первый взгляд, едва ли подходящий для этого титанического подвига. То был скромный профессор кафедры нравственной философии Глазговского университета, ставший автором самой, быть может, важной книги для Запада за последнее тысячелетие. Звали его Адам Смит (1723–1790). Его знаменитый труд “Исследование о природе и причинах богатства народов” как будто не имеет отношения к богословию и посвящен далекой от него сфере политической экономики. Однако когда внимательно вчитываешься в содержание этого труда, то постепенно возникает и крепнет ощущение, что если заменить специфическую политэкономическую терминологию соответствующими категориями и понятиями схоластической теологии, то текст не только не потеряет смысла, а наоборот, именно тогда-то и раскроется истинное значение трактата Адама Смита.

В чем заключается основная цель человеческой жизни согласно Смиту? Стяжание богатства (сиречь — Царствия Небесного). Каков путь достижения этой цели? Производство материальных благ (“добрых дел”), и чем больше ты производишь, тем большее богатство ты получаешь при обмене (тем более наслаждений тебя ожидает в раю). Принцип эквивалентности лежит в основании этого обмена, а мерилом эквивалентности выступает количество труда: “Действительная цена любой вещи — чего реально стоит человеку всякая вещь, которую ему хочется добыть, — это телесные и душевные тяготы, связанные с ее добыванием. Но что действительно значит для человека любая вещь, которую он уже добыл и теперь хочет продать или обменять на что-то другое? Она равноценна телесным и душевным тяготам, от которых она может его избавить, возлагая таковые на других людей. Все, что покупается деньгами или товарами, приобретается трудом в такой же мере, как и все, что достается нам тяготами нашего собственного тела. Эти деньги и товары поистине избавляют нас от таких тягот. Они содержат ценность определенного количества труда, которую мы обмениваем на то, что предположительно содержит в это время ценность равного количества”³⁸.

Такую картину эквивалентного обмена Смит находит в “простых”, докантилистических обществах, и эта картина вполне соответствует католической сотиологии. Но с усложнением общества, с развитием товарно-денежных

отношений и появлением капиталистической частной собственности в аристотелевско-ансельмовское рыночно-этическое равновесие властно вторгается неопределенность, вносящая резкий дисбаланс в предустановленную гармонию, когда кажется, что зависимость между количеством отданного труда (“добрых дел”) и полученного богатства (воздаяния на небесах) совершенно потеряна. На богословском языке эта неопределенность и есть Провидение, актуализированное Лютером как Божественный произвол, предопределение ко спасению без всякой связи с количеством “добрых дел”. И неудивительно, что лютеровская Реформация взорвала средневековую католическую сотериологию как раз в то самое время, когда на ниве европейской натуральной экономики начали дружно прозябать ростки капитализма.

“Утопия” Томаса Мора (1516) появилась на свет почти одновременно с религиозным бунтом Лютера (1517), и в ней по существу рассматривается и решается та же самая проблема, исследованию которой посвящен трактат Адама Смита. Как восстановить потрепанное равновесие Аристотелева космоса? Как открыть перед “добрыми делами” захлопнувшуюся от реформационных вихрей дверь католического рая? Мор переводит эту проблему из сферы чистой теологии в новую плоскость, он спускает небеса на землю и посредством жесткой социальной конструкции устраняет всякую неопределенность, обещая воздаяние каждому строго по заслугам уже в этой жизни (потому-то и загробный мир в религии его утопийцев выглядит довольно невнятно, он словно бы лишний).

Адам Смит писал свой труд спустя 250 лет после начала Реформации и, будучи к тому же сам протестантом, не мог столь же жестко, как это делает Мор, исключить “Божественный произвол” из своей картины мира, поэтому непредсказуемая рыночная стихия выступает одним из главных действующих начал в его социальном пространстве. Однако всем своим исследованием он показал, что, несмотря на кажущийся хаос, производимый миллионами ежеминутно совершающихся в обществе всевозможных актов обмена – труда на деньги, денег на товары, кредитов на векселя, залогов на ренты, – несмотря на бросающиеся в глаза отклонения от эквивалентности обмена в частных случаях, в конечном итоге вектор общественной экономики, направляемый “невидимой рукой” (Провидением), подводит систему к равновесию. И тогда оказывается, что за равный по качеству и количеству труд назначается равная заработная плата, а на вложенный капитал, как ни выкручивайся, получишь одинаковую норму прибыли, то есть каждое “доброе дело” обязательно получит пропорциональную ему мзду.

Таким образом, Адаму Смиту удалось осуществить Великий Синтез – примирить в своей политэкономии две противоположные концепции спасения – католическую и протестантскую. Божественный произвол Лютера, олицетворяемый неограниченной рыночной конкуренцией, сделался, благодаря открытию Смита, не отрицанием, а условием аристотелевско-ансельмовской справедливости, воздающей в меру заслуг. Неудивительно, что постепенно рыночный либерализм стал светской религией европейского человечества взамен католичества и протестантизма, а Адам Смит занял место Моисея и Христа. Наукообразная терминология и методология, а также то, что учение Смита толковало не о неосязаемых загробных наградах, а о достижении вполне материального изобилия здесь и сейчас, споспешествовало торжеству новой религии в среде европейцев, утративших вкус к истине Откровения и предпочитавших собирать свое сокровище на земле, а не на небесах.

Триумф смитианского синтеза позволил и утопийскому проекту Томаса Мора реализоваться не только на псевдокоммунистическом базисе (с обобществлением собственности), но и на либерально-рыночном (с сохранением частной собственности), что, как показала история XX столетия, сделало его еще более устойчивым и жизнеспособным. Полную совместимость смитианства и католической сотериологии, кстати, осознала и современная католическая богословская мысль. Один из видных ее представителей, американец Ричард Нейхауз, анализируя энциклику папы Иоанна-Павла II (ныне блаженного католической церкви) 1991 года *Sentisimus Annus* (“Сотый год”), пришел к выводу о том, что социально-экономические рассуждения папы полностью совпадают с идеями знаменитой книги Адама Смита. Согласно выраженным в *Sentisimus Annus* официальным взглядам католической церкви, “свободная экономика”, в основе которой лежат “бизнес, рынок, частная собственность”,

является наиболее благоприятствующим спасению условием, а “капитализм есть экономическое следствие из христианского понимания человеческой природы и предназначения”³⁹.

Католическая иерархия всегда прекрасно отдавала себе отчет в том, какого она духа, и во все эпохи безошибочно опознавала своих: Аристотеля, Томаса Мора, Адама Смита. И если внимательно присмотреться, то нетрудно заметить, что все европейские Большие Идеологии (Гуманизм, Либерализм, Социализм) были лишь переводами со средневековой латыни на современные языки и понятия древних священных текстов, были лишь видоизменениями, иногда трудно узнаваемыми, того пути спасения, который уже почти два тысячелетия указывает папский Рим.

Примечания:

¹ См.: Осиновский И. Н. Томас Мор: утопический коммунизм, гуманизм, Реформация. М., 1978. С. 17–18, 306–307.

² Пайпс Р. Русский консерватизм и его критики. М., 2008. С. 49, 54.

³ См.: Георгий Ц. де Вильярдо. Дух русского христианства. Мадрид, 1962. С. 137.

⁴ См. письмо Эразма Роттердамского к Ульриху Гуттену, 1519 г. // Томас Мор. Утопия. М., 1978. С. 324–325.

⁵ См.: Осиновский И. Н. Томас Мор. М., 1985. С. 22–41; Тарле Е. В. Общественные воззрения Томаса Мора в связи с экономическим состоянием Англии его времени // Собрание сочинений. Т. 1. М., 1957. С. 256–257, 264.

⁶ Каутский Карл. Томас Мор и его Утопия. Пг., 1919. С. 276.

⁷ См.: Аристотель. Никомахова Этика // Сочинения. Т. 4. М., 1984. С. 151, 155–156; Политика // Там же. С. 472, 595.

⁸ См.: Кудрявцев О. Ф. Ренессансный гуманизм и “Утопия”. М., 1991. С. 63–85.

⁹ Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М., 1999. С. 292–306.

¹⁰ Сошлемся на эссе Давида Юма “О самоубийстве”, где приводятся те же аргументы в пользу самоуничтожения, что и в “Утопии” Мора: отсутствие удовольствия от существования для самого индивида и обременительность его существования для общества (см.: Юм Д. Малые произведения. М., 1996. С. 180–192).

¹¹ См., напр.: Каутский Карл. Томас Мор и его Утопия. С. 250–255.

¹² Эти факты взяты из кн.: Вильямс Э. Капитализм и рабство. М., 1950.

¹³ См.: Павлов В. И. К стадийно-формационной характеристике восточных обществ в новое время // Теоретические проблемы всемирно-исторического процесса. М., 1979. С. 243; Сунягин Г. Ф. Промышленный труд и культура Возрождения. Л., 1987. С. 48.

¹⁴ Данные приведены по: Бродель Ф. Время мира. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 3, М., 1992. С. 550–551.

¹⁵ См.: Бауман З. Текучая современность. СПб., 2008. С. 152.

¹⁶ См., напр.: Каутский Карл. Томас Мор и его Утопия. С. 287–289; Осиновский И. Н. Томас Мор: утопический коммунизм, гуманизм, Реформация. С. 187–191.

¹⁷ См.: Кудрявцев О. Ф. Ренессансный гуманизм и “Утопия”. С. 255.

¹⁸ См., напр.: Серафим Роуз. Православие и религия будущего. Киев, 2008; Преподобный Иустин (Попович). Православная церковь и экуменизм. М., 2006.

¹⁹ Обзор соответствующей литературы см.: Осиновский И. Н. Томас Мор: утопический коммунизм, гуманизм, Реформация. С. 18–20, 27–41.

²⁰ Цит. по: Кудрявцев О. Ф. Ренессансный гуманизм и “Утопия”. С. 36.

²¹ Лоренцо Валла. Об истинном и ложном благе. О свободе воли. М., 1989. С. 97.

²² Ср. с изречениями Эпикура (Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М., 1979. С. 438).

²³ Каутский Карл. Томас Мор и его Утопия. С. 275.

²⁴ Методологическое представление о концепции спасения как центрального ядра всех мировых религиозных систем, определяющих, в свою очередь, смыслы и мотивации экономической и социальной деятельности людей, блестяще оправ-

- дало себя в работах немецкого социолога Макса Вебера (см.: Зарубина Н. Н. Социокультурные факторы хозяйственного развития: М. Вебер и современные теории модернизации. СПб., 1998. С. 73–90).
- ²⁵ См.: Хомяков А. С. Сочинения в двух томах. Т. 2. Работы по богословию. М., 1994. С. 95–96.
- ²⁶ См. классическое исследование Макса Вебера “Протестантская этика и дух капитализма” в кн.: Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 159, 229 и др.
- ²⁷ О полемике Мора с Лютером и другими реформаторами см.: Осинский И. Н. Томас Мор: утопический коммунизм, гуманизм, Реформация. С. 197–309.
- ²⁸ Петр Абеляр. Теологические трактаты. М., 1995. С. 362, 366–367.
- ²⁹ См.: Преподобный Иосиф Волоцкий. Просветитель. М., 1993. С. 110–111.
- ³⁰ Петр Абеляр. Теологические трактаты. С. 360–362, 374–375. “Понятие “заслуги” чуждо преданию Восточной Церкви, – считает русский религиозный философ В. Н. Лосский. – Это слово редко встречается в духовной литературе Востока и не имеет того значения, какое имеет на Западе. Объясняется это общей установкой восточного богословия в его понимании благодати и свободы... Благодать не есть награда за заслуги человеческой воли... Речь идет не о заслугах, а о соработничестве, синергии двух волей, божественной и человеческой, о согласии, в котором благодать все более и более раскрывается...” (Лосский В. Н. Очерк мистического богословия Восточной Церкви. Догматическое богословие. М., 1991. С. 149).
- ³¹ См.: Орлов А. Сотериология Петра Абелярда (в связи с антропологическими его воззрениями) // Богословский вестник. 1916. Т. 1. № 3/4. С. 538–539.
- ³² См.: Искупление. Материалы международного симпозиума. Ансельм Кентерберийский. Почему Бог стал человеком. СПб., 1999. С. 35, 51–52, 56, 73–74, 83.
- ³³ См.: Аристотель. Никомахова Этика // Сочинения. Т. 4. С. 145–158.
- ³⁴ См.: Платон. Государство // Собрание сочинений. Т. 3. М., 1994. С. 414.
- ³⁵ Карсавин Л. П. Основы средневековой религиозности в XII–XIII веках. СПб., 1997. С. 191–192.
- ³⁶ См.: Гуревич А. Я. Культура и общество средневековой Европы глазами современников (Exempla XIII века). М., 1989. С. 23–24.
- ³⁷ Свасьян К. А. Становление европейской науки. Ереван, 1990. С. 223.
- ³⁸ Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов (книги I–III). М., 1993. С. 144–145.
- ³⁹ См.: Нейхауз Ричард Джон. Бизнес и Евангелие. Вызов христианину-капиталисту. Познань–Москва, 1994. С. 19, 205, 229–231 и др.

(Окончание следует)

СТАНИСЛАВ КУНЯЕВ

“В БОРЬБЕ НЕРАВНОЙ ДВУХ СЕРДЕЦ”

Я научила женщин говорить.

А. Ахматова

В книге “Крушина” есть несколько стихотворений, обращённых к Ахматовой, написанных словно “под её диктовку” или с ахматовскими сюжетами, интонациями, лексикой и, разумеется, с ахматовскими героинями. Ахматова была кумиром Дербиной, её наставницей и “покровительницей” и до и после крещенской трагедии.

Фанатичный культ Ахматовой стал “опорой” в её изломанной судьбе.

*В ночь безнадёжности жизнь моя брошена,
Но есть в ней два слова, святящихся матово,
Как обещанье чего-то хорошего:
“Анна Ахматова! Анна Ахматова!”
Под камнепадом хулы, поношений
Именем этим мне даль осиянна...
О, не упасть бы с судьбою в сражении,
Как не упала Ахматова Анна!*

С одним из своих избранников (возможно, что и с Рубцовым) Д. побывала на могиле Ахматовой в Комарово:

*А собственно, что у нас было?
Ахматовиана и май,
И чуточку сердце щемило
(Как хочешь sie понимай).
И кладбище там в Комарове,
И профиля барельеф,
И замкнутый в царственном слове
Как будто родимый напев.
Дорога на озеро Щучье,
Там есть и ЕЕ следы...
Наверное, было бы лучше
Не стоять у тёмной воды.
Теперь эти тёмные воды
Буду помнить долгие годы.*

Никто из русских поэтов не владел душой Людмилы Дербиной с такой властью, как Анна Ахматова. Недаром же поэтесса пишет слово “ЕЁ” прописными буквами, словно речь идёт о Божестве.

Есть в “Крушине” раболепно ахматовские стихи об “ахетатонской царице” Нефертити, о “печальной мидийской царевне”, бродящей (подобно Анне Андреевне в Царском Селе) по аллеям “висячих садов Семирамиды”. Эпиграф к стихотворенью взят из Ахматовой: “Всего прочнее на земле печаль”. И даже когда в стихах Д. мы встречаем её собственное уподобление себя волчице и ведьме, то невольно вспоминаешь, что Анна Андреевна в дружеско-семейных кругах имела звериную кличку “Акума”. Гипнотическое влияние А. А. на Л. Д происходило на глубоком, можно сказать, на иррациональном уровне. Скорее всего, кроме уроков гордыни, полученных у Ахматовой, её поклонницу могло околдовать ахматовское изображение любви как вечного сопротивления мужской воле, как поединка, в котором победа над возлюбленным не только тешит тщеславие, но и вознаграждает чувством полной независимости. Привлекал способную ученицу и ахматовский “комплекс Клеопатры”, исключавший всякую длительную женскую привязанность и патриархальную верность единственному избраннику в жизни. А ещё, конечно, она усвоила от Акумы способность провоцировать уроки ревности, подобные тем, которые устраивал А. А. её третий муж, несчастный Пунин. **“Все, кто её любил, – пишет в своих воспоминаниях друг А. А. Павел Лукницкий, – старались спрятать её, увезти, скрыть от других, ревновали, делали из дома тюрьму”**. В такие “тюремные минуты” А. А. чувствовала себя на вершине блаженства, о чём свидетельствуют её стихи:

*Сколько б другой мне ни выдумал пыток,
Верной ему не была.
А ревность твою, как волшебный напиток,
Не отрываясь пила.*

Да не ополчатся на меня фанаты и фанатки Ахматовой, но почти ту же самую картину “ревностей” мы видим в вологодской трагедии.

Из протокола допроса Дербиной:

“Николай ревновал меня <...> Приходил ко мне Николай, спрашивал: “Кто у тебя в подвале?” И непременно проверял, нет ли кого”.

Из показаний сестры Дербиной:

“Рубцов её ревновал, ему всё казалось, что она ему изменяет”.

Как пишет М. Суров – создатель удивительной книги “Н. Рубцов. Документы. Фотографии. Свидетельства” (Вологда, 2006): **“Детально описывая сцены ревности, которые “закатывал” ей Рубцов, она как бы говорит всем нам: смотрите, как он безумно любил меня <...>; “безумная ревность поэта Николая Рубцова всегда служила для Грановской своеобразным “сертификатом качества”, авторитетным подтверждением её ценности как женщины и значительности как поэтессы. У меня лично не вызывает ни малейшего сомнения тот факт, что Грановская сама провоцировала вспышки его ревности и затем картинно сокрушалась по поводу безумства его любви”**.

Совпадением ревнивых чувств в стихах А. и Д. несть числа. **“Тебе покорной? – ты сошёл с ума!”** – с надменностью заявляет А. А. кому-то из мужей или любовников. А. Дербина почти “в рифму” вторит ей: **“Невозможно, чтоб ты одолел”**. **“Мой муж – палач, и дом его – тюрьма”**, – негодует А., живя с Шилейко. А Дербина, стремясь освободиться “от власти” Рубцова, в борьбе с “домашней тюрьмой” идёт ещё дальше: **“А я у своей западни смела все замки и затворы!”** **“Уже судимая не по земным законам, / Я, как преступница, ещё влекусь сюда”**, – горюет Ахматова, и Дербина твердит то же самое почти теми же словами: **“Закон суров, но это есть закон, а я древнее всякого закона”**. Перекликаются между собой и две заповеди, по которым пытались жить две своевольные женщины:

*Стыдись и творческой печали
Не у земной жены моли.
Таких в монастыри ссылали
И на кострах высоких жгли.*

Это — ахматовское хрестоматийное заклинание, а вот заклинание её ученицы, и оно, право, не слабее по чувству:

*Заройте, как жонку Агриппку,
На площади в Вологде, но
Души моей грустную скрипку
Не закопать всё равно.*

Правда, бывает, что самых что ни на есть “таких” в землю тоже закапывали, как, например, Анну Монс, неверную любовницу и жертву ревности молодого императора Петра Первого. Кстати, и “жонку Агриппку” дремучие вологжане XVII века закопали на главной площади города с формулировкой “за блуд”, но потом сжалились и выкопали обратно. А разве “разборки” со своими несчастными избранниками у А. А. и Л. Д. не изложены на одном и том же языке “неземных жён”?

*Тебе я милой не была,
Ты мне постыл. А пытка длилась.
И как преступница томилась
Любовь, исполненная зла. (А. А.)*

Особенно хороша, откровенна и парадоксальна последняя строчка этого проклятия, перекликающегося с другим проклятием разлюбленному:

*Ах да! Ведь где-то муж безгрешный.
Он помнит, что была жена.
Она была. В страстях нездешних
Как еретичка сожжена. (Л. Д.)*

“Нездешние страсти”, “неземные жёны”, “еретички”, восходящие на “высокий костёр”...

И о забвении, и о вечной славе и знаменитая наставница, и её ученица рассуждают так, как будто слова стихов им нашептала одна и та же муза:

*Забудут, вот чем удивили!
Меня забывали сто раз,
Сто раз я лежала в могиле,
Где, может быть, я и сейчас.*

Строки хрестоматийные... Но с не меньшим основанием младшая современница Ахматовой примерит их на себя, приправит солью своей судьбы и повторит почти теми же словами:

*Никто не знает, сколько раз
Рождалась я и умираю,
И сколько раз в свой смертный час
Я начинала жить сначала.*

А вот стихи о разорении жизни, написанные А. А. в 1921 году:

*Всё расхищено, предано, продано,
Чёрной смерти мелькнуло крыло,
Всё голодной тоскою изглодано,
Отчего же нам стало светло?*

И как эхо — отражается звук этого разорения в стихах, написанных ровно через 60 лет.

*Будто нищая пала ограда,
Чёрной бездны приблизилась край.
Стало слышно дыхание ада
На земле сотворяющим Рай...*

Стихи-близнецы, стихи-реминесценции, стихи-ремейки выходили из-под пера Л. Д. словно копии и всегда заставляли вспомнить ахматовские оригиналы. И обращение к музе для неё – как же без музыки! – было обязательным:

*А. А. Дай мне горькие годы недуга,
Задыханья, бессоницу, жар,
Отними и ребёнка и друга
И таинственный песенный дар.*

*Л. Д.: Светлоокая! Дай же мне руку,
За собою меня позови,
И на сладкую крестную муку
Песнопения благослови.*

Но не только в стихах – даже в мыслях и разговорах Л. Д. подражала Анне Андреевне.

“А всё же я пишу стихи лучше тебя”, – выкрикнула Анна Ахматова в лицо Гумилёву, когда нашла у него в пиджаке записку от какой-то женщины. А Людмила Дербина в разговоре с лагерной товаркой по несчастью, спросившей её: не жалко ли ей, что она убила своего мужа, холодно ответила: “Я бы его и ещё раз убила. Всю жизнь мне сломал <...> Видите ли, поэт... учил меня. А мои стихи не хуже, а намного лучше”.

Ну, а прочих второстепенных совпадений не перечить.

Набор “знаковых имён” в книге “Крушина” у Л. Д., выросшей в северной глубинке, тем не менее весь “ахматовский”: “Люцифер”, “Навуходоносор”, “Моисей”, “Алигьери”, “Герострат”, “Содом”, “Гоморра”, “Голгофа” и т. д... Всё словно бы взятое напрокат из “Поэмы без героя”.

*А. А.: У затравленной дикой кошки
На твои похожи глаза.*

*Л. Д. Когда рискнешь как бы врасплох
Взглянуть в глаза мои кошачьи,
Зелёные, как вешний мох...*

И воспоминания о диком детстве у них словно у двух близняшек-сестёр:

А. А.: “Я получила прозвище “дикая девочка”, потому что ходила босиком, бродила без шляпы и т. д., бросалась с лодки во время шторма и загорала до того, что сходила кожа, и всем этим шокировала провинциальных севастопольских барышень”.

*Л. Д.: Я твоя, глухомань моя дремная,
Потайная моя колыбель,
Это ты — моя радость огромная,
Ты моя золотая свирель.*

*Вся твоя первобытная дикость,
Вся таинственность чащи лесной,
Как черты дорогого мне лика,
Навсегда облюбованы мной.*

Мечта об утерянном рае у знаменитой русской поэтессы и её способной ученицы одна и та же... Я не говорю о несравнимости или о соразмерности таланта, не придаю значения психологической точности, с которой “не дрогнувшей рукой” вычерчивает свои чувства А. А., по сравнению с грубой эмоциональностью излияний из книги “Крушина”. Меня в первую очередь интересует подлинность страстей, исходящих из “сообщающихся” источников. Видимо, все пишущие женщины обладают единым понятным друг для друга языком чувств...

* * *

Ахматова не просто “научила женщин говорить”. Она властно, естественно и убедительно растолковала им, что они в результате тотальной эмансипации обрели все человеческие и сверхчеловеческие права на всё – в том чис-

ле и право на любые грехи, на полную свободу от запретов, изложенных на скрижалях Моисея, в сурах Корана, в Нагорной проповеди.

Если в земной истории когда-нибудь наступит матриархат, то именно ей первое же поколение новых женщин должно поставить памятник. . .

Вся стихия обожаемой ею свободы клубилась в душевных залах “Бродячей собаки”, в “башне” Вячеслава Иванова, в Фонтанном Доме, в садах Царского Села, на островах, где у ресторанных окон сидели блоковские незнакомки и где сам поэт, кружившийся в метельных вихрях Северной Пальмиры, испытывал то приливы греховного восторга, то падал в бездну покаяния.

*Грешить бесстыдно, беспробудно,
Счёт потерять ночам и дням
И с головой, от хмеля трудной,
Пройти стороной в Божий Храм.*

Блок ещё помнил дорогу к храму и что он – Раб Божий, а Марина Цветаева в ту же самую эпоху возводила его, грешного человека, своими экзальтированными причитаниями на пьедестал, которого был достоин разве что один Спаситель:

*И под снегом вечерним стоя,
Упаду на колени в снег
И во имя твоё святое
Поцелую вечерний снег*

*Там, где поступью величавой
Ты прошёл в гробовой тиши...
Свете Тихий! Святые Славы
Вседержитель моей души!*

Эти стихи с цитатами из самой сокровенной молитвы если и не богохульство, то, конечно же, экзальтированное кощунство Серебряного века, свидетельство его богооставленности.

Иногда мне кажется, что на переломе двух веков в жизни просвещённых сословий Российской империи пышным цветом расцвели все человеческие пороки, накопленные в толщах истории. Революции, как волны, накатывались на страну одна за другой: антихристианская, антисемейная, антигосударственная, сексуальная, экономическая. . . И, конечно же, феминистская, подготовленная поколением Аполлинарии Суловой, Авдотьи Панаевой, Огарёвой-Тучковой, Ольгой Сократовной Чернышевской и прочими их клонами, вытеснившими из жизни женщин склада Натальи Гончаровой, Татьяны Лариной, Китти Левиной, Софьи Толстой, богобоязненных героинь из романов Гончарова, из пьес Александра Николаевича Островского.

Отнюдь не пресловутый “заговор большевиков” разрушал социальные и нравственные основы жизни, а труды и лекции высоколобых интеллектуалов того же Серебряного века – С. Булгакова, А. Богданова, А. Луначарского, Н. Бердяева.

Стены канонического православия начали обваливаться не только от богохульства Емельяна Ярославского и Демьяна Бедного, а во многом и от деятельности модных реформаторов христианства – Л. Толстого, В. Розанова, Д. Мережковского. Врубель с мирискусниками и Скрябин со Стравинским расшатывали традиционные основы русской живописной и музыкальной культуры.

Основы семейной нравственности и естественного, узаконенного свыше отношения полов подвергались поруганию усилиями не только А. Коллонтай, И. Арманд, Л. Рейснер и прочих “пламенных фурий” революции (это, кстати, случилось позже), но и творческими изысками знаменитых поэтов и писателей обоего пола, чьи имена навечно вписаны в историю Серебряного века, который отнюдь не был продолжением или развитием века Золотого, а, наоборот, был во всех своих ипостасях смертельным его врагом – “ущербным веком”, как назвал его Георгий Свиридов. И сколько бы ни клялись все выдающиеся персонажи Серебряного века в любви к Александру Сергеевичу Пушкину – символу века Золотого, – нельзя забывать о том, что великий поэт в конце жизни попал в сети, расставленные вырожденками из сатанинского содомит-

ского клана, и догадывался, что имеет дело с бесами в людском обличье, когда писал старому гею Геккерену: **“Вы отчески сводничали вашему незаконнорожденному или так называемому сыну... подобно бесстыдной старухе, вы подстерегали мою жену”... “бесчестный вы человек”...** А чуть ли не все знаменитые имена Серебряного века культивировали, насаждали и бесстыдно воспевали в свою эпоху не только содомитство, но все букеты пороков, осуждённых всеми религиями мира. Так что они были не продолжателями пушкинского дела, не его потомками, а по существу прямыми его врагами, “грязною толпой” и “наперсниками разврата”, по словам Михаила Лермонтова. Даже лучшие из них относились к Пушкину с предельным легкомыслием, восхищаясь им лишь как учеником Парни́ или читателем Апулея... Даже Марина Цветаева с её несравненным талантом хотела знать лишь “моего Пушкина”, забыв о речи Достоевского, в которой Пушкин явлен не только общероссийским “нашим”, но и всемирным достоянием. Один Александр Блок попытался в 1921 году в речи “О назначении поэта” вернуться к незыблемой шкале ценностей, но по существу не был услышан. Даже в мелочах, казалось бы, в пустяках, в смешной фамильярности фигура Пушкина вольно или невольно “умалялась” детьми Серебряного века... В семье Мандельштамов его называли, как своего партнёра, “Пушняк”, что напоминает мне нравы “оттепельной семьи” известного детского поэта Сергея Козлова и его жены Татьяны Глушковой, где Александр Сергеевич именовался не иначе, как “Пуша”. И даже в блистательных размышлениях Марины Цветаевой о Пушкине её влечёт к поэту лишь та его сущность, которая заключена в якобы его главном откровении:

*Все, все, что гибелью грозит,
Для сердца смертного таит
Неизъяснимы наслажденья...*

“Пушкин говорит о гибели ради гибели и её блаженстве”; “страсть всякого поэта к мятежу”; “Пушкину я обязана своей страстью к мятежникам”... Страстность, с которой Цветаева восторгается Пушкиным-мятежником, восхитительна. Но в этом восторге нет места Пушкину, созидавшему историю, культуру, язык, нравственность, нет места Пушкину, испытывавшему порывы к смирению перед Высшей Волей, к святости, к осуждению мятежников всех времён, для коих, как писал он, **“чужая душа полушка и своя шейка копейка”**. В цветаевском “Пушкине” нет ничего от понимания пушкинской поэмы “Цыганы” Достоевским. Там, где Цветаева восхищается бунтом пушкинских героев, сверхчеловеком, мода на которого была тотальной в её эпоху, Достоевский видит **“русское решение вопроса, проклятого вопроса по народной вере и правде: “Смирись, гордый человек, и, прежде всего, сломи свою гордыню. Смирись, праздный человек, и, прежде всего, потрудись на родной ниве”**. Но “пир во время чумы” и “гордыня” были ближе дщери Серебряного века Марине Цветаевой, нежели достоевское, евангельское толкование Пушкина, которого она воспринимала чуть ли не как своего современника, гениального декадента, достойного быть персонажем “Поэмы без героя”:

“Начало января 1916 года, начало последнего года старого мира. Разгар войны. Тёмные силы.

Сидели и читали стихи. Последние стихи на последних шкурах у последних каминов. Никем за весь вечер не было произнесено слово фронт, не было произнесено – в таком близком физическом соседстве – имя Распутин.

Завтра же Серёжа и Лёня кончали жизнь, послезавтра уже Софья Исаковна Чацкина бридила по Москве, как тень, ища приюта, и коченела – она, которой всех каминов было мало у московских привиденских печек.

Завтра Ахматова теряла в с е х, Гумилёв – жизнь.

Но сегодня вечер был наш!

Пир во время Чумы? Да. Но те пировали – вином и розами, мы же – бесплотно, чудесно, как чистые духи – уже призраки Аида – словами: з в у к а м и слов и живой кровью чувств.

Раскаиваюсь? Нет. Единственная обязанность на земле человека – правда всего существа. Я бы в тот вечер, честно, руку на сердце положила, весь Пе-

тербург и всю Москву бы отдала за кузминское: “так похоже... на блаженство”, само блаженство бы отдала за “так похоже”... Одни душу продают – за розовые щёки, другие душу отдают – за небесные звуки.

И – все заплатили...”

Несколько комментариев к этой московской картине, достойной того, чтобы её сюжет мог естественно вписаться в “Поэму без героя”. “Серёжа и Лёня” – это Сергей Есенин и Леонид Канегиссер, тоже знаменитые имена Серебряного века. **“Другие душу отдают за небесные звуки”**... А “небесными” ли они были, если Пир шёл “во время чумы”, на грани двух страшных эпох? Как могла столь страстно и даже пристрастно любившая Пушкина Марина Цветаева запомнить, что слова: **“Всё, всё, что гибелью грозит, для сердца смертного таит неизъяснимы наслажденья”** – вложены Пушкиным в уста Председателя “Пира во время чумы”, носящего демоническое имя “Вальсингам”; что священник, услышавший гимн Вальсингама Царице-Чуме, с ужасом и простодушием сельского батюшки восклицает: **“Безбожный пир, безбожные безумцы”**; **“подумать мог бы я, что нынче бесы погибший дух безбожника терзают”**; **“я заклинаю вас святою кровью Спасителя, распятого за нас: прервите пир чудовищный”**... Священник напоминает Председателю о его молодой жене, о матери, которых только что унесла Чума, но Вальсингам, сознающий кощунственную греховность их пира, всё равно отвергает его просьбу:

“Зачем приходишь ты меня тревожить, меня спасти... Старик, иди же с миром!” И золотая молодёжь средневековья кричит в лицо священнику:

*Bravo, bravo! достойный председатель!
Вот проповедь тебе! пошёл! пошёл!*

Священник:

Пойдём, пойдём...

Председатель:

*Отец мой, ради бога
оставь меня.*

Священник:

*Спаси тебя Господь.
Прости мой сын...*

Священник изгнан, “пир продолжается”, но **“Председатель остаётся погружён в глубочайшую задумчивость”**... Он понял, что по-евангельски простодушный священник прав высшей правдой...

А на московском “пире во время чумы” 1916 года рядом с Цветаевой не было никого, кто мог бы сказать ей, что отдать и забыть всю окружающую жизнь за какие-то кузминские якобы “небесные звуки” – есть греховная гордыня, не меньшая, нежели гордыня пушкинского Вальсингама. Тут одно из двух: то ли Марина Цветаева, заворожённая словами **“всё, всё, что гибелью грозит, для сердца смертного таит неизъяснимы наслажденья”**, не дочитывала поэму до конца, то ли христианский финал трагедии был для неё невыносим и неприемлем.

В той же работе Цветаевой “Мой Пушкин” есть ещё одна куда более экстравагантная мысль: **“Пушкин был негр”, “в каждом негре я люблю Пушкина”**; **“от памятника Пушкина у меня безумная любовь к чёрным”**; **“под памятником Пушкина росшие не будут предпочитать белой расы. Памятник Пушкина – памятник против расизма”**. По Цветаевой получается так, что лишь присутствие в пушкинских жилах негритянской крови дало русской истории прививку от расизма: **“Памятник Пушкину есть живое доказательство низости и мёртвости расистской теории <...> Расизм до своего рождения Пушкиным опрокинут в самую минуту его рождения. Но нет – раньше: в день бракосочетания сына арапа Петра Великого Осипа Абрамовича Ганнибала с Марьей Алексеевной Пушкиной”**.

Как будто до этого мы были расистами – мы, русские, у которых с незапамятных времён при княжеских, великокняжеских, царских и императорских дворах служила, воевала, смешивалась с русской кровью семейными узами грузинская, армянская, татарская, монгольская, среднеазиатская и прочая знать. Как это ни странно, но за одно поколение, отделившееся Ф. М. Достоевского от детей Серебряного века, из памяти их выветрились пророческие

слова Фёдора Михайловича о том, что **“мы <...> с полной любовью приняли в душу нашу гении чужих наций, всех вместе, не делая преимущественных племенных различий, и тем уже выказали готовность нашу ко всеобщему общечеловеческому воссоединению со всеми племенами великого арийского рода. Да, назначение русского человека есть бесспорно всеевропейское и всемирное. Стать настоящим русским, стать вполне русским, может быть, и значит только стать братом всех людей, всечеловеком, если хотите”**. Вот она, наивысшая точка “антирасизма” русской мысли, по сравнению с которой “негрофильство” и “юдофильство” Цветаевой воспринимаются как “фэнтэзи”, исполненное экзальтации. Пушкин сам сказал о своём “антирасизме” гораздо точнее и естественнее, нежели Цветаева. “Потомок негров безобразный” – как он сам писал о себе – не вспоминал об одной восьмой доле негритянской крови в своих жилах, но вспомнил о других народах России, когда писал:

*Слух обо мне пройдёт по всей Руси Великой
и назовёт меня вся сущий в ней язык —
и гордый внук славян, и финн, и ныне дикой
тунгус, и друг степей калмык.*

Упомянуты славяне, монголы, турки... О неграх – ни слова. Зато в “Пире во время чумы” поэт упоминает о них дважды, но отнюдь не по-цветаевски. **“Председатель: послушайте, я слышу стук колёс (едет телега, наполненная мёртвыми телами. Негр управляет ею)”**. Участнице пира Луизе становится “дурно” при виде телеги с мертвецами, она падает в обморок, а когда приходит в себя, то бормочет: **“Ужасный демон приснился мне: весь чёрный, белоглазый... Он звал меня в свою тележку”**. Демон также имеет негритянское обличье – чёрный человек с крупными белками глаз... Словом – существа из потустороннего мира.

Скорее всего, демонстративные негрофильские декларации Цветаевой о том, что негритянская кровь спасла русскую культуру от расизма, и все её “антирасистские” выпады и экзальтированные объяснения в любви “к чёрным” объясняются тем, что к 1937 году, когда было написано эссе “Мой Пушкин, “коричневая чума” уже обнаружила свою расистскую сущность. И не только евреи, но и негры были объявлены А. Розенбергом неполноценными “в расовом отношении”. И Цветаева, у которой муж был евреем, а дети полукровками, обязана была выразить своё отношение к расизму любым способом. В том числе и таким: **“Какой поэт из бывших и сущих не негр, и какого поэта не убили”**. Почти теми же словами, за исключением одного, Цветаева сказала то же самое в “Поэме конца”: **“В сём христианнейшем из миров поэты – жида!”** Вот так и случилось, что в те страшные, предельно политизированные времена “поэты-негры” и “поэты-жиды” стали для неё солью земли, “избранниками” мировой истории. Серебряный век в своей гордыне чересчур высоко возносил поэтов, но не любил и не хотел знать Достоевского...

* * *

Мы дети страшных лет России...

А. Блок

Обезбоженность, порой переходящая в открытое богохульство, успехи и достижения сексуальной революции, равнодушие, а порой и ненависть к семейным устоям, безграничное злоупотребление “правами человека”, культ греха и потеря инстинкта самосохранения привели Серебряный век к девальвации божественной ценности жизни, к душевной опустошённости его “продвинутых детей”, к потере смысла человеческого существования. В конечном счёте самоубийство стало обычным явлением для “серебряной среды”. Век, как древнегреческий Сатурн, стал пожирать своих детей. Раствление душ, как правило, завершалось “жертвоприношением тел”. Особенно рекордным по числу наложивших на себя руки был предвоенный 1913 год.

В 1913 году покончил с собой поэт Виктор Гофман, двадцати с лишним лет от роду. В том же году застрелился двадцатидвухлетний гусар, корнет, поэт

Всеволод Князев, главный герой ахматовской “Поэмы без героя”, один из любовников Михаила Кузмина, посвятившего своему “партнёру” стихотворение с эпиграфом “В. К.” и с раздирающими душу строчками: **“Тобой целованные руки сожгу, захочешь, на огне”**. В. Князев застрелился якобы из-за безответной любви к любимице Ахматовой танцовщице О. Глебовой-Судейкиной. Однако ему же посвящал свои стихи и Георгий Иванов, друг поэта Георгия Адамовича, о которых А. Ахматова, видя их идущих под ручку по Невскому проспекту, недвусмысленно шутила: “Вот идут “жоржики”!” О подобной парочке – М. Кузмине и Ю. Юркуне она язвила подобным же образом: “Вот идут юрочки”. Однако тот же Кузмин написал предисловие к первой книге Ахматовой “Вечер” (1912 г.). И она была весьма ему благодарна, поскольку гомосексуализм в среде питерской элитарной интеллигенции пороком не считался и даже был в моде. Недаром же в “Поэме без героя” – через тридцать лет! – Ахматова скажет о Кузмине с благосклонным чувством: *“общий баловень и насмешник”,* который, по её же словам, *“вероятно, родился в рубашке, он один из тех, кому всё можно. Я сейчас не буду перечислять, что было можно ему, но если бы я это сделала, у современного читателя волосы бы стали дыбом”* (из ахматовских комментариев к “Поэме без героя”, сделанных в 1961 году).

В том же 1913 году свела счёты с жизнью ровесница В. Князева поэтесса Надежда Львова, любовница В. Брюсова, подарившего ей в припадке морфинистического помрачения не что-нибудь, а браунинг.

В том же роковом 1913 году повесился в психиатрической лечебнице ещё один талантливый поэт Серебряного века граф В. Комаровский (которому Ахматова посвятила стихотворение), издавший в год своего самоубийства книжку “Первая пристань”. Его стихи высоко ценил один из кумиров поэтической молодёжи той эпохи Николай Гумилёв.

Содомит и одновременно поэт И. Казанский опять же в 1913 году издал книгу стихотворений “Эшафот” с эпиграфом: “Моим любовникам посвящаю”. Георгий Иванов, трогательно опекавший эту “ветвь” молодой поэзии, писал о стихах Казанского: **“Это самые блистательные и самые ледяные русские стихи”**.

В каждое из 20 стихотворений уникального “Эшафота” были “вмонтированы” имена половых партнёров поэта. Книга вышла под псевдонимом “Иван Игнатъев”. Но вскоре автор, желая доказать обществу, что он мужчина нормальной сексуальной ориентации, женился, а после первой брачной ночи собрал гостей, осушил бокал шампанского, вышел в спальню и полоснул себе горло вошедшей тогда в моду бритвой “Cillett”. (Они же все следили за модой.) Велимир Хлебников посвятил несчастному грешнику стихи: **“И на путь меж звёзд морозных полечу я не с молитвой – с окровавленной бритвой”**. Перед смертью у Игнатъева случился последний роман с молодым поэтом Василием Гнедовым (1890 г. рожд.), который печатался под псевдонимом Жозефина Гант Д’Орсайль, взяв в качестве псевдонима имя супруги Наполеона Бонапарта. Одновременно с “Жозефиной” любовником Ивана Игнатъева (Казанского) был поэт Стефан Петров, публиковавшийся под не менее звучным псевдонимом Грааль Апрельский. Первая его книжечка называлась весьма вызывающе: “Голубой абажур” (1911 г.). Он, видимо, был не бездарен, если Александр Блок откликнулся на издание “Голубого абажура” письмом автору, в котором писал: **“Книжка Ваша многим мне близка. Вас мучат также звёздные миры”**... Петров, в отличие от многих своих “сотоварищей по сексу”, руки на себя не наложил и “пострадал” лишь в 1934 г., когда в Уголовный кодекс СССР была включена статья, наказывающая за педерастию, которая в среде поэтов и революционеров прижилась настолько, что до Сталина дошли достоверные сведения о “дореволюционных связях” министра иностранных дел Советской России Г. В. Чичерина с кумиром содомитов поэтом Михаилом Кузминым. В 1916 году покончил жизнь самоубийством поэт, член РСДРП Лозино-Лозинский, застрелился свояк В. Брюсова (муж его сестры) Самуил Киссин (псевдоним “Муни”), приняла лошадиную дозу цианистого калия Анна Мар, автор широко нашумевшего в те годы романа “Женщина на кресте”, главными героинями которого были садистки, мазохистки и лесбиянки. Роман переиздавался несколько раз и лёг в основу фильма “Оскорблённая Венера”. Талантливое дитя Серебряного века Георгий Иванов хорошо знал нравы своей среды, когда писал: “Стал нашим хлебом цианистый

калий”. Он же, видимо, испугавшись нарисованной им самим картины, в другом стихотвореньи грех самоубийства опустил до карнавалльно-развлекательных ритуалов:

*Конечно, есть и развлечения:
Страх бедности, любви мученья,
Искусства сладкий леденец,
Самоубийство, наконец.*

Эпидемия самоубийств в содомитской среде становилась естественным явлением. Как будто торжествующее греховное зло, достигнув недопустимого для жизни переизбытка, согласно неотвратимому закону природы соскальзывало на путь самоистребления и начинало пожирать самого себя, словно змея собственный хвост*.

Да что говорить о забытых или полузабытых жертвах серебряновековых сатурналий, если на заре той эпохи неудачную попытку самоубийства предпринял Максим Горький, если Александр Блок сделал предложение Любови Менделеевой, написав предварительно записку о том, что в случае отказа он **“просит никого не винить в его смерти”**, если многие популярные герои произведений Куприна и Бунина, не говоря уже о персонажах бульварной литературы, с наслаждением ставили “точку пули в своём конце”, стреляли себе в рот, в сердце, в виски из двух пистолетов сразу, если с шизофренической настойчивостью Владимир Маяковский бредил грехом самоубийства в своей лирике, если даже плоть от плоти простонародной Сергей Есенин с ужасом писал о суицидных соблазнах, посещавших его. Дважды пытался покончить с собою из-за безответной любви популярнейший прозаик начала века Леонид Андреев. Всем им можно было поставить диагноз “духовная интоксикация”, что означает отравление роковыми вопросами бытия души, не получившей прививку новозаветного христианства, спасающего человека от неразрешимых душевных и телесных соблазнов. Самоубийство для таких натур – это отсутствие надежды на спасение, на милосердие Творца, это уход из жизни без покаяния и без примирения с Высшей Волей. Да и о каком христианстве и вере в бессмертие души можно было говорить, если самая талантливая поэтесса Серебряного века Марина Цветаева, душа которой была ранена не только разрывом с любимым человеком, но и беспредельной материалистической, языческой гордыней, писала:

*Я не более чем животное,
Кем-то раненное в живот.
Жжёт... Как будто бы душу сдёрнули
С кожей! Паром в дыру ушла
Пресловутая ересь вздорная,
Именуемая: душа.*

*Христианская немочь бледная!
Пар! Припарками обложить!
Да её никогда и не было!
Было тело, хотело жить...*

Но жизнь без веры в бессмертие души сразу обесценивалась, как деньги во время дефолта. Одним из петербургских салонов, где формировался подобный “декадентский материализм”, была так называемая “Башня” поэта и мистика Вячеслава Иванова, уехавшего после Октябрьской революции в Италию и принявшего католичество. Его дочь Лидия в “Книге об отце”, изданной в 1990 году в Париже, вспоминает:

“Кто только не сиживал у нас за столом! Крупные писатели, поэты, философы, художники, экзальтированные дамы. Вспоминаю одну, которая приходила к Вячеславу, упрямо приглашала его к себе на какой-то островок, где у неё был дом. Она хотела, чтобы он помог ей родить

* Приведённые выше исторические и литературоведческие подробности из судеб поэтов Серебряного века взяты автором из книги Д. Нечаенко “История литературных сношений”.

сверхчеловека... Она обходила многих знаменитых людей с этим предложением...”

Завсегдатаем вавилонско-питерской Башни был и знаменитый поэт Валерий Брюсов, воспевший, в отличие от своих молодых учеников по символизму, не какое-то банальное содомитство, а изощрённую лесбийскую страсть к своей госпоже – царевне рабынь, отравивших из ревности соперника-мужчину, которого возжелала царица:

*И с этих пор, едва темнело
И жизнь немела в сне ночном,
В опочивальне к телу тело —
Сближали мы, таясь, втроём.*

А когда эти скромные утехы надоедали воображению поэта, он обращался к дионисийским животнo-звериным вариантам чувственных безумств:

*Повлекут меня со мной
К играм рыжие силены,
Мы натешимся с козой,
Где лужайку сжали стены...*

Как говорится, любовь зла, полюбишь и козу...

Наслушавшись такого рода гимнов в честь скотоложества, дамы, близкие к Вячеславу Иванову и его публике, потихоньку сходили с ума. Одна из них. Александра Чеботаревская, которую Вячеслав Иванов называл “Кассандрой”, **“во время отпевания М. Гершензона, бывшего ей близким другом, указывая рукой на умершего, закричала: “Вот он открывает нам единственно возможный путь освобождения от этого ужаса! За ним! За ним!” И она стремглав дико убежала. Бросились её догонять друзья; среди них Ю. Верховский, Н. Гудзий. В течение нескольких часов они гонялись за ней по улицам, подворотням, лестницам. Наконец, хитростью безумия ей удалось от них скрыться. В тот же день вечером нашли её мёртвое тело в Москве-реке”**.

(Л. Иванова, “Воспоминания”).

А за несколько лет до этой трагедии точно так же покончила с собой её родная сестра Анастасия Чеботаревская, жена знаменитого поэта и прозаика Фёдора Сологуба. Она бросилась осенью 1921 года в Неву, как бы следуя завету своего супруга:

*Зачем любить? Земля не стоит
Любви твоей.
Пройди над ней, как астероид,
Пройди скорей...*

Вячеслав Иванов, режиссёр “дионисийских” башенных мистерий, изощрявшийся во всяческих радениях, в конце концов решил создать тройственный сексуальный союз, куда входили бы он, его жена Л. Зиновьева-Аннибал и художница М. Сабашникова. Иногда к “союзу”, неизвестно с какой стороны, примыкал Сергей Городецкий*.

* См. предисловие к книге Л. Зиновьевой-Аннибал “Тридцать три урода”, изданной в Москве, когда идеологи перестройки трудились не покладая рук для возрождения имён и нравов Серебряного века.

Именно в эти растленные бесцензурные годы были изданы книги, казалось бы, навсегда канувшие по причине порочности содержания и полного графоманства, многих второстепенных и даже третьестепенных писателей и поэтов Серебряного века – Арцибашева, Нагродской, Гофмана, Князева, Лохвицкой, Бурлюка, Кручёных, Мариенгофа, Софьи Парнок и т. д.

Кстати, тогда же была издана книга известного поэта, одного из “младших шестидесятников” Александра Шуплова, пытавшегося в жизни воскресить нравы эпохи Михаила Кузмина. Книга называлась простенько и со вкусом: “Серебряная изнанка”. А его ровесник поэт Сергей Чудаков – тоже шестидесятник, написал вдохновенное стихотворенье о Федре и Ипполите с эффектной концовкой: “Вожделением к мёртвому я сожжена”... Словом, некрофильство.

Подобные союзы, модные в ту эпоху, носили и приметы кровосмешения (инцеста), если вспомнить, что после смерти своей жены Л. Зиновьевой-Аннибал Вячеслав Иванов женился на её дочери (своей падчерице) В. Шварс-лон, которой А. Ахматова посвящала стихи.

История женитьбы В. Иванова на падчерице копировала “кровосмесительный” древнегреческий сюжет о страсти царицы Федры к своему пасынку Ипполиту, сюжет, ставший чрезвычайно модным в творчестве поэтов и поэтесс Серебряного века. Стихи, воспевающие греховную страсть Федры, плодились, как грибы, а Марина Цветаева написала целую стихотворную трагедию, посвящённую несчастной мачехе. Несчастливая Федра, несчастная Сафо, ненавидящие мужчин амазонки становятся культовыми фигурами женской поэзии десятых годов прошлого века. Осип Манделъштам тоже воспел инцест в стихах о соvrращении библейского Лота его двумя дочерьми, совершённом ради продолжения рода, о чём подруга манделъштамовской семьи Эмма Герштейн оставила запись в книге “Воспоминаний”: *“Евреев он ощущал как одну семью – отсюда тема кровосмесительства”*. И Ахматова не обошла этот знаменитый сюжет: *“И, увы, содомские Лоты смертоносный пробуют сок”*. Но на этом поиски эротических сюжетов в Башне Вяч. Иванова не закончились. Хозяину пришла в голову ещё одна мысль – организовать, кроме тройственного союза и знаменитых сред, мужской кружок “Друзей Гафиза” – персидского поэта, воспевшего в “Диване” однополую мужскую любовь. В кружок входили художник К. Сомов (кличка “Аладдин”), музыкант Нувель (кличка “Петроний”), философ Бердяев (кличка “Соломон”) и поэт М. Кузмин (кличка “Антиной”), о котором в “Поэме без героя” её создательница с упоением вспоминала: **“И тёмные ресницы Антиноя вдруг поднялись – и там зелёный дым”**.

Брат будущего мужа Марины Цветаевой Сергея Эфрона повесился в Париже в 1911 году. Ему было четырнадцать лет. В ту же ночь вслед за ним на том же железном крюке повесилась и мать Сергея Эфрона – Елизавета Дурново-Эфрон, революционерка из тайного общества “Народная воля”. Третьей висельницей из этой семьи стала сама Марина, елабужский диалог которой перед смертью с шестнадцатилетним сыном Муром не поддаётся никакому разумному истолкованию: **“Так что же, по-твоему, мне ничего не остаётся, кроме самоубийства?” – спросила мать сына, и сын ей ответил: “Да, по-моему, ничего другого Вам не остаётся”**. Этот разговор, приведённый в книге воспоминаний Анастасии Цветаевой – сестры Марины – сам Мур передал товарищам по жизни в Елабуге.

Надежда Яковлевна Манделъштам в книге своих воспоминаний даёт несколько толерантную, но достаточно правдивую картину жизни, в которой жили “дети страшных лет России”, среди которых росла и она сама:

“Всё общество и каждый человек получили в дар от десятых годов крупницу своеволия, червоточину, которая взбаламутила его личную жизнь и определила общественную позицию. Я знаю эту крупницу в себе, в Ахматовой и даже в Манделъштаме”.

Эмма Георгиевна Герштейн была ближайшей подругой семьи Манделъштамов, женщиной, близкой (как говорят сейчас, гражданской женой) Льву Гумилёву, и о типичных для людей Серебряного века комплексах у Н. Манделъштам она пишет так:

“Даже в первые годы их совместной жизни в Ленинграде Надя признаётся, что неудача в живописи давала ей право на самоубийство <...>”; “Осип Эмильевич часто встречался с Георгием Ивановым. По-видимому, младший поэт пытался обратиться Манделъштама в свою гомосексуальную веру. Но Гумилёв говорил: “Осип, это не для тебя”.

Находясь в подмосковном санатории в Саматихе – уже в 30-х советских годах! – чета Манделъштамов не могла отказаться от привычек и нравов Серебряного века, о чём пишет та же Э. Герштейн:

“В Саматихе они вовлекли в свои эротические игры одну особу из отдыхающих, оказавшуюся членом райкома партии”. И если “эротические игры” как-то связаны с тяготением к самоубийству, то лучше всего эта связь изложена в ещё одном отрывке из воспоминаний Э. Герштейн, рассказывающем, как нравы Серебряного века догоняли его детей на протяжении всей их жизни. Речь в отрывке идёт о подруге Манделъштамов, которой Осип Эмиль-

евич посвятил прекрасное стихотворенье “Возможна ли женщине мёртвой хвала...”:

“Ольга Александровна Ваксель играла в 20-х годах большую роль в ленинградской жизни Надежды Яковлевны и Осипа Эмильевича. В 1935 году они получили запоздалое известие о её смерти. Ещё в 1932 году она покончила жизнь самоубийством в чужом городе, куда уехала из России, выйдя замуж за норвежца. Весть об её трагической кончине потрясла обоих Мандельштамов. Надя узнала об этом в Москве. Она горевала, вздыхала, но вспоминала её эротически, приговаривая: “Лютик! Лютик! Она никому не умела отказать”...

Традиционные христианские основы жизни подтачивались “образованцами” той эпохи со всех сторон – с революционной, либеральной, богемной, придворной, научной, философской, литературно-художественной, ницшеанской... Перед этим мутным потоком в ту эпоху не могло устоять никакое общество. Конечно же, этот мир, не уступавший по степени своего растрепания ни Египту времён Клеопатры, ни Риму времён Нерона, ни Франции времён Людовика XVI, был достоин Очищения и Возмездия, на что надеялись Александр Блок, Сергей Есенин, Николай Клюев. На Европу Фридриха Ницше и Зигмунда Фрейда, Отто Вейнингера, Оскара Уайльда у России надежды не было, и Возмездие наступило:

*И мы забыли навсегда,
Заклочены в столице дикой,
Озёра, степи, города
И зори Родины великой.
В кругу кровавом день и ночь
Долит жестокая истома...
Никто нам не хотел помочь
За то, что мы остались дома,
За то, что, город свой любя,
А не крылатую свободу,
Мы сохранили для себя
Его дворцы, огонь и воду.*

*Иная близится пора,
Уж ветер смерти сердце студит.
Но нам священный храм Петра
Невольным памятником будет.*

Наконец-то и Ахматова, влюблённая в карнавалы и маскарады и во всю чертовщину 1913 года, обрела голос, достойный не Серебряного, а настоящего легендарного XX века. Но какая цена была заплачена за это “прозрение”! Дети Серебряного века очень любили в своих стихах намекать или говорить прямо, что они играют с адскими силами, что они накоротке с “владыкой тьмы”, что их притягивают тёмные бездны зла. Такие игры даром не проходят. Игра в ад закончилась настоящим адом. Ад петлюровских погромов, ад рассказачивания, ад Белого и Красного терроров, ад голода, холода и продразвёрсток, ад эпидемий тифа, ад чекистских застенков и белогвардейских контрразведок... “Хлестнула дерзко за предел нас отравившая свобода”... “Уже написан Вертер”... “Всё расхищено, предано, продано”...

*Здесь девушки прекраснейшие спорят
За честь достаться в жёны палачам,
Здесь праведных пытаются по ночам
И голодом неукротимых морят...*

Обезбоженные дети Серебряного века не сразу поняли, что новая власть взяла на себя все обязанности высших сил, испепеливших Содом и Гоморру. Но ни ЧК, ни местечковый бюрократический аппарат, ни Кремлёвский горец не смогли бы совершить возмездия, если бы на то не было ВЫСШЕЙ Воли. Но всё свершается по Священному писанию: “Мне отмщение и аз воздам”, а Бич Божий может быть вложен в любые грешные руки.

Георгий Иванов, один из младших отпрысков Серебряного века, несомненно обладавший особым талантом выражать поэтическую сущность жизни в мелодии стиха, в жесте, без опоры на всевозможные рукотворные литературные приёмы, написал в эмиграции редкое для себя почти идеологическое стихотворенье.

*Свободен путь под Фермопилами
На все четыре стороны.
И Греция цветёт могилами,
Как будто не было войны.*

*А мы, Леонтьева и Тютчева
Сумбурные ученики —
Мы никогда не знали лучшего,
Чем праздной жизни пустяки.*

*Мы тешимся самообманами,
И нам потворствует весна;
Пройдя меж трезвыми и пьяными,
Она садится у окна.*

*“Дыша духами и туманами”,
Она садится у окна.
Ей за морями-океанами
Видна блаженная страна.*

*Стоят рождественские ёлочки,
Скрывая снежную тюрьму,
И голубые комсомолочки,
Визжа, купаются в Крыму.*

*Они ныряют над могилами,
С одной — стихи, с другой — жених...
И Леонид под Фермопилами,
Конечно, умер и за них.*

В этом стихотворенье выразилось отчаяние человека, потерявшего родину и от отчаянья решившего свести счёты с ней, с этой совдепией, где нет уже “Бродячей собаки”, с её режимом, с её примитивным простонародьем, созидющим новую, непонятную для него жизнь.

Стихотворенье, видимо, написано после 1936 года, когда “совдеповская” власть пошла на многие послабления режима — восстановила праздники новогодней (“рождественской”) ёлки, восстановила “лишенцев” в избирательных правах, простила казачество, когда советские обыватели (“комсомолочки” и их “женихи”) после сверхнапряжения коллективизации и первых лет индустриализации обрели возможность в отпускное время съездить в Крым на Чёрное море и передохнуть от перегрузок мобилизационной эпохи. . .

Но эти соображения были не интересны инфанту Серебряного века. Он, как и Анна Ахматова (“пока вы мирно отдыхали в Сочи, ко мне уже ползли такие ночи и мне такие слышались звонки”), при всей толерантности своего лирического дара негодует, что пошлое простонародье купается над морскими могилами белых офицеров, расстрелянных и брошенных в море по приказу Бела Куна и Розалии Землячки в 1920 году. Ему и в голову не может придти, что всего через несколько лет “женихи” этих “голубых комсомолочек” пройдут перед Иосифом Сталиным шеренгами на знаменитом параде 7 ноября 1941 г. и встанут насмерть, чтобы не сдать Москву коричневым европейским ордам. И полягут не хуже греков под Фермопилами в мёрзлую русскую землю. А “голубая комсомолочка” Зоя Космодемьянская, внучка православного священника, окормлявшего тамбовских повстанцев Антонова и расстрелянного вместе со многими из них, стоя на виселице, выкрикнет перед тем, как немецкий солдат выбьет из-под её босых ног табуретку: “Сталин придёт!” Он не узнает,

что честный советский поэт Борис Слуцкий, отнюдь не сталинский фанатик, напишет:

*О Сталине я думал всяко разное,
ещё не скоро подобью итог,
но это слово, от страданья красное —
за ним. Я утаить его не мог.*

Георгий Иванов и его друг Георгий Адамович (“жоржики”, по словам Ахматовой) в 1921–23 годах снимали большую роскошную квартиру в центре Петербурга на Почтовой, 2, которая быстро превратилась в кабак, в притон для карточных игроков, спекулянтов валютой и педерастов. В конце концов на квартире произошло убийство одного из завсегдатаев. Труп был расчленён и сброшен в Мойку, после чего Адамович, участвовавший в расчленении, срочно сбежал за границу. Где в это время был другой “жоржик”, угрозыск и ЧК так и не выяснили. Но скандал в нэповском Питере стоял страшный, о чём писала в марте 1923 г. “Красная газета”. Всю последующую жизнь между двумя “жоржиками” шёл спор о том, кто и насколько замешан в этой мерзкой истории. Но я вспомнил о ней лишь потому, что нравы Серебряного века, которые двумя партнёрами были перенесены в нэповскую Россию, рано или поздно должны были принести свои плоды, что и произошло.

А ещё мне хочется добавить, что оба “жоржика”, стихи которых в эпоху реставрации нравов “Бродячей собаки” и Почтовой, 2 были обильно изданы и переизданы в горбачёвско-ельцинскую эпоху, никогда бы не вернулись на родину, если бы “голубые комсомолочки” со своими “женихами” не защитили Москву и Отчизну в суровую зиму 1941 года. Одним словом, как греки под Фермопилами умерли за “комсомолочек” (то есть за всю последующую историю цивилизации), так и “комсомолочки” с “женихами” погибли смертью, не уступающей по героизму грекам, для того чтобы мы сегодня могли читать стихи двух талантливых педерастов и пытались разгадать, что же произошло в Питере 1922 г. на Почтовой, где доживали своё последнее время перед тем, как сбежать в Европу, растленные инфанты Серебряного века. Большинство несчастных поэтов “серебряного поколения”, и совсем молодых и тех, кто дожил до старости, вроде Кузмина и Клюева, страдавших содомитским грехом, естественно, не имело детей. Может быть, имея в виду эту Божью Кару, один из умнейших русских поэтов пушкинской эпохи Евгений Боратынский завершает своё пророческое стихотворенье “Последняя смерть”, в котором речь идёт об угасании и вырождении рода человеческого, простыми, но страшными словами: **“И браки их бесплодны пребывали”**...

Идеологи демократии, издеваясь над Советской цивилизацией, часто с иронией твердят, что там “не было секса” Но дети почему-то были. И много. А при “демократии” чем больше секса – тем меньше детей. И чем больше зрелищ – тем меньше хлеба.

(Продолжение следует)

ДМИТРИЙ УРНОВ

КАК СТАЛИН “ГАМЛЕТА” ЗАПРЕТИЛ

Из воспоминаний “Литература как жизнь”

*У нас Гамлет сильный.
Ливанов — Сталину*

“Гамлета” во МХАТе запретил Сталин — это уже принято как факт и повторяется в театроведческих и нетеатроведческих трудах. В последний раз я об этом слышал в 1994 году на вашингтонской конференции “Шекспир при коммунизме” (так!), и на мой вопрос, каковы источники этого утверждения, оказалось, слухи. Но вот что вспоминал исполнитель главной роли народный артист Борис Николаевич Ливанов и что от него слышал я не раз*.

В сороковом году на Кремлевском приёме некто не в штатском — военный — приглашает Ливанова следовать за собой. Ну, думает артист, доигрался. Однако попадает он в особый зал, где “известные всё лица”. Жданов у рояля — музицирует. Через некоторое время входит Сталин, и Ливанов оказывается с вождём лицом к лицу. Сталин спросил, над чем в театре идёт работа, и услышав, что ставится “Гамлет”, выразил недоумение: “Ведь Гамлет — слаб”. Шёл сороковой год, на том же приёме показывали фильм “Если завтра война”, а в нашей театральной и не только театральной литературе гамлетизм толковался как синоним слабости. В Литературной энциклопедии 30-х годов прямо сказано: гамлетизм — слабость. “У нас Гамлет сильный, товарищ Сталин”, — отвечал актер, который готовил роль. “Это хорошо, — отозвался вождь, — ведь слабых бьют”.

УРНОВ Дмитрий Михайлович (р. 1936 г., Москва), литературовед, в 1958–1988 гг. сотрудник Института мировой литературы, в 1988–1991 гг. — главный редактор журнала “Вопросы литературы”, координатор проектов по литературоведению в Американо-Советской комиссии по гуманитарным наукам (1979–1991), профессор-стипендиат фонда Олина в Университете Адельфи (1992–1996), преподаватель английской кафедры колледжа округа Нассау в системе Университета штата Нью-Йорк (1996–2000), с 2006 г. на пенсии. Автор работ по теории литературы, биографий английских и американских писателей, а также книг о конниках и конном спорте.

* Жена Б. Н. Евгения Казимировна Ливанова записала этот рассказ. Сын Б. Н. воспроизвел её запись. См. Василий Ливанов. Невыдуманный Борис Пастернак. Москва: “Дрофа”, 2002, стр. 87–91.

Живым примером *исключительности* творчества был для меня Борис Николаевич Ливанов, отец Василия, моего друга со школьных лет. Рисовал, резал по дереву, статьи мемуарные, если просили, писал, чего только не умел делать Васькин папа, и всё превосходно, а *милостью божьей* – актёр. Внешность, голос, темперамент, словом, данные плюс выучка: ходить по сцене – учился, причём у Качалова. Станиславский любил Ливанова, это я слышал у Алексеевых, в семье Станиславского. Борис Николаевич походил на брата Станиславского, вставшего на сторону белых и погибшего во время Гражданской войны. Актерски же Ливанов являл именно то сочетание, какое реформатор искал, – психологической органики с яркой театральностью. “Не по системе играет”, – нашёптывали Станиславскому. “Пусть играет”, – сквозь слезы от смеха отвечал смотревший Ливанова “Дядя Костя”: слышал тоже у Алексеевых. Редактируя сборник воспоминаний о Борисе Николаевиче, я вычеркивал повторяемое без конца “милостью божьей”, за исключением одного-двух случаев, а Казимировна жаловалась: “Это же правда!”. Потому и вычеркивал, чтобы однажды сказанное прозвучало, как правда, раз и навсегда, хотя в самом деле говорил это чуть ли не каждый.

Все его дарования выражались через актёрство. Сын актёра, и актёра с именем, Борис Николаевич, должно быть, дорожил семейной традицией. “Должно быть” говорю потому, что на эту тему он не рассуждал. С его отцом, Николаем Извольским, в одном и том же театре играла моя тетька Вера*, она рассказывала, как отец гордился сыном. Ливанов прекрасно рисовал, но друзьями у него были Рерих, Верейский и Гончаров, что удерживало его от посягательств на звание художника. Пел, был музыкален, однако... в детстве каждый день на пути в школу здоровался с Шаляпиным и дружил с Шостаковичем. На публике, помимо сцены и киноэкрана, Ливанов о себе не заявлял, но за личными кулисами шла у него неустанная и разнообразная подготовительная работа. Бросаемые им суждения о книгах выдавали, как много и разнообразно он читал. Когда он репетировал “Гамлета”, его видели нагруженным трудами о Шекспире. Он собрал библиотечку английского шекспироведения и, не читая по английски, просил меня переводить куски из Довер-Уилсона и Грэнвилль-Баркера. Постановок как режиссер Ливанов осуществил совсем немного, но для себя разрабатывал режиссерские планы спектаклей, которые никогда не ставил. Напряженная и невидимая зрителю подсобная деятельность, вместе с богатейшими и совершенствуемыми данными, помогала выдающемуся актерскому дарованию на сцене *творить человека*. Так его ментор Качалов оценивал работы младшего собрата по искусству.

“У нас этого нет”, – сказал Олег Стриженов, когда на поминках после похорон Бориса Николаевича мы с ним оказались рядом. Слушали пластинку с ливановскими записями. Рокот бархатного баритона заполнил комнату. “Нет?” – услышав самокритическое признание, я даже вздрогнул. Стриженов находился в зените славы. Ливанов почитался как славное прошлое, а “Стриж” (как называл его Б. Н.) был у всех на устах. И вдруг... “Нет”, – повторил Стриженов и подтвердил жестом, чего “у них” нет. Движением ладони очертил нижнюю часть лица: голосовой аппарат, превращающий природно-богатый голос в тщательно обработанный звук. Ушедший из жизни актер читал согласно завету Шекспира, переданного через поучение Гамлета “лучшим трагикам”: слова должны отскакивать от языка, а у современных актёров, как у обычных людей, слова часто вязнут во рту, они – говорят, как всегда говорят, не изображая говорения. Уж какую речь актер изображает, с трибуны или же внутренний голос из глубины души, вопрос другой, но всегда это должно быть воссозданием действия или переживания, а не само действие или переживание: “парадокс актерства” (Дидро), “поток сильных эмоций, тщательно обдуманных” (Вордсворт). На то и искусство, о котором говорили мудрецы античности, говорили идеологи Ренессанса, говорили рационалисты-просветители, говорили иррационалисты-романтики, все, кто были способны творить, говорили, а Марк Твен представил тот же самый принцип *изображения*

* Вера Васильевна Урнова, актриса Театра железнодорожного транспорта и преподаватель училища им. Щепкина при Малом театре, соавтор учебника по технике сценической речи.

в “Приключениях Гека Финна”: неумеющим сидеть на лошади притворяется лучший наездник цирковой труппы. Гек, привыкший, что кругом вранье, вздыхает: “И тут обман”. Но какой! Искусство.

“Ну, хорошо — Борис Николаевич... Борис Николаевич... — мне сын* говорит. — А ещё кого ты видел?”. Современный молодой человек задавал вопрос, поразумевая, что один Ливанов погоды не делает. Верно, Ливанов блистал в созвездии, целой галактике. А моему поколению посчастливилось увидеть это небо, и потому я замечаю разницу, как посмотреть да посравнить. Из своих театральных впечатлений я особенно ценю неожиданные и непредвзятые. В школьные годы в “Доходном месте” видел Алексея Дикого, не зная, что это — крупная театральная величина. Мне лишь показалось, будто на сцене включили некий дополнительный источник исполнительской энергии: “Поедем со мной в Марьину рощу...”. В программку я и не заглядывал. Родители заглянули. А, говорят, ты Дикого видел. Не зная, кого я видел, видел осмысленность происходящего на сцене. Целое и, я думаю, последнее поколение мастеров мы видели. И были это, при всех переменах и реформах, непосредственные наследники традиции актерства как особенного действия. В Малом и во МХАТе, театре Моссовета и Красной Армии мое поколение застало образцовых профессионалов, и даже мальчишками мы чувствовали: “Как говорят!”, “Как движутся!”. От каждого жеста и мизансцены оставалось впечатление будто сделанной вещи.

В “Отелло” видел я целую фалангу наших выдающихся актеров, игравших страсть как сильное переживание, тщательное обдуманное и мастерски изображенное. Престарелый Ваграм Папазян — сверкнул отблеск того великолепия, какой являл собой давно ушедший в прошлое театр представления. Актер-ветеран казался уставшим не только от сцены и успеха, но даже от самой жизни. “Отпустите меня”, — обратился он в зал, грохнувший овацией. Чувствовалось, сознавал, что он лишь намекнул вспышками темперамента и техники, дал понять, как это некогда выглядело. Выглядело не так, по-другому, чем игра в той же роли актеров следующего за ним поколения. Выглядело по-другому, но то же впечатление предметной ощутимости. С Папазяном различие — стилистическое, не техническое. У Акакия Хоравы речь и жест были столь же *решены*. Затем ещё одно поколение, и — техники уже не было. Актеры представления или актеры переживания что ни делали, хотя и по-разному, *умели* делать. Не вина моих сверстников-актёров, что их, как и нас, литераторов, не учили ремеслу. У гуманитариев не вырабатывали исследовательских навыков, писатели моего поколения нередко недостаточно умели писать, хотя им было что сказать. Наш знаменитый прозаик, эпигон Набокова, мой сверстник, в ответ на мою критику прошипел: “Литературные приемы ты знаешь!”. Что на это сказать? Приемы я знаю согласно своей профессии, а он, писатель, приемами не владел. Разве не зачитывались его творениями читатели? И читателей не учили или же, скорее, учили различать писательский профессионализм. Петра Фоменко, своего приятеля, я спросил, почему бы ему не поставить старинную мелодраму “Кин, или Гений и Беспутство”, а “Петька” ответил: “Кто будет страсти рвать? Естественности до хрена, ходульности не хватает!”.

* * *

Каждую, пусть эпизодическую, роль Ливанов укрупнял. Иногда даже, казалось, чрезмерно — таково в отношении некоторых ливановских созданий было мнение Немировича-Данченко. А Станиславский говорил: “Пусть играет”. Коротышек и уродцев играл молодой красавец-актёр, играл вроде бы не по системе, но, очевидно, понимал и воплощал суть системы лучше, чем те, кто исповедовал её букву. А в чём заключалась суть, слышал я от зрительницы, которая стала женой непостижимо перевоплощавшегося актера: что ни выделял Ливанов на сцене, получалось, будто так и надо. Ливановские эскапады выглядели естественно. В этом и заключалась система: что ни делаешь, следуй внут-

* Федор Урнов, генетик, учился в Московском университете, образование было прервано службой в армии, закончил Браунский университет, защитил диссертацию, руководит исследовательской группой в фирме “Сангамо” и читает курс лекций в Калифорнийском университете.

ренной логике, добиваясь впечатления оправданности твоих действий. Хоть на голове ходи, но так, будто ни в чем не бывало, как все люди ходят ногами.

“Вы очень красивый молодой человек”, — Станиславский сказал Ливанову при поступлении в театр и дал ему роли уродцев. И что же? Евгения Казимировна вспоминала, как она не могла понять, каким образом рослый красавец не только стал казаться меньше ростом, но у него ноги сделались короче. Ноги не сделались короче, они производили впечатление, будто стали короче.

Для сборника, по просьбе Казимировны (которой не отказывали), “Валька Катаев”, как она называла прозаика-ветерана, вспомнил и описал, что собственно произошло. “Боря Ливанов” (так писатель называл покойного друга) показал “отличный образец сценического самочувствия, которое Станиславский называл публичным одиночеством”. Актер сотворил провинциального хама: на авансцене — праздничный стол, никого нет, а вокруг стола расхаживает некто, первым явившийся, и не дожидаясь приглашения, тычет вилкой и просто пальцами в закуски, ведет себя свинья свиной, при этом “сохраняет обаятельную улыбку и детское простодушие, как бы даже не подозревая, что совершает непристойность”. Мимическая сцена длилась минут пять, удостоверил “Валька” и напомнил: “Пять минут сценического времени — это целая вечность”. Однако паузой не тяготился зрительный зал, следя за действиями нахала, который, видно, знал, как заставить зрителей следить за каждым его движением.

Читая “Театральный роман” ещё одного ливановского приятеля, Михаила Булгакова, пытаюсь вообразить исполнение требований режиссера “Ивана Васильевича”, то есть самого Станиславского: “Принесите велосипед!”. Требование вроде бы абсурдное — Булгаков смеялся над крайностями “системы”, но смеялся осторожно, не только осмеивая крайности, но и выявляя смысл требований постановщика, которому нужно было, чтобы актер сыграл любовь к женщине. Но при чем же здесь велосипед? “Влюбленный что угодно исполнит для возлюбленной!”. Как выполнил бы такое требование Ливанов, катаясь по сцене вокруг дамы-партнерши и желая ей доказать, что ради неё готов на всё!

В литературном материале Ливанов действительно раскрывал никем ещё не выраженное. Друг его, Бабель, даря ему свою книгу, сделал надпись: “Сыграй [Ноздрева] лучше, чем Николай Васильевич написал”. И Ливанов сыграл. Он воплотил, что Гоголь написал. Пока не сыграл Ноздрева Ливанов, не читали того и не играли, не играл и его выдающийся предшественник в этой роли сам Москвин. “Какой г...к! Переиграл”, — знаменитейший из мхатовских “стариков” сказал молодому сценическому сопернику. Ливановский Ноздрев — актерское создание того же ряда, что на русской сцене начинается мочаловским Гамлетом, а значение Мочалова в этой роли определил восемь раз смотревший постановку Белинский: посмотришь — поймёшь, почему эта английская пьеса сделалась исповеданием нашей души. Ливанов сделал понятным Ноздрева. Иначе переход к птице-тройке от мерзости запустения оставался немислим. Души кругом — мертвые. “Что из этих людей, которые числятся теперь живущими? — говорит Собакевич. — Что это за люди? мухи, а не люди”. И — “Русь, куда несёшься ты?... Дают ей дорогу другие народы и государства”. Ноздрев в исполнении Ливанова стал воплощением порыва, что каждого из нас несёт под вопль “Черт побери все!”, и то ли взлетишь, то ли шею сломаешь (что историей нашей оказалось подтверждено). Макарьевская ярмарка в душе, сапоги не иначе, как всмятку, и полёт — полёт! Оно, конечно, того гляди, в канаву угодишь, но как не закружиться? У Ливанова Ноздрев вырос в исполнински-центральной фигуре — историческую. Так определен Ноздрев у Гоголя, так его сыграл Ливанов в полном объеме смысла слова *история* — от сотрясения основ до полицейских протоколов.

Кто оценил ливановского Ноздрева, так это Дж. Б. Пристли, театрально-искусственный автор, успех которого был прежде всего успехом драматурга. У англичан имеется свое воплощение обаятельного беспорядка и безобразия — Фальстаф. Шекспировскому красочному буяну Пристли посвятил целую апологию, он же видел во МХАТе “Мертвые души”. С ним вместе, как представитель ВОКСа, был мой отец*, он остался под впечатлением двойным — от ливановского исполнения и от восторга, какой оно вызвало у Пристли. А я ви-

* Михаил Васильевич Урнов, литературовед, переводчик, редактор. В 1940-х годах был снят с работы в Издательстве иностранной литературы за потерю политической бдительности.

делся с Пристли через пятнадцать лет, он вспоминал Ливанова и даже пытался повторять ливановские жесты.

Что уже без него было понято и воплощено, того Борис Николаевич не трогал. Когда я его спрашивал, почему он не читает стихов со сцены — с его-то голосом! — ответ был: “В поэзии всё уже выражено”. Так ведь читают же... Почему не ставит “Бориса Годунова”? — “Мешает Шаляпин”. Так ставят же... Смирение его перед предшественниками было невероятным, то было смирение перед творчеством, какое они являли. Не лишенный, как любой актер, честолюбия, Ливанов без позерства признавал, что бывал свидетелем искусства и повыше. Астрова ему выпало играть в сюртуке Станиславского. Он этим гордился, конечно, но и не думал о соперничестве. В роли Дмитрия Карамазова не пытался превзойти исступлённое неистовство Леонидова. Ещё в детстве увидел он мхатовских стариков и стал стремиться к “художественникам”, мечтая пообщаться с их искусству. В зрелые годы он держался взгляда, известного со времен античности: боги есть боги, ими создан мир, который следующим поколениям, начиная с героев, предназначено обживать и обустраивать, такова и творческая иерархия.

* * *

Шекспир был раной в душе Ливанова. В молодости блеснул он в роли Кассио — стало понятно, что такому великолепному офицеру нельзя было не завидовать, нельзя было к нему не ревновать. Но тому же актёру в расцвете сил так и не удалось сыграть уже готового к выпуску Гамлета, а на склоне лет и на вершине славы он всё никак не мог добиться постановки “Короля Лира”. “Только в России, — однажды произнёс своим бархатно-рокошущим голосом Борис Николаевич, — могут себе позволить, имея актера, годного на шекспировские роли, не дать ему сыграть этих ролей”. Сказал он это в разговоре с англичанином Полом Роджером, тот приехал в Москву с постановкой “Макбета”, я их беседу переводил и при словах о *позволенности*, признаюсь, запнулся. Но англичанин даже слегка подтолкнул меня: “Переводите!” А услышав, что было сказано, видимо, решил, что перевод поганый, как выражался наш популярный комик, смешивший смесь московского с миргородским. Английский актер, вероятно, подумал, будто советский собрат спрашивает совета, поскольку ещё не решил, как исполнять заглавную роль. “Поднимитесь во весь ваш великанский рост, — взялся британский Макбет объяснять русскому Лиру, — и пусть все три дочери окажутся простерты перед вами ниц...” Тут уж Борис Николаевич бросил на меня взгляд сердитого недоверия: “Ты в своём уме? Разве нужны мне советы?” Он, вероятно, тоже подумал: не то я перевожу! А Роджер стал советовать, уже представляя себя, до чего выразительно предлагаемая им мизансцена получится у русского исполнителя с редкостными данными. Роджер, актер не выдающийся, однако грамотный, выучку прошедший, между прочим, и в англо-американской студии коренного мхатовца Михаила Чехова, переиграл, как почти каждый зарубежный актер со способностями, весь положенный ему репертуар, уж где и как — другой вопрос, но недостатка в занятости добротный профессионал не испытывал. А что помешает осуществить свой замысел мхатовскому исполниту, если это, совершенно очевидно, милостью божьей король, с головы до ног — король? В чём состояла the rub, загвоздка, соплеменнику Шекспира и в голову не могло придти.

* * *

Итак, на ливановские слова о сильном Гамлете вождь отозвался положительно. Когда же на другой день Ливанова стали расспрашивать, что сказал он, Борис Николаевич отвечал: “Товарищ Сталин не уполномочил меня передавать содержание нашей беседы”. Кто тогда не жил, тому не понять, что так следовало ответить, если была тебе дорога своя голова и головы твоих родственников. В беседе Борис Николаевич был очень находчивым, однако не безрассудным. Повтори он, хотя бы слово в слово, ему сказанное, рисковал услышать: “Не много ли на себя берёте, товарищ Ливанов? Разве Сталин уполномочил вас передавать содержание вашей беседы?”. Полагалось ждать до четырех часов пополудни, когда вождь приступал к работе, тогда мнения,

высказанные им накануне, передавались в народ через директора Большого театра, отвечавшего за проведение творческих встреч наверху. И вот уже вполне официально во МХАТ был сообщен сталинский отзыв о состоявшейся беседе: “Приятно поговорить с мыслящим артистом”.

Какой же ещё апробации нужно? Но ситуация в духе того времени: из чего угодно выводы сделать можно было какие угодно согласно со своими целями, сделать на свой страх и риск, но это уже по обстоятельствам, при наличии сторонников и надежной их поддержке. Сталинические слова о “мыслящем артисте”, вместо прямой санкции на постановку, поддавались истолкованию, и, как только стало кому-то нужно, поползли по театру слухи, будто высшего одобрения “Гамлет” с Ливановым в главной роли всё-таки не получил. И всё? Далеко не всё. Вот парадокс. В той же беседе Сталин выразил неодобрение чеховским постановкам. Сказал: “Чехов расслабляет”. “Спектакли хорошие, товарищ Сталин”, — осмелился возразить актер. “Тем хуже”, — последовал ответ. А спектакли не сняли и не думали снимать! Как же это получается? О “Гамлете” — “хорошо”, а спектакль не состоялся. О Чехове — “зря поставили”, однако “Три сестры” и “Вишневый сад” продолжали идти, и с большим успехом. Ослушались Сталина? Не нашлось заинтересованных слушаться. Нашлись бы желающие, доложили бы кому следует, спектаклей бы не стало: та самая цепь человеческих отношений, что играла в сталинские времена решающую роль. Но все, кому надо, в чеховских спектаклях были заняты, а Хмелёв-Тузенбах и Ливанов-Солёный составляли особенно выразительную пару сценических оппонентов.

Грянула война. Стало не до “Гамлета”. Прервалась работа над постановкой ещё и потому, что был арестован режиссер Василий Григорьевич Сахновский. В это время глава труппы и руководитель постановки В. И. Немирович-Данченко был не с театром, но, как только воссоединились, Владимир Иванович спрашивает Ливанова, репетируется ли “Гамлет”. “Не репетируется”. — “Почему?” — “Нет Сахновского”. — “Где же он?” — “Не знаю”. Имевший доступ на самый верх руководитель МХАТа вызволил режиссера, работа над “Гамлетом” должна была возобновиться, причём в числе неотложных. Об этом театру дал знать председатель комитета по делам искусств М. Б. Храпченко, впоследствии мой научно-административный шеф. “Вот какие дела, подумать только”, — из Москвы, когда театр ещё находился в эвакуации, пишет Ливанову его друг Борис Пастернак, чей перевод по рекомендации Ливанова был взят для постановки. А Храпченко уже вызвал поэта для беседы и подтвердил, что пора репетировать “Гамлета”. С возвращением МХАТа в столицу репетиции пошли, вёл их, при участии Сахновского, сам Немирович. Беседы его с актёрами опубликованы частично, но достаточно, чтобы себе представить, по какой линии шла работа.

Однако вмешался рок, словно жизнь взялась подражать шекспировскому искусству. Скоропостижная смерть постигла руководителя театра. Обстановка в театре радикально изменилась. Обстановка и не была мирной, однако существовало властное слово Владимира Ивановича, немисливо было под него подкапываться, и вот не стало непререкаемого авторитета. Помешать Немировичу-Данченко осуществить постановку никто бы не смог, никто бы и не решился встать у него на пути, но влиятельнейшего защитника не стало, что тут же начало сказываться — ещё одна характерная черта эпохи: какую область ни возьми, повсюду шла силовая борьба. Интриги и злодейство шекспировского масштаба сразу же окружили постановку, направляя ход событий к финалу трагическому.

Работа над “Гамлетом” всё-таки продолжалась. Шили костюмы, строили декорации. Близилась генеральная. Репетиции видела моя квазибабушка*,

* Мхатовский курьер Мария Федоровна Лапшинова-Воробьева, из многолетней крестьянской семьи, в Москву из деревни перебралась с началом коллективизации, поступила к нам домработницей. Живая чеховская душечка, “Маруся” растила меня, моего брата и моего сына. Во время войны была на трудовом фронте — рыла окопы, в подсобном хозяйстве при военном аэродроме работала скотницей, служила кочегаром в котельной, курьером в Художественном театре, вахтёром в ДОСААФ, была неоднократно премирована. В последний раз попала в “лучи славы”, на экран телевидения, после ограбления её квартиры; грабители взломали дверь, ворвались и, не найдя денег, тут же зарезали наводчика, труп так и лежал, а Маруся всё это время как лежала на балконе, так и продолжала лежать, не шевелясь, грабители ушли, тогда она вызвала милицию.

смотрела, судя по её описанию, прогон сцены с Призраком. О том, что в Художественном театре готовится “Гамлет”, узнают в Англии. Знаменитый английский “принц Датский”, Джон Гилгуд, записывает на пластинку монолог из второго акта и посвящает запись “Моему русскому собрату Борису Ливанову, который готовит роль Гамлета”. Пластинка с этой звукозаписью приходит в Москву и — не доходит до адресата. Пластинку упрятали во Всероссийский Дом актёра (сам Сталин, не иначе, дал указание пластинку утаить), мне удалось монолог с посвящением прослушать потому, что фоностудией ВТО заведывал старичок, с которым была знакома моя тётя Вера. “Почему не отдают мне мою пластинку?” — спрашивает Борис Николаевич. Ответил я точно так же, как он дал ответ на вопрос о местонахождении исчезнувшего режиссера: “Не знаю”.

Зловещее предсказание сделал соперник Ливанова на заглавную роль, Николай Хмелев. “Гамлета сыграешь через мой труп”, — сказал он Ливанову. А занял Хмелев, со смертью Немировича, место руководителя театра, и не только занял место, но стал проявлять склонности диктаторские, возможно, переживая творческий кризис и нуждаясь в усиленном самоутверждении. Незадолго до смерти Станиславский, когда услышал, будто Хмелев считает себя законченным актёром, парировал: “Он конченный актер!”*. Хмелёв актер был изумительный, так говорил Борис Николаевич, который даже о соперниках отзывался за вычетом личных чувств, но, по его же словам, Гамлета сильного, какой был задуман режиссурой, прекрасный актер сыграть не мог по типажности. Признать свое несоответствие режиссерскому замыслу Хмелёв отказывался, и не только он, каждый у нас жил и умирал не в одиночку, за ним стояла своя партия. Если исполнитель заглавной роли от Сталина услышал, что понимает роль правильно, то противная партия пыталась доказать, что понимает ту же роль ещё правильнее. Развязка у этого противостояния оказалась достойна самой трагедии. Параллельно с “Гамлетом” готовилась постановка пьесы об Иване Грозном, Хмелёв взял на себя заглавную роль. На репетиции с ним случился сердечный приступ, сорокачетырёхлетний актёр инфаркта не перенёс. Как гласит предание, скончался на щите, признал: “Играл не по системе — был напряжён”.

Это не последний удар судьбы. Скоропостижно, тоже от сердца, умирает Сахновский. Декорации готового, однако оставшегося без руководства спектакля тут же уничтожаются. Сжигаются, словно на костре инквизиции. Умирает вся постановка. “Эта груда мертвых тел свидетельствует о взаимном истреблении”, — как под занавес говорит принц Фортинбрас в подстрочном переводе М. М. Морозова.

* * *

“Гамлет” во МХАТе не состоялся, потому что ему “дорогу перешла современная пьеса “Иоанн Грозный”, — писал причастный к постановке Пастернак. Сценический вариант “Смерти Иоанна Грозного” А. К. Толстого под названием “Трудные годы” до последнего мгновения своей жизни Хмелев и репетировал. Называя подновленную старую пьесу *современной*, Пастернак имел в виду, надо полагать, злободневность особую, приноровленную к текущему моменту и, в первую очередь, к воззрениям вождя. Ведь писал это Пастернак в письме Сталину*. Как истолкуют сделанное Борисом Пастернаком указание на внутритеатральное соперничество, о котором он счёл нужным поставить в известность вождя, не знаю. Быть может, обнаружат скрытую, но всё же достаточно прозрачную и, стало быть, дерзкую оппозицию сталинизму. Но кто жил тогда, у того двух мнений быть не может: это не какой-либо афронт, а донос, мягкий, однако ничто иное по жанру, как донос. Иначе нельзя квалифицировать апелляцию к наивысшей инстанции: дескать, обратите внимание, что происходит, и, прошу, наведите порядок. В борьбе с *ненашим* “Гам-

* См. Леонид Миронович Леонидов. Воспоминания, статьи, беседы, переписка, записные книжки. Москва, “Искусство”, 1960, с. 412.

** Это письмо от 25 августа 1945 года, ставшее известным недавно, мне удалось прочесть в кн.: Борис Соколов, “Кто вы, доктор Живаго? Тайны романа “Доктор Живаго” (Москва, 2006, с. 84).

летом” стали ставить пьесу о Грозном – сервильность выбора очевидна. В таких случаях, в надежде славы и добра, и обращались к Сталину по всем вопросам, от А до Я, с авиации начиная и кончая языкознанием. Если ставить пьесу об Иване Грозном – надо ли отказываться от постановки шекспировской трагедии? Никто, кроме Сталина (так и писал Пастернак), решить того не мог. Писал Пастернак вождю с личной заинтересованностью – дорогу перешли “Гамлету” в его переводе. Так обращались к Сталину с просьбой снять со сцены “Дни Турбиных” или не печатать третьего тома “Тихого Дона”. А куда иначе деваться, если система централизована и всё решается наверху? Каким же ещё способом выбраться на поверхность, находясь в жизненном пространстве, плотно, не считая узкого горла, закупоренном и заполненном злобно-завистливыми существами? Что ж, кто к властям взывал, а кто не взывал. Одни считали ниже своего достоинства какой бы то ни было макиавеллизм и закулисную борьбу, другие же находили выше сил своих не добиваться любыми средствами того, что им было нужно. Ливанов, не осуществивший своей мечты сыграть Гамлета, от заушательской борьбы устранился, а его друг-переводчик – всё-таки нет. Ливанов тоже написал письмо, но его послание адресовано не Иосифу Виссарионовичу, а Георгию Федоровичу, и я ещё скажу, кто это было, но главное, в ливановском письме не содержалось жалоб на других. А в письме Пастернака мотив интриги и соперничества прозвучал. Уж так тогда жили люди определённого покроя. Писали, обращаясь куда следует за справедливостью и (что важнее всего) за счёт других, там же искавших справедливости. Ведь справедливости у нас, как и прочего, что ни возьми, не хватало. А вождь великий (по-наполеоновски) поглядывал сверху на взаимоуничтожительную возню, укрощал или же, напротив, подначивал готовых вцепиться друг в друга в глотки честолюбцев, а в итоге, посоветовавшись с товарищами, распределял справедливость.

Ответ на вопрос Пастернака – нужно ли давать преимущество пьесе об Иване Грозном – уже был дан незадолго перед тем, когда поэт отправил письмо в наивысшую директивную инстанцию. Ответом служила книга историка Р. Б. Виппера – деда моего университетского профессора и старшего коллеги по ИМЛИ. Изданная впервые ещё в 1922 году, эта книга о Грозном вышла тогда уже третьим изданием. У нас дома была эта небольшая книжка, и я помню взгляд ЮрБора, брошенный им на его семейную книгу. Едва Юрий Борисович, придя к нам, увидел книгу у меня в руках, его передернуло, как в зоопарке стало корчиться старого верблюда, вдруг услышавшего кем-то у вольера умело воспроизведенный и слишком ему знакомый окрик погонщика “Йок-йок!”. А почему же внука повело? В книге деда – рельефное описание фигуры Грозного-государя, анализ его деятельности как строителя державы, но книги, как известно, имеют свою судьбу, и нельзя было без содрогания вспомнить об употреблении, какое всесильный читатель сделал из довольно тощей, однако насыщенной богатым содержанием книжки. Разве старик Виппер должен был отвечать за вычитывание из его трудов каких-то положений? Раньше него начали понимать, что за явление Грозный – он подытожил, развил и научно-точным языком изложил взгляд на царя-государственника. Однако из сугубо научных положений были сделаны оргвыводы с принятием практических, весьма суровых мер. Поди доказывай, что твой дедушка не верблюд!

Не передать забываемый ныне трепет, тот, что в наше время вызывало имя Грозного и многие другие имена. Те же имена и сегодня звучат внушительно, однако все же не так. Трепета того нет. Трепета! Трепетали при имени Грозного, потом трепетали, когда было указано, что неправильно трепетали. Пастернак и просил Сталина внести ясность по данному вопросу. И, как знать, следствием своевременно поданной просьбы об очередном прояснении, быть может, явилось через год начавшееся гонение на Грозного – в интерпретации кинорежиссера Эйзенштейна, а также писателей Алексея Толстого и Коростылева, порочной интерпретации, что была неосмотрительно утверждена предкомитета по делам искусств товарищем Храпченко Михаилом Борисовичем. Грозный или Гамлет служили символическими фигурами в государственной игре. Ходы делались разные, взаимоисключающие: вознесут высоко и бросят в бездну без следи. Вместе с Гамлетом и Грозным поддержат, а затем с ними же вместе подвергнут опале заинтересованных и причастных, чтобы никому не повадно было много о себе понимать. Скажут “хорошо” про Гамлета, нашего, сильного, стало быть, ставьте, но вдруг и не поставят, для отстрастки тоже не-

лишне. Грозного возвеличат и — низведут, а с ним падут стоявшие за или же против Великого Государя Всея Руси. Приходит час определённый, всему своё время: награждать и наказывать нередко тех же самых людей — государственная дисциплина, положим, несколько старомодная, ещё феодальная, но, отрицать нельзя — дисциплина.

Письмо Пастернака к Сталину было написано с целью практической. Поэт, как выражается публикатор, пытался решить насущные бытовые проблемы. Прежде всего, просил об улучшении жилищных условий, а также “санкции” на постановку пьес Шекспира в его переводе. Это означало ещё одну, непрямую, но вполне прозрачную просьбу об улучшении материального положения: авторские со спектаклей тогда отчислялись значительные — пять процентов. Квартиру, сообщает публикатор, не дали, но, я знаю от отца, именно с тех пор (очевидно, вследствие санкций) пастернаковские переводы стали переиздаваться и оплачиваться по особой таксе. Одно за другим начали выходить издания отдельных пьес Шекспира в переводе Пастернака, вышел двухтомник, включивший все его шекспировские переводы, выходил, и не раз, однотомник тех же переводов. То было по нашим тогдашним понятиям роскошное издание с гравюрами Фаворского. Выпущенные многотысячными тиражами общим объемом в несколько сотен авторских листов переводы, оплачиваемые по высшей ставке, составили основной и немалый литературный заработок тогда уже редко печатавшего свои стихи поэта. Переводы Пастернака не ставились (актеры находили их трудными для произношения), но изданиями и переизданиями своих переводов Пастернак оказался обеспечен. Сталин, говорят, однажды назвал поэта небожителем, а современник, хорошо осведомленный, журналист, досконально изучивший запутаннейшие перипетии полурегального, при странном симбиозе ЦРУ и КГБ, выпуска за рубежом “Доктора Живаго”, добавил к сталинскому определению: “Небожитель был стратегом”*.

Знал я редакторов, через руки которых переводы Пастернака проходили, отец сохранял прекрасные отношения с Морозовым, автором предисловий и примечаний к тем же переводам. Особенно хорошо, благодаря отцу, знал я Николая Васильевича Банникова, который работал в Гослитиздате, где отец постоянно сотрудничал. Это он, Банников, обычно редактировал Пастернака, он же стал редактором “Доктора Живаго”. Когда на роман и на автора начались гонения, редактор не дрогнул. Свидетельством редакторской стойкости служит ныне опубликованная докладная КГБ. “Разделяет [антисоветскую] позицию, занятую Пастернаком”, — сказано там о редакторе Банникове**. Но секретной реляции, по заслугам обеспечившей Николаю Васильевичу славу историческую, тогда, помимо высших кругов, никто не читал. Сострадали автору — не редактору. Незаметный герой, то есть просто порядочный человек, Банников втихомолку, без публичной нарядной жертвенности на миру, нёс тяжёлые моральные и служебные потери. Много лет позднее вместе с Николаем Васильевичем заседали мы в приёмной комиссии. Знает русская поэзия, Банников сам писал стихи и мне рассказывал, как однажды под впечатлением от увиденного, в котором принимал он столь же непосредственное участие, посетило его вдохновение, и создан им был сонет “Ливанов пьёт коньяк у Пастернака...”. *Tempi passati... Что было, то было.*

* * *

Вернусь к погубленной постановке “Гамлета”. Хотел ли этого Сталин? Говорят, он “Гамлета” боялся словно косвенного разоблачения. А боялся Сталин падающего потолка. Слышал я об этом от врача, который вождя осматривал. Доктор-терапевт, по фамилии, если не ошибаюсь, Долгоплоск, был мужем профессора Полонской, Клавдии Петровны, она читала нам курс античной литературы, а он, врач, и меня, по просьбе моей матери, осматривал: у меня начиналась, судя по всему, наследственная гипертония. Доктор Долгоплоск (?), между прочим, и сказал, что у Сталина не было видно глазных зрач-

* Иван Толстой. Отмытый роман Пастернака. Москва, 2007.

** См.: “А за мною шум погони”. Борис Пастернак и власть. Документы, 1956–1972. Ред. В. Ю. Афиани и Н. Томилина, Москва, РОССПЭН, 2001.

ков. Людей с занавешенными глазами каждому из нас случалось видеть, однако о внешности Сталина я такого не читал, деталь как пробный камень может послужить проверкой, правду ли доктор говорил, и если зрачков у Сталина в самом деле не было видно, то, вполне возможно, и падающий потолок его страшил. Что ж, Нельсон страдал морской болезнью. Линкольна мучили припадки депрессии. Один выиграл битву при Трафальгаре, другой – Гражданскую войну. А сколько человеческих слабостей было у Наполеона! Допустим, Сталин потолка боялся, отчего, возможно, и не спал по ночам, заставляя всех бодрствовать – психоз, и всё тут, но чтобы победитель во Второй Мировой войне опасался каких бы то ни было разоблачений, верить этому можно, забыв или не зная, что это было за время. В голову никому не могло прийти, что кто-то будет как-то намекать на какие-то неблагоприятные поступки вождя всех времен и народов. “Сталин воевать не умеет”, – утверждал Троцкий. Победа, одержанная с именем Сталина на устах, полностью реабилитировала вождя.

“Гамлета” Сталин боялся? Не боялся же он “Отелло”, шедшего у нас по всей стране, начиная с Малого театра (с Остужевым), почти под стенами Кремля, и – от Москвы до самых до окраин. Не только не боялся, но исполнители роли Яго, сталиниста шекспировских времен, становились лауреатами Сталинских премий. Едва ли не лучшего из них, грузинского, Васадзе, я видел, играл он Яго похожим на Берию. Играл ли так при Берии? Не знаю. Но в той же постановке Отелло, созданный Хоравой, многозначительный, немногословный, не говорящий, а высказывающийся, походил на Сталина. И как знать, вождь, быть может, видел себя благородным мавром. “Чёрен я”, – окружённый недругами, не знающий, кому верить, великий лидер в изоляции. Мог ли Сталин, сказав Ливанову “хорошо”, заглазно высказаться совсем иначе? Великий интриган был на всё способен, но каждый случай требует доказательств. Сталинский отзыв, благодаря которому оказался канонизирован Маяковский, удостоверен звукозаписью. Остальные будто бы сталинские мнения и высказывания, если только не были они опубликованы при его жизни, – фольклор, формирующийся и бытующий во всякое время, а то был век фальсификаций. Искажалось и выдумывалось что угодно, вплоть до никогда не происходивших событий и не существовавших деятелей. Тогда же появлялись и основательные труды, но сколько было фальши, гнездившейся там же, где сохранилась правда! А вступать в полемику с любой нелепостью было опасно. Видел я заметки деда* “Вранье!” и “Ложь!” на полях книги, которую академик Капица рекомендовал Сталину как надёжный источник сведений по истории отечественной техники, но заметки остались на полях. Можно было, как на мину, напороться на мнение свыше апробированное, что и произошло в конце дискуссии по биологии, когда менделисты и морганисты вроде бы стали брать верх, но вдруг оказалось, что упорствующие в своих заблуждениях генетики пытаются спорить не только с Лысенко, а с самим Сталиным. Противостояние псевдопатриотическим выдумкам угрожало членовредительством: костей не соберешь, если встанешь перед теми, кто выдумывал. Сталин посадит? Ему подкажут, кого посадить. На узкой дорожке, где разминуться нельзя, окажешься лицом к лицу с человеком, готовым тебя уничтожить, и, чтобы убрать тебя с пути, в то же издательство, куда этот “он” сам шел, этот честный человек напишет, куда следует, как написал Сталину Борис Пастернак, переводы которого одно время не печатались и не ставились: “Разберитесь”.

* * *

“О сталинском запрете на “Гамлета” знали”, – свидетельствует осведомленный из первых рук о том, что происходило в Художественном театре**. Сомнений нет, происходило – когда? С каких пор знали? Мы с Васькой свер-

* Борис Никитич Воробьев (1882–1966), инженер-авиатор, работал на первом русском авиационном заводе у Щетинина, участвовал в строительстве самолёта “Россия-А”, редактировал ранние русские, посвященные воздухоплаванию, периодические издания, тогда же печатал Циолковского, состоял с ним в переписке, поддерживал молодого Королёва, преподавал историю авиации в Московском авиационном институте. В 1940-х годах был объявлен лжеучёным-космополитом.

** Василий Ливанов. Невыдуманный Борис Пастернак, стр. 30.

стники, наша сознательная причастность к жизни общественной началась в то время, когда постановка оказалась не задумана, а загублена. Задумана же была постановка и работа над ней началась в пору нашего раннего детства, сознательных воспоминаний о том времени у нас с моим другом немного. Но мыслимое ли дело, чтобы в конце 30-х годов театр, возглавляемый сооснователем, взялся за пьесу, способную вызвать неудовольствие вождя, который патронировал театру? Посмел бы руководитель театра ставить спектакль с подвохом да ещё просить за арестованного режиссера, если бы уже тогда знали о неблагоприятном мнении Сталина? Шекспир не Чехов, “Трагедия о Гамлете, Принце Датском” не “Три сестры” и не “Вишневый сад”, политическая трагедия о борьбе за власть – не драма угасания старого порядка. Сталинское порицание постановкам чеховским сошло с рук: не нашлось заинтересованных подсказать Сталину, с кого следует спросить за то, что в наши героические дни Чехов *расслабляет*. Но что могло последовать, какие оргмеры оказались бы приняты, если бы при Сталине сочтена была ошибочной постановка о “вывихнутом веке” и “порвавшейся связи времен”? Стал бы опытейший постановщик-администратор вынашивать и осуществлять замысел подобной затеи? Неужели Немирович, вычеркнувший из текста в пастернаковском переводе “откуп от законности”, работал над антисталинским спектаклем?

И всё ж таки *знали!* Если режиссер спектакля оказался арестован, когда руководитель постановки был в отлучке, и освободили арестованного только благодаря вмешательству руководителя, обратившегося к Сталину, то, когда руководитель ушел из жизни и обратиться к Сталину стало некому, тут и *узнали*. А что именно? И каким образом узнали? За подписью бумагу получили? Раздался телефонный звонок: “С вами Сталин будет говорить”? Знали, и всё. Носилось в воздухе. А мы тем воздухом дышали. Знакомо!

Моя мать, декоратор*, после войны работала с бригадой художников на ВДНХ, обновляли они павильон “Садоводство”. Вокруг располагались республиканские павильоны, и каждая из сплочённых Великой Русью братских республик, освежая экспозицию, сочла нужным поставить своё оригинальное скульптурное изображение вождя. Итого, не считая гигантской, возвышавшейся в центре выставки, довоенной, работы Меркурова, сталинской статуи “Шаг к социализму”, шестнадцать аватар (воплощений) Сталина. Вдруг в одночасье всех “Сталиных”, кроме основного, олицетворяющего уже совершившийся шаг к социализму, убрали. Будто бы Сам приехал и распорядился убрать. А раньше, опираясь на его же предполагаемое мнение, скульптуры воздвигали. Что значит воздвигали? Давали заказы, боролись за получение заказов, проводили конкурсы и заседали конкурсные комиссии, и уж как водится, кипела схватка за первые места и премии. Но вот, надо же, сделалось известно, что Сталин не терпит поклонения культу его личности. А что если о чрезмерном поклонении ему своевременно сообщили те, кто ни заказов, ни премий не получили и нашли способ отомстить счастливым? Пришло письмо, вроде того, что Пастернак послал, разберитесь, нужно ли... И статей как не бывало. А во МХАТе постановку “Гамлета” осуществлял имевший доступ к вождю глава театра, но как только он умер, узнали о сталинском запрете на “Гамлета” в театре, где знать не хотели, что Сталин не одобряет ни “Вишнёвого сада”, ни “Трёх сестер”, шедших с большим успехом.

Знал ли Сталин, что творится его именем? Во всяком случае, из опыта мы знаем – если вмешивался, то не сразу, когда уже предостаточно оказывалось раскидано мертвых тел по ходу взаимного уничтожения: статьи успели понаставить, и делалось это именем вождя. Находились храбрецы, бравшие на себя роль сталинского оракула. Глашатаями будто бы сталинской мудрости амбициозно-отчаянные карьеристы старались, даже ценой смертельного риска, выставить себя ради того, чтобы проложить себе дорогу и добиться своего. Ливанов не повел себя так, как решались поступать эти рискованные люди, подобно Лысенко уверявшие, что Сталин их поддерживает. “Ха-ха!” – на полях лысенковских докладов прочли добравшиеся до сталинских архивов. Теперь “ха-ха”, а тогда было не до смеха. Действовали амбициозные люди не в одиночку. Пророчест-

* Ирина Борисовна Воробьева, работала оформителем в Магнитогорском театре им. Пушкина и на ВДНХ, исполнителем – у Пудовкина на Мосфильме, в мастерских Большого театра, преподавала рисование в Училище циркового искусства. Супруг её школьной подруги, кинооператор Леонид Косматов, ей сказал: “Мы – пауки в банке”.

ва, передаваемые от имени божества, нуждались в истолковании и – носились в воздухе, а каким образом оказались в атмосфере эпохи – проследить было невозможно, и не было возможности без немыслимого риска противостоять внедряемому и распространяемому слуху о каком-либо сталинском мнении, в том числе о будто бы неблагоприятном отношении вождя к шекспировской трагедии. Сталинской поддержкой, пусть преувеличенной и вовсе воображаемой, козыряли противоборствующие группировки, пользуясь малейшим подобием повода заявить: “Сталин с нами”. В том и состояла паучья возня сверху донизу. Борьба эта стоит создания книг столь же красочных, какие написаны о Ренессансе, а что у нас уже написано – то бледно, поскольку бездарно, и к тому же написано теми, кто не характер эпохи стремился передать, а хотел выгородить себя и своих, понажившихся от щедрот той же власти и всех её зол, какие они разоблачают. Борьба за выживание идёт при всяком режиме, во всяком театре кипит жестокое соперничество. У нас и у них, тогда и теперь, идёт и шла задушливая схватка, но у нас всё совершалось ценой невероятных человеческих жертв: не только самолюбия страдали – гибли люди.

* * *

Поискать хотя бы непрямые, но все же документальные подтверждения сталинского запрета на шекспировскую постановку следовало бы в бумагах Александрова Г. Ф. К этому Георгию Федоровичу обратился с письмом Ливанов в то время, когда тот служил начальником управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), то есть командовал культурой. Письмо осталось без ответа, даже неизвестно, было ли отправлено, однако, как знать, в александровском архиве могло сохраниться с визой или хотя бы пометами.

С дочерью Александрова я вместе учился, мы с ней с одного курса, где она сейчас, не знаю, но что я скажу, ей повредить не может: ничего, кроме хорошего, не помню. Скромная, выдержанная, наученная себя вести девушка из интеллигентной семьи, из тех, кому “не положено знать о похождениях папаша”. Отец моей соученицы, философ-академик-партократ-советский сановник, биограф Сталина и лауреат Сталинской премии, вышедший победителем в схватке за философскую власть конца 30-х годов, сам, по заведенному у нас порядку, когда пришёл его черед, попал в немилость. Выиграл схватку – взлетел, а как пришёл его черед – полетел. Стало быть, сняли. Ради очередной перетряски кадров, которые у нас решали всё, в конце 1940-х годов была устроена дискуссия о книге Александрова по истории западноевропейской философии, и хотя автор книги не был окончательно добит, однако оказался оттеснён, как положено, на обочину, освобождая жизненно-служебное пространство для соперников.

Выводы научной дискуссии, неблагоприятные для автора, как бы подтвердил и ещё усугубил скандал, разыгравшийся на моральной почве. Били, как положено, со всех сторон, наповал. Скандал произошел в стенах ИМЛИ. До моего поколения сотрудников Института мировой литературы докатились предания о громкой грязной истории: директор, заместитель директора вместе с заведующей отделом аспирантуры посещали тайный (теперь сказали бы – эксклюзивный) дом свиданий, содержимый под покровительством блюстителя нашей философии и культуры. Того директора, как и зама, я не застал, но слышал от институтского шофёра, а Вернадский в дневнике подчёркивает, что никто так хорошо не был осведомлен о внутренних конфликтах в Академии наук, как академические шоферы. Шофёр, которого я слышал, недоумевал: директор – тому, может, чего не хватало, нуждался во взаимности, а заму и заму зачем было лезть туда же, если у них *любовь*? “В лес бы завёз, под куст свалил и – порядок!” – говорил шофёр. А надо было институтским Ромео и Джульетте, видимо, по другому ведомству. Мы знали заведующую, она заботливо и душевно относилась к аспирантам, в том числе ко мне, хотя и заочнику. Брякнул я, выступая после поездки в Америку, что наши колхозы – это те же индейские резервации, она подходит и говорит: “Дай мне слово, что больше нигде такого не скажешь”. Слово было дано и – никаких оргмер не последовало. То же ведомство, снабжаемое сведениями изнутри, из гнезда порока, учинило облаву на *maison* Александрова, когда и александровскую книгу подвергли приципиальной критике. Одно к одному – кругом порочен. Узнали, как в песне, “ую правду про его”.

Если философ-академик передавал во МХАТ реальный или сфабрикованный запрет на “Гамлета”, то – со знанием дела. Отец моей достойной соученицы должен был действовать с искусством и умом, какими Шекспир обычно наделял своих интеллектуальных злодеев. Не тёмными и тупыми чинушами разыгрывалась интрига за кулисами постановки шекспировской трагедии. Типология совсем иная, уточненная, цвет советской интеллигенции: музыканты травили музыкантов, писатели – писателей, режиссеры – режиссеров, актеры – актеров, ученые – ученых и все, в том числе злодеи, талантливы: режиссерский уровень и накал страстей.

* * *

Подобно тому, как Джэйлс Флетчер, побывавший в Москве шекспировский современник, сообщил, что Иван Грозный любит смотреть схватку человека с медведем, так и Сталин, уж, наверное, наблюдал, кто кого одолеет в паучьей борьбе, но о мнениях его можно только гадать. Если ныне по архивным материалам стало видно, что про себя Сталин смеялся над лысенковщиной, то в мои школьные годы, напротив, было общеизвестно, что Трофим Денисыч, этот “Мичурин сегодня”, пользуется полной поддержкой вождя. В камне изваянным тому доказательством служила, среди прочего, парная скульптура на очередной ежегодной выставке советского искусства в Третьяковской галерее: в натуральную величину Сталин с Лысенко за беседой. Сталин ли санкционировал создание скульптуры? Ответить можно с той же уверенностью, как и на вопрос: он ли велел поставить свои изваяния у павильонов на ВСХВ, а потом все до одного убрать, по его ли указанию оказалась упрятана в хранилища ВТО пластинка Гилгуда с посвящением Ливанову и, наконец, по его ли указанию не пошел “Гамлет”.

Храпченко рассказывал о непосредственном отклике Сталина на оперу Мурадели “Великая дружба”. Из соответствующего постановления понять, что, собственно, в творении Мурадели было не просто ошибочно (допустим, недостаточно благозвучно – “ни одной запоминающейся мелодии”), а преступно-ошибочно, столь же затруднительно, как из опубликованной “Вопросами философии” стенограммы нелегко уяснить, в чем порочность книги Александра; не отдельные спорные положения, нет, а уж такая порочная порочность, что с автора шкуру спустить не жалко и снять его, подлеца, с видной должности.

Причину, что вызвала критику оперы Мурадели, причину, в постановлении не названную, мы узнали от Михаила Борисовича. Перед прогоном с глазу на глаз Сталин его спросил: “Чья жизнь положена в основу оперы?”. Хорошего вопрос не предвещал, это Храпченко сразу понял, но соврать было бы ещё хуже. Ведь ясно, Сталину кто-то уже нашептал такой вопрос. “Орджоникидзе”, – отвечал Михаил Борисович. Сталин в ответ промолчал и прочесть, что подумал, по глазам было нельзя. Пошли в правительственную ложу. В конце первого акта сидевший с краю и наблюдавший за каждым движением Молотова Михал Борисыч увидел, как, слегка откинувшись назад за спину Сталина, тот колебанием указательного пальца правой руки показал: “Нет, не пойдёт”. “Покажи мне кого-нибудь, кто не был бы игрушкой своих страстей”, – как говорит Гамлет. Сталин ревновал к памяти Орджоникидзе? Не ревновал же он к памяти Кирова. А вот надоумить его разобраться, что скрывается за прославлением Орджоникидзе, могли*.

* На своей шкуре я почувствовал, как у нас велась закулисная борьба. Боролись с директором ИМЛИ Г. П. Бердниковым. А я тут при чем? Меня вдруг не пустили в Америку. “Тебя же засняли, как американцы тебе передают деньги”, – сообщил входящий в ЦК ученый. Что за нелепость? И при чем тут Бердников? Мы должны были ехать вместе, Бердников не знал языка, и его супостаты надеялись, что он как-нибудь оскандалится, очутившись один. “За тебя наверху идет битва гигантов”, – сообщил мне Бердников. Борьба шла не из-за меня. Мы-таки поехали. После меня просили сообщить, будто бы Бердников там напился пьяный: “Его бы сняли!”. Так гиганты боролись между собой. Знаменитый композитор в той же борьбе занимал то же самое место.

“... Через мой труп!” – и это знакомо. Хмелев так сказал Ливанову, Борис Мейлах под тем же лозунгом препятствовал публикации работы Строчкова о партийности*. Скульптор Томский поставил целью жизни убрать памятники работы Меркурова, чтобы заменить их своими**. Те же намерения имел Томский и в отношении скульптора Андреева. Действовал Томский, само собой, от имени советского народа, которому нужны были памятники более советские. Старый, приросший к стене Малого театра, памятник Островскому тронуть было нельзя, а вот с Гоголем Томский во имя советского оптимизма добился своего. Заслуживший одобрение Толстого андреевский мрачный Гоголь некоторое время, сгорбившись в кресле, всё ещё сидел на старом месте, в начале Гоголевского бульвара, а возле него на земле уже стоял готовый занять пьедестал ему на смену распрямившийся, смело смотрящий в будущее Гоголь Томского. Очередной Александров то изощрялся, изыскивая обвинения в адрес своих собратьев-философов, то сам, как только приходила его очередь, подвергался принципиальной критике. “Нет в мире виноватых”, – сказал Шекспир (в переводе Дружинина при подсказке Тургенева), но, согласитесь, и совершенно невиновных тоже нет, тем более, если требуется их обнаружить. Надо книгу счесть ошибочной – сочтем, хотя она не ошибочнее любой другой книги. Надо тайный вертеп обнаружить – обнаружим, хотя о существовании вертепа давно известно всякому шоферу, возившему туда клиентов.

Храпченко рассказывал: ждут они, руководители промышленности, искусства и науки, в очереди, чтобы докладывать Сталину. Впереди, перед Михаилом Борисовичем, стоит властелин Ленинграда Вознесенский и, едва к вождю он приблизился, находившийся тут же Берия говорит: “Тэорэтики у нас, товарищ Сталин, появились, тэорэтики”. То был уничижительный намёк на книгу ленинградского лидера, самим Сталиным выдвинутого. И что же, вдруг у Сталина глаза открылись? Внезапно увидел он порочность экономических теорий, за которые сам же премию своего имени дал? Что Сталин увидел и что подумал, осталось тайной. А ленинградец, лауреат Сталинской премии, едва это услышал, сделался лицом блее бумаги. Услышал он свой приговор, который вскоре и был приведен в исполнение. Так живописал Михаил Борисович. А его самого Берия однажды отрекомендовал: “Разве вы не знаете, товарищ Сталин? Этот Храпченко за нами всю записывает”. И Сталин поверил? Поверил или нет, Храпченко сказать не мог: почел за благо потерять сознание и упасть в обморок, ибо оправдаться в столь невероятной провинности, обладая сколь угодно умным умом, немислимо.

И эти матерые волки из наших дремучих лесов в капканы попадались, совершая детские ошибки? Так нам предлагают думать теперь. Воплощённая житейская опытность и осмотрительность, наш Михал Борисыч, должно быть, по наивному недосмотру взял и выпустил глубоко порочный фильм “Иван Грозный”. В опере “Великая дружба” не расслышал ложные мотивы, ревавшие всякое даже не очень чуткое музыкальное ухо. Георгий же Федорович Александров, некогда взявший верх в кровопролитной философской логомахии, не учёл первокурснику известных черт марксизма, и в книге у него, что ни слово – ошибка. Точно так же оказалось, что назначенный Сталиным директором издательства готовил на Сталина покушение, а назначенный директором завредакцией, бывший заводделом ВОКСа, его друг, вдруг, потеряв политическую бдительность, директора не разоблачил. Актер, слышавший от Сталина “Хорошо” – об истолковании Гамлета, роли так и не сыграл, между тем, председатель комитета по делам искусств Храпченко сам, со всей ответственностью, дал МХАТу знать, что “никаких предприятий не встречается” и даже “определил дату выпуска спектакля”***. И вот – словно куриной слепотой заболел! И полетел начальник, на самом верху сидевший, однако не видевший разве что слепому не видимых препятствий. А ведь действительно возникли препятствия. Только что это были за препятствия?

* Я. М. Строчков напомнил, что Ленин требовал партийности в условиях многопартийности.

** Меркуров работал над памятником Циолковскому, а консультантом у него был мой дед Борис. Имя Меркурова служило у нас темой домашних разговоров.

*** См. Борис Ливанов. Композиция по материалам жизни и творчества. Статьи, письма, воспоминания, Москва, Всероссийское Театральное Общество, 1983, стр. 30, 78.

Связана ли была отставка Михал Борисыча с мхатовским шекспировским спектаклем, нам он не рассказывал, возможно, и сам того не знал. Кому-то из участников схватки скорпионов могло показаться, что засиделся он в паузине нашего искусства. Пора и честь знать! Но прикиньте: мог ли руководящий зубр, смотревший в глаза Сталину и умевший понимать его по движению век, не чувствовать сталинского неудовольствия постановкой, которую он, Храпченко, утвердил? Если назначил сроки премьеры, то уж, вероятно, был уверен, что Сталин не спросит его, как Клавдий спрашивал Гамлета об “Убийстве Гонзаго”: “Нет ли в этой пьесе чего-нибудь предосудительного?”.

* * *

Вопреки утвердившемуся мнению о запрете на “Гамлета” в сталинские годы, “Гамлет” шёл тогда в Советском Союзе. Две-три постановки держались на сцене в российской провинции и по республикам. Одного из “Гамлетов”, на севере, в Петрозаводске, поставил столичный режиссер, который не мог того сделать в каком-либо центральном театре, ибо, находясь в опале, имел зону. То был Сергей Эрнестович Радлов, постановщик наиболее значительного шекспировского спектакля советских лет – “Отелло” с Остужевым в Малом театре. Но “Отелло” был поставлен в тридцать шестом, а зону постановщик получил уже после войны. Во время войны оказался на юге, в оккупации, в Черкесске, где ставил при немцах “Фронт” Корнейчука под названием “Как они (то есть мы) воюют”. В тот же театр, в пятидесятых годах, меня послали консультировать постановку “Отелло”, застал я живых свидетелей, а также носителей местной изуистой традиции, они и поведали о радловской постановке в условиях немецкой оккупации. Радлов все-таки остался в живых и даже на свободе, пусть несколько ограниченной.

Петрозаводского спектакля я не видел, но, согласитесь, едва ли выдавший виды режиссер стал бы “Гамлета” ставить так, чтобы усмотрели в постановке политический подвох. Слышал я выступление Радлова, уже вышедшего из зоны. На Шекспировской конференции в 1955 году он рассказывал, как с отменой зоны приехал в родные места, в Ленинград, и встретился со старым другом, шекспироведом Александром Александровичем Смирновым. А тот ему и говорит: “Знаешь, Сережа, что я понял? Писал Шекспир для вечности. Для вечности, друг мой!” Иными словами, не думай, берясь за Шекспира, о суетном. Кроме петрозаводского, были горьковский и воронежский “Гамлеты”, а ереванских было даже два. Ни одного из них я не видел, но, судя по прессе, армянскому актёру Вагаршяну роль удалась*. В столичных театрах, особенно в Москве, новым гамлетовским постановкам препятствовала будто бы установившаяся за этой шекспировской трагедией репутация пьесы глубоко пессимистической и мистической. Так ещё в тридцатых годах объяснил ситуацию ещё один ленинградский режиссер – Николай Акимов**. А виновником этой репутации, реальной или вымышленной, считался тот же МХАТ.

“Гамлета” ставили в знаменитом театре дважды, и обе постановки, дореволюционная Гордона Крэга с Качаловым и послереволюционная во МХАТе 2-м с Михаилом Чеховом, были-таки мистическими и пессимистическими. Учитывая нашу неприязнь ко всяким измам, кроме одного, можно подумать, что проблема заключалась в мистицизме или пессимизме. Но ведь с мочаловских и даже ещё сумароковских времен шекспировская пьеса сделалась неотъемлемой частью нашего репертуара. Принц Датский стал поистине русским. Много было Гамлетов разных и замечательных: кто играл пессимистически, кто – оптимистически, где был мистицизм, а где – нет. Препятствием являлась репутация не пьесы, а мхатовских постановок, и в смысле не мистическом. Легендарные спектакли не удались так, как можно было ожидать от прославленного театра. Выдающиеся исполнители принимали участие в той и другой

* В книге “Образ и эпоха” (1947) о том писал Иосиф Юзовский, жертва борьбы с космополитизмом. Незаурядного театрального критика забыли, я думаю, из-за многосложности конфликта: травил Юзовского свои, а своим что-либо ставить в вину не положено. Почему свои своего травил? Не знаю, хотя знаю (поименно), кто травил.

** См. Наша работа над классиками. Сборник статей ленинградских режиссеров. Под ред. А. А. Гвоздева. Ленинград, “Художественная литература”, 1936, стр. 125.

постановке, в том и другом спектакле были очевидны значительность, но также и недостаточное успешное осуществление замысла. Неудачу своей постановки сам Станиславский признал и подробно разобрал, и как раз тогда оказался выпущен “Гамлет” с Михаилом Чеховым во МХАТе 2-м. Постановка была демонстративно “несвоевременной”, и оценка её осложнилась обстоятельствами. Нашлись у чеховского спектакля свои энтузиасты и свои враги, в разгоревшихся спорах творческие пристрастия смешались с политическими. Кто считал постановку творчески гениальной, а кто – политически вредной. Одни приходили в такой восторг, что от мистицизма и пессимизма впадали в истерику, другие возмущались спектаклем как антисоветским выпадом. Ситуацию осложнила обстановка внутри театра, но чеховскую постановку “Гамлета”, вопреки легенде, все-таки не запретили и не сняли, а уменьшили число спектаклей. “Гамлет” шел до ухода Чехова из театра и его отъезда за границу. Согласно самому Чехову, он, любимейший ученик Станиславского, от учителя услышал: “Миша, хорошо, но ты не трагик”, и “Миша” самокритически это признал, как признал свою неудачу его учитель. В мемуарах Чехов пишет, что за Гамлета взялся, сознавая, что это не его роль, но в то же время не имея другого исполнителя.

Так с начала до двадцатых годов двадцатого столетия установилась у нас за шекспировской трагедией репутация драматического материала не столько мистического, сколько чреватого опасностью потерпеть неудачу. В тридцатые годы, взяв в свои руки “Гамлета” в ещё одном ответвлении МХАТа, театре Вахтангова, тот же Николай Павлович Акимов ещё и усугубил ситуацию. Был он не постановщиком, а художником-оформителем, но воздействие его на постановку спектакля гораздо значительнее, чем только декорации и костюмы. Точнее, декорации и костюмы определяли замысел *современного Гамлета*. Идея – демистификация, без чертовщины и прочей потусторонности. Призрак – затея принца Гамлета. Одна из сцен проходила в бане. В результате пессимизм и мистицизм оказались развеяны настолько, что из постановки вышло нечто скандальное. “Это была шутка”, – сказал мне Н. П. Легендарный театральный деятель, режиссер и художник сказал, что он пошутил: дерзкая шутка, которую сочли неуместной, а сейчас, я думаю, сказали бы “власти сочли неуместной”. На самом деле на шутку вовсе не обиделись. Шутку нашли не удавшейся: постановщика пробирали в прессе не за то, что он решил пошутить, а за то, что недостаточно последовательно, плохо пошутил, не осуществив своего же замысла.

После такой катастрофической предыстории за “Гамлета” стало боязно братья не из страха перед товарищем Сталиным, а потому что слишком повысились, взвинтившись до немыслимой степени, требования. Очередной провал не стали бы рассматривать как личную неудачу. Произошёл бы конфуз с постановкой *советского “Гамлета”*. Допущенная *принципиальная ошибка* рассматривалась бы как урон, *нанесенный всей нашей культуре*. Из этого сделали бы соответствующие оргвыводы, а неудачника-постановщика, проработав, заклеили бы, причем те, кому перебежал он дорогу и помешал самим поставить “Гамлета”, стали бы настаивать на применении к нему особенно строгих мер. Мстительный раж конкурентов, будьте уверены, не знал бы границ. Иначе говоря, не запрет на “Гамлета”, а угроза провалиться с “Гамлетом” – вот что пугало. Кто на это решится? Где найти актера на главную роль после того, как надежд не оправдали легендарные исполнители?

Исправить положение взялся всё тот же МХАТ под руководством самого Владимира Ивановича Немировича-Данченко. А увенчанный многими лаврами сооснователь знаменитого театра только что перед этим показал, на что как режиссер способен, выпустив с новым, окрепшим поколением мхатовцев, возраста Хмельёва-Ливанова, постановки чеховских пьес.

Обновленных спектаклей Сталин не видел. Возможно, во МХАТ он уже не ходил, там не стало, выражаясь по-гамлетовски, “сильного магнита”: две сестры, работавшие в дирекции МХАТа, состояли в близких отношениях с Булгаковым и Сталиным, что объясняет неоднократные сталинские посещения спектакля “Дни Турбиных”. Женщины, очевидно, неглупые – они сумели объяснить Сталину, что Булгаков ему не враг. Алексей Толстой, Михаил Шолохов и Михаил Булгаков оказались выбраны Сталиным для художественного пересмотра истории Революции и Гражданской войны, в которой, как считалось, роль решающую играл Троцкий. Толстой и Шолохов задачу выполнили. Бул-

гаков с пьесой о Сталине не справился, и не потому, что о Сталине, а потому что – слабый драматург, успех его был создан Художественным театром. Если бы Сталин чеховские постановки увидел, то убедился бы, что заново истолкованный Чехов не расслабляет. В новых условиях Чехов оказался поставлен так, что стало не до слёз, а если и плакали, то не с горя, теперь это были слёзы счастья. Минор был переведен в мажор, как выражался один редактор. Но переведен замечательно – талантливо.

Чехова во МХАТе изначально “мармеладили”, как говорил Леонидов, участник ранних постановок, о которых сам Чехов говорил: “Прекрасно играют, но...”. Он же говорил, что написал “совсем не то”. Но театр распугал бы свою публику, если бы Чехова стали играть по Чехову. Чехов умерщвлял всякие иллюзии, а МХАТ оставлял своим зрителям надежду. Говорил же видевший чеховские премьеры мой дед Борис о своем впечатлении: “Лучше нас всё равно нет”. Чехов, конечно, так не думал, он хотел сказать: все – хорошо. Возражая, ссылаются на чеховские слова о “порядочных людях” из рассказа “Неприятность”, забывая, что слова эти опровергаются в том же рассказе.

Самообман – тема чеховских пьес, сплошной и всеобщий самообман. Свою мысль Чехов прямо выразил в раннем очерке “Наше нищенство”, подразумеваемая скудоумие, неспособность на себя взглянуть и дать самооценку. А дед мне говорил: “Нам себя было жалко”. До того жалко, настолько сильно сопереживали они замечательным актёрам, что, в сущности, не понимали, что им Чехов русским языком говорил. Чеховские спектакли – двойное перетолкование чеховских пьес театром и зрителями. В новых постановках оптимизм был ещё усилен: надежды персонажей представлены осуществившимися, как если бы сестры в самом деле увидели небо в алмазах, а передовая молодёжь, вроде Пети Трофимова, добилась своего. Думать, что после таких триумфов, обратившись к “Гамлету”, театральным руководителем выдающегося таланта и огромного опыта намеревался чем-то, вроде окровавленных теней, беречь совесть товарища Сталина – значит, не представлять себе ни атмосферы, окружавшей кремлёвского владыку, ни облика мхатовского сооснователя. “Министерский ум”, – говорил о нём Борис Николаевич.

Взявшись опять за “Гамлета”, Художественный театр решил следовать нашей театральной традиции – не литературной. Слабый Гамлет – “гамлетики”, как прозвал их Писарев, это русские люди, прочитавшие и на свой лад усвоившие шекспировскую трагедию за вычетом пятого акта, без финальной борьбы – остались одни колебания. Это Гамлет Щигровского уезда и окрестностей, отечественный Гамлет, самобытное создание русской литературы, оказавшей возвратное влияние на англичан. Кое-кто из них, как Моррис и Маррей, даже говорили, что Гамлета надо, пожалуй, принять вместо датчанина за русского. Принять, разумеется, можно, но то будет уже не шекспировский Гамлет. Нерешительность и бездействие – наш литературно-житейский гамлетизм, получивший множество отечественных воплощений, вплоть до Обломова и чеховского Иванова, ибо без ссылки на “Гамлета” не обошлось почти ни одно произведение русской литературы девятнадцатого века. А на русской сцене, начиная с Мочалова, Гамлет был сильным. Белинский, смотревший спектакль восемь раз, нашёл, что у великого трагика он получился слишком сильным. Бездейственно-колеблющийся Гамлет в театре – три заметных исключения, и все – на той же мхатовской сцене: постановка Гордона Крэга и Станиславского с Качаловым, постановка трех молодых режиссеров с Михаилом Чеховым и, наконец, гастроль Алессандро Моисси. Немецкий трагик албанского происхождения, поклонник русской литературы, вычитал своего Гамлета из Тургенева, Достоевского, Чехова, привез к первоисточнику и довел до слез зрителей, которые узнали себя в албанско-немецком Гамлете.

“Я пойду смелее к Шекспиру, чтобы это было заполнено жизненной простотой, но уже простотой не маленьких переживаний, а больших страстей”, – обращался Немирович-Данченко к актёрам как раз в то время, когда исполнитель заглавной роли отвечал на сталинский вопрос, зачем взялись за пьесу будто бы о слабой воле и нерешительности. “Настоящее переживание” – ставил Владимир Иванович задачу, созвучную с природой руководимого им театра. А что это означает, зрители видели в мхатовских спектаклях того же времени, как “Анна Каренина” или “Воскресенье”, поставленные тем же Сахновским под руководством того же Немировича-Данченко. Зрители шли в Художественный театр ради переживаний – не ради злободневных

применений, как пойдут на Таганку или в театр Ленкома, где тенденция выступит на первый план из-за нехватки исполнителей с данными и достаточно профессиональных. Тарасова бросалась под поезд, Хмелев отправлялся на дуэль, — как бросалась под поезд замечательная актриса, как шел стреляться выдающийся актер, шли смотреть офицеры, прибывшие на побывку с фронта и считавшие за счастье попасть на спектакль. В это же время на репетициях с Ливановым-Гамлетом Немирович ставил цель: “Глубокая жизненность и психологичность”. Одним словом — МХАТ, на сцене которого, благодаря выразительному исполнению, переживания получались такими большими, настолько жизненными, до того психологичными, что зрителям было не до тенденции. Они видели понятные каждому чувства. Дед мне рассказывал: когда Станиславский-Вершинин прощался с безутешной Машей Прозоровой, плакали даже мужчины, о женщинах и говорить нечего. Так было, то же увидели благодаря подростовому талантливому поколению мхатовцев в новых постановках тех же пьес. Глаза у зрителей были на мокром месте, когда Хмелев-Тузенбах, идя на дуэль, прощался с Ириной, когда Тарасова-Анна виделась с сыном. Никто и не думал, что это было при царизме и бывает даже при социализме: слишком крупными выглядели страсти, чтобы следить за мелкими намёками, если они и были. Из “Гамлета” строки о “злодействе, что есть откуп от законности” предполагалось удалить, по словам Немировича, как “резонёрство, понижающее все самые страстные места трагедии”*. Удалить не ради того, чтобы ослабить, а чтобы усилить и без того сильные страсти. Но как только не стало театрального руководителя, авторитетного, мудрого, способного осуществить и, если нужно, защитить постановку, тут и узнали о неблагоприятном отношении Сталина к “Гамлету”, о котором вождь некогда сказал “Хорошо”.

Не власти выражали неудовольствие. Не бездарности интриговали. Козни строили одаренные люди. Агрессивность конкурирующей группировки, стоявшей, вопреки выбору руководителя, за Хмелёвым, можно было почувствовать даже годы спустя. На той же Шекспировской конференции, где выступал маститый ленинградский режиссер, решивший ставить Шекспира для вечности, раздавались голоса, которые настаивали на том, что причиной очередной мхатовской неудачи с “Гамлетом” было отстранение Хмелёва. Говорила женщина-театровед. Среди участников было четыре дамы, известные имена: у меня сохранилась программа конференции, но не берусь сказать, которая из них произнесла приговор, который помню: “Ошибка заключалась в том, что на роль Гамлета был назначен Ливанов, а не Хмелев”. Не тот, понимаете, исполнитель, за которым стояла сильнейшая партия, был выбран, вот и не состоялся спектакль. С Хмелевым, а не с Ливановым в главной роли надо было ставить! Говорили не видевшие ливановских репетиций, как не читавшие “Доктора Живаго” запрещали роман или же награждали автора (у нас не читавшие запрещали, а за рубежом не читавшие награждали). Гамлет-Ливанов в costume и гриме стоял на выходе в кулисе, когда сообщили, что генеральная отменяется. Как можно говорить о неудаче, если и прогона не было? Типичный для времени предвзято-заведомый приговор. В “Синей птице” обрекались на смерть души неродившиеся. Хоронили “Гамлета”, не увидевшего света рамп. Начальство не видело препятствий постановке “Гамлета”, зато в театре лучше предкомитета, державшего ответ перед Сталиным и назначившего день премьеры, *знали* о сталинском отрицательном отношении к пьесе. Кто же все-таки знал? Кто же ещё, как не те, что ставили пьесу об Иване Грозном не только одновременно с “Гамлетом”, но вопреки шекспировской пьесе. А горло узкое, поставить ещё одну пьесу было можно, переступив через чей-то труп. И кто-то из тех, что *знали*, бросился под маховик уже работавшего механизма и остановил машину. Во время конференции голоса, пророчившие провал спектаклю, который не состоялся, раздавались на пятом этаже ВТО, а на первом лежала пластинка с обращением Гилгуда к Гамлету-Ливанову, так и не дошедшая до адресата. Хмелёва уже не было, но энтузиазм его сторонников отражал ярость и настойчивость, с какой павший театральный принц добивался коронной роли.

* Беседа о “Гамлете” 17 мая 1940 г. — в кн.: Вл. И. Немирович-Данченко. Рецензии. Очерки. Статьи. Интервью. Заметки, 1877–1942. Москва, Всероссийское театральное общество, 1980, стр. 326–327, 366–367.

Спустя ещё двадцать пять лет в истории с мхатовским “Гамлетом” в очередной раз сказалась ирония истории. Из ливановского сборника, который я составлял и редактировал, оказалась изъята запись беседы Ливанова со Сталиным. Той самой беседы, когда, услышав, как “мыслящий актер” понимает роль Гамлета, вождь произнёс: “Хорошо”. Издательство ВТО вручило мне вышедший сборник уже без беседы, хотя сделанная вдовой Ливанова запись разговора со Сталиным содержалась в составленном мной тексте во всё время прохождения рукописи по всем редакционным этапам. Изъяли страницу из верстки, которую я уже подписал, — без моего ведома. Если бы сняла цензура, то меня как редактора должны были поставить в известность. А тут была беседа — и вдруг нет беседы!

Заведующая редакцией когда-то была студенткой моего отца, она, как большинство отцовских студентов и особенно студенток, хорошо ко мне относилась и действовала не со зла, но, видно, впопыхах, в последний момент. Книга сдавалась в печать, любые изменения в чистых листах — катастрофа, но заинтересованные в изъятии эпизода обратились к заведующей, очевидно, со столь настойчивой просьбой, что отказать было нельзя. Почему я не спросил — кто просил? Так бы мне и сказали! Не ждите торжества правды, пока не сойдут с жизненной сцены заинтересованные в ложных версиях и репутациях. Удерживаются от дневного света давние тайны, которых не хотят раскрывать, скрываются сведения, которых не хотят разглашать, не хотят не власти, нет, частные лица ради своих целей; круговая оборона организуется вокруг дутых авторитетов и несостоятельных концепций; удерживаются, скрываются, охраняются и — все тут; удерживаются, скрываются и охраняются теми, кому это на руку. Сколько ещё откроется! Хотя следы заметены, а без механики мнений нелегко разобраться в сложных ситуациях, одно ясно: требовалось удалить малейший намек на то, что Сталин, быть может, и не запрещал “Гамлета”, ибо ожил бы вопрос, кто же при Сталине, в духе сталинского времени, пользуясь сложившейся обстановкой, способствовал тому, чтобы готовый спектакль так и не увидел света рампы, — вот и сняли эпизод. Никто бы и не подумал, что Сталин в сборнике присутствовал, уже гуляла по свету версия о его запрете “Гамлета”. Но, сдавая в печать, недосмотрели и забыли снять сталинскую фамилию из именного указателя. *Сталин И. В.* — страница указана, а самой страницы — нет. Сталин в книге остался, остался и вопрос: кто же всё-таки запретил “Гамлета”?

АНАТОЛИЙ РОГОВ

ВОЛГА И ЛЕШИЙ

Воспоминания

Шерсть у этого лешего была только на поясе да на длиннющем хвосте. А тело мощное, мускулистое, сильно загорелое, прямо зажаренное. Ноги с копытами. Голова волосатая, с рогами и огромными ушами. Лицо большеносое и губасто-зубастое, с глубоко спрятанными под мохнатыми бровями глазками.

Леший сидел на высоченном холме с кистью в руке перед чистым холстом на мольберте. Рядом стоял маленький столик, с которого сильный ветер разносил белые листы какой-то рукописи. Длинный мохнатый хвост лешего обвивался вокруг ножек этого стола. Внизу, под холмом были видны кровли и церковные купола большого города, за которым до самого горизонта растянулась слепяще-серебристо-голубая река с плывущей вдали самоходкой и синими горами, выгнутыми по горизонту – так они были далеки. Кружилось над лешим галдящее чёрное вороньё. Солнце не светило, но все цвета звучали очень сильно – и нежная зелень холма, красно-охристый голый леший, жёлтый стол, белые листочки, чёрно-серое вороньё, светящееся небо и прозрачная синева гор вдали рождали ощущение необыкновенной свежести и какой-то глубокой внутренней силы этой странной картины.

– А вот ещё один! – сказал Пурыгин и поставил рядом с этим лешим холст, на котором иной, очень мечтательный, синеглазый леший сидел на весенней проталине на пригорке и самозабвенно играл на балалайке, украшенной большим розовым бантом. Буквально наяривал, сияя всей своей носатогубастой рожей, радуясь весне, которая слепила солнцем, сжигала за его спиной последние языки снега и делала нарядной обыкновенную деревушку за небольшой играющей речушкой. Лешего внимательно слушали петух, куры, воробьи...

– Это – мои автопортреты. Я таким себя вижу. Понимаешь?

Никакого внешнего сходства физиономий леших с лицом Валентина Пурыгина не было, но после его слов я вдруг увидел, что некое глубинное сходство все же есть: в их выражениях, в их одухотворённости.

Это происходило в начале шестидесятых годов в городе Куйбышеве.

К тому времени я уже видел много работ Валентина Захаровича на выставках и в его мастерской в старинном доме на центральной улице Куйбышева. Но однажды он сказал, что у него есть ещё одна мастерская, и он хочет кое-что мне там показать, что редко кому показывает. И мы поехали с ним в один из новых куйбышевских микрорайонов, в обычную квартиру тогдашней стандартной пятиэтажки, превращенной в мастерскую, забитую его работами

ещё теснее, чем первая мастерская, и он показал мне этих неожиданных леших, о существовании которых до того я не имел понятия — он прежде не обмолвился о них ни разу.

* * *

Московская средняя художественная школа была создана в тысяча девятьсот тридцать девятом году по инициативе знаменитого художника и ученого академика Игоря Эммануиловича Грабаря и ещё нескольких видных лиц. В том же году в нее был первый набор ребят, умеющих прилично рисовать и писать красками, представивших свои домашние работы и окончивших не меньше четырех классов общеобразовательной школы. Их допускали к вступительным экзаменам по рисунку, живописи и композиции. Успешно сдавшие зачислялись в ученики. Ребята принимались со всего Советского Союза, иногородние жили на полном гособеспечении в школьном интернате. В сороковом году был второй приём. Потом грянула Великая Отечественная война и МСХШ — так её называли и называют по сей день все к ней причастные, — отправили в эвакуацию, в Башкирию, в городок Воскресенск. Общеобразовательные дисциплины, начиная с пятого класса, изучались в школе, как во всех обычных общеобразовательных, только там он считался первым, плюс к этому были дисциплины специальные: рисунок, живопись, композиция, скульптура, технологии, история искусств, основы пластической анатомии. Летом тысяча девятьсот сорок третьего года МСХШ — Московская средняя художественная школа — вернулась из эвакуации в Москву.

Она существует поныне, только именуется теперь чрезвычайно торжественно: Московский академический художественный лицей Академии художеств. И занимает целый комплекс отличных зданий неподалёку от Крымского моста.

А в сорок третьем году МСХШ выделили типовую пятиэтажную школу предвоенной постройки в Капельском переулке поблизости от нынешнего проспекта Мира. Интернат занял весь первый этаж. И тем же летом в неё набирали новых учеников в первые три класса. В эвакуации-то никого не принимали. Конкурсы в каждый класс шли отдельные, и в третий, то есть седьмой общеобразовательный, по двадцать восемь человек на место. Я тоже сдавал экзамены по рисунку, живописи и композиции в этот класс и стал учеником этой замечательной, единственной подобной школы в нашей стране.

Счастью не было конца, и мы, новички, с превеликим любопытством знакомились со всем, что было в ней, со всеми учителями и учащимися, и в первую очередь, разумеется, со старшеклассниками, вернувшимися из Воскресенска. Говорили, что среди них есть очень талантливые, и вскоре мы уже знали каждого и старались проникнуть в их учебные мастерские или в интернат, чтобы посмотреть их работы. Очень насыщенную, уже вполне профессиональную живопись Саши Суханова — мускулистого, светловолосого русско-сказочного красавца; блестящие карандашные сложнейшие, многофигурные батальные композиции Льва Котлярова — большого рыхлого увальня; правдивые деревенские мотивы Лёши Ткачёва — маленького, щуплого, неуёмно быстрого; цветово очень верные, старательно выписанные пейзажи Валентина Пурыгина — кряжистого хмуроватого парня с глубоко спрятанными глазами. Эти четверо и ещё двое-трое старшеклассников казались нам уже сформировавшимися художниками. Пурыгин с Ткачёвым жили в интернате, и, сколько я помню, оба какое-то время ходили в военно-морских офицерских кителях — интернатских и одевали.

Зимой того же года в коридорах школы была устроена выставка работ вернувшихся из эвакуации, и мы окончательно убедились, насколько перечисленные и несколько ещё ребят были талантливы. Посмотреть выставку приезжали известнейшие художники, приехал и Грабарь. Подолгу разглядывал тонкие портреты Суханова, рисунки Бородинского сражения Котлярова, острые зарисовки Бобицина, всю расхваливал, поздравлял смущавшихся парней с серьёзными достижениями. Пурыгинские же сочные пейзажи, кажется, понравились ему больше всего: они были написаны густо, пастозно, как любил писать в молодости сам Игорь Эммануилович. Пооглядывался, чтобы сказать что-то автору, но Пурыгина рядом не было, и тогда Грабарь

восхищенно-убежденно изрёк сопровождавшим его: “Гениально одарённый юноша!”

Помню, как довольно долгое время сразу после уроков Пурыгин появлялся на пятом этаже с этюдником и большим холстом, в телогрейке, в нахлобученной на лоб кепке, а потом в ушанке, и шел в конец коридора к лестничному пролёту, где была железная лестница к квадратному лазу на чердак, и в его коренастой крепкой фигуре постоянно чувствовалось какое-то внутреннее напряжение и большая внутренняя сила. Он писал с чердака, из чердачного окна вид сверху ближней окрестности из деревянных домов с уютными двориками, с небольшим рынком между ними, улочками, людьми. Писал долго, каждый день дотемна, пейзаж получился отличный, живой, я видел его. Я тогда ещё не общался с Валентином, но однажды участвовал в его разговоре на том же пятом этаже с другими и был поражен, какие у него синие-пресиние глаза. Он чему-то удивился, улыбнулся, насупленные брови скакнули вверх, эта синь открылась ненадолго — и снова исчезла, глаза потемнели и будто жгли, — и в них тоже была какая-то странная сила, которая прожигала насквозь, когда они смотрели на тебя. Я никогда прежде не видел таких глаз и запомнил их крепко. Знал же тогда о нём лишь то, что он из Куйбышева.

* * *

Ещё в МСХШ я писал не только красками, но и пером. Учась в художественном институте, начал печататься. Позже превратился из художника в журналиста, затем в литератора, работал в газетах, в кино. В конце пятидесятых годов был приглашен в Куйбышев как кинематографист. Знал, что Пурыгин после окончания Московского художественного института имени Сурикова вернулся в родной город. В музее увидел уже тамошные его работы — “За Волгой”, “Пляж”, “Вечер за Волгой”, “Волга” — все очень большие.

“За Волгой” — узкая, длинная, на ней стадо рыже-пестрых коров прячется под могучими деревьями от полуденного зноя. Волга еле проглядывается вдаль. Писана в пятьдесят пятом году. Пурыгин ещё не обрел своего лица и крепко держался академических приёмов построения: деревья по бокам как кулисы, группы коров красиво ритмизированы, все морщины на деревьях, каждый лист, каждая корова выписаны с такой тщательностью, а поверхность холста так отполирована, что забываешь о главном — начинаешь разглядывать эти технические совершенства, которыми владеет художник. Правда, Пурыгин уже предельно правдив здесь в цвете, полуденный зной передан во всём: в распаренной зелени, траве, в эмалево-голубом раскалённом небе.

“Пляж” с купающимися и загорающими, и “Вечер за Волгой”, где людей нет, а лишь вечерние деревья на берегу, по выделанности такие же — всё оттачивал мастерство.

А вот в большой квадратной “Волге” начала шестидесятых уже обозначилось нечто неповторимое. Кроме воды, неба, далёкой узенькой полосы горизонта и крошечной лодочки вдаль, здесь нет больше ничего. Вода в лёгкой волне занимает почти три четверти холста. Но энергия прёт, именно прёт от картины такая, что захлёбываешься в восторге от распахнувшейся необъятности этой воды, от её сияния. Она сияет, поблескивая кое-где тёплым серебром. Сияют края облаков, окаймлённые прозрачным солнечным золотом. Это, конечно же, перекалённый июльский день, когда полыхающее солнце подолгу стоит за неподвижными облачками, и всё мироздание, включая воздух, пропитывается его серебристым слепящим светом. Чудится, что ты только что вышел из воды на какой-то далекой волжской косе, уселся на калёном песке и вдруг увидел Волгу снизу шире обычной, и уже не в силах отвести от неё глаз, потому что всем своим существом ощущаешь за этой далью ещё одну даль, а за ней ещё и ещё, и осознаешь, нет, тоже всем своим существом ощущаешь, что это и есть твоя Родина. И ужасно хочется петь от счастья.

Потом на очередной областной выставке появились совершенно поразительные его картины “Туман” и “Гроза”.

В “Тумане” — короткий отрезок пустынного шоссе, утонувшего в тумане. Недалеко одинокий троллейбус у остановки, к которому через шоссе бегут три согбенные фигурки. На первом плане видны голые тощие деревца, несколько размытых туманом столбов да мокрый асфальт и земля — дальше ничего —

сплошная белёсая пелена. Троллейбус и люди совсем крошечные в этом большом длинном холсте, а белёсого тумана, сырости, пустоты и тоскливости так много, что кажется, беспроектному туману нет ни конца, ни края. Тоскливости, тоске людской нет на земле конца.

“Гроза” же была поразительно синей. В первый момент даже казалось, что она писана одной синей краской. Но только в первый.

Ослепительная белая молния разорвала, расчертила зигзагом темнущее небо над железнодорожными путями, пакгаузами, вышками и семафорами товарной станции, сделав всё вокруг напряженно, зловеще тревожным. Кипящее багрово-синими сполохами небо отражается в мокром асфальте. Небо и асфальт занимают пять шестых площади картины, а остальное, ничтожное в общем-то пространство художник отвёл строениям, одному дереву и трём бегущим, накрывшимся чем-то человекам. Взбесившийся ветер хлещет их дождем, мотает дерево, гнёт его, с воем и грохотом гонит людей.

Её слышишь, эту грозу! Она оглушает, она хлещет ветром, ослепляет молнией, пугает!

Это не метафора. От этих пурыгинских картин действительно шла некая неведомая энергия, рождавшая вполне реальные ощущения. Я испытывал их. И видел, что похожее испытывали многие, как будто это были не картины, не городские пейзажи, а нечто большее, неведомое, воплощённое на холстах красками удивительно размашисто, легко, и каждый мазок, каждый цвет, каждая деталь были полны значения, эмоции и силы.

Народ постоянно толпился возле этих картин. Пурыгин был центром выставки. Событием. Хотя на ней показывали достойнейшие работы и другие куйбышевцы. Олег Карташев – “Лодки”, заполнившие волжский берег, за которыми начинался грузовой порт с работающими подъёмными кранами, дымящими буксирами, самоходкой и синеющими вдали Жигулями. Алексей Прокопенко – ставшую потом знаменитой картину “Бригада работает”: в березняке, возле вспаханного поля оставлено несколько велосипедов, кое-какая одежда, авоськи с едой, а людей нет – бригада пашет или сеет где-то за холмом. Спартак Горинов показывал поэтичный, тонкий по живописи портрет скульптора В. Снеговской. Геннадий Филатов – сочно написанный пейзаж “Зеленя”. Михал Бедных – страстные, экспрессивные линогравюры на темы Гражданской войны.

Художническое сообщество в Куйбышеве было большим и сильным. И всё же Пурыгин был ярче всех.

* * *

Следующей большой его работой, увиденной мной в Куйбышеве, был длиннющий “Последний паром”. Берег, рваное ночное небо, дебаркадер, возле него пустой паром, за ним кусочек Волги с зеленоватой дорожкой от жёлтой луны, выглянувшей из-за чёрной тучи. Рубка парома пуста, но в ней свет, и по бокам в ночь таинственно, тревожно глядят два глубоких мерцающих сигнальных глаза – зелёный и красный. А на дебаркадере – люди, одинокий фонарь на столбе да длинные зеленоватые тени на досках. Привалившись спиной к фонарному столбу, стоит задумавшаяся женщина. Стоит и ждёт, как все остальные, когда подойдут машины, спускающиеся к дебаркадеру с отлогого берега, и те, что ещё за бугром – там тьма зыбко подсвечена светом фар.

Странное дело, чем дольше глядишь на эту картину, тем всё больше и больше погружаешься в свои волнующие воспоминания и скоро уже совсем не думаешь о пароме. Картина уводит в давние, ещё юношеские годы, и ты снова, как когда-то, выходишь из тёплых ночных лугов к огромной реке. Кругом снова густо сладко пахнет сеном, ты дышишь сыроватым речным воздухом, слышишь сонные гудки невидимых буксиров, тихие голоса людей, а глаза парома, слева – зелёный, справа – красный, глядят уже не в темноту, а в тебя, и зовут, зовут в ночь, к каким-то далёким, другим берегам, к залитым огнями большим городам, а может быть, и к тёмной деревеньке над высоким речным откосом, в которых ты давно не был, но в которых есть кто-то, кто очень ждёт тебя. Очень, очень!

И ты понимаешь, что одинокая женщина у столба задумалась сейчас именно об этом, и, может быть, у неё такая встреча совсем близко...

Откуда берутся эти ощущения и мысли? Что за сила заключена в картине? Прежде всего, конечно, в умной композиции, в том, как просторно здесь всё размещено, и у любого предмета и человека тут есть какой-то ритмический повтор; пустая палуба парома как бы повторяет пустынность палубы дебаркадера, группа одних людей похожа позами на группу других, свет в двери домика переключается со светом в ходовой рубке. Эта монотонность, соединенная с пустотой широких палуб, с подчеркнутой разобщенностью групп людей и с глухой темнотой — как нельзя лучше даёт почувствовать атмосферу ночи, её безлюдность, её таинственную тихую глубину.

И он великолепно звучит цветово, этот холст. Потому что художник использовал в нем только самые характерные и самые волнующие цвета всех наших ночей. Взял задумчивый зеленоватый свет луны, тёплый желтый свет фонаря и окрасил ими всё: палубы, людей, перила, ближнюю землю, воду. А чтобы подчеркнуть теплоту и задумчивость этих цветов на фоне чёрно-сизого неба, зажёл для контраста напряженное мерцание холодных сигнальных глаз — зелёного и красного.

Цвет в живописи подобен музыке, звуки которой ведь не звуки реальной жизни, а звуки наших чувств и мыслей, рожденных жизнью, её событиями и явлениями. Человек, не имеющий музыкального слуха, не способен стать музыкантом, но наслаждаться музыкой, чувствовать её способны почти все. Цвет в живописи тоже не прямая передача окраски чего-либо реального, тем более что любая окраска всего в жизни меняется от освещения, от времени суток, рефлексов, отражений, бликов, так что чистого локального цвета нигде никогда нет. Причём каждый цвет, как и звук, имеет свою силу: звучит ровно, спокойно, полыхает мощно, ошеломляюще, или еле различим, как шепоток, и всё эмоциональное звучание живописи заключается в общем цветовом звучании каждой картины, в её гармоничности, которая называется колоритом, все чувства и мысли передаются прежде всего через него. И человек, не наделённый подлинным чувством цвета, тоже никогда не станет настоящим живописцем. А если это чувство и наличествует, истинным художником он всё равно становится, только научившись управлять красками, их взаимосвязями и взаимоотношениями, научившись лепить ими формы, передавать материальность предметов и всего неощутимо предметного, неба, например, или заката, или наползающей тьмы. Ведь, скажем, тот же снег большие живописцы пишут вовсе не белилами; полюбопытствуйте, взгляните в какой-нибудь знаменитый пейзаж, хотя бы того же Игоря Грабаря, в его знаменитый “Мартовский снег” — там нет ни единого чисто белого мазочка. А чёрная, как воронье крыло, шубейка суриковской “Боярыни Морозовой” — где там чисто чёрное?

Особенностей, секретов и приёмов в живописном ремесле такое множество, что даже наиталантливейшие одолевают их годами. А есть ведь и не живописные художественные законы и таинства, которыми тоже надо овладеть — потому на художников и учатся долго. Да настоящие ищут и обретают что-то совсем новое практически до конца своих дней.

* * *

Картины Пурьгина становились всё ярче, значительно ярче, чем реальная повседневность, а значит, всё напряжённей эмоционально — полыхали красками-чувствами.

“Снег сошел”, “Апрель”, “Весна идёт”, “Весенний день”, “Пасмурный день”, “Ветлы”, “Вечерние тени”, “После грозы”.

В “После грозы” дождь ещё не кончился, но сквозь тучи прорвалось солнце, и залитая водой земля, деревья, могучий осокорь на первом плане и город за Волгой превратились в сплошное сказочно-мерцающее самоцветье, от которого невозможно оторвать глаз — хочется любоваться им бесконечно.

А в “Весна идёт” — центр села Рождествено с синеватым небом в тёмных тучах, языки последнего снега, рыжие прогалины, рыжие холмистые дали, несколько темнющих тонких лип, и два уже набухших соками, красновато-золотистых раскидистых ярких тополя, над которыми весело кружатся стаи грачей — уже почуяли, уже радуются, уже встречают весну.

А там, где “Снег сошёл”, на берегу голубой реки со снежными ошметками сидит женщина в белом платочке и красной кофте, а вокруг неё ещё

столько красного-прекрасного и розово-прекрасного, и вишнёвого, и бордового, и жёлтого, зелёного, голубого, голубоватого, сиреневатого – и Бог знает сколько ещё оттенков разных цветов, которые появляются только в моменты самого бурного пробуждения земли от зимнего плена. Воистину Весна-красна – Пурьгин показал именно её. И не раз. У него есть и картина с таким названием – “Весна-красна”, на коей по-весеннему полыхают уже три раскидистых дерева на фоне двух домов и отрогов Жигулёвских гор.

Кстати, писан красный “Снег сошёл” совершенно мозаично. В те шестидесятые годы он писал и широко, и пуантилистскими точками, и “червячками, как Ван Гог” – это его собственное определение. Технику обуславливал мотив.

Я уже говорил о сотнях этюдов и рисунков в его мастерской. Этюды он писал во все времена года и суток, в любые погоды, от маленьких до полуметровых и больше, а рисовал постоянно и на натуре, и дома, в гостях, в поездках, в письмах, причём виртуозно, а на натуре так обязательно детальнейше всё прорабатывал. Этюды и рисунки – это своеобразные записные книжки художников, а постоянное их рисование где угодно и на чём угодно – одна из форм их мышления, свойственная большинству художников, и многие потом используют этюды и зарисовки как основы и материал для создания картин. Пурьгин же редко извлекал этюды и рисунки из папок – у него была феноменальная зрительная и мозговая память, помнил буквально всё, что когда-либо зафиксировал на холсте, картоне или бумаге, картины творил, никуда не заглядывая, по собственной системе. Разработал обстоятельную систему, которую изложил на десятках страниц с подробными рисунками-схемами. Назвал “Рассуждение для себя наедине с пустым холстом”. “Что такое холст или КП – картинная плоскость? Как она должна строиться, на каких тёмных и светлых пятнах-включениях – горизонтальных, вертикальных, крестовидных и прочих, – на каких тонально-цветовых отношениях, чтобы проявлялся смысл картины как живого дела, и создавалось живописное пространство, и зритель воспринимал холст как единый организм, единую вещь”.

Труд необычайно глубокий и интересный, который Валентин, к сожалению, не закончил, но по которому сам работал до конца своих дней.

* * *

Всю свою работу он поделил на несколько направлений, которые назвал циклами. С середины пятидесятых годов держался их очень крепко. Первый цикл, конечно – Волга, за ней – Весна, Город, Деревья, Птицы, Лешие. Позже появился ещё один, названный Ведическим.

Всех циклов всё равно не осветишь, они из десятков картин, а вместе с большими этюдами, пастелями и рисунками разной техникой в каждом из них сотни работ, поэтому сейчас об одном только Городе. О Волге и Весне кое-что уже сказано.

Помянутые вначале “Туман” и “Гроза” были первыми на тему Города. И в них уже не было никакого конкретно городского людского действия, но были неординарные, не частые погодные явления, из самых напряжённых, когда все человеческие чувства крайне обостряются, и их художественными средствами можно передать с холста многим и многим. На этих принципах построены почти все пурьгинские городские картины, то есть на событиях, явлениях в природе, рождающих в людях главные, наиважнейшие, светлейшие или тревожные, мрачные, пугающие чувства.

В “Весеннем дне” – люди просто садятся в синий троллейбус. А день хоть и с сугробами ещё не стаявшего снега, но солнечный, оно уже вовсю пригревает.

В “Вечерних тенях” – люди просто идут по той стороне улицы, на которую легла прозрачная прохладная вечерняя тень, хотя на высоких домах над ними ещё полыхает жаркое цветастое солнце.

В “Моём дворе” изображён тот самый двор с деревянными домами и сараями, где жили мальчишки Валя Пурьгин и Миша Митряшкин, где они подружились и вместе писали из чердачных окон первые свои этюды восходов солнца, а сейчас мужики, как и прежде, смолят старые лодки, на верёвках сушится бельишко новых поколений, и старушки уже расселись на лавочке – по-

тому что опять весна. Вокруг же этого скромного уютного двора высятся огромные кирпичные здания – обступили, окружили со всех сторон.

А в картине “Ночь. Улица Льва Толстого” – улица отражает в сплошных лужах на асфальте белые, жёлтые и голубоватые огни фонарей, окон в домах, окон удаляющегося автобуса, легковушки, вынырнувшей из-за облаков луны, фигурки редких прохожих. Как сыро-то, как тянет в дома!

И был ещё огромный, три метра в ширину и метр в высоту “Мост через реку Самарку”. Ненастье, мост очень длинный, высокий, он недалеко от впадения Самарки в Волгу. Дует сильный ветер, и, подгоняемые им, по мосту почти бегут женщина, старушка и девочка. А широченный водный простор за мостом весь в серебристо-розово-голубоватой ряби от проходящих самоходок, буксиров, катеров. Отсюда, сверху они кажутся капельными. В отдалении, у островков полно плавучих подъёмных кранов – там что-то сооружается. По левому берегу – сплошь дебаркадеры, пристани, судёнышки, склады, элеватор, эстакады. По правому – какие-то длинные затоны, корпуса, трубы, конструкции. Голубой горизонт за необъятно-неоглядной самарско-волжской водой тоже весь индустриальный, тоже весь в дымах. Обе реки теперь прочно, навечно скованы этой невероятной индустриальной стихией, этой технической мощью нашего времени. И что им отныне какие-то ненастья, лютые ветры – они в тягость только людям.

В тягость только людям.

Какие бы каменные, бетонно-металлические громады люди ни возводили, во что бы землю ни заковывали, сколько бы новых машин у них ни появлялось, они, люди, все равно никогда не оторвутся от земной стихии, от природы, ибо рождены ею, одно целое с ней. Об этом все пурыгинские Города. Это его трубный зов ко всем нам и в будущее – не забывайте!!!

Я вообще не помню, чтобы у кого-нибудь из наших художников последнего полустолетия было столько городских мотивов такого высочайшего эмоционального накала и такой философско-поэтично-эпической глубины. А ведь есть ещё и потрясающие по настроению, завораживающе красивые пастели, рисунки тушью по сырому в размывку. Их сотни. Получается, что Валентин Захарович только по одному этому своему циклу может быть зачислен в ряд выдающихся мастеров минувшего века.

* * *

В шестьдесят девятом году я вернулся в родную Москву.

Пурыгин ликовал:

– Молодец! Поздравляю! Мне надо вслед за тобой. Хватит! Вот разгребись с выставкой, и... Правильно?

В Куйбышеве выставка проходила в конце семидесятого года. Более пятидесяти картин и более сорока листов графики заняли все залы художественного музея. Помимо работ, о которых уже рассказывалось, там были ещё большие серебристые “Ветлы” под сильным ветром над пасмурной Волгой. Был “Весенний дождь” в Рождество в распутицу. “Волга” – неоглядная могучая ширь её, увиденная с высоты обрывистого утёса. И другая ширь, с другой высоты “Над Волгой”. И “Разлив”, затопивший деревья на низком берегу и на скрывшихся под водой островках так, что торчат одни голые их макушки. И “Первый снег”, покрывший берег и окутавший Волгу первым морозным туманцем...

Вышел каталог этой выставки с портретом улыбающегося Пурыгина и с небольшой статьёй Аннеты Басе о его творчестве.

Весной же семьдесят второго все пятьдесят работ, без изъятий и добавлений, увидела и Москва в знаменитых залах на Кузнецком мосту, 20. Каталог к московской выставке был издан уже Союзом художников СССР. Объёмистый, тоже с портретом Пурыгина, только с очень хмурым, с буравящим пристальным взглядом – вот, мол, я вас! Статья о его творчестве в этом каталоге большая, глубокая и верная. Её автор – Владимир Иванович Володин, который приводит и очень важные и интересные слова самого художника о себе:

“... Я люблю движение, то, которое украсило берега, отразилось в глубоких водах. Люблю единое дыхание города и реки. Передать город и Волгу

в движении, передать красоту, величие и настроение движения — это моя большая мечта...

... Куинджи люблю за его взволнованный романтизм. Люблю Айвазовского за его движение духа свободы. У него всегда мятущееся море, мятущееся небо, этот духовный подъём. Он куда-то влечёт и подаёт надежду. Глубокая содержательность его картин вызывает у меня щемящую сладкую боль. Это меня волнует. В своих картинах я хочу добиться передачи движения развёрнутых сил, развёрнутых свободных масс и в то же время сохранить некую устойчивую форму, но чтобы всегда, во всём была взволнованность и даже тревожность...

... Нет, например, ничего красивее, чем огромные ветлы на ветру!"

Володин дал Пурьгину очень точное определение: "Ему хочется, чтобы картины были праздничными, жизнерадостными, чтобы появилась в них та "цветовая затейливость, которая близка исконной русской нарядности". Это тоже слова Пурьгина. "Я театральный и декоративный, — подчёркивает он, — и таким хочу остаться".

Важно, что эти качества живописи Пурьгина не снижают психологической насыщенности его пейзажа. Театральность возникает не извне, а как естественное выражение внутреннего драматизма его композиций, его видения природы...

Многих может озадачить видимое разнообразие стилевой манеры Пурьгина. В его обращении к традициям достаточно часто проглядывает и увлечённость русским пейзажем, и знание голландской школы живописи, и хорошо изученные приёмы импрессионистического пленера. Но эти особенности творчества художника не имеют ничего общего с эклектикой, потому что в основе его поисков лежит искренняя любовь к своим темам и родной природе, связанной с человеческим житием-бытием. Он думает о пейзажах, выражающих "лицо нашей большой жизни". Опять его собственные слова.

Я, конечно, был на московской выставке несколько раз, видел, каким она пользовалась успехом, как много народу перебивало на ней, в том числе именитейшие художники и деятели других искусств. А на обсуждении выставки, перед её закрытием, в зале не хватало мест, многим пришлось стоять. Говорили страстно, почти все восторженно и даже удивлённо, что вот вдруг открыли, что в России есть ещё и такой большой художник, певец Волги. Причисляли его к десятке лучших пейзажистов России.

Валентин Захарович присутствовал на своей первой персоналке в новеньком отличном костюме, во всём новом, купленном накануне. Выглядел прекрасно, держался, окрыленный успехом, ещё прекрасней, буквально обаял всех, с кем общался.

О нём похвально писали газеты, журналы. У него закупили несколько картин, впервые появились большие деньги.

И не успели ещё торжества утихнуть, как он однажды при народе отвёл меня в сторонку и горячо объявил:

— Вот теперь и я могу переезжать!

* * *

Почему его так потянуло в Москву?

Он давно осознал, что в Куйбышеве сильнее всех остальных художников. Персоналка это блестяще подтвердила. Но чувствовал, что способен на что-то большее. На что именно? Чёткого представления этого большего не было. Было только желание всё чаще и чаще писать разных леших, которые оказывались куда как выразительнее обличьем любых иных существ на земле, включая людей. Лешие являлись ему постоянно, оказывались то вдруг рядом, то даже проникали как-то внутрь, наполняли странной силищей и пронзительной жалостью к людям, которые так многого не понимают, творят столько гадостей, ничему не внемлют, никаким встряскам. Обличья у леших были разные и назывались они по-разному, но людей жалели все одинаково безмерно, всем хотели помочь. Но как? Он одержимо изображал этих всеобщих друзей, однако показывал их по-прежнему только тем, кому доверял и знал, что они не вытаращат испуганно глаза и не сочтут его сумасшедшим. И ни на какие выставки их, конечно, не предлагал, знал, что не возьмут, не

пустят, а если бы и пустили, то как объяснить массовому зрителю, что они такое. Хотя ведь разве надо кому-нибудь объяснять гоголевских рождественского чёрта или Вия и панночку? А Иван Николаевич Крамской век назад показал на выставке картину с русалками из гоголевской “Майской ночи” — и никто им не удивлялся. Как потом и всем былинным и сказочным русским героям Виктора Михайловича Васнецова: Соловьё-разбойнику, серому волку, птицам Гамаюн, Сирина и Алконост. А врубелевские “Пан”, “Демон”, “Царевна-Лебедь”, А персонажи Билибина...

В Москве, считал Пурьгин, совсем иная творческая атмосфера, чем в Куйбышеве, иной творческий простор, более высокая художественная культура, уровень художественной жизни, новые темы, новые откровения. В Москве давние, дорогие сердцу друзья по художественной школе и художественному институту, многие из которых стали крупными знаменитыми художниками, академиками, общение с которыми тоже бесценно.

Да он и любил Москву, постоянно скучал по ней, ведь с отрочества, с тридцать девятого по пятьдесят первый год включительно жил в ней, с небольшим перерывом на эвакуацию. Сформировался в ней. Сколько было важнейших волнующих воспоминаний...

Картины с выставки до возвращения в Куйбышев надо было где-то хранить. Старые друзья предложили полуподвальное помещение, где сами имели мастерские — на улице Макаренко возле Чистых прудов. Помогал их завозить туда, по просьбе тех же друзей, кровельщик тамошнего ЖЭКа, невысокий, молодой, но уже лысеющий крепш с бородой по фамилии Духин, Иван Андреевич. Сказал, что Валентин Захарович может в соседнем помещении того же полуподвала и поработать — оно свободно.

* * *

До Загорска церквей в картинах Пурьгина не было, были лишь в этюдах да рисунках. А в Загорске с его Троице-Сергиевой лаврой и другими храмами он впервые увидел их сразу так много вместе, и их красота оказалась такой многокрасочно нарядной, такой радостной и былинно-сказочной, что он написал весь город целиком с окраины, с высокого холма. Написал в марте, когда вокруг на крышах домов и домиков ещё лежит толстый снег, но речушка в низинке уже вскрылась, забурилась, заиграла — и весь многокрасочный, нарядный городок со своими церквями, куполами, колокольнями, башнями и монастырскими стенами выглядит в обрамлении белых снегов небывалой драгоценностью. Неповторимо русской драгоценностью.

Назвал картину просто “Загорск. Март”. Но как она радостна, эта простота!

Там же задумал и начал “Весну в Загорске”, где лавра и город видны сквозь набухшие буйные заросли ивняка, в которых мечется всполошившаяся стая чёрного воронья — их с неба атаковали невиданные огромные светлопрозрачные птицы-облака. Это весна приняла такое прекрасное обличье в сказочном Троице-Сергиевом посаде. Наверное, сама приняла, помимо воли Пурьгина, потому что под деревьями в этой картине лежит ещё и поверженный крылатый человек с дивно радужными крыльями. Видимо, сияющие птицы-облака прилетели ему на помощь, чтобы спасти от гнусного злобного чёрного воронья, напавшего и так сильно ислеклававшего его.

И это, конечно же, великолепная аллегория Валентина Захаровича о самом себе.

А в один из отъездов в Куйбышев — вторую мастерскую там, к счастью, не отобрали — он написал удивительнейший холст “Светлый день Ярилы”. Мощное, хвостатое, рогатое чудище, смахивающее ликом на Валентина Захаровича, зачарованно поднесло кисть к чистому холсту, за которым видны причудливый храм, колокольни — собрался их писать. Он весь полыхающе-пурпурный, этот Ярило-солнце. Вплотную к нему, справа, распластав крылья, поёт-заливается большая прекрасная радужная Жар-Птица, а слева, у завитого его хвоста лежит, улыбается грудастая красавица Русалка, тоже почему-то с радужными золотистыми крыльями и с дивным венком из крупных синих цветов на голове, хотя под ней ещё есть снежок.

Всё здесь радужно, красно-жёлто-золотисто-оранжево, синевато-розово-зеленовато, всё полыхает, слепит.. Всё безумно нарядно и празднично,

как и подобает настоящему русскому народному узорочью – ведь Ярило пришёл на родную землю, пришёл воспеть её...

А следом был вроде бы совершенно реальный “Выходной день”. Железнодорожная платформа с электричкой и массой приехавших и отъезжающих людей, после только что прогремевшей грозы и ливня. Небо местами ещё густо-синие, но с розовыми разрывами, с полыхающей сбоку радугой, с ярко-зелёными деревьями и разноцветными церквями, куполами и колокольней за станцией и крышами изб, очень похожими на лаврские.

Опять всё – сплошное праздничное узорочье, очень декоративно, пятнами писанное, колористически блестяще сгармонированное. Но несмотря на похожесть храмов на лаврские, это никакой не Загорск – за церквями тянется блестящая лента могучей реки с идущей самоходкой.

Это – фантазия Пурыгина. Это его новое видение родной земли – сегодняшней и вековой.

* * *

Честно говоря, тогда я долго не понимал новых его душевных мук и терзаний по поводу житейской раздвоенности. В Куйбышеве ведь тоже жил в основном отдельно от семьи. Да и сейчас, пробыв там месяц, два, редко три, он рвался обратно в Москву, к здешним холстам, к Духину, без которого не мог жить, как и тот без него. Письма писали временами ежедневно, всего их было около четырехсот. . Наконец, до меня дошло: Пурыгину только кажется, что его невыносимые терзания от житейской раздвоенности. Да, она была. Но главным было то, что его душа всегда жила только творчеством, живописью и рисунком, постоянно, неустанно искала их совершенствования, совершенствования видения окружающего мира. Загорск, Москва, погружение в русский сказочно-мифологический мир обострили всё это, он почувствовал, что наработанных им заострённо динамичных форм и повышенной цветности для нового мироощущения и видения уже не хватает, нужно что-то более образно точное и глубокое.

Интуитивно-то он уже занимался этим, искал, нащупывал нужное, не создавая ещё, что именно это больше всего и терзало его художническую душу. Терзания были сугубо творческие, глубоко скрытые.

Он стал работать большими, более локальными цветовыми пятнами, объёмами, работы стали декоративней, нарядней, стали перекликаться колористическим звучанием с творениями народных мастеров: с празднично-затейливой Дымкой, с полыхающими киноварными мезенскими росписями и задумчивыми росписями Городца.

Наметилось нечто совершенно неожиданное при его темах, мотивах и сюжетах-то. Стал в таком ключе повторять давно написанное. Например, “Оттепель”, где важная сорока сидела на суку кривоугольного дерева и смотрела через снег на недалёкий город. По цвету там всё было насыщенное, жёлто-рыжее, чёрно-синеватое – сырое, сырое. Сорока явно прикидывала, можно ли уже объявлять об оттепели всем – она же вещунья...

А в новом варианте сделал сороку крупней, всё вокруг намного ярче, пестрей, но в холодной, холодной гамме, небо снизу аж иссиня-чёрное, и в дереве есть полная чернота, отчего картина обрела совершенно поразительную выразительность и называется уже “Сорока ждёт тепла”. Сорока и сидит-то как изваяние – трещать ещё не скоро придётся.

Переписал и картины шестьдесят восьмого года: “Разлив. Весенний ветер” и “Вечерние тени”. Воду в Волге в “Разливе” сделал сплошь грязно-рыжей, в редких светло-жёлтых барашках, называемых беляками, а торчащие из неё деревья почти чёрными, и город сзади грязно-чёрным, а небо в рваной серягине. В “Вечерних тенях” же закатные лучи солнца на больших домах и облаках запылали оранжево-жёлто-розовым, а тени сделал совсем прозрачно светящимися.

Леших же, Ярил, Жар-птиц, Крылатых Вёсен, русалок и прочих своих любимцев решал уже только в традиционно народном ключе – предельно ярко и празднично. Даже приёмы самых давних русских лубочных картин начала восемнадцатого века использовал: вставлял между персонажами для красоты и настроения огромные фантастические дивные цветы. В картине с красно-кры-

латым Лешим “За Волгой на работе” они растут прямо из снега, и тоже пурпурно-красные. А в “Себялюбцах” – буйно распутившиеся розовые и жёлтые. Есть и в других.

То есть его сказочно-мифологический цикл уже обрёл воистину национальный строй и характер. Другие приближались к нему.

Тут, наверное, самое время пообстоятельней поговорить о мифически-сказочном. Человечество не могло не придумывать мифов. Потому что уж больно много было непонятого вокруг людей в природе, в небе, в них самих. Не постигалось никаким разумом. Стало быть, рассуждал древний человек, существуют некие высшие силы, высшие существа, которые и творят всё непостижимое вокруг и в них самих. Называли их богами, духами, тотемами. У разных народов они разные, но есть и похожие. И все делятся на высших и низших, на тёмных и светлых, злых и добрых. У наших предков тёмные, злые дела творили нечистые во главе с Сатаной-дьяволом и его слуги-приспешники: черти, ведьмы, колдуны, Баба-Яга, некоторая мелкая нечисть. А чистые, добрые духи-существа – это домовые, водяные и лешие. Все они невидимы, но могут принимать и зримые обличья. На Руси их всегда почитали. Домовой – это маленький, шибко волосатый старичок, который живёт в домах, предпочитает под печкой или на печке, любит также бани и конюшни. Любит париться. Он хозяин, хранитель домашнего очага и домашнего благополучия, почему зовётся ещё и хозяином, дедушкой. Если хозяйева ему нравятся, а это только когда они трудолюбивы, рачительны, дружны, чистоплотны, он во всём им помогает, споспешествует. А если они никудышные, лентяи и грязнули, может им и вредить, строить разные козни с посудой, с утварью, с живностью – мало ли. Но настоящего зла все-таки никогда не делает. Как и Водяной и Леший. Водяной, живущий в воде – начальник, дедушка над водой и всем, что в ней. На сушу выходит редко. Властвует над русалками. Обличьем тоже старик, постоянно покрытый болотной травой. Любит огромных сомов, на которых ездит верхом. Леший же – хозяин леса и зверей, покрыт частично шерстью, имеет рога и копыта. Является и в иных видах. Жить предпочитает в лесных чащобах. Весельчак и озорник, любитель потех и развлечений над заблудившимися в лесу. Родной брат западным Фавнам, Сатирам.

А вот каков из себя Ярило – бог весеннего плодородия – в преданиях не сказано. Но Пурыгин его “увидел” и изобразил. А о крылатых русалках, облаках-воинах, богах земли вообще нет нигде ни слова, ни полслова. Их придумал сам Валентин Захарович – и изобразил. Придумал для того, чтобы передать то, что никаким реальным образом передать невозможно.

* * *

– Я должен прожить не менее девяноста лет, лучше сто, – говорил он мне не раз. – Тогда сумею, успею сделать всё, что хочу, что задумал. Силы есть...

В декабре семьдесят девятого отослал в Москву, в МОСХ заявление о снятии его с учета в отделе кадров МОСХа и направлении учетной карточки в Куйбышев.

* * *

Вторая персональная выставка открылась в Куйбышеве 28 октября 1981 года. Заняла все залы Художественного музея. Народ валил валом. Успех был огромный.

Приезжал Духин, на Волге был впервые. Прожил у него несколько дней, он показывал свои любимые места. Приглашал и меня, но я всего два месяца как уехал оттуда.

Через три месяца выставку с изрядными добавлениями перевезли в Казань, и с середины января целый месяц показывали в большущих центральных выставочных залах 85 живописных и 30 листов графики на столах. Он с несколькими куйбышевскими коллегами был там на открытии. Перед тем купили ему новый костюм. “Хотят накинуть на меня галстук, негодяи! До чего,

Ваня, я дошёл! Вот если бы ты увидел эту выставку! Вот роскошная!.. Ведь собрано работ за 30 лет! Разные. Точками, кочками и в расставку! Большие и маленькие. Поеду на закрытие, оттуда напишу... Зрителю нравится выставка, написали хорошие отзывы. Обещают закупить. Директор музея – 2 шт. и заместитель министра культуры Татарстана что-то”.

В том же восемьдесят втором ему присвоили звание заслуженного художника РСФСР.

Из Москвы приезжал фотограф, делал цветные слайды для большого альбома серии “Художник и Мир”, выпускаемой издательством “Советский художник”. Составляла альбом и написала текст Аннета Яковлевна Басс. В него вошло много новых работ Пурыгина: помянутая уже “Сорока ждёт тепла”; Одинокая полыхающая “Рябина” у сарайчика под обрывом; “Выходной день” с многолюдной электричкой в городке со старинными храмами.

“Волжские дали”, развернувшиеся с какой-то большой высоты так, что их даже в картине невозможно сразу охватить взглядом, потому что там – волнистые, разлинованные озимой зеленью поля, вьющиеся меж ними глинистые дороги с крошечными грузовиками, справа вдали серебристые крыши животноводческих ферм, за этими неоглядными холмами тянется серебристо-золотистая лента реки с самоходками, которые кажутся совсем капельными, а за ней новые бледно-синие холмы с жёлтым небом. Масштаб невероятный – дух захватывает!

Ещё были золотистые “Хлеба зреют” на похожем необозримом волжском просторе.

Было “У переправы”, где множество людей за рекой, напротив большого города, в тени вётел и тополей ждут парома. Расселись на чём попало, и прямо на земле, есть даже лежащий босой – потому что дикая жара, зной, земля оранжево-знойного цвета, и облака розово-знойные, а небо раскалённо-зелёное.

Энергии, мощи в этих картинах ещё больше, чем в прежних. Писано всё очень широко, страстно, ничего не детализируя, не выделявая. Всё вкладывается в большие цветные пятна, в их накал, в общую гармонию, её эмоциональное звучание.

Но, по моему разумению, он уже и не мог уехать из Самары. И держали его там не скудные заработки, не почитание властей, не жена с сыном, не прекрасная мастерская и квартира – держала Волга. Он не мог без неё жить. Не мог после института. Удрал в Лозу, Москву и постоянно наезжал, наезжал. И чем становился старше, тем сильнее становилась эта привязанность, эта физически ощущаемая неотрывность его от неё, от её неповторимости и мощи, олицетворявших всю Россию. Её мощь родила и его мощь. И он не мог не писать её. Писать постоянно, непрерывно, как когда-то Айвазовский не мог без моря. Он воочию жил, существовал ею. Большие художники потому и становятся большими, что у них есть какая-то огромная любовь-страсть, которой отдаётся всё.

Он несомненно сознавал это, но, по-моему, специально заставлял себя как можно меньше думать об этом, чтобы была возможность помечтать, как он снова всё поломаёт, совершит новый налёт на Москву или, скажем, на Колумну – был и такой вариант. Начнёт новый творческий этап.

И вдруг оказалось, что силы его не безграничны. Постоянное рабочее и психическое перенапряжение, физические непомерные нагрузки, вечно скудное питание обернулись жесточайшими грыжами, серьёзными сбоями сердца, давления.

Старался не обращать внимания, но не всегда это удавалось. Насторожился, заторопился со второй своей большой программой. Потихоньку-то двигалась и так, а тут решил – пора!

Сообщал в письме:

“...закончил Ворону каркающую (155x200)” – то есть полтора на два метра.

Картина потрясающая, жутковатая. Огромная ворона вцепилась когтями в вершину старого электрического столба с пустыми изоляторами без проводов, и в диком напряжении, раскрыв страшный клюв с красной пастью, безумно орёт-каркает. Перья на голове и шее её злобно поднялись, глаз налит кровью. Какой ужас, какую великую беду пророчит эта вечная предвестница, носительница зла? Не случайно и Волга и небо за ней в бурных, невероятно

тревожных сполохах, в пугающем напряжении – малиновое, оранжевое, зелёное, жёлтое, лиловое, кубовое – невиданное!

Спокойно лицезреть эту “Ворону над Волгой” невозможно. Энергетика в ней бешеная, – охватывает ужас, холодеешь.

Вороны везде у Пурьгина – чёрные символы зла, везде настораживают, пугают.

А петухи – везде пробуждение, гимн жизни, новым дням и деяниям. И везде могучи, полны сил и такие красавцы в перьях-радугах, что сплошной восторг.

А неугомонные трудяги куры везде ведут себя сообразно погоде: посмотришь на них – и понимаешь, какова она в сей момент на картине.

А крикливые чайки вечно схватываются, дерутся над водной гладью – уж больно жадны и прозорливы...

В следующих письмах со схематичными цветными маленькими рисуночками:

“Заканчиваю и шлифую картины:

1. Волга стынет. Ноябрь. Синяя птица. Красная виселица. Город кафельно-голубой вдаль строят.

2. Красный конь с выдранный ногой. Его ласкает Бог Род. Конь плачет. Это не тот Петров-Водкинский конь.

3. Сидит молодой Бог-Творец в круглом синем заборе на могильном холме. А (от него) за забором крутятся и бушуют крысы, и они желают скушать его целиком с потрохами”.

Обращаю ваше внимание: “Ворона каркающая” родилась в тысяча девятьсот восемьдесят пятом году, году восшествия на партийный престол Горбачёва. Тем, кто не знает или уже забыл, напоминаю: Горбачёв – это тот мелкий безмозглый выродок, который возомнил себя великим, и благодаря своей главенствующей должности в КПСС посеял в стране такой идейный, общественный и государственный хаос, обрушение всего и вся, каких не было ни в каком другом государстве, и дорога из которых вела лишь в ещё большие несчастья, в полную катастрофу.

Вот как пурьгинская Ворона напроорочила!

Какая великая художническая прозорливость!

Дальше вы знаете, что творилось в стране, со страной и с народом – и обо всем этом тоже были мистико-символические картины Пурьгина.

“Весенний сон бога”. Нестарый рогатый бог-творец блаженно спит в траве над Волгой, накрывшись какой-то цветной хламидой, хотя на его пузе во всю кричит-надрывается ярко-жёлтый красавец-петух, рядом встревоженно кудачнут куры – стараются разбудить бога. Волга за ними напряженно сине-зелёная, а небо огненно полыхает. Родина полыхает, горит – а он дрыхнет...

“Себялюбцы”. Подобия людей с человеческими головами и с огромными, раздувшимися до невероятных, лоснящихся пузырями брюхами, с восторгом лобуются на пышные разноцветные цветы, растущие из этих их невероятных брюх. Любуются полулёжа, так как в вертикальном положении подобные чудеса обжорства уже не удержать...

Самая же страшная и сильная из подобных картин – “Эксперимент”. В большую синеватую, окровавленную человеческую голову, из уха в ухо продет огромный, завинченный невероятной гайкой болт, а в череп, проломив его, вбит кирпич, вовсю течёт кровь – индустриализовала человека окончательно! У него и в глаза-то непонятно что вставлено, левый вылез из орбит, как голубое яйцо. И человек явно безразличен к тому, что с ним сотворили – ибо он уже не человек, не разумный венец природы. Сзади же опять весенняя, вскрывшаяся Волга с последними льдинками, с которых переругиваются, спорят о чём-то вороны. Их время! Помните, перестроечные шабаши в Кремле!

Таких символически-политических полотен десятки – ещё “Видение”, “Сон Бога на набережной”, “После атомной войны”. По образной яркости и психологической напряженности эту серию можно сравнить только со знаменитой обличительной серией великого Гойи “Капричос”.

Всего же, как считал сам Пурьгин, в его символическом цикле более шестидесяти работ – это со всеми творчески творческими Лешими, со всеми персонажами русского фольклора: Ярилами, Жар-птицами, русалками, домовыми, вороньём, лягушками. Иногда он называл этот цикл и ведическим.

Они придумали с Духиным, что как только он будет завершен, так они развешат все шестьдесят полотен в сохраняемом подвале у Чистых прудов и будут показывать эту совершенно небывалую выставку тем, кого она заинтересует.

Однако в Самаре по приглашению Аннеты Яковлевны Басе приехал из Москвы известный искусствовед Александр Ильич Морозов. Оказывается, она уже раньше рассказывала ему об этом пурыгинском цикле-программе, и он попросил Валентина показать его и всё остальное, что сочтёт нужным. Смотрел не один день. Они беседовали. Подолгу беседовали, и Морозов записал эти беседы, назвав своеобразный пурыгинский жанр картинами-фантазиями.

* * *

Не знаю точно, но полагаю, что именно стараниями Александра Ильича, при активнейшем участии, конечно, и Аннеты Яковлевны Басе, в тысяча девятьсот девяносто первом году сначала в Самаре, а позже и в Москве, в огромных залах Третьяковки на Крымской набережной Пурыгин был, наконец, показан весь, все его циклы-программы, включая сказочно-символический. Третья огромная персональная со всеми важнейшими, очень большими работами с пятьдесят пятого по девяносто второй год. С этюдами, эскизами, графикой.

Я, разумеется, был и на этой выставке и свидетельствую: впечатление было грандиозное. Ведь зрители увидели целый новый, огромный своеобразный художественный мир, в котором было всё величие и красота мира реального, реальной России и Волги, в котором в дне сегодняшнем, индустриальном и острейшем, жили персонажи, родившиеся на русской земле тысячи лет назад. И ещё были ярчайшая неповторимая образность и богатейшая виртуозная живопись. Не удивлённых, не зачарованных этой выставкой людей я не видел. И вот что выписал с первых же страниц книги отзывов:

“Мощно, сильно, порой оглушительно, пейзажи прекрасны, свежи, заразительны. Аллегии сделаны точно, потрясающее воздействие. “Ты, Моцарт, гений! – и сам ты это знаешь”. Спасибо художнику за подвижничество, за великие труды, за талантливые работы! Спасибо организаторам выставки, картины размещены прекрасно. Надеюсь, что таких выставок у художника Пурыгина должно быть много по всей Руси и за границей. Здоровья! Успехов!”
Филолог”.

“Как жаль, что не видела этих картин раньше! Как бы они помогли осмыслить текущую жизнь. Очень жаль, что нет автопортрета! Какая палитра, какой свет! Какая любовь к родной земле! Долгие годы вам, глубокоуважаемый художник!”
Инженер”.

“Валечка, милый, дорогой!
Как хорошо, что ты есть! Меня потрясли твои работы. Ты сам! Ни на кого не похож! Столько фантазии, философии!
Просто молодец!
Ты говоришь – мне это очень нравится.
Желаю тебе счастья!”
Друг”.

“Пурыгин – это такой огромный художественный мир, который может вместиться только в великого художника. Потрясающая выставка! После такого художника трудно смотреть кого-то ещё”.

Неизвестно кто.

* * *

Новый телефонный звонок:
– Здравствуй, это я, Валя.
– Ты в Москве?
– Да, есть дело. Надо повидаться.
Оказалось, что Самарское отделение Союза художников и самарские областные власти, включая губернатора, обратились в Правительство Российской Федерации с представлением-ходатайством о присвоении заслуженному

художнику России Пурьгину высшего звания – народного. В советские времена такое представление шло из области в Союз художников РСФСР, и, если он одобрял и присоединялся к нему, оно направлялось в Правительство для принятия окончательного решения. Но в новой России кто-то, зачем-то придумал ещё одну инстанцию – полномочного представителя президента по тому административному округу, в коем проживал художник. В данном случае – Поволжского. Тогда таким представителем был небезызвестный Кириенко, располагавшийся в Нижнем Новгороде. Представление на Пурьгина пошло не в Союз художников России, как прежде, а к нему. И он наложил на нём резолюцию: “Не представляется возможным”. Отчего? Почему? По какой причине? Что он знал, знает о творчестве этого художника? Никаких объяснений! “Не представляется возможным” – и всё! Бумаги вернулись в Самару.

И вдруг Пурьгин узнаёт, что, помимо официального представления, в Нижнем Новгороде побывало и “представление” тех сверхлевых деятелей от искусства, насаждавших в городе не только абсолютную халтуру, но и полнейшую, гнуснейшую порнографию, против которых он боролся и которые из вчерашних его приятелей превратились в злейших и подлых врагов. Одна из таковых даже нагло заявила ему в глаза: “Ты думал без нас стать народным! Никогда! Запомни это!” Можно себе представить, какими методами, как мерзко они заполучили резолюцию “Не представляется возможным”.

Что делать? Как одолеть подлецов?

Он приехал с этим. Председатель Союза художников России Валентин Михайлович Сидоров болел, но позвал нас к себе домой. Он тоже знал Пурьгина ещё с МСХШ. Пошли втроём: Пурьгин, Митряшкин и я.

Внешне Валентин Захарович выглядел неплохо, только стал медлительней. Операции на глазах и внизу он всё-таки сделал – решился; видел не как прежде, с очками, но вполне прилично. Рассказал, что снова работает, пока, правда, вполсилы, но будет в полную. Опять участвует в сражениях с мерзавцами. Недавно у него кое-что купили за приличные деньги, и он их все отдал самарской патриотической газете на увеличение тиража.

С огромным интересом разглядывал в мастерской новые работы Сидорова. Засыпал его вопросами, как и Митряшкин.

Пробыли у Сидорова несколько часов. Тот разработал целую программу по спасению представления Пурьгина на звание народного, в том числе и свою личную встречу по этому вопросу с Кириенко в Нижнем Новгороде. Хотел довести до него официальное мнение правления Союза художников Российской Федерации.

Когда вышли от Сидорова, Валентин пожаловался, что подустал. Я впервые слышал от него такое. И они пошли с Митряшкиным к Духину отдохнуть. Тот жил поблизости, на улице по другую сторону Чистого пруда.

Это было в тёплый ясный сентябрьский день две тысячи второго года. Чистопрудный бульвар местами уже загорался жёлто-оранжевой листвой. А в конце октября моя жена поехала к родным в Самару и должна была там сразу созвониться с Пурьгиным и сообщить ему кое-какие новости. Двадцать восьмого поздно вечером звонит оттуда мне и говорит:

– Только что местное радио сообщило, что известный художник Валентин Захарович Пурьгин сегодня скончался в больнице.

Никаких подробностей в тот поздний вечер узнать не удалось. Лишь на следующий день выяснилось, что он лежал в очередной раз в больнице с сердцем, его подлечили, и двадцать восьмого уже отпускали домой, с утра начали выписывать эпикриз, он уже собирал вещи – и вдруг...

А Духин двадцать восьмого октября родился, и то, что самый дорогой и близкий ему человек именно в этот день ушёл в мир иной, потрясло его, да и нас, близких им обоим, так, что долго не могли опомниться: ведь явный же знак! Знамение!

Какое?

* * *

В Самаре была создана комиссия по творческому наследию и увековечиванию памяти Валентина Захаровича. Возглавил её замечательный художник и прекрасный человек Иван Еремеевич Комиссаров. Комиссия проделала ог-

ромную работу по учёту и собиранию сделанного Пурыгиным и пришла к совершенно естественному заключению: наследие столь многочисленно, значительно и разнообразно, что ему необходим целый особый музей — только тогда люди смогут увидеть, какого неповторимого великого художника имела Самара. И власти оценили предложение комиссии создать такой музей, поняли, какое значение он будет иметь для большого славного города — под него было выделено двухэтажное старинное здание на одной из коренных улиц старого города, спускающихся к Волге. неподалёку, кстати, от дома, где прошло их с Митряшкиным детство. Но здание это требовало ремонта, и, как это делается в наше время повсюду, объявились какие-то предприниматели-посредники, ведающие строителями, ремонт превратился в бесконечный, посредники оказались в результате чуть ли не полновластными хозяевами здания, стали выдвигать какие-то свои требования к будущему его предназначению, где работам Пурыгина отводилась лишь незначительная часть помещений. И минул уже не один год с начала этой, ещё одной, эпопеи вокруг него, а никакого музея всё нет и нет. И, кажется, и не будет, потому что у комиссии уже не хватает сил бороться с делягами и жульём. Высшая же власть в Самаре сменилась, и новая вряд ли уже и знает, кто такой был Пурыгин. Мало ли было в ней художников-то...

Вон в Москве-то хозяева города как пекутся о воспевающих их: никчёмный салонный портретист-подражатель аж при жизни обзавёлся личным музеем из двух старинных особняков вблизи самого Кремля. А ведь его даже сравнивать нельзя с таким творцом, как Валентин Захарович Пурыгин, он против него и художником-то называться не смеет. Есть и другие примеры прижизненных музеев в столице и в других городах.

Вот на что надо обратить внимание самарским властям. Понять, кем и что заматывается! Чего лишают город!

Извещаем читателей, что в материале Юлии Зарецкой о выдающемся советском хирурге Валерии Ивановиче Шумакове ("Наш современник", № 12, 2011) по вине редакции допущена досадная ошибка: на стр. 195 герой очерка назван Василием. Приносим извинения автору статьи и семье Валерия Ивановича.

Редакция

ВЛАДИМИР СМЫК

ДИМИТРИЙ ДУДКО — МОЛИТВЕННИК ЗА РОССИЮ

(К 90-летию со дня рождения)

В 60-е годы прошлого века, после того как Хрущев восстановил “ленинские нормы” во взаимоотношениях церкви и государства (то есть запретил священникам всякую деятельность за стенами храмов, число которых уменьшил вполтину) и пообещал в скором времени показать по телевизору последнего попа, нива Христова не оскудела делателями, чьи голоса слышали многие тысячи русских людей, истосковавшиеся по истине, жаждавшие утешения, желавшие исправить свою жизнь. Особое место среди них занимает священник Димитрий Дудко, девяносто лет со дня рождения которого исполняется в нынешнем феврале.

Детство, война, тюрьма

Он родился на Брянщине в деревне Зарбуда (теперь Березина). Батюшка говорил, что если бы не крестьянская закалка, полученная в ранние годы, ему бы не выдержать выпавшие на его долю испытания. Они начались еще в детстве: главу семьи Сергея Ермолаевича за отказ вступить в колхоз арестовали. Елизавета Никаноровна, мать троих детей (Митя был первенцем), осталась практически без средств к существованию. Муж вернулся перед войной, физически измученный и больной.

В их семье было принято каждый день вслух читать Евангелие. Митя обычно слушал рассеянно, не вникая в содержание, но вот однажды пятнадцатилетним подростком он стоял у окна, и ему вдруг пришла мысль прочитать Новый Завет — то был внутренний голос, которому он подчинился. “Меня поразила любовь Божия к человеку, — передавал отец Димитрий впечатление от первой самостоятельной встречи со святой книгой. — Я стал каждый день читать Евангелие... Помню, как-то при произнесении слова БОГ меня вдруг охватили такая радость, сладость, блаженство, что милее этого слова для меня ничего не было”.

Были и чуждые влияния, но длились недолго — в моменты искушений мальчик молился Иоанну Златоусту: “Наставь меня” — и искушения не повторялись. Свою первую Литургию отец Димитрий служил в московском Спасо-Преображенском храме 26 ноября 1960 года. В этот день Церковь празднует память святого Иоанна Златоуста.

Только что рукоположенный иерей имел за своими плечами большой и трудный жизненный опыт: фронт, ранение, тиф, после которого рядового

Дудко комиссовали. В 1945 году поступил в духовную семинарию, в 1947-м – в духовную академию, из которой его через полгода взяли на Лубянку, судили по знаменитой 58-й статье (“антисоветская пропаганда и агитация”) и отправили на Колыму. В 1956 году он был освобожден, восстановлен в академии и окончил ее, когда ему было 38 лет.

Спасо-Преображенский храм, где начал свое пастырское служение отец Димитрий, был кафедрой Митрополита Крутицкого и Коломенского Николая (Ярушевича). Митрополит, высоко отзывавшийся о Сталине и критиковавший антицерковную политику Хрущева, был отправлен на покой, находился практически под домашним арестом и в 1961 году скончался в Боткинской больнице при обстоятельствах, которые не исключают мученическую кончину. За день до его смерти на свет появился Миша Дудко, и владыка всё интересовался, родила ли его духовная дочь Нина, которую он познакомил с отцом Димитрием, когда тот оканчивал духовную академию. А через два года была взорвана Преображенская церковь. Батюшку перевели в храм Святителя Николая, что на Преображенском кладбище.

От Никольской церкви до Лефортовской тюрьмы

В этом храме началась его известность. Он показал себя не только смелым проповедником (здесь отец Димитрий был прямым продолжателем Митрополита Николая) – батюшка своим пастырским словом “выходил за церковную ограду” – связывал молитву христианина с жизнью, с амвона отвечал на вопросы прихожан. Вечером, после Всенощной, в тесный храм набивался народ со всей Москвы: стояла молодежь, что тогда было в новинку, ученые, писатели, художники, крестьянки, приехавшие из подмосковных сёл...

Вопросы могли быть самые острые. Например, “Отец Димитрий, что вы выставляете Церковь как пример? Откройте глаза и посмотрите на современное духовенство, хотя бы и на самого Патриарха. Это пресмыкательство перед властями, трусость”. “Вы видите недостатки современного духовенства, указываете на самого Патриарха, – отвечал батюшка, – но, знаете ли, что смотрите слишком поверхностно? Кто еще находится в таком бесправии, как Патриарх? Рассказывают, что он окружен тысячами осведомителей. Патриарх вздохнет, а уже во всех органах слышно”... Органы, естественно, не могли не отреагировать – в 1973 году ему запретили служить. Общественные пороки, распад семьи, пьянство, преступность он рассматривал как отход от Христа, результат многолетнего насаждения атеизма. Такой взгляд казался крамольным лишь потому, что с официальных позиций эти пороки можно было критиковать только как продукт незрелости социально-экономических отношений. Батюшка, однако, никогда не переходил ту границу, за которой начиналось противление советской власти. Сошлюсь на английскую исследовательницу Джеймс Эллис, внимательно изучавшую процессы в Русской Православной Церкви в 60–70-е годы и, надо отдать должное этой женщине, любившей Россию: “Внимательное изучение текста бесед с вопросами и ответами показывает, что отец Димитрий не делал того, в чем его обвиняли: он не критиковал церковное руководство – напротив, он защищал его от других критиков; он не участвовал в политических дискуссиях; не нападал на советскую власть; он критиковал атеизм, но выражал при этом скорбь и сочувствие по отношению к атеистам; и он пытался, прежде всего, разъяснять элементарные, основные истины христианства... Очень русский по духу, он и обликом – очень русский: коренастый с крупной головой, ясными голубыми глазами. С людьми, со всеми, – он ласково внимателен, слушает, о себе говорит мало, но от каждого общения с ним остается чувство: как глубока и радостна его вера! Человек он удивительно цельный и простой, и его проповедь находит прямой и точный путь к человеческому сердцу”.

Через несколько месяцев отцу Димитрию разрешили служить, но из Москвы направили в подмосковное село Кабаново, в деревянную церковь в честь Великомученика Никиты. Через некоторое время отец Димитрий попал в автомобильную катастрофу, вероятнее всего, подстроенную. Он ехал на свою малую родину в Березину причащать тяжело заболевшего брата. На переезде сказали, что впереди мост разобран, и надо ехать в обход. При этом шлагбаум не был опущен, впереди двигалась машина, которую никто не останавливал. Но водитель подчинился, повернул. Чтобы попасть в Брянскую

область, крик пришлось делать большой. В какой-то момент он обратил внимание на две “Волги” с милицейскими номерами. Потом местные жители говорили, что никогда раньше таких машин здесь не видели. На обочине стояли самосвал и карета “скорой помощи”. Самосвал вдруг развернулся и перегородил дорогу – тормозить было поздно. Машина, по счастью, ударилась не в топливный бак – произошел бы взрыв, и от нее ничего бы не осталось, – а в колесо. У батюшки были перебиты колени обеих ног. Дароносица – переносной сосуд со Святыми Дарами – прогнулась, но защитила грудь. “Христос принял на себя удар”, – скажет потом отец Димитрий. Врачи приговорили: на ноги больше не встанет, в лучшем случае костыли; о службе нечего думать. Но батюшка уже через пять месяцев служил в храме Гребневской иконы Божьей Матери.

Его имя привлекает в подмосковную усадьбу Гребнево многих, особенно молодежь, которую батюшка заметно привечает. Он ведет с молодыми людьми беседы, учит не бояться: с его благословения, например, на Пасху мы организовывались в дружину, противостоя попыткам милиции пускать в храм только пожилых людей. Проповеди отца Димитрия слушали, открыв от изумления рты. Они широко ходили в самиздате, публиковались на Западе. В 1980 году батюшку арестовали по 70-й статье УК РСФСР за антисоветскую деятельность.

Он пять месяцев проводит в тюрьме Лефортово. За границей всё это время бушует кампания в защиту отца Димитрия, возглавляемая Солженицыным. Западу она особенно выгодна, потому что там выступают за бойкот летней Московской Олимпиады, а преследование известного русского священника – дополнительный повод показать спортсменам, в какую страну они хотят поехать. И вдруг накануне Олимпийских игр отец Димитрий выступает по телевидению и в газете “Известия” с заявлением, в котором он по существу отрекается от тех, кто ставил своей целью борьбу с коммунистическим режимом. Либеральное общественное мнение, уже примерявшее к нему красные ризы мученика, возмущено: почему освободился, почему не пошёл на крест?

О бабушке, сереньком козлике и любви к России

Писатели и публицисты разного толка, причем не только либерального направления (Леонид Бородин, Александр Нежный, Яков Кротов и др.), обычно делят жизнь отца Димитрия на два этапа – до и после Лефортово. Так или иначе, порой с определенными оговорками, они расценивают первый этап деятельности батюшки как диссидентский, а второй как соглашательский, как отход или даже как прямую измену своим принципам, своей пастве, своим друзьям из диссидентского лагеря. Они нередко аргументируют такое деление, выискивая из огромного литературного наследия батюшки цитаты, отражающие душевные муки, которые он пережил, оставленный сонмом окружавших его прежде людей. От них теперь он слышал только обвинения в предательстве и призывы отказаться от заявлений, сделанных в июне 1980 года. Убежден, что это деление искусственно. Во-первых, отец Димитрий – снова приведу объективное свидетельство англичанки Джеймс Эллис – “никогда не нападал на советскую власть”, пафос его проповедей, священнической деятельности, всё, чему он учил с амвона, на беседах в сторожках при храмах в Гребнево, Виноградово, Черкизово – сделать веру живой, соединить нашу молитву и жизнь. Атеистическое государство ограничило миссионерскую деятельность церкви, не разрешало откликаться на запреты современности. Отец Димитрий нарушил этот запрет. Он боролся с атеизмом, а диссиденты – с советским государством, имевшим атеистическую идеологию. Поэтому в 60–70-е годы они и батюшка оказались попутчиками. Отец Димитрий, пожалуй, духовным зрением увидел и поэтому понял раньше других, что диссиденты, боровшиеся с КГБ, с государственной советской машиной, целят в Россию, что большинству из них она чужда, она для них – “эта страна”. А батюшка всем сердцем любил Россию “за слезы, / за горе, общее со мной”, как писал он в одном из своих стихотворений.

“Россия сейчас переживает страшное время, – говорил отец Димитрий о нынешних “демократических” временах, – мы повторяем Голгофу Христову”. Он умилялся вопросу неграмотной старушки, спросившей у него: “Правда ли, батюшка, что Христос, когда его распинали, всё время смотрел на Россию?”

“Что бы и как бы ни было в нашей стране, – говорил отец Димитрий, – мы являемся патриотами своей Родины. Наш патриотизм не от славы земной,

а от любви к людям”. Эта любовь родственна любви к России Достоевского, сродни лермонтовскому чувству народа (не случайно батюшка высоко его ценил). Поэта тоже не волновала “слава, купленная кровью”, но он был “смотреть до полночи готов / На пляску с топаньем и свистом / Под говор пьяных мужичков”. Цитирую теперь отца Димитрия: “А дела, дела ваши где? – кто-то закричит. Более спившегося и преступного народа, чем русские, нет в мире... Да, я согласен: мы – разбойники, но не разбойник ли первый услышал от Господа: сегодня же будешь со Мною в раю. Эта жажда религиозная и оправдывает русских – и пьяных, и преступных. Как по Достоевскому: войдите, говорит Господь, в блаженство вечное, слишком вы исстрадались на земле”.

Здесь отец Димитрий, конечно, имеет в виду слова Мармеладова из “Преступления и наказания” о Страшном суде Божиим: “Возглаголет и к нам: “Выходите, скажет, и вы! Выходите пьяненькие, выходите слабенькие, выходите соромники... И прострет к нам руке Свои, и мы припадем... и заплачем... и все пойдем! Тогда все пойдем... и все поймут”.

Батюшка на беседах рисовал нам такую картину-притчу: душа, отлетев от тела, стучится в райские двери.

– Ты откуда? – слышит она голос апостола Петра.

– Из России.

В замок вставляется ключ.

– Раз из России – проходи.

А вот другая душа стоит у ворот и тоже просится в рай.

– Откуда, из России? – спрашивает апостол.

– Нет.

– А к русским как относился?

– Плохо.

– Тогда не открою...

Мы сидим в сторожке Никольского храма в селе Черкизово, трапезничаем, задаем духовному отцу вопросы и в его ответах ощущаем и логику, и острый ум, и любовь. Вдруг в голубых глазах его мелькает озорная искорка:

– А теперь я вас спрошу. Жил-был у бабушки какой козлик?

– Серенький, – отвечаем.

– А бабушка какая была?

– Наверное, беленькая, – догадываемся мы.

– А почему беленькая?

– Потому что старенькая, – смеемся в ответ.

Но батюшкины глаза уже не смеются:

– Да нет ей еще и шестидесяти. Страдания ее убелили.

И помолчав, добавляет:

– А потом и козлика отобрали...

Я как-то назвал отца Димитрия “народным батюшкой”. Он и впрямь был представителем низового, народного православия, молитвенником за Россию и русский народ. Он его всегда просвещал Светом Христовым и верил в то, что народ не отступит от своего Господа даже тогда, когда придут последние времена. Характерна в этой связи притча, которую отец Димитрий привел в своей книге “Как ходить по лезвиям и не обрезать”:

“Священник как-то в компании говорит:

– Русские – самый недисциплинированный народ.

Еврейка, близ сидящая, подтверждает:

– О да.

Священник продолжает:

– Когда придет Антихрист, все ему в силу своей дисциплины будут кланяться, а русские скажут: “Зачем ему кланяться?” – и не поклонятся.

Так вот недисциплинированность русского народа становится даже добродетелью, а теперь русских только осуждают, не понимают, какая сила скрывается в них”.

Таким образом, говорить о духовном надломе Димитрия Дудко, о том, что после Лефортовской тюрьмы он изменил себе – значит не видеть того, что определяло единство и цельность его личности на протяжении всей жизни: любовь к Богу, к стране, ее народу, к правде, верность Русской Православной Церкви, в которой он видел народную заступницу: “Иерархия не авторитетом связана, а союзом любви, поскольку она любит этот народ, печется о нем, и она, иерархия, становится хранительницей истины”.

Любите врагов ваших

Сравним судьбу отца Димитрия Дудко с судьбой Глеба Якунина – их арестовали практически одновременно. Глеб Павлович прошел лагеря и ссылку и был амнистирован в 1987 году. Отдавая должное его человеческому мужеству, нельзя не видеть, что деятельность бывшего отца Глеба уже много лет носит откровенно антирусский, антигосударственный и антицерковный характер. Отлученный Московским Патриархатом, он перешел в раскольничью Украинскую православную церковь; как общественный деятель борется с ксенофобией и антисемитизмом, выступает против военно-патриотического воспитания, защищает ученого Оскара Кайбышева, судимого за незаконный экспорт технологий двойного назначения. И в страшном сне не приснится батюшка в роли подобного диссидента, ненавидящего русский народ.

“Любите врагов ваших”. Если уж говорить о том, что дало батюшке лефортовское сидение, то это, смею думать, глубокое понимание и безусловное исполнение данной заповеди. “Умер мой следователь. Вздрогнул я, как-то неожиданно перекрестился. И как будто всё. Но проходит время, чувствую, рана не закрывается, болит. Что такое? Умер. А я мечтал встретиться с ним за дружеским столом, поговорить так, как говорили за следственным – теперь не придется. И даже слезы напрашиваются... Владимир Сергеевич умер. У меня больно сжалось сердце, ведь он был гораздо моложе меня. Я, может быть, думал, что он следствие ведет, играя, а тут, выходит, переживал, и переживание дало о себе знать. Я живу, а он умер, значит, он больше меня страдал... Бывшие друзья только обвиняли меня, а кто был дружески настроен – это чекисты... Судить легко, все вскрыется только на Страшном Суде”. Батюшка говорил: когда он умрет, первый, кто его встретит на том свете, будет его следователь Владимир Сергеевич Сорокин...

Заповедь “любите врагов ваших” в перестроечной России высветила для батюшки по-новому проблему свободы Церкви. В статье “Из выводов XX века”, опубликованной в 2005 году в “Нашем современнике”, Олег Михайлов вспоминал, как отец Димитрий в компании русских писателей почвеннического направления (а надо сказать, что он многих из них знал, крестил, окормлял) в 70-е годы бранил коммунистов за их гонения на церковь. Но вот пришла перестройка, прекратились гонения. И что же? Ведь многие нынешние священники, особенно принадлежащие к молодому поколению, считают, что свобода пошла на пользу церкви. Реставрируются и строятся новые храмы, открываются монастыри. Отец Димитрий, разумеется, не отрицал эти внешние успехи, но он опасался, “не заходят ли люди в нашу русскую Церковь, хотящие ее изнутри взорвать и разложить, оттого и реформаторы самодельные появились, оттого и устраивают христианский ликбез, думают этим поразить русскую душу. А не лучше бы им поучиться от мученического опыта русского человека? Как нужно исповедовать Христа, как в него веровать!”

Батюшка с огромной тревогой наблюдал разгул вседозволенности, которым сопровождался слом советской идеологии. Он увидел в так называемых демократах горбачевского и ельцинского призыва соблазнительей. “Если раньше оскверняли храмы, то сейчас оскверняют души. Что страшнее? Посмотрите на календарь – сколько новомучеников советского периода каждый день! Значит, мы среди святых. Поэтому надо, чтобы и жизнь наша была святой. А разве у нас она такая? Поэтому я смотрю на эту свободу как на страшный беспредел, ведущий ко всякому преступлению. Сравниваю по Евангелию: безбожники были наши враги. Но сказано: “Любите врагов ваших. Благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас”. А о соблазнительях что сказано: “Горе миру от соблазнов, ибо надобно придти соблазнам; но горе тому человеку, через которого соблазн приходит... А кто соблазнит одного из малых сих, верующих в Меня, тому лучше бы было, если бы повесили ему мельничный жернов на шею и потопили его в глубине морской” (Матф. 18, 6–7).

Те, кто обвиняют отца Димитрия в отступничестве от прежних взглядов, не хотят видеть, что батюшка был всегда поборником правды и ей никогда не изменял. “Ищите прежде Царства Божия и правды Его”, а то, что противоречило этой правде, он не мог принять: “Перед чем я могу смириться? Перед ложью не могу... Могу смириться перед тем, что понятно мне, что свято, что ведет к возвышению духа, – это значит, смирение может быть только перед

Богом... Ни к кому, ни к чему я не примыкал, кроме Церкви, не занимался и не занимаюсь бунтарским делом, и также не изменял и не изменяю принятому направлению, только меняю формы, смотря по обстоятельствам”.

Если уж сравнивать положение, в котором находился батюшка и его бывшие попутчики-диссиденты, то нельзя не отметить, что последние не без выгоды для себя использовали социально-политическую ситуацию, сложившуюся в стране после распада Союза. Их фронда находит поддержку у многочисленных неправительственных организаций, спонсируемых Западом. Строго говоря, либералы, которые вчера были не согласны с СССР, а сегодня – с Россией, всегда были согласны с Западом. А отец Дмитрий всю жизнь проходил в несогласных: при советской власти он боролся с атеизмом, а после нее – с теми, кто разрушает базовые ценности, на которых стоит страна, кто подрывает моральные устои общества, размывает православие, ослабляет Церковь, унижает русский народ, уничтожает Россию. За это он, конечно, не получал ни бонусов, ни грантов, ни премий, которыми Запад щедро одаряет правозащитников и прочую либеральную оппозицию. То, как жил батюшка материально, достатком можно назвать только с известной натяжкой. Скромна была и его квартира, которую он утеснил, превратив одну из комнат в домашнюю церковь. А в остальных двух и в тесной прихожей до самого потолка – книги, книги...

Средоточием интересов отца Дмитрия, целью его многотрудной деятельности всегда был человек, а сказать точнее, спасение человека для жизни вечной. За сорок с лишним лет своего служения батюшка крестил десятки тысяч, он звал ко Христу, проповедуя Слово Божие с церковного амвона, на беседах в квартирах своих духовных чад и библиотеках, куда его приглашали, со страниц сорока четырех написанных им книг. Он радовался, когда крещенные все чаще стали принимать члены КПРФ: “То, что коммунисты отменили атеизм и идут к Церкви, пусть и со своими некоторыми лозунгами, что они уже направились к Богу, это надо приветствовать, забыть всё и встречать их как братьев. И то, что коммунисты не смотрят на Запад, это показывает на их укорененность в этой земле”.

Священник и генералиссимус

У отечественных либералов неприязнь и прямую враждебность вызывает не только изменение отношения отца Дмитрия к чекистам и коммунистам (батюшка был доверенным лицом Геннадия Зюганова на выборах в Государственную Думу), но, прежде всего, его оценка Сталина – она противостоит всем бесплодным попыткам десталинизации российского социума.

Из наших церковных деятелей он, пожалуй, больше других размышлял над феноменом Сталина.

*Я вас согласен почитать
И даже славить, но не в силах,
Когда слепая ваша рать
Гуляет буйно на могилах.
Какой из ада страшный плач
Несется: умерли в неверье.
И вы мне кажетесь палач,
Их погубивший, самый первый.*

А вот другая цитата:

“Он и отец родной был. Заботился о народе. Ну, и как отец наказывал. Сажал! А что, преступников надо наказывать. Вот сейчас не наказывают, и – видишь, что происходит. Грабят и убивают на каждом шагу”.

Обе цитаты принадлежат Дмитрию Дудко. Обе о Сталине. Первая вышла из-под его пера в 1944 году. Вторая – через 33 года – в 1997-м.

Эта диалектика отношения к Сталину буквально по Гегелю: отрицание отрицания. Подчеркну: она пережита в личном опыте, а не в умозрении, пережита человеком, который восемь лет отсидел в сталинских лагерях. Дудко вслед за патриархами Сергием, Пименом, святым архиепископом Лукой назвал Сталина “богоданным вождем”. Кстати, и Александр Зиновьев, в шестнадцать лет оказавшийся на Лубянке по подозрению в подготовке покушения

на вождя, прошел тот же путь. Цитирую: “Во главе России стоял Сталин, которого я считаю гениальным государственным деятелем и великим политиком XX века”.

С этими словами философа перекликается высказывание отца Димитрия: “Не сразу Сталин осознавался как Русский Гений, не случайно он обладал скромностью и безсребренничеством, нравственными устоями. Нам, Православным людям, испытавшим гонение за Веру, нужно забыть обиду, как и подобает христианам”.

В 1999 году, основываясь на обнародованных Владимиром Крючковым документах, касавшихся отношения ЦК ВКП(б) к церкви и подписанных в 1933-м и 1939 году Иосифом Сталиным, отец Димитрий опубликовал в “Нашем современнике” статью “Он был верующим”. Утверждение многим показалось неожиданным, однако со временем находится все больше аргументов, заставляющих усомниться в том, что вождь мирового пролетариата был убежденным атеистом.

Образ Сталина занимает заметное место в литературном творчестве отца Димитрия Дудко. Он герой ряда его произведений. Сталину посвящен отдельный рассказ-притча “Посмертные встречи со Сталиным”.

Центральное место рассказа – встреча на том свете Иосифа Сталина и Николая Романова: “Когда Сталин увидел, что перед ним во всем мученическом величии царь Николай Второй, он сначала загородил рукой свои глаза, потом открыл их, протер и тут же бухнулся в ноги”.

Это акт покаяния и акт взаимного примирения. “Знаю, – говорит государь Сталину, – как ты старался сохранить страну как империю. Вот нет тебя, и всюду развал”. Что означает это взаимное примирение? Оно символизирует соединение двух исторических путей России: православной монархии и социалистической империи. “Как бы то ни было, – пишет отец Димитрий, – коммунистическое движение на русской земле – это часть русской истории, и отбрасывать этого нельзя”. Надо сказать, что батюшка все годы своего служения – в домашних молитвах, на молебнах, в которых участвовали его духовные дети, всегда молился Николаю II как святому мученику. Тогда на это решались немногие священники. И то, что он устроил первую в нашей литературе встречу православного государя и вождя красной империи, имеет глубокий смысл: это образ не просто примирения, это образ соединения двух русских держав: царской и советской. Отец Димитрий, в данном случае как художник, показывает необходимость такого соединения и заставляет нас размышлять о нем в историческом и социально-политическом аспектах.

“И о чудо!..” – о батюшкином обществе трезвости

Отец Димитрий не знал праздности. Мне довелось в течение 37 лет слышать его голос, и никогда в нем не было расслабленных нот или ленивых интонаций. Голос, как и дух его, всегда был бодр. Сколько отводил на сон этот величайший труженик? Дай Бог, часа четыре в сутки, да и то урывками. Когда ему говорили: “Батюшка, вы бы отдохнули”, он обычно отвечал: “Отдыхать будем на том свете”. Представим день отца Димитрия: едва рассвело, батюшка читает утреннее молитвенное правило, затем правило, которое священник читает перед Божественной Литургией, потом служит в храме. Отшла обедня – его окружают духовные чада, прихожане, у каждого или вопрос, который надо решить, или спросить совета. За трапезой – беседы, преимущественно на религиозные темы, но затрагиваются и вопросы семьи, брака, литературы, общественные проблемы. После трапезы батюшка перебинтовывает ноги – автомобильная катастрофа дает о себе знать – и прикладывает на кушетку в своей комнате. Приглашает к себе тех, кто с ним хочет говорить, или с кем сам хочет побеседовать. К нему постоянно кто-то приходит, непрерывно раздаются телефонные звонки. Он всегда с людьми, от него невозможно услышать: “Я сейчас занят, позвоните или зайдите в другой раз”, – даже если он пишет проповедь к завтрашней службе, работает над книгой или сочиняет очередное стихотворение. На прогулке он редко гулял в одиночестве.

Вспоминает Михаил Петрович Лобанов: “Днем мы, прогуливаясь с ним по берегу Москвы-реки, удивительно широкой здесь, разговаривали на разные темы, для меня он был Дмитрием Сергеевичем, чуть не коллегой по литературе. После вечернего богослужения, трапезы с участием большой группы

молодежи, мы отправились на ночлег. Я лежал на диване, а за перегородкой стоял отец Димитрий и полушепотом читал молитвы... И вот теперь, слушая за перегородкой молитвы отца Димитрия, я почувствовал недостижимость его для меня, и все наши недавние дневные разговоры были как будто с другим человеком. Было уже за полночь, глаза мои слипались, одолевал сон, я со все меньшим вниманием прислушивался, а он все молился, молился..."

Можно сказать, что жизнь батюшки состояла из молитвенного общения с Богом и общения с людьми, которых он стремился привести к Богу. Отец Димитрий использовал каждую возможность живого общения с человеком. С началом перестройки, когда народ стал широко интересоваться вопросами веры, а власти перестали навязывать атеистическое мировоззрение, перед батюшкой открылись читальные залы некоторых библиотек: его туда приглашали для бесед с читателями. Приходили десятки и сотни посетителей, чтобы послушать священника, задать вопросы. В головах у совпросников отца Димитрия нередко была путаница. Объяснялась она не только тем, что в стране десятки лет правил атеизм — в страну хлынули проповедники всех мастей, принадлежавшие к самым различным конфессиям: католики, сектанты, буддисты, кришнаиты, язычники... Сегодня Патриархия требует от священников работы с молодежью, чтобы она не попадала в тоталитарные секты, вела здоровый образ жизни. А батюшка вел эту работу всегда, не дожидаясь указания от церковного начальства. Встречи в библиотеках начинались с процедуры, ставшей по существу обычаем: батюшка записывал тех, кто впервые пришел на его беседы, в общество трезвости. Вступили в это общество тысячи — поскольку встречи в библиотеках проходили практически каждую неделю в течение многих лет. Отец Димитрий не отказывался от этих встреч, даже тогда, когда силы стали его покидать, и приходил на беседы уже глубоко больным. Они прекратились только тогда, когда болезнь уложила его окончательно в постель.

Все духовные чада батюшки, разумеется, были записаны в это общество. Кто-то брал обязательство не пить год, иной — всю жизнь. Смысл воздержания от спиртного был не только в личном подвиге, это было еще стояние за други своя, по слову Апостола: "Если мясо соблазняет брата моего — не буду есть мясо вовек". Конечно, батюшка, любя русский народ, не осуждал его за пьянство, но это не означало, что с самим грехом, к которому склонны наши соотечественники, он мирился. Да и не мог мириться, поскольку сказано: "Блудники и пьяницы Царства Божьего не наследуют". И он молился за всех членов общества трезвости. Тому, что молитвы его были услышаны, есть много свидетельств. Вот одно из них. Пишет раба Божия Лидия:

"Отец Димитрий объяснял нам, что наше дело — это воздержание от алкоголя и курева, а его дело молитва за выпивающих. И о чудо! Прошло 3–4 года — мой муж перестал не только пить, но и курить. Муж живет в деревне по семейным обстоятельствам (его мама 88 лет плохо видит). Я очень переживала о том, что все друзья там, в деревне, пьют. И, о чудо! Все в деревне удивляются и спрашивают мужа: "Как это ты так с собой справляешься — у нас тут уже все мужики спились. А супруг мой не ходит в храм, не молится и отвечает им, что и сам не знает, как это у него получается. Я же с тех пор, как взяла обет за него, перестала на него ругаться, спорить с ним, злиться, а главное — обет помнила и не нарушала его".

* * *

Отец Димитрий Дудко всегда жил одной судьбой со своей страной. Голод, оккупация, фронт, тюрьмы, лагеря — то, что было пережито народом, прошло и через его сердце. И в сердце его всегда горел чистый пламень православной веры, из него постоянно возносилась горячая молитва Богу: "Господи, не могу судить мой народ, не суди его и Ты. Прости его за муки, вольные и невольные. Великомученик мой народ — он свят. Он кается в своих грехах, я не раз слышал: "Какие мы люди теперь..." Ты смиренным даешь благодать. Дай благодать моему народу, очисти его, убели. Да будет свят! А я дерзну назвать его святым, великомучеником".

Верю, что в Царстве Небесном такими словами молит Христа Бога обо всех нас священник Димитрий Дудко.

“РУССКОЕ ЭХО РАЗНЕСЁТ”

Книга “Жрецы и жертвы Холокоста”, публиковавшаяся в 2010 году в журнале “Наш современник” и изданная в расширенном объёме издательством “Алгоритм” в 2011 году, вызвала поток писем, отзывов, размышлений. В редакцию пришло более ста отзывов, и все они в той или иной степени разделяли и дополняли взгляды автора книги. Мы публикуем наиболее интересные и содержательные из них.

Дорогой Стас!

“Вызываю огонь на себя...” – эти твои строки впервые я прочитал, кажется, в 1987-м, в сборнике, посвящённом памяти Юрия Ивановича Селезнёва. Возможно, ты их написал и раньше, и для начала только о себе, о своём, – не знаю. Но так они прямоком отнеслись к безвременной кончине нашего друга, что я с тех пор называю это стихотворение “селезнёвским”.

Теперь же оно всё более становится – по смыслу, которые с тех пор открылись, – и твоим. Всё больше возвращается к тебе самому. “Но шарахнулись вдруг от меня. – Адским пламенем, – шепчутся, – пахнет...”

Но мы-то, сам знаешь, не шарахнулись ни тогда – от Селезнёва, ни позже – от Кожина. Ни от Шафаревича, ни от Лобанова. Ни от тебя, мой друг.

Хотя “Жрецов” я читал и в журнале, но теперь важно было заново, сразу же всё перечитать. И всё снова увязалось в неразмыкаемый узел, смысловый и композиционный. Как же многое открылось со времён вечера “Классика и мы”! И как многое из этого разрозненного, до поры утаиваемого ты собрал и сопоставил впервые – от Навина и Амана до сектора Газа и до сегодняшних воплей и визгов, с требованием всем-всем: “Немедленно поклонитесь идолу всесожжения!” Особо для себя выделяю главу книги, которую ты назвал “Косматые сердца”. А в ней – свидетельства, касающиеся некоторых почти никому ещё неизвестных, особенно среди молодых поколений, подробностей Второй мировой. Иные из этих подробностей своим вопиющим несоответствием официальным историографиям поистине леденят душу! Вот, думаешь, почему, стремясь заглушить эту правду о самых тайных подоплёках войны, так исходят криком “жрецы”.

Думаю, сегодня уже многие миллионы думающих людей в России досадливо морщатся, слыша их истерические вопли. Но делают так, по самым разным причинам, молча. Это не обязательно “страха ради иудейска”. Кто-то терпеливо полагает, что никакая истерика не может длиться долго: мол, накричатся и угомонятся. Но истерической визготни, как мы видели, достаточно бывает, чтобы поднять на дыбы целые народы, великие армии, захлебнуть в крови не одно поколение людей. Истерика заразна, в её слюне – вирус провокации. Разве евреи не заразили надолго этим своим вирусом ярости и арабов? Разве не пытаются заразить и всех нас?

Ты свою книгу написал и от имени этих русских миллионов, до сих пор молчащих. Но уж они, надеюсь, случись что, не отшарахнутся от тебя. Ты высказался от имени этого думающего русского большинства, и никто из него не встанет и не заявит по чьей-то указке: “Я его не читал, но я с ним не согласен, я от этого Куняева отказываюсь”.

Не может не озадачивать другое молчание – со стороны самих “жрецов”.

Не думаю, что ты слишком многих из них усостыдил, и что их молчание – от пристыженности. Хотя есть, наверное, и такие, как есть и среди уже известных еврейских писателей, журналистов люди совестливые, и ты на их мненья с воодушевлением и часто ссылаешься. Таких и не может быть сегодня много. Слишком долго, в течение тысячелетий их предки воспитывались в духе расового самопревознесения над остальным человечеством. Не устыдили их ни Христос, ни революционные лозунги “равенства и братства”, которые они сами же при нужде вдалбливали в головы “гоев”. Они и сегодня с высоких трибун призывают простецов к толерантности и страшат их ксенофобией, оставаясь при том образцово нетерпимыми и кастово брезгливыми.

Думаю, молчание этих господ – штука зловещая. Их мстительность ищет исхода. Что там мелкоплавающие М. Дейч и С. Резник! Ты содрал драпировки слишком со многого, чтобы не заклацали клыки и у матёрых, верховенствующих особей.

Друже мой Стас, не мне учить тебя мужеству! Оно у тебя – от наших с тобой отцов – блокадников Ленинграда. Но оно у тебя и от всего нашего великого исторического Предания – от митрополита Илариона, решительно противопоставившего Христову Благодать ветхому Закону; от Иосифа Волоцкого, вступившего в единоборство с ересью жидовствующих; от гоголевского полковника Тараса Бульбы; от Фёдора Достоевского с его пророческим “Еврейским вопросом”; от Иоанна Кронштадского и Михаила Меньшикова, от наших с тобой незабвенных Юрия Селезнёва, Вадима Кожинова, Эдуарда Володина, Сергея Лыкошина.

Ты сам помнишь, как говорит апостол Павел, отрекшийся от своего кастового фарисейства и воскрешённый Христом к истинной вере: “Братья, бодрствуйте, стойте в вере, мужайтесь, утверждайтесь. Всё у вас да будет с любовью”.

И, напоследок, Стас, благодарность тебе за слово правды от многих моих ближних и друзей, кто уже прочитал “Жрецы и жертвы Холокоста” – сначала в журнале, а теперь и в книге!

Обнимаю!
Юрий Лоциц
12 сентября 2011 г.

Уважаемый Станислав Юрьевич!

Эту книгу Вы были обязаны написать по многим причинам, и прежде всего потому, что каждый настоящий поэт – сколок национальной истории и не может обойти её самых трагических и героических страниц.

В теме “Россия и евреи” обозначил себя и А. Солженицын, всю жизнь грезивший славой и мировым авторитетом Фёдора Михайловича Достоевского, но, увы, всё же лишённый его бескорыстия и уровня его совестливости.

В компилятивном и всё же пропагандистском “Архипелаге ГУЛАГ” эта тема представлена, хотя и весьма условно. Солженицын попытался тоже дать более развёрнутый взгляд на проблему и офилософить её, но этого не получилось, поскольку Солженицын был и остался преимущественно в потоке диссидентских замыслов.

Не думаю, что Ваша книга является полемической по отношению к Солженицыну, но как раз она и выявляет, что именно Вы – крупнейшая фигура русской литературы (шире – русской сопротивленческой культуры) конца XX – начала XXI века.

Вы знаете, что Скобелев относится к тем русским литераторам, которые в полной мере осознают смысл и содержание “еврейского вопроса” вообще и на нашей земле в частности, не упрощая его выпадами ответной мести (что было бы тоже вполне понятно, объяснимо и даже простительно) и не сводя

всю сложность вопроса к национальному или расовому противостоянию, но, напротив, рассматривая в контексте главных трагедий мировой истории.

Как Ваш давний читатель и как писатель, всё же научившийся отличать подлинное от задрапированного в пёструю рекламу, я принимаю Вашу работу с восторгом и не имею ни единого замечания. Тема, содержание, композиция, масштаб мысли в прозе и поэзии, — такие работы случаются крайне редко. Это уникальные работы. Это шедевры, которые сразу становятся частью национальной и общечеловеческой культуры.

Даются они очень непросто, особенно когда в лицо пышет жаром отворённой печи крематория, а за спиной улюлюкают и воют существа, которые хочется назвать исчадиями ада, — куда они нас зовут, что предрекают, чем грозят?

Ваша книга открывает бездну безнадёжности и в то же время даёт надежду, — что тут критиковать?

Но за пределами книги у меня, конечно, есть свои замечания, затрагивающие не Ваш талант, а нашу общую трагедию, ибо “холокост” — это зловещая долгоиграющая пластинка, она сочинялась и фабриковалась не одно десятилетие и ещё приведёт в действие такие силы зла и коварства, в сравнении с которыми и фашист Муссолини, любивший потчевать своих соперников сильным слабительным, и арийский маг Гитлер, вообще не терпевший оппозиции своим решениям, покажутся забавными сказочными персонажами.

В целом для Вас мои замечания ничего нового не означают, но для читателей Вашей книги мои опасения, будь они услышаны, принесли бы несомненную пользу.

Первое, что меня беспокоит: Ваше непреклонное желание при любом повороте событий сохранить высшую объективность, сговорчивость или, может, даже то “прекраснодушие”, которое ставил в вину русским людям, особенно за неподатливость на агитацию, один хитрый и тонкий политик, с упорством заядлого шахматиста калькулировавший каждую ситуацию.

Книга Ваша правдива, документирована и неслышанно объективна, но Вы прекрасно знаете, что агрессивный сионизм даже не приподнимет почтительно черную шляпу. И только гуще и омерзительнее плюнет.

С какой стати мы должны быть в положении оправдывающихся? Мы убивали еврейских царей и лучших слуг их Отечества? Мы грабили их страну и спаивали их народ? Мы глумились над их женщинами? Мы дурачили их общество, устраивая государство в государстве, где издевались над всем почвенным?..

Эти вопросы я мог бы продолжать на десяток страниц...

Второе, с чем мне сложно согласиться: Вы фактически пропагандируете “еврейскую карту”, прекрасно зная, что одна из целей всей трескотни о “холокосте” — попытка запугать и евреев, и европейцев, чтобы уже никакая Германия не могла соблазниться перспективой упразднения еврейской гегемонии.

Но это вовсе не зловещий театр и не набор чепухи, рассуждая о которой, любой человек теряет свою разумность.

“Холокост” — это единственно возможный в настоящее время способ обеспечить идеологическое прикрытие очередного витка всемирной сионистской агрессии.

Сегодня — по разным причинам — они не в состоянии выдать какую-либо притягательную химеру, тогда как прежние превратились в глыбы растаявшего льда. Как, например, глобальная махинация с мировой валютой, главным источником вербовки союзников, поскольку они всегда действуют чужими руками.

“Холокост” более всего предназначен для удержания всего еврейства в состоянии мобилизационной готовности.

Ставить на противоречия между сефардами и ашкенази — ошибка. Однако противоречия в сфере безопасности будут обостряться. Израиль создан, но рассеяние остаётся, в нем залог паразитарного успеха, от которого не откажутся.

Но евреи — как управляемая масса — переживают этап нарастающего кризиса: ухудшается баланс как в области их безопасности, так и в области их бизнеса.

Всем евреям известно, что израильская “шантрапа” давно бы рискнула начать ядерную войну. Но “мировое правительство” и гроссмейстеры главных западных масонских лож прекрасно понимают, что этот лишний “напряг” мо-

жет завершиться потерей сионистской гегемонии в США и ведущих странах Европы.

Поэтому они настоятельно “рекомендуют” Израилю дожидаться более удобного случая, а пока вести пропаганду, будто “враги евреев” замышляют ядерный “холокост”.

Ярмо устаревшей религии и философии жизни удерживать уже невозможно даже при помощи ссылок, что еврейский бог вот-вот выполнит свои обязательства, и жизнь всех евреев станет райской, поскольку все остальные народы будут у них в рабском услужении.

“Холокост” означает и то, что в сионистском стане всерьёз взвешивают возможности и самые трагические последствия мировой термоядерной войны в случае, если всё пойдёт по самому нежелательному сценарию.

Раскол в еврейском народе уже есть, и этот раскол не помогут преодолеть никакие “холокосты”. Напротив, нарастает особая форма изоляции еврейства повсюду в мире, поскольку сионистские претензии становятся совершенно невыносимыми, в том числе и для евреев, которым не верят, которых подозревают, которых обвиняют, имея свои резоны.

Вы выступили со своей замечательной книгой именно в это роковое время. Не поддаваясь ни оскорблению, ни обидам, Вы ещё раз протянули дружескую руку как христианин, как благородный человек, как выдающийся деятель русской литературной культуры, мягко предлагая опаматоваться, осознать допущенные ошибки и покаяться, освобождая душу для нового исторического полета.

Вами совершен подвиг. Но, увы, он не будет признан ни сегодня, ни завтра, поскольку “холокост” требует “жестокости”, непримиримости и полной слепоты.

Но Вы верите в послезавтра. В это же верю и я. Придет подлинный освободитель еврейского народа, который не соблазнится ни хищениями чужой собственности, ни развратом, ни завистью, ни тщеславием. Именно он и выведет народ из духовного гетто, в которое его посадили искренние в своей мелкокалиберности жрецы многочисленных химер. Может быть, евреи в числе первых поймут, что **все народы должны сойтись в равноправной общине, чтобы предотвратить гибель земной цивилизации**, что богатство — не в деньгах и собственности, а в щедрости совершенной души, в незыблемости её высших духовных ценностей, умиротворение и радость — не в эксплуатации более слабых, а в личном посильном труде каждого, в раскрытии личных талантов и способностей, которое необходимо и ближним, и дальним, и было бы встречено с восторгом и признанием.

Ожидает пиршества в чужом доме только обречённая и нищая душа.

Порицает национализм только тот, кто лишен любви к драматической всегда истории своего народа, кто ждет от националиста не солидарной поддержки, а подлости и преступления.

Да, не только возможная, но и неизбежная это штука — бумеранг ненависти, преступления, зла.

Но кто сказал, что не возвращаются к нам проявления искренней любви, восторженного признания чужих заслуг, прощения оступившегося?

Короче говоря, Вы пытаетесь уберечь еврейство от губительного шага, как это делают Ходос, Шамир и немногие другие. Потому что знаете, что **сионистская авантюра в сущности точно соответствует аванюре нацистской и принесет бедствия прежде всего миллионам неповинных.**

И это потому, что нацисты и сионисты прежде всего мистики, химеристы, однако достаточно изошёренные, чтобы побуждать других таскать для себя каштаны из огня.

В кошмаре “холокоста” нет места разуму, Вами точно сказано о “коллективном помешательстве”. Что ж, это тоже известный факт: всякая оккультнистская галиматья неизбежно вызывает паралич высших достижений разума. И разве можно спросить с интернета за роковые шаги и действия?

Как прежде марксизм, нацизм, так и нынешняя доктрина “холокоста” приближают мир к необратимым потерям. Просто поразительно, что за всем этим стоят воспалённые еврейские умы, способные возбуждать, но бессильные оплодотворять и нести добро.

Но ведь и объяснимо: это неизбежное следствие необоснованных амбиций, самолюбования (“избранность”) и сугубо шахматных калькуляций.

Не только русский, но решительно каждый действительно значительный современный литератор должен глубоко осознавать те главные клубки противоречий, которые ведут человечество не к расцвету и благоденствию, а к унылой серости, соперничеству и гибели.

И, конечно, главный источник противоречий – не столько экологическая дикость, не столько энергетический или продовольственный голод, сколько химеры самых влиятельных кланов в динамичных государствах. К этим химерам, конечно же, следует отнести и “холокост”.

Русские потеряли с 1917 года не 6 миллионов, а почти 100 миллионов и, говоря по справедливости, должны были бы уже выставить счет главным извергам, замыслившим технологию революций для обмана, насилия и захвата собственности и власти в чужих государствах.

В Вашей книге, Станислав Юрьевич, содержатся все возможные варианты развития событий. Так что эта книга должна быть прочитана каждой семьей, особенно еврейской семьей, по существу, главным героем Вашей книги.

Вся сложность вопроса: как объединить евреев на новых принципах, не допуская раскола, вызываемого психическими недугами из-за ложного понимания действительности. Они имеют склонность к системным построениям химер, откуда выход возможен только для героических единиц.

Пора понять, что для “сверхчеловеков” нет нации, родного дома, всё это неизбежно заменяет головная политическая доктрина. Но вся беда в том, что и правдоподобной доктрины сегодня нет, персонажи компьютерной дьяволиады беспомощны там, где нет порнографии, преступности и пустой трепотни.

Среди современных глобализаторов нет ни единого, кто реально бы понимал, что глобализация **неизбежно завершится интернационализацией всех капиталов и всей собственности**. Скорее всего, в ядерном апокалипсисе.

“Холокост” – это установочная попытка затормозить движение еврейства к общечеловеческой морали. Идеальной была бы новая редакция какого-либо “изма”, но воображение уже иссякло, время химер, способных дурачить миллионы, миновало.

Однако победоносный напор, с которым агрессивный сионизм протолкнул в ряде стран “холокост” в виде юридической нормы, говорит о том, что главные жрецы “холокоста” чувствуют свою силу.

Но при этом, конечно, самообольщаются, как дети, мечтающие попутешествовать и получившие в подарок игрушечный автомобиль.

“Холокост” не усиливает, а ослабляет еврейство. Все ясно теперь видят, что крики против национализма выявляют яростный национализм самих крикунов. Но кто же в этих условиях допустит, чтобы лукавые и близорукие “холокостники” управляли ходом исторических событий во всём мире?

Вы, Станислав Юрьевич, затрагиваете самую суть проблемы, когда говорите (стр. 318): “От страха за судьбу проекта государства Израиль у еврейских историков сегодня просто “крыша поехала”.

Не только у историков. Вот почему **всё больше евреев по всему миру считают, что доверять свои судьбы им сегодня просто некому**. И такая ситуация мне очень понятна.

Если бы я писал статью о Вашей книге, я бы её назвал “Спасет добро, а зло – погубит”, поскольку Вы мудро указали на три возможных решения, каждое из которых, увы, невозможно реально.

Но уже устремлен некий пророческий взгляд на ситуацию, и многие из её активных пособников уже лишены всякой действительной силы. Это тоже “мистика”, но мистика психологической, т. е. первоприродной правды, которую всё же мы находим в древних откровениях, подпирающих книги Моисея.

Вы, как и немалое число других благородных русских людей, сеете, не жалея зёрен, уповая на доброе чудо. Израиль на доброе чудо уже не уповает: он сеет только ради обильной жатвы, максимально используя чужой труд, чужую мысль, чужое озарение.

Но главные жрецы признали факт: у Израиля ещё есть политурики, но уже нет тех, кто готов слушать их пожелтевшие конспекты, есть оружие, но уже нет тех, кто бы не сомневался, что оно доставит нужное решение, у Израиля есть коллективная воля, но нет лидера, который бы выразил её так, чтобы сомкнуть с волей остального человечества.

Они упрямо пойдут дорогою “холокоста” и проиграют, окончательно убедившись в том, что всякая тирания и ненависть – это непреложный бумеранг зла.

Тот, кто итожит плюсы и минусы наших деяний, определит и время, когда весы, качнувшись, уже навсегда опустят одну из чаш...

Ваша книга помогает глубоко понять и т. н. “русские революции” 1917 года, и трагедию Первой и Второй мировых войн, и суть “перестройки”, и нынешние тернии истории России, больше того — всего “постсоветского пространства” и несчастного мира, вовлечённого долларом и купленными СМИ в безумие тотального коллапса.

Это книга высочайшей культуры.

Ведь что такое культура? Это, прежде всего, **ясное понимание опыта общей и национальной истории**. С этой единственно перспективной точки зрения мы обязаны признать, что абсолютное большинство восходящих на Олимп власти практически бескультурно, вследствие чего те, кто постоянно контролирует власть и держит на разном расстоянии от неё уже готовые “кадры” новых “царедворцев” (на любой вкус), тотчас же и забирают в полон ум вождей, идеологически будто бы настраиваясь на их волну, но путем незаметных для глаза правоверного, но сытого вельможи или сатрапа махинаций обращают волю правителей в волю, осуществляющую чуждые им интересы, внешне как будто прекрасно учитывающую мировую конъюнктуру; пособники махинаторов за рубежом постоянно делают шаги и заявления, позволяющие “окружению” всё основательней брать в свои руки вроде бы и искренних, но бескультурных национальных вождей, чаще всего решающихся на роковые поступки в силу того, что они не видят выхода из навязанных им галлюцинаций.

В заключение ставлю один крошечный вопрос из шести миллионов, которые можно было бы поставить.

Вы, конечно, великолепно помните пущенный ещё в прежние времена нашими недоброжелателями анекдот про зайца, который бежал по лесу, спасаясь от “хозяина леса”, который рубил уши, чтобы их посчитать...

В середине августа 2011 года палестинские партизаны совершили нападение на израильский патруль со стороны египетской границы. Горя чувством мести, израильтяне бросились вдогонку, нападавших не обнаружили, но натолкнулись на египетских пограничников и тотчас же расстреляли их.

Возник скандал, грозящий срывом всех “договорённостей” между смещённым ныне Мубараком и Израилем при “посредничестве” США. Не знаю, чем завершится инцидент и не желаю драматических последствий, но прошу зафиксировать для новых изданий Вашей книги неоспоримый факт: менталитет нынешних сионистов, взбодрённых тем, что они оседлали несколько великих наций и используют их ресурсы в своих эгоистических целях, приобретает всё более опасный характер: **они готовы на непродуманные действия**.

Или еврейский народ в целом одобряет эту роковую неустойчивость реакции временных “победителей”?..

С неизменным почтением
Э. Скобелев, г. Минск

Отзыв о книге С. Ю. Куняева

Есть мелкие вопросы, относительно которых с автором можно было бы поспорить. Но с основной идеей книги я совершенно согласен.

Если была в XX веке Катастрофа исторического масштаба, то она случилась с русским народом. Всё время правления большевистской партии в СССР проводилась антирусская политика, вылившаяся в прямой геноцид русского и украинского народов. Это и понятно, ведь большевистская партия была создана на интернациональной, а по сути космополитической основе и прокламировала свою антинациональную политику. А поскольку Россия была всю свою 1000-летнюю историю национальным государством и русские (включая украинцев и белорусов) были в ней государствообразующим народом, такая политика не могла не вылиться в геноцид русского (включая и украинский и белорусский) народа.

Всё это время (последствия мы видим и сейчас) слова “русский” и “Россия” были под запретом. Даже в школе проходили не русскую историю, а “Историю СССР” Литература на русском языке называлась советской, а не русской, хотя официально признавалось существование грузинской, армянской,

литовской, латышской и т. д. литератур. Я помню, что в Конституции СССР (“брежневской”) слово “русское” избегалось как неприличное.

В физическом уничтожении русского народа, начиная с русского царя и кончая высланными на Крайний Север крестьянами, большевики опирались на национальные меньшинства. В книге со ссылками, на, в подавляющем большинстве случаев, внушающие доверие источники, показывается роль, которую играло еврейское национальное меньшинство.

И. Шафаревич, Москва

Её невозможно прочесть на одном дыхании

Книга С. Ю. Куняева “Жрецы и жертвы Холокоста” (М., изд-во “Алгоритм”, 2011, 384 с.) производит неизгладимое впечатление. Впечатление мощное, глубокое, обжигающее... “Страницы моей новой книги, когда я их писал, обжигали мне пальцы”, – такое высказывание удалось мне услышать от Станислава Юрьевича в октябре с. г.

Книгу невозможно прочесть на одном дыхании, как нельзя на одном вздохе погрузиться без акваланга на большую глубину. Системный анализ различных (порою враждебных) источников, поражающее знание истории изучаемого вопроса и библейских текстов, умение отделить правдивые факты от истерической клеветы, остроумное высвечивание противоречивости многих высказываний с их претензией на истину – всё это и многое другое создает упоительность сотворчества с автором и порождает доверие к его непостижимому труду. Труд явно по Промыслу Божьему. Многие после прочтения этого труда я открыл для себя впервые.

Оказывается, в Израиле нет конституции, а есть Ветхозаветная демократия (с. 96). Любопытна информация об историческом разделении евреев на ашкенази и сефардов. Интересен анализ национализма – немецкого и еврейского: их объединяет больная Гордыня (с. 100). Карл Маркс во всех еврейских энциклопедиях считается антисемитом за его знаменитые слова о том, что “деньги являются ревнивым Богом Израиля” (с. 195). Сионизм признан формой расизма (с. 198) – таково решение 37-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в 1975 году, однако во времена всемирной исторической суматохи в декабре 1991 года эта резолюция была дезавуирована. Удивительны письма из Израиля в Россию православного еврея (с. 179). Невыносимо читать главу VIII. Когда не хватает дыхания, автор, щадя читателя, дает ему передышку, например, приводя свою блистательную полемику с позицией академика Сахарова (с. 215) или даже прибегая к юмору, сравнивая рядом расположенные христианское и еврейское кладбища в Калуге (с. 91), а также достаточно карикатурно представляя футбольных болельщиков – фанатов (с. 219).

Итак, Холокост и чем он отличается от геноцида? Во многих странах Европы даже написание этого слова с маленькой буквы преследуется законом, не говоря уже о попытке пересмотреть количественные данные о еврейских жертвах во Второй мировой войне. Холокост – новая религия взамен Христианства (с. 188). Холокост – новый поворот в утверждении об избранности библейского народа. Холокост в наши времена становится орудием политической борьбы и успешной бизнес-индустрии (с. 288). Главу VI “По заветам Иисуса Навина” автор начинает суровыми словами с последующей по тексту убедительной аргументацией: “Когда жрецы Холокоста утверждают, что он уникален, непознаваем и неповторим, что он случился в XX веке и ничего подобного в грядущем уже не будет, они лукавят, обманывая доверчивых гоев, дабы ошеломить их таинственным величием новой религии, которую умом не понять и в которую можно только верить”. И через много страниц (с. 188) приводит отзыв православного еврея на свою книгу с таким авторским комментарием: “Вот истинный ответ на лукавую попытку заменить самопожертвование Христа безблагодатным жертвоприношением “стада баранов”, как пишет Норман Финкельштейн”.

Жуткое впечатление производят материалы главы XIV об израильско-палестинской войне. “Даже самые произраильские наблюдатели ООН после короткого пребывания в Святой земле становятся сторонниками палестинцев”, – таков итог военных преступлений израильских войск.

Книга С. Ю. Куняева носит характер многогранного и глубоко научного исследования с созданием цельной картины исторического явления, именуемого Холокостом. Подкупает заключение автора: “В полной мере своего собственного взгляда на предмет исследования мне выработать так и не удалось”. Многие читатели будут наверняка солидарны с автором с его благодарением Богу нашему за то, что “были и ещё есть честные евреи — мыслители” (с. 102), которые стараются объективно отражать историю библейского народа, особенно в связи с масштабными событиями нашего времени.

Вне сомнения, книгу украшает цикл стихотворений 70-х годов, в которых автор “попытался понять, почему восточноевропейские жертвы Холокоста, поселившись в Палестине, переродились в беспощадных колонизаторов и строителей “нового мирового порядка”. И вместе с тем Станислав Юрьевич, стараясь сохранять нейтралитет, дает интересную полярную трактовку одному очень емкому понятию — родная земля (с. 374 и с. 380).

*Когда-то племя бросило отчизну,
её пустыни, реки и холмы,
чтобы о ней веками править тризну,
о ней глядеть несбыточные сны.*

*Но что же делать, если не хватило
у предков силы родину спасти
иль мужества со славой лечь в могилы,
иную жизнь в легендах обрести?*

*Кто виноват, что не ушли в подполье
в печальном приснопамятном году,
что, зубы стиснув, не перемололи,
как наша Русь, железную орду?*

*Кто виноват, что в грустных униженьях
как тяжкий сон тянулись времена,
что на изобретеньях и прозреньях
тень первородной слабости видна?*

*И нас без вас и вас без нас убудет,
но, отвергая всех сомнения рать,
я так скажу: что быть должно — да будет! —
вам есть где жить, а нам — где умирать...*

.....
*Я вспомнил про русскую долю,
которая мне суждена, —
смирять озверевшую волю,
коль кровопролитна она.
Очнитесь! Я старую рану
не стану при всех растравлять,
и как ни печально, — не стану
свой счет никому предъявлять.
Мы павших своих не считали,
мы кровную месть не блюли
и только поэтому стали
последней надеждой земли.*

Насколько мне известно, представленная книга не продается в магазинах: её можно приобрести в редакции журнала “Наш современник” хотя бы для того, чтобы прочитать краткий итог глубокого исследования на последней странице обложки книги. Привожу первые две фразы этого итога: “Понятие “холокост” (всесоужение) родилось несколько тысячелетий тому назад на Ближнем Востоке во времена человеческих жертвоприношений, а новую жизнь оно обрело в 60-х годах прошлого века для укрепления идеологии сионизма и государства Израиль... С той поры о холокосте сочинено бесконеч-

ное количество мифов, написаны сотни книг, созданы десятки кинофильмов и даже мюзиклов, организовано по всему миру множество музеев и фондов”.

В. И. Гуров

Доктор технических наук, Москва

ОТЕЦ ПРЕДЛАГАЛ РАВВИНУ ОТСТРЕЛИВАТЬСЯ

Эта история время от времени всплывала в моей памяти, когда я просматривал семейные фотографии полувековой давности – сентиментальное занятие пожилого человека. Но особенно остро и пронзительно заработала память, когда читал исследование Ст. Куняева “Жрецы и жертвы Холокоста”, ту её часть, где автор с цифрами и фактами убедительно доказывает, что благодаря нашей стране тысячи и тысячи еврейских семей были спасены от рук гитлеровских нацистов.

В этой обширной теме, мне кажется, ещё не исследовано переселение еврейских беженцев в один из регионов СССР – Среднюю Азию. Не показана их жизнь, нравы в среде местного населения обширного тылового края, и в частности, в древнейшем мусульманском городе – Бухаре, чему я являюсь одним из немногих оставшихся живых свидетелей.

... В один из ноябрьских дней 1939 года отец был вызван в Бухарский обком партии, где секретарь озадачил его словами:

– К нам везут беженцев из Польши... Каждый дом по разнарядке обязан принять по две семьи переселенцев! И точка!

– В моей семье ютятся одиннадцать душ в двух комнатках. Куда же ещё?!

– Коммунисты не обсуждают этот вопрос, Исхак! – привстал мрачно секретарь. – Это приказ оттуда, – показал он пальцем наверх. И чуть тише: – От самого товарища Сталина...

Вспоминал потом отец: он шёл домой и думал, что надо успеть до приезда гостей побелить и освежить мансарду, где наша семья спасалась от летней жары, и ещё пристроить, как продолжение виноградника во дворе – навес, вроде столовой и спальни, продуваемой короткой прохладой лишь под утро.

Мать – Ризван, как истинная мусульманка, восприняла сообщение отца смиренно и даже выразила сочувствие беженцам, изгнанным из родных мест, хотя и не могла вспомнить, в какой части света расположена Польша.

– Они – мусульмане? – робко спросила она у старшей сестры – Мухибы, которая считалась в семье самой ученой, потому что заканчивала местный педагогический институт.

– Христиане, – ответила сестра и, подумав, уточнила: – Католики...

“Католики” снова поставили мать в тупик, и, чтобы скрыть смущение от незнания, она рассудила:

– Какая разница – какой веры... Страдальцев надо принять так, чтобы они чувствовали себя у нас, как дома, – отметила мама, ещё не видя в глаза “разнарядочных” гостей, и села, пригорюнившись, вспоминая, каким просторным был наш родовой дом в годы её детства, под защитой которого прошли семь поколений нашей фамилии – среди них и имамы, и ученые-магистры, и яростные большевики, каким был мой отец.

Всё имущество последнего владельца нашего двадцатикомнатного трехэтажного дома, принадлежащего деду по матери – было конфисковано в пользу бедных. Родителям оставили две комнатки и дворик, куда домоуправ вскоре привел четырех растерянных переселенцев...

Пока они сосредоточенно разглядывали каждого из нас, мы с братом бросились помогать им внести картонные чемоданы, перевязанные бечёвкой, и узлы с домашним скарбом.

Напряжение с обеих сторон быстро спало, и вскоре мать уже поила гостей зеленым чаем под навесом. Мы же с братом, приятно взволнованные лицемерием новых постояльцев, бегали вокруг виноградника, разглядывая чужестранцев. Высокая, смуглая женщина одного с матерью возраста представилась Софьей, указала на мужа, назвав его Эзроэлем, а также на сына, семнадцатилетнего Абрама. Четвертый, державшийся с первой минуты нес-

колько особняком, представился скупю: “Шломо Камински”. В отличие от добродушной улыбчивой семьи Софыи, в облике его было нечто загадочное, и несмотря на адскую духоту, он категорически отказвался сбрасывать с себя длинный, черный плащ, на ворот которого с кончиков его козлиной бородки шариками скатывался пот.

Когда отец вернулся из домоуправления, заполнив бумаги-поручительства в отношении переселенцев, и повел их по лестнице на мансарду, выяснилось, что загадочному в черном плаще потребовался отдельный угол, ибо жил он бобылем, весь погруженный в старинные книги. Семья Эзраэля отгородилась от него в общей комнатке камышовой циновкой.

— Интересно! — воскликнула мать. — У них такие же имена, как у бухарских евреев... Вот, оказывается, откуда перекочевали к нам в старину евреи — из Польши, а меня уверяли, что из Ирана...

Кроме узбекского и таджикского, бытовым языком в нашей семье был и русский. И на первых порах, изъясняясь с гостями, мы ухватывали отдельные польские слова общеславянского корня, правда, разбавляя беседу выразительными жестами.

Разнарядка коснулась каждой бухарской семьи. Беженцев из Польши, Прибалтики, Бессарабии приняли не только узбекские и таджикские семьи, но и наши русские соседи. Иноземная речь звучала и в арабских, иранских, осетинских кварталах, и в живущих с эмирских времён обособленно бухарско-еврейских домах. И это была одна из многих волн переселенцев — в годы басмачества — из голодающих, охваченных эпидемиями болезней кишлаков — в города, из районов советско-финской войны, из Урала и Сибири, центра России — эвакуированные специалисты вместе с военными заводами...

По паломничеству бухарских евреев в наш квартал Суфиен, одна часть которого выходила на улицу Урицкого, а другая — Клары Цеткин, выяснилось: всегда сосредоточенный, спускающийся с мансарды со связкой книг Шлома был в Кракове раввином в местной синагоге. И по тому, как встречали его ждавшие на улице бухарские евреи, было видно: истосковались по пастырю они, оставшиеся к началу войны без своих молебных домов...

Соседи Шломы по мансарде тоже оказались еврейскими беженцами, при каждом удобном случае рассказывающие, какие ужасы они пережили от немецких и польских фашистов, пока не достигли границы нашей страны. И к месту и не к месту благодарили товарища Сталина, должно быть, думая, что между балками глинобитных стен дома замаскированы всеслышащие уши гебистов.

Предприимчивая семья Эзраэля быстро приспособилась к инородной среде, и вот уже Софья работала уборщицей в школе, муж её, имевший в Кракове хлебозавод, устроился мукомолом к лепёшечнику Саиду в пекарню, а Адам продолжил учебу во вновь открывшемся отделении польского языка и литературы в единственном в то время в Бухаре вузе — педагогическом институте.

В мусульманских семьях считается дурным тоном спрашивать у гостя — сколь долго он думает гостить у хозяев, и из какого он рода и племени. Так и нам было неважно, евреи беженцы или поляки. За короткое советское время мы не раз ощущали растущую силу волн беженцев — из русских и украинских деревень, с востока страны, перед глазами которых, словно мираж в пустыне голода и разрухи, возникали контуры Ташкента-“города хлебного”.

Нередко можно было видеть мать и Софью говорящих о чем-то доверительно, вполголоса. И сестру Мухибу, помогающую студенту Адаму в переводе какого-то текста. И только отец, как и другие педагоги страны, отправленный по указу Сталина с фронта назад в тыловые школы, не мог наладить дружеский контакт с раввином Шломой.

Один из грамотных людей Бухары, любитель поспорить на высокие темы, отец вечерами сидел под навесом, дуя на чай и дожидаясь возвращения раввина. Шлома же был занят дотемна. Руководил акцией бухарских евреев, которые вскладчину переделывали один из домов в своем квартале в синагогу, воодушевившись тем, что власти ослабили давление на религию, призвав верующих в ряды патриотов и защитников родины.

Помню, как отец, наконец, дождался Шлому, шагнувшего из ворот во двор, как всегда, с озабоченным видом, и пригласил почаевничать с ним.

— Уважаемый ребе, можно с вами посихотничать? — Выучил-таки несколько слов на иврите, одно из которых “сихот” — беседа. — Не кажется ли вам, что в Ветхом Завете принижено родство мусульман? Вы, иудеи, произошли от

Исаака, сына супруги Авраама Сары. Арабы же повели свой род от Исмаила – сына наложницы Агарь. . Неужели все страдания Агарь в пустыне с младенцем Исмаилом на руках, в поисках воды и крова, не уравнивают её в правах с Сарой. . ?

– Как вам объяснить. . ? – уклончиво ответил Шлома. – Ведь вся история нашего Востока полна свидетельств о том, что сыновья наложниц становились во главе государств и династий. Эмирами, ханами, халифами. . .

– Да, но это мирское, – возражал отец. – Я же о духовном ранжире. . . Естественно, не всё было так гладко между пришлыми и местными. На базарах, где под любым предлогом спекулянты взвинчивали цены, люди возмущались: “Откуда-то понаехали! Редька подорожала, лук, картошка. Мы сами еле сводим концы с концами, а из-за вас, переселенцев, цены взлетели до небес. . .”

В те голодные годы на базарах ничем не торговали, кроме овощей; фрукты, дыни, арбузы – эшелон за эшелон – отправляли в Россию для помощи фронту.

Плюс к этим и другим невзгодам тыла усилилась гнетущая атмосфера слежки со стороны госбезопасности, и не только по отношению к перемещённым лицам, но и к местным жителям; объяснялось всё это, естественно, законами военного времени.

Чаще, чем раньше, в дом к нам заглядывал капитан Сарымсаков. Без особого приглашения садился с отцом под виноградником чаевничать, не скрывая цели своего визита. Согласно восточному этикету, работники госбезопасности, такие, как Сарымсаков, как-то естественно вписывались в атмосферу любезного гостеприимства семьи. Зная, что любой, к кому они пришли за информацией, будет с ними если не до конца откровенен, то в всяком случае не настроен враждебно, гебисты вели себя доверительно и даже дружелюбно, ничем не подчеркивали свою власть.

– Послушай, Исхак, – обращался Сарымсаков к отцу, стирая носовым платком пыль со своих хромовых сапог. – Ты в курсе того, что твой постоялец равнин развил такую бурную деятельность среди единоверцев, что приходится бегать из одного квартала в другой с высунутым языком. . . Не мог бы ты, как человек грамотный, сказать, чем занимается любавическое общество, организованное раввином? И почему всякий раз, выходя из синагоги и прощаясь, евреи шепчут друг другу: “До встречи в Иерусалиме”? Не пароль ли это какой тайный?

– Встретиться в Иерусалиме – наверное, их сокровенная мечта, – разъяснял отец, жестами отгоняя нас, детей, в глухой угол двора.

– А разве им здесь плохо? Разрешили открыть синагогу, вкушать без запрета кошерную пищу, выпекать в пекарнях мацу. – Хитроумный гебист пытался выудить ещё что-нибудь ценное у отца.

– Не знаю: ты спрашиваешь – я отвечаю. . . А любавическое общество – это вроде кассы взаимопомощи больным, немощным*. . . Рабби так мне объяснял.

– Не знаю, не знаю, насколько всё это пахнет благотворительностью. . . Давеча пришла к нам шифровка: двое сосланных из России немцев, с ними еврей-переводчик были задержаны возле штаба генерала Андерса в Янги-Юле, под Ташкентом. Пытались вступить в доверие к полякам-охранникам**.

У нас же, детей, гонявший тряпичный мяч на улице, Сарымсаков интересовался: кто и сколько людей заходят ежедневно в ворота соседского дома, где в такой же мансарде, как наша, проживал сапожных дел мастер – Аарон. Вскоре выяснилась причина интереса гебиста; как-то вечером мы услышали

* Отмечу, что в современном суверенном Узбекистане любавические общества существуют в каждом городе или местах компактного проживания евреев, ведая, разумеется, не только пропагандистскую работу. Зная о длинных руках Моссада, простирающихся далеко за пределы ближневосточного региона, есть подозрение, что подобные общества ведут и разведывательную деятельность. (Т. П.)

** Речь о штабе “Польской восточной армии” генерала Владислава Андерса. В 90-тысячное войско входили польские военнослужащие, не желавшие сдаваться немцам и перешедшие на сторону Советского Союза, а также амнистированные из советских лагерей граждане разделённой Польши. По соглашению между Сталиным и эмигрантским правительством Сикорского в Лондоне армия Андерса защищала от немцев Прикавказье, а затем, перейдя через Иран и Египет, воевала с немцами в Италии. (Т. П.)

крики и брань. Сарымсаков, распахнув окно мансарды, со злостью швырял вниз, на головы милиционерам, новые, ещё пахнущие краской ботинки, сапоги, куски хромовой и лайковой кожи, банки с клеем и краской.

Аарона вывели за ворота в наручниках и в сопровождении милиционеров повели в старое здание медресе в конце улицы Урицкого, где располагалась следственная тюрьма.

Выяснилось, что пришлый сапожник, подбивавший нашу обувь набойками, вырезанными исключительно из лысых покрышек, контрабандно доставал хром и лайковую кожу, наладив производство женских туфель – или сапог, таких, которые мы видели в кинохронике на ногах товарища Сталина, стоящего у карты военных действий с указкой. Покупал он также почти за бесценок золотые коронки у родственников усопших, сотворяя из них ювелирные украшения для сбыта организованной группой – в Ташкенте и в Москве. Вон куда дотянулась рука предпримчивого беженца!

Впрочем, вскоре Аарон вернулся в свою мансарду и на некоторое время залёг на дно, не принимая клиентов. Соседи поговаривали, что у мастера нашлись высокие покровители, которых обувал он в хромовые сапоги, а их жен и любовниц – в лайковые туфли*...

В те годы воры-домушники вели себя нагло и откровенно. Уже не лезли ночью в окно или форточку. Бесшумно сверлили пробоины в глинобитных стенах домов и, не тревожа ничей сон, выносили всё, что подвернётся под руку, зная, что горожане большую часть года спят не в комнатах, а на плоских крышах или во дворах, спасаясь от ночной духоты.

Натянув вокруг матрасов веревки и посыпав их сухой мятой, отпугивающей запахом змей и скорпионов, отец спал, подложив под голову ружье. При малейшем подозрительном шорохе он стрелял в воздух, предупреждая тех, кто зарился на наше домашнее добро. Все мы, лежащие с отцом рядом, вздрагивали от выстрелов и долго потом не могли заснуть.

Раввину тоже казалось, что несколько ночей подряд домушники ищут лазейку, чтобы проникнуть в мансарду. Я даже ходил с ним днем искать следы босых ног на заброшенном кладбищенском холме, прилегающем к задней стене мансарды.

В одну из ночей Шлома закричал от испуга, сбегая вниз по лестнице. Отец сделал несколько предупредительных выстрелов во дворе и за воротами, у могильного холма. Вернувшись, успокоил раввина и сказал:

– Вот вам ружье... Если что – пальните хорошенько, и никто больше носа не сунет к вам...

– Нет, нет, – запротестовал постоялец, – я так не могу... А если у воров тоже есть ружья..?

– Ничего – отстреливайтесь... У вас более выгодная позиция – ведь не вы лезете к ним, а они нарушают неприкосновенность жилища... Смелее!

– Нет, спасибо, – упорно стоял на своем раввин. – Вера моя не позволяет стрелять в того, кого не видишь в темноте. Вдруг ненароком попаду в безвинного человека... тем более, если это будет ребенок, которого домушники посылают на разведку... К тому же – я совсем не умею стрелять...

– Пара пустяков... я вас научу, – высказал последний довод отец.

Так, в ожидании дня Великой Победы, дыхание которой и в нашем тылу ощущалась всё явственнее, жизнь бухарцев ещё теснее переплелась с жизнью переселенцев в разных, порой в драматических и трагикомических ситуациях.

Переплетались интересы и в быту, особенно по части кулинарии и женского рукоделия. Еврейки научились кроить широко спускающиеся к лодыжкам платья, спасающие от жары, красовались на улицах в тибетейках.

В день Победы, когда мы вместе с нашими постояльцами вернулись с главной площади города – Регистан, ликующая от радости, мать, порывшись в суеках и не найдя ни горсти риса, сварила свой “коронный” плов из пшеницы,

* В те дни, когда я писал эту семейную историю более чем полувековой давности, в Лондоне шёл судебный процесс между Березовским и Абрамовичем. Из их показаний, а также показаний других олигархов документально подтверждено то, о чем рядовые российские граждане говорили давно: миллиардных состояний соплеменники Аарона добились исключительно подкупами, шантажом, убийствами. Так что сапожных дел мастер, махинатор с хромом, лайкой, в современном российском бизнесе чувствовал бы себя начинающим учеником Березовских-Абрамовичей... (Т. П.)

обильно замешав блюдо корицей и базиликом для придания мясного духа. София хлопотала с ней на кухне, тщательно записывая рецепт. Во время общей трапезы взгрустнула:

– Не знаю, что теперь ждет нас в Польше... Мы подали прошение о получении советского гражданства... Успеют ли рассмотреть нашу просьбу до отъезда? Мне сказали в милиции, что подобные просьбы поступили от семидесяти двух семей беженцев в Бухаре...

Мне стало грустно от мыслей о расставании. В детстве всё новое и необычное, ворвавшееся в тихую жизнь, наполняет её особым смыслом, раздвигая границы сознания и понимания. Я привык к доброжелательному взгляду и участливому голосу тети Софьи, к всегда неунывающему Абраму, к его быстрым шагам, когда он выбегал по ступенькам мансарды с учебниками подмышкой, приветливо помахивая в мою сторону рукой. И даже раввин Шлома, всегда замкнутый и немногословный, казался мне симпатичным и забавным. Когда он в своей коморке, склоняясь над книгой, ритмично, в такт строчкам поднимал и опускал голову в ермолке, то напоминал мне богомола на виноградной лозе...

В тот день, когда по местному радио объявили о сборе переселенцев у квартальных домоуправлений с дальнейшей отправкой на вокзал, мать шила из моих ношенных брюк нечто вроде тряпичного школьного портфеля. Волнения, связанные с предстоящим походом в первый класс, смягчали горечь прощания с теми, кто возвращался к себе на родину. Приглашённый уличный фотограф сделал несколько прощальных снимков на память.

К сожалению, часть моего писательского архива растерялась во время переезда в Ташкент и в Москву. Из тех прощальных фотографий сохранилась лишь одна: во втором ряду, где я запечатлен справа рядом с сестрой Мухибой – красавица Софья в бухарской тюбетейке на макушке головы. В первом ряду – сидят в центре мама и отец в белом головном уборе – нечто среднее между шляпой и кепкой; массовое производство их наладил в “тюбетеечной” Бухаре предприимчивый портной, также из числа переселённых, отложив до лучших времён шитье ермолок. Слева от отца – брат Азим в таком же черном, нелепо скроенном головном уборе.

На вокзале, куда мы пошли с братом в качестве провожатых, нас оглушили крики и протяжные свистки милиционеров, по спискам пропускающих возвращенцев с узлами и картонными чемоданами в вагоны. На всём составе были натянуты транспаранты: “Спасибо товарищу Сталину за великую Победу!”, “Товарищ Сталин спас беженцев из Европы от истребления!”. Всюду: Сталин, Сталин, Сталин, даже впереди состава на брюхатом паровозе – портрет Сталина...

Многие отъезжающие женщины плакали, прощаясь с теми, кто приютил их в своих домах. Ещё бы не волноваться до слез. Наша семья потеснилась в тот год, когда я родился, а теперь готовлюсь к школе – почти семь долгих лет мы жили с беженцами...

– Пишите! – кричала тетя Софья, махая нам из окна отъезжающего поезда.

Из Бухары до Самарканда – прямой семичасовой путь. Но поезд шёл больше суток, останавливаясь на станциях и разъездах, чтобы забрать возвращенцев из других сел и городков. Затем свернул в сторону Сталинабада (теперешний Душанбе) – ведь и в Таджикистане спаслись от гибели сотни польских и еврейских семей. И на границе Киргизии и Казахстана состав ждали грузовики с теми, кому предстоял далекий путь обратно домой.

Дорога через казахские степи до Москвы заняла больше месяца. Следующими друг за другом составами было вывезено из Средней Азии, по разным оценкам, от восьмидесяти до ста тысяч еврейских семей, бежавших из Польши, Венгрии, Прибалтики...

Получили мы от Софьи лишь одно письмо. В осторожных выражениях, видимо, остерегаясь цензуры, она писала, что семья нашла свой дом полуразрушенным от бомбёжек и вообще, бывшие соседи встретили их возвращение не очень доброжелательно... Эзроэль, чья пекарня была национализирована народными властями, устроился истопником, сама же Софья не смогла вернуться в школу, где было отменено преподавание на иврите. Повезло лишь Абраму: закончив бухгалтерские курсы, он поступил на работу в контору водоканала.

Затем связь прервалась, хотя мы отправили в Краков два письма, рассказывая о своем житье-бытье. Спрашивали о раввине Шломе, который со дня отъезда не давал о себе знать...

Но случись же такому совпадению! В 1948 году отца признали лучшим учителем Бухары и наградили поездкой с группой преподавателей Узбекистана в Польскую Народную Республику для обмена опытом на ниве социалистического образования.

— Обязательно встретиться с Софьей и узнай, как там Шлома, и передай им наши гостинцы, — напутствовала его мать.

Вернулся отец из первой в своей жизни поездки за границу чем-то подавленный. Нехотя поведал нам за ужином о том, что вроде всё в порядке в семье Софьи, несмотря на то, что соседи-поляки встретили их возвращение враждебно, чего между поляками и евреями до войны не наблюдалось.

— Раввина Шлому я не смог повидать... Софья сказала, что он в отъезде, — и в сердцах отодвинул пиалу с чаем на край дастархана.

Дождавшись, пока мать уйдет к соседям на поминки, отец включил во дворе плафон, вокруг горящей лампочки которой роем закружилась мошкара. Развернул газету с непонятными для нас с братом Азимом письменами. Показал на большую фотографию и тихо спросил:

— Узнаете?

Мы с братом наклонились, всматриваясь: на снимке был запечатлен мужчина в ермолке, в решительной позе стоящий над изуродованным трупом. Для большего впечатления правым ботинком он сдавливал голову убитого им палестинца в бурнусе, упиравшись прикладом винтовки ему в живот.

Из нечетких поначалу контуров стало вырисовываться до боли знакомое лицо.

— Это же раввин Шлома! — воскликнул брат — Он на войне?

— Тише, — прошептал отец, боясь, что вернется мать и услышит наши изумлённые возгласы.

— Что там написано сверху снимка? — спросил я взволнованно: обученный в школе грамоте, я останавливался возле каждой надписи на улице, стараясь вчитаться, а здесь какие-то таинственные иероглифы...

— Над снимком: “До встречи в Иерусалиме!”... Помните этот их девиз? Софья как-то стыдливо, нехотя перевела мне, передавая еврейскую газету... А под фотографией героя: “Раввин, чудом переживший Холокост, сражается за Святую землю”, — пояснил отец, усмехнувшись, и добавил: — Только ни слова матери. История со Шломой, которого она считала образцом религиозного человека, может поколебать её веру...

— Да, — задумчиво произнес брат, — он ведь боялся брать в руки ружье, чтобы пугать воришек... Мол, грех муху обижать...

— Софья объяснила мне, что сейчас во всех газетах, синагогах развернута компания “Алия”, что значит возвращение евреев в Палестину и создание своего государства. Раввин наш, едва вернулся в Польшу, стал агитировать всех вступать в некую тайную организацию “Иргун”*, которая и устроила потом резню палестинцев... Семья Софьи, несмотря на агрессивную агитацию, решила не уезжать, как бы трудно им ни было в Польше. Мудрая женщина заявила: государство, дух которого замешан на лжи и подлоге, не сможет дать благоденствие для своих граждан...

Отец свернул газету трубочкой и добавил:

— Словом, наслушался я всего и теперь не рад, что съездил за границу...

Тимур Пулатов,
народный писатель Узбекистана

От составителя:

П. Полян-Нерлер, претендующий на роль одного из основных историков “холокоста”, в своей новой книге “Между Аушвицем и Бабьим Яром” попытался доказать, что советское руководство из-за “граничащего с антисемитиз-

* Сионистская, террористическая организация, ставившая целью вытеснение палестинцев с их исконных земель. Организована в 1944 году Менахимом Бегиним — будущим премьером Израиля и, по иронии судьбы, лауреатом Нобелевской премии мира, которую по-холопски услужливо Нобелевский комитет вручил в наши дни Бараку Обаме, ведущему две кровавые войны — в Ираке и Афганистане. (Т. П.)

мом недоверия” отказывало польским евреям в спасении на территории СССР:

“Не знаю, отдавали ли себе Молотов и Сталин полный отчёт в том, какими последствиями для европейского еврейства обернётся их отказ”.

Но Молотов со Сталиным были не боги и не могли себе представить в 1939 г. многого, что вскоре случилось в ту непредсказуемую эпоху. Однако Павел Полян противопоставляет им предвиденья невозвращенца и бывшего советского дипломата Ф. Раскольникова, который, по его словам, **“прекрасно уловил последствия такого отказа. Ещё в сентябре 1939 г. он обратился к Сталину с поистине пророческим открытым письмом: “Еврейских рабочих, интеллигентов, ремесленников, бегущих от фашистского варварства, вы равнодушно предоставили гибели, захлопнув перед ними двери нашей страны, которая на своих огромных просторах может приютить многие тысячи эмигрантов”...**

Хорош историк, который доверяет истерическим и глупым воплям невозвращенца, — поучающего Сталина, как использовать “просторы” Родины, покинутой им, беглецом... Советую Поляну прочитать воспоминания Тимура Пулатова, может быть, после этого ему станет стыдно за свои исторические опусы, напичканные мошеннической дезинформацией.

ЛОЖЬ ХОЛОКОСТА

Если спокойно, вдумчиво и непредвзято ознакомиться с наиболее значимыми работами и книгами по холокосту, как доказывающими его реальность, так и опровергающими его, то неизбежно волей-неволей придешь к однозначному выводу: **миф о т. н. еврейском холокосте держится на глобальной лжи.** В России пока ещё за эту произнесённую правду не сажают, и мы можем сказать об этом громко и четко: еврейского холокоста в том значении, какое ему придают идеологи сионизма и жрецы всемирного зомбирования человечества, никогда не было.

Сопоставив известные, неоспоримые факты и свидетельства, Ст. Куняев в своей книге четко и убедительно доказывает, что вся эта колоссальная, поистине беспредельная *холокостная* работа, все эти книги, статьи и фильмы зиждутся на большой фантазии, на подтасовке фактов, стоят на сыпучем песке — толкни и рассыплются. И, по большому счету, никто из здравомыслящих людей им не верит. Да и сами евреи верят далеко не все. Те, кто эти мифы и фантазии создают, прекрасно знают, чего они на самом деле стоят. Потому что приносят они жрецам холокоста огромные деньги и выгоды.

Холокост — это глобальная афера, внедряемая в сознание человечества для того, чтобы, во-первых, на ней поживиться, нагреть руки, получить огромные дивиденды, а во-вторых, чтобы **скрыть истинную трагедию Второй мировой войны, истинные гекатомбы жертв славянских народов.** И потому Запад так охотно, так заинтересованно откликнулся на фальшивку, даже ввел уголовную ответственность за её отрицание, чтобы затушевать, умалить, отодвинуть на задний план и вообще не вести речи о десятках миллионов погибших в этой войне славян и, в первую очередь, о море пролитой крови русского народа. Ведь ответственность за эту войну, как, впрочем, и за 1-ю мировую, несет именно Запад и никто больше.

Да, евреи в этой войне погибали, страдали и преследовались. Но погибали и страдали они вместе с другим населением европейских стран. Воевали они как в составе Советской армии, так и в составе гитлеровской, не являясь при этом, естественно, значительным боевым контингентом. И выделять, выпячивать их жертвы из числа жертв других народов — непорядочно. Но разве не жрецы холокоста провоцируют “антисемитизм”? Вот кого надо судить за разжигание национальной розни.

Всеми миру более полувека внушают цифру еврейских жертв Второй мировой войны — 6 миллионов. Но такого количества евреев не было даже во всей оккупированной Германии Европе. К тому же многие из них перед войной и во время неё успели эмигрировать в Палестину, Америку, СССР, Англию, Австралию и т. д. Ст. Куняев напоминает красноречивую историю с количеством погибших евреев в польском лагере Освенциме: сначала там

висела табличка с указанием четырех миллионов еврейских жертв, затем её заменили на 1,5 миллиона. Но при этом цифра 6 миллионов жертв еврейского холокоста осталась без изменения... Однако в наше время уже можно сказать, что вся эта глобальная холокостная деятельность пошла прахом. В конце концов, необходимо было дотошно проанализировать многочисленную литературу, посвящённую еврейскому холокосту, собрать воедино исторические факты, а также псевдодокументы, нагромождённые вокруг этого феномена, и установить для него точный диагноз. Ст. Куняев проделал эту серьёзную работу. Читая его книгу, приходишь к ясному пониманию: **еврейский холокост – это управляемая машина фальсификации истории**. Причем говорят об этом нередко сами еврейские публицисты и исследователи. В книге Ст. Куняева много ссылок на других авторов. Повторю здесь лишь некоторых из них.

“Без еврейской помощи в администрации и полицейской работе получился бы полный хаос и невероятно крайнее истощение немецкой силы... Еврейское самоуправление доходило даже до того, что сам палач был еврей... Навряд ли найдется какая-нибудь еврейская семья, из которой хотя бы один член не состоял в фашистской партии” (Ханна Арендт).

“Потомок Германа Геринга Матиас Геринг носит ермолку, а на шее подвеску с звездой Давида. Его растили в презрении к евреям, но он принял их веру... Катрин Гиммлер вышла замуж за израильтянина” (Бюллетень “Холокост” № 2, 2006 г.). Ст. Куняев так комментирует эту информацию: “Ну вот, через шестьдесят лет после Хрустальной ночи и ванзейской конференции два расизма наконец-то снова заключили друг друга в объятия, словно бы свастика и звезда Давида обнялись снова”.

“Цифра 6 миллионов имеет, по существу, “символическое значение”, наглядно запечатлённое, например, в созданном в Париже мемориале, где “возложен камень на символической могиле шести миллионов мучеников. Шесть прожекторов рассекают тьму над шестью углами шестиугольного камня, то есть звезды Давида”. “...кроме педагога и писателя Януша Корчака (Генрика Гольдшмита) затруднительно назвать каких-либо широко известных до войны евреев, погибших в Третьем рейхе, что также противоречит представлению о тотальной гибели” (Вадим Кожинов).

“Как уже сообщалось... демографический анализ количества жертв Холокоста затруднен из-за отсутствия сравнимых данных. Поэтому отрицатели часто обращают внимание (и зачастую справедливо) на то, что во многих классических работах присутствует двойной счет, когда одних и тех же людей сначала засчитывают как польские жертвы, а потом как советские. Причины такого двойственного счёта понятны: переход территорий Западной Белоруссии и Западной Украины от Польши к Советскому Союзу делают его практически неизбежным” (Альфред Кох, Павел Полян).

“Послевоенное правительство ФРГ изъявило готовность возместить ущерб лишь тем евреям, которые были в гетто или в лагерях. Поэтому многие евреи придумали себе соответствующее прошлое. – “Если каждый, кто утверждает, что пережил лагеря, говорит правду, – восклицала моя мать, – то кого же тогда Гитлер уничтожил?” “Холокост ещё имеет шанс прослыть величайшим грабежом в истории человечества” (Норман Дж. Финкельштейн).

“Один из фильмов, внесших наибольший вклад в манипуляцию мировым общественным мнением, телефильм “Холокост”, является преступлением против исторической истины” (Роже Гароди).

Ст. Куняев констатирует: *“Жрецы Холокоста впадают в отчаяние оттого, что не найдено, несмотря на все усилия, ни одного документа, из которого бы явствовало, что “окончательное решение еврейского вопроса” означало полное уничтожение евреев гитлеровской государственной машиной (или сталинской) от мала до велика. Историк Лакер с горечью писал: “До сих пор не найден письменный приказ об уничтожении еврейской общины, и, по всей вероятности, такой приказ никогда не был отдан”*.

Все знают о белорусской деревне Хатынь, сожжённой вместе с её жителями. Там создан мемориальный комплекс, туда возят экскурсии и иностранные делегации. Но многим ли известно, что в одной только Смоленской области фашисты устроили более **трёхсот** подобных Хатыней? И на их месте памятников нет. А сколько таких сожжённых сёл и деревень было в Брянской, Курской, Орловской, Тульской, Псковской областях и многих других? Но извест-

ные циники ехидно удивляются с телеэкрана: откуда это у русских такие огромные жертвы войны? Мол, что это за “победа” такая? А вот отсюда, господа циники! Из дорогой вашему сердцу “цивилизованной Европы”, из гитлеровской программы истребления славянского населения. Не хочу эти страшные жертвы называть русским холокостом. Чисто иудейское понятие, “холокост” — не для православных христиан, наши далёкие предки отвергли человеческие жертвоприношения и тем более всеожжение. Сын Божий принёс себя в жертву ради всех людей. Но Европа, ведомая нацистской Германией, принесла на нашу землю смерть. Она ставила своей целью истребление и порабощение **всего** нашего народа. И случись это — даже слово “геноцид” не выражало бы всей сути трагедии, а всё то, что творила здесь эта “цивилизованная” европейская орда, является **Сверхгеноцидом** или **Истреблением** народа, с которым никакой “холокост” нельзя даже сравнить.

Валерий Хатюшин, Москва

Здравствуйте, дорогой Станислав Юрьевич!

Спасибо за присланную книгу “Жрецы и жертвы Холокоста”. И хотя всё внимательно читал в журнале, прочёл её от начала и до конца, без пропусков, подробно, ещё раз восхищаясь Вашему публицистическому дару всё делать страстно, с горячим сердцем. Читал, смакуя не только содержание, но и сам слог — задиристый, юный, при этом одновременно очень точный, филигранный по смыслу.

Конечно же, эта книга — свидетельство Вашего высочайшего гражданско-го мужества, поскольку жрецы умеют мстить весьма искусно и изощрённо.

Убеждён, что польза от Вашего исследования про Холокост с течением времени будет только увеличиваться. Ведь это от первого до последнего слова — правда, сказанная ярко, страстно, с большим желанием достучаться до самых косматых сердец.

Так что поздравляю, Станислав Юрьевич, с очередной большой творческой удачей! Хотя Вы и сами это знаете, и мои слова здесь, в общем-то, лишь повторение очевидного.

Евреи часто лишь использовались в ЧК и НКВД как таран революции. Они просто идеально по своему психотипу подходили на роль чекистов, что совершенно не означает их идеологическое верховенство. В хорошей книге А. Штырбула “Красный бандитизм в Сибири” много рассказывается о так называемых местных революционных кадрах. Бывали там заместитель завотделом Ачинского губисполкома Перевалов с его мятежом против спецов, белогвардейцев и евреев, бывали анархисты Лубков и Новосёлов. Был даже совершенно замечательный план восстания 1920 года в Новокузнецке, по которому местные чекисты и милиционеры должны были в час “X” убить своего начальника ЧК и дальше продолжить крушить “врагов революции” уже по обстановке. Я думаю, что Октябрь 17-го года не просто назрел, но он перезрел. Страна была более чем готова к насилию и революционным действиям. Ленин и еврейская верхушка лишь по мере своих талантов пытались примазываться к стихийной ненависти масс (не обязательно еврейских, читайте, что творилось в деревнях и что реально принесла русским людям реформа 1861 года и столыпинские эксперименты — хотя бы книгу Е. Прудниковой “Сталин. Битва за хлеб”). Процесс был практически неуправляем. И тут еврейский максимализм оказался весьма к месту и ко времени.

Из чего, однако, совершенно не следует того, что некие демонические евреи с косматыми сердцами этак легонько всех под себя подмяли. Подмяли ли? Я лично полагаю, что и начальниками ГУЛАГа надо было сделать как раз евреев — **сделать**, но не потому, что они сами этакие демонические фигуры.

Теперь о западных ревизионистах, о том же Юргене Графе, которого я весьма много читал: постоянно не покидало ощущение, что он пишет не столько о цифрах Холокоста, сколько участвует в массивированной идеологической кампании по обелению Гитлера.

Нет, понятно, у ревизионистов много фактов, интересных изысканий и свидетельств, а сами ревизионисты — умные люди, но мне лично думается,

что затевалось это не столько для поиска правды, сколько для западного цивилизационного реванша.

С уважением, **А. Канавщиков**, г. Великие Луки

Уважаемый Станислав Юрьевич!

Не буду оригинальным и просто присоединюсь к мнению благодарных читателей о журнале и его главном редакторе, с честью несущем тяжкий груз ответственности за журнал в наше окаянное время. Добавлю только, что, с нетерпением ежемесячно ожидая доставки очередного номера журнала (принесут – не принесут?), первым делом, раскрывая журнал, ищу любые Ваши материалы, ведь они не просто интересны, они созвучны моим мыслям, взглядам, настроениям и, самое главное, они побуждают к размышлениям. А когда ты, к тому же, оказался за границей, отдав лучшие годы своей жизни защите нашего социалистического отечества, то особенно обострённо воспринимаешь поведение своих бывших соотечественников и задаешься нелицеприятными вопросами.

Воодушевлённые инициированной группой русофобов из президентского окружения кампанией десталинизации нашей страны, оживились на телевидении штатные десталинизаторы демократической национальности. Леонид Радзиховский в программе “Особое мнение” на канале RTVi и на радио “Эхо Москвы” предложил для большей эффективности кампании по десталинизации показывать на всех каналах телевидения с утра до вечера МАССОВЫЕ расстрелы советской властью невинных людей – мужчин, женщин, стариков. И непременно в голом виде, как в немецкой кинохронике, сохранившей для истории расстрелы советских людей немецкими зондеркомандами. И не важно, что в Советском Союзе никаких массовых расстрелов не проводилось, что к расстрелу приговаривались персонально судом (тройкой, особым совещанием – таков был закон), что расстрел проводился также персонально, что документальных свидетельств массовых расстрелов голых людей при советской власти нет и быть не могло, Радзиховский считает необходимым организовать киносъёмки массовых расстрелов, используя артистов, которые, по его мнению, всегда найдутся для такого дела. При этом его глазёнки буквально светились от удовольствия под патронажем Президентского совета по правам человека, членом которого он почему-то является, в очередной раз безнаказанно оплевывая нашу Советскую Родину.

Он же в программе “Особое мнение” после смерти Татьяны Лиозновой, ограничившись дежурным поклоном в её сторону, не удержался от того, чтобы не упрекнуть умершего режиссера вместе с Юлианом Семёновым и Вячеславом Тихоновым за положительное отношение к действиям героя фильма “Семнадцать мгновений весны” по срыву сепаратных переговоров союзников с нацистами в угоду Сталину, который, по мнению Радзиховского, стремился к захвату Западной Европы и которому было наплевать на гибель из-за этого нескольких сот тысяч советских солдат и офицеров. А герой фильма с одобрения автора сценария и режиссера этому способствовал, чем вызвал неудовольствие Радзиховского, которому, чувствуется, очень хотелось бы, чтобы немцы, заключив сепаратный мир на Западе, перебросили освободившиеся войска из оккупированных стран Западной Европы на Восточный фронт против СССР.

Другой десталинизатор и общечеловек Виктор Шендерович тоже в программе “Особое мнение” с блеском в глазах от чувства глубокого удовлетворения программой десталинизации, естественно, призвал ликвидировать некрополь на Красной площади, назвав ВСЕХ захороненных на Красной площади лиц УБИЙЦАМИ, сделал исключение после секундной заминки только для Гагарина и Серегина (передача была накануне Дня космонавтики и 50-летия полета Гагарина в космос). Он же в той же передаче 7 апреля 2011 года назвал, глумливо ухмыляясь, бывшего советского партизана Кононова КАРАТЕ-ЛЕМ, убивавшим мирных жителей Латвии. Думаю, что не надо быть семи пядей во лбу, чтобы представить участь общечеловека, демократа и либерала Шендеровича, попадись он “мирным жителям” Латвии в 1941 году, а также какая бы участь ждала соплеменников десталинизатора Шендеровича, если бы

не Маршалы Советского Союза, захороненные в кремлёвской стене, которых Виктор Шендерович называет убийцами.

Либерал Минкин – небезызвестный “публицист” из “Московского комсомольца” заявил в передаче “Особое мнение” на “Эхе Москвы”, что для него Сталин, конечно же, хуже Гитлера. А ведь сам-то давно уже не юноша из поколения “Пепси”. Он же в статье под провокационным названием “Чья победа?”, опубликованной 22 июня 2005 года (обратите внимание на дату) в “Московском комсомольце”, наряду с обычными для либералов антисоветскими глупостями и пошлостями вопрошал:

– А вдруг было бы лучше, если бы не Сталин победил Гитлера, а наоборот – Гитлер Сталина?

И сам себе отвечал:

– Может, лучше бы фашистская Германия в 1945-м победила СССР.

И уверенно добавлял:

– А ещё лучше, если бы Германия победила СССР в 1941 году!

В качестве подкрепления своего страстного желания победы Германии над СССР рассуждал:

– Ведь в 1945 году погибла не Германия, погиб фашизм. Аналогично: погибла бы не Россия, а режим.

А как же холокост? А как же уничтожение 6 млн евреев? А как же Освенцим и Майданек? А как же Бабий Яр? А может, этого ничего не было? Может быть, это мифы, сфабрикованные сионистами? Наверное, Минкину виднее, он же знает о сотрудничестве сионистов с нацистами для обеспечения иммиграции богатых евреев из Германии в Палестину. Важнее было спасти еврейские капиталы, чем сохранить жизнь бедных евреев, не способных работать или воевать, – они были балластом.

Поэтому-то Минкин, наверное, не считает гибель миллионов самым страшным в истории еврейского народа. Для Минкина самым страшным являются коммунисты и коммунистический Советский Союз, который сорвал окончательное решение еврейского вопроса нацистами. Что ж, он не одинок.

Что меня не перестает удивлять, хотя за 20 лет уже можно было бы и привыкнуть, так это поведение соплеменников Минкина на просторах бывшего Советского Союза: какая-то патологическая ненависть к нашей стране и строю, в полном смысле спасших их от уничтожения, с одной стороны, и, с другой стороны, активная поддержка русофобских националистических сил в бывших республиках Союза – потомков и последователей приспешников немецко-фашистских оккупантов, в частности, в Прибалтике, которые не только не скрывают своего духовного и политического родства с теми, кто сотрудничал с нацистами в годы войны, а, наоборот, открыто объявляют о своей правопреимственности с ними. А ведь в Прибалтике с первых дней оккупации началось массовое уничтожение евреев руками местных пособников нацистов. Лишний раз убеждаешься в правоте классиков о приоритете классовых интересов над всеми прочими. Общий враг – советская власть их объединяет, несмотря на трагическое прошлое – Холокост. Если евреи так относятся к трагедии своего народа, то что требовать с других. Поневоле станешь ревизионистом.

Хотя, может быть, они не считают это прошлое главной трагедией своего народа, используя это прошлое для давления на весь мир и вытягивания миллиардов? Не отсюда ли заявления Швыдкого про русский фашизм, который страшнее немецкого? Русский фашизм, который существует только в воспалённой голове Швыдкого, Швыдкому страшнее реального немецкого фашизма, уничтожившего миллионы евреев. Или заявление ещё одного еврея, депутата Сейма Литвы Зингериса о том, что советская оккупация Литвы (так он называет советскую власть) хуже немецкой. А ведь он не может не знать, что в Литве было уничтожено практически всё еврейское население – около 200 тысяч – не “русскими оккупантами”, а местными пособниками нацистов.

Зато еврейская общественность в Литве не забывает каждый год постенать по поводу высылки на восток 14 июня 1941 года вместе с прочими антисоветскими элементами трёх тысяч евреев, тем самым спасённых от неминуемой гибели в первые же дни войны от рук местных борцов за “демократию”. После войны все, кто сотрудничал с нацистами и кого достала рука советского правосудия, получили по заслугам. И теперь евреи скорбят об этих преступлениях, которых Сталин “гноил” в Сибири! До какого маразма можно дойти

в ненависти к нашей Родине, защищая убийц своих же соплеменников. И такие высказывания и взгляды отнюдь не единичны. Для них самым страшным являются коммунисты и Советский Союз, а не геноцид еврейского народа, **поэтому современные евреи активно сотрудничают с современными наследниками и потомками тех, кто уничтожал евреев. Хотя удивляться здесь нечему.** Сионизм и фашизм – близнецы-братья. Известно о сотрудничестве сионистов и нацистов в предвоенные и военные годы. Известно также, что после войны в советском плену находилось 10173 еврея, воевавших на стороне гитлеровской Германии и её союзников.

Тема русского фашизма и антисемитизма постоянно муссируется в обществе, чтобы отвлечь внимание от подлинных проблем, от того катастрофического состояния, в котором находится страна по вине “либерального” режима. Могли ли бы в Советском Союзе существовать организации всевозможных националистических и антисемитских групп и группочек? Нет, конечно. Подобная деятельность, если она где-то проявлялась, беспощадно подавлялась. И сколько бы сионисты ни вопили о государственном антисемитизме в СССР, то положение, которое евреи занимали в обществе, говорит само за себя (не буду приводить массу примеров – и высшее образование, и положение в науке, в искусстве, в сфере управления и т. д.). Но что удивительно, а может быть, это не удивительно, с каким энтузиазмом они боролись с Красным флагом страны, которая спасла их от уничтожения, за флаг царской России. Как известно, в царской России к евреям относились, мягко говоря, не всегда дружелюбно, поэтому-то и бежали они из России в другие края, и в революциях принимали активное участие. А уж гитлеровская Германия и её власовские пособники под трёхцветным флагом вообще евреев не жаловали. Но молчит наша “демократическая общественность” и о флаге, и о попытках реабилитации Власова.

Надо полагать, что “самое кровавое деяние советского режима” в том, что он уничтожил германский фашизм, спас евреев от уничтожения и поддержал создание еврейского государства Израиль. За это будем его судить? Или, может быть, за то, что освободил евреев от местечкового темного царства и черты оседлости, признал в евреях равных людей, беспощадно пресекая антисемитизм, широко открыл двери для евреев в науку, культуру, искусство, политику, во власть и властные структуры, превратил евреев в Советском Союзе из мелких местечковых ремесленников, лавочников в народ музыкантов, ученых, инженеров, врачей и поэтов? За это будем его судить?

Учитывая, что евреи составляли значительную часть в коммунизме, начиная с основоположника коммунизма Карла Маркса, и принимали самое деятельное участие во всех делах советского режима, особенно в сфере идеологии и укреплении обороноспособности нашей страны, один ракетно-ядерный щит чего стоит, не превратится ли международное расследование “преступлений коммунизма” в расследование ПРЕСТУПЛЕНИЙ ЕВРЕЕВ В КОММУНИЗМЕ? Вот бы и разобрались, кто творил “кровавые деяния” советского режима. Я думаю, что антикоммунистические союзники “демократической общественности” эту идею поддержат, что по их логике было бы вполне справедливо, ведь это были советские евреи, а значит, запятнанные в преступлениях коммунизма.

Очень интересный вопрос о сотрудниках силовых органов, правоохранительных или карательных, кому как нравится, о тех, кому по долгу службы, или по злему умыслу, или по служебному рвению приходилось карать виновных или безвинных жертв коммунизма.

Всех, конечно, поимённо назвать невозможно, а вот руководящих кадров “кровавой гэбни”, НКВД вполне возможно. “Мемориал”, не замеченный в симпатиях к Советской власти и Сталину, издал “Справочник”. Кто руководил НКВД. 1934–1941. “Мемориал”, Москва, 1999. Издание осуществлено при поддержке Международного института социальной истории (Амстердам) и Ассоциации “Дороги свободы” (Швейцария). Авторы – Н. В. Петров, К. В. Скоркин.

И что же оказалось?

Народный комиссариат внутренних дел СССР (центральный аппарат) с 10 июля 1934 г. по 26 февраля 1941 года:

из 54 человек, занимавших руководящие должности в центральном аппарате, евреи занимали 23 должности, или 42%.

В Главном управлении государственной безопасности (ГУГБ) НКВД СССР в период с 10 июля 1934 года и по 28 марта 1938 года:

из 34 человек, занимавших руководящие должности за этот период, 24, или 70% — евреи.

Кто руководил НКВД в 1934–1941 гг?

Из 270 человек, занимавших руководящие должности в центральном аппарате и Главном управлении государственной безопасности (подразделениях государственной безопасности) НКВД СССР, — 109, или 40%, были евреи.

Спрашивается: кто кого расстреливал? Следуя принципу равной ответственности, общий грех придётся разделить на всех, а значит, из 100 миллионов якобы уничтоженных Сталиным (по словам Новодворской), 40 миллионов лежит на совести евреев. Вот бы они в рамках десталинизации и покаялись за своих соплеменников:

— выдающихся ученых, создавших ядерное оружие, ведь они безусловно преступники, они же тем самым укрепляли советский режим;

— выдающихся музыкантов, артистов, деятелей искусств, они тоже преступники, ведь они восславляли советский режим своим искусством;

— крупных хозяйственников, наркомов и министров, они несомненно преступники, ведь они создавали мощную экономическую основу страны, да ещё, страшно сказать, под руководством самого Сталина, тем самым укрепляя советский режим;

— известных военачальников и тысячи неизвестных солдат и офицеров, сражавшихся с фашизмом; они, конечно, коммунистические преступники, ведь они защитили советский режим, не дав его уничтожить своевременно германским нацистам — союзникам сионистов.

Деды и отцы общечеловеков творили беззаконие, за что сами и понесли заслуженное наказание, а теперь их потомки беснуются на ТВ, в СМИ, интернете, обвиняя Сталина в преступлениях и требуя десталинизации. Показали бы пример — отряхнули бы прах своих предков со своих ног.

Закончу свои размышления стихами Новеллы Матвеевой из Вашего журнала:

*Клеймя “тирана” с трубкой и усами, —
Вы первые тиранствуете сами;
На пробующих робко спорить с вами —
Бросаетесь клокочущими псами!
Но... топая ногой, но лбом тараня,
Ассаргадонствуя и тамерланя,
Желая подчинить себе Россию,
Не напроситесь на тиранию,
Вам встречную! Настроенную грозно!
Уймись же, эй, вы! — пока не поздно.*

Кто же уймет швондеровичей?

Сергей Ермолин, г. Шяуляй, Литва

ИДОЛ НОВОГО ВРЕМЕНИ

Новая книга Станислава Куняева отличается творческой страстностью, документальной убедительностью и ясностью мысли. Публицистическое исследование известного писателя направлено против сионизма — страшного явления в новейшей истории. Его жертвами стали миллионы людей: еврейский народ, втянутый в бесконечную войну на Ближнем Востоке, палестинцы, защищающие себя от истребления, и, наконец, “просвещённые” народы Европы, склонившие головы перед этим идиолом нового времени.

Сионисты цинично спекулируют на еврейских жертвах Второй мировой войны, навязывая всем мысль об “исключительности” этой трагедии, почему-то дающей право “избранному” народу на всеобъемлющее превосходство.

Кстати, сами “специалисты” по истории **Холокоста** до сих пор не пришли к согласию в вопросе, сколько же евреев погибло во время войны: шесть

миллионов, четыре или ещё меньше? Но цифры тут – не главное, главное в ином: какова же цель этой беззастенчивой политической спекуляции, какие трофеи хотят получить сионисты по результатам современной идеологической войны мирового значения?

Станислав Куняев стремится обнажить религиозные, политические, конспирологические и даже психологические корни этого явления, ставшего для западного мира чуть ли не новой религией, тщательно оберегаемой “священной коровой” демократии. Любое научное исследование этой проблемы, посягающее на созданный миф, объявляется уголовным преступлением. Ст. Куняев совершенно справедливо считает, что холокост – это фундамент новейшего европейского тоталитаризма.

Стремление ушлых политиков переписать историю Второй мировой войны объясняется их внутренней убеждёностью в расовом превосходстве над остальными народами. Заветная мечта не только чужих, но и наших “либералов” (А. Гербер, А. Асмолов, Б. Сарнов и др.) объявить русский народ поджигателем войны, а советский режим приравнять к фашистскому сбылась в 2009 году. Европа лягнула больного медведя. Но медведь болен не смертельно...

К сожалению, некоторые наши действующие политики, не зная сути происходящего, вольно или невольно поддерживают эту линию. Вот что пишет, например, Валентина Матвиенко: “Исторический смысл запоздалого признания Россией места Холокоста в истории цивилизации означает, что отныне Россия входит в общий ряд цивилизованных стран, для которых эта катастрофа воспринимается как общечеловеческая, а не только национальная трагедия”. К счастью, наш народ прекрасно осведомлен, в отличие от В. Матвиенко, о “прелестях” западной цивилизации, горой встающей на защиту геев, лесбиянок и фарисействующих сионистов. Отношение к палестинцам, православным сербам и русским как к недочеловекам (обстрел Белграда ракетами с надписями “С Пасхой!” мы не забудем вовек!) как раз и вытекает из того факта, что христианство в Европе практически погибло, а его место занял “новый мировой порядок”...

Станислав Куняев опирается на документальные источники, и неизбежным оппонентам спорить с ним будет весьма затруднительно...

“Из меморандума “Сионистской федерации Германии”, посланного 21 июля 1933 г. руководству нацистской партии:

“С основанием нового государства, которое провозгласило расовый принцип, мы хотим приспособить наше сообщество к этим новым структурам. <...> Мы не хотим недооценивать эти основные принципы, потому что мы тоже против смешанных браков и за сохранение чистоты еврейства” (Л. Давидович. “Читатель Холокоста”, с. 155)”.

“А вот ещё одно свидетельство из книги Л. Рабиновича “Евреи между Гитлером и Сталиным”, Алгоритм, Москва, 2009:

“По данным израильской прессы, в составе вермахта против СССР воевали 150 тыс. евреев, точнее, т. н. “мишлинге”, т. е. лиц, рождённых в смешанных германо-еврейских браках. И, надо признать, вояки они были отменные – среди них было 23 полковника, 5 генерал-майоров вермахта, 8 генерал-лейтенантов, 2 полных генерала, один генерал-фельдмаршал (Э. Мильх). Сотни солдат и офицеров из числа “мишлинге” были задействованы в полной мере – “образцом голубоглазого арийца” долгое время был Вернер Гольдберг, отец которого был еврей. Воевали против СССР не только “мишлинге”, но и даже чисто верующие иудеи, в частности, в составе осаждавшей Ленинград финской армии таких насчитывалось свыше 300 чел., у которых была даже походная синагога!”.

“В Вильнюсском гетто главой Юденрата был сионист Якоб Генс, который по требованию немцев регулярно формировал партии евреев в Понары, где их расстреливали. В 2005 или в 2006 году по Центральному ТВ об этом Юденрате шёл фильм. Телевизионный диктор зачитал кредо жреца Холокоста, отправившего на расстрел около 50 тысяч евреев: “Я взял на себя всю ответственность, и мне не страшно... Вы должны знать, что это был мой долг – обогреть руки в крови своего народа...”.

“Когда в Америке возник вопрос о том, что в связи с организацией музея Холокоста надо бы вспомнить о тотальном уничтожении гитлеровцами европейских цыган, то один из жрецов рабби Сеймур Зигель заявил: “Нужно, чтобы сначала был каким-то образом признан народ цыган, если такой вообще есть”.

“Очень боится профессор (А. Асмолов), что, не усвоив уроков Холокоста, российские граждане попадут в объятия “политического антисемитизма”... совсем плохо ему становится, когда он понимает, что эти национал-патриоты, идеологи, учителя “вслед за Сталиным “призывают спасти русско-православное сознание от троцкистской химеры, космополитизации, финансового порабощения антропологической российской православной цивилизации”...”

Наш народ терпим и доверчив. Мы искренне считаем, что все нации равноправны. Сионисты же думают иначе. Их цель – сломить наш дух, нашу традицию справедливости, лишить нас веры в Бога и в себя. Мы должны помнить об этом.

В. Барakov, г. Вологда

Дорогой Станислав Юрьевич!

Работа Ваша потрясающая! Надо обладать Вашей недюжинной отвагой, чтобы так полно раскрыть эту сложнейшую, бесконечно кровоточащую тему. Тем более что Вы, конечно же, знаете, что эти ребята никогда никому ничего не прощают, не прощают даже то, что Вы, в общем-то, защищаете евреев от их же сионистствующего еврейства.

Книга Ваша вечная, потому что вопросы, которые Вы подняли, – вечные. Какое уже тысячелетие человечество ищет ответы на эти вопросы и не находит. Мир кажется обречённым на разделение: еврейство и не еврейство, и невозможен без этого разделения. (“И нас без вас, и вас без нас не убудет”.) И Вам удалось, как Вы пишете, “пройти по лезвию ножа”. Огромное количество фактов, имён, свидетельств – всё это в Вашей книге доказывает, объясняет, вскрывает действительно “кровавые язвы мировой истории”.

Ясно из Вашей книги главное, что Холокост с его основной задачей контрибуции, паразитирования за счёт народов – это метод, инструмент, путь к мировому господству, которое суть еврейства. Думаю, что Вашу книгу постараются замолчать потому, что она слишком убедительно разоблачает то, что старается не замечать наше шибко демократическое государство, ведя Россию к её последнему окончательному краху.

А “Жрецы и жертвы Холокоста” требуют ещё осмысления. Так много содержания, так много ассоциаций, и главное, так много авторской любви к России, боли за Россию, что я, например (да и другие), ещё не раз буду возвращаться к Вашей книге и черпать из неё подтверждение своим мыслям и убеждениям. Спасибо Вам за неё!

Мой добрый привет и все хорошие пожелания редакции лучшего журнала России!

Б. Лапузин, г. Владивосток.

Здравствуйте, дорогой Станислав Юрьевич!

Я прочитал Вашу книгу “Жрецы и жертвы”. Прочитал всего один раз. Но одного раза – мало. Читать сложно, после каждой страницы приходится думать, взвешивать. Прочитав, я решил отложить для размышления над изложенным. По истечении некоторого времени придется повторить. Давно появлялись мысли: должен же быть человек, гражданин, именитый писатель, чтобы заявить – да, есть жертвы и есть жрецы. Вы подняли тяжёлый вопрос и смогли решить. И Слава Богу! У нас ещё есть кому думать. Те вопросы, которые затронуты в книге, хорошо освещены видными представителями-соплеменниками действующих лиц Вашей книги! Ниже я привожу их некоторые высказывания и признания, что подтверждает сказанное Вами.

Все действующие лица, обозначенные в книге, не могут не знать, кто такой Теодор Герцль (1860–1904) – один из основателей сионизма и организаторов первого конгресса сионистов в Базеле в 1897 году, – который утверждал: *“Если для достижения наших великих целей потребуется уничтожить миллион евреев, мы, не задумываясь, сделаем это”*. Как тут не вспомнить, или правильнее будет – упомянуть Михаила Садовского: *“Люди, люди, значит, не*

кончился Холокост...” (“Жрецы и жертвы холокоста”, стр. 71). М. Садовский знает, что говорит! А вот что говорит М. Э. Лайтман, считающий себя одним из 22 мудрецов: “Особенность евреев в том, что это не народ, а группа, вышедшая из Древнего Вавилона тем, что ощутила желание постичь Творца (Яхве-Иегову). В них проявилась точка в сердце – начало души. Группа существует до сих пор. Прошлый Вавилон, всё сегодняшнее человечество, созрел для реализации этой методики. Вавилон был разрушен...”

Делится, не стесняясь, Марк Эли Раваж: “Вы ещё не знаете глубины нашей вины. Мы врываемся везде, мы везде поднимаем драку, и мы везде убегаем с добычей. Мы всё извращаем. Мы взяли ваш естественный мир, ваши идеи, ваше предназначение и всё это перемешали и извратили. Мы были в начале не только Первой Мировой Войны, но и всех ваших войн; не только Русской, но и всех ваших революций в истории. Мы принесли несогласие, раздоры, смятение и депрессию во все ваши личные и общественные дела. И мы до сих пор только этим и занимаемся. И кто скажет, сколько ещё мы будем этим заниматься?” (<http://zambezhom.com/ravage.htm>).

А вот Морис Самуэль, известный американский писатель начала XX века, близкий сподвижник Хаима Вейцмана, писал в своей вышедшей в 1924 г. книге “Вы – гои”: “Мы, евреи, – разрушители, мы всегда будем ломать и уничтожать всё, что построили другие”.

Примерно то же самое говорил американский сионист Бен Фроммер: “Неоспорим тот факт, что евреи, если рассматривать их как коллектив, – больные люди и невротики. Евреи, которые чувствуют себя оскорблёнными такими высказываниями и яростно отрицают эту истину – злейшие враги своей собственной расы, так как в результате они ищут ложные решения еврейского вопроса” (“Значение еврейского государства”, журнал “Джуиш Колл”, Шанхай, май 1935 г.).

И теперь неважно, сколько было уничтожено – 2 или 6 миллионов, важен сам факт – это будет продолжаться “для достижения великих целей” змеи, кусающей себя за хвост!

Шерник А. О., Казахстан

Здравствуй, дорогой Станислав Юрьевич!

Большое тебе спасибо за книгу и дружескую надпись на ней.

Конечно, заманчиво бы мне перечитать книгу заново, уже не в журнальном варианте. Но, увы, больные мои глаза сделать этого не позволяют. Поэтому буду читать, как Библию – в нужное время и нужные места.

Общество (и русское, и лучшая часть еврейского) давно ожидало если не полного ответа на все сложности и хитросплетения Холокоста, то, по крайней мере, честной постановки этого вопроса. Я думаю, именно в этом и есть основное достоинство твоей книги. И что бы сейчас ни говорили о ней – но книга существует, обязательная, необходимая книга для любого всерьёз думающего о судьбах своего отечества русского человека.

О чисто художественных её достоинствах я распространяться не буду. Это лучше сделать профессиональным критикам. Скажу только, что, читая некоторые главы, я частенько восклицал: “Какой прозаик пропадает!”. И это истинно так, ведь ваш брат, критик, сплошь и рядом пишет коряво, гоняясь не за красотой стиля, а за красотой мысли. У тебя же удачно соединилось и то, и другое. За это тебе честь и слава.

Обнимаю,
твой **Иван Евсеенко**, Воронеж.

Дорогой Станислав Юрьевич!

Вот и перевёрнута последняя страница Вашей книги “Жрецы и жертвы Холокоста”. Заставили вы меня шевелить мозгами. Я был удивлён не только стержневому вопросу этой книги, но и тому, сколько пришлось Вам перелопатить литературы, чтобы осветить то, что так волнует многих в нашей России.

И вдруг мне в голову пришла такая мысль: а что, если черкнуть Станиславу Юрьевичу о том, как М. А. Шолохов относился к еврейскому вопросу хотя бы в одном эпизоде.

Помню, где-то в середине 70-х годов, работая в райкоме партии, Булавин Николай Александрович (первый секретарь) рассказывал на одной скромной пирушке вот о чём.

— Михаилу Александровичу сообщили из Москвы о том, что к нему вскорости должны приехать товарищи из КГБ. Цель поездки — проверить шолоховские рукописи и установить: как он относится к еврейскому вопросу, и где об этом были его высказывания.

Вскоре после этого звонка в Вешенскую приехали двое из Москвы. Они пришли в РК КПСС к Булавиному Н. А. и доложили, что им нужно встретиться с писателем М. А. Шолоховым.

Булавин позвонил Шолохову, а тот ему говорит:

— Хорошо, Коля. Веди их ко мне.

В доме писателя гостеприимно были встречены москвичи. Хозяин дома попросил Марию Петровну (жену) накрыть стол для гостей, а сам повёл москвичей в свой кабинет.

Товарищи из КГБ сообщили Шолохову о цели своего визита. На что Михаил Александрович, закуривая, сказал:

— Хорошо. Я и мои рукописи к вашим услугам. А сейчас я вас приглашаю к столу — вы мои гости. У нас на Дону такой порядок — на пустой желудок вести разговоры не по-христиански.

Конечно, первый тост Шолохов предложил за здоровье гостей. Потом были и вторые, и третьи. Одним словом, москвичи были хорошо подготовлены к беседе с Шолоховым по еврейскому вопросу.

И вдруг в беседе Михаил Александрович говорит:

— Ну, вот возьмите, к примеру: у Ворошилова жена кто? Еврейка... А у Леонида Ильича Брежнева жена тоже еврейка.

Гости не ожидали такого поворота. Они почувствовали, что Шолохов их заводит в беседе туда, куда им страшно заходить. Гости, улыбаясь, просят хозяина дома не говорить об Ильиче.

— Ну, что, слабó, ребятушки? А?

После застолья перешли в кабинет писателя для продолжения беседы. Шолохов просит своего секретаря, чтобы он подготовил всё, что попросят москвичи. На что работники КГБ сказали:

— Михаил Александрович, нам всё понятно. Вы простите нас — мы на службе. Мы не будем копаться в ваших рукописях. В Москве доложим, что у Шолохова мы не нашли никаких критических высказываний в адрес советских евреев.

— Вот и хорошо. Передавайте наш с Дона низкий поклон тем, кто вас посылал к нам в Вешенскую. Всего вам доброго!

... А теперь о сегодняшних временах. В столице народ в открытую высказывает недовольство кремлёвской верхушкой. Все с большой надеждой ждут каких-то новых существенных перемен. Так мы и живём.

Вот как будто и всё. Желаю вам всего хорошего. С искренним уважением

В. Муховиков, ст. Вёшенская, 18 июля 2011 года

Здравствуйтесь, дорогой Станислав Юрьевич!

Вчера я получила Вашу книгу и шестой номер журнала “Наш современник”. Написать такую книгу — это всё равно что сдвинуть с места Монблан. Трудно представить даже, чего она Вам стоила! Таким мужеством, пожалуй, в России не обладает больше никто. **Книга Ваша — явление для России (да и не только)** совершенно уникальное и грандиозное. **Она меняет взгляд на историю и открывает такие тайны, о которых никто и не подозревал. К примеру, о верхушке фашистского рейха и их деяниях.** Да и многое-многое другое. Думаю, что книга произведёт огромное впечатление на читателей как с той, так и с этой стороны и, возможно, повлияет на данную мировую проблему в целом. Хотя бы частично. Ибо человечество заехало в полный ту-

пик, и в этом смысле значение книги неопределимо. Я от души поздравляю Вас с этой огромной творческой удачей. Думаю, что она принесёт Вам славу, и не только в России. Разумеется, её будут панически бояться, прятать, замалчивать, нападать на неё и т. д. Однако шила в мешке не утаишь! И, как сказано в Священном писании: “Зажжённую свечу не ставят под кровать, а ставят на видное место”. То есть открытое. Ещё раз спасибо Вам!

С величайшим уважением и благодарностью

Ваша **Ирина Семёнова**, г. Орёл

Глубокоуважаемый человек и дорогой мне писатель-боец,
Станислав Юрьевич!

Жду с нетерпением окончания Вашей работы о холокосте. Вы, как всегда, пишете правду. В связи с этим “вопросом” скажу, что мной публиковалась ещё в 2000-м статья о первом переводе Ветхого завета. Суть в том, что абсолютное большинство русского общества, “Библейское общество”, такие люди, как Пушкин, Карамзин и др., резко выступали против. В конце концов через Жуковского добились того, что император Александр I повелел сжечь весь тираж на кирпичной фабрике. И ровно через неделю он таинственно умер в Таганроге. Я призывал вдуматься в эту связь. Она есть и тянется по сей день. Тогда меня обвинили в антисемитизме и карают замалчиванием по сей день.

Остаюсь всегда верным родному Русскому Слову.

А. Хачатрян, г. Череповец

* * *

Станислав Юрьевич, дорогой!

Вы так обрадовали меня своей книгой “Жрецы и жертвы Холокоста”! Наконец-то... Честно говорю. Поздравляю. От чистого сердца.

Вы показали себя, быть может, как никогда, истинным и несравненным поборником правды, добыли эту правду из-под различных специально устроенных и лицемерно маскируемых завалов, выполнили невообразимо тяжёлый и кропотливый исследовательский труд, переварили, переплавили всё это в хорошую публицистическую форму, в книгу, отвечающую чаяниям и интересам тысячи тысяч, миллионов людей.

Если говорить о “заказе”, то вы выполнили истинно гражданский, праведный, морально-нравственный заказ во имя просвещения и защиты своих соотечественников от “избранных” и вездесущих на планете узурпаторов. Славно! Мало того, что труд и писательское мастерство приложили. Так ведь упорства и мужества сколько потребовалось! Я по-хорошему позавидовал Вам. А ведь эта тема одна из стержневых и в моей трилогии “Пакутны век”, и я Вас хорошо понимаю. Пять лет уповаю на её перевод с белорусского на русский. Всуе. Оттого и “пакутую”.

Словом, я рад за Вас и как за собрата по перу, борца и кавалера госпожи Удачи.

Доброго Вам здоровья! И берегите себя.

Искренне Ваш **Василь Яковенко**, г. Минск

Дорогой Станислав Юрьевич!

Большое спасибо за Ваш подарок – книгу “Жрецы и жертвы холокоста. Кровавые язвы мировой истории”.

Книга мудрая, проблема, от которой пытаются спрятаться, чтобы не замечать её, даже и совестливые, но недостаточно твёрдые духом люди, раскрыта Вами бесстрашно и глубоко.

При этом, в отличие от многих подобных сочинений на эту тему, в Вашей книге нет озлобления, нет черноты, которая лишает читателя воли к сопротивлению, опрокидывает его в безумие ненависти.

Язвы мировой истории, омытые течением личной авторской биографии, уже не так саднят душу читателя, возбуждают в нём надежду, что когда-нибудь они будут излечены...

С уважением
Николай Коняев, Санкт-Петербург

Дорогой Станислав!

Спасибо огромное за присланную книгу “Жрецы и жертвы Холокоста”. Я очень ждал её выхода, поскольку многие номера “Нашего современника” с публикацией “Холокоста” на руках у моих знакомых, они, конечно же, прочитываются, и “зачитываются”, то есть теряются. Кое-что охота перечитать и мне. Слава Богу! Наконец-то я получил такой неожиданный подарок. Сразу впился в книгу и целый день не отрывался. Снова перечитал с радостью и печалью главу о Борисе Бернштейне – православном еврее-бессребренике, видимо, действительно ныне загинувшем на “исторической родине”, благодаря Шабалу или даже Моссаду. И ностальгическую главу о твоём тбилисском периоде жизни. Да, многое доброе и явно человеческое в Грузии никогда уже не вернуть. Мы как-то говорили о твоей этой великой работе с В. Г. Распутиным и удивлялись широчайшему охвату материалов да и твоих личных знаний по русско-еврейскому вопросу. И соглашались в едином мнении, что ты справедлив во многом, что касается истинного лица так называемого “избранного народа”. Твои смелые, точные, выверенные, подтверждённые временем и документами, – характеристики многих известных полуевреев и евреев от Евтушенко до Дезика, от Аллы Гербер до Багрицкого, Джека Алтаузена и других – поразительны! Жаль только, что так мал тираж книги. Всего лишь две тысячи экземпляров, а надо бы – двести тысяч. Такие книги не лежат на прилавках. Их, конечно же, раскупают и те, кто ходит в твоих врагах и оппонентах, но покупают и просыпающиеся наши русские читатели. Их уже достаточно много в русских пределах. И это радостно.

Дай Бог тебе здоровья и долголетия, мужества и крепости духа!

Обнимаю.
Твой **Владимир СКИФ**

* * *

“Несмотря на огромное количество книг и статей на тему Холокоста, твоей, как Ваша – объективной, практически нет. Убеждён, что её надо изучать в школах не только на постсоветском пространстве, но и в Израиле. Во всех этих вопросах очень много искусственно наполняемой тьмы, а Вы пытаетесь пролить свет. Вот за эту светоносность Вам искреннее спасибо”.

Из письма **А. Аврутина**, г. Минск

Добрый день, Станислав Юрьевич!

Книгу получил. Спасибо! Тотчас стал перечитывать. В книжном варианте труд воспринимается иначе – объёмней, наверное, полифоничней, иной уровень целостности открывается. Поздравляю! Для нынешней России – это явление. Жаль, мал тираж. Ну да русское эхо разнесёт!

Здоровья и несокрушимости!

Мих. Попов, г. Архангельск

Книга Ст. Коняева “Жрецы и жертвы Холокоста” (второе издание) продаётся в редакции журнала “Наш современник” тел. 8(495)621-48-71, в книжном магазине Союза писателей России (Комсомольский проспект, 13) и в книжном магазине Литературного института им. А. М. Горького тел. 8(495)694-01-98.

ОБЪЯВЛЕНИЕ

о Всероссийском литературном конкурсе короткого рассказа имени В.М. Шукшина “Светлые души”

Прошло уже более трех десятилетий после трагического ухода из жизни выдающегося русского писателя, режиссера и киноактера Василия Макаровича Шукшина. Его повести, рассказы и кинофильмы оказались настоящей духовной поддержкой для всей многонациональной России, живительным источником добра и света, мерилом нравственного существования. Жизнь и творчество писателя были тесно связаны с Вологодской землей. Здесь до сих пор живут его друзья. На Вологодчине вспыхнула всемирно известная “Калина красная”. В память о выдающемся писателе и человеке по инициативе вологодских писателей проводится ежегодный литературный конкурс короткого рассказа имени В.М. Шукшина “Светлые души”.

Организаторы конкурса Коммунистическая партия Российской Федерации, Союз писателей России, Вологодская писательская организация объявляют о продолжении Всероссийского литературного конкурса короткого рассказа имени В.М. Шукшина «Светлые души».

Само название конкурса определяет тему. Приветствуются рассказы, которые смогут увлекать и радовать читателя живой образностью и хорошим языком, сердечной теплотой и правдивостью мысли и чувства. Именно этими достоинствами всегда отличалась шукшинская проза.

УСЛОВИЯ КОНКУРСА

На конкурс принимаются рассказы, написанные как профессиональными, так и начинающими писателями. Рассматриваются только ранее не опубликованные материалы. Рукописи не должны превышать пятнадцати тысяч знаков, включая пробелы и знаки пунктуации (до восьми машинописных страниц, 28–30 строк на странице, 58–60 знаков в строке). Конкурсная комиссия рассказы не рецензирует, в переписку с авторами не вступает и рукописи не возвращает. Рукописи принимаются в распечатанном виде и на компакт-дисках до 01 июля 2012 года. Итоги конкурса подводятся ко дню рождения В.М. Шукшина – 25 июля 2012 года.

Рукописи присылаются по адресу: 160000, Вологодская область, г. Вологда, ул. Герцена, 36, с пометкой “На конкурс “Светлые души””.

Победителям конкурса определены пять премий по 20 тыс. руб. каждая.

По итогам конкурса из лучших рассказов участников Всероссийского конкурса “Светлые души” будет подготовлен к печати сборник прозы. Победители конкурса награждаются специальными дипломами.

Конкурсную комиссию возглавляет лауреат Государственных премий СССР и России писатель В.И.Белов.